

ЛЕКСИЧЕСКИЙ
АТЛАС

РУССКИХ
НАРОДНЫХ
ГОВОРОВ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

2017

Российская академия наук

Институт лингвистических исследований

Лексический атлас русских народных говоров

Материалы и исследования 2017

Издательство

С-Петербург

Нестор-История

MMXVII

УДК 81.28
ББК 81.2Рус67

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Редколлегия: *Р. В. Гайдамашко, О. В. Глебова,*
Л. Н. Домина, О. Н. Крылова, С. А. Мызников

Рецензенты: доктор филологических наук *О. Д. Кузнецова*
кандидат филологических наук *Е. И. Сьянова*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 16-04-00065а

Работа выполнена в рамках государственного задания ИЛИ РАН
(тема № 0187-2014-0007 «Русская диалектная
лексикография и лингвогеография»)

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН.
СПб.: Нестор-История, 2017. — 686 с.

ISBN 978-5-4469-1340-4

В сборнике опубликованы статьи и материалы участников проекта «Лексический атлас русских народных говоров». В работах освещен широкий круг вопросов исследования диалектной лексики, семантики, структуры отдельных тематических групп и словообразования. Значительную часть книги составляют статьи по диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике. Освещаются также практические вопросы картографирования и некоторые теоретические проблемы лингвогеографии.

Сборник вносит вклад в теорию и практику лингвогеографических исследований и представляет интерес для широкого круга исследователей русского языка.

ISBN 978-5-4469-1340-4

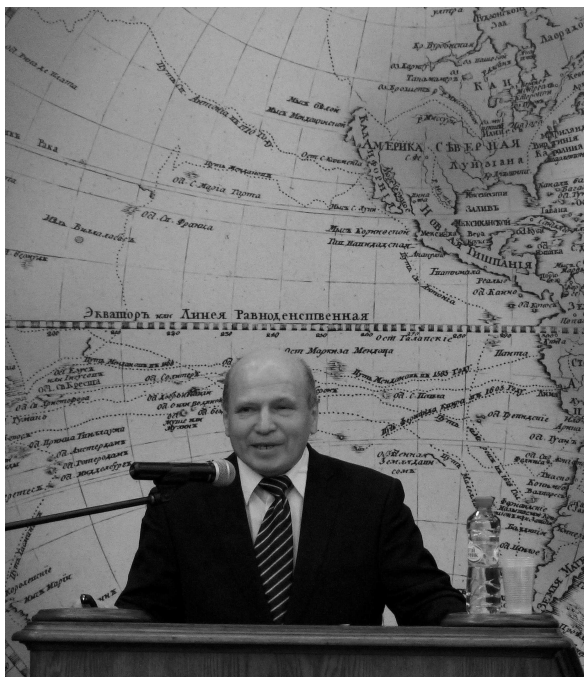
9 785446 913404

УДК 81.28

ББК 81.2

© ИЛИ РАН, 2017

© Авторы статей, 2017

К 60-летию
Сергея Алексеевича Мызникова

Дорогой Сергей Алексеевич!

Сотрудники «Словаря русских народных говоров», «Лексического атласа русских народных говоров» и «Большого академического словаря русского языка» сердечно поздравляют Вас с замечательным юбилеем! От всей души желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, новых творческих свершений, душевных сил и дальнейших успехов в Вашей многогранной деятельности.

К поздравлениям присоединяются Ваши коллеги, ученики и друзья:

Э. Н. Акимова (Республика Мордовия, г. Саранск)

Н. А. Артамонова (г. Москва)

Н. А. Архипенко (г. Ростов-на-Дону)

Т. Е. Баженова (г. Самара)

В. А. Баранов и коллектив кафедры «Лингвистика» ИЖГТУ
имени М. Т. Калашникова (г. Ижевск)

Л. П. Батырева (г. Шуя)

Е. Н. Бекасова (г. Оренбург)

Е. Л. Березович и коллектив кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального
университета (г. Екатеринбург)

Л. А. Берсенева и коллектив кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации Вологодского
государственного университета (г. Вологда)

О. Г. Борисова (г. Краснодар)

Л. З. Бояринова и коллектив НИЦ «Смоленские говоры»
(г. Смоленск)

Е. В. Брысина (г. Волгоград)

И. А. Букринская (г. Москва)

Ж. Ж. Варбот (г. Москва)

Т. И. Вендина (г. Москва)

Р. А. Верняева (г. Ижевск)

Н. А. Власкина (г. Ростов-на-Дону)

Т. Ю. Власкина (г. Ростов-на-Дону)

Katarzyna Wojał (Польша, г. Гданьск)

Н. С. Ганцовская и костромские диалектологи (г. Кострома)

О. Г. Гецова (г. Москва)

- Т. Е. Гревцова (г. Ростов-на-Дону)
В. Н. Гришанова и коллеги из Орла (г. Орел)
В. М. Грязнова (г. Ставрополь)
В. Дубичинский (Польша, г. Варшава)
С. В. Дьяченко (г. Москва)
Е. А. Жданова (г. Ижевск)
Т. В. Жеребило (Чеченская Республика, г. Грозный)
О. И. Жмурко (г. Шуя)
В. А. Закревская (г. Тюмень)
С. Д. Зливко (г. Ижевск)
И. И. Исаев (г. Москва)
И. Н. Кайгородова (г. Астрахань)
Т. В. Карасёва (г. Воронеж)
О. Е. Кармакова (г. Москва)
В. С. Картавенко и коллектив кафедры русского языка
Смоленского государственного университета (г. Смоленск)
И. Б. Качинская (г. Москва)
Л. А. Климова (г. Арзамас)
А. Б. Коконова (г. Москва)
Е. В. Колесникова (г. Москва)
И. В. Колесова (г. Астрахань)
Коллектив кафедры русского языка и прикладной лингвистики
Казанского федерального университета (Республика Татарстан,
г. Казань)
Т. Н. Колокольцева (г. Волгоград)
М. М. Кондратенко (г. Ярославль)
И. Л. Копылов (Республика Беларусь, г. Минск)
Э. В. Копылова (г. Астрахань)
Л. Ю. Костина (г. Краснодар)
Л. Я. Костючук (г. Псков)
С. А. Кошарная (г. Белгород)
Н. А. Красовская (г. Тула)
Г. М. Курбангалеева (Республика Башкортостан, г. Уфа)
Л. В. Куркина (г. Москва)
В. Н. Курцова (Республика Беларусь, г. Минск)
С. В. Лесников (г. Санкт-Петербург)
С. Липницкая (Республика Беларусь, г. Минск)
А. А. Лукашанец (Республика Беларусь, г. Минск)
Е. С. Малеева (Австрия, г. Вена)
Т. М. Малыгина и куряне (г. Курск)

- А. В. Малышева (г. Москва)
О. А. Маховая (г. Москва)
Т. В. Махрачева (г. Тамбов)
Е. Б. Миронова (г. Астрахань)
М. С. Миронович (г. Калуга)
Л. П. Михайлова (г. Петрозаводск)
- В. М. Мокиенко и коллектив Межкафедрального словарного кабинета имени проф. Б. А. Ларина (г. Санкт-Петербург)
Г. Д. Неганова (г. Кострома)
Е. А. Нефедова (г. Москва)
И. В. Нечаева (г. Москва)
К. В. Никифоров (г. Москва)
О. Н. Николаева (г. Москва)
Л. Н. Новикова (г. Тверь)
Е. П. Осипова (г. Рязань)
- О. Н. Паликова и кафедра русского языка Тартуского университета (Эстония, г. Тарту)
Е. В. Проколова (г. Москва)
- Н. В. Пятаева (Республика Башкортостан, г. Стерлитамак)
О. Г. Ровнова (г. Москва)
Д. А. Романов (г. Тула)
- Л. В. Рычкова (Республика Беларусь, г. Гродно)
Jerzy Sierosiuk (Польша, г. Познань)
А. И. Соболев (г. Архангельск)
А. А. Соколова (г. Санкт-Петербург)
Н. А. Стародубцева (г. Волгоград)
Velislava Stoykova (Болгария, г. София)
В. И. Супрун (г. Волгоград)
А. В. Тер-Аванесова (г. Москва)
О. А. Теуш (г. Екатеринбург)
Н. А. Тупикова (г. Волгоград)
В. Ф. Филатова (г. Воронеж)
- М. В. Флягина и саратовские диалектологи (г. Саратов)
Е. В. Цветкова (г. Кострома)
А. Д. Черенкова (г. Воронеж)
М. И. Чернышева (г. Москва)
Т. В. Шалаева (г. Москва)
В. В. Шаповал (г. Москва)
Н. В. Шевченко (г. Санкт-Петербург)
Р. В. Ширшаков (г. Пенза)

Содержание

- К проблеме изучения онимов полиэтнического региона
(на примере Дагестана) 13
М. Р. Багомедов
- Лексикографическая репрезентация названий женских
головных уборов и украшений в самарских говорах 25
Т. Е. Баженова
- Частная переписка как лингвистический источник
(письмо из д. Павлово Палехского района Ивановской
области) 38
Л. П. Батырева
- О дополнениях к «Оренбургскому областному слова-
рю» Б. А. Моисеева 47
Е. Н. Бекасова
- Названия ягод и ягодных растений в русских говорах
Пермского края и иных территорий 59
М. В. Боброва
- Лексико-семантическое поле «Ягоды»: опыт классифи-
кации (по данным СРНГ) 78
М. В. Боброва, И. И. Русинова
- Диалектный ландшафт Апшеронского района Красно-
дарского края (по материалам полевой экспедиции) 102
О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина
- Финно-угорские названия растений, содержащие зоосе-
мизмы со значением 'коза' (на материале финно-
пермских языков) 142
И. В. Бродский

О семантике географических наименований <i>ендова, ендовище</i> в орловских говорах <i>Н. В. Буржо</i>	152
Заметки к «Словарю региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г. В. Зотова (2010) <i>А. А. Бурькин</i>	158
Топонимия и диалектная лексика с меной начальных губных согласных <i>В. Л. Васильев</i>	166
Ареальный аспект изучения лексики русских народных говоров (традиции и новации) <i>Т. И. Вендина</i>	178
Глаголы, обозначающие звуки, издаваемые сверчком, в русских говорах <i>С. А. Ганичева</i>	206
О проблемах картографирования свадебной лексики в русских народных говорах (материалы к карте Л 5 292 «Свадебный хлеб») <i>Т. Е. Гревцова</i>	213
Лексика, связанная с гигиеной, в одном орловском говоре <i>В. Н. Гришанова</i>	224
Семантические особенности диалектных единиц, связанных с обозначением окон, дверей и их деталей, в русских говорах на территории Республики Мордовия <i>Л. Н. Денисова</i>	231
Производность и типы номинаций в русской диалектной лексике, отражающей идеи христианства <i>С. Ю. Дубровина</i>	239

Эмотивные наименования лиц мужского пола по отношению к труду: явление синонимии в русских говорах Республики Мордовия	255
<i>Н. И. Ершова</i>	
Общие названия одежды в пермских говорах: мотивационный аспект	267
<i>Ю. В. Зверева</i>	
Морфологическая парадигма слова <i>путь</i> в говорах позднего заселения (лингвогеографический аспект)	283
<i>Т. Ф. Зиброва, О. А. Чеченева</i>	
Названия непечённого хлеба в воронежских говорах	293
<i>Т. В. Карасёва</i>	
Семантические и мотивационные особенности наименований свиньи в орловских говорах	303
<i>Е. В. Королева</i>	
Проблема вариантности или отдельности слова (при сборе и картографировании материала)	314
<i>Л. Я. Костючук</i>	
Названия сверчка в русских говорах	326
<i>Н. А. Красовская</i>	
Фрагмент словаря базовых терминов метаязыка лингвистики	335
<i>С. В. Лесников</i>	
Наименования оленя в уральских языках и севернорусских говорах	361
<i>М. Д. Люблинская, С. А. Мызников, А. М. Эрштадт</i>	

- Названия самки соловья в русских народных говорах
(по данным картотеки ЛАРНГ) 380
Т. М. Малыгина, Л. Е. Писарева, Л. И. Ларина
- Ойконимическое пространство Астраханского региона 385
Е. Б. Миронова, И. Н. Кайгородова
- Названия пескаря в русских говорах (сведения по вопросу Л383 Программы «Лексического атласа русских народных говоров») 397
Л. П. Михайлова
- О некоторых наименованиях петуха в русских диалектах 413
С. А. Мызников
- Лексика свадебного обряда в говорах Симбирского Заволжья 423
Я. В. Мызникова
- Особенности речи жителей хутора Синие Липяги Воронежской области 436
Л. В. Недоступова
- Названия крестьянских построек в говорах междуречья Унжи и Ветлуги в аспекте тематики ЛАРНГ (на материале произведений И. М. Касаткина) 444
С. В. Окуловская
- Пограничные говоры Невельского района Псковской области: разнообразие и степень сохранности 453
А. И. Рыко
- Лексика с семантикой 'покинутое жилище' в севернорусских говорах 498
О. А. Теуш

Обозначение процессов, направленных на деструктивное изменение объектов материального мира, в речи носителей донских говоров <i>Н. А. Тушикова, Н. А. Стародубцева</i>	504
Названия белки и её детёныша в русских народных говорах: лексико-словообразовательный аспект (по данным «Лексического атласа русских народных говоров») <i>М. В. Флягина</i>	516
Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ (названия оврагов) <i>Е. В. Цветкова</i>	523
Историческая топонимия и народные географические термины Новосербии XVIII–XX вв. <i>А. К. Шапошников</i>	539
Названия дождевого червя в русских народных говорах (номинативный и лингвогеографический аспекты) <i>Р. В. Ширшаков</i>	633
Список сокращений	641
Указатель диалектной лексики	651

К проблеме изучения онимов полиэтнического региона (на примере Дагестана)

М. Р. Багомедов

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного языкознания — проблеме изучения собственных имён. Данный вопрос рассматривается на материале ономастикона уникального региона мира — полиэтнического Дагестана. Анализируются факторы, которые приводят к исчезновению ономастических единиц дагестанских языков. Особую тревогу вызывает состояние незафиксированного материала. Вероятность безвозвратной потери ценнейших материалов с каждым днем растет. Автор подводит к мысли, что изучение онимов имеет огромное значение для языкознания, так как в них сохранились древние формы языка, которые могут способствовать прояснению ряда вопросов языков народов Дагестана.

Ключевые слова: оним, ономастикон, полиэтнический регион, языки народов Дагестана, проблемы изучения онимов.

Кавказ и Северный Кавказ в частности — при всем том, что, по всеобщему признанию, являет собой уникальный регион по количеству и по качеству представленных в нем разновременных культур, — продолжает оставаться одним из наименее изученных этнокультурных пространств в России. Между тем в кавказском ономастиконе отчетливо прослеживается несколько достаточно очевидных историко-культурных пластов, соотнесенных с последовательно сменявшимися историческими периодами. В этом плане национальные ономастиконы — важный этноязыковой источник, который может оказаться полезным для кавказоведения как сообще-

ства наук, для политиков и государственных деятелей, так или иначе связанных с Кавказом [Намиитокова 2008: 4–5].

Оценивая состояние кавказской ономастики, известный ономатолог В. А. Никонов отмечал, что «плюсов в ономастических исследованиях Кавказа теперь куда больше, чем минусов. Но вовсе не парадоксально, что именно поэтому больше видны и недостатки: они заметнее именно в свете достижений. И сам рост науки поднимает “контрольную планку”: в чем мы еще не разбирались вчера, сегодня видим ошибку; слабости, с которыми еще вчера мирились, сегодня нетерпимы» [Никонов 1980: 189]. Основными недостатками ученый считает то, что качественный рост не всегда успевает за количественным, теоретическая база ономастики слабо разработана, ономастику захлестывает поток регистраторских описаний, не поднимающихся до обобщений, сбор первичного материала не налажен на должном уровне, историческое изучение ономастических пластов Кавказа почти не начато, изобилует любительское «корнеискательство», совсем плохи многочисленные попытки классификации, не все отрасли ономастики одинаково разрабатываются, в научном аппарате ономастических исследований Кавказа полностью отсутствуют картографические и статистические методы [Никонов 1980: 183–188].

Проблема исследования ономастикона полиэтнического Дагестана стоит особо остро. Это связано с географическим положением региона, историко-культурными связями и уникальными ценностями духовного наследия проживающих здесь народов. В ономастической лексике сохранились реликтовые формы языка, способные прояснить многие вопросы не только конкретного языка, но и других родственных языков.

В последнее время наблюдается интенсивный процесс исчезновения ономастических единиц в языках народов Дагестана. Это происходит в связи с тем, что в силу определенных обстоятельств население региона, в особенности горной ча-

сти, покидает обжитые места. Число сельских поселений заметно изменилось в течение XX столетия. В 1926 г. было 2337 поселений, к 1959 г. их стало 3228, т. е. количество выросло на 901 поселение, в последующий же период 1959–2002 гг., наоборот, общее число сократилось почти вдвое, а малых — более чем в пять раз [Алиев, Эльдаров 2005: 33].

Земледелие и животноводство — главные традиционные занятия дагестанцев. Дагестан является одним из древнейших очагов земледельческой культуры. Это — один из мировых очагов террасного земледелия. Если для равнинного земледелия характерны большие поля, то для гор — небольшие участки террас и склонов. Дошедшие до нас устные и письменные источники свидетельствуют о том, что огромный пласт духовной культуры народа связан именно с земледелием.

Регион уникален: сильная расчлененность рельефа; территория республики делится на равнинную, предгорную, горную и высокогорную географические зоны; 48% территории занимают горы; республика граничит по суше и морю с пятью государствами; в республике насчитывается более 1600 населенных пунктов, из которых 1567 сельских населённых пунктов, 19 поселков городского типа и 10 городов [Дагестанская АССР 1980]; проживают представители более ста национальностей; представлены 28 языков компактно проживающих народов, 14 из которых являются бесписьменными.

Регион располагает и рядом природных достопримечательностей. Высшая точка Дагестана гора **Базар-дюзи** достигает 4466 м над уровнем моря. Селение **Куруш** является самым высокогорным поселением в Европе (2500 м). Севернее Махачкалы находится крупнейший в Европе песчаный бархан **Сары-Кум** (высота 252 м). Недалеко от г. **Избербаш** находится гора **Пушкин-тау**, в очертаниях которой просматривается профиль великого русского поэта А. С. Пушкина.

Что же сделано в изучении ономастикона народов Дагестана? По глубине анализа, широте охвата исследуемого материала и разнообразию рассматриваемых языковых явлений дагестанское языкознание пошло далеко вперед в сравнении с предыдущими годами. В республике проведена огромная работа по изучению грамматического строя дагестанских языков и составлению их научных грамматик. Сделано немало как в освещении специфических особенностей этих языков, так и в накоплении фактического материала для дальнейших исследований. Вместе с тем следует, однако, отметить неразработанность ономастики, в частности топонимики, подавляющего большинства дагестанских языков на достаточно хорошем уровне.

Топонимия в Дагестане, как и в отечественном языкознании в целом, вплоть до второй половины XX столетия оставалась вне должного внимания лингвистов. Однако считаем необходимым отметить статью К. Ф. Гана «Опыт объяснения кавказских географических названий» [Ган 1909], в которой содержатся названия географических объектов Дагестана.

Первым комплексным изданием исследований по антропонимике и топонимике Дагестана явился сборник материалов и исследований «Дагестанская ономастика» [1991], где опубликована двадцать одна статья дагестанских ономастологов (пятнадцать — по топонимике, шесть — по антропонимике). В них анализируются семантические, структурные, фонетические, морфологические и типологические особенности дагестанской ономастической лексики. Статьи сборника условно можно подразделить «на две группы: 1) работы, где выявляется и систематизируется ономастический инвентарь; 2) исследования, где дается классификация, общий синхронный анализ, семантическая разработка онимов, выявляется исконное и заимствованное в ономастике. Особое место здесь занимают статьи, содержащие сравнительно-этимологический подход к дагестанскому ономастическому материалу» [Дагестанская ономастика 1991: 3]. Достоинство сборни-

ка заключается еще и в том, что он снабжен богатым фактическим материалом, а выводы исследователей основываются на прочном фундаменте лингвистического анализа. Этот сборник явился первым опытом анализа и классификации ономов дагестанских языков. Вслед за составителем данного сборника К. С. Кадыраджиевым мы отмечаем, что дальнейшее изучение ономастики «может дать новые плодотворные результаты для выяснения исторических путей развития наших народов, а также послужит источником для исторической характеристики лексических особенностей языков Дагестана» [Дагестанская ономастика 1991: 4].

Спустя пять лет выходит второй выпуск «Дагестанской ономастики» [Дагестанская ономастика 1996], куда вошли двадцать статей, в которых рассматриваются семантические и словообразовательно-морфологические особенности различных видов собственных имен в дагестанских языках.

Проблемами дагестанской ономастики занимаются ученые не только Республики Дагестан. Так, например, Т. Е. Гудава, Д. С. Имнайшвили, З. М. Магомедбекова, А. О. Магомедов, И. Мегрелидзе, И. И. Церцвадзе и др. в своих трудах приводят ойконимы. Эти материалы ценны тем, что «в них в точной фонетической записи приводятся названия населенных пунктов, формы этих названий даются на русском и других языках» [Абдуллаев 1976: 10]. Подобного характера топонимический материал содержится и в работе А. А. Бокарева «Очерки грамматики чамалинского языка» [Бокарев 1949].

Интересный и богатый материал по топонимии Дагестана представлен и в различных исследованиях исторического и географического характера. Хотя в них отсутствует сугубо лингвистический анализ географических названий, они интересны и ценны для лингвистики тем, что приводят различного рода историко-географические справки, а в отдельных случаях и этимологии.

Богатым источником для исследований лингвистов может послужить материал по ономастике, имеющийся в кни-

гах по истории народов Дагестана, по истории отдельных селений, городов. В силу своего характера подобные исследования содержат факты историко-этнографического, географического порядка.

Несмотря на проведенную огромную работу по изучению грамматического строя дагестанских языков и составлению научных грамматик, неразработанность ономастики, в частности топонимии, этого уникального региона мира является очевидным фактом. В исследованиях по топонимии Дагестана отдельные топонимические факты нередко интерпретируются вне связей и закономерностей. В работах ряда авторов, в той или иной мере обращавшихся к топонимике, наблюдается изолированный анализ микротопонимов отдельных селений. Наиболее часто преследуются цели узкорегионального исследования, а это значит, что топонимическая система данной ограниченной территории не рассматривается как элемент, входящий в более крупную систему и имеющий ее характеристики.

Вероятность безвозвратной потери ценнейшего ономастического материала (микротопонимов, антропонимов и других единиц) с каждым днем растет. Этому способствовал ряд факторов: а) вынужденное переселение жителей десятков дагестанских сел в Чечено-Ингушскую АССР в 1944 г.; б) миграция населения с гор на равнину; в) слабая занятость населения сельским хозяйством и др.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 9 марта 1944 г. «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР» и распоряжением СНК СССР от 11 марта 1944 г. территории четырёх районов были заселены насильственно изгнанными из сотен аулов двадцати горных и предгорных районов жителями Дагестана: аварцами, лакцами, даргинцами, кумыками. Таким образом, с карты Дагестана исчезло много селений и один (Цунтинский) район. (Переселение из этого района сопровождалось сожжением всех 46

сел, чтобы навсегда лишить горцев возможности вернуться на родную землю.) [Гамзатов 2008: 3].

После возвращения в Чечню коренных жителей в 1957 г. дагестанцы были вынуждены покинуть обжитые места и вернуться на свою родину. Так как их дома в горах в течение 13 лет их отсутствия пришли в негодность, многим пришлось селиться на равнинной части Дагестана.

Кроме того, процесс переселения горцев на равнинную часть республики наблюдался во второй половине XX в. в результате различных обстоятельств: 1. По директивному указанию Кремля в 1951 г. Обком партии и Совет Министров ДАССР принимают постановление о переселении на равнину 10 тысяч хозяйств якобы из малоземельных горных районов; 2. В конце 50-х – начале 60-х гг. большую часть населения ряда лакских, аварских, даргинских сел, хуторов переселили на колхозные, совхозные, прикутанные земли равнинных районов; 3. Новый этап переселения происходит в 1966 г., когда землетрясение разрушило значительную часть жилых построек в районах Южного Дагестана; 4. После катастрофического землетрясения 1970 г. жителей ряда разрушенных населенных пунктов также переселили. В 80-х гг. XX в. политика массового переселения части горцев на равнину была признана ошибочной, но переселенческое движение в отдельных местах продолжалось [Курбанов, Курбанов 2001: 100–101].

В связи со строительством гидроэлектростанций территории ряда сел оказались затопленными.

Исчезновению топонимических единиц способствует также слабое развитие земледелия, особенно в горной части Дагестана.

Известны случаи, когда переселение отдельных селений происходило в результате и других обстоятельств. Например: в 1968 г. пожаром было уничтожено селение Дарша Кайтагского района. Тогда говорили: **Лидил цАли диккуб, хА-**

диккубти даГли ардукъиб ‘Все сжег огонь, оставшееся унес ветер’. Жители переселились в с. **Маджалис**.

Таким образом, в результате организованного, а также самостоятельного, стихийного переселения жителей аулов, хуторов из различных районов Дагестана более 230 населенных пунктов, представляющих собой неповторимые, уникальные миры, перестали существовать [Курбанов, Курбанов 2001: 102].

Каждое село — это целый мир, микроцивилизация. Приведем несколько примеров. **Кала-Корейш** — памятник международного значения под открытым небом. В переводе означает ‘Крепость курейшитов’. Курейшиты — мекканское племя, родом из которого был пророк Мухаммад. Они обосновали на этом месте свою резиденцию и распространяли ислам в Дагестане. Здесь сохранилась мечеть XI–XIII вв. **Амузги** — клинки амузгинских мастеров — славились на весь мир, отдельные экспонаты хранятся в лучших музеях мира. **Сулерка** — родина гончарных изделий. В данное время в этих селениях никто не живет. Развалины домов стоят как надмогильные плиты. Они превратились в «аулы-кладбища».

В большинстве случаев не собран редкостный ономастический материал таких населенных пунктов. Если сегодня не зафиксировать весь ономастический фонд, то онимы окажутся навсегда утраченными для народа и для науки, ибо люди того поколения, которые владеют информацией, сегодня находятся в преклонном возрасте.

Общеизвестно, что топонимы — это история народа, написанная предками на лице земли. Можно привести десятки примеров. Так, например, по топонимическим единицам можно восстановить историю кровавого похода персидского завоевателя XVIII в. Надир-шаха по Дагестану. Чтобы утратить народ, его воины собирали детей и растаптывали. Свидетелями являются такие топонимы, как **Шах хирман** ‘Шахская молотба’, **Хе дуриГи** ‘Кровавое гумно (ток)’,

Хе шурагы 'Кровавое озеро', Сигъла дуриги 'Гумно (ток) предсмертного вздоха' и др.

Что нужно и можно сделать? Основная задача состоит не только в координации работы специалистов, но и в привлечении внимания широкой общественности и вовлечении в это дело людей различных возрастных и социальных групп. Это должно стать общенациональным делом. В первую очередь, нужны комплексный и всесторонний сбор и фиксация ономов. В этом деле незаменимыми источниками могут быть архивы, органы ЗАГСа, телефонные справочники, списки избирателей, списки участников Великой Отечественной войны, надписи на стелах старых кладбищ и мечетей, различные справочники, старинные рукописи, газеты, классные журналы, похозяйственные книги поселений, карты, посемейные списки, переписи населения, топонимический фольклор и др. При этом необходимо учитывать особенности каждого селения, чтобы не упустить специфический фонд конкретного населённого пункта (например, аул златокузнецов Кубачи, село оружейников Харбук, аул мастеров гончарных изделий Балхар и др.).

Исходя из вышеназванных соображений, на базе Дагестанского государственного университета создана проблемная научно-исследовательская лаборатория «Дагестанская ономастика». Организуются топонимические экспедиции в горные районы республики для сбора полевого материала. К этой работе привлекаются студенты и аспиранты. Например, в последние годы были организованы топонимические экспедиции в Кубачи, Кала-Корейш, Мегеб, Губден, Избербаш, Куппа, Кунки, Уркарах.

Издаются научные работы преподавателей, аспирантов и студентов Дагестанского государственного университета.

Говоря о перспективах ономастической науки Дагестана, нельзя не сказать о необходимости проведения работы по изучению ономастической лексики в образовательных учреждениях республики. Ученые, методисты и учителя свое вни-

мание обращают на необходимость поиска новых, более совершенных форм организации занятий, структуры и содержания урока, различных способов активизации учащихся на уроках и во внеклассных мероприятиях. На наш взгляд, наиболее существенной является работа по формированию системы воспитания и обучения на основе учета территориальных и национальных особенностей школьников. Такая работа имеет не только образовательный, но и воспитательный потенциал.

Одним из эффективных средств развития познавательной активности обучаемых в образовательных учреждениях является лингвокраеведческая работа. В этом плане полезной будет работа по ономастике, интегрирующая в себе достижения различных наук и позволяющая привлечь внимание к вопросам истории и культуры родного края, проблемам контактирования языков и т. д. Отдельные методы и формы работы обучения родному языку с учетом особенностей ономастической лексики региона реализуются в некоторых школах, имеются интересные наработки педагогов и лингвистов. Р. М. Магомедов в пособии «Изучение собственных существительных» осветил различные виды работ по антропонимике, которые можно использовать на уроках родного языка и во внеклассной работе [Магомедов 1980]. Некоторые приемы работы над собственными именами существительными представлены в учебном пособии «Методика изучения даргинского имени существительного в школе» [Сулейманов 1993: 11–14]. Но в целом идея использования в образовательном процессе собственных имен еще не нашла полноценной научно-методической разработки и внедрения в современную практику преподавания дисциплин национально-регионального компонента в школах Республики Дагестан. Такое положение дел, конечно, не будет благоприятствовать созданию целостного и системного представления у подрастающего поколения об именах собственных.

Языковой материал, отражающий лингвистическую специфику региона, должен последовательно и систематически включаться в процесс обучения. Семантика слова и фразеологизма отражает миропонимание и мироощущение жителей определенной местности, топонимию региона, микротопонимию конкретного населенного пункта и т.п. Разумное использование такого материала в урочной и внеурочной деятельности учащихся представляется не только актуальным, но и общественно-значимым делом.

Ознакомление с названиями городов, посёлков и селений, памятных и исторических мест и географических объектов республики, личными именами народов Дагестана — это огромная и многоаспектная работа по патриотическому и интернациональному воспитанию подрастающего поколения, включающая познавательный, историко-культурный, эстетический и многие другие аспекты. Необходимо, чтобы имя собственное «заговорило» на понятном и интересном для учащихся языке, чтобы учащиеся овладели богатством онимов и научились использовать их в своей речи.

Как видно, в изучении онимов данного региона ведётся определённая работа, но предстоит ещё многое сделать. На наш взгляд, результаты будут более весомыми при тесном сотрудничестве ученых различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. В этом русле наблюдается сотрудничество дагестанских учёных с Координационным центром по исследованию региональной ономастики Северного Кавказа (г. Майкоп), Информационно-исследовательским центром «История фамилии» (г. Москва, генеральный директор В. О. Максимов), научно-популярной газетой “Мирь имён и названий” (главный редактор М. В. Горбаневский) и др.

Литература

Абдуллаев И. Х. Об исследованиях по дагестанской ономастике // Языки Дагестана. Вып. 3. Сборник статей, посв. 50-летию Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1976. С. 105–120.

Алиев Ш. М., Эльдаров Э. М. Система расселения Дагестана. Особенности и проблемы // Народы Дагестана. 2005. № 5. С. 33–34.

Бокарев А. А. Очерки грамматики чамалинского языка. М.—Л., 1949. 176 с.

Гамзатов М. Путешествие из Дагестана в Москву // Дидойские вести. 2008. 24 января. № 3–4. С. 3.

Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40, отд. III. Тифлис, 1909. С. 80–125.

Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1980. 202 с.

Дагестанская ономастика. Материалы и исследования / Сост. Т. Г. Таймасханова; науч. ред. К. С. Кадыраджиев. Махачкала, 1991. 161 с.

Дагестанская ономастика. Материалы и исследования. Вып. 2 / Сост. Т. Г. Таймасханова, З. М. Тагирова; отв. ред. И. Х. Абдуллаев. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1996. 114 с.

Курбанов М. Р., Курбанов Ж. М. Дагестан: депортация и репрессии. Трагедии и уроки. Махачкала: ГУП «Дагкнигоиздат», 2001. 280 с.

Магомедов Р. М. Изучение собственных существительных (имена людей): Пособие учителю. Махачкала: Дагучпедгиз, 1980. 49 с.

Намитоква Р. Ю. От редактора // Ономастика-1: Указатель литературы, изданной в Адыгейском государственном университете с 1993 по 2008 гг. / Сост. С. Х. Шхалахо. Майкоп, 2008. 52 с.

Никонов В. А. Проблемы и ошибки // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский Государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 1980. С. 183–189.

Сулейманов А. А. Методика изучения даргинского имени существительного в школе. Махачкала: ДГПИ, 1993. 208 с.

Лексикографическая репрезентация названий женских головных уборов и украшений в самарских говорах*

Т. Е. Баженова

Рассматривается структурно-семантическая организация одной из тематических групп словаря самарских говоров — названий женских головных уборов и украшений. Выделяются типы диалектных различий, приводится семантическая классификация наименований. Основное внимание уделяется приемам словарного толкования диалектных лексем. Делается вывод о региональных особенностях данного разряда этнографической лексики.

Ключевые слова: диалектная лексика, Поволжье, самарские говоры, тематическая группа, системные связи.

Лексика самарских говоров остается малоизученной. Большая часть собранных материалов ждет обобщения, научного анализа и практического использования, в том числе и лексика, составляющая тематическую группу «Одежда». Данная работа является фрагментом начатого автором описания лексики говоров Самарской области по тематическому принципу. В данном случае мы ограничимся рассмотрением диалектных наименований женских головных уборов и украшений.

Исследование является актуальным с точки зрения разрешения вопроса о специфике лексико-семантических систем на территориях, освоенных носителями русского языка сравнительно недавно (на так называемых территориях поздне-

* Исследование выполнено при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ и Правительства Самарской области проекта № 16-14-63001 «Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание».

го заселения). На перспективность данного аспекта указывают результаты специальных исследований, выполненных на материале лексики архангельских и вологодских [Крылова 2003: 279–283; 2006: 79–82], псковских [Жуковская 1998: 88–92], орловских [Гришанова 1998: 181–186; Кузина 2001], нижегородских [Назарова 2008] и др. традиционных говоров.

Целью исследования является структурно-семантический анализ лексики, обозначающей женские головные уборы и украшения, дополняющие традиционный русский костюм. В нашем распоряжении была выборка из материалов диалектологических экспедиций на основе «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (1947). Архивные сведения существенно дополнены данными экспедиций 2006–2017 гг., собранными по программе ЛАРНГ, в которой тематический раздел «Одежда» рассматривается отдельно.

Среди наименований одежды наименования головных уборов и украшений выделяются функциональной специфичной денотатов, имеющих ярко выраженную гендерную закрепленность. В наименованиях данного разряда диалектной лексики также нашли отражение социальные отношения, поскольку наряду с практическим назначением реалий, обозначаемых ими, они исполняли роль социального маркера, отражая социально-возрастной статус женщины, уровень достатка её семьи. В семантике наименований многих женских головных уборов содержится указание на украшение, кроме того украшениями служили некоторые детали одежды. На этих основаниях данные разряды диалектных слов могут рассматриваться в совокупности и отдельно от других наименований традиционного костюма.

Наименования женских головных уборов

Головные уборы являлись обязательным элементом женского костюма, причем они различались по половозрастному признаку. Замужняя женщина должна была тщательно

скрывать свои волосы от постороннего взгляда. Ей не полагалось ходить без головного убора, то есть *раскосма́т-кой*, *распокрýвши*, *разв́язкой*. Непокрытые волосы считались показателем девственности, поэтому девушки волосы не прятали. Девушки ходили с одной косой, в которую обычно вплетали *косоплётку* ‘полоску материи, используемую вместо ленты для заплетания косы’, а к ней привязывали длинную цветную шелковую *лэ́нду*, завязывающуюся бантом. Иногда к ленте привязывали небольшой вышитый или парчовый треугольник, так называемый *косни́к*, *косничóк*. По этнографическим признакам данные особенности уходят корнями в глубокую древность, относятся к общерусским и имеют широкое распространение на всей территории России [Зеленин 1926: 303–309].

Важнейшим дифференциальным признаком наименований женских головных уборов мы считаем способ их ношения. Вслед за Л. А. Климковой и И. В. Назаровой [Климкова, Назарова 2002: 216–224; Назарова 2008: 7–16], мы разграничиваем *платки*, которые повязывались, и *не-платки*, которые надевались на голову.

1. Платки. Наиболее богато в самарских говорах представлены наименования женских платков и шалей, которые различались размером и материалом. Самым распространённым до сих пор является *плато́к* — ‘лоскут равносторонний, шёлковый, бумажный, холщовый, какими женщины повязывают голову’ (Даль 3: 205). Платки различаются по форме: *плато́к*, *плато́чек*, *полуша́лка*, *ко́злик*, *но́совка*, *подплатни́к* — ‘четырёхугольный платок’; *полуша́лок*, *косы́нка* — ‘треугольный платок’. Этот основной дифференцирующий признак дополняется семантическими компонентами, указывающими на качество материала и наличие расцветки или узора: *ко́злик* ‘темный платок из козьего пуха’, *но́совка* ‘шерстяной платок темной расцветки с белыми полосками по краям’, *ре́нсевый платок* ‘цветной шёлковый платок с бахромой’.

От платков размером и материалом отличается *шаль*. В прошлом, как вспоминают старожилы, женские шали, как вязаные, так и купленные, были чрезвычайно разнообразны. В зимнее время женщины всех возрастов до сих пор носят *шалля́*, но сейчас уже сами не вяжут их, а покупают. Шерстяные *шалля* вязали из овечьей пряжи, которую сначала *стра́щивали* (*стращё́нная пряжа*), а потом *ссучивали* (*ссуче́нная пряжа*). Пуховые *шалля* (*ко́зликовые шалля*, *ко́злики*, *козло́вки*) вязали из *шлё́нки* ‘шерстяная нить из козьего пуха’. Они были тонкие и пушистые, их называли *пра́зничными* и надевали *на выход*. *Но́совые шалля*, *но́совые шалля* (*но́совки*) вязали из грубой и толстой шерсти, они были больших размеров и назывались *бу́дничными*. В зимнее время использовались *накрывные шалля* — большие шерстяные шали в клетку, которыми накрывались от головы до пояса и даже до колен поверх верхней одежды, когда шли на работу, в гости, в дорогу. Распространены были и покупные *кашми́ровые шалля* разных размеров, их надевали в межсезонье. Мастерицы вязали *распускные шалля* (сейчас их называют *паути́нки*) из тонкой овечьей пряжи белого цвета. Название этих шалей мотивировано процессом вязания: работали двумя спицами, одну петлю вязали, другую — распускали (*растово́кывали*), и получался ажурный большой платок. По краям шаль обвязывали крючком в три ряда и привязывали длинную бахрому — *махры*. *Распускные шалля́* надевали в межсезонье, ими накрывались для красоты на праздниках.

Вызывают интерес наименования способов ношения и подвязывания платков и шалей. В прошлом пожилые люди в холодное время под тёплый платок, шаль надевали *шлык*, *нало́бник* или лёгкий платок — *подпла́тник* (из штапеля, сатина светлой расцветки или белый), который прикрывал лоб и подвязывался под подбородком. Верхние платки, шали либо заправляли под верхнюю одежду, либо носили *в рос-*

пук поверх одежды, оставляя один конец на спине, а два — впереди, скалывая их под подбородком булавкой.

Было несколько способов завязывания платков и шалей. Обычно, при повседневной носке, их складывают на угол и двумя свободными концами завязывают под подбородком. В более торжественных случаях под подбородком платок закалывают булавкой, то есть носят *под булávочку*. Во время сельскохозяйственных работ платки завязывают *помордóвски*, то есть для удобства платок складывают в широкую полоску, прикрывая лоб, а концы завязывают сзади на затылке. В праздничное время для красоты в области темени оттягивали верхнюю часть платка так, что получался небольшой *но́сик*.

Данная лексическая группа представлена в большинстве случаев общерусскими общеупотребительными словами (*платок, косынка, шаль*). Такие слова не нуждаются в лексикографической обработке. Однако в случае употребления таких слов в сочетаниях с диалектными словами или диалектными вариантами общеупотребительных слов они включаются в словник и получают словарное толкование. Так, например, значение слова *шаль* в самарских говорах совпадает с литературным — ‘большой вязаный или тканый платок’ (Шведова 2007: 1191). Слово пришло в говоры из западноевропейских языков через посредство литературного языка: от франц. *shâle* или немец. *Schal*; из англ. *shawl* (Фасмер 4: 401). В самарских говорах слово *шаль* образует устойчивые сочетания с прилагательными-определителями, объединенными общими признаками дифференциальных сем при едином денотативном значении, поэтому оно является заголовочным словом словарной статьи. См.:

Шаль, ж. ◇ *Козликовая шаль*. Пуховая шаль, связанная из козьего пуха, то же, что и *козлик*. *Б. Глуш.* ◇ *Носоская шаль*. Большая шаль, связанная из грубой шерсти, заменявшая верхнюю одежду. *Пестр., Красноарм.* ◇ *Накрывная шаль*. Большая шерстяная шаль в клетку фабричного

производства, которыми накрывались поверх зимней одежды. *Пестр., Красноарм.* ♦ *Распускная шаль*. Шаль, связанная в сетку из тонкой овечьей пряжи белого цвета. *Красноарм.*

Некоторые диалектно-просторечные слова (*полушалка, полушалок*) в самарских говорах отличаются оттенками значения (дифференциальными семами) от их просторечных эквивалентов. Ср.: *Полушалок*, -лка, м. (*прост.*). Небольшая шаль, большой платок (Шведова 2007: 558). В самарских говорах: *Полушалка*, ж. Четырехугольный платок. *Полушалка* — одноцветная или клетчатая. (Б. Глуш.). *Полушалок*, м. Женский треугольный платок. *Красноарм.* Кроме того, такие слова могут иметь изоглоссы в русском языке, ср.: *Полушалка*, ж. Небольшая шаль. Городиц. Пенз., 1927. *Вынеси полушалку*. Пенз., Тул., Ряз., Чкал., р. Урал, Новосиб., Слов. Акад. 1960 [*простореч.*] (СРНГ 29: 171). Следовательно, такие слова требуют лексикографической репрезентации.

2. Не-платки. Этот разряд лексики представлен наименованиями повседневных (*повойник, волосник, модник, чепец, чепчик, шлык, шлычка, сетка, чехлик, чехляк, чехольник*) и праздничных (*кличка, кокошник, налобник, сорюка, шамшюра*) женских головных уборов.

Повседневные головные уборы были в виде шапочки с завязками, чепца, сетки. Они являлись обязательными атрибутами костюма замужних женщин. Чаще всего в ответах информантов содержится воспоминание о *волосниках, повойниках* и *чехликах (чехольниках)*. У этих головных уборов было общее назначение — удерживать на голове прическу, вернее, собранные в узел волосы, потому что косы замужние женщины не плели.

Волосник представлял собой обычно холщовую, хлопчатобумажную или вязаную шапочку. Сзади, под затылком, его завязывали шнурком, продетым в края, а спереди собирали в складки и носили часто без платка. В некоторых

самарских селах такой головной убор со временем был заменен *завитком* или *наколкой*. Ср. контексты: *Это в старое время носили волосник на голове (Бор.). Волосник носят замужние женщины, как увенчают — оденут, а теперь больше завитки носят, шишечкой (Ставр.). Волосники носили ситцевы. Сроду в волоснике хожу (Кошк.). Как замуж выходят, так и надевают волосник (Шигон.).* Лексема **волосник** зафиксирована в Алексеевском, Богатовском, Борском, Нефтегорском районах (южнорусские говоры), а также в окающих говорах Ставропольского, Сызранского, Шигонского, Шенталинского, Волжского, Кошкинского, Красноярского районов.

Повойник немного отличался от **волосника**. Он состоял из круглого дна и околыша (*обручка*) на темени и стягивался завязками сзади. Слово **повойник** в значении 'повседневный женский головной убор' имеет фиксации в левобережных акающих говорах (южнорусских и среднерусских) — в Красноармейском, Волжском, Безенчукском, Приволжском, Большечерниговском, Хворостянском районах. В СРНГ слово **повойник** зафиксировано со значениями 'праздничный женский головной убор', 'матерчатая накладка, добавление к причёске', 'детская шапочка' (СРНГ 27: 255).

Чёхлик (*чехляк, чёхольник*) — это разновидность повойника, шапочка с валиком поперек головы. Из лексико-словообразовательных вариантов наименования данной реалии самым высоким индексом репрезентативности в самарских говорах отличается лексема **чёхлик**. Она зафиксирована в Иса克林ском, Кинельском, Богатовском, Шигонском, Сергиевском районах.

Другие разновидности повойника — *чепцы, чепчики, сборники, шлыкí и шлычки* — шились в виде шапочки с завязками впереди, сзади или застёжками с петлёй на *бляшке* (пуговице). *Шлыки* шили из лёгкого или тёплого материала (чаще фланели). И *повойники*, и *шлыкí* наде-

вали под шали зимой, а в *чепца́х* пожилые женщины спали. *Повойники* и *чепцы* надевали также покойникам. По данным словаря В. И. Даля, слово *шлык* имеет фиксации в южнорусских говорах — ‘бабий головной убор, род повойника. Тамб.’ (Даль 4: 205). В самарских говорах оно также имеет фиксации в южных степных районах, где на территории Самарской области южнорусские говоры представлены в основной своей массе.

Иногда *волосники* вязали из ниток сеткой и украшали бусинками, бисером, и в этом случае головной убор назывался *сёткой/сёточкой*. Этот лексико-семантический вариант встречается в самарских говорах в Богатовском, Кинельском, Сергиевском, Ставропольском, Кинель-Черкасском, Борском районах в говорах различной типологии.

Среди наименований праздничных женских головных уборов чаще других отмечается слово *кокошник*. Судя по обрывочным воспоминаниям информантов, этот вид головного убора в прошлом бытовал на всей территории Самарского края, за исключением южных левобережных районов, а также отдельных населенных пунктов. Вероятно, отсутствие наименования реалии было вызвано, с одной стороны, отсутствием реалии в прошлом в тех или иных местах вследствие того, что население, пришедшее из южнорусских губерний, их уже не носило; с другой стороны, настолько давним было исчезновение данного головного убора, что даже пожилые информанты его не помнят. Наиболее широко был распространен кокошник с закругленным верхом (восточные районы области). Широкое географическое распространение данного вида праздничного головного убора этнографы связывают с основной колонизационной волной, шедшей в Поволжье из Владимиро-Суздальской Руси, для которой он был характерен.

Кокошники имели право надевать лишь молодые женщины и молодухи, только что вышедшие замуж. После рождения первого ребенка кокошник заменялся *волосникóм*,

который носился замужними женщинами до конца жизни. Во второй половине XX в. кокошник надевали лишь на свадьбы, во время народных праздников и гуляний, а *волосник* и *повойник* еще продолжали бытовать как основные разновидности будничного головного убора. В некоторых говорах Ставропольского района этими наименования называли праздничный головной убор.

Хотя значение слова *кокошник* в говорах совпадает с литературным и обозначает уже давно ушедшую реалию, решено было включить наименование в состав словника, поскольку оно обозначает значимую этнографическую реалию.

Другие диалектные наименования праздничного женского головного убора служат обозначениями разновидностей кокошника: *мóдник* ‘разновидность кокошника’ *Пестр.*, *шамшўра* ‘шапочка в форме кокошника с завязками на затылке’ *Шент.*, *кйчка* ‘праздничный женский головной убор, разновидность кокошника’ *Алекс.*, *Б. Черн.*, *Волж.*, *Кошк.*, *Безенч.*, *Богат.* Спорадически на территории распространения самарских говоров отмечены лексема *сорóка* ‘праздничный женский головной убор (какой?)’ *Хвор.* и её вариант *сорўка* *Краснояр.* Интересно, что наряду с другими сохранилось наименование северного женского головного убора *шамшурьы* [Крылова 2006: 81] именно в окающем самарском говоре.

В подгруппу наименований головного убора невесты вошли слова *крем*, *увáль*, *венóк*. В большинстве говоров сохранились лексико-фонетические варианты общеупотребительного слова *увáль*, *увáл* со значением ‘широкий газовый шарф белого цвета примерно 1,5 метра длиной’, собранный сверху *брыжáми*. На *брыжси* крепили ленту, на нее нашивали *грамáнты* ‘бисер’ (с. Большая Рязань Ставропольского района, среднерусский говор). Другим распространенным свадебным головным убором был *венóк* из восковых цветов (например, в южнорусских говорах сел Марьевка и Красная

Поляна Пестравского района и др. говорах различной типологии).

Многие наименования не-платков представляют собой диалектные слова и значения, не имеющие соответствующих литературных эквивалентов, поэтому для словарного определения их значения используется дефинитивно-описательный способ толкования. В структуру словарной дефиниции входят обязательные компоненты сферы денотата (женский головной убор) и дополнительные, дифференциальные компоненты (определения, указывающие на форму, материал). Наличие дополнительных элементов или украшений не включалось в дефиницию, заменялось обобщенными определениями *праздничный/повседневный*. Ср.:

Шамшура, жс. Праздничный русский головной убор замужней женщины, шапочка в форме кокошника с завязками на затылке. *Шент*.

Сборник, м. Головной убор из ткани — чепец, который носили пожилые женщины. *А сборник-то токо пожилые носили* (К.-Черк.). *Сборник — это из матери* (Кин.).

Сетка, сеточка, жс. 1. Женский головной убор, вязанный из ниток крючком. *Богат., Серг., Ставр., К.-Черк.* *Сетки украсишь бисером с лентами, шёлковы или шерстяны, как матрос ходишь* (Серг.). *Сетка на голове, сеточья* (Богат.). *У сетки никакого узора не была* (Кин.).

Учитывая то, что все обозначаемые реалии относятся к традиционному костюму и уже практически не употребляются, из словарной дефиниции исключено указание на то, что это старинные атрибуты костюма, а само слово является устаревшим.

Наименования украшений

Об украшениях информанты вспоминают неохотно и говорят мало, объясняя это тем, что в трудовой крестьянской жизни было не принято думать о них. В данном разряде слов преобладают общерусские общеупотребительные наименова-

ния (*бусы, серьги, кольцо* и т. п.). Женские украшения, входившие в комплекс народного русского костюма, можно условно разделить на четыре группы: ушные, шейные, украшения рук и одежды.

Непрерывным украшением ушей девушек и женщин являлись *серьги*. В большинстве случаев они представляли собой медные или серебряные подвески разнообразной формы со вставленными в них цветными стеклышками. На руках носили *кольца* и *перстни*. Девушки — перстни, обрамленные дешевыми камнями разных цветов, а женщины — оловянные, серебряные, а иногда и золотые кольца без камней. Среди наименований украшений ушей и рук диалектных слов не зафиксировано.

В качестве шейных украшений использовались различные бусы (*боркй*), мониста (*намйста*), распространены были вязаные украшения (*гайтаны*); причем чаще всего их носили молодые женщины. Самодельные бусы (*боркй*) были дутые стеклянные или резные деревянные. Иногда встречаются наименования украшений из янтаря, например, в селах Борского, Сергиевского, Пестравского районов носили янтарные бусы, надевавшиеся в несколько рядов, которые назывались *жерёлки*. Но всё же чаще всего в самарских говорах фиксируются наименования украшений из бисера: *бусеры, бусочки, грамант, жерёлочки*. См. примеры: *Жениховы сродники запевают какую вздумают, сватья руками машут — все поют. Бабы раскосматятся, и сетка на них, и бусеры — светится всё! (Ставр.); Сетка с грамантом на голове у ней (Ставр.)*.

Из украшений одежды следует отметить вышитые бисером или цветными нитками поясные украшения. В отдельных районах области (Борском, Волжском, Ставропольском, Красноармейском) зафиксированы лексемы *лакомка, лаконка* и их синоним *кармашка* 'небольшой мешочек, вышитый ярким разноцветным рисунком, пришитый к поясу женской юбки или фартука' (*Красноарм.*). Эта деталь жен-

ского костюма не только служила украшением, но и имела практическое значение. В *лакомках* и *кармашках* обычно держали иголку с ниткой, деньги, хранили мелкие вещи, а иногда, уходя надолго из дома, носили небольшой кусок хлеба.

Таким образом, наименования женских головных уборов и украшений составляют достаточно большой слой диалектной лексики. В периферийных вторичных говорах Самарского Поволжья просматриваются системные связи, на что указывают родовидовые отношения в денотативной сфере диалектных наименований, многообразие мотивировочных признаков и словообразовательных типов. Диалектные слова, обозначающие головные уборы и украшения, выступают составной частью историко-культурного ландшафта Самарского региона, известного разнообразием языковых особенностей, и хранят память о материнских говорах.

Сокращенные названия районов Самарской области

Алекс. — Алексеевский	Кошк. — Кошкинский
Безенч. — Безенчукский	Красноарм. — Красноармейский
Богат. — Богатовский	
Б. Глуш. — Большеглушицкий	Краснояр. — Красноярский
Б. Черн. — Большечерниговский	Нефт. — Нефтегорский
	Похв. — Похвистневский
Волж. — Волжский	Ставр. — Ставропольский
Исакл. — Исаклинский	Сызр. — Сызранский
Кинельск. — Кинельский	Шент. — Шенталинский
К.-Черк. — Кинель-Черкасский	Шигон. — Шигонский

Литература

Гришанова В. Н. Названия одного женского украшения в говорах Орловской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 181–186.

Жуковская З. В. Слова — названия одежды, обуви, головных уборов, рукавиц, украшений в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 88–92.

Зеленин Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // *Slavia*. Roč. V. S. 2. Praha, 1926. С. 303–338.

Климкова Л. А., Назарова И. В. Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб.: Наука, 2002. С. 216–224.

Крылова О. Н. Структура лексического значения слов — названий женской одежды и способы их лексикографического представления в диалектных словарях // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб.: Наука, 2003. С. 279–283.

Крылова О. Н. Названия женских головных уборов в севернорусских говорах // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. Мн.: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 79–82.

Кузина Г. В. Лексика одежды: названия головных уборов в орловских говорах (структурно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 19 с.

Назарова И. В. Лексика женских головных уборов в говорах юга Нижегородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2008. 17 с.

Частная переписка как лингвистический источник (письмо из д. Павлово Палехского района Ивановской области)

Л. П. Батырева

В статье рассматривается письмо жительницы д. Павлово Палехского р-на Ивановской области как источник информации об особенностях говоров Ивановской области. Анализ орфографии позволил обнаружить в тексте указания на фонетические и морфологические черты речи женщины. Лексический состав письма включает территориально маркированные единицы, многие из которых ранее на данной территории не фиксировались, хотя отмечены в разных лексикографических источниках.

Ключевые слова: естественная письменная речь, владимирско-поволжские говоры, орфография, фонетика, морфология, лексика, лексикография.

Сведения о жизни русской провинции и об особенностях речи жителей той или иной территории содержат письменные тексты, принадлежащие перу «простых» людей, не являющихся представителями элитарной языковой культуры — так называемая «естественная письменная речь». Ей свойственна, по мнению Н. Б. Лебедевой, непринужденность, непосредственность, короткая временная дистанция между замыслом и реализацией, отсутствие промежуточных лиц и инстанций между отправителем и реципиентом текста [Лебедева 2008: 14]. Этим характеристикам отвечает черновик письма 60-летней женщины (И. П.) из д. Павлово Палехско-

го р-на Ивановской области¹, адресатом которого является редакция радиoproграммы.

Письмо И. П. — своего рода «текст-воспоминание» [Климкова 2011: 154], в котором описываются значимые события личного характера, обусловленные не в последнюю очередь явлениями общественной жизни.

Интересно, что эта мысль сформулирована в стихотворных строчках, предшествующих собственно тексту письма и написанных другим почерком:

*Что с родиною сбудется,
То и с народом сбудется².*

Действительно, в судьбе крестьянки, колхозницы, «маленького» человека нашла отражение «большая» история — история страны и народа в целом.

Ординарность личности нашего информанта находит воплощение в тексте письма. Его тематический спектр предскажем: женщина рассказывает о своей трудовой деятельности, о семейных делах, о проблемах возраста. Эти темы естественным образом переплетаются, вытекают одна из другой. Так, обстоятельства семейной жизни — смерть мужа (*мужа уменя убили погип навоине недожил доконца войны³*), уход из дома детей (*перженил-ис и ушли от меня*) — приводят к одиночеству (*я живу одна и так мне скучно*). Тяжелый, «бесплатный» труд в колхозе (*я работала в колхозе как я трудилась пахала косила сеила руками себе носила лукошко и стога метала все делала была в кольях и мяльях но плохо учили колхозной трут*) — к безденежью, по сути к нищете (*пенсию я получаю только 20 р амного требутс надо кормитса иодетса и заплатитть и дров купитть*).

¹ Письмо предоставлено Т. П. Луданиной. Датировать его можно приблизительно — концом 60-ых – началом 70-ых гг. XX в.

² Измененные строки «Заздравной песни» Иосифа Уткина:

*Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.*

³ Фрагменты текста даются в авторской орфографии, разные примеры отделяются точкой с запятой.

Отсюда — обиды на близких (*неблагодарная моя невестка не поповнила моево беспокоиствия*), на жизнь (*и дослез обидно мало заработали все здорове угробила бесплатно* и др.).

В письме главным образом наличествует фактография, аналитика отсутствует, но при этом всё же даются оценки — членам семьи, их поступкам, собственному моральному и физическому состоянию, взаимоотношениям с мужем и др. Например: *нелезко* мне было сним строим втакое время *тяжело* мне они досталис (о детях); мне *очень трудно* под старые годы одной жить; мы в колхозе работали бесплатно деняг нам неплатили ... ой *тяжоло* переживали. Как событие, безусловно, отрицательное, предстает в письме война, оставившая женщину без мужа, отношения с которым были исключительно *хорошими*: *и я досихпор немогу забыть ево, хороши* от ноцении комне и кдетям.

Орфография И. П., плохо усвоившей нормы правописания, — фонетическая. Она характеризуется слитным написанием предлогов, союзов, частиц (*досихпор, напенсие, отменя, сосвоим, немогу, амлатшиму, так издельла* и т. п., см. также гиперизм *от ноцении*). Отмечаются такие явления устной речи, как ассимиляция (*зделали, млатшиму, с млатшим*), диссимиляция (*нелезко*), оглушение согласных (*снарят, погип, трут*). Отражается твёрдость Ц (*операцью, редакцья*), произношение [в] в окончании родительного падежа единственного числа мужского рода личного местоимения 3-го лица — *забыть ево*.

Не используется буква Й (*навоине, воины, одной, колхозной*). В слове *здорове* пропущен мягкий знак в позиции между согласным и гласным, т. е. «пишущий придает йотированным буквам значение “[j] + гласный” также и в положении после согласных» [Осипов 1995: 22]. Мягкий знак отсутствует и на конце инфинитива (*спет песню*). Орфографию И. П. характеризует такая архаичная черта, как окончание *-ья* в форме винительного падежа множественного числа местоименного склонения (*надевятья сутки*).

Синтаксис И. П. носит разговорный характер. См., например, такие конструкции: *ой тяжоло переживали; был четыре раза раненой; невеска говорила что мама мы небросим тебя только водис своим детям.*

Письмо выявляет известные, характерные для говоров Владимирско-Поволжской группы локальные черты: ёканье (с млатшим *Сашои; тяжоло*); заударное яканье (*деньг нам неплатили*); редукцию гласных после твердых, мягких согласных и шипящих в заударном и во втором предударном слоге (*так издельла; три месица; я слушю; все бы слушила; старшиму; млатшиму; средниму; сеила; перженилис*). Указаний на изменение гласных первого предударного слога нет, т. е. можно полагать, что речь И. П. характеризуется неполным оканьем. Женщине свойственно гиперкорректное произношение [г'] вместо [д'] — *был награжден двомя органами*; [вн] вместо [мн] — *не поповнила*; [ш'ш'] вместо [шш] — *от ноцении* (отношение).

Отражены местные морфологические черты: совпадение форм дательного и творительного падежей существительных, местоимений и числительных (*живут своим домам и сосвоим семьям; мне было счим строим втакое время тяжело; своим детям; сеила рукам*); окончание *-ой* прилагательных в форме именительного падежа единственного числа мужского рода (*раненой, хорошой, колхозной*); твердость согласного возвратного суффикса глаголов (*досталис, перженилис, мишилас, водис*).

Диалектные лексические единицы соотносятся с тематикой письма, отражают круг забот и проблем его автора: используется лексика семантических полей «Семья», «Труд», «Возраст».

Примечательно, что многие из употребленных И. П. диалектизмов не отмечались ранее на территории Ивановской области, но известны как принадлежность разных русских говоров. Так, слово *выводить* 'вырастить, вынянчить' (*невеска говорила что мама мы небросим тебя только во-*

дис своим детям выводила я ей) даётся в СРНГ с пометой **Волог.** (СРНГ 5: 256), отмечено в других областных словарях (СГРС 2: 229; АОС 7: 139; Акчим. сл. 1: 150; СВГ 1: 90; ОСВГ 2: 88; Следы: 24; ЯОС 3: 49; ПОС 5: 171; Деулино: 99). Ср. также: *выводиться* ‘вынянчить детей’ (СРНП 1: 99); ‘нянчиться с кем-л. некоторое время’ [Мызников 2005: 281]; ‘вынянчить, вырастить, воспитать’ (ИЭСРГА 2: 172). Слово *поповнить* ‘вспомнить в нужный момент; не забыть’ (*не поповнила моево беспокоиствия*) зафиксировано в другом фонетическом варианте в говорах Низовой Печоры: *попомнить* ‘восстановить в памяти’ (СРНП 2: 108). Слово *страмить* ‘стыдить, укорять кого-либо’ (*Садила картошки усына а невеска страмила*) известно, по данным СРНГ, на территории Нижегородской, Ярославской, Брянской, Томской обл., Прибалтики, Краснодарского края, на Урале (СРНГ 41: 280–281; ЯОС 9: 78). Можно, впрочем, в силу того, что контекст недостаточно пространен, предположить и другое значение — ‘бесчестить кого-л. публично; ругать, бранить’ (СРНГ 41: 281–282; СРГК 6: 357), ‘позорить, бесчестить’ (ЯОСД 2: 301). И. П. использует предлог *гля* ‘для’ (*хочу я вас попросить гля меня спет песню*), также широко бытующий в говорах (СРНГ 6: 225–226; СВГ 1: 113; Дилакторский: 82; СГРС 2: 35; СРНП 1: 136; ПСДЯЛ 1: 402; ЯОС 6: 18; ПОС 7: 9). Слово *рослый* (*грамы рослои ржи*), по-видимому, выступающее в значении ‘проросший, давший ростки’, в СРНГ снабжено пометами **Арх., Новосибир.** (СРНГ 35: 186) и представлено в других областных словарях (Акчим. сл. 5: 34; СРГК 5: 562; ПСДЯЛ 3: 651). Слово *лукошко*, называющее корзину, не маленького, судя по контексту, размера (*как я трудилась ... себе носила лукошко*), употребляется в русских говорах как наименование разных бытовых ёмкостей для хозяйственных нужд (СРНГ 17: 191–192; Акчим. сл. 2: 170; СРГК 3: 157; ККОС: 192; Ганцовская 2015: 198; Мызников 2010: 205; ЯОС 6: 18; ПОС 17: 110); [Мызников 2005: 343].

Лексема *беспокойствие* ‘беспокойство, забота’ (*неблагодарная моя невестка не поповнила моево беспокоиствья*) фиксировалась нами ранее и также в письменной речи, представляющей «наивный» дискурс. Ср.: *Я чувствовал себя охваченным заботой и сильным беспокойствием обомне со стороны вас мои родные* [Батырева, Шептуховский 2011]; *Я знаю что у вас много беспокойствие с этим делом* [Батырева 2015]. Слово представлено в ПОС: «Беспокойствие, я, с. То же, что беспокойство» (ПОС 1: 247). В «Словаре церковнославянского и русского языка» оно толкуется так: ‘нарушение, неимение покоя’, ‘внутреннее волнение’, ‘смещение, волнение’ (Слов. Акад. 1847 1: 36), при этом оттенок значения, который очевиден в нашем случае, — ‘забота’ — в словаре не назван.

Фразеологизм *быть в кольях и мяльях* ‘заниматься самой разной трудоемкой работой’ (*как я трудилась пахала косила сеила руками себе носила лукошко и стога метала все делала была в кольях и мяльях*) не обнаружен в словарях, но отмечены другие: *в колье и в мялье (годен)* ‘на всё годен, годится’ (СРНГ 19: 84); *в колья — в мялья* ‘как попало, небрежно (обращаться с чем-либо)’ (СРНГ 19: 84); *в колье-мялье, в колье и мялье (носить что-либо)* ‘носить одежду и по выходным дням, и по будням’ (СРНГ 14: 212). Фразеологизмы с компонентом *колье-мялье* даются в «Большом словаре русских поговорок» со ссылками на разные областные словари: «**Носить с колье-мялье.** Сиб. Неодобр. О повседневном использовании хорошей одежды, обуви. ФСС, 94; СРНГ 14, 212. **Попасть в колье-мялье.** Пск. Шутл. Оказаться в неудобном положении, в неприятной ситуации. СПП 2001, 46. **Ходить в колье-мялье.** Башк. Неодобр. Одеваться неопрятно. СРГБ 2, 36» [Мокиенко, Никитина].

Сочетание *под старые годы* ‘в старости’ (*мне очень трудно под старые годы одной жить*) отсутствует в СРНГ, но имеется информация об употреблении предлога *под*:

«5. При обозначении неопределенного количества лет, примерного возраста» (СРНГ 27: 321–322). Ср. также: *старые годы* ‘пожилой возраст’ (СРГК 2: 315).

Характеризуя диалектную лексику в психолингвистическом аспекте, К. И. Демидова пишет об «использовании диалектной личностью двух модусов речемыслительной деятельности» [Демидова 2011: 33]. Модус «свой» используется, «когда диалектная личность осуществляет коммуникативные действия с другим или другими диалектными личностями одного и того же диалектного социума» [Демидова 2011: 33]. Использование модуса «чужой» осуществляется при общении «с носителями другой языковой подсистемы» [Демидова 2011: 34]. Наш информант, даже адресуясь к незнакомым людям, «носителям другой языковой подсистемы», использует исключительно привычный для себя языковой материал. И. П. не умеет переключаться на иной способ общения, не владеет другим вариантом коммуникации. И это обстоятельство — достоинство источника, поскольку позволяет с уверенностью утверждать, что исследуемый фактический материал заслуживает доверия и внимания, что обнаруженная в письме ранее не засвидетельствованная на территории Ивановской области, единожды зафиксированная в речи И. П. лексика, несомненно, носит узуальный характер (ср. данные областных словарей), является принадлежностью местных говоров.

Можно констатировать, таким образом, что обращение к письменным источникам, представляющим определенный временной срез и имеющим определенную территориальную приуроченность, в поисках хронологически и территориально маркированного языкового материала имеет смысл и даёт результаты.

Литература

Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова / Подгот. текста, предисл. и коммент. Б. И. Осипова. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 76 с.

Батырева Л. П. Речевой портрет провинциала (по письмам 1942–1944 гг. И. С. Котова). Шуя, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sspu.ru/projects/batireva-portret/> (дата обращения: 04.01.2017).

Батырева Л. П., Шептуховский В. А. Речевой портрет провинциала (на материале частной переписки 1940–1945 гг. палехского крестьянина А. Н. Савельева). Шуя, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sspu.ru/projects/savelev/index.htm> (дата обращения: 04.01.2017).

Демидова К. И. Диалектная лексика в психолингвистическом аспекте (на материале ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 32–40.

Климкова Л. А. Диалектные тексты как документ эпохи // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и Костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 147–156.

Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: Материалы Всерос. науч. конф. 19–21 нояб. 2008 г. / [Науч. ред. Б. И. Осипов]. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 12–18.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. 636 с.

Приложение

дорогая редакция хочу я вас попросить гля меня спет песню ждуд тебя я живу одна и так мне скучно я слушаю ваши передачи как запоют хорошие песни так я все плачу и все бы слушила ваши пени (так!) я уж напенсие живу одна вырастила трех сыновей и они отменя ушли живут своим домам и сосвоим семьям мужса уменя убили погип навоине недожил доконца войны три месеца он был награжден дво-

мя органами красная звезда и (пропуск) и был четыре раза раненой и четвертое ранение не вынес воевал он на танке и снайром и сапером и вот разорвался снаряд и попал ему осколок в голову и он 8 суток лежал беспомощно надевая сутки сделали ему операцию и он помер и такой он был хорошим и я досихпор немогу забыть его, хороши от ноцении комне и детям но троих сыновеи старшиму было 6 лет амлатшиму 3 месеца и средниму 3 года и вот я их воспитала нелезко мне было сним строиь втакое время тяжело мне они досталис и вот всех вармию собирала служили по три года и встретила и пережил-ис и ушли от меня мне 60 лет с млатшим Сашои жила я 6 лет и думала что буду жить сним нянчила унево детеи унево тоже три сына пенсии мишилас недоработала невеска говорила что мама мы небросим тебя только водис смоим детям выводила я еи и она так издельла неблагодарная моя невеска не поповнила моево беспокоиствия и увела моево последнива сына итеперь мне очень трудно под старые годы одной жить пенсию я получаю только 20 р амного требуитс надо кормитса иодетса и заплатить и дров купить но я работала в колхозе как я трудилась пахала косила сеила руками насебе носила лукошко и стога метала все делала была в кольях и мяльях но плохо учили колхозной трут мы в колхозе работали бесплатно деняг нам неплатили грамы рослои ржи ой тяжоло переживали и дослез обидно мало заработали все здорове угробила бесплатно

О дополнениях к «Оренбургскому областному словарю» Б. А. Моисеева

Е. Н. Бекасова

В статье рассматриваются особенности формирования, бытования и изучения оренбургских русских говоров, которые утратили свою системную организацию в результате действия ряда интерлингвистических и экстралингвистических факторов, отмеченных ещё В. И. Далем. Особый интерес представляет диалектная лексика, складывающаяся в отрыве от материнских говоров и во взаимодействии с другими языковыми и диалектными системами на территории Оренбургского края. Наиболее полно данная лексика зафиксирована в «Оренбургском областном словаре» Б. А. Моисеева. В 2016 г. автор в дополнение к словарю подготовил 1025 словарных статей, которые позволят уточнить ряд положений основного лексикографического труда и осмыслить специфику оренбургской диалектной лексики.

Ключевые слова: русские диалекты, говоры территорий позднего заселения, оренбургские говоры, диалектная лексика, «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева.

Оренбуржье как особая административная единица складывалось с 1734 г. и уже через 10 лет представляло огромную территорию, включавшую земли современных Северного и Западного Казахстана, Башкортостана, Челябинской области, части Татарстана, Курганской, Самарской, Пермской, Тюменской и Свердловской областей [Атлас Оренбургской губернии 2007]. Оренбургская губерния, а затем и Оренбургская область, формировались как многонациональный и поликонфессиональный край, сохранивший присущие с глубокой древности активные миграционные процессы, что определяло главные характеристики языковой ситуации данной территории. Об этом впервые достаточно точно и обстоя-

тельно написал В. И. Даль, который в должности чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе мог в течение 8 лет наблюдать за формированием и изменениями оренбургских русских говоров в условиях отрыва от материнских систем, отсутствия монолитной, достаточно обширной и компактной территории их распространения и контактирования с тюркскими и финно-угорскими языками. В частности, он отмечает разнообразие складывающихся оренбургских говоров: «Оренбургская губерния, заселённая искони инородцами, большею частью кочевыми, наполнилась русскими двадцати губерний в течение последних ста лет; поэтому общего наречия в губернии этой нет; но у старожилов уже сложились некоторые особенности». При этом отмечается специфика языка уральских казаков, который «хотя и нельзя назвать особым наречием, но у них много особенных выражений и оборотов, и говор их так отличителен, что уральца всюду узнать можно с первых слов ... происхождение его от безыменной вольницы» (Даль 1: LXXIII).

В. И. Даль также отмечает неустойчивость новых систем говоров: «в Саратовской и Оренбургской губерниях, населённых в нынешнем веке, и отчасти в последнее время, выходцами двадцати губерний, довольно легко, по наречию, узнавать происхождение переселенцев; затруднительнее это, когда старики уже вымерли, а молодое поколение исподволь привыкает к говору местному, особенно же если селение сбродное, из переселенцев разных мест, и молодёжь между собой освоилась и свыклась» (Даль 1: LVI). К уже наметившимся причинам разрушения говоров добавляются новые: «в местах, где половина мужского населения постоянно бывает в заработках на чужбине, народный говор постепенно сглаживается и поддерживается только бабами» (Даль 1: LV), а «образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим» (Даль 1: LVI).

Эти наблюдения В. И. Даля подтверждаются современной ситуацией на территории Оренбургской области, где фактически разрушены системы былых говоров, особенно с 50-х (освоения целины) и 70-х (открытие газового месторождения) годов и последних десятилетий, вследствие утраты целого ряда населённых пунктов, сокращения сельского (особенно русскоязычного) населения, отсутствия его стабильного состава и прихода новых переселенцев, чаще всего из так называемого ближнего зарубежья [Мызников 2010; Бекасова 2014].

К сожалению, после трудов В. И. Даля интерес к оренбургским русским говорам проявился только в середине XX в. в связи с деятельностью в оренбургский период исследователей Н. И. Зорина, В. И. Лыткина, Н. А. Мещерского, В. Г. Руделёва (подробнее см. [Абубакирова 2011]). Изучение этих говоров продолжил практически в одиночку Б. А. Моисеев. Его кандидатская диссертация «Словарный состав говора села Саратовка Соль-Илецкого района Чкаловской области (К вопросу о развитии лексики одного из южнорусских говоров в инодиалектном и иноязычном окружении)» (МГУ, 1955 г., научный руководитель профессор С. А. Копорский) внесла значительный вклад в описание оренбургских русских говоров, что отметил Н. И. Зорин в статье, подводящей итоги 150-летнего изучения оренбургских говоров [Зорин 1956: 313]. После защиты диссертации Б. А. Моисеев по распределению работал в Смоленском пединституте, но в сентябре 1958 г. по просьбе ректората Оренбургского пединститута для усиления кадрового состава был переведён в родной вуз, где стал заведовать кафедрой русского языка. В звании доцента, полученном им в марте 1962 г., Б. А. Моисеев продолжал трудиться на филологическом факультете ОГПУ до 1989 г. При этом в своем главном призвании Б. А. Моисеев определился с 15 лет, когда был заворожён названием оренбургского села Паника [Бекасова 2016: 313], поэтому с удовольствием выезжал со студентами на уборку урожая,

в диалектологические экспедиции и на выездные сессии, занимаясь своим любимым делом — собиранием диалектного и топонимического материала.

Б. А. Моисеев со свойственной ему скрупулёзностью описывал диалектное пространство Оренбургской области, постепенно намечая принципы его лексикографического воплощения. К началу 80-х гг. им была подготовлена хрестоматия оренбургских русских говоров по записям 50–70-х гг., сделанных самим Б. А. Моисеевым или под его руководством студентами Оренбургского пединститута. К этому же времени был подготовлен к печати «Оренбургский областной словарь». Рукописи этих работ показывают, как тщательно прорабатывались словарные статьи, уточнялись значения, пополнялся иллюстративный материал.

К 80-летию юбилею Б. А. Моисеева в 2005 г. силами преподавателей кафедры языкознания и методики преподавания русского языка ОГПУ была издана «Оренбургская областная диалектологическая хрестоматия (учебное пособие по русской диалектологии)» [Моисеев 2005], к 85-летию — «Оренбургский областной словарь» (Моисеев 2010), затем — «Местные названия Оренбургской области» [Моисеев 2013] и «Топонимические очерки Оренбуржья» [Моисеев 2016].

Следует отметить, что «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева является следующим после знаменитого словаря В. И. Даля лексикографическим описанием специфики оренбургских диалектов, полностью подтверждающим мнение великого исследователя русского языка о том, что «это сбор запасов из живого языка, не из книг и без учёных ссылок; это труд не зодчего, даже не каменщика, а работа подносчика его; но труд целой жизни, который сбережёт будущему на сем пути труженику десятки лет. Передний заднему мост» (Даль 1: XLVIII).

«Оренбургский областной словарь» содержит сведения из истории заселения Оренбургского края и характеристику говоров, в том числе и уральских (яицких) казаков, описание

специфики интерференции различных систем говоров и их взаимодействия с тюркскими языками. Иллюстративный материал 5698 словарных статей показывает чёткую прикреплённость слов к определённой территории на основе записей речи диалектоносителей, сделанных в 50–70-е годы XX в. автором словаря и студентами Оренбургского государственного пединститута, а также на основании авторских выписок «из различных источников, как рукописных, так и печатных, относящихся к дореволюционному периоду, а также к советскому» (Моисеев 2010: 4–5).

В настоящее время Б. А. Моисеев подготовил к публикации более тысячи словарных единиц. Большинство дополнений к словарю относится к тем же территориям, которые широко представлены в «Оренбургском областном словаре», поскольку диалектная лексика собиралась преимущественно в центральных и южных районах области: Оренбургском, Сакмарском, Октябрьском, Новосергиевском, Саракташском, Илекском, Соль-Илецком, например: **Гáмно**, нареч. Шумно, большой шум, гул, гам. «У нас в доме всегда шумно и гамно, голова постоянно болит». Орен. **Сáкля**, -и, ж. Сигушка, рыбка, белышка. «Плохая рыбалка была: за целый день поймали несколько саклей и всё». Сакм.8. **Вýносок**, -ска, м. Маленькое куриное яйцо. «Если курица выносок снесла, то она вынеслась и скоро бросит нестись». Окт.6. **Шипши́на**, -ы, ж. Шиповник. «Посадила сыну кусточек малины, нелобой невесте — колючей шипшины». Саракт.12. **Заплани́ть**, -ни́б, -ни́шь, сов. в. Заселить свободную территорию, застроить её жилыми и хозяйственными постройками. «У нас сперва 3–4 домика было, а потом народ наехал, и всё здесь люди запланили». Илек.3. и др. Лексика, записанная в других районах (западных, восточных, северных), представлена в небольшом количестве» (Моисеев 2010: 4), что определяет направление современных полевых исследований.

Самая значительная часть дополнений относится к родному для Б. А. Моисеева Соль-Илецкому району (Соль. — Соль-Илецкий р-н: 1 — г. Соль-Илецк, 2 — с. Угольное, 3 — с. Григорьевка, 4 — с. Саратовка, 5 — с. Покровка, 6 — с. Ветлянка, 7 — с. Новоилецк, 8 — с. Буранное, 9 — с. Изобильное, 10 — с. Линёвка, 11 — с. Елшанка), например: *запотылина*, -ы, ж. и м., неодобр. Слабый, безвольный и несобранный человек, у которого нет настойчивости. «Люди на что-то способны, что-то умеют делать: одни рисуют хорошо, другие поют, третьи стихи пишут или на гармошке играют... а я какой-то запотылина, у меня ничего не получается». Соль.1. «Не знала, когда замуж выходила, что ты такой запотылина». Соль.4. *Пáхотный кнут* — кнут, используемый при вспашке земли на лошадях. «Отец взял пахотный кнут, повесил через плечо и пошёл запрягать лошадь» Соль.6. *Судник*, -а, м. Длинный ящик на ножках с отверстием сбоку, в который складывают посуду. «Судник для посуды стоит на кухне» Соль.1. *Сушмёнь*, -и, ж. Засушливый период в летнее время; сухомень, сушь. «Сушмень и сушмень вот уже месяц, а дождя всё нет» Соль.4 и под.

Зафиксирована и специфическая казачья лексика типа *казачья*, -и, собир. Казаки (белогвардейцы). «Рабочие и крестьяне собрались с силами и погнали казачию до самого моря (Каспийского)». Ташла.1; *иноземец*, -мца', м. Житель казачьей станицы или посёлка, который не пользовался казачьими правилами. «У нас, кроме казаков, жили иноземцы, это разные ремесленники: плотники, кузнецы, вальщики, шерстобиты, портные, сапожники». Сакм.8; *казáчина*, -ы, ж. Казачья сторона, казачьи станицы. «Спрашивают, почему я люблю петь. С детства это во мне. Папа одобрял моё увлечение и нередко говорил: “Пой, мать, пока поётся, а замуж выйдешь — не придётся”. Люблю русские песни, пою украинские — они такие певучие, задушевные; пела и песни, которые приходили к нам из казáчины». Сарак.11; *разно-*

чинец, -нца, м. То же, что **иноземец**. «В нашей казачьей станице, да и в других тоже, жили не только казаки, а было много разночинцев: плотники, сапожники и др.». Соль.2 и др.

Следует отметить, что в дополнениях к словарю Б. А. Моисеева имеется незначительное количество тюркских заимствований, которые в «Оренбургском областном словаре» широко представлены терминами животноводства, названиями растений, диких животных, кушаний из молока и мяса, особенностей поверхности и климата (Моисеев 2010: 14). При этом одно слово представляет самостоятельную статью (**Ахма́н**, -а, м. Выговор. «У башкир школьное воспитание отличается мягкостью, почти единственное наказание — *ахман* (выговор)»), другие слова дополняют уже имеющиеся в словаре статьи (Моисеев 2010: 17), например: **Аша́ть**, -аю, -аешь, несов. Пить водку, пьянствовать. «Мой муж умер, молодой ещё, сорока не было». — «Наверно, ашал?» — «Да, ашал, часто ашал и много ашал, поэтому и умер». Тюльг.5 (в татарск. яз.: **ашау** — есть, кушать); **Ем-аши́ю**. Ем. «Тебе что давать-то? Что ты кушаешь?» — «Я всё ем-ашаю». Кварк.1. (см. **аша́ть**).

Уточнений к основному тексту Словаря встречается немало, например: **Га́рец**, -рца, м. Сбор на мельнице за помол зерна. «Смолот несколько мешков пшеницы, и взяла с меня всего 20 кг. гарца». Алекс.1., см. **га́рцевый сбор** (Моисеев 2010: 34). **Дельщик**, -а, м. Мастер плести дель (сеть). «У нас он рыбак и дельщик: всех снабжает сетями». Илек.1., см. **дель** (Моисеев 2010: 38). Нередко встречаются и отсылки к словарным статьям «Оренбургского областного словаря»: **Долгушка**, -и, ж., рыбол. Разновидность морды. «Плетут ещё длинные ловушки, похожие на морды, называют долгушками». Соль.4., см. **морда** (Моисеев 2010: 96). **Дрючкóвый; дрючкóвый лес** — молодой берёзовый лес, идущий на дрючки (жерди, слег). Соль.9., см. **дрючок** (Моисеев 2010: 42). **Помочáне** — участники *помочи*, см. **по-**

мочь (Моисеев 2010: 135) «*После помочи хозяин угощает всех помочан*» Соль.4. *Прихехёшка*, -и. То же, что *прихожулька*, см.: (Моисеев 2010: 140) «*Да, это прихехешка моя из здешних*». Кварк.1. Тюльг.2. и др.

Необходимо отметить территориальную вариантность диалектного слова, например: *вековуха*, -и, ж. Одинокая женщина, не вышедшая замуж. «*После войны многие девушки не вышли замуж: женихов не было. И остались вековухами*». Соль.4. «*Вековуху не бьют по уху*». Соль.2.; *вёкша*, -и, ж. То же, что *вековуха*. «*Ищу, ищу жениха, боюсь, как бы векшей не завековать*». Тюльг.2. Следует отметить, что такие же лексические единицы с тем же значением зафиксированы в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ 4: 102, 105). Особого замечания требует слово *векша*, имеющего в СРНГ прикреплённость только к смоленским говорам, что с учётом особенностей заселения Оренбургского края выходцами из Смоленской губернии (в частности, территорий современного Тюльганского района) позволяет подтвердить его исходную принадлежность. Тем более, что Б. А. Моисеев особо выделяет смоленскую диалектную лексику (например, *облога* — залог, залежь, *полбйник* — головастик), сохранившуюся «в некоторых поселениях под названием “Смоленка”» (Моисеев 2010: 14–15).

В ряде случаев оренбургские говоры демонстрируют развитие семантической и словообразовательной структуры известного во многих диалектах слова, например: *Востраки́*, -ов, мн. Шпоры петуха. «*Петухи востраками дерутся, друг друга бьют*». Соль.4. (ср.: *Востряк*. 2. Предмет с острыми краями (СРНГ 5: 150)); *Понёвница*, -ы, ж. Крестьянская девушка. «*Да какой он человек? Он всю свою жизнь за понёвницами гонялся*». Окт.1 (ср.: женщина, которая носит понёву (СРНГ 29: 255)); *зевáло*, -а, ср. Отверстие горшка. «*Налмила в горшок меду до самого зевала, полный, наравне с краями*». Тюльг.1. (ср.: в Словаре В. И. Даля: «*Зев — рот, пасть, хайло, жерло, жерловина, раструб*», в СРНГ *зевá-*

ло, зёвало — 1. Большой рот. 2. Крикун. 3. Медлительный, нерасторопный человек. 4. Простак (СРНГ 11: 242)) и под.

Нередко территориальные расхождения можно рассматривать как условные. Достаточно показательно сопоставление материалов СРНГ и дополнений к «Оренбургскому областному словарю» Б. А. Моисеева, ср.: *зыбка*, -и, ж. Тонкий, слабый, ещё не окрепший лёд на озере, реке в начале зимы; под тяжестью человека такой лёд заблется и трещит. *«Мальчишки бегали по зыбке, топтались на ней и провалились: двое утонули сразу, остальных спасли»*. Соль.7.–12. *Зыбку делать*. Бегаю по тонкому льду реки или пруда, колебать, распатывать его. Покр. Влад. 1905–1921 (СРНГ 12: 31). Очевидно, что сочетание *зыбку делать* предполагает и наличие слова *зыбка* в том значении, которое имеется в оренбургских говорах. Осмелимся предположить, что это сохранившаяся лексика первых переселенцев, тем более, что они были носителями говоров Владимирско-Поволжской группы (Моисеев 2010: 6).

С другой стороны, совпадение значений слова *одёнок* (1. Остатки сена, соломы, хлеба на месте стога, скирда. Свердлов., Челяб. (СРНГ 23: 12) — 1. Остаток сена от стога, скирды. *«Одёнок сена остался, сложил его и поехал»*. Илек.4. (Моисеев 2010: 113)) можно рассматривать как сколки прежних говоров Оренбургской губернии, в которую входили территории современной Челябинской и отчасти Свердловской областей. Всё это требует особого изучения в плане выявления бытования вторичных говоров и их отношений с лексическими системами материнских говоров [Бекасова 2015].

В дополнениях к «Оренбургскому областному словарю» Б. А. Моисеева встречается и специфическая оренбургская лексика, связанная, например, с такими «брендовыми» для Оренбуржья сферами деятельности, как пуховязание и выращивание арбузов, например: *Кочетинная* в словосочетании *«спрясть в кочетинную ножку»* — неумело спрясть

шерсть, пух в толстую и неровную пряжу. Окт.6. **Вяжущее село** — село, жители которого занимаются вязанием пуховых платков. «*Наше село Жёлтое (Саракташский р-н) — вяжущее село; многие жители, а также девушки, в том числе школьницы, вяжут пуховые платки*». Сарак.5.; **Арбузная мерка**. Круг с ручкой, сделанный из проволоки или тонкой полоски жести с диаметром 30–35 см. В прошлом местные жители продавали свои арбузы заготовительному пункту, находившемуся в г. Соль-Илецке. Для сбора арбузов использовалась арбузная мерка. «Если арбуз проходит в арбузную мерку, то заготовители его не берут». Соль.1. и др. К такой лексике можно также отнести слова, называющие явления исключительно данной территории типа **Бердяк**, -а, м. Житель посёлка Бёрды (Оренбургский р-н). «*В Бёрдах жили казаки, мы их называли бердяками*». Орен.9. **Вилёк**, -лká, м., переносн., пренебр. Киргиз (киргизин). «*Раньше киргизов (казахов) вилокками называли: у них бритые головы, похожие на вилок капусты*». Соль.1. и др.

В дополнениях имеются и устойчивые сочетания, например: **Тóрды-ёрды и колупáй с братом** — о людях: сброд, всякий пришлый народ. «*В степном посёлке всякий сброд собрался, кто тут живёт: Тóрды-ёрды и колупáй с братом*» Орен. **Тёх-митёх и колупáй с братом** — недалёкий человек, человек ни то ни сё. «*Что ты за человек? По-моему, тёх-митёх и колупай с братом*» Курм.1. **Калгáн**, в сочетании «*взять на калган*» — побить, наказать. «*Воршика украл арбуз, его и взяли на калган*». Орен.1. **Гузно́**, -á, ср. В устойчивом сочетании **гузно подопрёт** — наступит тяжёлая пора, безвыходное положение. «*Если гузно подопрёт, то и Бога вспомнишь*». Орен. **В нетя́х**. Быть в нетя́х, находится в нетя́х — отсутствовать. «*Говорят, собрание было, а меня почему-то не пригласили?*» — «*Да, ты же был в нетя́х, уезжал куда-то*». Орен. и под.

Дополнения к «Оренбургскому областному словарю», безусловно, представляют интерес для дальнейшего изуче-

ния русских говоров на обширной территории в плане расширения доступного лексикографического материала, его интерпретации и выявления особенностей бытования вторичных говоров в сложных экстралингвистических условиях.

Литература

Абубакирова Л. Ф. Диалектное изучение русского языка в Оренбургском крае // Вестник ОГПУ. 2011. № 4. С. 17–24.

Атлас Оренбургской губернии с прилегающими к ней местами по ландкартам Красильникова и топографии П. И. Рычкова 1755 года: издается на средства А. И. Зеленцова Оренбургским отделением Русского географического общества по макету 1880 года / Науч. ред. А. А. Чибилев; авт.-сост. С. В. Богданов; отв. секретарь изд. А. А. Соколов; подгот. текста Е. П. Клинков; подгот. картогр. материала С. В. Авраменко. Оренбург: Печ. Дом «Димур», 2007. 16 с.

Бекасова Е. Н. Об особенностях формирования и бытования русских говоров Оренбуржья // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы VII Международной науч. конф. (Чита, ЗабГУ, 5–6 декабря 2014 г.) / Сост. Г. Д. Ахматова, Ю. В. Звезда. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 190–193.

Бекасова Е. Н. Основные направления лингвистических исследований Оренбургского края // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 3. С. 98–107.

Бекасова Е. Н. «Труд целой жизни»: к 90-летию со дня рождения Б. А. Моисеева // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей Международной научно-практической конференции / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 321–326.

Зорин Н. И. К истории изучения оренбургско-чкаловских говоров // Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та им. В. П. Чкалова. 1956. Вып. 8. С. 295–313.

Моисеев Б. А. Оренбургская областная диалектологическая хрестоматия (учебное пособие по русской диалектологии). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. 132 с.

Моисеев Б. А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. 380 с.

Моисеев Б. А. Топонимические очерки Оренбуржья. Оренбург: Изд-во «Оренбургская книга», 2016. 416 с.

Мызников С. А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтничном окружении // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 1 (58). С. 187–195.

Названия ягод и ягодных растений в русских говорах Пермского края и иных территорий

М. В. Боброва

В статье рассматривается фитонимическая номенклатура, зафиксированная в русских говорах Пермского края. Изучены лексические и структурные особенности номинаций лексико-семантической группы «Ягоды» (названий ягодных растений и их плодов) в сопоставлении с данными говоров иных территорий (по сведениям «Словаря русских народных говоров»). В пермской «ягодной» лексике выявлены общерусские закономерности и региональные особенности.

Ключевые слова: диалектология, фитонимы, ягоды, пермские говоры, СРНГ.

Настоящая статья посвящена изучению актуального вопроса вариативности в русском языке, в данном случае — вариативности в области диалектной фитонимической номенклатуры. Наша цель — выявить словообразовательную специфику зафиксированных в Пермском крае единиц лексико-семантической группы (далее ЛСГ) «Ягоды», а именно названий ягодных растений и их плодов, в сопоставлении с данными говоров иных территорий.

Актуальность исследованию обеспечивает уже то, что оно выполнено на материале названий ягод и ягодных растений. Хотя фитонимы изучаются отечественными исследователями с конца XVIII в., количество работ, посвященных ягодам, и сейчас невелико. Это, например, описательная статья Н. П. Гринковой «О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках» [Гринкова 1958], кандидатская диссертация Е. И. Чинок «Номинация ягод и ягодных растений

в современном русском языке» [Чинок 1985], отдельные параграфы кандидатской диссертации Ю. Ю. Саввиной «Фитонимическая лексика елецких говоров» [Саввина 2010], работы И. В. Бродского и В. Б. Колосовой, в которых изучались наименования ягод, включающие «медвежьи» компоненты [Бродский 2007; Колосова 2012], статья М. В. Флягиной о названиях черемухи в русских говорах [Флягина 2010], статья О. В. Мищенко «К этимологии сев.-рус. *талая морошка*» [Мищенко 2012], статьи в этнолингвистическом сборнике «Этноботаника» под редакцией В. Б. Колосовой (см., например, [Агапкина 2010; Бродский 2010; Колосько 2010]). Косвенно с заявленной нами темой связана статья В. И. Смирнова «Севернорусское орудие для сбора ягод» [Смирнов 1941].

Наиболее близки к заявленной нами теме несколько работ. Это кандидатская диссертация Т. А. Бобровой, в которой исследовательница обращалась к словам с суффиксами *-ик(a)*, *-иц(a)*, выступающими в роли маркера названий ягод и ягодных кустарников в русском языке [Боброва 1976]. Ягодам посвящена глава диссертации В. А. Меркуловой «Происхождение названий дикорастущих съедобных растений в русских говорах» [Меркулова 1965] и отдельная глава в ее же монографии «Очерки по русской народной номенклатуре растений» [Меркулова 1967]; в монографии выявлены типичные словообразовательные и семантические модели, свойственные русским фитонимам (литературным и диалектным), и предложена этимология фитонимов, в том числе и названий ягод. Названиям ягод посвящена карта № 11 электронного диалектологического атласа для школьников с научно-популярными комментариями [Букринская и др. URL]. Карта является словообразовательной, т. к. отражает ареалы распространения суффиксов, которые используются в таких названиях. Ее сопровождает комментарий, в котором попутно делаются некоторые замечания об этимологии отдельных названий.

Помимо указанного, актуальность нашего исследования обеспечивается тем, что оно выполнено на материалах пермских говоров, и, насколько нам известно, это делается впервые. При этом пермские материалы вписываются в общерусский диалектный контекст.

С целью изучения словообразовательной специфики указанной ЛСГ были обобщены данные «Словаря русских народных говоров» (СРНГ, вып. 1–48) и диалектных словарей Пермского края, а именно: «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)» (Акчим. сл.), «Словаря пермских говоров» (СПГ), «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа» (СРГКПО), «Словаря русских говоров севера Пермского края» (СРГСПК, вып. 1) и его картотеки (КСРГСПК), «Словаря русских говоров Южного Прикамья» (СРГЮП). Список лексем дополнен материалами, полученными в Пермском крае в ходе опроса сельских жителей по вопроснику программы собирания сведений для ЛАРНГ (Программа ЛАРНГ).

Ограниченные рамками статьи, мы остановились на названиях, относящихся к 12 преимущественно травянистым растениям, ягоды которых наиболее востребованы (главным образом для употребления в пищу, реже с иной целью) в Пермском крае: брусника, садовая клубника, голубика, ежевика, дикорастущая земляника, дикорастущая клубника, клюква, княженика, костяника, малина, морошка, черника. Номинации, связанные с садовыми культурами, привлечены также потому, что они обладают яркой региональной спецификой. Изучены общие названия указанных растений и их плодов. Отклонены: 1) наименования тех растений, плоды которых не востребованы, т. к. не имеют практической ценности для пермского крестьянина и / или ядовиты (например, названия волчегодника) или востребованы не повсеместно (например, названия ягод калины); 2) названия ягод древесных растений (например, рябины, крушины); 3) названия растений, не идентифицированных собирателями и лек-

сикографами (*белый воронец* ‘травянистое лекарственное растение’ (СПГ 1: 119), *брюква* ‘ягоды желто-красного цвета, растущие на болотистых местах’ (СРГСПК 1: 155), *бугустал* ‘ягода (какая?)’ (СРГСПК 1: 159), *вишенье* ‘душистая трава, используемая для приправы; листья ее похожи на вишневые’ (СПГ 1: 106), др.); 4) слабо дифференцированные общие и видовые наименования растений (прежде всего названия смородины); 5) названия отдельных растений определенного вида, их сортов, частей плодов и др. (ср. *земляничник* ‘кустик земляники с корнем’ (СПГ 1: 325, 326), *сибирка* ‘скороспелый сорт садовой земляники’ (СРНГ 37: 265), др.); 6) географические термины, именующие участки, занятые такими растениями (*землянижник* ‘место, поросшее земляникой’ (СРНГ 11: 257), др.); 7) лексемы, отражающие состояние плодов: наименования незрелых, переспевших и т. п. ягод (*белоносик* ‘недозревшая ягода клубники садовой’, см. цитату в (СПГ 1: 31), *рокаци* ‘неспелая морошка’ (СРНГ 35: 169), др.); 8) названия ягод как единичных предметов (*брусничнина, малинина, клубничнина, журавнинка*, др.). Если лексема в словаре сопровождается неразвернутым толкованием типа «Брусника», «Морошка» и т. п., мы рассматривали такое название, как относящееся и к растению, и к его плодам.

Приходится констатировать существование «фантомных» названий. Например, фиксация в СРНГ *мезянка* наряду с *медянка* указывает, скорее, на неверное прочтение рукописного *d*, вплоть до полного смешения с рукописным *з*. Естественным видится наименование, апеллирующее к цвету морошки, поспевающие ягоды которой напоминают по цвету медь, в то время как *мезянка* — слово с затемненными мотивационными связями. И подтверждением нашему предположению служит то, что обе лексемы отнесены в СРНГ к одному региону (Свердловская область). Результат неверного прочтения рукописной карточки усматриваем также в названии ежевики *аонина*, на что указывает фиксация *ажина*

в материалах В. А. Меркуловой, названия *ожсин, ожсина* в СРНГ. Очевидна ошибочность толкования лексем *ежсеница, ежунница* в «Словаре пермских говоров», т. к. ежевика не может обладать указанными информантами признаками: *Ежсеница растёт, травка у ей маленькая, как у землянички, а ягода под вид малины, но вкусней малины, цвет тёмно-бурый; Каменка шибко вкусная, листочек-от как у земляничцы; в лесу на солнышке растёт; каменка ещё ежсеницей зовется; Ежунница по лугам, по кочкам растёт; она как малина вкус; листочки как у земляничцы, темная земляничцы* (СПГ 1: 245). Такое описание позволяет предположить, что *ежсеницей, ежунницей, каменкой* в пермских говорах называют княженику (ср. также названия этого растения и его плодов в других говорах: *иженика, каменица*). Прямых доказательств «фантомности» ряда лексем нет, и такие названия учитывались в предложенном лексикографами варианте.

Осветим прежде всего лексические особенности «ягодной» номенклатуры.

Было выявлено: 69 (42,6%) названий 12-ти указанных растений и 93 (57,4%) названия их плодов (всего 162 единицы, 100%) в говорах Пермского края; 375 (50,7%) названий растений и 364 (49,3%) названия ягод (всего 739 единиц, 100%) в других говорах. Эти цифры явно расширяют представления о численности диалектной «ягодной» лексики в сравнении с замечанием В.А. Меркуловой, которая опиралась на сведения «Атласа русских народных говоров» 1957 г. по говорам Вологодской, Костромской, Ярославской, Калининской, Курской, Орловской, Брянской, западной части Калужской областей: «Названия ягод в русском языке образуют небольшую по объёму группу, немногим более полусотни слов, не содержащую большого числа синонимических образований» [Меркулова 1967: 203].

В русских говорах иных территорий общее количество названий ягодных растений и их плодов примерно одинаково

(разница незначительна и составляет всего 1,4%), пермские же диалекты не отвечают этой тенденции (разница возрастает до 14,8%). При этом в большинстве фиксаций названия растений и ягод идентичны (*бруснянка, гонобобер, жасровица, мороха* и под.): в говорах Пермского края названия оказываются тождественными для растений и их плодов в 122 (75,3%) случаях (61 идентичная номинация); по данным СРНГ, в говорах идентичны 612 (82,8%) названий (306 идентичных номинаций). В Пермском крае функционирует всего 8 (4,9%) «только растительных» лексем и 32 (19,8%) «только ягодных». На других территориях «только растительными» являются 69 (9,3%) лексем, «только ягодными» — 58 (7,9%) лексем. С учетом количественных данных сокращается количество оригинальных (неповторяющихся) названий: до 101 (62,3% от общего количества) в пермских говорах и до 433 (58,6% от общего количества) в говорах других территорий.

Представленные показатели позволяют сделать ряд заключений.

Во-первых, с известной степенью осторожности можно предположить, что количественные данные указывают на разную степень ценности плодов для жителей разных регионов. Возможно, для населения Пермского края именно плоды приобретают особую значимость в связи с тем, что на этой территории, небогатой растительной пищей, ягоды всегда являлись одним из основных продуктов питания, а также лечебным и профилактическим средством у крестьян. Вследствие этого в говоре имеется большее количество номинаций, а также возрастает важность верной идентификации и дифференциации именно ягод, а не собственно растений, которые иной ценностью (или, наоборот, опасностью) могут не обладать. Различение растений, полагаем, значимо в ситуациях, не отвечающих регулярным промыслам большинства населения: например, при заготовке травянистых частей в лечебных и иных целях или при необходимости запомнить места, обильные растениями со съедобными плодами, но обнару-

женные не в период плодоношения. Данная закономерность, в случае правильности наших выводов, должна быть справедлива для всех северных регионов, однако эта гипотеза требует проведения специальных исследований, в частности — в русле ономасиологии (в аспекте мотивации), семиотики (этнокультурного значения ягодных растений), этимологии.

Во-вторых, большое количество идентичных названий для растения и ягоды, полагаем, указывает на то, что в наивных представлениях диалектоносителей (как, впрочем, и любого рядового носителя языка) растения и их плоды чаще не различаются. Ср. в иллюстративных примерах к словарным материалам: *Векошья малина, она растёт на болоте, на берегах, как земляника, цвет другой, как бурдовая, малина-то розовая* (Акчим. сл. 1: 100); *На болотах раньше ягоды росли: клюква, морошка, черника* (Акчим. сл. 6: 177); *Брусника, земляника — всяки ягоды у нас тут были, сейчас тоже есть* (СПГ 1: 60); *Еженица растёт, травка у ей маленькая, как у земляники, а ягода под вид малины, но вкусней малины, цвет тёмно-бурый* (СПГ 1: 245); др. Иными словами, соотносительные в пермских и иных говорах показатели говорят о нерелевантности для территориальных диалектов различения объектов номинации по признакам «растение» / «ягода». Отсюда проистекает общая тенденция к метонимизации названий (по типу синекдохи). Вполне естественным следствием этого видится то, что часто исследователи (в том числе, например, В. А. Меркулова), лексикографы не разводят названия растений и их плодов. Так, в словарях может отсутствовать детализированное толкование (ср. *брушница* 'брусника' (СРГЮП 1: 81)) или же использоваться дефиниция типа «Растение.., а также ягоды этого растения». Реже составителями словарей разводятся идентичные наименования для растения и его плодов; в таких случаях оформляются разные оттенки или лексико-семантические варианты через шаблоны типа «Растение...», «Ягоды такого растения / этого кустарника». Но если первое логически обоснованно, то

второй подход представляется уже искусственным, привнесенным из научной ботанической номенклатуры; применение его целесообразно только в исключительных случаях — при однозначном различении номинаций растения и его плодов в говоре. И мы далее, при изучении словообразовательных элементов, не будем различать «растительные» и «плодовые» морфемы.

В-третьих, можно говорить о существовании «ягодных» названий, определяющих лексическую региональную специфику говоров. В пермских диалектах обнаруживаются номинации, фиксируемые и на иных территориях (всего 108 лексем и словосочетаний, 67,3%) и существующие только в пермских говорах (всего 54 лексемы и словосочетания, 32,7%). К числу последних относятся: а) наименования растений: *брусничка*, *брушника* 'брусника', *виктория*, *глубника* 'садовая клубника', *ежина* 'ежевика', *землянина*, *землянишница* 'земляника', *клубленика*, *клубничка*, *лубянига* 'клубника', *болотница*, *журавшник*, *подснежница* 'клюква', *векошья малина*, *ежевига*, *еженица*, *ежуница*, *каменка*, *княженига* 'княженика', *мороща* 'морощка', *чернишник* 'черника'; б) наименования ягод: *брусничка*, *брушника*, *жаровика* 'брусника', *виктория*, *викторя*, *глубника* 'садовая клубника', *ежина* 'ежевика', *землянина* 'земляника', *лесная клубника*, *лубянига-ягода* 'клубника', *болотница*, *болотная ягода*, *жаровика*, *жаровница*, *клюковка* 'клюква', *векошья малина*, *ежевига*, *еженица*, *ежуница*, *земляная земляника*, *земляная малинка*, *каменка*, *княженига*, *княжна ягода*, *луговая малина*, *розовая малина* 'княженика', *малинина*, *малинки* 'малина', *мороща* 'морощка', *черменига*, *черничка* 'черника'. Не обнаружено специфичных местных названий для голубики и костяники. Убеждаемся в большой роли диалектных словарей, составляемых в отдельных регионах и дополняющих данные СРНГ.

Обратимся далее к вопросу о специфике структуры исследованных номенклатурных единиц.

Наименования ягодных растений и ягод в Пермском крае не отличаются большим разнообразием способов словообразования и словообразовательных элементов. Наиболее распространён суффиксальный способ словообразования (62 названия растений, 76 названий ягод, всего 85,2%), в одном случае лексема образована сложением без интерфиксации (*лубянига-ягода*), в одном — конфиксальным способом (*подснежница* ‘растение и ягода клюква’), 11 (6,8%) наименований представляют собой словосочетания по типу согласования (*лесная клубника, векошья малина, княжна ягода, болотная ягода, розовая малина, земляная земляника, земляная малина, земляная малинка, луговая малина; векошья малина и земляная малина* многозначны), 10 (4,9%) лексем являются производными (однозначные *викторя, ягода* и многозначные *виктория, клюква, малина, мороша*).

Выявлено 17 суффиксов и их вариантов: *-к(а), -ик(а) / -ник(а) / -еник(а), -иг(а) / -ниг(а) / -ениг(а), -ина, -их(а), -иц(а) / -ниц(а) / -ениц(а) / -униц(а), -ник-, -ен-* (всего 15) в названиях растений (*княжка, жаравика, глубника, глубеника, лубянига, глубнига, глубенига, ежина, жеровица, земляница, землянишница, еженица, ежуница, чернишник, измоден*) и *-к(а) / -янк(а), -ик(а) / -ник(а) / -еник(а), -иг(а) / -ниг(а) / -ениг(а), -ина, -их(а), -иц(а) / -ниц(а) / -ениц(а), -очк(а)* (всего 14) в названиях плодов (*каменка, голубянка, журавика, голубника, клубника, брусника, глубника, глубенига, малинна, ежита, болотница, жаровница, глубеница, земляничка*). Только в названиях растений в наших материалах зафиксированы морфы *-униц(а)* (встречается и в других номинациях растений, ср. *медуница*), *-ник-* (вероятно, через метонимические наименования аффикс заимствован из географической терминологии, где с его помощью оформляются

названия мест, поросших растениями одного вида, ср. *голубичник, земляничник, ельник, рябинник* и т. п., а также фитоним *можжевельник*), *-ен-* (единичный среди «ягодных» названий аффикс причастного происхождения: вероятно, лексема *измоден* 'растение костяника' происходит от *измодеть* 'сгнуть, испортиться' (СРНГ 12: 147)). Только в названиях ягод, по нашим данным, встречаются морфы *-янк(а)*, *-очк(а)*, производные от частотного «ягодного» суффикса *-к(а)*.

«Ягодным» названиям в говорах других территорий свойственно большее количество используемых способов словообразования. Аналогично пермским фитонимам здесь присутствуют цельнооформленные единицы (подавляющее большинство) и синтаксические конструкции (*козелья ягода, собачья малина, черная малина, дикая клубника, пёстрая ягода, земляная мурошка* и др., всего 14 (1,9%) фитонимов). Среди однословных единиц также наиболее востребован суффиксальный способ (303 названия растений и 292 названия плодов, всего 595, т. е. 80,5%). 28 наименований (17 «растительных», 11 «плодовых»; 3,8%) возникло путем конфиксации. 25 наименований (10 «растительных», 15 «плодовых»; 3,4%) образовано способом сложения; все композиты являются результатом переосмысления и перераспределения основы вследствие «народной этимологизации» заимствованного из финно-угорских языков названия голубики (*гонобобель*) и отнесены в эту группу условно, ср.: *конобой, конобобель, конобой, гоноболъ, гонобобер* и др.). 53 «ягодных» названия (25 «растительных», 28 «плодовых»; 7,2%) непроизводно либо возникло путем метафоризации или метонимизации (ср. *клюка, жура, мороза, вахлаки, горшочки, толкачики, ягода* и под.). Одно наименование растения возникло путем конверсии (субстантиват *сорокоприточная*). В 13 случаях идентификация элементов словообразовательной структуры значительно затруднена, однако сюда отнесены лишь самые сложные примеры, хо-

тя мы отдаем себе отчет в том, что и в других случаях возможны различные трактовки, однако остановимся на этом вопросе ниже.

Отмечается гораздо большее разнообразие аффиксального оформления, выявлено 54 суффикса (инварианта и их варианта и вариации), 9 конфиксов: 1) *-ав-* / *-ав(а)*, *-ак-* // *-як-* / *-няк-* / [-аг- //] *-яг-*, *-ак(а)* [// *-як(а)*] / [-аг(а) //] *-яг(а)*, *-ак(а)* [// *-як(а)*], *-ель-*, *-ен-*, *-ень-*, *-ен(а)* // *-ён(а)*, *-ен(я)* / *-ин(я)*, *-ёр(а)*, *-ик-*, *-ин-*, *-инец-*, *-ј(е)* / *-евј(е)* / *-овј(е)*, *-иг(а)* / *-ниг(а)* / *-ениг(а)* / *-яниг(а)*, *-ик(а)* / *-ник(а)* / *-аник(а)* // *-яник(а)* / *-еник(а)* / *-уник(а)*, *-ин(а)* / *-евин(а)*, *-их(а)* / *-них(а)*, *-иц(а)* / *-ниц(а)* / *-авиц(а)* / *-евиц(а)* / *-овиц(а)* / *-ениц(а)* / *-униц(а)* / *-яниц(а)*, *-к(а)* / *-анк(а)* // *-янк(а)* / *-енк(а)* // *-ёнк(а)* / *-унк(а)* / *-ишк(а)* / *-ушк(а)* / *-овк(а)* / *-очк(а)*, *-ник-* / *-аник-* / *-евник-* / *-обник-* / *-очник-* // *-ошник-*, *-н(я)*, *-ок-*, *-ух(а)* // *-юх(а)*, *-уш(а)*, *-ян(а)* (*жсарава*, *дурава*, *мохлаки*, *брусняк*, *листовняк*, *брусняк*, *дурака*, *косяга*, *дураха*, *гонобель*, *измаден*, *голубень*, *брусена*, *брусёна*, *брусеня*, *малиня*, *костёра*, *каменик*, *ожин*, *брусинцы*, *глазьё*, *глазовъе*, *глыжевьё*, *пьянига*, *глубнига*, *глубенига*, *круплянига*, *жувика*, *глубника*, *жсеваника*, *крупляника*, *брусеника*, *колбуника*, *губина*, *глажевина*, *ежиха*, *жсаравниха*, *кислица*, *кулубница*, *куравица*, *княжевица*, *вязовица*, *земенца*, *полуница*, *глубяница*, *морозка*, *межанка*, *низянка*, *брюсенка*, *голубёнка*, *пасьбунка*, *землянишка*, *лапушка*, *зубриловка*, *малиночка*, *гонобольник*, *медвежаник*, *глажевник*, *крыжовник*, *клюквочник*, *клюквошник*, *брусня*, *глазки*, *дристуха*, *синюха*, *малинуша*, *земляна* и т. д.); 2) *па-...-к(а)*, *па-...-ик(а)*, *па-...-ник*, *па-...-ник(а)*, *па-...-ниц(а)*, *по-...-к(а)*, *по-...-ник(а)*, *под-...-ник*, *под-...-ниц(а)* (*паземка*, *паземника*, *пазобник*, *пазывника*, *падубница*, *позюмки*, *позебника*, *подъягодник*, *подснежница* и др.). Абсолютное большинство аффиксов используется в фитонимах обеих подгрупп. Толь-

ко в названиях растений отмечаются суффиксы *-аник-*, *-ен-*, *-няк-*, *-яг-* (*медвежаник*, *измаден*, *листовняк*, *брусняг*), конфикс *под...-ник* (*подъядодник*); только в названиях ягод — суффикс *-очк(а)*, *-уш(а)* (*земляночка*, *малинуша*), конфикс *под...-ниц(а)* (*подснежница*).

Точные подсчеты по целому ряду причин затруднены, допускается различная интерпретация морфемного членения лексем (ср., например, *степняк*, *княжника*, *клубеника* и др.). Именно поэтому мы не приводим количественных показателей аффиксального распределения в нашей классификации, а лишь указываем на существование исторически сложившихся аффиксальных элементов.

В частности, даже в лексике говоров Пермского края — территории позднего заселения русскими, куда большая часть слов была перенесена в готовом виде из других регионов, — встречаются наименования с затемненной морфемной структурой; и количество таких слов многократно возрастает в центральных регионах с говорами раннего формирования. Неслучайны в большом количестве фиксации слов, которые, вероятно, имеют общее происхождение и структуру, но — в силу различных произносительных особенностей в диалектах-источниках — записываются в разных вариантах (ср. *ажина* и *ожина*, *вязовица* и *вязавица*, *жаровика* и *жсравика*, *жсеровика* и *жсравика*, *жсевича* и *жсевича*, *измаден* и *измоден*, *махлаки* и *мохлаки*).

В литературном языке, в силу стертости словообразовательных связей, вопрос решается достаточно просто: в «ягодных» названиях обычно выделяется наиболее распространенный суффикс *-ик(а)*, а все остальное принимается за корневую морфему (*клубн-ика*, *брусн-ика*, *черн-ика* и т. п.), *малина* считается непр производной лексемой. В говорах же выстраивается сложная система названий, которая указывает на иной характер членимости. В них, в частности, используются наиболее древние «ягодные» радикасы и аффиксы, и уточнить морфемную структуру позволяет рассмотрение одноко-

ренных (по происхождению) наименований, ср., например, в названиях клюквы: *жара, жарава, жаравика, жаравига, жаравина, жаравиха, жаравица, жаравлика* и т. д.; в названиях голубики: *голубель, голубень, голубёнка, голубика, голубига, голубина, голубинка, голубиха, голубица, голубичник, голубишник, голублянка, голубника, голубница, голубянка*. Очевидно, что иную морфемную структуру в говорах имеет и лексема *клубника* (ср.: *клубника, клубнига, клубница, клубничник, клубника, клубенига, клубеница, клубянка*), и иные.

Общую ситуацию осложняет и то, что с течением времени, чаще в силу древности или иноязычного происхождения, многие названия и корни были переосмыслены. Как следствие, в номенклатуре «ягодных» названий в пермских говорах, как и в говорах других территорий, встречаются искаженные названия. Поскольку семантические связи и мотивировки оказываются со временем стерты или изначально (в заимствованиях) отсутствуют, включается механизм «народной этимологии». В итоге происходит переосмысление и перераспределение морфем в членимых словах, нечленимые единицы усложняются и начинают члениться: ср. *сарбалина, сорбалина, сырбалина* — и *сырмалина*; *поляника* (вероятно, ‘ягода, произрастающая на полянах’) — и *поленника* (вероятно, ‘ягода, произрастающая в полях’); *гонобобель* — и *гонобоб, конобоб, конобой, голобоб, гонобобль, гонобобер* и т. д.; *скоборика* — и *снобориха*; *полевница* — и *половница*; *ежевика* — *жевика* — *живика*). Либо исконно членимые морфемы упрощаются и утрачивают способность делиться на части (ср. например, результат деглутинации — возникновение суффиксов с наращениями в виде *-н-, -ан-, -ен-* и др. под влиянием наименований, производящие основы которых были отягощены соответствующими суффиксами: *дурника, княжника* (вероятно, из *дурная ягода, княжская ягода*) — и *глубника, гнижника, голубника, жаравника, земляника* (вероятно, из *земляная яго-*

да) — и *глубяника*, *жсеваника*, *крупляника*; *землянка*, *косянка* (вероятно, из *земляная ягода*, *косяная ягода*), — и *глубянка*, *княжанка*, *снежанка* и др.). В результате этих процессов возникают новые модели образования слов указанной ЛСГ. Появляются даже «патологические», в терминологии В. А. Меркуловой, названия типа *черненига* по аналогии с *земленига*, *чернёнка* по аналогии с *бруснёнка*. Ср. также по данным СРНГ: *глаженина* из *глажина*, *морозка* из *морочка*, *глазьё* из *глыжи*, *половичник* из *полевичник*, *кистьяника* из *косяника*; среди пермских материалов: *брушника* из *брусника*, *виктория* из *виктория*, *глубенига*, *клубленика* из *клубника*, *жаровиха* наряду с *журавиха*, а также *черменига* (ср. *чёрмный*, *чёрёмный* ‘рыжий’), под.

По этой причине членение исследуемых названий нередко затруднительно; не всегда возможно с абсолютной уверенностью утверждать, что перед нами уже лексикализовавшийся результат декорреляции, усложнения, замещения, деглутинации, опрощения. И это справедливо в отношении всех русских говоров.

Тем не менее нельзя утверждать, будто в целом система словообразования «ягодной» номенклатуры размыта и не поддается изучению и обобщению. Внимательное изучение способов образования таких слов позволяет сделать вывод о наличии ядерных способов словообразования и аффиксов. Очевидно, что такое ядро составляют суффиксы, преимущественно со своеобразным «тематическим гласным» *-и-*: *-иг(a)*, *-ик(a)*, *-ин(a)*, *-их(a)*, *-иц(a)*, *-ник-*, а кроме того, *-к(a)* (этот ряд аналогичен тому, который был выстроен В. А. Меркуловой, но ею вместо суффикса *-ник-* указан суффикс *-ух(a)*, который, по нашим, уточненным благодаря СРНГ данным является редким). Среднюю зону поля образуют аффиксы более позднего происхождения: во-первых, варианты ядерных (с элементами *-и-*, *-еи-*, *-ани-*, *-яи-*, *-уй-*, *-ов-*, *-ев-*), возникшие, полагаем, при участии суффиксов прилагатель-

ных¹; во-вторых, самостоятельные в современном русском языке аффиксы (-очк(а), -овк(а), -ишк(а), -ушк(а) и другие суффиксы; конфиксы), образовавшиеся на базе ядерных элементов, но преимущественно с участием суффикса -к- и его производных. Периферию составляют нерегулярно, а обычно единично используемые аффиксы (-ав- / -ав(а), -ак- // -як- / -няк- / [-аг- //] -яг-, -ак(а) [// -як(а)] / [-аг(а) //] -яг(а), -ах(а) [// -ях(а)], -ель-, -ен-, -ень-, -ен(а) // -ён(а), -ен(я) / -ин(я), -ёр(а), -ик-, -ин-, -инец-, -j(e) / -евj(e) / -овj(e), -н(я), -ок-, -ух(а) // -юх(а), -уш(а), -ян(а)), способ сложения, конверсии, семантический (метафоризация, метонимизация). Группу лексики, отвечающей периферийной зоне, составляют регионализмы — наименования, функционирующие в отдельных говорах и небольших группах говоров.

Некоторые морфемы образуют соотносительные по роду формы, при этом один из вариантов (чаще женского рода) оказывается предпочтительнее. К таким парам относятся аффиксы: -ав- и -ав(а), -ак- // -як- и -ак(а) [// -як(а)], -яг- и -яг(а), -ик- и -ик(а), -ин- и -ин(а), под...-ник и под...-ниц(а). В пермских говорах такие пары отсутствуют.

Исходя из сказанного, аффиксальное оформление «ягодной» лексики в пермских говорах отвечает ядру общерусской системы наименований ягодных растений и их плодов. Но кроме того в них отмечено уникальное образование сложного слова без участия интерфикса (*лубянига-ягода*), отличающего наименование плодов от наименования растения (*лубянига*). Помимо этого, в других регионах не отмечаются все зафиксированные здесь двусловные наименования, за исключением *земляная малина* (*болотная ягода*, *векошья малина*, *земляная земляника*, *земляная малин-*

¹ «Основы имен прилагательных могут иметь суффикс -н-, а могут не иметь его (*голубой*). Это явление дает толчок для двух противоположных процессов: возникновение наряду с -ица / -ика / -ига сложных суффиксов -ница / -ника / -нига, -еница / -еника / -енига и присоединение суффикса -ица / -ика непосредственно к корню» [Меркулова 1967: 208]. См. также приведенные выше примеры опрощения.

ка, княжна ягода, лесная клубника, луговая малина, розовая малина). И, если в иных говорах такие номенклатурные единицы обычно образованы по модели «ягода + детерминант» (*козелья ягода, красная ягода, медвежья ягода, пёстрая ягода, подснежная ягода, пьяная ягода, синие ягоды*), то в пермских диалектах почти все словосочетания номинируют княженику и в качестве центрального компонента имеют лексему *малина*.

Суффиксы синонимичны и взаимозаменяемы, в местных диалектах «сосуществуют множественные дублетные формы» [Меркулова 1967: 203]. В этом отношении пермские говоры являются типично северными, в которых, как отмечает В. А. Меркулова, «наблюдается отсутствие единого словообразовательного ряда», в то время как «материалы южных говоров говорят о наличии устойчивого словообразовательного ряда с суффиксом *-ика*» [Меркулова 1967: 205]. Среди пермских фитонимов ср., например, названия черники: *чернига, черника, черница, чернишник*. Даже в одном населенном пункте могут использоваться самые разнообразные варианты наименований ягод, и нет возможности заявлять о предпочтительности того или иного варианта, о процессе вытеснения одного словообразовательного варианта / модели / типа другими. Ср., например, названия ягод, зафиксированные в речи четырех жителей пос. Павловского Очёрского района Пермского края: *брусника, брусница, брушница; голубика, гулубика; ежевица, ежевика, ежиха; земляника; клюква, болотница; малина; морошка; черника, черница*; или в речи одного жителя с. Кыласово Кунгурского района Пермского края: *брусника, голубиха, ежевика, земляница, клюква, малина, морошка, чернига, костянига*.

Основы с конечным губным согласным во всех говорах демонстрируют вариативность и могут иметь или не иметь *л*-эпентетикум перед гласными переднего ряда (по аналогии со сходными по структуре словами), ср. в пермских говорах:

журавика и *журавлика*, *журавиха* и *журавлиха*, *клубеника* и *клубленика*.

Таким образом, номенклатура ягодных растений и их плодов в русских говорах Пермского края в значительной степени подчиняется общерусским диалектным закономерностям образования слов ЛСГ «Ягоды». В частности, большинство наименований ягод имеет метонимическую природу и перенесено с названия растения (по типу синекдохи), хотя пермским говорам это свойственно в несколько меньшей степени (75,3% названий vs. 82,8% на других территориях). Наиболее востребован суффиксальный способ словообразования, причем даже чаще, чем в других говорах (85,2% vs. 80,5%). Как и в иных территориальных диалектах, хотя и в другом процентном соотношении, используется способ сложения основ, конфиксации, образуются номенклатурные единицы в форме словосочетания по типу согласования, фиксируются непроеизводные лексемы. Количество аффиксов, актуальных для «ягодных» названий, в Пермском крае значительно меньше, чем по данным всех регионов России (17 vs. 63 аффикса), но востребованы наиболее типичные суффиксы, в большинстве своем входящие в компактную зону словообразовательного ядра ЛСГ. Пермские говоры являются типично севернорусскими, для них характерно отсутствие единой, устойчивой модели словообразовательного ряда «ягодных» названий. Как и на других территориях, велико количество искаженных номинаций, появившихся вследствие действия «народной этимологии». Во всех говорах велика роль аналогии, которая стала причиной использования различных видов основ, появления большого количества новых «ягодных» аффиксов и формирования новых словообразовательных типов с участием таких основ и аффиксов.

Региональную специфику обеспечивает (помимо расхождений с общерусскими количественных показателей) то, что в Пермском крае количество названий плодов преобладает над количеством названий растений и названия плодов ча-

ще отличаются от названий растений как таковых, что свидетельствует о большей значимости именно ягод в жизни пермского крестьянина. В пермских говорах зафиксировано уникальное название, образованное способом сложения без интерфиксации.

Важным представляется продолжение работы по изучению фитонимов в русских говорах Пермского края в аспекте описания сложившейся лексико-словообразовательной системы, лексикографического описания говоров, решения вопросов прогнозирования дальнейшего развития местных диалектов, с привлечением более широких данных из региональных словарей.

Литература

Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: рябина // *Этноботаника: растения в языке и культуре* / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 238–253.

Боброва Т. А. Фитонимы на *-ик(а)*, *-иц(а)* в русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 266 с.

Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб.: Наука, 2007. 210 с.

Бродский И. В. Номинация финно-пермских фитонимов по признаку связи с народными поверьями // *Этноботаника: растения в языке и культуре* / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 32–39.

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Саркисьян С. Г., Голубева Н. Л., Николаев С. Л. Язык русской деревни: школьный диалектологический атлас. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/book/village/about.html> (дата обращения: 17.03.2017).

Гринкова Н. П. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках // *Славянская филология*. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 97–123.

Колосова В. Б. «Медвежьи» растения в русских говорах // *Русская речь*. 2012. № 5. С. 94–97.

Колосько Е. В. Метафорический перенос «растение — человек» в русских народных говорах // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ишполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 69–77.

Мержулова В. А. Происхождение названий дикорастущих съедобных растений в русских говорах: дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 362 с.

Мержулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. 260 с.

Мищенко О. В. К этимологии сев.-рус. *талая морошка* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат-лы II Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 198–201.

Саввина Ю. Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 298 с.

Смирнов В. И. Севернорусское орудие для сбора ягод // Советская этнография. 1941. № 5. С. 149–150.

Флягина М. В. Наименования черемухи в русских говорах (ареально-этимологический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 378–383.

Чинюк Е. И. Номинация ягод и ягодных растений в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. 234 с.

Лексико-семантическое поле «Ягоды»: опыт классификации (по данным СРНГ)

М. В. Боброва, И. И. Русинова

В статье представлен опыт классификации единиц лексико-семантического поля (ЛСП) «Ягоды». Классификация осуществлена на основе данных «Словаря русских народных говоров». Лексика отражает наивные представления о ягодах, отличные от научных ботанических теорий. Классификация включает морфологически и семантически разнообразную лексику и фразеологию: слова и фразеологизмы с предметной, атрибутивной, процессуальной, адвербиальной семантикой, в прямом и в переносном значении. Затронут вопрос о специфике наполнения ЛСП в русских говорах.

Ключевые слова: диалектология, лексико-семантическое поле, ягоды, классификация.

Народная фитонимия давно привлекает внимание исследователей. Можно назвать наиболее крупные и значимые отечественные работы в данной области, среди которых (Анненков 1878; Коновалова 2000); [Меркулова 1967; Боброва 1976; Чинок 1985; Иванов 1985; Налетова 2001; Смирнова 2002; Бродский 2007; Бурмистрова 2008; Колосова 2009; Этноботаника 2010; Летова 2012; Рубцова 2015] и мн. др.

Настоящее исследование выполнено в рамках традиционного для диалектологии подхода — ономаσιологического. Несмотря на традиционность применяемых методов, статья представляется актуальной, т. к. она нацелена на заполнение существенной лакуны. В процессе изучения научной литературы нам не удалось обнаружить классификации лексики, которая представляет значимые в традиционной культуре лексико-семантические поля (далее — ЛСП), отражающие

представления носителей русского языка о ягодах. Ранее мы уже обращались к изучению фитонимов — названий травянистых растений в говорах Пермского края [Русинова, Богачева 2003]. В настоящей публикации представлен опыт классификации лексики ЛСП «Ягоды» по данным сводного диалектного словаря — «Словаря русских народных говоров» (СРНГ, вып. 1–48). Всего выявлено и проанализировано более 1700 лексических единиц указанного ЛСП.

«Ягодные культуры — большая группа плодовых культур, состоящая из многолетних кустарников, полукустарников и травянистых растений, дающих сочные плоды» (СХЭС: 618). «Ягодой обычно называют сочный нераскрывшийся многосемянный плод, с тонкой кожицей и сочной мякотью. Плод — ягода — характерен для многих семейств растений: виноградовых, пасленовых, брусничных, крыжовниковых и др.»¹.

В соответствии с научными представлениями, «ягода — многосемянный плод с тонким кожистым внеплодником, сочным межплодником и твердым внутриплодником, который образует твердую спермодерму (семенную кожуру). (...) Если в развитии плода, аналогичного ягоде по структуре, принимает участие не только завязь, но и другие части цветка (например, цветоложе, как у клубники, земляники и шиповника), то такое образование называется ложной ягодой. Истинные плоды (орешки) могут находиться как на поверхности ложной ягоды (у земляники и клубники), так и внутри нее (у шиповника); сам же плод этих растений правильнее называть “многосоорешек”»².

Поскольку мы обращаемся к изучению говоров, которые отражают наивное сознание, ягодами мы будем называть также плоды, которые с ботанической точки зрения не являются истинными ягодами, в частности плоды (ложные яго-

¹См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ягодные_культуры (дата обращения: 04.01.2017).

²См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ягода> (дата обращения: 04.01.2017).

ды) земляники, малины, ежевики и некоторых других растений, ягодовидные шишки («шишкоягоды») можжевельника. Для традиционной культуры, в отличие от ботаники, не является релевантным разделение ягодных растений по типу ствола (деление на травянистые, кустарниковые и древесные), поэтому мы отказались от классификации по данному признаку.

Диалектная лексика русского языка, прямо или косвенно связанная с наименованиями ягод, составляет обширную группу, что и отражает «Словарь русских народных говоров». Поскольку мы ставили целью систематизацию лексики, *максимально* широко охватывающую обозначенную область действительности, нами были привлечены лексические единицы разных частей речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия и слова категории состояния; не только лексика, но и фразеология; единицы не только с прямым, но и с переносным значением. Отобранная лексика отвечает одному из следующих критериев: 1) называет предметы и явления, образующие денотативную сферу данной области действительности (названия ягод и ягодных растений, процессов сбора и заготовки ягод и т. п.); 2) связана с понятием «ягоды» семантически (номинации, в которых присутствует сема 'ягода', в том числе как неосновная, ср. *копа* 'человек, хорошо собирающий ягоды, грибы').

На наш взгляд, такой широкий подход к лексике «ягодной» тематики интересен тем, что, во-первых, отражает специфику лексического «покрытия» данного участка понятийной сферы и позволяет выявить связи «ягодных» понятий с другими зонами представлений о мире, характерных для носителей говоров. Во-вторых, он дает возможность «выйти» на другие аспекты научных изысканий, например на семантический аспект (исследование определенных лексико-семантических групп в их связи с другими ЛСГ в синхронии или в динамике), в область исследования концептосферы, представленной в территориальных диалектах (напри-

мер, при изучении наполняемости и степени проработанности отдельных микрополей данного ЛСП), или лингвокультурных особенностей (с целью выявления понятий и обозначающих их лексем, наиболее значимых для русской традиционной культуры). Структурированность ЛСП должна помочь, в-третьих, составителям словарей избегать типичных ошибок при подаче фитонимического материала. Так, наш опыт лексикографической работы и работы с лексикографическими источниками показал, что нередки случаи ошибочного или неполного описания ягодных растений и их частей. Часто, например, не разводятся понятия «растение», «части растения (стебель, листья, ягоды)» и «отдельное растение (ягода) одного вида»; «место, поросшее растениями одного вида» и «заросли растения определенного вида». Классификация же показывает, что эти значения (лексико-семантические варианты) возможно и необходимо различать. Кроме того, обращают на себя внимание расхождения в подаче лексики одной лексико-семантической или тематической группы (и это одна из острейших проблем продолжающихся словарей, которые создаются на протяжении многих лет разными авторами), в недостаточности или, наоборот, избыточности словарных дефиниций.

На том основании, что «поле — совокупность языковых (гл. обр. лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов 1998: 380], исследованное объединение лексики, которое описывает определенную область действительности, отраженную в понятийной сфере носителей говоров, мы рассматриваем как лексико-семантическое поле.

Далее представим разработанную нами систематизацию «ягодной» лексики и фразеологии.

1. Лексика, относящаяся к ягодным растениям

1. Наименования ягодных растений

анюткины глазки ‘лесной кустарник с ягодами, похожими на глаза’, *бараньи яйца*, *желомудина*, *кобыльи титьки* ‘растение жимолость’, *бирючьи кавуны*, *боровой перец*, *волчняк*, *дикое лыко*, *собачье бесиво* ‘растение волчьей ягоды’, *барыня* ‘растение боярышник колючий’, *бружница*, *княженица*, *кобылика*, *комоника* ‘растение арктическая поленика, княженника’, *брусёна*, *брусёнка*, *бруснига*, *бруснижка*, *бруснина*, *брусница*, *брусняг*, *брушница*, *брушничка*, *брюсенка*, *брюсница* ‘растение брусники’, *веснянка*, *жсарава*, *жсаравика*, *жсаравина*, *жсаровиха*, *жсаравица*, *жсаравлика*, *жсуравиха*, *клюквенник*, *клюквочник*, *клюкла*, *клюкма*, *клюковъ*, *подснежная ягода* ‘растение клюква’, *брусалка*, *деревяшка*, *кисленица*, *княженица*, *ледуница* ‘растение смородина красная’, *крупнижская трава* ‘полевая клубника’, др.

2. Наименования отдельных ягодных растений и их частей

1) Наименование отдельного растения: *глажевник* ‘кустик морошки’, *калинина*, *калиница* ‘куст калины’, *конобобельник*, *пьянишник* ‘куст голубики’, *рябинина* ‘дерево, куст рябины’, *сорбалина* ‘куст ежевики’, др.

2) Наименования частей ягодных растений: *брунь*, *грана*, *пяска*, *ряса* ‘гроздь, кисть ягод’, *бруснижник* ‘стебли, листья брусники’, *вишнёвник* ‘побеги и листья дикой вишни’, *гонобобельник* ‘стебли гонобобеля’, *клюквенник* ‘стебель клюквы’, *костянижник* ‘лист растения костяники каменистой’, *медведко* ‘гроздь рябиновых ягод’, *ручка* ‘остов виноградной кисти без ягод’, *рябика* ‘листья, ветки рябины’, др.

3. Наименования сортов, видов ягодных растений

бронец белый ‘растение, произрастающее в горах, с белыми ягодами; корень его употребляется от сердечных болезней, а ягоды от грыжи’, **бронец черный** ‘то же растение, но с черными ягодами; употребляется от «черной» грыжи’, **легкий бронец** ‘растение змеевец, заячья кровь, заячья соль, соколиные глаза, ягодки, дерябка’; **бружмель** ‘растение бересклет бородавчатый’, **бруслинина** ‘растение бересклет широколистный’, **брусьлина** ‘растение бересклет европейский’; **воробьятник, костяника, плодовитки, площадька, сайга, сайка** ‘сорта вишни’, **горькуша** ‘вишня с мелкими горьковатыми ягодами’; **долгий виноград, духовой виноград, желудёвый виноград, жирный виноград, зелёный виноград, пламенный виноград, пухляковский виноград, горюн, дурман, кисмиш, кистмиш, козья титька, плакунец, плечистик, пухляк, сибирёк, сикун, сцикун, сыпучка, тасля** ‘сорта винограда’; **сибирка** ‘скороспелый сорт садовой земляники’, др.

4. Наименования зарослей ягодных растений

бруснижник, брусняг, брусняк ‘заросли, кустарник брусники, брусничник’, **бузинник** ‘заросли бузины, бузинная роща’, **вишенье, вишнёвник** ‘заросли дикой вишни’, **вишник** ‘вишеник, вишневый сад’, **глубеннижник** ‘кусты клубники’, **кисличник** ‘кусты красной смородины’, **команичник** ‘заросли растения морошки’, **костянижник** ‘кусты растения костяники каменистой’, **куманичник** ‘кусты морошки’, ‘кусты растения костяники арктической, поленики’, др.

5. Наименования мест, поросших ягодными растениями

1) **Наименования участков, обильно поросших ягодными растениями:** *грива* ‘место, где кучно растут ягоды, грибы, деревья’, *грусна* ‘место среди тундры, богатое ягодами’, *делянка* ‘ягодная полянка в лесу’, *корешок*, *разлог* ‘ягодное место в лесу’, *кружок* ‘место, где растет много ягод’, *кулига* ‘место (обычно поляна), на котором растет большое количество ягод’, *куртинка* ‘ягодное или грибное местечко’, *рема* ‘место, где растет много ягод, грибов’, *поволок*, *поволока* ‘ягодное место на острове’, *рогожка* ‘место, покрытое ягодником’, *убойное место* ‘изобильное место, богатое ягодами’, *ягодная сторона* ‘место, где много ягод’, др.

2) **Наименования участков, поросших определенными ягодными растениями:** *бруснижник* ‘место, заросшее брусникой’, *глажсевник*, *глажсевичка* ‘место, где растет морошка’, *глажсевичаг* ‘поросшее лесом торфяное болото, на котором растут клюква и морошка’, *клюквенник*, *клюквочник*, *клюквошник*, *клюквичник*, *клюквшник* ‘место (болото), где растет клюква’, *команичный лес* ‘лес, в котором растет ежевика’, *костянижник* ‘место, где растет костяника’, *омшарёнка* ‘небольшое моховое болото, где растет черника’, *тюттина* ‘участок земли, занятый тутовыми деревьями’, др.

II. Лексика, относящаяся к плодам ягодных растений

1. Наименования плодовых тел ягод и их частей

1) **Наименования плодовых тел:**

а) **Общие наименования ягод (плодов):** *губина* ‘ягоды на кустарниках и деревьях — смородине, малине, калине, рябине, черемухе и проч.’, *нива* ‘грибы, ягоды’, *синяга* ‘лесные ягоды: голубика, черника’, др.

б) **Наименования ягод определенных растений:** *белоголов* ‘род ягод’, *бздика*, *бздника*, *бздюка*, *бздюха*, *бзника* ‘ягоды паслена’, *брунец* ‘ягоды черноголовника’, *брусена*, *брусёна*, *брусёнка*, *брусница* ‘ягоды брусники’, *бряква* ‘несъедобные ягоды желто-красного цвета, растущие на болотистых местах’, *глажи*, *глазки*, *глазьё*, *глыжевьё* ‘ягоды морошки’, *клюквенник*, *клюквочник*, *клюквошник* ‘ягоды клюквы’, *голобоб*, *голубель*, *голубень*, *голубига*, *голубина*, *голубиха*, *гонобоб*, *дурака*, *конобоб*, *конобобель*, *конобой*, *пьянки*, *синие ягоды* ‘ягоды голубики’, др.

в) **Наименования одной ягоды / одной ягоды определенного растения:** *буба*, *бубка*, *калева* ‘ягода (одна)’, *каливка* ‘ягодка (одна)’; *барыня*, *баярка*, *баянка*, *баярка* ‘ягода боярышника’, *брусничина*, *брусничинина* ‘одна ягода брусники’, *брюнец* ‘ягода, плод можжевельника’, *вишина* ‘вишня (ягода)’, *глажинина*, *глыжина*, *команичина* ‘одна ягода морошки’, *гонобобелина*, *гоноболина* ‘ягода голубики’, *грыжовина* ‘отдельная ягода крыжовника’, *жсравинина*, *жсравинина*, *жсравинина* ‘одна ягода клюквы’, *жсевичина*, *жсукovina* ‘одна ягода ежевики’, *землянижина* ‘одна ягода земляники’, *зерно* ‘ягода винограда, винограда’, *калинина*, *калиница* ‘ягода калины’, *клубничина* ‘одна ягода клубники’, *тюття* ‘ягода красной смородины’, др.

2) **Наименования частей плодовых тел (внеплодника, внутриплодника, сока, чашелистиков, плодоножек):** *бобок* ‘плодовая или ягодная косточка’, *брусонья* ‘брусничный сок’, *рассол*, *смага*, *смак*, *сулой*, *сусочь* ‘ягодный сок’, *кожуу* ‘кожура плодов (фруктов, ягод, картофеля) и грибов’, *кора* ‘кожура овощей, ягод’, *пикуль* ‘чашелистик (цветка или ягоды)’, *пяточка* ‘часть ягоды, соединенная с плодоножкой’, *стопа* ‘плодоножка у ягоды, винограда’, *сторожки* ‘плодоножки у яблок, ягод и т. п.’, др.

2. Лексика, связанная с обозначением различных особенностей плодов ягодных растений

1) **Наименования, связанные с обозначением возможности употребления ягод в пищу:** *боровинка* ‘общее название для лесных (боровых) съедобных растений: ягод, грибов и т.п.’, *губина* ‘общее название ягод, огородных овощей, грибов, употребляемых в пищу’.

2) **Лексика, связанная с обозначением окультуренности / неокультуренности ягод:** *борова* ‘все, находящееся в лесу: звери, деревья, птицы, ягоды и т.д., — необходимое для человека’, *боровинка* ‘общее название для лесных (боровых) съедобных растений: ягод, грибов и т.п.’, *вишника* ‘дикая вишня’, *глубеника* ‘садовая клубника’, *губина́* ‘дикорастущие ягоды, грибы’, *огородные ягоды* ‘ягоды, выращиваемые на приусадебном участке’, др.

3) **Лексика, связанная с обозначением окраски ягод:** *голубель*, *голубень*, *голубига*, *синие ягоды* ‘ягоды голубики’, *всузель*, *зеленец*, *зеленуха*, *зеленушка*, *сузелень* ‘зеленая, незрелая ягода’, *казачка* ‘ягоды черного паслена, имеющие светлую окраску’, *подзелёнок* ‘зеленый отенок (незрелых ягод, плодов)’, *сукрасна* ‘зеленый, незрелый, неспелый (о ягодах)’, *сукрасень* ‘в недозрелом состоянии (о ягодах смородины)’, др.

4) **Лексика, связанная с обозначением размера ягод / гроздей ягод:** *балаболка* ‘большая ягода [какая?]’, *земляничина* ‘большая ягода земляники’, *кистистый* ‘имеющий много кистей, с большими кистями (о винограде)’, *рянный*, *рянной* ‘отборный, крупный (о плодах, ягодах)’, *сильный* ‘крупный, большой (о плодах, ягодах)’, *споркой* ‘крупный (о ягодах)’, *китица* ‘большая гроздь каких-либо ягод’, *китка* ‘небольшая гроздь каких-либо ягод’, *рянная* ‘большая кисть ягод’, др.

5) **Лексика, связанная с обозначением вкусовых качеств ягод:** *горькуша* ‘вишня с мелкими горьковаты-

ми ягодами’, *прутовая кислица* ‘красная смородина’, *слепить* ‘связывать, стягивать во рту (о вяжущих свойствах ягод черемухи)’, др.

6) **Лексика, связанная с обозначением качественного состояния ягод:** *водопелый* ‘водянистый (о ягодах)’, *губина* ‘свежие ягоды’, *гуноболя* ‘давно собранный или приготовленный (о ягодах, хлебе и т. п.)’, *обрусеть* ‘завясть, засохнуть (о ягодах)’, *оклёвок* ‘заклеванный, оклеванный птицами плод, ягода’, *рясный* ‘хороший, красивый, сочный, спелый (о плодах, ягодах)’, *скутурённый* ‘сморщенный, съезжившийся (о ягодах)’, *сухолицый* ‘высохший, сухой; не сочный (о траве, ягодах и т. п.)’, *сушенки* ‘ягоды, засохшие на кусту’, *сыровизна* ‘свежие ягоды, фрукты, овощи’, *сырой* ‘только что собранный, свежий (о ягодах)’, др.

7) **Лексика, связанная с обозначением особенностей пространственного расположения ягод в кисти:** *дробная кисть* ‘кисть винограда с редко расположенными стебельками и ягодами’, *распирка* ‘малоурожайная кисть калины с редкой ягодой’, *сбитая кисть* ‘густая, плотная кисть винограда’, *сторожками*, в знач. нареч. ‘о редком, далеко друг от друга расположении ягод на кистях черемухи’, др.

3. Лексика, связанная с процессом созревания ягод

1) **Лексика, связанная с обозначением процессов созревания ягод:** *долить* ‘поспеть (о ягоде)’, *дозоривать* ‘доводить что-либо до зрелости, спелости’, *зорить* ‘держат на солнце ягоды, чтобы созрели, — например, клюкву или бруснику’, *пожить* ‘полежать некоторое время для созревания (о ягодах, плодах)’, *прилепать* ‘начинать зреть, краснеть (о ягодах)’, *разощуриться* ‘раскрыть сомкнутые листочки’ (о морошке), *совершиться* ‘дозреть, сохраниться (о плодах, ягодах)’, *сокрасеть* ‘созреть, покраснеть (о плодах, ягодах)’, *стекаться* ‘наливаться соком, перезреть (о ягодах)’, др.

2) Лексика, связанная с обозначением времени созревания ягод: *бойный* ‘последние перед заморозками (о ягодах или грибах)’, *погон* ‘поздние ягоды’, *появ* ‘первое появление грибов, ягод и т. п.’, *появочек* ‘первый гриб, первая ягода и т. п.’.

3) Лексика, связанная с обозначением степени зрелости ягод:

а) Лексика, связанная с обозначением незрелых ягод: *вползелена* ‘в недозревшем виде (о плодах)’, *залепуга*, *зелёбка*, *зеленец*, *зеленуха*, *зеленушка*, *зелепка*, *зелепуга*, *зелепужечка*, *зелепуж*, *зелепуха*, *зелёпуха*, *зелепушечка*, *зеленика*, *зеиночка*, *ражкач*, *рофкаль*, *рожкач* ‘зеленая, незрелая ягода’, *всузель*, *залепня*, *зелень*, *зелепука*, *лулаки*, *рохлячи*, *сузелень* ‘незрелые ягоды’, *жмурки* ‘о неспелых ягодах морошки, прикрытых чашелистиками’, *рожкачи*, *рохлицы* ‘незрелые ягоды морошки’, *зелепужок*, *опужочек* ‘незрелые ягоды (преимущественно земляника)’, *зелепушка* ‘зеленая, незрелая ягода (преимущественно земляника)’, *недошлый*, *несозревший* ‘неспелый, недозревший’, *односторонка*, *половинная ягода* ‘недозревшая, неспелая ягода’, *подсада* ‘мелкие, незрелые ягоды среди крупных, спелых’, *прозелень* ‘недозревшие ягоды’, *рохловатый* ‘не вполне зрелый (о ягодах)’, *рохлый*, *сукрасна*, *сыроватый* ‘зеленый, незрелый, неспелый (о ягодах)’, *сукрасень* ‘в незрелом состоянии (о ягодах смородины)’, *твердящий* ‘немягкий (о незрелых ягодах)’, др.

б) Лексика, связанная с обозначением спелых ягод: *дошлый* ‘спелый (о растениях, в том числе ягодах)’, *зрелец* ‘зрелые плоды, ягоды’, *зрелка* ‘спелая, зрелая ягода’, *маслянка* ‘зрелая, мягкая ягода морошки’, *сналивный* ‘созревший, сочный, наливной (о плодах, ягодах)’, др.

в) Лексика, связанная с обозначением перезревших ягод: *киселёк* ‘мягкая, перезрелая морошка’, *талье*, *тронька* ‘переспелые ягоды морошки’.

г) Лексика, связанная с осыпанием созревших ягод: *брусниться* 'осыпаться (о листьях, ягодах, цветах)', *опаль* 'опавшие плоды, ягоды и т. д.', *отряд* 'опавшие ягоды и шишки', *свалинка* 'паданец (о ягодах)'.

4. Лексика, связанная со сбором ягод

1) Лексика, связанная с процессом сбора ягод:

а) Лексика, связанная с обозначением процесса сбора ягод: *блукаться* 'ходить в поисках ягод, грибов', *бор* 'лов рыбы; собирание ягод, грибов и т. п.', *бранье* 'сбор, собирание ягод, грибов', *брать*, *котрять* 'собирать (ягоды, грибы)', *бросить* 'собирать, подбирать (ягоды, беличьи шкурки)', *лесничать* 'постоянно жить в лесу, собирать грибы, ягоды', *набить ягод* 'насобирать ягод', *палешить* 'ходить по лесу (за грибами или ягодами)', *побирать* 'собирать (грибы, ягоды и т. д.)', *повраться* 'заняться сбором ягод, грибов', *подбирать* 'собирать (ягоды) в каком-либо количестве, набирать', *присбирать* 'насобирать', *скрадывать* 'собирать (ягоды)', *сым* 'уборка (урожая)', в т. ч. ягод, *убирать* 'собирать грибы, ягоды', *ходить по оборкам* 'собирать ягоды на таком месте или с тех кустов, где уже их собирали', др.

б) Лексика, связанная с обозначением способа сбора ягод: *броснуть* 'собирать ягоды, забирая их всей горстью руки, отрывая от стеблей', *бруснуть* 'срывать ягоды, семена, зерна, захватывая сразу горстью', *бруснуть* 'срывать с ветки листья, ягоды, обрывать ягоды целой кистью, захватив их всей горстью // сорвать ягоды, листья сразу, в один прием', *молотить вересовку* 'собирать ягоды можжевельника рукой в рукавице', *околачивать* 'снимать урожай с деревьев, оббивая плоды палками', *посмоктать* 'пообрывать (разом, одновременно) листья, ягоды и т. п. (зажав в руке стебель, ветку)', *рваньё* 'срывание (растений), собирание (ягод, плодов)', *скубать*, *скубнуть* 'обрывать, отделяя от стебля, щипать ягоды, зелень и т. п.', *смонуть*

‘собирать ягоды горстями // собирать ягоды специальным приспособлением’, *смунить* ‘собирать ягоды, рвать листья, пропуская ветки между сжатыми в кулак пальцами’, *стручить* ‘ведя рукой по стеблю, снимать с него стручки, ягоды, листья и т. п.’, др.

в) **Наименования орудий, используемых при сборе ягод:** *готовник*, *грабилка*, *гребень*, *набирка*, *побирушка*, *ручка*, *рученька*, *сарпунька* ‘деревянный совок с зубьями, подобие совка-гребка, при сборе ягод грабилкой действуют как гребнем: проводят ею несколько раз по ягодным кустам, веточки кустарника проскакивают между зубьями грабилки, ягоды с них отрываются и остаются в совке, из совка ягоды сыпаются в корзину или в фартук; мелкая ягода проваливается меж зубцов, а листочки потом отвеиваются’, др.

г) **Наименования вместителей для сбора ягод:** *бирка* ‘корзинка для сбора грибов или ягод’, *биток* ‘берестяная конусообразная корзина с ручкой для собирания ягод’, *бурак* ‘сосуд из бересты цилиндрической или круглой формы для хранения или переноски чего-либо (в том числе ягод)’, *веко* ‘лукошко, корзинка с крышкой для ягод, грибов и т. п.’, *гаевун* ‘берестяной сосуд конической формы для сбора ягоды голубики’, *дуплё* ‘небольшая корзина из коры, бересты, кузов, «для собирания лесных ягод»’, *забелока* ‘маленькая корзинка, в которую собирают грибы или ягоды’, *катуль* ‘берестяное ведро, с которым обычно ходят за ягодами, грибами, шишками’, *куйбор* ‘берестяная корзина с привязанной к ней палкой, одним концом которой ударяют по ягодным кустам так, чтобы ягоды сыпались в корзину’, *конопочка* ‘прямоугольный сосуд из бересты для сбора ягод’, *побирушка* ‘небольшая корзинка, кружка для сбора ягод’, *ряжечка* ‘берестяной сосуд для хранения и переноски ягод, грибов; туесок’, *собирушка* ‘небольшая корзинка для ягод, грибов’, *ставешок* ‘плетеный короб, корзина для ягод’, *судновка*

‘корзина или любая посуда под ягоды’, *угловка* ‘берестяная корзинка для ягод’, др.

д) **Лексика, связанная с обозначением качества сбора ягод:** *обузоватъ* ‘оборать (ягоды, грибы и т. д.) не до конца, не совсем; напортить // оборать что-либо совсем, ничего не оставив’, *отбор* ‘овощи, ягоды и т. п., оставшиеся после сортировки (мелкие, плохого качества)’, *смомнить* ‘быстро и чисто собирать ягоды’, др.

е) **Лексика, связанная с обозначением времени сбора ягод:** *вешнига* ‘перезимовавшая на ягоднике брусника, которую собирают весной’, *вешница*, *вёшница* ‘перезимовавшая клюква’, *жаровлиха* ‘клюква, перезимовавшая под снегом’, *заповедание ягод* ‘договор односельчан не ходить в лес за ягодами до их поспевания с целью равномерного распределения ягод между всеми’, *заповедовать ягоды* ‘обычай договариваться односельчанам о том, чтобы не собирать ягоды в лесу, пока они не поспели’, *отбой* ‘конец ягодной (грибной и т. п.) поры’, *расповедывание* ‘снятие запрета на сбор ягод’, *роповедъ* ‘разрешение начать сбор лесных ягод, даваемое мирской сходкой’, др.

ж) **Наименования мест сбора ягод:** *бруснелочка* ‘дорожка, проход в зарослях ягодника (брусники, клюквы), который делается для облегчения сбора ягод; просвет, пространство между раздвинутыми стеблями брусники’, *вача* ‘помятый ягодник, обобранное ягодное место; следы, оставляемые в ягоднике сборщиками ягод’, *наборыши* ‘место, на котором собраны ягоды’, *оборка* ‘обобранные ягодные места’, *сборыши* ‘обобранный ягодник в лесу’, др.

2) **Лексика, связанная с обозначением ягод как объекта сбора:**

а) **Лексика, связанная с обозначением собранных (собираемых) ягод:** *зайбойные ягоды* ‘ягоды, оставшиеся не скошенными при покосе’, *обор* ‘собранные ягоды, грибы и т. п.’, *оборка* ‘ягоды, оставшиеся необобранными’, *озоръ*

‘остатки грибов, ягод и т. п. после сбора, продажи и проч.’, *субойный* ‘с трудом отыскиваемый, не видный (о ягоде)’, др.

б) Лексика, связанная с обозначением количества собранных (собираемых) ягод: *набрать дранку ягод* ‘набрать ягод столько, чтобы масса их закрыла первую от дна боковую лучину корзинки’, *нашмактать, нашимактать* ‘собрать в каком-либо количестве (о ягодах, плодах)’, *побирка* ‘количество набранного (ягод, грибов и т. д.)’, *плена* ‘большое количество грибов, ягод и т. п., растущих в одном месте’, *побранка* ‘о количестве набранных ягод, грибов и т. д.’, др.

в) Лексика, связанная с обозначением качества собранных (собираемых) ягод: *князёк* ‘первый, лучший сбор (ягод, грибов и т. п.)’, *побор* ‘собранные опавшие ягоды, кедровые шишки’, др.

г) Лексика, связанная с обозначением урожайности ягод:

— Лексика, связанная с обозначением большого урожая ягод: *груснетъ* ‘быть усыпанным яркими ягодами’, *клюквенной, клюквичный, клюквишный* ‘обильный клюквой’, *краснёхочко, красно* ‘о большом количестве каких-либо красных ягод’, *малинистый* ‘обильный малиной’, *неборимо* ‘много, очень много, так что все не собрать (о грибах, ягодах)’, *необеримый* ‘очень урожайный, обильный, так что все не собрать (о грибах, ягодах)’, *необеримая* ‘о большом количестве чего-либо (ягод, грибов и т. п.)’, *сгруженная матушка* ‘обильный урожай (плодов и ягод)’, *посильнетъ* ‘начать появляться, расти в изобилии, в большем, чем обычно, количестве (об урожае плодов, ягод и т. п.)’, *родиха* ‘о кустарнике, растении, приносящем много плодов, ягод’, *рясный, рясной* ‘густо, обильно усыпанный плодами, ягодами, кистями ягод, урожайный (о деревьях, кустарниках, растениях) // покрытый, усеянный ягодами (о месте)’, *рясное место* ‘ягодное, богатое ягодами место’, *рясь* ‘густота, обилие (ягод, плодов, листьев

и т. п.), *как синий сарафан* ‘очень много (о ягодах черники)’, *сбуйливый* ‘изобильный, обильный (об урожае ягод)’, *убойно* ‘много, большое количество (плодов, грибов и т. п.)’, *увешанье* чего-либо ‘обильный урожай чего-либо (о ягодах, яблоках и т. п.)’, др.

— Лексика, связанная с обозначением малого урожая ягод: *безъядица, безъядица* ‘неурожай на ягодах’, *конойный* ‘плохо уродившийся, побитый (о ягодах)’, *наборный* ‘бедный, небогатый (об урожае ягод, грибов)’, *разманный* ‘немногочисленный, не густой, редко встречающийся (о ягодах, растениях)’, др.

3) Наименования людей, участвующих в сборе ягод:

а) Наименования людей, собирающих ягоды, любящих это делать / хорошо собирающих ягоды: *берея* ‘женщина, занимающаяся собиранием ягод для домашнего употребления или для продажи’, *бральщик* ‘любитель собирать грибы и ягоды’, *лесник* ‘тот, кто любит ходить в лес за грибами, ягодами’, *сбиральщик* ‘сборщик (ягод, плодов, орехов и т. п.)’, *торновщик* ‘сборщик терна’, *ищевул* ‘тот, кто хорошо собирает грибы, ягоды’, *копа* ‘человек, хорошо собирающий ягоды, грибы’, *набируха, наберуха* ‘о женщине, которая набирает много грибов, ягод’, др.

б) Наименования людей, указывающих места произрастания ягод: *вожа* ‘женщина, указывающая своим спутникам грибные или ягодные места’, *поводырка* ‘женщина, показывающая другим грибные, ягодные места в лесу’.

5. Лексика, связанная с использованием ягод

1) Лексика, связанная с процессом переработки ягод:

а) Лексика, связанная с обозначением процесса и способов переработки ягод: *отваривать* ‘мариновать (грибы, ягоды)’, *перепускать* ‘провеивать на ветру ягоды, пересышая их из одной корзины в другую горстями’, *похру-*

кать ‘потолочь (ягоды)’, *потрясать* ‘очищая от сора, перекачивать, сыпать куда-либо (ягоды)’, *смажить* ‘выдерживать в жарко натопленной печи ягоды (обычно бруснику) для получения вязкого сока’, др.

б) **Наименования мест переработки ягод:** *площадь*, *площадка* ‘настил на чердаке для сушки ягод, рыбы и т. д.’.

в) **Наименования орудий для переработки ягод:** *самородка* ‘приспособление, которым мнут ягоды’.

г) **Наименования сосудов для переработки ягод:** *боченька* ‘небольшая бочка, закрытая с обоих концов, используемая обычно для мочения ягод или яблоч; бочонок’, *куженечка* ‘небольшой продолговатый низкий берестяной кузов без обруча внизу (для сушки ягод, просеивания муки и т. п.)’, *тарпан* ‘корыто, выдолбленное из камня, в котором, разминая ногами, выдавливают сок из винограда’, *топчило* ‘чан, в котором топчут виноград’, др.

д) **Лексика, связанная с обозначением ягод, их состояния на разных этапах переработки:** *жемириные* ‘остатки винограда после отжима из него сока’, *обваруха* ‘ягоды, обваренные кипятком для заготовки впрок’, *пукать*, *пукаться* ‘лопаться, трескаться при варке (о ягодах, зернах и т. п.)’, др.

е) **Наименования людей, участвующих в переработке ягод:** *топтарь* ‘работник, который топчет что-либо (виноград, кожу и т. п.)’.

2) **Лексика, связанная с хранением ягод:**

а) **Лексика, связанная с заготовкой ягод впрок:** *объягодиться* ‘запастись ягодами на зиму’.

б) **Наименования сосудов, оберточных материалов для хранения ягод:** *белье* ‘тонкие бараньи кожи, в которые завертывается привозимый торговцами изюм’, *горлатень* ‘узкогорлый сосуд для хранения зимой ягод (брусники, клюквы)’, *треног* ‘ушат на трех ножках, используемый для засолов, хранения воды, ягод’, др.

в) **Наименования ягодных хранилищ:** *карас*, *карус* ‘амбарчик из бревен или плах в виде сруба квадратной формы, который делается в лесу для собранных ягод или шишек’, *семья* ‘невысокий, закрывающийся сверху сруб для хранения ягод в лесу’, *струб* ‘небольшой амбар в лесу для хранения ягод и кедровых шишек’.

г) **Наименования заготовленных ягод:** *гузюм*, *зюм*, *изюма*, *изюменец*, *мезюля*, *мизуль*, *мизюль*, *мизюля*, *мизюра*, *нузюм*, *разынки*, *увзюм* ‘изюм’, *забза* ‘мелкий изюм’, *калинка* ‘коринка, мелкий сушеный изюм (который привозили на базар г. Златоуста из Средней Азии)’, *кишмень* ‘кишмиш, изюм’, *кориночка* ‘изюминка’, *кувшин*, *собаки* ‘связанные кисти ягод рябины, подвешиваемые осенью для подмораживания’, *медведко* ‘грозди рябины, насаженные на палочку и вывешенные на мороз’, *кышмыш* ‘мелкий белый изюм, кишмиш’, *малинник* ‘сушеная малина в виде лепешек’, *тестянка* ‘ягоды морошки в виде тесто-видной массы’.

3) Лексика, связанная с реализацией ягод:

а) **Лексика, связанная с обозначением кушаний и напитков из ягод:** *апогаре* ‘напиток, приготовленный из разных ягод и яблок’, *бобровичка* ‘водка, приготавливавшаяся в некоторых местностях России из ягод можжевельника’, *бронжеловник* ‘пиво из ягод этого растения [можжевельника]’, *бузинник* ‘кисель из ягод бузины’, *варенуха* ‘хмельной напиток из сухих фруктов и ягод’, *деревянное пиво* ‘сусло из можжевельных ягод’, *другак* ‘настой воды на виноградных выжимках’, *калина*, *калинник*, *калинница*, *калинуха* ‘названия различных кушаний с калиной’, *кирилка* ‘кушанье из рыбы, сваренной с ягодами вороники черной’, *левашник* ‘пирожок с начинкой из ягод (ягодного варенья, изюма и т. п.)’, *морсало* ‘моченая брусника’, *пастилка* ‘высушенный сок ягод (черники или голубики) в форме листов, плиток’, *пареница* ‘пареная брусника (или другая ягода)’, *порушка* ‘малиновый чай, настой на сушеной ягоде малине’.

рассол ‘ягодный сироп’, *сунило* ‘толченые ягоды с рыбьей икрой и жиром’, *сыромьятка* ‘протертые или толченые ягоды с сахаром’, *тюря* ‘кушанье из разведенного в воде толокна с ягодами (обычно с брусникой)’, *тяпа* ‘клюквенная каша с тыквой’, *тяпушка* ‘похлебка из толокна и ягод (клюквы, брусники) на молоке или воде’, ‘кушанье из свеклы с ягодным морсом’, др.

б) Наименования украшений из ягод: *наручни* ‘браслеты, часто из ягод рябины, нанизанных на нитку’.

в) Лексика, связанная с обозначением употребления ягод: *калинник* ‘любитель калины’, ‘прозвище жителей Великих Лук за их пристрастие к жидкой каше, приготовляемой из ягод калины’, *малинник* ‘любитель малины’.

г) Наименования людей, реализующих ягоды: *глажевница, глажинница* ‘торговка морошкой’.

Итак, в процессе классификации лексики «ягодной» тематики вычленены различные лексико-семантические и тематические группы. Отдельные такие объединения, включающие сему «ягоды» в качестве основной, составляют ядро ЛСП «Ягоды» (например, наименования ягодных растений и их плодов, сортов таких растений), другие лексемы входят в среднюю и периферийную зону (например, названия вместителей для сбора и хранения ягод, наименования процессов сбора и переработки ягод).

Отдельные микрополя и группы проработаны крайне неравномерно. Так, единичны наименования перезревших ягод, относительно частотны названия спелых плодов, но значительно более разнообразны названия незрелых. Обнаруживаются и лакуны: в частности, существуют специальные обозначения для любителей собирать ягоды, для людей, хорошо выполняющих такую работу, но отсутствуют названия, которые бы обозначали людей, не склонных к такой деятельности или осуществляющих ее некачественно. Детально лексически проработан процесс использования (переработки,

заготовки впрок, хранения) ягод, хорошо представлены названия блюд из ягод / с использованием ягод, но при этом фактически отсутствуют специальные названия для заготовленных плодов, исключения здесь составляют только наименования сушеного винограда (изюма).

Очевидно, что особенности заполнения ЛСП «Ягоды» (неравномерность, лакунарность или, наоборот, детальность проработки в отдельных микрогруппах и зонах поля) функционально обусловлены и определяются возможностями использования ягод и ягодных растений в хозяйственной деятельности русского крестьянина. При этом маркируются предметы и явления, непосредственно относящиеся к трудовым процессам (и поэтому отсутствуют названия для плохих сборщиков ягод или особенно частотны именованья незрелых, еще не готовых к употреблению ягод и немногочисленны наименования переспелых плодов, которые обычно не заготавливаются впрок). Очень показательны различия в плотности лексического «покрытия» зон, связанных с представлениями о садовой клубнике или землянике, не представляющих большой ценности в русской кухне и культуре, и о винограде, давно культивируемом проживающими в южных регионах русскими. Если с первыми связаны лишь единичные наименования таких культурных растений и их плодов, то «виноградная» лексика представлена крайне широко. Она включает многочисленные лексемы, преимущественно профессионально-терминологического характера, активно используется в обрядах.

На значимость данного ЛСП во всей лексической системе русских говоров указывает наличие правой мотивации исследуемых единиц. Помимо отраженных в классификации, обнаруживаются также лексические и фразеологические единицы, которые являются результатом семантических или словообразовательных процессов, пережитых лексикой, имеющей сему 'ягоды'. Вследствие преобразований в значении производного слова или устойчивого выражения может

наблюдаться даже утрата архисемы, но и в этом случае сохраняется связь с производящей лексикой. Семантически такие единицы уже перешли в иные ЛСП, но, благодаря наличию в их структуре компонентов изучаемого ЛСП, в них не стирается, хотя и затемняется «внутренняя форма», актуализирующая в неявном виде «ягодную» тематику. Например, выражение *клюквой торговать* ‘испытывать уныние, тоску; скучать’ отсылает нас к кислому вкусу ягоды клюквы. По данным исследователей, слова с семантикой «кислая пища», активно используются в характеристике человека [Пьянкова 2008: 13; Зверева 2016: 226–233], ср. единицы с похожим значением, образованные от корня *квас-*: *кваситься* ‘жаловаться, унывать’ (СПГ 1: 385), ‘скучать’ (СРГЮП 1: 381), ‘ныть, жаловаться, плакать (обычно о ребенке)’ (СРНГ 13: 159).

Можно говорить о нескольких группах единиц, мотивированных «ягодной» лексикой:

1) **Лексика, используемая для обозначения человека, его качеств, действий:** *бубка* ‘ласковое обращение к человеку’ (*бубка* ‘ягода’), *изюмная ягода*, *ягодка*, *ягодиночка*, *ягодка изюмочка* ‘о милом, дорогом человеке’, *как вороньи ягоды ела* ‘об умении точно предугадать что-либо’, *малиниться* ‘разговаривать о любви’, *малинка* ‘ласковое обращение к кому-либо’, *малиновая голова* ‘о бестолковом человеке’, *малиновая жизнь* ‘хорошая жизнь’, *наливная ягодка* ‘о милом, дорогом человеке (обычно в обращении)’, др.

2) **Наименования кого-, чего-либо в связи с периодами вегетации ягодных растений:** *Авдотьи-малиновки* ‘день 4 августа по ст. ст. (начало сбора малины)’, *колоколушник* ‘рыба линь (которая мечет икру в период цветения колоколуши — черемухи)’, *каликник* ‘рыба Abramis brama; крупный лещ. «Нерестится во время цвета калины»’, *лещи-рябиновики* ‘лещи, которые нерестятся во время цветения рябины’, *лещи-черемховики* ‘лещи, ко-

торые перестятся во время цветения черемухи’, *малинуха* ‘день памяти св. Евдокии 4 августа по ст. ст. — начало сбора малины’, др.

3) **Лексика, связанная с обозначением чего-либо, имеющего сходство с ягодами / с ягодами определенного растения:** *еловые ягоды* (*ёлочные ягоды*) ‘молодые еловые шишки’, *журавлиные ягоды* ‘спаржа’, *жарависьный* ‘цвета клюквы’, ‘бурый (о цвете)’, *малинистый* ‘напоминающий малину по запаху, вкусу и т. п.’, др.

4) **Наименования, связанные с обрядами, обрядовыми действиями:** *виноградье* ‘рождественские колядные песни, духовные стихи’, *калинка* ‘пирушка на второй день свадьбы, когда присутствующим показывают сорочку новобрачной, свидетельствующую о ее невинности, а родителей новобрачной угощают калиновой настойкой’, *малиночка* ‘эпитет жениха в величальных свадебных песнях’, *качать рябину* ‘обряд гадания под Новый год, при котором девушки, раскачивая рябину, по шелесту листьев старались узнать имя своего жениха’, *малинушка* ‘печенье, напоминающее по форме ягоды малины (подается на свадьбе)’, *распивать калинку* ‘обряд, совершаемый на третий день свадьбы, когда присутствующие поочередно подходят к молодым и кладут в рюмку, которую держит новобрачная, несколько ягод калины; молодой наливает в рюмку водку; каждый подошедший должен выпить водку и съесть ягоды калины’, др.

5) **Наименования птиц, животных, поедающих ягодные растения, их плоды:** *калинник* ‘птица, питающаяся ягодами калины (чаще всего — снегирь)’, *малый рябинник* ‘птица *Turdus pilaris* Pall.; дрозд-рябинник’, *крушинятник* ‘прозвище медведя за его пристрастие к ягодам: калине, малине и крушине’, др.

6) **Наименования не ягодных растений:** *дикая желтая рябина* ‘растение пижма обыкновенная’, *дикая малина* ‘растение лабазник вязолистный’, ‘растение сабельник болотный’, др.

Учет таких единиц расширяет лексико-семантическое поле до лексико-тематического, включающего разнородные единицы на основании тематической общности. Это позволяет выявить иные, смежные с данной, области понятийной сферы и установить лексико-семантические, словообразовательные, мотивационные связи с лексикой этих областей. Так, в настоящем случае обнаруживаются связи «ягодной» лексики с полями «Человек», «Растительный мир», «Садоводство», «Орудийная лексика», «Питание», «Птицы», «Сосуды, вместилища» и др.

Таким образом, лексика ЛСП «Ягоды» очень разнообразна. Предложенная развернутая классификация поля показывает, в частности, что в нем может быть выделено несколько зон (ядерная, средняя, периферийная) разной степени компактности; ЛСП заполнено в говорах неравномерно, с участками детальной проработанности и с лакунами. Заполнение зоны функционально обусловлено прагматической деятельностью номинаторов — носителей говоров, связанной с жизнеобеспечением.

Литература

Боброва Т. А. Фитонимы на *-ик(а)*, *-иц(а)* в русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 266 с.

Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб.: Наука, 2007. 210 с.

Бурмистрова Т. Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 175 с.

Зверева Ю. В. Семантика кислого в характеристике человека (на материале пермских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 226–233.

Иванов В. А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров): дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 221 с.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. М.: Индрик, 2009. 352 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Кузнецов А. М. Поле // Языкознание. Большой лингвистический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 380–381.

Летова А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 198 с.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. 260 с.

Налетова Н. И. Названия растений в псковских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2001. 224 с.

Пьянкова К. В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.

Рубцова О. Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков): дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2015. 218 с.

Русинова И. И., Богачева М. В. Фитонимическая лексика говоров Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. СПб.: Наука, 2003. С. 116–127.

Смирнова О. В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области: Номинативный и лингвогеографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 470 с.

Чинюк Е. И. Номинация ягод и ягодных растений в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. 234 с.

Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ишполитова. СПб.: Наука, 2010. 386 с.

Диалектный ландшафт Апшеронского района Краснодарского края (по материалам полевой экспедиции)*

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

В статье представлены результаты диалектологической экспедиции в Апшеронский район Краснодарского края: охарактеризованы фонетические и морфологические черты говора, продемонстрированы основные тематические группы диалектной лексики, отмечены зафиксированные локализмы.

Ключевые слова: говоры вторичного образования, кубанский диалект, лингвогеография, диалектная лексикография, региональный компонент.

В июле 2015 г. была проведена диалектологическая экспедиция в Апшеронский район Краснодарского края, цель которой — приступить к изучению говоров горно-предгорной восточной зоны Краснодарского края, одной из 10 лингвогеографических зон Кубани [Борисова, Костина 2014]. Апшеронский район в нынешнем составе существует с 21 февраля 1975 г. Диалектный материал собирался в следующих населённых пунктах: в станицах Кабардинской, Кубанской, Куринской, Лесогорской, Линейной, Нижегородской, Тверской, Ширванской, в хуторах Городок, Ерик. В ходе экспедиции были опрошены 110 человек разных возрастных групп (из них 45 — жители станицы Тверской, основной экспедиционной базы).

Неожиданным для собирателей оказалось, что многие информанты не ассоциируют Апшеронский район с Кубанью, противопоставляя его степным районам Краснодарско-

* Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 16-14-23002.

го края. Так, в станице Тверской в разговоре с квартальной было записано следующее высказывание:

То станицы стипные, багатые, а мы — дубагрызные. У них — зирно, а у нас — дубы. Мы бедные (Калугина В. С., ст-ца Тверская).

У нас картофиля многа была. Была у нас карова, паэтаму мы малако квасили, праствакваша с картофилим, хлеба ни была, патаму шта наши ни хлебный раён (Шульга Л. Н., 1933 г. р., ст-ца Самурская).

См. также другие зарегистрированные контексты:

— А не говорят тут *куга*, вот такое растение?

— *Эта у нас там на Кубани гаварили — куга.*

— А почему вы так говорите — «на Кубани», а это не Кубань?

— *Ну, Кубань, мы как-та ни цитаим, што на Кубани тут.*

— Тогда на Кубани это где?

— *Ну вот вакрых Саратовска, Бакинска, эта пол-Кубани ужэ, там праходит рика, там плавни.*

— А вот это что тогда — Апшеронский район?

— *А чёрт йиво знает* (Ковалева Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская).

— *В вайну, канешна, была очинь трудна, но нам лехчи была пирижывать, чем вот на Кубани.*

— Почему?

— *Патаму шта у нас лес, жолуди* (Матвиенко М. Т., 1925 г. р., ст-ца Ширванская).

— *Соль варыли, там бурыли промысил, так нефть дабывали, ну прабурыли, а нефти ни аказалась, пашла саленая вада. Станицэй всей там варыли соль, а патом ишли в чистые-чистые стипя и насили.*

— А почему так называли — «чистые степя»? Что это такое?

— *Ну там палей большы, чистые стипя. Ни так, как у нас горы. Там паля, ани палучали зирно, калхозы, а у нас*

тут ищо промыслы были. Калхос само сабой был, а промыслы — нефть, на гарам от там дабывали нефть, ани и сичас качалки стаят (Плотникова Л. П., 1932 г. р., ст-ца Кабардинская).

Предки современных жителей обследованных станиц в основном относились к казачьему сословию, но в беседах о прошлой жизни редко всплывали воспоминания информантов об особенностях казачьего уклада. Приведем описание казачьего дома из рассказа Дьяченко Н. И., 1938 г. р., жительницы ст-цы Ширванской: *Казачий дом — эта кагда каридор падвадной идётъ. Вот да дому ищё кругом каридор, как от навес у саседий. Толька на глухой стенки не была.*

И я казачка, адни казаки и мама. Наши прадиды в Гуриуфскай там жыли. Ну, там у них видиш как была: кагда радился сын, двацать пять сотак наделу дают зимли. Земли давали, и вот у них пять сынавей была и две дочки, мама и ищё систра. У них была своя маслабойня. Работали ани, и табак. Рабочих не была, все, и нивески; жыли, строили аддельна, а работали вмести. Ну, а патом начали кулачить, тада паразвезались. У нас атец и дядя Сирёжа были на фронти на лашадях. Казак жы, видиш, и ваивал жы и на лошади (Губарева Е. М., 1934 г. р., ст-ца Лесогорская).

Общая характеристика говоров

В целом на территории Апшеронского района бытуют кубанские говоры с южнорусской языковой основой. Между тем среди коренных жителей есть и такие, говор которых имеет украинскую языковую основу. Так, информант Коломиец Е. С., 1927 г. р., из станицы Нижегородской рассказала, что в её семье старшее поколение, её родители, говорило на кубанском говоре с украинской основой, который сохранился только в речи самой Екатерины Сергеевны: *Систра Таня парусски разгавариваит, сын па-русски, а я ужэ нэ пэрэвэрну язык.* См. также:

Ды фсяка гаварягт. Вот в Твирской балакают: «пишов, найшов, ушов», а мы вот ужэ па-руски гаварим (Губарева Е. М., 1934 г. р., ст-ца Лесогорская). Ужэ у нас папанька называлась, мы и халлы. Хто батя, хто той — у нас папанька и бабуся. Нэ бабушка, а бабуся (Горлова А. Я., 1932 г. р., ст-ца Тверская).

На фонетическом уровне наиболее устойчивыми оказались: поддерживаемое литературной нормой аканье, спорадическое яканье, фрикативное [g], протетическое [В] (*вико́на, во́сна, ву́ехали, вушл́и*), замена в начале слова У на В (*[в]го́дят, [в]зна́ть, [в]чи́лась*) и В на У (*[у]кúсно, [у]сё́, [у]черá*), замена предлога В на У слоговое (*у гара́х, у Краснада́ри, у низу́, у Но́вгаради, у сидьмо́й класс, у ха́ти у но́вай* и др.). Фонема <Ф> в речи представителей традиционного слоя заменяется сочетанием [ХВ] перед гласным (*свитахво́р, тилихво́н, хвамíлия, хвата́*) и [Х] перед согласным (*хронт*). Яркой произносительной чертой исследуемых говоров является веляризация [Р] перед гласными переднего ряда (*вэ́рыла, встрэча́ть, купы́л, рыба́та*). Функционируют лексические единицы, в которых имеют место диссимиляция по способу образования в группе смычных согласных (*это, трахторíст*) и ассимиляция зубных согласных с [j] (*свыня́, кутя́*).

Достаточно устойчива, как показывают наблюдения, флексия -У в II. п. ед. ч. у сущ. 2-ого склонения: *А раньшы и как была: на паталку́ куры нислись... И вот мы построили себе хатёнку на бугорку́, шоп визде видна была... Дом стаить на бугру́... У них агарот при дамú, мала там зимли, квартаира... Тада те грушы варылы на агню́... Трусы на шнурú завязаны... Дочка в са́дику была...*

Яркая грамматическая черта, характерная для южнорусского наречия, — флексия -Ы у сущ. ср. р. мн. ч. В. п.: *паслы ста́ды*.

Заметную устойчивость обнаруживает возникшее под влиянием украинского языка окончание -АХ у сущ. мн. ч.

с предлогом *по* при глаголах любого лексического значения: *Брадили черис рэчку и на паля́х, на грү́тках, ноги папало-паю́цца... Тада на работу хадили, чисов не была, на питу-ха́х работали... Битон возить на притпрія́тиях, люди заказуютъ... Сабирали грибы, ну раньшы были карагачники, на дирéвьях ани расли, таки малады, харошыи были... У калхози рвалы траву, на кустáх рвалы, сушылы... Ми-нять эту звёску на кукурузу, на пышницу на хутарáх... Хадить на лю́дях... Па гикта́рах разришыли арбузы са-жать...*

В сфере глагола наблюдается яркая южнорусская черта — мягкое [Г'] в окончаниях 3-го лица ед. и мн. ч. (*ва-ю́ють, выдаю́ть, гляди́ть, зна́ють, идúть, пла́чуть, па́шуть, паю́ть, рабо́тають, разриша́ють, растё́ть, се́ють, ска́жуть, спычúть* и др.). Частотно отсутствие конечного [Т] в окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа (*ба́читэ, вя́жэ, гуля́е, дажыда́е, ёдэ, мо́жэ, брэ́шэ, надаидáе, рабо́тае, спивáе, хва́тэ, цо́кае*). В речи пожилых людей последовательно сохраняется отсутствие исторических чередований в глагольных формах (*литю́, приби́гúшь, спекём, спросю́*).

Имеет место замена окончаний у глаголов 2-го спряжения в 3-ем лице мн. ч. окончаниями 1-го спряжения (*ва́рють, ви́дють, во́зють, вы́таплють, дра́зняют, дру́жуют, жэ́нюцца, йи́здють, калóтють, кру́тють, падво́дють, па́лють, патрúсють, патхва́тють, плóтють, покóрмють, посóдють, пригати́вають, правóдють, со́лють, су́шуть, харóнють, хо́дють, шкóдють* и др.).

В области инфинитива зарегистрированы формы с неслогообразующим суффиксом типа *заве́сть, переплы́сть, привéзть*. Устойчива особая форма инфинитива с удвоенным формообразующим суффиксом у глагола *идти* и его производных: *идти́ть, пойти́ть*.

Отмечается замена глагольного суффикса несовершенного вида -ЫВА- / -ИВА- суффиксом -А- в словах типа *загля-*

да́ть, пригляда́ться, разгляда́ть, наклада́ть, обеспе́чить, посклада́ть, склада́ть.

Зарегистрировано частотное употребление глаголов с суффиксом -УВА-, характерным для украинского языка (*забува́ть, завидува́ть, заква́шувать, корчува́ть, колдува́ть, обы́скувать, по́льзувать, подбе́лювать, расска́зывать, танцюва́ть, торгува́ть*). В 1-м лице мн. ч. зафиксировано украинское окончание -ЕМО: *оставля́емо*.

В области местоимений отмечены формы *ми́не*, вот *э́та*. Встречаются личные местоимения 3-го лица ед. ч. *вин, вонá*, обусловленные украинским влиянием.

На синтаксическом уровне обращает на себя внимание последовательное использование предлога ДО + Р. п. вместо К + Д. п. (*да ба́бушки, да кумы́*); предлога ЗА + В. п. вместо О + П. п. при глаголах речи, мысли, чувства (*рассказа́ть за де́цтва, за ба́пку*); предлога ОТ + Р. п. вместо беспредложного Р. п. при сравнительной степени прилагательных *старше, моложе, выносливее, толще* (*Люди старые выносливие от вас... На рэчки адёжу халстинную вильком били, он толщи от этой палки... Дочка старшы от нииво...*); предлога С вместо НАД с глаголами *смеяться, издеваться* (*смеяться с неё*); предлога ЗА + В. п. вместо ИЗ-ЗА + Р. п. (*разойтись за водку, ругать за него*); предлога ЧЕРЕЗ вместо ИЗ-ЗА (*Вона никуды ни выгадила чирис таво сына*).

Основной целью экспедиции был сбор лексического материала, осуществлявшийся различными методами, ведущими из которых являлись традиционные: беседа на заданную тему и опрос по Программе ЛАРНГ. Лексический ландшафт района во многом обусловлен природой этой зоны. Территория Апшеронского района представляет собой горную местность, покрытую лесом. Здесь находится известный в Краснодарском крае памятник природы — Гуамское ущелье (Гуамка), через которое проходит крупнейшая в России узкоколейная железная дорога. Местные жители называют уще-

лье *скало́й*: *Ана работала в скале. Абилечивала* (Ильченко Р. В., 1941 г. р., ст-ца Нижегородская). *На Луганаки ездили черис скалу* (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская). Многие наши информанты, по их словам, работали в советское время *в(у) лесе* или *в табаке* (колхозы и совхозы Апшеронского района специализировались на выращивании табака).

Приведём некоторые контексты, раскрывающие отношение жителей района к лесу, занимающему важное место в их жизни: лес — это и место работы, и материал для строительства, и источник пропитания.

Взрослыи срубали дерево, а пацаны абрубали. А мы, дивчачишки, растащили кастёр. Я щас чё удивляюсь, чё гарят лиса. Мы забывали кастёр затушить, ни забывали, а проста спишили на матавос, шоп увёс нас. И никада лиса ни гарэли, а щас лиса гарят... Знайти, как убирали фсё? Вот срубили дерева, да фсе придут и говорэ: «Вот эта дерева, шоп вот так срубали, а этат можна и вот так. И шоп если окала дерева стаит ветачка кисличка или грушка, как-нибудь, ребята, делайти, шоп ни патривожыть йиё». Срубили, сразу фсё прыбирали, жжыгали, вот. Ни так, как сичас (Матвиенко М. Т., 1925 г. р., ст-ца Ширванская).

А крышы крыли, дран из дуба, из дуба и из пихты, дран — тонкие, як щепки вроди, эта таки выбиралы, калолы. Як спищялисты, так пушкамы, щас, наверна, ныма нигде. А то салома, но у нас саломы тут мала, тока фсе пад дранью былы, мы ш тут лисьё, а там ужэ, де па стипи, там саломай крыли, а у нас тут дрань была ш, толька дрань. Ана лет двацать, а то и большы стаит уккрыта дранью (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская).

Тематическое разнообразие лексико-фразеологического состава говоров

Собранный в ходе экспедиции языковой материал позволяет представить тематическое разнообразие лексико-фразеологического состава изучаемого говора.

ТГ «Человек»

Имена существительные: *анчўтка* 'грязнуля', *баба́й* 'нелюдимый, замкнутый человек', *ба́бка* 'женщина, лечащая травами', *бабу́ся* 'бабушка', *байстрю́к* 'мальчик, рождённый вне брака', *байстрю́чка* 'девочка, рождённая вне брака', *балері́на* 'ленивая женщина', *ба́xorь* 'любовник', *бородá* 'подбородок', *бра́тка* 'брат', *бреху́ха* 'лгунья', *буры́льщик* 'бурильщик', *ветина́р* 'ветеринар', *виски́* 'волосы', *двоёшки*, *двойню́шки* 'двойнята', *двужы́льный* 'сильный, выносливый', *деды́* 'дед и бабушка', *дзы́га* 'шустрый человек', *ди́верь* 'деверь, брат мужа', *додёльник* 'хороший хозяин, мастер на все руки', *додёльница* 'трудолюбивая женщина, хорошая хозяйка', *дядько* 'дядя', *задрь́панка* 'неопрятная женщина или девушка', *званье́* 'имя', *калы́чка* 'калека', *каца́п* 'презр. выходец из Центральной России', *ковáль* 'кузнец', *колдо́вка* 'колдунья', *курва́ч* 'бран. гулящий мужчина', *ло́дарь* 'лентяй', *ло́дырька* 'ленивая женщина', *люби́тельница* 'любительница чего-л.', *мама́ша*, *мама́шка* 'крёстная мать', *ману́шечка* 'маленький ребёнок', *ма́терь*, *ма́тичка* 'мать', *молодн́ичка* 'молодая женщина', *ня́ня* 'старшая сестра', *папа́нька* 'отец', *папа́ша*, *папа́шка* 'крёстный отец', *пёсельница*, *пёсенница* 'исполнительница песен', *поро́да* 'близкие родственники, родня', *последу́шек*, *последы́шек* 'последний, обычно поздний ребёнок', *резни́к* 'специалист по убою животных', *родоки́* 'родственники', *свекрóвья*, *свекрóха* 'свекровь', *свекры́* 'свекр и свекровь', *своя́чница* 'свояченица', *ста́рец* 'нищий', *толстю́к* 'толстяк', *худорба́* 'худой человек', *чубя́ра* 'большой

чуб', *шайка* 'группа, компания людей', *яичник* 'человек, любящий яичницу' и др.

Имена прилагательные: *безздоровный* 'больной', *гладючий* 'полный (не только о человеке)', *горловастый* 'о человеке с громким голосом', *длиннобудылый* 'худой и высокий', *добытнóй* 'хозяйственный, расторопный', *жа́лкый* 'милый, дорогой', *забубённый* 'сварливый, скандальный', *зажа́тый* 'жадный', *занеха́нный* 'грязный, запущенный, неухоженный', *леда́чий* 'ленивый', *мото́рный* 'быстрый', *му́жесвый* 'мужнин', *небо́жий* 'больной', *неприда́нный* 'стеснительный', *помёньший* 'младший', *прида́тный* 'умелый, способный', *прии́нчивый* 'гостеприимный', *пындыко́вый* 'капризный, привередливый', *ра́дный* 'радостный', *ро́дный* 'родной', *сглазно́й* 'о человеке, на которого часто наводят порчу', *слу́хья́ный* 'послушный', *ту́тошний* 'местный', *увёжливый* 'вежливый, обходительный', *щедрожа́тый* 'очень щедрый человек' и др.

Глаголы: *байдаковáть* 'лейтяничать', *балáкать* 'говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой', *бáчить* 'видеть', *бу́чить*, 'замачивать и стирать белё в *буке*', *ва́жить* 'взвешивать', *вальковáть* 'класть вальки', *верта́ться* 'возвращаться', *вече́рять* 'ужинать', *взгезь* 'разозлить', *волово́диться* 'связываться, входить в предосудительные отношения с кем-л.', *выгледеть* 'выходить, вырастить', *голодовáть* 'голодать', *грать* 'петь', *грома́дить* 'сгребать сено в кучу', *гу́жесвáть* '1) веселиться; 2) распивать спиртные напитки', *гумани́ть* 'говорить', *дбáть* '1) делать; 2) заботиться, радеть о хозяйстве', *догоди́ть* 'угодить', *казáть* 'сказать', *като́ршитъ* 'обыскивать', *кула́чить*, *покула́чить* 'раскулачивать', *жа́лится* / *пожа́лится* 'жаловаться / пожаловаться', *жениха́ться* 'ухаживать за девушкой, предполагая впоследствии на ней жениться', *жури́ться* 'тосковать, печалиться, сокрушаться', *мордовáть* 'мучить', *набра́ть* 'купить', *надба́ть* '1) накопить; 2) приобрести, на-

жить', *нашмурьгать* 'нарвать', *недовольствоваться* 'выражать недовольство, быть недовольным', *обголашивать* 'оплакивать', *отбучить* 'отстирать бельё, замоченное в буке', *откидать* 'бросать родителей, не жить с ними', *партиризировать* 'паспортизировать', *перебивать* '1) разделять на части; 2) отбивать от кого-л., привлекать на свою сторону', *перенимать* 'встречать, поджидать', *погордиться* 'побрезговать, пренебречь', *погукать* 'позвать', *подгортать* '1) окучивать картофель; 2) сгребать', *поделиться* 'делиться', *подрать*, *выдрать* 'собрать яйца из гнезда', *попоховаться* 'спрятаться', *посердиться* 'рассердиться', *поховать* 'похоронить', *пригулять* 'родить без брака', *присебриться* 'присоединиться, присоседиться', *причитывать* 'причитать', *прогуляться* 'вступить в интимные отношения с мужчиной до свадьбы', *привестить* 'родить ребёнка', *пристыбриться* 'пристать к кому-л., привязаться', *прычепуриться* 'принарядиться, привести себя в порядок', *раевать* 'очень хорошо жить, как в раю', *разузнаться* 'стать известным', *распиться* 'спиться', *рятовать* 'звать на помощь', *скубти* 'ощипывать птицу', *спевать* 'петь', *слыгаться* '1) иметь с кем-то какие-то отношения (чаще негативные); 2) вступить в предосудительную любовную связь с кем-л.', *стрибать* 'ухаживать за девушкой', *тикать* 'убегать', *управляться* 'заниматься домашними делами, хозяйством', *ухондбкаться* 'сильно устать, выбиться из сил', *цакнуть* 'сфотографировать', *чимчиковать* 'идти', *чистить* 'ругать', *шкандыбать* 'идти, хромая', *шоферовать* 'работать шофёром' и др.

ТГ «Обрядовая лексика»: *бойре* 'близкий друг жениха, участник свадьбы', *везти постель* 'везти приданое невесты в дом к жениху', *вечер*, *вечёрка*, *вечерок* 'девичник перед свадьбой', *гильцо* 'атрибут свадебного стола: ветки, обмазанные тестом, запеченные и украшенные конфетами и лентами', *зелёные гусята* 'ещё не родившаяся живность, которую гости обещали подарить молодожё-

нам после того, как она родится’, *дружіна* ‘супруг или супруга’, *дру́жка* ‘подруга невесты на свадьбе’, *старшая дру́жка* ‘главная подруга невесты на свадьбе’, *подста́ршая дру́жка* ‘помощница *старшей дружки* невесты на свадьбе’, *дружко́* ‘друг жениха’, *дружковáть* ‘быть *дружкой* на свадьбе’, *кану́н* ‘поминальная кутья’, *карава́й* ‘круглый хлеб, который выпекают на свадьбу’, *ката́ть родітелей* ‘свадебный обряд: катание родителей на тачке, которое завершается их валянием в грязи’, *купа́ть родітелей* ‘свадебный обряд: купание родителей, вывалянных предварительно в грязи’, *забивáть кол* ‘обычай в последний день свадьбы во дворе, где женился последний ребёнок, забивать деревянный кол в землю, оберегающий от разводов и означающий, что в этом доме свадеб больше не будет’, *на курэ́й* ‘на третий день свадьбы’, *лэ́жень* ‘пирог продолговатой формы, украшенный калиной’, *ма́слена* ‘масленица’, *мыть посу́ду / по́лы*, *подбёлловáть* ‘отмечать четвёртый день свадьбы: гости мотивируют свой приход желанием помочь хозяевам дома, где проходило застолье, убрать, навести порядок’, *наряжа́ть Мелáньку, Васи́льку* ‘разыгрывать при щедровании шуточную свадьбу Маланки и Василия (31 декабря и 1 января христианами отмечаются как дни святых Мелании Римляныни и Василия Кессарийского)’, *наряжа́ть сосну́* ‘наряжать зелёную сосну, с которой *старшая* и *подстаршая дружки* и невеста ходят по дворам и приглашают других *дружек* на свадьбу; считалось позором, если кто-то отнимал у девушек наряженную сосну’, *перекрыва́ть доро́гу* ‘останавливать свадебный поезд, требуя магарыч’, *понеде́льничек* ‘третий день свадьбы с ряжеными’, *повеси́ть чайник* ‘отказать сватам’, *посади́ть под коры́то* ‘выйти замуж раньше старшей сестры’, *прóводы* ‘вечер у невесты накануне свадьбы’, *разреза́ть хлеб* ‘давать согласие при сватовстве, разрезав принесённый сватами хлеб’, *ро́жествова́ть* ‘ходить под Рождество по домам с поздравлениями и песнями, получая за это подарки; рожде-

ствовать', *сва́йба* 'свадьба', *сва́шка* 'распорядительница на свадьбе', *сваликува́ть* 'быть *свашкой* на свадьбе', *ши́шка* 'свадебная булочка, имеющая форму шишки', *щедрова́ть* 'ходить под Новый год или Рождество по домам с поздравлениями и песнями, получая за это подарки' и др.

ТГ «Народная медицина»: *анто́нов ого́нь* 'гангрена', *ба́бка* 'женщина, лечащая заговорами или травами', *бабува́ть* 'принимать роды', *беші́ха*, *сзглазні́я беші́ха* 'опухоль с нарывом, вызванная сглазом', *боле́зня*, *боле́сть* 'болезнь', *во́лос* 'нарыв на пальце', *вылива́ть* 'лечить молитвой или заговором', *су́чье вь́мя* 'гидраденит', *гі́ла*, *кі́ла* 'нарыв, чирей', *младе́нская*, *младе́нский*, *младе́нчик* 'детская болезнь спазмофилия', *нашаты́ривка* 'нашатырный спирт', *носи́ть под ку́рей* 'лечить ребёнка, плохо спящего по ночам, заговором, который произносится в курятнике', *о́гник* 'герпес', *па́калки*, *па́халки* 'ангина', *полу́чить* 'безл. чувствовать себя лучше', *са́лицы́лка* 'салициловая кислота', *сибу́рка* 'гнойное воспаление кожи, которое сопровождается высокой температурой', *сб́яшницы* 'аппендицит', *сухо́ты* 'болезненное истощение; болезнь, иссушающая тело', *шепта́ть*, *выше́птывать* 'лечить / вылечить заговором' и др.

ТГ «Одежда, обувь и их части, ткани»: *барахло́* 'вещи', *во́лна* 'шерсть', *зон* 'коленкор', *кухва́йка* 'фуфайка', *лохмоти́нка*, *лохмоти́шки*, *лохмоти́ь*, *лохмотья́* 'одежда', *матре́шка* 'клетчатый платок', *махры́* 'кисти на платке', *москві́чка* 'мужская куртка', *обреза́нки* 'сапоги с обрезанными голенищами', *вторі́чная оде́жда* 'ношенная одежда', *па́рочка* 'юбка и кофта, сшитые из одинаковой материи', *парусо́вки* 'туфли из парусиновой ткани', *плю́шка* 'женское полупальто из плюша', *подша́льник* 'тёплый головной платок', *по́риши*, *посто́лы* 'обувь из целого куска кожи, стягиваемого шнурком у щиколотки', *прорези́нки* 'прорезиненные тапочки', *румы́нки* 'высокие женские ботинки на шнурках', *спидни́ца*, *сподни́ца* 'нижняя юб-

ка', *учкѹр* 'тонкий пояс', *чѣботы* 'ботинки', *чивя́ки*, *чуя́ки* 'чувяки', *шжорбѣтъя* 'изношенная обувь', *шлы́чка* 'головной убор замужних казачек, надеваемый на пучок волос; небольшая шапочка, состоящая из круглого донышка и узкого бортика, которую надевали на собранный на затылке пучок волос и затягивали шнурком' и др.

ТГ «Пища и напитки»: *арья́н* 'напиток из пареного и кислого молока', *бала́бушки* 'сдобная булочка', *холѣд-ный борщ* 'окрошка', *бекмѣс* 'тростниковый мѣд', *варені-ца* 'тесто, раскатанное для вареника', *вершѣк* 'сливки в отстоявшемся молоке', *вечѣрошник* 'молоко вечернего удоя', *грѹдка* 'комок земли, угля, сахара и т. д.', *грудковѣй сáхар* 'кусковой сахар', *глывкѣй* 'о непропеченном хлебе', *жсегу-чáник* 'лепѣшка из крапивы', *зáтирка* 'суп, сваренный на воде, бульоне или молоке, заправленный мелкими, величиной с горошек, *катушками* круто замешенного пресного теста', *картофля́ник* 'картофельная лепѣшка', *картошáна* 'картофелина', *гарбѹзная кáша* 'тыквенная каша', *кулáга* 'жидкое кушанье из заваренной муки и сухофруктов', *лáдик* 'оладий', *мамалы́га* 'крутая каша из кукурузной муки', *мундѣр* 'картофель в мундире', *бляя* 'подсолнечное масло', *пáска* 'пасхальный кулич', *пелѣска* 'заквашенная кочанами капуста', *перегѣн* 'обрат', *прѣгарка* 'румяная корочка на топленом молоке', *ракá* 'самогон', *рванты́* 'галушки', *сдор*, *сдѣровое сáло* 'нутряное сало', *сколѣтина* 'пахта', *сметáна* 'сливки', *сѣус* 'тушѣное мясо с картофелем', *сыр* 'творог', *узвáр*, *узвáрчик* 'компот с сухофруктами', *ѹтреш-ник* 'молоко утреннего удоя', *жѣтный хлеб* 'ржаной хлеб', *чурѣ[э]к* 'лепѣшка не из пшеничной муки', *шжѣрка* 'кожура картофеля', *стáлинский шоколáд* 'жареные семечки', *юхá* 'уха', *юшка* 'жидкая часть кушанья' и др.

ТГ «Предметы быта и их части»: *балабѣн* 'колокольчик', *баты́г* 'кнут в виде длинного ремня на деревянной палке', *бедáрка* 'одноконная повозка на двух колѣсах', *бук* 'бочка для замачивания и стирки белья', *вѣлек* 'валѣк

для стирки белья', *верста́к*, *верста́ть* 'ткацкий станок', *весёлка* 'лопатка для замешивания теста', *тарельчатые весы* 'весы с чашами для взвешивания', *вико́на* 'икона', *ви́лка*, *ви́лки* 'вилы', *вихото́к*, *ви́хоть* 'тряпка для мытья посуды', *вы́варка* 'большая кастрюля', *гарлы́га*, *ярлы́га* 'длинная палка с крючком, которой чабан ловит овец', *гру́бка* 'печь, напоминающая голландскую', *доёнка* 'ведро для дойки', *дubróйна* 'боковой борт телеги', *дрот* 'проволока', *жело́* 'остриё топора', *жу́хало* 'меха для подачи воздуха в кузнечный горн', *кагане́ц*, *копты́шка* 'светильник, состоящий из черепка с маслом и фитиля', *ката́лка* 'скалка', *ко́дра* 'покрывало из грубых ниток', *колу́н* 'топор', *ко́рчик* 'ковшик', *креса́ло* 'огниво; кусок камня или стали для высекания огня из кремня', *косы́ё* 'рукоятка косы', *куши́н* 'кувшин', *лино́ль* 'линолеум', *лисапе́д* 'велосипед', *лито́вка* 'небольшая коса', *маки́тра*, *маки́торка* 'глиняный горшок', *махо́тка*, *махо́точка* 'небольшой глиняный горшочек', *налы́гач* 'верёвка, которой привязывают корову или быка за рога', *оку́юнок* 'неполный мешок', *ополо́нник* 'половник', *перере́з* 'невысокая кадushка с широким дном', *подзо́рник* 'отделанная кружевами занавеска кровати, идущая до пола', *прискры́нок* 'узкий отдел в сундуке для хранения мелких предметов', *пря́ха* 'прялка', *рога́ч* 'ухват', *рубёль* 'валёк для катания белья', *руши́к* 'вышитое полотенце', *ры́мба* 'водосточный жёлоб', *рышта́к*, *рыштачо́к* 'жёлоб, корыто, из которого поят овец', *рядно́* 'холст из пеньковой или грубой льняной пряжи', *серни́к* 'спички', *самотка́нный станок* 'ткацкий станок', *сту́ла*, *сту́лка* 'стул', *табаре́тка* 'табурет', *таранта́чка* 'тарантас, повозка', *толкы́шка* 'пестик', *трушля́к* 'друшлаг', *ход* 'бричка', *цебор* 'у колодца', *черепо́к*, *черепу́шка* 'посуда из обожжённой глины', *чикю́ха* 'деревянный молоток с длинной ручкой для колки дров', *чи́стик* 'железная лопаточка для прореживания посевов некоторых сельскохозяйственных культур', *чу-*

ва́л ‘мешок’, *шво́рка* ‘верёвка’, *щётка* ‘кисть для побелки или покраски’ и др.

ТГ «Постройки и их части»: *баз*, *базо́к* ‘огороженное место, как правило, с крытыми помещениями, где содержали скот’, *балага́н*, *балга́н*, *балга́нчик* ‘1) шалааш; 2) навес’, *бураво́к* ‘проход из печки в трубу’, *верту́шка* ‘запор дверей или окон в виде вертящейся планки’, *гору́жа* ‘забор’, *под досто́чку* ‘способ штукатурки’, *дровни́к*, *дровяни́к* ‘сарай для хранения дров’, *под желе́зом*, *под цинком* ‘о доме с крышей из оцинкованного железа’, *заку́тка* ‘загон для животных (овец, свиней и др.)’, *зем* (ж. р.), *земля́* ‘земляной пол’, *больша́(я) ко́мната* / *ха́та* ‘зал’, *ко́панка* ‘колодец без сруба’, *подводно́й коридо́р* ‘веранда вокруг дома, за исключением *глухой стены́*’, *коту́ж*, *коти́шок* ‘хлев для домашней скотины’, *кру́глая кры́ша* ‘четырёхскатная крыша’, *сара́йная кры́ша* ‘двускатная крыша’, *кукуру́зник* ‘ящик на высоких столбах, местами обитых железом, для хранения кукурузы’, *ку́рник* ‘курятник’, *лапа́с* ‘навес’, *ла́тка* ‘длинная толстая жердь’, *ля́да* ‘дверца в погреб или на чердак’, *ма́тка* ‘несущая балка’, *подво́рье* ‘усадебный двор с хозяйственными постройками’, *че́рный пол* ‘доски, намазанные глиной, на которые затем стелились полы’, *пору́жки* ‘ступеньки’, *пото́лок* ‘чердак’, *ры́мба* ‘водосточный жёлоб’, *саж*, *сажо́к* ‘хлев, где держат свиней’, *сенни́к* ‘сарай для хранения сена’, *си́дало* ‘наседь’, *глуха́я стена́* ‘стена дома, хаты без окон’, *столба́нка* ‘1) столб в каркасе набивной хаты; 2) турлучная хата’, *сто́ян* ‘столб’, *теплу́шка* ‘комната с печкой’, *забо́рный тротуа́р* ‘дорожка, вымощенная досками’, *глухо́й уго́л* ‘угол в глубине двора’, *свято́й уго́лок* ‘угол в доме, в котором вешают иконы, где ставят стол и куда сажают почётных гостей’, *фо́ртка*, *фо́рточка* ‘калитка’, *ха́та* ‘комната’, *забо́рная* / *забо́рочная хата* / *хата в забо́рку* ‘хата, стены которой сделаны из столбов, промежутки между которыми забраны

досками', *шибка* 'стекло оконной рамы', *шелёванный дом*, *хата* 'дом, обитый шелёвками (досточками)' и др.

ТГ «Домашние животные и птицы»: *бугай* 'некастрированный бык', *болтух*, *болтых*, *болтыхи* 'усохшее яйцо', *бузивок*, *бузиллок* 'годовалый телёнок', *бунеть* 'реветь (о быке)', *валух* 'кастрированный баран', *вүти* 'утки', *гүлая* 'корова без рогов', *гусак* 'гусь', *гүска* 'гусыня', *дбйки* 'соски коровьего вымени', *квочка* (1) курица-наседка; 2) курица с цыплятами', *кизяк* 'коровий навоз', *коняка* 'конь', *слабосбася корова* 'корова, которая легко доится', *тугосбася корова*, *тугосйся* 'корова, которая тяжело доится', *кочет* 'петух', *кошенёнок*, *кошбнок* 'котёнок', *кролиха* 'крольчиха', *кроль* 'кролик', *курчата* 'подростшие цыплята', *кутенёночек*, *кутёнок* 'щенок', *лошадёнок*, *лошбнок* 'жеребёнок', *пацбк* 'поросёнок-подросток', *пёрвитка* 'корова, отелившаяся в первый раз', *пбклад* 'яйцо, белый камешек, бумажка или мел, оставляемые в гнезде, чтобы куры охотнее неслись', *стрбгий* 'норовистый, о лошади или корове', *утак* 'селезень', *худбба* 'домашний скот и птица', *цоб-цобё* 'слова, которыми погоняют быков; *цоб* — название быка, идущего в упряжке с правой стороны, *цобе* — с левой', *чередá* 'стадо', *шавкунь*, *шавочки* 'индоутки' и др.

ТГ «Фауна»: *блескун* 'светлячок', *глухарь* 'желтопузик', *горобец*, *жид* 'воробей', *горобчиха* 'воробьяха', *грак* 'грач', *зозүля* 'кукушка', *зык* 'овод', *козүля* 'косуля', *комашки* 'комары', *кбпчик* 'мелкий ястреб', *медянка* 'ядовитая змея, гадюка', *морская мышь* 'морская свинка', *пастүшка* 'небольшая птичка', *худудуд* 'удод', *шпак* (1) чёрный дрозд; 2) скворец' и др.

ТГ «Растения и их части»: *ажина* 'ежевика', *албй*, *дбктор* 'раст. алоэ. *Aloe arborescens* Mill.', *аштраханка* 'сорт красного яблока', *баклажан* 'помидор', *бакши* 'бахча', *красная барыня* 'боярышник с красными ягодами', *чёрная барыня* 'боярышник с чёрными ягодами', *баргамота* 'сорт груш, бергамот', *батожки* 'усики клубни-

ки', *белосліва* 'сорт белой сливы', *бубка* 'одна ягода винограда', *бузók* 'сирень', *бурéлый* 'о покрасневших помидорах', *бурáк*, *буряк* 'свёкла', *полостáстый бурáк* 'борщевая свёкла', *бучіна* 'дерево граб', *ватянка* 'сорт безвкусного яблока', *вётка* 'дерево', *вышник* 'вишня', *гарбузóвка* 'сорт ранних жёлтых яблок', *горі-огóнь* 'трава (?)', *грýцики* 'пастушья сумка. *Capsella bursapastoris* Medic', *деревій* 'тысячелистник обыкновенный. *Achillea millefolium*', *дубкі* 'цветы семейства хризантем', *жéто* 'рожь', *зимóвки* 'сорт поздних яблок', *кавún*, *каўн* 'арбуз', *калá* 'герань', *карагач* 'вяз лиственный, берест. *Ulmus campestris*', *свиная картошка* 'мелкий картофель, идущий на корм свиньям', *катáлка*, *квасóлька*, *квасóля* 'фасоль', *кисліца* 'дикая яблоня', *козлятник* 'козлобородник коротконосиковый. *Tragopogon brevirostris*', *колхóзница* 'сорт сладкой дыни', *комóвка* 'дыня продолговатой формы, семена которой собраны в комок', *конопéйки*, *конóпи*, *конóпли* 'конопля', *кугá* '*раст.* камыш озёрный. *Scirpus lacustris*', *кукурузянка* 'стебель кукурузы', *лёжанка* 'плод лесной груши, дозревший на земле', *лободá* 'лебеда', *луковинье* 'луковая шелуха', *лычá* 'алыча', *люцёрка* 'люцерна', *майка* 'сорт ранней вишни', *матерінка* 'душица обыкновенная. *Origanum vulgare* L.', *метёлка* 'сорт сливы', *мокрúца*, *мокрúша* 'сорная трава, стелющаяся по земле', *мокрúша* 'тополь', *морквá* 'морковь', *нагúтка* 'горох нугут', *невéста*, *невéста в капроне* 'молочай декоративный. *Euphorbia decorativa*', *огúдина* 'ботва', *óльга* 'сорт кисло-сладкого яблока', *грéческий орéх* 'грецкий орех', *осыка* 'осина', *падалица* 'упавшие на землю плоды деревьев', *панычí* 'выюнок трёхцветный. *Convolvulus tricolor*', *растрéпа* 'сорт винограда', *резúха* 'осока островатая. *Carex acutiformis*', *рэпа* 'топинамбур', *рэпанка* 'сорт дыни', *репья́х*, *репьяшóк* 'лопух', *свирéпа* 'сурепка', *свистáшки* 'земляной орех', *сiненькие* 'баклажаны', *скýбка* 'кусочек полукруглой формы (арбуза, дыни, хлеба и т. д.)', *сорокозуб-*

ка ‘сорт мелкого лука’, *столбóвка* ‘кисло-сладкая яблоня и её плоды’, *тернóвка* ‘сорт мелкой сливы’, *тёрен* ‘тёрн’, *толстýшка* ‘сорная трава’, *угóрка* ‘сорт сливы с плодами продолговатой формы с легко отделяемой косточкой’, *фрýкта* ‘фрукты’, *цыгáночка* ‘сорт красных поздних яблок’, *чáкан* ‘(?)’, *чебрéчик* ‘(?)’, *шелýшка* ‘(?)’, *шпáнка* ‘сорт крупной вишни тёмного цвета’, *шпорýш* ‘горец птичий или птичья гречиха, спорыш. *Polygonum aviculare*’, *щери́ца* ‘трава семейства амарантовых. *Amarantus retrofletus*’ и др.

Отдельно следует выделить подгруппу «Грибы»: *берестя́нки*, *берестя́ники*, *берестя́нка* ‘грибы, растущие на поваленных деревьях’, *дождевички́* ‘вид грибов’, *карагáч*, *карагáчник* ‘гриб, растущий на *карагачах*’, *квóчка* ‘грибы, растущие скученно’, *обáбок* ‘подберезовик, подосиновик’, *печерички́* ‘вид грибов’, *подоси́н* ‘подосиновик’, *рядóвки* ‘грибы, растущие в ряд’, *синя́вки* ‘грибы, имеющие при разрезе синюю окраску’, *чинáрик* ‘гриб, растущий на чинаре’, *яичник* ‘яичный гриб’.

ТГ «Природные явления. Небесные тела»: *буркун* ‘водоворот’, *ветрюгáн* ‘сильный ветер’, *висожа́ры* ‘созвездие Стожары’, *зарни́ца* ‘утренняя звезда’, *калю́жа* ‘лужа’, *колоту́н* ‘сильный мороз’, *молóдик* ‘зарождающийся месяц’, *мыжй́чать* ‘моросить’, *мыжй́чка* ‘мелкий дождь’, *развидня́ться* ‘рассветать’, *распога́живаться* ‘становиться ясной (о погоде)’, *хма́ра* ‘туча’, *хма́рно* ‘пасмурно’, *хма́ряться* ‘безл. о наступлении пасмурной погоды’ и др.

ТГ «Рыболовецкая лексика»: *забрóды* ‘рыбачьи сапоги с высоким голенищем’, *ку́бырь* ‘приспособление для ловли рыбы: корзинка из лозы круглой формы’, *наки́дка* ‘рыболовная снасть в виде большого сачка’, *фа́тка*, *хвátка* ‘вид рыболовной снасти’, *черно́пуз* ‘рыба’ и др.

ТГ «Местные топонимы и гидронимы»: *Апшеро́нка*, *Апшеро́нская* — г. Апшеронск, *Баки́нска* — станица

ца Бакинская, *Белореченская* — г. Белореченск, *Ильинка* — станица Ильинская, *Имеретинка* — станица Имеретинская, *Кабардинка* — станица Кабардинская, *Куринка* — станица Куринская, *Луганьки* — Лаго-Наки, *Нефтянка* — п. Нефтегорск, *Пшеховская* — станица Пшеховская, *Саратовск* — станица Саратовская, *Хадыжэ* — г. Хадыженск, *Шараванка*, *Ширванка* — станица Ширванская.

Наречия: *вадно́сталь* ‘в один ряд, слой’, *ви́шворот* ‘зашиворот’, *гурто́м* ‘вместе’, *десъ* ‘здесь’, *дбсе* ‘до сих пор’, *дўже*, *дўже*, *дўжево* ‘очень’, *иде́* ‘1) где; 2) куда’, *задурно́* ‘бесплатно, даром’, *натихомолку́* ‘втихомолку’, *недале́чко* ‘недалеко’, *немо́жно* ‘невозможно; очень’, *нехай́* ‘пусть’, *но́нча* ‘нынче’, *отдале́че* ‘далеко’, *откўдова́* ‘откуда’, *пеші́*, *пешки́* ‘пешком’, *по-лошаді́ные* ‘поконски’, *по-неме́цкому* ‘по-немецки’, *по-старі́нушке* ‘постаринному’, *путёво* ‘хорошо’, *ребро́м* ‘красиво’, *сі́льно* ‘богато’, *тепе́рича* ‘теперь’, *тро́шечки*, *тро́шки* ‘немного’, *ту́точки* ‘здесь’, *чутбо́к* ‘чуть’ и др.

Диалектные фразеологизмы

Яркий пласт лексико-фразеологической системы говоров Апшеронского района образуют устойчивые выражения, которые употреблялись информантами как в спонтанной речи, так и в ответах на конкретные вопросы собирателя о наличии / отсутствии в местном диалекте определенных ФЕ и УС, по структуре представляющих собой как словосочетания, так и предложения.

ФЕ: *с гра́бушками брать* ‘брать с большой охотой, раскупать, разбирать нарасхват’, *встать на дыбкі́* ‘1) подняться на задние лапы; стать на дыбы (о лошади); 2) перен. резко проявить несогласие; стать на дыбы’, *некогда в го́ру гля́нуть* ‘быть очень занятым какой-либо работой’, *чёрный го́лод* ‘о сильном голоде’, *грать пе́сни* ‘петь’, *дать чиз-пых*, *дать прочуха́нки* ‘отругать’, *лёг-*

кий дух ‘медленный огонь’, *не за цапову душу* ‘беспричинно’, *душитъ кабанá* ‘сажать на тушу кабана людей, в том числе детей, которые надавливают на неё своим весом, что впоследствии облегчает отделение сала’, *женитъ молоко* ‘разбавлять молоко водой, чтобы иметь выгоду при продаже’, *не копия* ‘ни копейки’, *быкám хвосты крутитъ* ‘1) бездельничать; 2) заниматься непрестижным трудом’, *дурна курятина* ‘дела плохи’, *лёгкая мазка* ‘вторая мазка хаты тонким слоем’, *женёное молоко* ‘молоко, разбавленное водой’, *шмутья наводитъ* ‘наводить порядок в шифоньере’, *надеть хомут* ‘надеть матери невесты, которая оказалась нечестной, хомут и водить её по станице’, *нюня-манюня* ‘о несамостоятельном человеке, не приспособленном к труду’, *один / одна душой* ‘об одиноком человеке’, *остаться дурочкой* ‘не получить образования’, *пойти в приймаки*, *пристать у зятя* ‘после женитьбы жить в доме жены’, *разрезать пирог* ‘дать согласие при сватовстве’, *рассказывать через верх* ‘рассказывать поверхностно, неподробно’, *решать судьбу* ‘принимать важное решение’, *не в руку* ‘неудачно’, *тебе[э]-мене[э] пила* ‘ручная пила с двумя ручками’, *хоть лобом бейся* ‘выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-л. предпринять, чтобы выйти из затруднительного или безвыходного положения’, *прибью к собакам* ‘угроза расправиться, побить’, *хабур-чабур* ‘всякая всячина’, *кто зна* ‘кто знает’ и др.

УС: як тигра вискочить ‘выбежать быстро, внезапно’, *как на игрушке* ‘о чем-либо чистом, ухоженном’, *лежатъ как кукла* ‘лежать неподвижно, в одной и той же позе’, *нога как под дурным старцем* ‘о растоптанной ноге большого размера’, *плясать как мячик* ‘танцевать, высоко подпрыгивая’, *как стойн под дом* ‘о крепком, выносливом человеке’, *упёртый как бугай* ‘об упрямом мужчине’, *язык как на верёвочке* ‘о разговорчивом, грамотном человеке’, и др.

Среди зафиксированных ДФЕ отмечаются структурные варианты общенародных ФЕ, ср.: *под годáми* — в годах, в возрасте, *но́ги подломíлись* — *ноги подкосились* ‘кто-л. напуган неожиданным сообщением’, *де[э] Мака́р те[ы]ля́т не пас* — *куда Мака́р теля́т не гоня́л* ‘очень далеко’, *задуше́вная подру́га* — *закады́чная подру́га*, *оди́н разведи́нный* — *один-единственный*, *как трóсточка* — *как тростинка*, *чи́ком-бры́ком* — *чики-брики* ‘все в порядке’, *ши́то-скры́то* — *шито-крыто* и др.

Системные отношения в лексико-фразеологической системе говоров

Собранный материал позволяет представить системные отношения в лексике и фразеологии изучаемого говора.

Синонимы: *арбузи́ха* — *кавунíха* — *кавунíца* ‘женская особь арбуза’, *чёрная ба́рыня* — *глед* — *шамши́ка* ‘боярышник с чёрными ягодами’, *би́ться* — *дра́ться* — *колóться* — *пыря́ться* ‘бодаться’, *бы́льца* — *коньки́* ‘спинки кровати’, *быки́*, *бычки́* — *па́рочка* ‘бутылки со спиртным, перевязанные красной лентой; атрибут свадебного стола’, *гамба́лить* — *мудóхаться* — *мунты́лить* ‘много и тяжело работать’, *гарбу́з* — *жёлтый арбу́з* — *каба́к* ‘тыква’, *голыши́нка* — *ду́ля* ‘сорт груши’, *гу́ска* — *наро́стник* ‘бородавка’, *заква́ска* — *мацо́ня* ‘заквашенное молоко’, *каба́к* — *тыква́ч* ‘тыква’, *ка́менный* — *чере́пьяный*, *черепно́й* ‘глиняный’, *ке́ндюх* — *колбик* ‘начинённый мясом желудок свиньи’, *кизе́к*, *кизя́к* — *коровя́к* ‘топливо из сухого навоза, перемешанного с соломой, в виде кирпичей или лепёшек’, *кла́йбище* — *курга́н* — *моги́лки* ‘кладбище’, *кнур* — *хряк* ‘некастрированный кабан’, *крапива́* — *жесгу́ка* — *жесгу́чка* ‘крапива’, *кроль* — *трус* ‘кролик’, *кроли́ха* — *тру́ска* ‘крольчиха’, *найти́* — *пойма́ть* — *при(ы)вести́* ‘родить ребёнка’, *но́чвы* — *вага́ны* ‘корыто’, *портна́я* — *шва́чка* ‘портниха’, *отчимáха* — *разбыши́ка* ‘непослушный, избалованный ребёнок’, *поро́ж-*

ки — *сходцы* ‘ступеньки крыльца’, *прыма́к* — *завчу́ха* ‘муж, живущий в доме жены’, *прыжкандыба́ть* — *прыжкандыля́ть* ‘прийти, прихрамывая’, *рака́* — *чемерге́с* ‘самогон’, *си́льный* — *ря́сный* ‘обильный (об урожае)’, *ча́рбухи*, *ча́руши* — *по́риши* ‘обувь из целого куска кожи, стягиваемого шнурком у щиколотки’, *ялдаши́* — *азербайджаны́* ‘азербайджанцы’ и др.

Антонимы: *бык* ‘кастрированный бык’ — *буга́й* ‘некастрированный бык’, *добытно́й* — *нераздобытно́й* ‘хозяйственный, расторопный’, *застебну́ться* ‘застегнуться’ — *рассупо́ниться* ‘расстегнуться’, *пого́да* ‘хорошая погода’ — *него́да* ‘плохая погода’, *слабосо́ся* ‘корова, которая легко доится’ — *тугосо́ся*, *тугоси́ся* ‘корова, которая трудно доится’ и др.

Полисемия: *буга́й* ‘1) племенной бык; 2) ‘о крупном, сильном мужчине; 3) о праздном, ленивом человеке’, *бу́зевок*, *бу́зелок* ‘1) годовалый телёнок; 2) крепкий, упитанный малыш мужского пола’, *ва́лух* ‘1) кастрированный баран; 2) неповоротливый, нерасторопный человек’, *верту́шка* ‘1) вид приспособления для запираения двери; 2) деревянная пуговица’, *го́лка* ‘1) иголка; 2) спица’, *граба́рка* ‘1) совковая лопата; 2) ящик для перевозки зерна’, *гу́жева́ть* ‘1) гулять, веселиться; 2) распивать спиртные напитки’, *дра́чка* ‘1) приспособление для производства кровельного материала — драни; 2) мельница-крупорушка’ *ка́лочкик* ‘1) герань; 2) просвирник низкий’, *кво́чка* ‘1) курица-наседка; 2) курица с цыплятами; 3) сорт зубчатого лука; 4) грибы, растущие скученно’, *ке́ндюж* ‘1) желудок свиньи; 2) начинённый мясом желудок свиньи’, *куре́нь* ‘1) казачье поселение; 2) шалаш в степи’, *моча́лка* ‘1) верхняя часть рогоза широколистного; 2) сорт сладкого яблока (когда спелое, прямо прозрачное и семечки тарахтят)’, *па́ска* ‘1) Пасха; 2) пасхальный кулич’, *пе́рвитка* ‘1) корова, отелившаяся в первый раз; 2) первородящая женщина’, *пого́да* ‘1) хорошая погода; 2) плохая погода’, *полóнник* ‘1) разливательная лож-

ка; 2) созвездие Большая Медведица', *разбышáка* '1) шалун; 2) пьяница', *скажённый* '1) злой; 2) сумасшедший', *чáшка* '1) глубокая тарелка; 2) тазик', *юшка* '1) жидкая часть кушанья; 2) кровь' и др.

Широко бытующая на Кубани лексема *кондёр* была зафиксирована в узколокальном ЛСВ 'о невкусном, плохо приготовленном жидком кушанье, вареве', отмеченном в брянских и орловских говорах (СРНГ 14: 246): *Кандёр — эта назвáние чипухи́, ну там суп, борщ, е́сли нефку́сна* (Ковалев Н. А., 1933 г. р., ст-ца Кабардинская).

Типология диалектных слов

В исследуемых говорах широко представлены структурные и семантические варианты:

1) акцентологические: *áрбуз, бéзмен, двоюро́дный, за́вистливый, за́сов, зóла, кй́шки, корóмысло, мо́лодежь, нехотя́, подошва́, по́минки, по́правка, посудíна, ро́дный, сонни́к, тё́пло, трудо́ной, чу́лки* и др.

2) фонематические: а) отличающиеся гласными фонемами (<О> — <Е> *крёстник ~ крестник, узоло́к ~ узело́к*, <А> — <Е> *кизя́к ~ кизе́к* 'топливо из сухого навоза, перемешанного с соломой, в виде кирпичей или лепёшек', <И> — <О> *крыши́ть ~ кроши́ть, отды́хну́ть ~ отды́хну́ть*, <И> — <У> *глыбо́кий ~ глyбо́кий*, <О> — <У> *боды́лка ~ буды́лка* 'стебель растения', <У> — <О> *увéжливый ~ véжливый*, <У> — <Т> *ма́чуха ~ ма́чеха*, <У> — <А> *кукуре́кать ~ кукарéкать*, <И> — <Е> *исть ~ есть*, Ø — <И> *звёстка ~ изве́стка*, <О> — <У> *окро́п ~ укро́п*, <У> — <Е> *сурьёзный ~ серьёзный*, и т. д.); б) отличающиеся согласными фонемами (<В> — <Л> *бу́зевок ~ бу́зелок* '1) годовалый телёнок; 2) крепкий, упитанный малыш мужского пола', <З'> — <Ц> *колóдезь ~ колóдец*, <Ј> — Ø *чеймода́н ~ чемода́н*, <Ј> — <Д'> *сва́йба ~ сва́дьба*, <Ј> — <Д'> *кла́йбище ~ кла́дбище*, <К> — <К'> *кувёт ~ кювёт*,

<Р> — <Л'> *кры́лос* ~ *кльірос*, <Л'> — <Р'> *колидо́р* ~ *коридо́р*, <Л> — <Ч>, <М> — <В> *дамно́* ~ *давно́*; *рб́-ненько* ~ *рб́вненько*, <Н> — <Ј> *снёмицик* ~ *свёмицик*, <Н> — <Д> *ка́жный* ~ *ка́ждый*, <Н> — <М> *бон-б́ить* ~ *бомб́ить*, <Н> — <Н'> *я́сен* ~ *я́сень*, <0> — <В> *куши́н* ~ *куви́ин*, <Ж> — <ЖД> *Роже́ство* ~ *Рождество́*, <К> — <Х> *мок* (*мо́ком*) ~ *мох*, <Л> — <Р> *легистра́ция* ~ *регистра́ция*, <Р> — <Р'> *ка-стру́ля* ~ *кастру́ля*; *са́хар* ~ *са́харь*, <С> — <С'> *судá* ~ *сюда́*, <СТ'> — <ЗН'> *жисть* ~ *жизнь*, <Т> — <Д> *бито́н* ~ *бидо́н*, <Х> — <Ш> *слуха́ть* ~ *слу́шать*, <Ц> — <С> *конце́рвный* ~ *консе́рвный*, <Ч> — <К> *моча́ть* ~ *мака́ть*, <Ч> — <Ц> *чепля́ть* ~ *цепля́ть*, <Ч> — <Щ> *по́мочь* ~ *по́моць* и т. д.); в) гласными и согласными фонемами одновременно: <А> — <И>, <Н> — <-> *обнаковённый* ~ *обыкновенный*; г) порядком следования фонем: *чвёрстый* ~ *чёрствый*.

3) грамматические: *жиз́ня* (1 скл.), *ли́тра* (ж. р.), *ору́жия* (ж. р.), *пла́тья* (ж. р.), *се́рдца* (ж. р.), *ту́ннель* (ж. р.), *хмель* (ж. р.), *шланга* (ж. р.); *кало́ш* (м. р.), *соба́ка* (м. р.) и др.

4) словообразовательные: а) отличающиеся приставкой (ВЫ- — Ø *вы́проводить* ~ *прово́дить*, ВЫ- — У- *вы́гождать* ~ *угожда́ть*, ЗА- — В- *за́место* ~ *вме́сто*, ПЕРЕ- — С- *пере́крыва́ть* ~ *скрыва́ть*, ПЕРЕ- — Ø *перезабра́ть* ~ *забра́ть*, ПО- — НА- *подорва́ться* ~ *надорва́ться*, С- — ИЗ- *снаси́ловать* ~ *изнаси́ловать*; *спо́лниться* ~ *испо́лниться*; *справля́ть* ~ *исправля́ть*, С- — ЗА- *схоте́ть* ~ *захоте́ть*, Ø — НА- *звáние* ~ *назва́ние*, Ø — ПО- *вы́полоть* ~ *повы́полоть*; *забра́ть* ~ *позабра́ть*; *кула́чить* ~ *покула́чить*; *вы́йти* (замуж) ~ *повы́йти* (замуж); *вы́учиться* ~ *повы́учиться*; *прие́хать* ~ *поприе́хать*, ПОПО- — ПО- *попоку́пить* ~ *поку́пить*; *пополома́ть* ~ *полома́ть*; *пополо́паться* ~ *поло́паться*; по-

посолить ~ *посолить*; *попоходить* ~ *походить*; *попоприсоединиться* ~ *поприсоединиться*, ПРИ(Ы)- — ПО- *при(ы)ношенный* ~ *пониженный* и др.); б) отличающиеся суффиксом (-К(А) — -ОЧК(А) *наволка* ~ *наволочка*, Ø — -ЕЦ *азербайджан* ~ *азербайджанец*, Ø(Я) — -К(А) *няня* ~ *нянька*, -ИЧ(ИЙ) — -ИЙ *коробичий* ~ *коробий*, -ИШН(ЫЙ) — -Н(ЫЙ) *свадьбишный* ~ *свадебный*, -УЧ(ИЙ) — -ЛИВ(ЫЙ) *бодучий* ~ *бодливый*, -ЧИК — -ЩИК *табунчик* ~ *табунщик*, -АНСК(ИЙ) — -Н(ЫЙ) *станычанский* ~ *станичный*, -ЯЧ(ИЙ) — -ИЙ *козячий* ~ *козий* и др.;

5) семантические: *барыня* ‘растение боярышник. *Crataegus sanguinea* Pall.’, *богато* ‘много’, *бык* ‘кастрированный бык’, *волчок* ‘арбуз плохого качества’, *временные* ‘менструация’, *выходки* ‘манера поведения’, *голодовка* ‘голод’, *густой* ‘о хорошем коне’, *жара* ‘жар, воспаление’, *заиграть* ‘запеть’, *заноза* ‘железный стержень для запираания шеи быка в ярме’, *каменный* ‘глиняный’, *кашка* ‘цветок акации’, *кора* ‘луковая шелуха’, *кочан* ‘початок кукурузы’, *латка*, *латочка* ‘небольшой участок земли’, *ломать* ‘сбирать плоды’, *мёд* ‘сахарный тростник’, *могилки* ‘кладбище’, *мочалка* ‘сорт сладкого яблока’, *мыться* ‘менструировать’, *мякушка* ‘сердцевина арбуза’, *набирать* ‘покупать’, *найти* ‘родить’, *няня* ‘старшая сестра’, *откидать* ‘оставлять, бросать; отталкивать от себя кого-л.’, *переснять* ‘переодеть’, *пирог* ‘хлеб’, *план* ‘участок земли под застройку’, *площадка* ‘детский сад’, *полированный* ‘эмалированный’, *природа* ‘родня, род, порода’, *родить* ‘давать урожай (о растениях)’, *сапожки* ‘семена клёна’, *сладость* ‘сахар, тростниковый сахар’, *совесть* ‘стыд’, *строгий* ‘о норвистой корове, лошади’, *треугольник* ‘полочка треугольной формы в святом углу’, *хозяйин* ‘домовой’, *шар* ‘слой’, *шкурочка* ‘скорлупа яйца’ и др.

Верификация собранного в ходе экспедиции материала по имеющимся лексикографическим источникам выявила ло-

кальные лексемы и ЛСВ. Адекватному толкованию лексических единиц, выявлению оттенков значения и эмоционально-оценочных характеристик способствовал живой контакт собирателя с информантами, его непосредственное участие в беседах. Рассмотрим некоторые из локализмов.

Локальные ЛСВ

Выбросить ‘преждевременно разрешиться от бремени’. *Пашлá, шоп прѣняли ш на рабóту. А у мнѣ шыстой мѣсци. Пашлá да завѣдуций, гаварю: «Вазьмѣте мнѣ на рабóту». А анá гаварѣт: «У нас карóф дайтѣ. Ты хочѣш, шоп тибѣ карóва па жыватѣ вдарѣла, а ты рибѣнка вѣбрасѣла. А мнѣ шо, пат сѣт за тибѣ штѣ? Нѣту у нас такóй рабóты, нигдѣ ниччó». Ну я стáла натѣхарѣ хадѣтѣ, мáми памагáтѣ.* (Краснокуцкая Е. П., 1929 г. р., ст-ца Тверская). Аналогичное значение с пометой *прост.* имеется у синонимичного общенародного глагола **вѣкинуть** (МАС 1: 259), что является показателем общности семантического развития синонимов и размытости границ между диалектами и просторечием.

Глагол **вѣкинуть** зарегистрирован в говорах Апшеронского района в значении ‘вывесить белье во двор’: *Пастѣрáла, вѣсушыла фсѣ. Вѣкинула, правѣтрила — и гатóва* (Жежель Л. И., 1936 г. р., ст-ца Тверская). В СРНГ данное значение не отмечено. В МАС глагол имеет 6 ЛСВ, приведенное диалектное значение, вероятно, развилось на базе 1-го общенародного ЛСВ ‘кинуть наружу, прочь, освободиться от кого-чего-л. как ненужного, выбросить’ (МАС 1: 259).

Широкую дистрибуцию имеет в Апшеронском районе семантический диалектизм **гитáра** в локальном ЛСВ ‘сорт жёлтой продолговатой тыквы’: *Есть такѣ кабаки, как назывáица, как гитáра. У галавѣ — там сѣмички, а тут тóжы, но такóе длѣннае, бывáет, падымиш ѣивó отáк, тибѣ в пóис. И э́та мѣкать вся, ат хвастá и да галавѣ, там, в галавѣ, сѣмичик нимно́шка, а то фсѣ мѣкать. Да, как анѣ кабаки, мы их «гитáра» назывáим* (Плотникова Л. П., 1932 г. р.,

ст-ца Кабардинская). Диалектное значение общенародного существительного образовано по продуктивной в говорах метафорической модели *бытовой предмет* → *растение*. См., например, в кубанских говорах: **батог** '1) кнут в виде длинного ремня на деревянной палке; 2) *чаще мн.* побеги на огурцах, арбузах', **глéчик** '1) глиняный кувшинчик; 2) сорт помидоров продолговатой формы' и др.

В результате метафорического переноса у общенародного слова **гнездó** развилось локальное значение 'плацента, детское место'. *Адiн (ребёнок) нижывóй наиобóлся... И тот чёрнинький-чёрнинький был, а ётат рýжый, и он жэ ш пазадиржáлся, вот так худóй, и кáк-та ш он вот вóшыл. И сафсём вот тут гнездó аднавó, вот тут другóва. Умёсь-ти з гнездóм вóшыл* (Горлова А. Я., 1932 г. р., ст-ца Тверская). В СРНГ лексема представлена как многозначная. Из 20 зарегистрированных ЛСВ в наших материалах отмечен только один — 'семья'.

Как индивидуализм можно рассматривать экспрессивное существительное **дрýгалка** 'корова, которая даёт мало молока'. *Карóвы харóшыи бýли. А щас дрýгалки я их назывáю. Патамý шо шо ёта з карóва — пять-шэсть литрав даёть. Ёта ни карóва* (Ковалёв Н. А., 1933 г. р., ст-ца Кабардинская).

У общенародного глагола **игрáть** было записано значение 'закипать от злости, ревности'. Приведём лексему в высказывании информанта: *Муш был ривни́вый. Сидим' кампáнией, пёсни паём. Агá, вóжу, што он ужэ игрáит. Вóжу, што он ужэ мéчицца. А кум замéтил, шо тот играит. Он ивó вóвил в сат. Давáй йимý: «Кум, ты чё здурёл? Ты за што кумý бёэш? Ана ш сидит сриди жэ́нщин, пёсни паёт, и ты ужэ играши!»* (Миляева В. М., 1937 г. р., ст-ца Лесогорская). В СРНГ данный глагол является межсистемным полисемантом, имеющим 17 значений (СРНГ 12: 67–69), из которых в кубанских говорах бытуют следующие: '1) петь (песни); 2) бродить (о жидкости)'. Представляется, что ло-

кальный ЛСВ связан со вторым значением по сходству представлений о характере протекания действия.

Диалектизм **квóчка**, помимо полидиалектных значений '1) курица-наседка; 2) курица с цыплятами', зарегистрирован на Кубани в локальном значении 'сорт зубчатого лука'. Приведём высказывание, в котором сам информант объясняет внутреннюю форму слова: *Квóчка — зúбчатый лук. Он на части распадицца, и как у квóчки цыплята — дбльки* (ст-ца Чамлыкская Лабинского района). На Кубани лексема в данном значении имеет широкую дистрибуцию. В лесном Апшеронском районе диалектизм функционирует ещё в одном в локальном значении — 'грибы, растущие скученно'.

Локальный ЛСВ 'хлопоты, суета' зафиксирован у существительного **колотня́**: *Палучáли мáла на вадакáчки. Я вот ни пбмню: два рáза миня́ли дéньги пбсли вáйны или рас? Я ужэ забы́ла. Што он получáл тры́ста рублéй, а пátóm тры́цать рублéй. Нулú убра́ли, шоп мéньшы калатнú бы́ло.* (Матвиенко М. Т., 1925 г. р., ст-ца Ширванская). Слово **колотня́** образовано от глагола **колотиться́** 'прост. употреблять все силы для достижения чего-л., биться, хлопотать, стараясь сделать что-л.' (МАС 1: 75) по продуктивной деривационной модели «основа глагола + Н(Я)», ср. **колготиться́** → **колготня́**, **суетиться́** → **суетня́** и др. В других русских говорах слово отмечено в следующих ЛСВ: '1. Болтовня, пустые разговоры. 2. Спор, ссора, раздоры' (СРНГ 14: 182).

Слово **крапíвник** функционирует в литературном языке в двух ЛСВ: '1. Заросли крапивы. 2. Очень мелкая подвижная птичка отряда воробьиных...' (МАС 2: 120). В Апшеронском районе лексема зарегистрирована в следующих значениях: 1) лепёшки из крапивы; 2) о человеке, выросшем на крапивниках'. Приведём контексты для первого ЛСВ: *Крапивá — эта жгúчка. Рváли её, а пátóm абдава́ли кипиткóм и дéлали лпéшки. Ёсли му́ки нет, пря́ма крапíвники так дéлали. Мы павы́расли на этой крапíви, паэ́таму лó-*

ди старыи выносливие ат вас. Затоб мы, все старыи, долга жывыт. И гаварят, все крапывники такіе долгажывучіе, кто ел крапыву (Дудкина А. Ф., 1937 г. р., ст-ца Ширванская). Крапыву ели. Жыгуку. Мамка, напэки крапивяникав нам. Там мужи чуть-чуть, а то крапыва адна (Алпеев А. И., 1931 г. р., хут. Городок). Следует пояснить, что жители Апшеронского района в голодные годы выживали за счёт лепёшек из крапивы, их номинации имеют в изучаемых говорах несколько словообразовательных вариантов, ср. **крапивник**, **крапивяник**, **крапыванки**, что подчёркивает актуальность данной реалии в прошлой жизни носителей диалекта: *В асновном крапыву, крапыву, эта ис крапывы, крапыву атбаривали, вόδу сливэлли, и крапыванки назывэлли, пыкли крапыванки, а патом мы крапыванки балэдим картбэшку, суп какойта, ни дай Бох, ни дай Бох* (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская). *В асновном была крапыва, жыгука. Бори варылы, липёшки пыкли, крапывники. С корним липёшки. А пайдём в лес, накапэим карней. Ані пахэжсы на чиснók, но тóка ванёчши-ванёчши, ликэрства ванёчши такбе есть. Накапэим, крапывы тудá, есть — мужички чуть сыпнётъ. А мэсла не была, кое-де дастаёт салидóл и пыкли* (Ковалев Н. А., 1933 г. р., ст-ца Кабардинская). Второй ЛСВ существительного **крапивник** связан с первым значением по типу метонимического переноса, соответствующего модели *пицца* → человек, употребляющий эту пиццу (см. также в кубанских говорах **мынтус** ‘1) вкусная еда; 2) человек, любящий вкусно поесть’). Отметим, что в русских говорах у лексемы зафиксировано 7 значений, из которых два номинируют человека: ‘6. О внебрачном ребёнке. 7. Прозвище’ (СРНГ 15: 169), значения же, связанные с пищей, не зарегистрированы.

Если в курских говорах существительное **пышка** номинирует заносчивую, высокомерную женщину (см. СРНГ 33: 206), то в изучаемых нами говорах этой лексемой называют обиженного, надутого человека: *Пышкой мянэ назывэлли:*

я как отó рассирдю́сь, надю́сь, и гаваря́т: «Пы́шка ужэ́ надю́лась» (Красникова В. И., 1939 г. р., ст-ца Кубанская).

Прозрачной внутренней формой обладает существительное *тарахтүшка*, записанное в локальном ЛСВ 'сорт мелких сладких яблок'. *Из гру́ш кампóт варíли. Да и бы́ли ш я́блаки тада́. Бальшы́нствó сла́ткии. Как называ́ють? «Тарахтүшки» их называ́ють íли как? Ани́ как паспе́ють — симина́ тарахтя́ть. Мёлкии таки́и, из нíх узва́р харо́шый, пирашкí харо́шыи* (Бузулукова Е. С., 1936 г. р., ст-ца Линейная).

Собственно локализмы

Лексический диалектизм *брында́к* был записан в следующих контекстах: *Брында́к — э́та каторы́й нижсына́тый, ни симы́ у ниво́ нёту. Э́та гуля́щий мужы́к* (Ковалёва Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская). *Прыду́ на кла́дбище — мой брында́к весь в цвита́х млы́тъ* (Клавдия Ильинична, 1939 г. р., ст-ца Тверская). *Брындако́м* Клавдия Ильинична, отказавшаяся называть свою фамилию, иронически называет своего покойного мужа, жизнь с которым сложилась непросто. Он был видным мужчиной, любил хорошо одеваться, выпить, заводил романы на стороне. Следует подчеркнуть, что информантом сформулированные нами значения '1) щёголь, франт; 2) гуляка, любитель женщин' не дифференцируются. Локализм имеет как структурные, так и семантические отличия от однокоренных слов, зарегистрированных в лексикографических источниках. Так, в СРНГ отмечены существительные *брында* '1. Девушка небольшого роста, не отличающаяся умом и ленивая. 2. Капризный, обидчивый человек. 3. Распущенная женщина' (СРНГ 3: 218) и *брындик* '1. Щеголь, франт. || Выскочка. 2. Лентяй' (СРНГ 3: 218–219), а также глагол *брындать* 'бездельничать, мотаться без цели, без нужды; бить баклуши' (СРНГ 3: 218). Лексема *брындик* в первом ЛСВ зафиксирована в ст-цах Ладожской и Некрасовской Краснодарского края (РГК: 45).

В воспоминаниях многих информантов о тяжелых, голодных годах часто встречались рассказы о лепешках из лесных груш — **грушáниках**: *В лисú грушы сабирáли, малóли их на мясарúпки и нимнóшка тудá кукурúзнай муки дабавляли. Кукурúзу садíли и дабавляли кукурúзнай муки. И вот э́та пикли́ липёшки, назывáлись грушáники. Вот э́та я пóмню* (Погорелова Е. Г., 1941 г. р., ст-ца Лесогорская). *Мы ищó вот чем пита́лись. В лисú грушки, бчинь мно́га бы́ла. Сабирáлы, харóшыи такíи бы́ли, лёжаньи. Харóшыи, спéлыи-спéлыи грушы. Патóм их распáрывали у пéчки. И тада́ на мясарúпки, у каво́ есть мисарúпка, у каво́ нимá — талкúшкай, и чуть-чуть муки́чки, павалéим, павалéим, и назывáлись грушáники. Или картапля́ники. Карто́шку то́чна так жы́ чуть-чуть в муке́ павалéим. Картапля́ники. Из карто́шки. А з груш — грушáники. Э́та врóди как хлеп врóди* (Матвиенко М. Т., 1925 г. р., ст-ца Ширванская). *Грушáныкы назывáлы, грушáныкы э́ти... Груш навáрят, на́да чуть груш, такíи катлэ́ты врóди надéлають — грушáныкы пекли́* (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская). В СРНГ лексема отсутствует. Словообразовательная модель «основа производящего существительного + -АНИК» является для говора Апшеронского района достаточно продуктивной, ср. **жегучáник** ‘лепёшка из крапивы’, **картопля́ник**, **картофля́ник** ‘картофельная лепёшка’, **крапивя́ник** ‘лепёшка из крапивы’, **фасоля́ник** ‘лепёшка из фасоли’.

Жарик, жари[ы]/нка ‘горячий уголёк’. *Спи́чки сто́яли сто рублéй, а у нас-та чё: дéних нé была. Прыхадíлась, ёсли нимáе, ходиш, смóтрыш, у каво́ свет гары́т, агá, у Яшóнкиных. Прышла́ ма́мка: «Дай жáру или нéскальких жáрикаф, вот такíих». Разажгли́, пашлó!* (Матвиенко М. Т., 1925 г. р., ст-ца Ширванская). *Спи́чик жэ́ ни булó. Вот адна́ фста́ла какáя-нибу́ть. Затапи́ла, с трубы́ дым идéть, а э́т пафстава́ли: «Ага́, Ду́ська ужэ́ затапи́ла». Фсе идúть штоп щéпачку запалíть или жары́нку там дасть* (Красникова В. И., 1939 г. р., ст-ца Кубанская). Существительные представляют

собой уменьшительные образования от *жар* ‘разг. горячие угли, яркие, но без пламени’ (МАС 1: 472).

Копнік ‘коршун’. *Копнік — коршун бальшой. В асновом на капнах сидит, иво так и назвали капнік. Сидит на капне и рассматривает, где гадюка, где што. Литает, рас — гадюку паймал. Он здаровый* (Ковалёв Н. А., 1933 г. р., ст-ца Кабардинская). Прозрачная внутренняя форма слова раскрывается в рассказе самого информанта. Словообразовательная модель является достаточно продуктивной: «основа производящего существительного + -ИК».

Перелáды ‘пересуды, сплетни’. *А я падымала и гаварю: «Ни хачу за ниво замуш итить». Мне падрюга гаварит: «Што ж дэлать, пирилáды и пайдут на дирэвни»* (Заченко Л. И., 1936 г. р., ст-ца Кубанская). В СРНГ лексема отсутствует. Однако в некоторых южнорусских говорах зарегистрирован многозначный глагол *ладить*, имеющий в нескольких значениях сему ‘говорение’ (СРНГ 16: 231).

Глагол **разматереть**, зарегистрированный в СРНГ как полисемант ‘1) располнеть, растолстеть; 2) стать матёрым, крепким, сильным’ (СРНГ 34: 13) записан в следующем высказывании информанта: *Сёдня квóчка ужэ разматирéла цыплятак* (Краснокуцкая Е. П. 1929 г. р., ст-ца Тверская). Представленный контекст позволяет сформулировать у лексемы значение ‘родить (о животных)’. Таким образом, слово, зарегистрированное на Кубани, вероятно, можно рассматривать как межсистемный омоним к севернорусскому глаголу.

Локальные ФЕ

Выходец с жизни: *Віктар Гаврілыч* (В.Г. Захарченко, руководитель Кубанского казачьего хора) *гаварит: «Абизытільна эту пёсню пойти». Мы йимю напéли и гаварім: «Эту ни на́да. За жынку». А он гаварит: «На́да-на́да, как раньшы была, так и на́да». Он жы выхадит с этай, ж жызни* (Перова В. П., 1930 г. р., ст-ца Кубанская). Устойчивое выражение синонимично общенародному выражению чело-

век из народа, им называют того, кто познал тяжёлую жизнь простых людей на собственном жизненном опыте.

А/Обёрку пришить ‘сделать аборт’. *Штобы при дѣтях ни гаварить слов пошлых, гаварили не «аборт зделала», а «аборку пришила».* Ана аборку пришила (Гвоздев Н. В., 1952 г. р., ст-ца Кубанская). Устойчивое выражение является эвфемизмом. Построено на созвучии слов **аборт** и **о/а|бёрка**.

Пошёл / пошла галасвета ‘негрубое ругательство; используется, когда хотят кого-либо прогнать’ — Говорят: «*Пашила галасвета*»? — *Гаварят, ну ругань*. — А это не просто далеко куда-то? — *Нет, пашила ты, шоп ни матюком* (Ковалёва Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская). В других населенных пунктах края, в частности в ст-цах Бузиновской и Отважной наречие употребляется в нейтральном значении ‘очень далеко’.

Расті на чістой душэ ‘расти в почве, не обработанной химикатами’: *Щас атравліна фсё, фся атмасфэра. Щас мы ни жывём, а мўчимся. Туды-сюды — ужэ гарбатый. Щас маладэш хўжы, чем старыи. Очнь ані заражонныя фсе полнастыю. Раньшы этай хіміи нэ была. Січас вон хлєп пасэят, скóка ані тудá удабрэньня трáтят. А тада ш хлєбушык рос на чістай душэ. Никакóво хіміката, ничёгó ш ни давалі. І хлєп был ад душы. А щас вон вазьмёш бўлку, да в рот іё ні вапхнёш* (Ковалёв Н. А., 1933 г. р., ст-ца Кабардинская). Вероятно, земля, почва в сознании носителей диалекта обладает *душой, чистая душа* — почва, не загрязнённая химическими удобрениями.

В ст-це Кабардинской было записано устойчивое номенклатурно-терминологическое словосочетание **невэста в капроне**, которым здесь называют садовое растение — спирею белую (*Spiraea*). Эту номинацию куст получил благодаря пышным белым цветам: *Дэрива бѣлым цвѣтѣтъ, назывáим «нивэста в капрони».* Вѣтки такіи, как винóк у нивэсты. Ана пахóжа на бáрыню.

Записанные контексты интересны не только в диалектологическом плане, они несут ценную информацию о мировосприятии сельского человека, о его отношении к современной действительности.

Ни дай Бох, ни дай Бох, шобы вайны большы никагда не была. Так пирижывалы, галадавалы, басяком хадилы. У миня вот и уха всё балела, на скале работалы и в снех. А мы басяком. Карова нассыт, бигом бизжым, становимся, штоп ноги пагреть, ни магу фспаминать... (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская).

Нихто старых, нихто ни любит, старых нихто ни любит, нада умирать, но бис смерти ни умрѣш, а жыть хочицца, жыть хочицца, жыть харашо (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская).

Паску атмичали. Хадилы свитить старухи, кто сала, у кого шо есть, у кого яички, паски. А кто ни хадил, такой абычий был: ведро бируть, де-та на дваре падвезать: батюшка буде крестить — воздух дайдѣть (Алпеев А. И., 1933 г. р., хут. Городок).

Я замуш выхадила, на миня кофта халстинная, юпка халстинная и трусы халстинныи шшитыи — фсѣ халстиннае. И вот када вышла я замуш и у свикрови жыла, а вайна кончилася, а на вайне был иво брат, маиво мужа, он да Гирмании дашол, тым жынился, и их дитѣ там радилося. И от ани приехали сюда, ф Кубанскую, и прышли свѣкр и свикруха, я и ишо там адин сирата Коля, и их трое прыихала. А он прыихал з Гирмании, а немцы паубигали када в Гирмании, а ана как была, эта Анька, у хазяина, так ана и асталась, а хазяин багатый был, и от ани там адѣжны добрэ набрали: и рубашки, и брюки, и фсѣ немецкае, такое харошые немецкае. А он (брат мужа) на миня паглядить, а на мине халстиннае фсѣ эта, а он патходить, о так бирѣть и трыпаит за эту: «Скинъ жы ш ты эту кизилавую (а кизилавую, аткуда он прыдумал!), кизилавый от эту от мундир скинъ!» А я гаварю: «Знаиш што, я иѣ, от эту, што

на мене, иё жсала, эта каначи, я иё мачила, я иё нагами о так тёрла, я иё што толька ни делала, када даждалася, штоп мене шиыли от эта вот, хотъ голай хади, а ты, канешна, слёзы забрал, люди взехали, адинацать дитей их у симье у немцыв была, и ани ывакуировалися и аставили эту Аньку. Анька Грышку прынила да sibя, и ани там жыли и добро себе набрали. От такая от наша жызнъ. Эта не жызнъ, а хто зна што (Марьенко П. А., 1927 г. р., ст-ца Кубанская).

Раку из груш гнали, ис всиво (Алпеев А. И., 1931 г. р., хут. Городок).

А свадьба, как правила, дня тры свадьба, а патом у кого самагонку варылы з груш, грушы квасилы у кадушки, тада те грушы варылы на агню, и рака называлась, рака, варылы ту раку, пылы ту раку, а так сахарю, мы чай пылы с сухими грушами, сухи грушы и чай, тады и диабета не была, а сичас, бачили, сколька фсяких балеznий, то диабет, то шо, а тада паняття нет (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская).

Ну, дифчата, очинь трудна, очинь трудна, ругать кого — некого, така жызня была: галадали, грушы як канфеты были, сухи грушы. Вот то я пиду да бабушки, у менэ платье была вот тут на ризинках, ана менэ так вот насытит, и ябигом з грушами дамой, пьем чай (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская).

Ну, тёрин — эта этат, как тебе сказать, мелкий такой, тёрин называица, и эта, как иво, кизил — эта само сабой, тёрин — эта другое, круглый такой, вот такой круглинький. Дерива такое растёт, ано тожсы камочие, и тёрин растёт. А кампот мы каг бы ни делали, большы ищэ вот етот тёрин мачили. Знаиш, как мочат? Ну как, как тебе сказать, как сичас кампот, толька трасниковый был, двое крутили, а двое закладывают, а тагда эту юшку варили ис тёрна, ис кизила варили, как варенье была. А так, а мачили иво, каг бы зальют вадюю и лошку сладости туда

паложат, и он как закисаить и такое бражэние делает. Очинь тожы фкусна была. Децтва нашэ такое была, шо была фсё фкусна (Бойченко А. Г., 1932 г. р., ст-ца Тверская).

Для сельского человека, жизнь которого неразрывно связана с работой на земле, существенны характеристики её с точки зрения плодородности, что проявляется при оценке и номинации места проживания. Приведем показательный диалог собирателя и информанта:

— *Мы с Митькай уехали туда, на чёрныи земли.*

— *А чёрные земли что такое?*

— *Ставропольский край.*

— *А почему «черные земли»? Там добывали что-то?*

— *Проста ну чирназём там был, вот и назывались.*

— *А на Кубани не чернозем?*

— *Зимля разная, эта где чирназём. Этай сын мой в Маскве жыл, там картошку хоть руками разгартай* (Германова Е. Ф., 1936 г. р., ст-ца Кубанская).

У миня зимля мяжкая. У нас умица — ни линись только и капай, и пали, и дбай, эта зимелька тебе фсё уродит и накормит. Пашила, кабака сарвала, питрушычки сарвала, и ужэ и борц есть (Германова Е. Ф., 1936 г. р., ст-ца Кубанская).

Нас вырастила мама. Чёрные ужэ, ну пухлый, чёрный голат такой. Ну, у мамы систра жыла, иё пачиму-та ни кулачили. Ана ни багатинька была, ну добрая. Ана нам принасила, скока магла, малачка, паддержывала нас. Ну кокак выжыли мы... От из-за голода у нас чёрнае была тела, мама гаварыла: как угаль (Олейникова В. И., 1927 г. р., ст-ца Тверская)

В записанных рассказах информантов зафиксированы прецедентные тексты, представляющие собой пословицы, поговорки, строчки песен, частушек, народные приметы, гадальные формулы. Наиболее многочисленными оказались прецедентные тексты, содержащие предсказания погоды, что

обусловлено зависимостью жизни сельского человека от климатических условий. Приведем некоторые высказывания:

Сафхос «Горный луч», атпусти, миня ни мучь (Архипова А. П., 1930 г. р., ст-ца Ширванская).

В дверь пратяницца — фсиво дастаницца (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская).

Гаваряят, приставилась, праварварилась, на тот свет з голой жэпой атправилась. Фсё празнавала, празнавала, а умэрла — шары муть нечим: ни чисалки, ни чаварки, фсе празнуит. Прасявилась, праварварилась, з голай жэпай на тот свет атправилась. Таку пасловицу зделали (Перепелица Н. Н., 1924 г. р., ст-ца Нижегородская).

Свашка-нэлепащка, шышык нэ липила, адну слэпила и ту сама сшила (Гладкова М. П., 1935 г. р., ст-ца Тверская).

Сколька шыла ни прячь в мишку, ано фсё равно где-та да выткницца (Ковалёва Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская).

Ано: рас пащла такая пьянка, рещ последний агурец (Губарева Е. М., 1934 г. р., ст-ца Лесогорская).

Субота — свайба, раньшы так гулялы — тры дня. Раньшы вичёрки были, сабирались дифчата, рыба, нивесту нарыжали, жыниха нарыжали, и да утра гулялы маладэи. А если сирата, вот я была сирата тожсы, рана забиралли миня на клайбищи к матыри, прасила благаславения у матыри. Пэсни играли вот такии: «Уж ли ветры, ветры буйны (длинная песнь), фстань, мая родная мамачка, типерь ты мне нужная, благаслави мне, благаславили чужсы люди, чужсы люди да щцё и саседушки». Ана длинная эта песня. Патом прыходиш, нивеста разбираицца, лажицца спать, друшки на дамам, а патом ужэ васкрисение, тада ужэ сабираюцца друшки за стол, ждудт жыниха. Вот жыниха привили, граот пэсни: «Пралытаит лён, лён, выганяла дружычку вон-вон, зачем было браты, як типерь выганяты, варэньим сваты багаты, ани пишком и шли {...} а свашку ф карзини, шоп ни сшили свыни». А, прыбаутжаф многа была, щас ниинтирэсньми свайбы пащли: посодють в машы-

ну и павизли, ни пэсын ныма, ничёго на свети. Раньше пэсни, какии пэсни пели, как была харашо! (Щербань Л. С., 1931 г. р., ст-ца Кубанская).

Сухоты тожы личили, я напрымер. Был вот у сасетки мальчик, худой-прихудой. Я ей грю: «Люба, ты знаши, купи у миня волю». Ана гри: «Как?» А я грю: «За пять капишк. Падайди к акну, вазьми пять капишк и скажы: «Прадай мни волю», а я грю: «Прадам». Тада пашол дитё в рост, тада ани миня у кумавья взяли. Я радая была дивчина с кумой. (Щербань Л. С., 1931 г. р., ст-ца Кубанская).

Тада у клуп хадили. И у клуби там пазнакомилися и пажынылися. Ну, канешна, жысть была нислаткая, тижсолая. Ни спишыти, дифчата, замуш. Есть жы пасловица: «Бабы каюцца, дефки замуш сабираюцца». Я каялася, шо замуш вышла. Как харашо у маме жыть (Коломыцина Е. Я., 1935 г. р., ст-ца Тверская).

К прецедентным текстам относятся и народные приметы.

Ну, на нигоду миртвяки сняцца (Щербань Л. С., 1931 г. р., ст-ца Кубанская).

Сыч крычит — нищасья будит (Щербань Л. С., 1931 г. р., ст-ца Кубанская).

Маладик эта зараждыцца. Гляниши на ниво, дочка, эта дажливая висна будит. Вот месци, он вот так: если видро павесиш, значит, эта на пагоду. А я Таи гаварю: «Сматри, маладик в этот рас ни держыт видро» (Германова Л. Ф., 1936 г. р., ст-ца Кубанская).

Если маладик адин рох вниз, вот видро, карочи гаваря, ни держыцца на рагу, на нижним, то на доить. А если только стаит вот так, рагами вверх, то будит сухая пагода (Ковалёва Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская).

Если кукушка закукуе, шоп деньги были (Германова Л. Ф., 1936 г. р., ст-ца Кубанская).

На пагоду паизда шумят, эта к дажю. Вот идёт поист, да, вот мы сколько сидим, и не слышино, да, а тут как бутя

вот тут на двару идёт (Ковалёва Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская).

Соль мокрая, сахар прям вадиной, прям чуть ли ни вада. Эта г дажю тожы (Ковалёва Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская).

Вот воду ищут ва дваре, где вада. Бирёш скаваротку, ставиш, палажыл, пириwirнул скаваротку, дном вверх. Если только крапушки есть, вот капильки вады, начит, можна смела капать калодиц. Если только дно сухое, то биспалезна капать (Ковалёва Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская).

Када ни родит дериwa долга, говорит, вазьми иво тапаром чуть пастукать. Ну, эта правда. У нас лет пять, наверна, ни радил арех. Ну, патом взяла тожы так, грит, я тибя, грю, пат коринь срублю, взяла так нимношка, прям жылом (остриём топора) иво нимнога (Ковалёва Е. С., 1941 г. р., ст-ца Кабардинская).

Кот лезить на лижанку, на тилло, значить, будит холодно. Наабарот если, значить, тёпло. Гаварыли, если на дубу многа жылуудей, значить, зима будит суровая. Сон прысница: пакойники просяца, значить, абизатильна доить пайдётъ (Коломыцина Е. Я., 1935 г. р., ст-ца Тверская).

Бываит, шо плахой сон приснился, умываеся: «Куда вада, туда и сон», ото три раза сказала и фсеё (Шипилова М. П., 1929 г. р., ст-ца Лесогорская).

Собранный в полевой экспедиции материал является языковой базой для лингвистического изучения горно-предгорной восточной зоны Краснодарского края, включающей, помимо Апшеронского района, муниципальное образование г. Горячий Ключ и Белореченский район. Анализ диалектных сведений продемонстрировал как общие, так и отличительные особенности изучаемых говоров.

Литература

Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: устойчивость и изменчивость основных параметров // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2014. № 5 (90). С. 73–79.

Финно-угорские названия растений, содержащие зоосемизмы со значением ‘коза’ (на материале финно-пермских языков)

И. В. Бродский

В финно-угорских языках имеется множество сложных по форме названий растений, в состав которых входят названия животных (зоосемизмы). В предлагаемой статье автор исследует фитонимы, включающие названия козы, в финно-пермских языках (ветви финно-угорских языков, исключая угорские языки).

Большинство подобных фитонимов созданы по структурно-семантической модели ‘зоосемизм + детерминант (определителями класса объекта номинации)’, в то время как другие названия растений являются переносными. Структурно-семантические модели номинации растений, в т. ч. включающие детерминанты, в ряде случаев оказываются общими для некоторых финно-пермских языков.

В работе рассматриваются и переносные сложные названия, в качестве определяемых компонентов которых выступают названия различных предметов: частей тела, продуктов, предметов быта: ‘козий глаз’, ‘козье молоко’, ‘козы подойники’ и др.

Количество общих для ряда финно-пермских языков моделей номинации растений, включающих компоненты со значением ‘коза’, оказывается небольшим, при этом лишь две модели являются общими для группы близкородственных языков и, таким образом, могут рассматриваться как древние по происхождению — это ‘козий глаз’ и ‘козий меч’. Большинство структурно-семантических моделей номинации растений с компонентом ‘коза’ представлено в прибалтийско-финских языках. В ряде случаев этим моделям находят соответствия в неродственных, в том числе контактных языках.

Ключевые слова: лексика, финно-угорские языки, прибалтийско-финские языки, фитонимы, названия растений, номинация растений, коза.

В финно-угорских языках распространены названия растений (фитонимы), в основном сложные по форме, определяемая часть которых представляет собой зоосемизм (название животного). Подобные фитонимы получили распространение и во многих других языках мира. В данной работе автор рассматривает названия козы в составе фитонимов финно-пермских языков (ветви финно-угорских языков, исключая угорские языки) и определяет модели номинации, включающие эти зоосемизмы.

В составе финно-пермских наименований растений можно найти названия почти всех копытных сельскохозяйственных животных: коровы, лошади, свиньи, козы и овцы. В отдельных языках зоосемизмы со значением 'коза' не входят в состав фитонимов и не мотивируют их (особенно это касается так наз. малых прибалтийско-финских языков), а в других, напротив, они активно участвуют в мотивации названий растений. Модели номинации растений, включающие зоосемизмы со значением 'коза', могут быть общими для ряда родственных между собой языков. В случае совпадения модели в финно-пермском и неродственном, но контактном языке может предполагаться действие языкового контакта.

В качестве второго компонента в рассматриваемых моделях чаще выступают так называемые детерминанты (определители класса объекта номинации): слова, обозначающие народные таксоны растительного мира ('дерево', 'трава', 'гриб') или морфологические части растений ('ягода', 'лист', 'корень'). Распространение получили и переносные сложные фитонимы, определяемыми компонентами в которых выступают названия различных предметов, например частей тела, продуктов, предметов быта: 'козий глаз', 'козье молоко', 'козьи подошники' и т. д.

В предлагаемой работе все фитонимы распределены по отдельным языкам в следующем порядке: прибалтийско-финские, мордовские, марийский и пермские языки. Миконимы мы рассматриваем наряду с фитонимами из-за выраженной общности принципов номинации грибов и растений.

При написании работы автор использовал несколько десятков лексикографических и иных источников по финно-угорским и контактными языкам, поэтому в список использованной литературы помещены только те из них, на которые почему-либо нужно было сослаться непосредственно в тексте.

Транскрипция в данной работе полностью соответствует транскрипции оригиналов.

Коза — наименее прихотливое в содержании домашнее сельскохозяйственное животное, и потому повсеместно распространено. Козы разводятся во всем финно-угорском ареале, в т. ч. оленеводческими народами. Фитонимы, мотивированные названиями козы, распределены в финно-пермских языках очень неравномерно. Особенно они распространены (и хорошо собраны) в эстонском языке.

Поголовье коз всегда было небольшим. Это сельскохозяйственное животное было не основным, а вспомогательным. Кроме того, у некоторых финно-пермских народов России разведение коз получило распространение, и притом довольно слабое, достаточно поздно. У вепсов, например, козы появились не раньше XX в. от русских [Пименов 1964: 366], от них пришло и название козы **koza**; при этом неудивительно, что ни один вепский фитоним не мотивирован этим зоосемизмом.

Фин., кар. **vuohi**, эст. (юж. диал.) **(v)oho**, **võhu** ‘коза’ — балтизмы, ср. лит. **ožka** ‘коза’, **ožys** ‘козел’, **ožell-**, **ožiall-** ‘козий’. Эст. **kits** < в.-нем. **Kitze** ‘коза’. Удм. **кеч** < тат. **кәжә** ‘коза’. Все прочие финно-пермские названия козы представляют собой заимствования из русского языка.

Финно-пермские названия растений, в состав которых входят зоосемизмы со значением ‘коза’, таковы:

Прибалтийско-финские языки

Финский язык

vuohi ‘коза’ — **sinillvuohen||miekka**, **sininen vuohen||miekka** ‘ирис германский’, букв. ‘синий козий меч (синий ирис)”; **vuohen||herukka** ‘ветреница дубравная’, букв. ‘козья смородина’; **vuohen||juuri** ‘козульник’, букв. ‘козий корень’; **vuohen||kaali** ‘мицелис стеной’, ‘латук дикий’, букв. ‘козья капуста’; **vuohen||kielo** ‘майник двулистный’, букв. ‘козий язык’; **vuohen||kukka** ‘ветреница дубравная’, ‘ирис, касатик болотный’, букв. ‘козий цветок’; **vuohen||miekka** ‘аир’, ‘гладиолус’, ‘ирис, касатик болотный’, букв. ‘козий меч’; **vuohen||nokka** ‘шлемник’, букв. ‘козий нос’; **vuohen||putki** ‘снуть’, букв. ‘козий дудник’; **vuohen||sieni** ‘сморчок’, ‘строчок’, букв. ‘козий гриб’; **vuohen||silmä** ‘ветреница дубравная’, ‘маргаритка многолетняя’, ‘нивяник’, ‘пупавка красивая’, ‘ромашка аптечная’, ‘ромашка непахучая’, букв. ‘козий глаз’; **vuohen||silmukka** ‘ветреница дубравная’, ‘нивяник’, букв. ‘козий глазок’; **vuohen||vuokko**, **vuohen||vuokkonen** ‘ветреница дубравная’, букв. ‘козий подснежник’.

Карельские наречия

vuohi ‘коза’ — кар. собств. **vuohen||silmuinen** ‘ветреница дубравная’, букв. ‘козий глазок’.

Эстонский язык

kits ‘коза’ — **kitsellaavarmud**, **kitselluavarrud**, **kitsellvaarikad**, **kitsellvaargad**, **kitsellvavermud** ‘ежевика неская’, букв. ‘козья малина’; **kitsellhabe** ‘щучка дернистая’, букв. ‘козья борода’; **kitsellhein**, **kitselhain** ‘очиток большой’, букв. ‘козья трава’; **kitsellkammit** ‘сабельник болотный’,

букв. ‘козьи пути’; **kitsellkapsas** ‘кислица’, букв. ‘козья капуста’; **kitsellkask** ‘береза приземистая’, букв. ‘козья береза’; **kitsellkeel(ed)** ‘козелец приземистый’, ‘ландыш майский’, ‘любка двулистная’, букв. ‘козий язык’; **kitsellkell** ‘прострел луговой’, букв. ‘козий колокол (колокольчик)’; **kitsellkriimud** ‘ветреница дубравная’, букв. ‘козья крошка’ (эст. **kriim**, **riim** ‘крошка; немного, малость’); **kitsellkuker||puu** ‘жостер слабительный’, букв. ‘козий барбарис’; **kitsellkünnap**, **kitsellkünnallpuu**, **kitsellkürnapp||puu** ‘крушина ольховидная’, букв. ‘козий вяз’; **kitsellkõrv** ‘ландыш майский’, букв. ‘козье ухо’; **kitsellkõrvallhed** ‘ландыш майский’, букв. ‘листья козьего уха’; **kitselllodjap**, **kitselllodjallpuu**, **kitselllotjallpuu** ‘бузина’, ‘волчье лыко (волчегодник обыкновенный)’, ‘жостер слабительный’, ‘крушина ольховидная’, букв. ‘козья калина’; **kitselllüpsikud** ‘фиалка собачья’, букв. ‘козьи подойники’; **kits marri**, **kitsellmarja||puu**, **kitsellmarjad** ‘вороника’, ‘ежевика неская’, ‘крушина ольховидная’, букв. ‘козья ягода’; **kitsellmurakas** ‘ежевика неская’, букв. ‘козья морошка’; **kitsellmänd** ‘сосна’, букв. ‘козья сосна’; **kitsellnisa** ‘хвоц полевой’, букв. ‘козий сосок’; **kits(e)||paaks**, **kits(e)||paaks||puu**, **kits||paas||puu**, **kits||paats(i)||puu**, **kitsellpaatsik**, **kitsellpaatsep** ‘жостер слабительный’, ‘крушина ольховидная’, букв. ‘козья крушина’; **kitsellpiimallhain** ‘молочай солнцегляд’, букв. ‘козья молочная трава (козий одуванчик)’; **kitsellpuu** ‘жостер слабительный’, ‘крушина ольховидная’, ‘шиповник’, букв. ‘козье дерево’; **kitsellsilm(ad)** ‘ветреница дубравная’, ‘ветреница лесная’, ‘камнеломка зернистая’, букв. ‘козьи глаза’; **kitselltoom||puu**, **kitselltoome**, **kitselltuum** ‘крушина ольховидная’, букв. ‘козья черемуха’; **kitselltörn**, **kitselltörnapp**, **kitselltürna(p)||puu**, **türnallkitsellpuu** ‘жостер слабительный’, ‘крушина ольховидная’, букв. ‘козий боярышник’; **kitsellvisnallpuu**, **kitsellviihmallpuu** ‘жостер слабительный’, ‘крушина ольховидная’, букв. ‘козья вишня’; **kitsellõis||puu** ‘калина’, букв. ‘козья бузина’; **kitsellõunallpuu**, **kitsellõunap** (юж.

диал.) *kitselluibo*, *kitselluibu*, *kitselluibullpuu*, *kitselluillpuu* ‘жостер слабительный’, ‘крушина ольховидная’, ‘яблоня лесная’, букв. ‘козья яблоня’.

Фитонимы с дополнительным определительным компонентом: *kollane kitsellkeel* ‘гоздец приземистый’, букв. ‘желтый козий язык’; *kollane kitsellsilm* ‘ветреница лютиковая’, букв. ‘желтый козий глаз’; *metsllkitsellsilm* ‘ветреница лесная’, букв. ‘лесной козий глаз’.

Эст. (юж. диал.) *(v)oho*, *võhu* ‘коза’ — *võhullmõök* ‘ирис, касатик болотный’, ‘сабельник’, букв. ‘козий меч’; *(v)ohollpaats*, *võhullpaads* ‘крушина ольховидная’, букв. ‘козья крушина’.

Компоненты *künnap* ‘вяз’, *lodjap* ‘калина’, *türnap* ‘боярышник и др.’, *õunap* ‘яблоня’ в составе эстонских фитонимов *kitsellkünnap*, *kitselllodjap*, *kitselltürnap* и *kitsellõunap* представляют собой сокращения, соответственно, от *künnallpuu*, *lodjallpuu*, *türnallpuu* и *õunallpuu*.

Интересна своеобразная метонимия эст. *kitselltürnallpuu* ↔ *türnallkitsellpuu*.

Эст. *türn* — детерминант в составе *kitselltürn* ‘крушина ломкая’ — может относиться к крушине, боярышнику либо сосне; это слово имеет германское происхождение.

Модель ‘козья трава’, представленная эст. *kitsellhein*, *kitsellhain* ‘очиток большой’, функционирует и в контактных языках, ср. лит. *ožialžolė* ‘бедренец’ и нем. *Wockskraut* ‘козлятник аптечный’.

Мордовские языки

Мокшанский язык

каза ‘коза’ — **каза марь**, **каза марькс** (и **казь марькс** ‘шиповник’ < **каза марькс**) ‘терновник’, ‘шиповник’, букв. ‘козья ягода’; **казань пяште** ‘неустановленное растение?’, букв. ‘козий орех’.

сява ‘коза’ — **сявань каль** ‘ива козья’, букв. ‘козья ива’.

Марийский язык

каза ‘коза’ — каза^лвылыш ‘подорожник’, букв. ‘козье ухо’.

Пермские языки

Удмуртский язык

кеч ‘коза’ — кеч^лйöлл^лтурын ‘молочай’, букв. ‘трава козьего молока’ (сюда же кеч^лйöл, кеч^лл^лтурын); кеч^лйöны ‘осот’, букв. ‘козий осот’; кеч^лкулим ‘вахта’, букв. ‘козья смерть’; кеч^лсин ‘подснежник’, букв. ‘козий глаз’; кеч^лл^лтуш ‘козлобородник’, букв. ‘козья борода’.

Как уже отмечалось выше, число названий растений, включающих определительный компонент со значением ‘коза’, значительно варьируется от языка к языку. Несомненно, нужно учитывать качество и интенсивность сбора фитонимической лексики. В частности, в эстонском языке такая лексика собрана, по-видимому, исчерпывающе, поэтому и эстонских фитонимов в нашей работе больше, чем других. Неплохо собрана и фитонимия финского языка. Однако на распространенность таких названий растений оказало влияние и распространение разведения коз.

Модели номинации растений, в состав которых входят зоосемизмы со значением ‘коза’, немногочисленны.

Названия козы могут придавать мотивируемому фитониму значение несъедобности (‘жостер’, ‘крушина’, ‘волчье лыко’) или ограниченной съедобности (‘шиповник’). В составе названий куманики (ежевика несской) в эстонском языке зоосемизм, по-видимому, является контрастным маркером, служащим для противопоставления этого съедобного вида близкородственным.

Модели ‘козье ухо’, ‘козий язык’ всегда характеризуют растение по форме листьев (относится к ландышу, любке

двулистной, подорожнику); модель ‘козья борода’ относится к растениям с бородаобразными морфологическими частями (козлобородник, щучка); присутствие названия козы может указывать также на то, что растение охотно поедается козами (козья ива, очиток большой). Вхождение зоосемизмов со значением ‘коза’ в состав названия молочая не случайно: все молочаи ядовиты, в т. ч. для домашнего скота, однако козы охотно поедают их без вреда для себя.

Основные модели номинации растений, включающие компонент со значением ‘коза’, ‘козий’, общие для двух и более финно-пермских языков, следующие:

Модель ‘козья ягода’ — эст. *kits marri*, *kitsellmarja*(*ll-puu*), *kitsellmarjad* ‘вороника’, ‘ежевика несская’, ‘крушина ольховидная’; мокш. *каза марькс* ‘шиповник’. Ср. также сам. норв. *gáiccallmuorji* ‘малина’, букв. ‘козья ягода’, нем. *Bocksllbeere* ‘черная смородина’. Очевидно, перечисленные названия образовались в каждом языке самостоятельно.

Модель ‘козье ухо’ — эст. *kitsellkõrv* ‘ландыш майский’ (сюда же *kitsellkõrvallhed* ‘ландыш майский’, букв. ‘листья козьего уха’); мар. *казалвылыш* ‘подорожник’. И в этом случае фитонимы образовались в языках самостоятельно, независимо друг от друга.

Модель ‘козий глаз’ — фин. *vuohensilmä* ‘ветреница дубравная’, ‘маргаритка многолетняя’, ‘нивяник’, ‘пупавка красильная’, ‘ромашка аптечная’, ‘ромашка непахучая’ (сюда же *vuohensilmukka* ‘ветреница дубравная’, ‘нивяник’, букв. ‘козий глазок’); кар. собств. *vuohensilmuinen* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘козий глазок’; эстонские фитонимы, в которых присутствует дополнительная номинация по признаку цвета: *kollane kitsellsilm* ‘ветреница лютиковая’, букв. ‘желтый козий глаз’; *metsllkitsellsilm* ‘ветреница лесная’, букв. ‘лесной козий глаз’; удм. *кечлсин* ‘подснежник’.

Лексические данные указывают на то, что для части прибалтийско-финских языков данная модель номинации явля-

ется общей, относясь к растениям одного рода. Удмуртский фитоним образовался независимо.

Модель ‘козья борода’ — эст. *kitsellhabe* ‘щучка дернистая’, букв. ‘козья борода’; удм. *кечлтуш* ‘козлородник’: фитонимы также образовались в этих языках самостоятельно.

Эта модель, как видно, не получила распространения в финно-пермских языках, но зато она широко представлена в контактных языках (славянских, германских и тюркских), например, рус. *борода козья* (*козлова*, *козлия*), *козлород*, *козлородник*, *козелец* и др. суффиксальные производные от *козел* ‘донник’, ‘козлородник луговой’; сербск. *kozja brada*, *kozja bradica* ‘козлородник луговой’; нем. *Ziegenllbart* ‘таволга вязолистная’, ‘лишайник усnea бородавчатая’, *Bocksllbart* ‘прострел луговой’, ‘козлородник луговой’, тат. *кәжә сакалы* ‘козлородник’, *кәжәл-сакал* ‘козелец’, ‘козлородник’.

Мокш. *сявань каль* ‘ива козья’ является калькой русского фитонима, ведущего, в свою очередь, свое происхождение от нем. *Ziegenllweide* ‘ива козья’ (а это — калька латинского *Salix caprea*).

Модель ‘козий меч’ представлена следующим образом: фин. *vuohenllmiekka* ‘аир’, ‘гладиолус’, ‘ирис, касатик болотный’ (сюда же *sinillvuohenllmiekka*, *sininen vuohenllmiekka* ‘ирис германский’, букв. ‘синий козий меч /синий ирис’); эст. *võhullmõök* ‘ирис, касатик болотный’, ‘сабельник’. Эстонское название, скорее всего, не является народным (оно появилось в словарях лишь в конце 60-х гг. XIX в.) и заимствовано из финского языка. Ср. рус. *сабельник*: форма листьев растения напоминает клинок холодного оружия; также, например, сербск. *sabljić*, нем. *Schwertel*, англ. *Swordllily* ‘ирис, касатик’ (Анненков 1878 и др.). По-видимому, значение определительного компонента фитонима, как и во многих других случаях, может быть достаточно случайным, например, ср. фин. *kurjenllmiekka* и эст.

kurellmõõk ‘ирис, касатик болотный’, букв. ‘журавлиный меч’. В то же время компонент-зоосемизм может маркировать «ненастоящий» статус значения определяемого компонента (в данном случае ‘меч’).

Другие модели функционируют, как правило, в пределах одного языка.

В целом распространение моделей номинации растений, включающих компонент со значением ‘коза’, ‘козий’, в финно-пермских языках надо признать незначительным. Лишь две модели номинации растений с этим компонентом можно считать общими, и то только для части прибалтийско-финских языков. Вероятнее всего, это следует связывать со слабым и поздним развитием козоводства у многих финно-угорских народов.

Сокращения названий языков и диалектов

англ. — английский	рус. — русский
в.-нем. — верхненемецкий	саам. — саамский (норв. — нор-
кар. собств. — собственно-ка-	вежско-саамский)
рельское наречие	сербск. — сербский
лит. — литовский	тат. — татарский
мар. — марийский	удм. — удмуртский
мокш. — мокшанский	фин. — финский
нем. — немецкий	эст. — эстонский

Литература

Пименов В. В. Вепсы // Народы Европейской части СССР. Т. 2 / Под ред. В. Н. Белицер [и др.]. М.: Наука, 1964. С. 364–376. (Народы мира. Этнографические очерки / Под общ. ред. С. П. Толстова).

О семантике географических наименований *ендова*, *ендовище* в орловских говорах

Н. В. Бурко

В данной статье рассматривается значение географических наименований *ендова*, *ендовище*, которые отражают специфику восприятия окружающей действительности носителями русских народных говоров. Семантический диапазон лексем достаточно широк: от наименования посуды до названий географических объектов. Как названия географических реалий эти слова имеют широкую семантическую амплитуду. В процессе анализа привлекаются данные этимологии и лингвогеографии.

Ключевые слова: русские народные говоры, лексема, семантика, перенос значения, апеллатив.

Важное место в жизни человека и общества занимает язык, «являющийся и культурой, и формой её существования, и культурной и иной памятью народа» [Бондалетов 2004: 4]. Современный русский язык представляет собой сложную систему, в которой различают, с одной стороны, стандартную, обработанную, литературную разновидность, с другой — его диалекты. Проблема изучения словарного состава русских народных говоров, отражение «реального состояния народного языка» [Попов 1994: 8] является важной задачей современного языкознания. «Лексика — очень чувствительный показатель культуры народа, — отмечает Э. Сепир, — и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых — всё это зависит от истории самой культуры» [Сепир 1993: 243]. Диалектная географическая лексика принадлежит к тем немногим разрядам слов, которые «по самой своей природе исторически особенно устойчивы, сохраняются на протяжении многих веков» [Кот-

ков 1975: 15] и позволяют более полно воссоздать языковую картину мира русского человека.

Предметом нашего рассмотрения в данной работе стали реликтовые апеллятивы *ендова*, *ендовище*, которые до этого времени восстанавливались на территории Поочья из топонимических единиц (названий оврагов и прочих географических реалий), а в орловских говорах функционируют и как наименования посуды, и как орографические апеллятивы для обозначения низменного места, низины.

Субстантив *ендова* встречается в русском языке с XVI в. (сначала в форме *янова*, затем — *ендова*) как ‘большой широкий сосуд с открытым носиком; род братины’ (Срезневский 3: 1659; СЛРЯ XI–XVII 5: 51). Как прозвище это слово встречается с XVII в., а в словарях отмечено с 1790 г. (Черных 1: 283).

И. Г. Добродомов на основе проведенного им лингвогеографического анализа полагает, что искать источник термина следует в монгольско-бурятских и тунгусо-маньчжурских языках. Исследователь считает верной догадку А. Д. Руднева о связи русского *ендова* с монгольско-бурятским *хундага* — ‘рюмка, чарка, бокал’, письменным монгольским *guntaya* и ордским *xundaga* — ‘чаша для питья; мундштук; амбушюр’, а также маньчж. *хуньтах(нь)* — ‘чарка, чашечка в виде обращенного вверх колокольчика для питья вина’ [Добродомов 1974: 159]. «Любопытно, — пишет И. Г. Добродомов, — что с. Ендовище на юге бывшей Рязанской губернии имело также другое название — Рюмки» [Добродомов 1974: 164]. По его мнению, этот монголизм «попал в русский язык через древнечувашское (булгарское) посредство» (Мурзаев 1984: 201).

Другие исследователи полагают, что эта лексема заимствована из лит. *indaujá* ‘шкаф для посуды’, *iñdas* ‘сосуд’ (Преображенский 1: 215; Фасмер 2: 19–20), и считают сомнительной точку зрения о происхождении русского слова из монг. *gundaga* ‘сосуд для питья’ (Фасмер 1: 20). «Факт на-

личия вполне определенного ареала “ендовой” топонимии, — пишет Г. П. Смолицкая, — свидетельствует о том, что это слово (возможно, из языка балтов) рано вошло в язык славян, пришедших в бассейн р. Оки. Этим словом славяне называли соответствующие объекты задолго до XIII в., когда в их языке могли появиться тюркизмы» [Смолицкая 1978: 124]. П. Я. Черных отмечает, что «ввиду расхождения в значении рус. *яндова* и лит. *indaujà* и фонетической отдаленности *iñdas* вопрос нельзя считать окончательно решённым» (Черных 1: 263).

В словарях современного русского языка лексема *ендова* приведена со значением ‘старинная русская посуда для вина в виде большой широкой чаши с носиком или рыльцем’ (МАС 1: 466), а в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах дана помета “*историч.*”.

В русских народных говорах семантический диапазон лексемы достаточно широк: от наименования посуды до названий географических реалий.

Старинное значение слова *ендова* ‘сосуд для напитков’, судя по материалам диалектных словарей, встречается в живых народных говорах только на территории Орловской области — *А мне нравятся ендовы, хорошие* (Глазуновский р-н). *Ендова на столе, а ворота на запоре* (Дмитровский р-н).

С географическим значением ‘низина’ апеллятив *ендова* отмечен в Знаменском районе Орловской области — *В той-то ендове много ягод растёт*.

Как название географической реалии это слово известно также в других русских народных говорах и имеет широкую семантическую амплитуду: в рязанских, тульских, донских, волжских говорах лексема *ендова* имеет значение ‘небольшой круглый залив, соединен с рекою или озером проливом’, ‘круглое по виду озеро с крутыми берегами’; в рязанских говорах — ‘впадина, образованная весенними водами в лугах, полях, болотах’; в пензенских говорах — ‘яма’; тамбов-

ских — ‘овраг’; курских, пензенских, говорах Центрально-Черноземной полосы — ‘котловина среди возвышенных холмов’ (СРНГ 8: 359), а также ‘округлая циркообразная вершина балок и оврагов, иногда — сам овраг’ [Мильков 1970: 8]; в воронежских говорах — ‘овраг’ [Дьякова 1983: 153]; в липецких — ‘низменное лесистое место’ [Головин 1987: 42]; в донских — ‘сырое место, поросшее лесом’ (СРДГ (1991) 1: 151); в ярославских — ‘болото, летом высыхающее и служащее покосом’ (ЯОС 4: 36). Как видим, ареал лексемы охватывает в основном южнорусские говоры.

Подобный перенос названия с предмета посуды на географический объект (основанный на сходстве реалий по форме — в данном случае круглые или округлые впадины, зачастую наполненные водой) не является редким в народных говорах [Толстой 1969: 246; Мокиенко 1972: 147–155], в его основе лежит неординарное, образное восприятие окружающего мира. Специфика восприятия и организации картины мира в сознании носителей русского языка нашла отражение уже в старорусском языке. В воронежских памятниках письменности 1700 г. зафиксировано слово *ендовина* со значением ‘круглая широкая яма, впадина, заполненная обычно водой’ (СлРЯ XI–XVII 5: 51). В современных русских говорах как единица географических наименований эта лексема отмечена в пензенских и московских говорах.

Апеллятив *ендовище* не нашел отражения в словарях русского языка XI–XVII вв. (Срезневский; СлРЯ XI–XVII), но встречается в южнорусских Отказных книгах XVII в.: «...на ѡрле на рѣки с нижнею сторону въ ендовище на Быкове колодизи по цоревичеву дорогу...» (Орёл, 1638, л. 262 об.) [Памятники южновеликорусского наречия 1977: 247]. Образован он при помощи суффикса *-ищ-* и обозначает место, похожее на предмет, названный мотивирующим словом.

Ареал его значительно уже, чем у слова *ендова*. Апеллятив *ендовище* известен на севере в костромских говорах со значениями ‘впалая поляна или луговина; обширная плоская

впадина’, ‘пологая или плоская низменность с луговой растительностью’, на юге в тульских говорах — ‘длинная лощина с узким горлом, выходящим к берегу реки’, в тамбовских говорах — ‘овраг’ (СРНГ 8: 360), в орловских говорах — ‘низменное место, низина’: *Это ендовище выкосим, тогда и отдохнём* (Должанский р-н).

Г. П. Смолицкая считает лексему *ендовище* принадлежностью только территории бассейна реки Оки [Смолицкая 1969: 25], причем восстанавливает её из собственных географических названий (топонимов), поскольку на исследованной языковедом территории слово *ендовище* не встретилось как нарицательное. Возможно, наши материалы послужат дополнением к уже известной лингвогеографической картине и диалектной языковой картине мира в целом.

Литература

Бондалетов В. Д. Предисловие // *А. Т. Хроленко. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие.* М.: Флинта: Наука, 2004. С. 4–6.

Головин В. Г. Говоры Липецкой области: Пособие по краеведению: Учебное пособие. Воронеж, 1987. 77 с.

Добродомов И. Г. География и этимология // Вопросы географии. Сб. 94: Топонимия Центральной России / Отв. ред. Е. М. Поспелов. М.: Мысль, 1974. С. 159–165.

Дьякова В. И., Хитрова В. И. К вопросу об изучении южно-великорусской географической лексики // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: Тезисы докладов и сообщений: Вологда, 24–26 мая 1983 г. Вологда: ВГПИ, 1983. С. 152–154.

Котков С. И. Лексические элементы “Слова о полку Игореве”, связанные с Новгород-Северской землей // Русская речь. 1975. № 5. С. 13–25.

Мильков Ф. Н. Типология урочищ и местных географических терминов Черноземного Центра // Научные записки воронежского отдела географического общества СССР. Вып. 2. Воронеж: ВГУ, 1970. С. 3–22.

Мокшентко В. М. К этимологии слов *бочага, мочага, корчага* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 7. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 147–155.

Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова; отв. ред. С. И. Котков. М.: Наука, 1977. 360 с.

Попов И. А. На начальном этапе создания лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1992. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. С. 4–8.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с. (Филологи мира).

Смолицкая Г. П. Из терминологии рельефа Поочья // Оронимика: сборник статей / Редкол.: В. Д. Беленькая [и др.]. М.: Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии, 1969. С. 23–26.

Смолицкая Г. П. Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка (на славянском материале) // Вопросы языкознания. 1978. № 4. С. 115–124.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.

Заметки к «Словарю региональной лексики Крайнего Северо-Востока России»

Г. В. Зотова (2010)*

А. А. Бурькин

В статье рассматривается вопрос изучения русских старожильческих говоров Восточной Сибири в связи с проблематикой исследования материала «Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» (2010). Обозревается состав словника, отмечаются важные особенности материала на уровне лексики и словообразования в исконно русской части словника, уточняются имеющиеся этимологии и приводятся новые этимологии для слов, заимствованных из языков коренного населения (эвены, коряки, якуты, ительмены, чукчи). Обсуждаемый словарь весьма перспективен для двух проектов — выявление севернорусского лексического фонда русских говоров Зауралья и Сибири и опыты картографирования лексики, характерной преимущественно для говоров Сибири или исключительно для говоров Сибири, т. к. с выходом данного словаря вся территория русских говоров Сибири оказывается открытой собранными диалектными материалами.

Ключевые слова: старожильческие говоры, Северо-Восток России, севернорусские говоры, инновации, заимствованная лексика, этимологии, лексикография, якутский язык, эвенский язык, чукотский язык, корякский язык.

К большому сожалению диалектологов, территории азиатской части России, заселенной в XVII в. носителями севернорусских говоров, недостаточно исследованы в диалектологическом отношении. Правда, надо сказать, что фак-

* Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-04-00065а «“Лексический атлас русских народных говоров” в контексте современных полевых данных и материалов региональных диалектных словарей».

тически все русские старожильческие говоры, располагающиеся к востоку от Енисея, представлены в региональных словарях — таких, как «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (Элиасов 1980), «Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири» (Афанасьева-Медведева), «Словарь русских говоров Приамурья» (СРГП), «Словарь русских старожильческих говоров Якутии» М. Ф. Дружининой (Дружинина 1997), «Словарь русского камчатского наречия» К. М. Браславца (Браславец, Шатунова). Кажется, последним словарем, включающим материал по неисследованным старожильческим говорам, оказывается «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г. В. Зотова (Зотов 2010).

«Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока» — труд, имеющий очень сложную судьбу. Его автор, Геннадий Васильевич Зотов (1932–1995), уроженец Калужской области, автор одного из первых исследований по калужским говорам во второй половине XX в. [Зотов 1964], работая в Магадане с 1960-х по 1980-е годы, изучал по полевым данным и по имеющейся литературе старожильческие говоры Севера Якутии, Охотского побережья и Чукотки. Даже биография его почти неизвестна: имеются лишь воспоминания о нем, написанные одним из его учеников, однако в книге [Крашенинников 2013] их нет, и они доступны только в Интернете¹.

Судя по предисловию А. А. Соколянского, первоначально этот словарь мог называться «Словарь русских старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока» (Зотов 2010: 4). Однако позже, между временем завершения работы автора над рукописью в конце 1980-х гг. и его изданием в 2010 г., коллеги и ученики составителя несколько изменили концепцию издания, включив в него находившиеся в картотеке авто-

¹См.: Крашенинников Е. Е. Моя Кольма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kolyma.ru/index.php?newsid=40543> (дата обращения: 01.12.2017); Крашенинников Е. Е. Геннадий Васильевич Зотов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2017/10/27/2029> (дата обращения: 01.12.2017).

ра материалы из региональной художественной литературы. Такое решение и в самом деле превратило диалектный старожильческий словарь в словарь региональной лексики и одновременно стимулировало определение и разграничение понятий регионализмов, локализмов, провинциализмов в их отношении к диалектной лексике [Резвухина 2014], см. также [Соколянская 2006; Крайний Северо-Восток 2008]. Тем не менее словарь Г. В. Зотова интересен для нас прежде всего как словарь диалектный — как словарь общности старожильческих говоров. Далее, надо отметить, что в силу специфики источников словарь Г. В. Зотова получился как бы историко-диалектологическим, поскольку в него в значительном объеме включены материалы XIX–XX вв., хотя не по всем регионам материал образует исторический континуум с разграничением верхних (поздних) и нижних (архаических) страт. В библиографии к словарю нет даже издания образцов фольклора жителей Русского Устья [Фольклор Русского Устья 1986], понятно, что автор не мог учесть интересную работу о русских старожилах начала XXI в. [Вахтин и др. 2003], но о ней стоило упомянуть издателям, равно как в предисловии и материалах следовало бы учесть работы А. Г. Чикачева (1930–2007), снабжаемые глоссариями, и в особенности его «Диалектный словарь Русского Устья» (Чикачев 2005). По иронии судьбы, в аппарате к словарю не учтен и «Этимологический словарь русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина (Аникин 2000), который мог бы либо быть пополнен материалами словаря Г. В. Зотова из его полевых данных, либо должен был быть учтен в этимологических справках словарных статей.

Во Введении к Словарю отмечена сложность состава старожильческих говоров Северо-Востока — их основу составляет севернорусская лексика (и сам словарь дает хорошие примеры ее сохраняемости, позволяющей идентифицировать диалектную основу говоров) и вошедшие в состав севернорусских говоров заимствования из финно-угорских языков, ныне привлекающие внимание многих исследователей

(см. [Мызников 2004]). Далее, словарный состав этих говоров включает заимствования из аборигенных языков (якутский, эвенкийский, эвенский, чукотский, корякский, юкагирский, на востоке — ительменский), а также новую местную лексику разновременного происхождения (с. 30–31). Как раз последняя группа лексики оказывается трудноопределимой в отношении ее статуса, поскольку многие слова этой группы входят и в региональный язык горожан, и в язык местной литературы, и по существу в русский литературный язык.

Надо отметить, что большим достоинством словаря Г. В. Зотова является почти полное отсутствие в нем общераспространенной просторечной лексики, проникающей в диалекты, а позже — в стилистическую нишу диалектизмов — и фиксируемой в качестве диалектной лексики новыми поколениями диалектологов.

Не так много в словаре и фонетических диалектизмов. При этом, однако, крайне важны и интересны словообразовательные гнезда, составленные из диалектных слов: ср. *Нагитня*, -й, ж. Гольшняя, бедность, голытьба. *Нагичком*, нареч. Нагишом. *Нагишкой*, нареч. Нагишом. *Нагишино*, нареч. Нагишом (с. 285). Слово *нарожник* ‘меховая накидка на лицо, защищающая нос, уши, лоб от мороза при дальних переездах’ (с. 294) образовано по широко распространенной в регионе модели образования названий покрывок и упаковок с помощью специальных суффиксов типа чук. **-квын**, эвенк. **-птун**, эвен. **-пан/-пэн**.

В высшей степени ценны и важны варианты иноязычных слов, приводимые автором словаря с географическими пометами. Приведем примеры: *Бадаран* ‘топкое, непроходимое место, моховая трясина’ (с. 56), *Бодорон* ‘топкое место в тундре’ (с. 71: оба варианта встречаются в Русском Устье; ср. якут. *бадаран* ‘болото’, вероятно, из монг. *намарган* ‘болото’), *Бордогон* ‘трава’ (с. 73) и *Бердегес* якут. ‘высокая болотная трава, обыкновенный корм в Среднеколымске’ (с. 66), *Балтарык* ‘жердь, приспособленная для стягивания, укреп-

ления; воза сена; то же, что и бастрык на юге' (с. 58) и **Бастрык** 'жердь, приспособленная для увязывания воза сена, то же что и байстрык' (с. 61).

Еще примеры: **кочемаз** 'по-особому распластанная рыба для подвяливания' (с. 232), ср. **качемаз** 'тоненький слой мяса, срезанный с тушки рыбы-кижуча и провяленный на солнце' (с. 212–213), **Кянчи**, мн. 'меховые чулки' (с. 243), **Кинчи**, мн. якут. 'Меховые чулки' (с. 212), ср. **Кёнті** мн. 'меховые чулки в торбаза' (с. 215). Причины появления таких вариантов требуют изучения.

Заемствования из языков коренных народов Северо-Востока в словаре Г. В. Зотова весьма многочисленны, и далеко не все из них идентифицированы по языковой принадлежности и имеют надежные сопоставления.

Из эвенского языка заимствованы слова **Акка** 'сестра' (с. 48: эвен. экэн 'старшая сестра'), **Аммукан**, **Аммуканчик** 'русско-устыинский танец' (с. 51: указание на юкагирский источник ошибочно, а посредство предположительно), **Арра** 'мертвая рыба, оставшаяся на нерестилищах, пища медведей-шатунов' (с. 53: эвен. арара), **Буркот** 'кремень белый' (с. 80: эвен. буркат), **Догис** 'северо-западный ветер' (с. 142: эвен. догич 'со стороны тундры (с северо-запада)'), **Малкан** 'олёнок по второму году' (с. 261: эвен. мулкан '2-летний олененок'), **ондата** 'самый сильный, крупный олень в стаде и в то же время самый послушный' (с. 326: эвен. ондат 'олень-манщик'), **Ханкан** 'вьючное седло, к которому привязываются по бокам две деревянные фляги со спиртом' (с. 497: эвен. диал. кангка 'детское седло'), **Эта** 'жир нерпичий' (с. 533: эвен. хэ:тэ: 'сало нерпы'). Слово **Нёнба** 'специальная доска, на которой обрабатывают (скребут) кожу скребалкой' (с. 304) могло быть заимствовано как из эвенских диалектов, так и из юкагирского языка. Слово **улюкты**, поданное как «Эвен. Сушеное мясо» (с. 486), на самом деле эвенкийского происхождения, в эвенском оно выглядело бы как **хулта**.

Из чукотского языка заимствованы слова *Кавралыне*, мн. ‘богатые чукчи’ (с. 203: чук. *кавралыт* ‘обходящие, объезжающие (о торговцах)’), *Канайты* ‘ меховые брюки’ (с. 209: чук. *к’онагтэ* ‘штаны, брюки’), *Лауты*, мн. ‘мягкая обувь, невысокие (до икр) торбаса... из оленьей шкуры, вернее, из камусов’ (с. 246: коряк. *лаг’от* ‘короткие торбаса’).

Из ительменского языка заимствованы слова *Апана* ‘вареная рыба для собак’ (с. 52: данная фиксация, в отличие от словаря Л. Е. Элиасова, сомнений не вызывает), *Бахи* ‘пляска у инородцев’ (с. 62: ср. *бакию* ‘современное название камчатской мелодии’).

Юкагирским по происхождению является слово *Маняло* ‘содержимое желудка убитого оленя’ (с. 276: юкаг. *моньил* ‘живот’).

Русские заимствования в старожильческих говорах Северо-Востока не всегда хорошо опознаваемы. К ним мы отнесем слова *Ахта* ‘общественное постановление, протокол’ (с. 54: русск. *Акт*), сходную историю имеет калмыцкое слово *паршень* ‘документ’, бытовавшее в начале XX в. (русск. *Прошение*) и слова *Каталаж* ‘поклажа’, *Каталажска* ‘караулка, в которой содержали провинившихся’ (с. 212). Зафиксированная семантика форм затемняет их гомогенность: *каталаж* — это лексема *такелаж* с метатезой, *каталажска* — слово *такелажска* ‘помещение, использовавшееся на парусных судах как карцер’.

Заслуживают внимания необычные термины родства: *Двухродна сестреница* ‘троюродная сестра’, *Двухродный братан* ‘троюродный брат’ (с. 132).

Привлекают внимание тюркские и монгольские слова, зафиксированные в материалах словаря Г. В. Зотова: *Бурундук* ‘веревка, привязанная за уключину и за нос лодки для ведения лодки «бурундучно» против течения’ (с. 80), *Бутул* ‘ меховой чулок из оленьей шкуры, надеваемый поверх обуви во время ночлега под открытым небом’ (с. 81: монг. *гутал* ‘обувь, сапоги’), *Бысаж* ‘нож у пояса, который все колым-

чане носят постоянно' (с. 82: тюрк. *biŋaŋ* 'нож', очевидно, из якутского), *Галсаный* 'плешивый' (с. 113: монг. *халзан* 'лысый, с плешинной на лбу') и *голсаный* 'плешивый, лысый' (с. 121). *Тарагай* 'плешивый, лысый человек' (с. 465: монг. *тарагай* [исчезло], ср. тюрк *таз* 'плешивый'). Крайне любопытно слово *тенигис* 'пологий спуск или подъем на несколько верст' (с. 467), по форме близкое к монг. *тэнгис* 'море', при этом эвен. *төнгэр* 'озеро' показывает свое тюркское или тюрко-монгольское происхождение. Слово *Толон* Эвен. 'сенокосное угодье, ныне название поселка Толон' (с. 467) не эвенского, а якутского происхождения (якут. *толоон*), а одноименный поселок называется *Талон*.

Почему-то остались неопознанными в плане этимологии такие слова, как *Сардон* 'щука', *Сардонка* 'щука', *Сардоношина хачира* 'сушеная, обычно мелкая щука' (с. 422: якут. *сординг* 'щука').

Одно слово, взятое автором из материалов В. Г. Богораз, породило *ghost-word*: «*Сурно*. 'лицо, рыло, мурло' с текстом «*На сурно она сурмилася, Набело она белилася*» (с. 459). Здесь *Насурно* — «до цвета сурьмы», семантика, словообразовательная форма и частеречная принадлежность подсказываются рядом стоящим *Набело*. Форма *Уяров* 'место, урочище, по сыпучему склону, увалу' (с. 495) — не апеллятив, а локальная номинатема «У яров», которую нельзя признать даже микротопонимом.

«Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России», инициатором работы над которым и его основным автором явился Г. В. Зотов, — это примечательный образец дифференциального словаря диалектной лексики с этимологическими данными. Он полезен в первую очередь для специалистов по сибирским диалектам и старожильчским говорам Северо-Востока и Дальнего Востока, равно как и для специалистов по языкам этих регионов. Однако богатство и разнообразие вошедшего в этот словарь материала делают этот труд весьма важным для изучения диалектной

фонетики, диалектного синхронного и исторического словообразования, разнообразных контактных явлений. Объемные цитаты из источников позволяют видеть в этом словаре основы для этнолингвистического изучения говоров Крайнего Северо-Востока России.

Литература

Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2003. 291 с.

Зотов Г. В. Говоры к северо-западу от г. Калуги: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 21 с.

Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики: сб. науч. ст. / [Под ред. А. А. Соколянского]. Магадан: Новая полиграфия, 2008. 142 с.

Крашенинников Е. Е. Моя Колыма. Магадан: Охотник, 2013. 72 с.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.

Резвухина Ю. А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 19 с.

Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики: (лексикологический аспект): учеб. пособие. Магадан: Сев. междунар. ун-т, 2006. 85 с.

Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. 382 с.

Топонимия и диалектная лексика с меной начальных губных согласных

В. Л. Васильев

Статья посвящена историко-этимологическому рассмотрению географических названий и диалектных лексем, так или иначе отражающих результаты мены губных согласных *м // п // в*: *Пшага, Пшевка, Вшера, Пхи, Вшели, Вхомля / Охомля, опшенік* ‘омшаник’, *пшівый* ‘вшивый’ и др. Учет данной фонетической мены позволяет предложить ряд приемлемых этимологий, прежде всего топонимических. Материал по большей части взят из говоров Русского Северо-Запада.

Ключевые слова: топонимы, гидронимы, диалектная лексика, мена губных согласных.

В статье трактуется одна из фонетических особенностей диалектной речи, проявление которой в лексике и особенно в топонимии еще не привлекало специального внимания. Речь идет об ассимилятивной мена губных *м // п // в*, находящейся обычно в позиции анлаута. Учет этой фонетической черты, обнаруживаемой с заметной повторяемостью, но склонной к лексикализации, помогает в «расшифровке» ряда топонимических архаизмов.

Река *Мшага*, приток сравнительно крупной р. Шелони, впадающей в оз. Ильмень, в средневековой письменности устойчиво именуется *Пшага*. В новгородских летописях первое упоминание этой реки относится к середине XIV в.: «Того же лѣта прииха князь Литовьскыи Олгердь <...> и ста в Шелонѣ, на усть Пшаги рѣкы...», 1346 г. (НПЛ: 358); согласно (НЛ: 221): «на устьи Пшаги рѣки». Об этой же реке говорится в рядной грамоте 60-х–70-х гг. XV в.: «А потомъ не вступатся Матфѣю в Федорову землю <...> ни на Пшаги в бол-

шемъ дворѣ...» (далее перечисляются селения в Илеменском и Струпинском погостах Шелонской пятины, см. (ГВНП: 181, гр. 122); [Янин 1990: 228–229]). О селениях на реке «на *Пшагъ*» Струпинского и Сутоцкого погостов Шелонской пятины (дд. Селивестрово и Слоновая) сообщают новгородские писцовые книги 1498 г. и 1552–1553 гг. (НПК IV: 558, 5, 33); в книге 1539 г. указаны дд. Фалкова и Красница «на *Пшажкль*» в Свинорецком погосте (НПК IV: 510), сегодня — это р. *Мшажка*, правый приток Мшаги. Немецкий путешественник Герберштейн в 1517 г. записал гидроним в виде *Pschega* [Герберштейн 1988: 236]. Гидронимный вариант *Мшага* появляется впервые при описании Голинского погоста в первой пол. XVI в., когда упоминаются «Усолицы Новые Соли со Мшаги» (НПК V: 387). Со временем этот вариант становится преобладающим и в конце концов единственным: материалы XIX–XX вв. знают только р. *Мшага*. На ней при впадении в Шелонь сегодня стоят две смежные дд. *Мшага Ямская* и *Мшага Воскресенская* Шимского р-на Новгородской обл., а ранее — в начале XX в. — села *Мшага (Воскресенская сторона)* и *Мшага (Староямская слобода)* Шимской волости Новгородского уезда (СНМНГ I: 110–111)¹.

Вторая новгородская р. *Мшага*, являющаяся правым притоком р. Мсты близ ее впадения в оз. Ильмень, тоже известна средневековым источникам как *Пшага*. В купчей грамоте

¹В XVI–XX вв. здесь была крупная почтовая станция (ям) на тракте из Новгорода во Псков — отсюда пошло название *Мшага Ямская*; *Мшага Воскресенская* на другом берегу реки была названа по Воскресенской церкви. Селения разрослись на месте соленого источника, первые известия о котором идут с XIV в. Первоначальный пункт на месте Мшаги Ямской носил названия *Новые Соли*, или *Новая Руса (Новые Русы)* (НПК V: 387), полученные благодаря открытию здесь соляного промысла, который иначе именовался «*русским*» промыслом — по г. *Руса* в Приильменье, где издревле добывали соль. Со временем соляной промысел был заброшен, а селение стали называть по реке (о подробностях см. [Васильев 2001: 73]). В начале XVIII в. ойконим *Мшага* был уже в ходу: «Отъ Пскова града до Мшаги яму так умирали, что нѣкому было мертвыхъ погребати», 1705 г. (НЛ: 461).

Есифа Ивановича на землю по р. Вишере 60-х–70-х гг. XV в. среди топонимов, определяющих границы земельного участка, читаем, в частности, следующее: «от верховья Борового ручья направо дрянь во *Пшаскую вьть* в ручей, а по ручью внизь ко *Пшаги*» (ГВНП: 175, гр. 116); [Янин 1990: 223] (*Пша(э)ская вьть* — один из притоков р. Пшаги). В Оброчной книге пригородных пожен ведомства новгородского конюшего 1539/40 г. дан вариант *Пшаг*: «пожня на Мсте, Вилицы словут, у Пшагу» (ПКНЗ 1: 370). Но поздние источники XIX–XXI вв. знают лишь формы *Мшага*, *Мшаэска*, *Мшашка* или *Мшана* (последняя в (Судоходный дорожник 1855: 149)); рядом с речкой есть д. *Мшага* вблизи Новгорода (в начале XX в. — д. *Мшаэска* с хут. *Мшага* в Бронницкой волости Новгородского уезда, согласно (СНМНГ I: 16–17)).

Современный гидронимный вариант *Мшага* несложно объяснить при помощи диал. *мшáга* ‘мох’ (Вол., Бор., Новг., Парф., Сол.), ‘место, где берут мох для стройки’ (Новг.), ‘сырое замшелое место на болоте’ (Под.), ‘нетопкое болото’ (Бор.), ‘труднопроходимые заросли’ (Ст., Мал.) (НОС 5: 113), ‘мшистое болотистое место (Чуд., Люб., Бат., Волос.) (СРГК 3: 276), *мшáга*, *омшáга* ‘болото’ (Волосовский р-н Ленинградской обл.) [Попов 1978: 190], ‘болото, поросшее лесом’, ‘мшистое место в лесу’, ‘болотный островок среди сухого леса’ (Гд., Ляд., Стр.-Кр., Палк., Остр.) (КПОС), *омшáжинна* ‘место, поросшее мхом’ (Пск.) (КПОС); к варианту гидронима *Мшаг* муж. р. ср. новг. *мшаг* ‘мох’ (НОС 5: 112), *омшáг* ‘болото, поросшее лесом’ (Гд.) (КПОС). Из проприальной лексики отмечены еще *Митина Мшага*, болото под д. Прибуж Гдовского р-на [Агеева 1989: 57], *Мшагин* Григорий, посадский человек 1685 г., Псков [Веселовский 1974: 209]. Как явствует из приведенных фактов, они имеют отчетливо региональный, новгородско-псковский, характер распространения, см. также [Герд 2004: 234]. В одном из актов Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. фигурирует Иван *Пшага* (АСМ: 77), с прозвищем, дублирующим

новгородский гидроним *Пишага*, — не исключено, что речь идет о выходе из Приильменя, где две реки носили такое название.

Несмотря на самоочевидность связи гидронима *Мшага* с приведенной терминологией, А. И. Попов, автор популярной книги о названиях Новгородской, Псковской и Калининской областей, не уверен в происхождении гидронима *Мшага* от *мох*: поскольку в древнейших источниках стабилен вариант *Пишага*, «окончательно вопрос о принадлежности этого названия решать нельзя» [Попов 1981: 36]. Однако сомнения совершенно напрасны, ибо в родственных дериватах от *мох* (< **mъxъ*) мена губных *m* // *n* — явление не изолированное, а прослеживаемое на целом ряде фактов. Особенно отчетливо эту мену показывают такие диалектные лексемы, как дон. *опшеник* ‘омшаник’ (СРДГ 2: 205), *пшѣник* ‘омшаник, зимнее помещение для пчел’ (Куйбыш.) (СРНГ 33: 182), *опшѣнник* ‘теплое помещение для мелкого скота’ (Кемер.), ‘постройка для хранения продуктов’ (Влад.), ‘помещение (под сенями) для дров’ (Влад.) (СРНГ 23: 322). Структурные особенности некоторых имен собственных с начальным звукосочетанием *Пи-* позволяют предположить производность их от терминологии мха, имеющей аналогичные суффиксальные основы. Наряду с парой гидронимов *Мшага/Пишага* в нижнем Пошелонье и Помостье, известно *Пшеницы*, урочище неподалеку от г. Валдай Новгородской обл. (по карте масштаба 1:50000) при том, что есть средневековое *Мшеницы*, д. в Михайловском погосте Деревской пятины конца XV в. (НПК I: 157), ср. диал. *мшениый* ‘утепленный мхом’ (СРНГ 19: 48). Сюда же, хотя и с сомнением, мы относим средневековые *Пшенкина*, пожня под Новгородом по Отписной книге пригородных пожен 1536 г. (ПКНЗ 1: 342), и *Пшенкова*, нива в Бежецкой пятине (НПК VI: 439) (к **Мшенкина*, **Мшенкова* или к словам *пшенка*, *пшено*?), а также *Пушеная*, д. 1499 г. в волости Молдино и Удомля Бежецкой пятины (ПКНЗ 1: 174) (**Пшеная* из **Мшеная*?). Рч. Левочка, один из левых

притоков Кобожи в бассейне Мологи, носит второе название **Пишовка** [Истомина, Яковлев 1989: 79], известное также по материалам Генерального межевания 1785 г. (№ 2915) как **Пишвка** в Левочской волости Боровичского уезда: «пустошь Пестово, а Свит тож ... речек **Пишвки** и ручья Сосновца по обеим сторонам» (КГарн). Следует говорить о формах, явно преобразованных из ***Мшевка** или ***Мшивка**; к основе *мшев-* в ***Мшевка** ср., например, др.-рус. *мшевик* ‘хозяйственная постройка, оконопаченная мхом’ (СлРЯ XI–XVII 9: 326), диал. **мишэвина** ‘изба, проконопаченная мхом’ (Верхотур. Перм., Урал) по (СРНГ 19: 48). В XIX – начале XX в. в Демянском уезде Новгородской губ. одна из деревень называлась **Пишова Гора** (СНМНГ II: 54–55) (ныне село Воскресенское Маревского р-на Новгородской обл.); прилагательное в этом ойкониме тоже можно трактовать в связи с основой *мшев-* (< ***Мшева гора**)². Из антропонимии ср. новг. фамилию **Пианский** (= *Мианский*), основа *миан-* содержится в диал. **миа́нный**, **миа́нка**, **миа́нина**, **миа́нник** и т. п. (СРНГ 19: 46–47). Явно к корню *мох* отходит диал. (южн.) **пшинка** ‘растение Ranunculus Ficaria, сем. лютиковых; чистяк весенний’ (СРНГ 33: 185) (< ***миинка**): в пользу такого решения свидетельствует, во-первых, наличие диал. **ми́йна** ‘мох’ (Арх., Олон.) (СРНГ 19: 49), во-вторых, то обстоятельство, что пшинка, как и мох, — растение сырых мест.

Изменение *ми-* > *пи-* дополняется изменением *мх-* > *пх-* в нескольких средневековых «*моховых*» топонимах, локализованных на Русском Северо-Западе: **Пхи** с вариантом **Мхи**, название пожни в окрестностях Новгорода (ПКНЗ 1: 420), **Пхово**, название озера, деревни и местности в волости Коства Бежецкой пятины под 1565–1566 гг. (ПКНЗ 3: 74, 75, 76; НПК VI: 396, 398, 424), являющееся фонетическим модифи-

²Наименования **Пишевского** Петровского пог. в Обонежской пятине и села **Пишукский Ручей**, указанные в актовой письменности 1695 г. (АИ 5: 452–453, гр. 244), неславянского происхождения: они соотносятся со средневековым названием близтекущей р. **Пишогжа** / **Пишевжа**, сегодня **Пчевжа**, левого притока Волхова.

катом формы **Мхово* (сегодня — д. *Пхово Новое* к востоку от г. Удомля Тверской обл.), *Пховица*, р. в Бежецкой пятине под 1545 г. (НПК VI: 386, 439) (< **Мховица*).

Наряду с этим, в «*моховой*» топонимии Русского Северо-Запада прослеживается также изменение *ми-* > *ви-* в анлауте. Новгородская берестяная грамота № 519/520 (1380-е – 1400-е гг.), представляющая собой завещание некоего Моисея, перечисляет земли, расположенные в Струпинском и Дубровенском погостах Шелонской пятины, среди которых есть и *Вшаи(с)кая* земля («во Вшашкеи земль»), т. е. местность по р. **Вшага*. Здесь **Вшага* не что иное, как вариант названия р. Мшага в бассейне Шелони [Зализняк 2004: 653]. Таким образом, налицо вариантность **Вшага/Пшага/Мшага* в развитии одного и того же гидронима.

В связи с апеллятивом *мох* и с учетом колебания *ми-* // *пи-* // *ви-* хорошо трактуются и такие средневековые новгородские ойконимы, как *Вшера*, *Вшеничи*, *Вшели*.

Ойконим *Вшера*, д. Язвицкого погоста Деревской пятины около 1495 г. (НПК II: 345, 410), иначе — *Вшара* по писцовой книге Г. Я. Морозова 1538/39 г. (ПКНЗ 4: 37), или *Пшоро* по книге 1550/51 г. (ПКНЗ 5: 76), следует сравнить с распространёнными на Русском Северо-Западе диал. *ми́ара*, *ми́аріна*, *ми́эріна* ‘место, поросшее мхом; мшистое болото’ (СРНГ 19: 47, 49), др.-рус. *мшерина* ‘то же’, XVI в. (СлРЯ XI–XVII 9: 237). Данные образования (с суффиксом *-ар-*) относятся к праславянским диалектизмам сев.-слав. распространения [Герд 2004: 234].

Новг. название *Вшеничи*, д. Сумерского погоста Шелонской пятины 1498 г. (НПК V: 148), оптимально объясняется при сближении с основой *мшен-* (к **Мшеничи*), ср. с этой основой название рч. *Мшеня* неподалеку от Валдая в Рабежской волости (СНМНГ V: 71), и с учетом диссимилятивного изменения *ми-* > *ви-*.

Современная д. *Вшели* Солецкого р-на Новгородской обл. некогда считалась центром Вшельского погоста Шелон-

ской пятины, о котором первые известия дает остающаяся в рукописном виде писцовая книга 1581–1582 гг. (фрагмент из этой книги с упоминанием Вшельского погоста был опубликован К. А. Невוליным [Неволин 1853] и использован в работе А. М. Андрияшева [Андрияшев 1913–1914: 40]). Ойконим *Вшели*, без сомнения, был преобразован из первоначальной формы **Мшели* мн. ч., деривата от *(за)мшеть* ‘покры(ва)ться мхом’ с суффиксом *-ль*. Основания для такой этимологии весомы даже по особенностям местоположения: деревня стоит в верхнем течении Мшаги бассейна Шелони, ранее именовавшейся, как явствует из берестяной грамоты № 519/520, также и **Вшага*, см. выше. К типологии деривации формы **Мшели* ср., например, диал. *горéль* ‘что-то горелое’ от глагола *горéть*, новг. *Борéль*, место (НОС 1: 74) — от *борéть* ‘зарастать деревьями, кустарником (о залежи)’ (Порх. Пск., Осташк. Твер.) (СРНГ 3: 98), *Смердéль*, р. в Вологодской обл., — от *смердéть* и т. п.

Кажется, название рч. *Охомля*, левого притока Мсты в ее среднем течении³, тоже следует трактовать в контексте приводимых фактов. В писцовых книгах Бежецкой пятины 1564 г. эта речка названа *Вхомля* (НПК VI: 871), причем гидроним был размножен названиями нескольких близлежащих средневековых селений Бежецкой пятины: это д. *Вхомля* «у ключа» в погосте Никольском в Шереховичах 1564 г., д. *Вхомля* в погосте Ильинском в Любытинах на Белой 1564 г., три дд. *Вхомля* в соседнем Богородицком погосте на Белой (НПК VI: 6, 857, 862, 870, 873, 892); книга 1501 г. отмечает еще д. *Хомля* «надъ ключемъ» в Любытинской волости в Ильинском погосте (НПК VI: 21). Среди перечисленных (*Охомля*, *Вхомля*, *Хомля*) гидронимная форма *Вхомля* наиболее авторитетна для этимологической трактовки. Взятая изолированно, сама по себе, данная форма не находит прием-

³См. топографические карты и Приложение к распоряжению облисполкома от 22.08.89 г. «Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохраных зон до 2000 года».

лемого объяснения на славянской почве, но если учесть вышеприведенные факты, то появляются фонетические основания возвести *Вхомля* к прототипу **Мхомля* или **Мховля*, производному от *мвхъ* при помощи архаического славянского «речного» форманта (ср. рр. *Смердомля*, *Ситомля*, *Никомля* на Русском Северо-Западе, диал. *сыромля* ‘сырое место’ и т. п.). Мена начальных *мх-* > *вх-* здесь весьма вероятна в свете зарегистрированных изменений *ми-* > *ви-*, с одной стороны, и *мх-* > *пх-*, с другой, более того, имевшиеся в гидрониме условия для межслоговой диссимиляции либо метатезы такую мена могли легко спровоцировать. Сегодня вместо былого *Вхомля* закрепился вариант *Охомля*, что случилось благодаря переосмыслению формы в качестве префиксальной структуры, в которой этимологически мнимый «префикс *в-*» был замещен префиксом *о-*⁴.

Фонетические изменения *ми-* > *пи-*, *ми-* > *ви-*, *мх-* > *пх-*, *мх-* > *вх-* вызваны ассимилятивным процессом оглушения звонкого (сонорного) губного согласного перед шумными глухими (группы *ви-*, *вх-* тоже результат оглушения, поскольку фонетически они имеют не звонкий, а глухой губной согласный: [*фи-*], [*фх-*])⁵. Любопытно, что названия, подверженные этому изменению, в целом оказались более характерными для средневековой эпохи. А. И. Попов, не слишком доверявший фонетическим критериям, сомневался в славянском объяснении средневекового *Пишага*, поскольку считал, что показания памятников письменности более надежны при

⁴Ср. аналогичный случай соотносительности вариантов *Взвад* / *Озвад*, названия древнего новгородского села близ впадения р. Ловать в оз. Ильмень (ГВНП: 377).

⁵Обратный фонетический процесс — диссимилятивного озвончения с последующей вокализацией — представлен изменением *p* > *u* (вероятно, через стадию *w*) перед глухим шипящим или заднеязычным в некоторых словенских диалектах. Например, имеются переходы словен. *pšenica* > *ušenica* (отсюда фамилия *Ušeničnik*), *pšeno* > *ušen* и даже *šen*, *lepši* > *leuši*, *klobčič* > *kloučič*, *phati* > *uhat* (по сообщению С. Торкара, ссылавшегося на кн.: *Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika* II. Konzonantizem, Ljubljana, 1924, s. 181–183).

этимологизации топонимов, нежели современные записи. Однако обобщающая логика не всегда работает, и находится очень много конкретных случаев (они имеют разные объяснения), когда современный облик названий этимологически авторитетнее, чем показания исторической документации. Более заметное, как кажется, проявление данной особенности в средневековой письменности XIV–XVI вв. могло быть «отзвуком» не слишком отдаленной эпохи падения редуцированных, когда появлялось много новообразованных групп согласных, переживавших разнообразные комбинаторные процессы. Оглушение губного *m* перед *ш*, *х*, обычно носившее узкоместный, спорадический характер, порой закреплялось в названии окончательно (как в *Пшеницы*, *Пшовка*, *Вшели* и др.), но в таких географических именах, как *Мшага*/*Пшага*/*Вшага*, результат данного оглушения, хоть и имел склонность к лексикализации, не удержался, поскольку ощутимая мотивационная связь с обозначением мха никогда не прерывалась, а со временем даже усилилась, сделав вариант *Мшага* сегодня единственно возможным.

«*Моховыми*» названиями и обозначениями на *Ми-*, *Мх-*мена губных в анлауте, конечно, не ограничивается. В частности, ее можно наблюдать в новг. диал. *пшівый*, то же, что *вшивый* (Валд., 1857) (СРНГ 33: 185), в гидрониме *Мста*, который в некоторых селениях по течению р. Мсты встречен в произношении *Пста* (например, в д. Частова Крестецкого р-на Новгородской обл. — личные записи 2009 г.).

Разумеется, проявление рассматриваемой фонетической черты можно встретить и за пределами Русского Северо-Запада. Так, в верхнем правобережном Поочье среди притоков Зуши есть рч. *Пшевка* с притоком *Сухая Пшевка* и близлежащим сел. *Пшево* [Смолицкая 1976: 53]. О. Н. Трубочев посвятил интерпретации этого гидронима немало строк, указал и древнечешскую параллель — село *Pšov* над р. *Pšovka*, в XIII в. *Pshowka*, в северной Чехии; по этому селу получило название древнечешское племя *Pšované* (в 1086 г. зафиксиро-

ровано как *Pssouane*). Справедливо возражая Ст. Роспонду, возводившему др.-чеш. *Pšov* к исходному **plʋsk-* или даже **blʋsk-* ‘блистать, сиять’, Трубачев видит здесь посессивный топоним на базе незафиксированного личн. **Ръшь* (к основе **ръх-*, **ръщ-* с первичной семантикой ‘толкать’) [Трубачев 1971: 14]. Однако в свете имеющихся фактов появляется дополнительная возможность трактовать приведенные топонимы в Поочье, в Чехии (сюда же *Пшова Гора*, д. в Новгородской губ., см. выше) на путях изменения *ми-* > *пи-* после утраты редуцированных, т. е. в конечном счете соотносить все эти формы с обозначением мха. В пользу данной версии говорит и то, что, во-первых, в том же верхнем правобережном Поочье, наряду со *Пшевкой* бассейна Зуши, есть *Мшевка* (исторические варианты *Милица*, *Милицы*) бассейна Упы; во-вторых, обнаруживается и р. *Пшонка* (при том, что на сопредельной территории того же верхнего правобережного Поочья локализуется оз. *Мшенское*), и р. *Пша* (с притоками *Пшинской*, *Пшинская*) [Смолицкая 1976: 75, 69, 268]. Допустимо считать, что *Пша* продолжает исходный вариант **Мша* < **Мъша*, к достоверности которого ср. оз. *Омша* с истоком — рч. *Омша*, притоком Медведы, и оз. *Омша*, оба названия в Мошенском р-не Новгородской обл. [Истомина, Яковлев 1984: 116, 128].

Однако поочский гидроним *Пша* не исключает сближения и с корнем *пих-/пъх-*; ср. *опша* ‘отходы при обмолоте и очистке зерна; мякина’ (Арх.), *вопшина* ‘шелуха, кожица, остающаяся при обдирании хлебных зерен, особенно ячменя’ (Перм., Волог.) (СРНГ 23: 322), надежно трактуемые на базе этого корня.

Сокращения источников

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–5. СПб., 1841–1842. Указатель к Актам историческим. СПб., 1843.

- АСМ — Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 273 с.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 408 с.
- НЛ — Новгородские летописи, изд. Археограф. комиссии. СПб., 1879. XXIV, 488, 115 с.
- НПК — Новгородские писцовые книги, изданные императорской Археографической комиссией. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.
- ПKNЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1–6. М.; СПб.: Археографический центр; Древлехранилище; Дмитрий Буланин, 1999–2009.
- СНМНГ — Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. I–VIII. Новгород: Губернская типография, 1907–1912.
- Судоходный дорожник 1855 — Судоходный дорожник Европейской России, изд. Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Ч. II. Отд. 1. СПб., 1855.

Литература

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Наука, 1989. 256 с.

Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Вып. I: Списки селений; Вып. II: Карты погостов. СПб.: Имп. и-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913–1914.

Васильев В. Л. Географические названия с основой «рус-» в Новгородском крае: этимология и история // *Slavia orientalis*. 2001. Т. L. № 1. S. 63–76.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 8 / Отв. ред.

А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С. 173–235.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Истомина Э. Г., Яковлев З. М. Голубое диво: Историко-географический справочник о реках, озерах и болотах Новгородской области. Л.: Лениздат, 1989. 222 с.

Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1853. 414 с.

Попов А. И. Диалектологические поездки в Ленинградскую область // Диалектная лексика. 1975. Л.: Наука, 1978. С. 189–197.

Попов А. И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 206 с.

Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М.: Наука, 1976. 404 с.

Трубачов О. М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // Мовознавство. 1971. № 6. С. 3–17.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. 384 с.

Ареальный аспект изучения лексики русских народных говоров (традиции и новации)*

Т. И. Вендина

Статья посвящена истории лингвогеографического изучения диалектной лексики. Автор доказывает, что развитие лингвистической географии как науки привело к необходимости создания лексических атласов нового типа, каким является «Лексический атлас русских народных говоров». В статье подробно описываются инновации этого Атласа, дается оценка системного подхода к принципам отбора и картографической репрезентации материала, лежащего в основе этого Атласа и позволяющего выявить типологию диалектных различий на уровне лексики и словообразования.

Ключевые слова: диалектология, лингвистическая география, лингвистические атласы, Лексический атлас русских народных говоров.

Интерес к изучению диалектного слова в русской словесности появился давно. Составление «Лексикона русских примитивов», т. е. «коренных», или «первообразных» слов русского языка, начал еще М. В. Ломоносов, о чем он писал в одном из своих отчетов Российской Академии Наук. Долгое время однако этот интерес находился лишь на уровне поисков этнографической экзотики, сродни интересу к предметам и поверьям «простонародной старины».

Лишь значительно позднее, когда сформировалось понятие диалекта как исторически развивающейся языковой ка-

*Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект»).

тегории и в качестве самостоятельной дисциплины из этнографии выделилась диалектология, интерес этот из чисто любительского превратился в сугубо научный. В диалектном слове увидели возможность прикоснуться к истории русского языка, так как то, что оказалось утраченным в литературном языке, сохранилось и до сих пор еще живет в диалектах. Постепенно пришло и осознание глубокой связи диалектного слова с «духом народа», его национальной самобытностью, традиционной народной культурой.

Оформление в качестве самостоятельной научной дисциплины диалектологии выдвинуло в качестве первоочередной задачу «изучения географии русского языка», т. е. изучения диалектного слова в ареальном аспекте. В статье «Замечания о материалах для географии русского языка»: И. И. Срезневский писал: «Первой принадлежностью... лингвистической географии должна быть... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов. Границы языка обведены как границы государства, границы наречий — как границы областей, границы местных говоров каждого из наречий — как границы округов и волостей каждой области» [Срезневский 1851: 3].

Реализация этой идеи, однако, была сопряжена с определенными трудностями, поскольку еще не существовало методологии изучения диалектного слова не только в ареальном, но и лексикографическом аспекте. В XX в. эту идею попытались реализовать члены Московской диалектологической комиссии Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, создавшие «Диалектологическую карту русского языка в Европе» (1915 г.). На этой карте впервые была обозначена территория распространения трех восточнославянских языков и показано их диалектное членение.

Однако при всей значимости этого начинания карта, в основе которой лежало всего несколько дифференциальных признаков (оканье, наличие взрывного *g* и твердого *m* в лич-

ных окончаниях глагола 3 л. наст. вр. для северновеликорусского наречия и аканье, наличие фрикативного γ и m' мягкого в личных окончаниях глаголов 3 л. наст. вр. — для южновеликорусского), вызвала критическое отношение со стороны ряда ученых. Основное замечание сводилось к тому, что авторы картографируют не отдельные языковые явления, а целые наречия и говоры. В связи с этим предлагалось расширить состав дифференциальных признаков.

Начались поиски таких дифференциальных признаков. Однако они велись в основном в рамках фонетики, поскольку на фонетическом уровне диалектные различия прослеживаются ярче всего. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия охватывают огромное количество слов, поэтому именно фонетические признаки были долгое время в центре внимания отечественных диалектологов, лишь значительно позднее привлекли к себе внимание признаки морфологические. Что касается лексических различий, то они еще со времен В. И. Даля признавались незначительными. Противопоставляя книжному языку «народный язык» как язык многообразный, но единый в лексическом отношении, Даль писал: «На всю ширь великой России нет наречий, а есть только говоры. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и прибавкою весьма немногих, образованных на месте речений, всегда верных общему духу языка» (Даль 1: V). В связи с этим выявление лексических различий русских говоров находилось на периферии диалектологических интересов (диалектные слова привлекались в основном в качестве иллюстрации фонетических или морфологических особенностей говоров). Такому положению в немалой степени способствовали и определенные традиции европейской диалектологии и лингвистической географии. Напомним, что в тот период, когда в России только разворачивалась работа над созданием «Диалектологической карты русского языка», в немецкой, французской, швейцарской лингвистиче-

ских школах уже существовал определенный опыт в создании лингвистических атласов и осмыслении диалектного материала. В западноевропейских школах диалектологии еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума, поэтому лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для целей лингвистической географии. В центре внимания диалектологов были поэтому главным образом фонетические и морфологические различия.

По-видимому, именно этим обстоятельством, во многом определившим слабую изученность лексических диалектных различий, объясняется и тот факт, что в «Программе Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), работа над которым развернулась после войны, оказалось мало вопросов, относящихся собственно к лексике и словообразованию. Причем такая ситуация была характерна не только для отечественной диалектологии, но и в целом для славянской. Анализ имеющихся региональных и национальных атласов славянских диалектов свидетельствует о том, что все эти атласы при всем различии стоявших перед ними целей и решаемых в них задач объединяет сам принцип отбора материала: самое полное освещение в них получали факты фонетики как более релевантные при решении вопроса о диалектной дифференциации национального языка. Что касается лексических различий, то хотя в словарном составе языка «они структурно наиболее значительны, однако важность их часто недооценивалась, поэтому эти различия именовались аморфными и некоррелятивными» [Ивич 1963: 19]. Именно поэтому отражение диалектных различий в области лексики и словообразования во многих атласах носило несистемный, фрагментарный характер, следствием которого была се-

мантическая несоотнесенность картографируемых в них лексем.

Атомарность и несистемность лексической части вопросников как национальных, так и региональных атласов во многом объясняется сложностью и необъятностью самого предмета исследования, трудностью сбора и систематизации лексического материала, а также, по-видимому, и тем, что в период их создания была еще не разработана общая типология подходов к выявлению диалектных различий на уровне лексики и словообразования. В связи с этим в атласах эксплицировались часто только те диалектные различия, которые были уже известны как релевантные для данной территории.

Между тем существующие сегодня региональные лексические атласы (например, «Закарпатский лексический атлас» И. А. Дзэндзелевского, «Лексический атлас Правобережного Полесья» Н. В. Никончука или «Лексический атлас гуцульских диалектов украинского языка» Я. Ригера, «Лексический атлас Московской области» А. Ф. Войтенко и «Лексический атлас Архангельской области» Л. П. Комягиной и др.) реально доказали плодотворность исследования диалектной лексики методами лингвогеографии. На картах этих атласов не только четко вырисовываются ареалы отдельных слов, но и прослеживается географическая повторяемость границ распространения целого ряда слов, принадлежащих к различным тематическим группам лексики.

Вместе с тем нельзя не отметить, что во всех этих атласах при отборе лексем для картографирования использовался не системный, а дифференциальный подход, стремление представить в Атласе только те диалектные слова, которые являются специфическими для данной местности названиями предметов, действий или явлений или же дают ярко выраженные ареалы.

Такой дифференциальный подход к диалектной лексике не позволяет, однако, рассматривать диалектную лексику

ку в системном плане. Карты этих атласов реально доказали справедливость суждений Н. И. Толстого, который еще в 60-е годы писал о том, что «способ картографирования одиночных лексем и семем (“от слова к значению” и “от значения к слову”) недостаточен и мало перспективен, необходимо картографирование хотя бы небольших семантических полей с определением дистрибуции лексем и их словообразовательно-деривационных возможностей» [Толстой 1963: 39]. Вместе с тем следует признать, что даже при таком, атомарном, подходе к отбору лексики для картографирования лингвистическая география серьезно продвинулась в пространственном изучении диалектного слова. Таким образом, идея ареального изучения диалектной лексики того или иного языка постепенно завоевывала признание, и к концу XX в. она оказалась уже в числе актуальных.

Сегодня логика развития славянской лингвистической географии поставила перед диалектологией вопрос о необходимости создания лексических атласов принципиально нового типа. В их основе должен лежать не дифференциальный, а системный подход к принципам отбора и картографирования материала, ибо существовавший долгое время в лингвогеографии дифференциальный подход к картографическому освоению диалектной лексики «не дает возможности рассматривать диалектную лексику в системном плане и затрудняет, а иногда и делает невозможным ее исследование в сравнительно-типологическом» [Толстой 1997: 245]. При дифференциальном подходе к диалектному слову предметом внимания являются лишь регионализмы, слова же, имеющие общерусское распространение, в исследовании не учитываются, потому что априори принимается презумпция повсеместного распространения литературной лексики. Отсутствие в большинстве атласов литературной лексики не позволяет выявить ареалы литературных слов и тем самым определить направление диалектных потоков в истории формирования литературного словаря. Между тем публикация

«Лексического атласа белорусских народных говоров» показала, что «презумпция повсеместного распространения литературной лексики оказывается справедливой далеко не для всех слов литературного языка, достаточно широкий круг слов литературного языка оказывается связанным с определенными диалектными ареалами» [Толстая 1995: 263]. Проведенный С. М. Толстой анализ карт этого атласа в плане ареального соотношения литературной и диалектной лексики показал, что на картах отчетливо обнаруживаются две крайних ситуации, а именно: «полное отсутствие или спорадичность литературного слова на диалектной карте и повсеместное, практически не ограниченное распространение слова, при котором другие диалектные лексемы оказываются лишь вкраплениями» [Толстая 1995: 264].

Важное значение для научного осмысления теории системного подхода при лингвогеографическом изучении лексики имела и работа над ДАРЯ. В ходе работы над Атласом стало ясно, что «показ на карте лишь ареалов отдельных слов, диалектных по звуковой форме или по значению, не отвечает современному состоянию диалектологии и диалектной лексикологии как сугубо атомарный по подходу» [Моравовская, Попов 1994: 18].

Так постепенно в лингвистической географии утверждается новая парадигма диалектологических исследований, когда в центре внимания оказывается не отдельное слово, а вся лексическая система диалекта, во всей сложности ее единиц и связывающих их отношений.

Именно поэтому при обсуждении «Программы Лексического атласа русских народных говоров» решено было отказаться от дифференциального подхода и положить в ее основание системный принцип отбора, интерпретации и картографической репрезентации материала. Ориентация на системный подход в лингвогеографическом изучении диалектной лексики предопределялась, с одной стороны, современной методикой изучения словарного состава территориаль-

ных диалектов, а с другой — требованиями самой лингвистической географии, объектом картографирования которой являются не разрозненные, а системные факты.

Несмотря на то, что идея системного подхода к лингвогеографическому изучению диалектной лексики является уже далеко не новой, системный принцип ареального исследования диалектной лексики не мог быть реализован ранее вследствие недостаточной ее изученности и отсутствия соответствующих диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Даже в 60-е годы, когда наблюдается оживление идеи изучения диалектного слова методами лингвогеографии, ситуация в принципе не меняется, о чем пишут и авторы коллективной монографии «Вопросы теории лингвистической географии», ср. в связи с этим следующее высказывание Р. И. Аванесова: «Словарный состав языка, как и все другие его стороны, образует систему. Слова одной системы (например, диалекта) по своим значениям и структуре связаны друг с другом. Они могут образовывать определенные семантические группы. Одни слова данной частной языковой системы могут быть связаны с другими словами той же системы по признаку тождественности, близости или противоположности значения, по признаку разграничения слов в разных сферах языковой деятельности. Появление в данной частной языковой системе нового слова может вызвать утрату имевшегося ранее в этой системе своего слова с тем же значением или семантическую дифференциацию в употреблении своего и заимствованного слова и т. д. Однако проблема изучения словарного состава как системы даже в пределах одной частной разновидности языка (например, в пределах одного диалекта) изучена еще очень слабо. Тем более не изучена она в более широких границах языка как целого, как системы частных языковых систем, где предметом изучения должно быть не только функционирование слова в каждой из частных языковых систем, но также и соотношение соответственных лексических элемен-

тов разных частных систем. Поэтому до настоящего времени практически в диалектологии вообще и в лингвистической географии в частности приходится изучать отдельные частные лексические диалектные различия, нередко малосвязанные или вовсе не связанные друг с другом» [Вопросы теории 1962: 150].

Однако общий подъем лексикологических исследований диалектной лексики, ориентированных на выявление системных отношений, преодоление научного скепсиса в правомерности применения понятий «системы», «системности» к лексике и семантике, а главное — успехи, достигнутые лингвистической географией в картографировании диалектных различий на уровне лексики и словообразования, убедительно доказали, что широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен при условии всестороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его собиранию и описанию.

Таким образом, возросший интерес к лингвогеографическому изучению лексики, а также общее развитие лингвистической географии со всей остротой поставили перед отечественной диалектологией вопрос о необходимости создания лексического атласа, построенного на принципиально иной основе. Таким принципиально новым подходом должен был стать системный подход к принципам отбора и картографирования материала и отказ от атомарного подхода как недостаточного при решении широких задач диалектной лексикологии и лингвогеографии.

Выбор системного подхода предопределялся, с одной стороны, современной методикой изучения словарного состава территориальных диалектов, а с другой — требованиями лингвистической географии, объектом картографирования которой являются не разрозненные, а системные факты.

Системный подход к отбору материала предполагает прежде всего «равное внимание к любому члену диалектного

различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия» [Попов и др. 1993: 329].

Включение в «Программу» Атласа лексики литературного языка мотивировалось не только требованием системности, но и самой языковой логикой, поскольку эта лексика образует основной костяк народного словарного запаса, игнорировать который нерационально. Кроме того, снятие этих ограничений давало возможность исключить искусственные лакуны в составе программы, которые всегда возникают при дифференциальном подходе.

Подход к языку как к системе при разработке «Программы» ЛАРНГ выразился и в том, что в ней последовательно проведено разграничение собственно лексических фактов и фактов, относящихся к другим сторонам языка.

Системный принцип отбора материала проявился и в том, что при формулировке вопросов «Программы» учитывалась специфика регулярных синтагматических и парадигматических связей в лексике. В основе этих связей лежат принципы подчинения и соподчинения, включения и соположенности (родо-видовые и совидовые отношения), равнозначности (или синонимии), противоположности (или антонимии), целого и его части. Поэтому в вопросник «Программы» были включены родовые и видовые наименования, совидовые наименования с противоположными значениями, названия целого и его частей, т. е. все то, что составляет понятие системных отношений, ср., например, следующие вопросы Программы Атласа: Л 1 'лес' (о. н.); Л 3 'лиственный лес' (о. н.), Л 4 'хвойный лес' (о. н.); Л 5 'смешанный лес' (о. н.) и др.; Л 20 'молодой лес из деревьев разных пород'; Л 21 'старый лес из деревьев разных пород'; Л 24 'большой, обширный лесной массив'; Л 25 'небольшой лесок, роща'; Л 29 'поваленный бурей лес'; Л 30 'сломанное бурей дерево'; Л 35 'сухое дерево'; Л 37 'сухая вершина дерева' и т. д.

Таким образом, в «Программе» нашли отражение, с одной стороны, внелингвистические признаки (взаимосвязанные природные или социальные явления), а с другой — собственно лингвистические (разнообразные дифференциальные и интегральные признаки слов, входящих в одну лексико-семантическую группу или семантическое поле), что позволило последовательно провести принцип системности в отборе материала.

И в этом отношении «Лексический атлас русских народных говоров», с одной стороны, продолжает традиции отечественной лингвистической географии, а с другой — формирует новую парадигму ареального исследования диалектной лексики.

По замыслу создателей Атласа, он должен «показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров — лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования» (ЛАРНГ. Проект 1994: 5).

Понятно, что ввиду обширности лексической системы ни один атлас не может во всей полноте отразить системный характер лексики диалектов того или иного национального языка. Реально возможным для него является изучение определенного (но довольно широкого) круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп и семантической структуры отдельного слова. Именно по этому пути и пошли создатели «Программы» Атласа.

«Программа» ЛАРНГ включает более 5 тыс. вопросов, касающихся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания и быта сельских жителей и отражающих специфику русской языковой картины мира. Такое значительное количество вопросов должно существенно увеличить возможность выявления системообразующих связей в лексике говоров. В основу составления вопросника был положен

критерий значимости реалии в традиционной материальной и духовной культуре. Ввиду обширности макросистемы диалектного языка (территориальные границы атласа простираются от Белого до Черного моря, а на востоке — до Урала, т. е. они значительно шире, чем в ДАРЯ и русской части ОЛА), «Программа» строится по тематическому принципу, что само по себе способствует восприятию материала в этнокультурном контексте, поскольку подспудно выявляет материальные и духовные ценности традиционной культуры. Она состоит из следующих крупных разделов: природа (растительный и животный мир, ландшафт, метеорология); человек (анатомические названия, различные особенности человека, характеристика личности, социальные отношения; семья и семейные отношения; народная медицина); трудовая деятельность (полеводство, огородничество, садоводство, животноводство, птицеводство, пчеловодство, ткачество, промыслы: рыболовство, охота; ремесла: плотницкое, гончарное, кузнечное дело); материальная культура (крестьянское жилище, хозяйственные постройки, строительство; домашняя утварь, крестьянская одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения); питание (пища, напитки и их приготовление); пути сообщения и средства передвижения; традиционная народная духовная культура (верования, обряды, праздники, развлечения, игры). Внутри этих разделов выделяются более узкие тематические группы, большая часть которых будет представлена отдельными томами Атласа. Вопросы формулируются от значения к слову и от слова к значению, что дает возможность выявить структурно-семантические и деривационные различия диалектного слова.

И в этой тематической емкости «Программы» Атласа также заключается его новация.

Следует отметить, что благодаря именно такому принципу отбора материала удалось избежать лакун, которые неизбежно возникают при сборе материала в полевых услови-

ях. Так, например, семантический вопрос о лексеме *дубрава* (СМ2 Употребляются ли и в каких значениях слова *дубрава*, *дуброва*?) позволил существенно дополнить карту, посвященную общему названию лиственного леса (ЛЗ 'лиственный лес').

Системный подход к диалектному материалу отразился не только в его отборе, но и в картографической репрезентации. Поскольку объектом картографирования является лексика, не имевшая ранее в большинстве своем точных территориальных координат, то при обработке материала и составлении карты автор учитывает весь материал карты (за исключением единичных или не соответствующих теме карты ответов), а не только тот, который логично укладывается в его концепцию, позволяя выделить четкие ареалы (и в этом также проявляется новация ЛАРНГ, для которого «любой тип лингвистического ландшафта представляет интерес, давая материал для интерпретации» (ЛАРНГ. Проект 1994: 57)).

Новацией Атласа является и четко разработанная система картографической репрезентации диалектного материала. В основу принятой в Атласе картографической концепции был также положен принцип системности, базирующийся на иерархии диалектных различий и позволяющий элиминировать все то, что не существенно для картографируемого вопроса (например, отражение на карте с помощью специальных графических средств элементов регулярной диалектной фонетики). С этой целью в Атласе была разработана такая система картографической репрезентации материала, которая учитывала бы взаимозависимость и типологическую соотношенность графических средств, когда выбор обозначения для первого члена ареальной оппозиции в инвариантном ряду предопределяет всю последующую композицию карты. Таким образом выдерживался принцип последовательной графической иерархии и соотносительности картографических средств.

Различия в конфигурации геометрических знаков сигнализируют об оппозиции первого уровня противопоставления (например, различия в корневых морфемах, в значениях слова, в мотивационных признаках и т. д.), являющегося, как правило, основным для темы карты. Различия же во внутренних и внешних диакритиках одного и того же знака призваны передать противопоставления второго и последующего планов (различия в аффиксальных морфемах, лексико-семантических вариантах одного слова, в вариантных признаках и т. д.). Знаки могут употребляться как самостоятельно, так и вписываться в другую геометрическую фигуру (например, при передаче сложного слова).

Картографическая концепция, лежащая в основе легенды каждой карты Атласа, дает возможность отразить разноплановые диалектные различия в картографируемых словах. Системный принцип картографирования позволил авторам представить на карте многоступенчатую противопоставленность различных сторон картографируемых лексем с учетом иерархии разнокачественных явлений. Иерархия и соотнесенность систематизированных, графически однотипных знаков, используемых на карте, позволила передать информацию самого разного уровня абстракции — мотивационного, семантического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического — и тем самым повысить информативную нагрузку карты. Информация фонетического уровня на карте, как правило, не отражается, поскольку она не является релевантной для большинства карт Атласа.

Такая картографическая концепция Атласа также является его новацией. Для сравнения можно привести картографическую концепцию «Лексического атласа Московской области» А. Ф. Войтенко (Войтенко 1991) или «Лексического атласа Архангельской области» Л. П. Комягиной (Комягина 1994), где такая система отсутствует.

Каждую карту Атласа сопровождает комментарий, выполненный в соответствии с алгоритмом, единым для всех его карт. Он включает такие необходимые элементы, как объяснение проблематики карты, характеристика картографируемого материала и тех диалектных различий, которые получают отражение на карте, принятая система картографических средств, указания на сомнительные названия, которые дисквалифицируются автором по той или иной причине, замечания эксплораторов о тех или иных формах и другую информацию. Несмотря на известную унифицированность информации, представленной в комментарии, следует отметить, что каждый комментарий является, в сущности, маленькой статьёй, в которой излагаются вопросы, связанные с интерпретацией картографируемого слова и его ареала. Такой обширный комментарий отличает Атлас от других лексических атласов, где подобные комментарии, как правило, отсутствуют.

К комментарию прилагается иллюстративный материал, который имеет особую ценность, поскольку он позволяет читателю непосредственно соприкоснуться с диалектным словом. Этот иллюстративный материал имеет своей целью не просто показать «жизнь слова» в диалекте, но и обосновать его появление на карте. Так, например, на карте «**Опенок**» получила отражение лексема *поганка*. Включение ее в легенду карты мотивировано тем, что в русских диалектах она может являться обозначением и съедобных грибов, ср. в СРНГ *поганка* ‘название съедобных грибов’: а) ‘опенок’ Шенк., Арх., Волог.; б) ‘дождевик’ Вят.; в) ‘летний мелкий гриб’ Ворон.; г) ‘сыроежка и лисичка’ Том., Орл. (СРНГ 27: 287). Об этом красноречиво свидетельствуют и материалы самой карты, в которых лексемы *опенок* и *поганка* часто выступают в одном синонимическом ряду. Судя по контекстам, опенок часто оценивается как несъедобный гриб, что также способствует синонимизации этих лексем, ср., например, следующие иллюстрации: *Росли опёнки куль берёз* —

это поганки (п. 217). Опята росли, да поганки это (п. 62). Опята около пней. На березах бывает такой плетень, один за одним растут. Поганки это (п. 55). Пень уже вёсной гадостью обростает — вот и вырос этакий гриб, опёнок. Я эти поганки жарить не буду. Но голодные люди и опёнки съедя — опяты то есть (п. 70). Опёшки мы и за еду не считали. Опята тоже поди поганки. Около пенька растут опята. Опят у нас много, но мы их не берём, наверно других грибов много, хватает (п. 472). На карте «**Растущее дерево**» представлены лексемы **вербы** и **ветки**, которые, с точки зрения языкового сознания носителя литературного языка, как будто бы должны быть сняты с карты, однако приводимый в комментарии иллюстративный материал убеждает в правоммерности их включения в легенду, ср.: *Вон там ветки за домом, глянь, малый туда пошёл (п. 636). До тех веток минут сорок ходьбы (п. 1053). Ветки — это большие деревья, а если маленькое, то веточки (п. 636.); Вербя — это и береза, и липа, и клен (п. 846); У нас в лесу одни вербы растут, а елок нет (п. 829). Говорили вербина, а пишется она ивой (п. 98).*

Наличие этого иллюстративного материала выгодно отличает ЛАРНГ от большинства славянских атласов, обогащая его интерпретационные возможности. В связи с этим замечу, что опубликованные недавно македонский (MDA) и словенский (SLA 1.1) диалектологические атласы иллюстративного материала к картам не имеют.

Завершает комментарий алфавитный список картографируемых слов, который не только существенно облегчает пользование материалом Атласа и прочтение карты, но и в сжатом виде предоставляет читателю информацию об ареалах картографируемых слов.

Новацией ЛАРНГ является и общий индекс всех материалов (в том числе и тех, которые не получили отражение на карте). Индекс имеет самостоятельную ценность, так как он «паспортизирует» диалектный материал, позволяя читателю

составить представление о локализации того или иного слова. В том случае, когда автор по тем или иным научным соображениям отказывается от составления карты, индекс является уникальным источником материала, который будет храниться в ЛАРНГ, «как цветы в гербарии», а впоследствии может стать основой для новых исследований.

«Лексический атлас русских народных говоров» отличается от существующих национальных атласов и репертуаром своих карт, поскольку во многих атласах представлены в основном лексические карты (т. е. карты, базирующиеся на ономаσιологическом подходе, репрезентирующие разные названия одного и того же объекта номинации без учета различий в их словообразовательной структуре) и как единичные встречаются семантические карты, т. е. карты, основанные на семасиологическом подходе, репрезентирующие разные значения одного и того же слова, см., например, карту № 109 ‘значение слова *перде*’ в Атласе болгарских говоров в СССР (АБГ) или карту № 337 ‘значение слова *ляда*’ в Белорусском диалектологическом атласе (ДАБМ). Что касается словообразовательных карт, предполагающих учет структурных, семантических и словообразовательных связей, то они практически отсутствуют. В «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», например, было представлено всего 2 таких карты — № 167 ‘суффиксы *-ин(а)*, *-иг(а)*, *-иц(а)* в названиях ягод’ и № 168 ‘образование и произношение слов с корнем *стриг-* (*стрыг-*) со значением ‘жеребенок одного–двух лет’ (АРНГЦВ).

В «Лексическом атласе русских народных говоров» помимо лексических карт широко представлены словообразовательные, лексико-словообразовательные, семантические, мотивационные и даже номинативные. Если материал, представленный на карте, отличается высокой степенью словообразовательной вариативности (многообразием корней или аффиксальных средств, как, например, на карте ‘белый гриб’), затрудняющей ее прочтение, то он подается в обоб-

ценном виде на карте-дубль, сопровождающей основную карту. Такой способ репрезентации материала, являющийся также новацией в Атласе, позволил более четко представить картину дифференциации русских диалектов.

Новацией Атласа является и компьютерная форма хранения и обработки материала, что помогает не только осуществлять автоматическое создание любой карты, но и дает возможность оперативно вести обработку материала по любому из задаваемых параметров, обеспечивая надежность и проверяемость картографируемых фактов, шире использовать статистические и автоматические методы исследования для решения проблем лингвогеографии.

При этом компьютерная программа ЛАРНГ позволяет не только автоматически картографировать материал, но и проводить с ним всевозможные ареалогические манипуляции: разгружать и упрощать карту, представляя на ней лишь одно диалектное различие, определять ареал того или иного картографируемого слова, выделять этот ареал с помощью иного картографического средства (заливки или штриховки) и т. д. Поэтому к каждой карте может быть легко создана карта-дубль, представляющая самые важные, с точки зрения автора, диалектные различия, которые впоследствии получают отражение на сводной карте изоглосс.

Работа над созданием первого тома Атласа «Растительный мир» дала возможность оценить концепцию Атласа, методику отбора, интерпретации и картографирования материала.

Системный подход к принципам отбора и картографирования материала позволил реально представить всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта — сильную расчлененность, подчас мозаичность и пестроту, наличие многочисленных островных ареалов. Все это требует своего осмысления не только в социологическом, но и глоттогенетическом аспекте. При этом обнаружилось, что на картах

Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий, связанный с лексической дробностью русского диалектного континуума. Такая лексическая дробность русского диалектного ландшафта говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения (см., например, ситуацию на картах Л 11 ‘густой лес’ или Л 13 ‘чаща, дремучий лес’). Не случайно многие карты этого тома потребовали создания карт-дублей, позволяющих более четко показать ареалы картографируемых лексем.

Материал Атласа говорит о том, что системный подход к отбору и картографической репрезентации материала полностью оправдал себя, ибо он открыл перед исследователями большие возможности в объективном решении целого ряда проблем современной диалектологии и в целом русистики:

1. Прежде всего следует отметить обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта Атласа выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как «Словарь русских народных говоров», ср., например, такие лексемы, как *голощёка*, *прогáл*, *прогáлина* на карте Л 102 ‘поляна’; или лексемы *берествá*, *берествó*, широко представленные на карте Л 91 ‘кора березы’, и др.

2. На лексико-словообразовательных и семантических картах Атласа у ряда картографируемых слов выявились и новые значения, которые не зафиксированы в СРНГ, так, например, на карте ЛСЛ 20 ‘молодой лес’ представлены лексемы *дубрáва* и *молóчник*, на карте ЛСЛ 28 ‘лес, растущий по берегам рек, озер’ — лексемы *прибрéжник*, *пáберега*, *березня́г*, *берéжник*, *береговíна*, которые в этих значениях в СРНГ отсутствуют; на словообразовательной карте СЛ 110 ‘обильная лесами’ (о местности) представлен суффикс *-оват-*, который в литературном языке обычно передает значение ‘неполноты признака’ (ср. *беловатый*, *жел-*

товатый), а в вологодских говорах он приобретает значение 'преобладания', ср. в связи с этим следующую иллюстрацию: *У нас ведь не столь лесовато, вот у Виноградова со всех сторон лес, та сторона лесоватая* (п. 84 — Никольский р-н Вологодской обл.). И этот свежий диалектный материал является главным итогом настоящего лингвистического проекта. В этом смысле материал Атласа являются серьезным дополнением к многочисленным диалектным словарям, иллюстрацией пространственной стратификации огромного пласта диалектной лексики.

3. Любая карта Атласа, в отличие от диалектного словаря, являет собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека (см., например, карты «Густой лес» или «Мертвый лес с засохшими на корню деревьями», которые отличает обилие лексем и мотивационных признаков). В этом отношении чрезвычайно показательными являются карты, посвященные названиям грибов. Так, например, карта Л 160 'дождевой гриб' ярко иллюстрирует креативность языкового сознания диалектоносителей, ср.: *ба́ня, ба́нька, бздюх, бздю́ха, бздю́шка, дождеви́к, дождёвик, поддождёвик, дыма́рь, дымови́к, дымову́ха, дымову́шка, ды́мка, дымо́к, пёчки, порха́вка, порха́лка, порохови́к, порохóвник, порохови́ца, пороховни́ца, пю́ховка, пухóвик, пылеви́к, пы́льник, пы́халка, таба́к, табачник, хлопю́шка, ворóньи я́йца, дождевые я́йца, ва́нька-бздун, ва́ська-топись пёчка, зя́чья картóшка, мыши́ная ба́ня, во́лчий таба́к, медве́жий таба́к, де́душкин таба́к (де́дов таба́к), цыга́нский таба́к* и др.

4. Материал Атласа позволяет составить представление о диалектной словообразовательной производности: практически каждая карта ЛАРНГ свидетельствует о том, что диалектная речь в этом плане значительно богаче литературного языка. На картах Атласа можно обнаружить такие диалектные словообразовательные модели, которые не характерны для литературного языка (см., например, карту Л 143 'молочай', где представлено множество таких моделей, которые находятся друг с другом в отношениях корреляции: *молока́й ~ молоча́й, молока́йник ~ молоча́йник, мо-
лока́льник ~ молоча́льник, молока́н ~ молоча́н, мо-
лока́нник ~ молоча́нник* и т. д.).

5. В Атласе представлены новые типы карт, так называемые мотивационные (см., например, карты Л 15 'больной, низкий, кривой нестроевой лес' или Л 14 'здоровый, высокий, прямой строевой лес'). Их присутствие является чрезвычайно важным, так как материал обеих карт дает представление о системности в организации такой семантической сферы русского макрокосма, как лес. Соотношение мотивационных признаков на этих картах позволило выявить интересную картину их семантической корреляции, а именно: на обеих картах ведущим среди мотивационных признаков является функциональный. Ср. в связи с этим замечания автора карты 'больной, низкий, кривой нестроевой лес' В. Н. Гришановой: «Самую большую группу этих названий составляют суффиксальные образования с корнем *дров-/древ-*: *древни́к, древ-
ня́к, дрóвеник, дровенни́к, дровни́к, дровня́к, дровя́ник, дровя́нни́к, дровяно́й лес, дровя́нный лес*. Они называют лес, в котором растут деревья, пригодные лишь для использования в качестве топлива, т. е. годные на дрова»; а также автора карты 'здоровый, высокий, прямой строевой лес' Л. И. Меркуловой, по наблюдениям которой, ведущим мотивационным признаком является также функциональный, актуализируемый либо в общих (родовых) названиях строевого леса, ср. *строеви́к, строёнка, Строи́тельный лес*,

либо в частных (видовых), ср. *бревѣнник*, *бревѣшник*, *бревѣянник*, *бревѣнчатый лес* — производные от корня *брев-* с общим значением 'растущий лес, годный на бревна' (Даль 2: 126); *избняк*, *избняник*, *избянник*, *избной лес*, *избяной лес* — с корнем *изб-* и общим значением 'строевой, хоромный лес, годный на жилое строение' (Даль 2: 10) или 'строевой лес, годный для постройки изб' (СРНГ 12: 99); *мачтовик*, *мачтовина*, *мачтовник*, *мачтовый лес* — с корнем *мачт-*, ср. *мачтовник* 'лес на корню, годный на мачты' (СРНГ 18: 56); *судолѣс*, *судовой лес*, *палубник*, *корабѣльный лес*, *корабѣльная роща* с общим значением 'строевой лес, идущий на строительство судов', что косвенным образом подтверждает функционально-прагматический характер русского словообразования, ибо словообразовательно маркируется то, что оказывается важным, прагматически значимым для человека.

6. Лингвогеографический анализ материалов первого тома Атласа позволил уже на этом этапе выявить **типологию диалектных различий** на уровне лексики и словообразования.

Это прежде всего **лексические** диалектные различия. Они представлены на каждой карте Атласа, причем даже на таких картах, где их ожидать как будто бы трудно (см., например, карту Л 1 'лес' (о. н.), которая свидетельствует о том, что, в отличие от литературного языка, в диалектах имеется довольно широкий репертуар лексем, являющихся общим названием леса: *лес*, *бор*, *дубрава*, *дуброва*, *гай*, *ляд*, *лядина*, *нива*, *роща*; или карту Л 152 'гриб' (о. н.), где, помимо слова *гриб*, представлены лексемы *губа*, *обабок*, *блница*, *печерница*, *пупыр* и др.).

Нередко эти лексические различия сопровождаются фонетическими, связанными с фонемным составом корня (ср. *гнилое* ~ *глиное*; *ландух* ~ *ландуш* ~ *лантух* ~ *лануш*; *ольха* ~ *вольха* ~ *елха* и т. д.), или акцентуацией (ср. *губа* ~ *губá*, *вѣрба* ~ *вѣрбá*, *чаща* ~ *чащá*, *чащара* ~

*чащара́, черему́ха ~ черему́ха, щавель ~ щавель, лан-
дух ~ ланду́х, ландыш ~ ландыш, хвоя́ ~ хвоя́* и др.).

Иногда эти различия являются настолько выразительными, что становятся предметом отдельного картографирования (см., например, карту-дубль Л13 ‘чаща, дремучий лес’, на которой представлено распределение лексем *ча́ща ~ ча-
ща́*, или карту-дубль Л56 ‘ольха’, посвященную распространению лексем *оль́ха, ёль́ха, во́льха* и *ольха́, елха́, во́льха́*).

Еще шире представлены **лексико-словообразовательные различия**. Несмотря на то, что большинство вопросов «Программы» Атласа ориентировано на выявление лексических различий, собранный материал позволяет представить на карте и лексико-словообразовательную дифференциацию диалектов (ср., например, карту Л117 ‘голубика’, иллюстрирующую распространение лексем *голуби́ка, голуби́ца, голуби́га, голубе́ль, голуба́, голу́бка, гоно-
бобель, пьяни́ка, пьяни́ца, дурни́ка, дурни́ца, дура́ва, дура́ха* и др.; или карту Л121 ‘клюква, перезимовавшая под снегом’, где представлены лексемы *весну́ха, весну́шка, весня́нка, ве́шница, ве́шня, журави́га, журави́ка, за-
морозка, зи́мница, зимо́вка, мерзля́нска, моро́женка, подсне́жица, подсне́жка, подсне́жник, подсне́жница, сне́жница* и др.).

Богатый материал Атласа позволяет составить представление о диалектной словообразовательной производности: на картах Атласа можно обнаружить такие диалектные словообразовательные модели, которые не характерны для литературного языка (см., например, словообразовательную карту СЛ110 ‘обильная лесами’ (о местности), где при тождестве корневой морфемы отмечены различные суффиксальные модели: *леси́вая, леси́нная, лесни́стая, леси́стая, лесо́вая* и др.). На картах Атласа отчетливо видно, что диалектная лексика демонстрирует различия в составе словообразовательных моделей, их количестве и степени активности (см., например, карты, посвященные названиям ягод), в их

словообразовательной базе, в морфемной структуре производящих основ у дериватов одной словообразовательной модели, в характере морфонологических преобразований производящей основы на морфемном шве, в территориальном распределении словообразовательных моделей одной ЛСГ и т. д.

Практически каждая карта Атласа позволяет сделать маленькие «открытия» в лингвогеографической проекции и **семантической структуре** диалектного слова. Яркой иллюстрацией семантических различий может служить семантическая карта СМ 156 ‘губы’, выявившая целый спектр значений, ибо это не только ‘съедобный гриб’ (как дано в СРНГ), но и ‘несъедобный’, а также ‘кушанье с грибами’, ‘нарост на дереве’ и даже ‘плесень’; или семантическая карта СМ 2 ‘дубрава’, в основе которой лежит противопоставление нескольких значений этой лексемы: ‘лес’, ‘место’ и ‘трава’ с дальнейшей их детализацией: ‘лиственный лес’, ‘дубовый лес’, ‘березовый лес’, ‘смешанный лес’, ‘хвойный лес’ и др., ‘поляна в лесу’, ‘опушка леса’, ‘луг’, ‘место покоса’, ‘деревня’ и др.

В «Программе» Атласа нет специальных вопросов, нацеленных на выявление **грамматических различий**, однако они часто сопутствуют лексическим и получают свое отражение на карте, см., например, карту Л 146 ‘полынь’, где на карте-дубль показаны различия в родовой принадлежности лексем *полы́н* и *полы́нь*, которые в диалектах могут быть как женского, так и мужского рода, ср. следующие иллюстрации: *Силов нету огород образить — вот один полынь горький растёт* (п. 676); *Горькая полынь растёт в саду у меня* (п. 346).

В Атласе представлены новые типы карт, так называемые мотивационные, которые позволяют проследить диалектные различия, связанные с **мотивационными признаками** картографируемых слов. Так, например, на мотивационной карте ЛСЛ 145 ‘подорожник’ помимо локативного признака, широко распространенного во всех диалектах русского языка (ср. *подорóжник*, *поддорóжник*, *придо-*

рѳжник, подорѳжница, попу́тник, попу́тчик, пу́тик, пу́тник, припу́тник, сухопу́тник, тропи́нник, тропня́к, отро́пник), представлен акторный признак, актуализирующий сему 'результат действия' (ср. *топту́н, топту́нец, коното́п, перето́п, топтоте́л*), функциональный, указывающий на назначение растения (ср. *лече́бник, крове́вик, кровепу́ск, кровехлёб, кровопо́й, ра́нник, поре́зник* и др.), реляционный, устанавливающий отношения подобия (ср. *ба́бка, до́ктор, соба́чий язы́к, лопу́шник, лопушо́к*), качественно- и/или предметно-характеризующий, указывающий на особенности строения листа, его размера, формы, а также на особенности роста растения (ср. *жи́льник, семижи́льник, крупя́ник, су́зик, широколи́ст, споры́ш*) и т. д.

Карты Атласа говорят и о существовании **номинативных диалектных различий**, связанных со своеобразием номинативной логики в «ословливании» окружающего мира. Лексическая детализация языка той или иной частной диалектной системы нередко оказывается разной, поэтому в одних диалектах существуют одни номинативные принципы освоения семантической сферы «Растительный мир», а в других — иные. В связи с этим отдельные участки этой семантической сферы могут не иметь соответствующих однословных номинаций, см., например, карту Л19 'тонкий высокий лес', где наряду с лексемами *вы́скарь, вы́скорь, вы́сокорь, высока́рь, вы́скарник, вы́скорник, высоко́рник, высока́рник, вы́спар, вы́спарь, вы́со́тник, жерди́нник, жердн́ик, жердя́ник, жерде́ник, жердня́к, жердѳвник, подлѳсок, слѳжник, слѳжня́к, тонколѳс, тонколѳсье, тонкомѳр, тонкосто́й, тонкотья́* и др. представлены описательные конструкции *во́льный лес, го́нкий лес, погѳнистый лес, прогѳнистый лес, сго́нистый лес, жердево́й лес, жердяно́й лес, жи́дкий лес, лесы́на лега́вая, выно́систый лес, рва́ный лес, тонкоство́льный лес, нестроєво́й лес, вытяжно́й лес* и др.

Материалы карт Атласа свидетельствуют о неравномерной диалектной расчлененности русского диалектного континуума, поскольку на разных картах степень его лексической и словообразовательной дифференциации не одинакова: на одних картах она чрезвычайно дробная (в связи с чем для достижения наибольшей наглядности было необходимо составление карт-дублей, см., например, карту Л102 'поляна', которая имеет три таких карты), на других — более ровная, характеризующаяся, например, двумя-тремя ареалами, а иногда даже монотонная (см., например, карту Л59 'осина'). Большинство карт Атласа демонстрирует высокую степень диалектной дифференциации. И эта расчлененность, подчас мозаичность и пестрота русского диалектного ландшафта, наличие многочисленных островных ареалов требуют своего осмысления в глоттогенетическом аспекте.

Системный подход к лингвогеографическому изучению диалектной лексики реально доказал, что русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, в русских говорах сохраняется огромное количество диалектизмов, успешно противостоящих тенденции к стандартизации. Это особенно ярко проявляется в наличии в диалектах слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту Л12 'густые заросли кустарника', где представлены такие лексемы, как *бачáжник*, *густáрник*, *зáрастель*, *кустáрщина*, *чапары́жник*; карту ЛСЛ28 'лес, растущий по берегам рек, озер': *береговóйк*, *береговóйна*, *бережóина*, *берéжник*, *пáберега*, *зáймце*, *лева́да*; или карту Л26 'лес, растущий на болоте': *болóтник*, *болотнóйк*, *мокрятник*, *омшáра*, *топлóйк*, *топнóйк*, *сбóгра*, *сбóхра*, *шбóхра* и др.).

Системный подход к картографическому освоению диалектной лексики в будущем даст возможность для решения

еще одной принципиально важной для отечественной диалектологии задачи — выявить **лексический корпус диалектных различий**, подобно тому, которым располагают фонетика и морфология. Составление полного реестра лексических диалектизмов позволит заложить фундамент для последующей обобщающей работы по систематизации диалектных различий на уровне лексики и словообразования и создать лексикологию русских народных говоров.

Таким образом, благодаря «Лексическому атласу русских народных говоров» лингвистическая география XXI в. обогатилась новой парадигмой исследования, ибо само ее развитие как науки привело к необходимости создания лексических атласов нового типа. Публикация Атласа позволит, несомненно, раздвинуть рамки ареальных исследований диалектной лексики. Эта задача является сегодня особенно актуальной потому, что на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно. Наш долг перед отечественной культурой и наукой состоит не в последнюю очередь и в том, чтобы собрать все то, что еще живо в народной памяти и сохранилось в русской народной речи.

Литература

Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 253 с.

Ивич П. Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1965 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1965. С. 5–23.

Моразовская О. Н., Попов И. А. Лексика в атласах русского языка // Лексический атлас русских народных говоров. Проект / Отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1994.

Попов И. А., Азарх Ю. С., Вендина Т. И., Герд А. С., Моразовская О. Н., Петрова З. М. Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов // Славянское языкознание.

XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Братислава, 1993. С. 328–338.

Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 5. С. 1–24.

Толстая С. М. Диалектные ареалы литературных слов (Заметки на полях «Лексического атласа белорусского языка») // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна / Отв. ред. Г. П. Клепикова. М.: Индрик, 1995. С. 263–273. (Исследования по славянской диалектологии. Вып. 4).

Толстой Н. И. Из опытов типологического изучения славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 29–45.

Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М.: «Языки русской культуры», 1997. 520 с.

Глаголы, обозначающие звуки, издаваемые сверчком, в русских говорах*

С. А. Ганичева

В статье на материале картотеки ЛАРНГ рассматриваются глаголы, обозначающие в русских говорах стрёкот сверчка: описано, как в их семантике отражаются человеческие представления об этом звуке; установлен состав диалектных корневых гнезд и диалектных аффиксальных парадигм, в которые входят исследуемые слова; описано территориальное распределение глаголов в русских говорах.

Ключевые слова: русские говоры, диалектные глаголы, семантика, морфемная структура, ареалы диалектных лексем.

Раздел «Животный мир» программы ЛАРНГ содержит ряд вопросов, посвящённых глаголам, обозначающим вокализации живых существ. В данной статье рассматриваются глаголы, которые используются в русских говорах для обозначения звуков, издаваемых сверчком. Предмет исследования составляют семантические и морфемные особенности лексем данного номинативного ряда, а также территориальное распределение этих слов в говорах. Материал для исследования извлечён из картотеки вопроса Л 377 «Стрекотать (о сверчке)». От рассмотрения отводились зафиксированные не более трёх раз лексем, которые не подтверждаются данными региональных словарей и не имеют однокоренных соответствий среди более частотных слов.

Семантика глаголов, которые составляют интересующий нас номинативный ряд, отражает человеческое восприятие

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ВРО РГО (проект «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования»).

стрёкота сверчка. В сознании носителей языка этот звук предстаёт как высокий, громкий и резкий, о чём свидетельствуют, прежде всего, глаголы широкой семантики, которые могут быть использованы по отношению к сверчку. Данные слова составляют значительную часть материала, содержащегося в Картоотеке ЛАРНГ. Большинство из них обозначает громкие и резкие звуки (*верещать, кричать, стрекотать, трещать, свирещать* и др.) или высокие звуки (*пищать, свиристеть, свистеть, чивкать* и др.). Это подтверждается и контекстами: *Бывало, так громко за печкой свистят сверчки-то, аж спать невозможно* (респ. Коми, Прилузский р-н); *Когда тихо, очень хорошо слышно, как сверчок сверчит* (Кировская обл., Опаринский р-н); *Цвиркун свирещал очень громко* (Курская обл., Львовский р-н); *Сверчок всю ночь стрекотал, не давал спать* (Волгоградская обл., Городищенский р-н) и др. Следует также отметить, что звуки, издаваемые сверчком, могут восприниматься как пение (*петь*).

Стрёкот сверчка сближается в человеческом представлении с треском кузнечика, что прослеживается в использовании одних и тех же глаголов по отношению к этим насекомым. В ряд таких слов входят как глаголы широкой семантики (*стрекотать, трещать*), так и видоспецифичные лексемы (*цвирикать, чиркать, чурюкать*; ср.: *цвирикать* 'издавать характерные звуки, похожие на «цвирик-цвирик» (о сверчке, кузнечике)' (МАС 4: 635), *чиркать* 'издавать звук чир' *Сверчок и кузнечик чиркают* (Даль, 3-е изд. 4: 1345), *чурюкать* 'стрекотать' *Кузнечик чурюкает* (БТСДК: 585)). Контексты в Картоотеке ЛАРНГ также отражают сближение стрёкота сверчка и кузнечика: *Обычно сверчки, как кузнечики, трещат* (Владимирская обл., Ковровский р-н); *Сверчки стрекочут, как кузнечики, громко так, стрёкот далеко доносится* (Смоленская обл., Руднянский р-н) и др.

Следует отметить, что в славянской символике животных образы этих насекомых тесно связаны друг с другом. Так, «у русских, согласно В. И. Далю, сверчки делятся по месту обитания на запечных (собственно сверчок), полевых или лесных (кузнечик) и земляных (земляной сверчок или земляной рак — насекомое медведка)» [Гура 1997: 516]. Кроме того, в восточнославянских диалектах названия кузнечика и сверчка нередко совпадают [Гура 1997: 516], что отражают и некоторые контексты в Картотеке ЛАРНГ, в которых речь идёт о кузнечиках, а не о запечных сверчках: *Сверчает часто в огороде у меня сверчок* (респ. Карелия, Прионежский р-н); *Вот как засуха, сверчки сверчат громко* (Московская обл., Лотошинский р-н) и др.

В общей совокупности представлений о голосах живой природы, существующей в сознании носителей говоров, стрёкот сверчка сближается с вокализациями птиц (а не животных). Об этом свидетельствует тот факт, что часть глаголов широкой семантики, относящихся к сверчку, также используется для обозначения звуков, издаваемых птицами: сорокой (*стрекотать*, *трещать*), соловьём (*свиристеть*, *свистеть*), синицей (*чивкать*) и др.

Контексты, иллюстрирующие употребление глаголов, отражают тот факт, что в человеческих представлениях стрёкот сверчка имеет чёткую пространственно-временную привязку. Как правило, сверчок стрекочет в доме за печкой: *Сверчок начнёт чирикать за печкой* (респ. Коми, Усть-Цилемский р-н); *Считается, если в доме стрекочет сверчок, это приносит счастье* (Тверская обл., Зубцовский р-н); *Сверчок не одну ночь за печью трещит* (Вологодская обл., Великоустюгский р-н); *Сверчок у нас за печкой чувьркает* (Кировская обл., Лузский р-н); *У меня чивкун под печкой живёт, чивкает по ночам* (Вологодская обл., Тотемский р-н); *В старом доме жил у нас сверчок, стрекотал за приступком* (Вологодская обл., Междуреченский р-н.); *Чиркун чиркает за печкой* (Тверская обл., Молоковский р-н)

и др. Стрёкот этого насекомого раздаётся ночью (вечером): *Всю ночь сверчок свирищал* (Костромская обл., Галичский р-н); *Сверчки ночью спать не дают, заберутся в щербину и сверчат* (Тверская обл., Осташковский р-н); *Чиркун любит ночью свиристеть, а днём спит* (Московская обл., Орехово-Зуевский р-н); *Сверчки ночами стрекочут иногда так громко, что надоедает* (Ивановская обл., Лежневский р-н); *Цвиркун стрекочет вечерами* (Курская обл., Льговский р-н) и др. Другие пространственно-временные маркеры встречаются в контекстах реже.

Морфемная структура слов рассматриваемого номинативного ряда типична для звукоподражательных глаголов, функционирующих в говорах. Все эти слова имеют звукоподражательные корневые морфемы, передающие акустический образ звуков, издаваемых сверчком: *сверч-* (*сверч́ать, сверч́ить*), *свирист-* // *свирищ-* (*свирищ́ать, свиристéть*), *свист-* (*свистéть*), *стрек-* (*стрекот́ать*), *трещ-* (*трещ́ать*), *тур-* (*турч́ать*), *цвир-* (*цвир́кать, цвирч́ать, цвиркот́ать*), *чив-* (*чив́кать*), *чир-* (*чир́кать*), *чурюк-* (*чурю́кать*) и некоторые другие. В ряде случаев наблюдается фонематическое варьирование корневой морфемы, не разрушающее создаваемого акустического образа: *стрекот́ать* ~ *строкот́ать*, *сверч́ать* ~ *свирьч́ать*, *свиристéть* ~ *сверюстéть* и др.

Большая часть слов, составляющих данный глагольный ряд, относится к следующим диалектным аффиксальным парадигмам: глаголы с суффиксом *-(к)а-* (*цвир́кать, чив́кать, чир́кать, чурю́кать*; единичные *стрю́кать, чив́кать, чувыр́кать*); глаголы с суффиксом *-а-* (*свирищ́ать, трещ́ать*; единичные *сверест́ать, свист́ать*); глаголы с суффиксами *-от-а-* (*стрекот́ать, цвиркот́ать*; единичные *трескот́ать, чикот́ать, чиркот́ать*); глаголы с суффиксами *-ч-и-* (*сверч́ить*); глаголы с суффиксом *-(ч)а-* (*сверч́ать, турч́ать, цвирч́ать*); глаголы с суффиксом *-е-* (*свиристéть, свистéть*). Все

перечисленные парадигмы типичны для диалектных глаголов, обозначающих звуки, издаваемые животными и птицами (см. подробнее [Ганичева 2016]). Говорить о том, что какая-либо из диалектных аффиксальных парадигм наиболее характерна для данного номинативного ряда, не представляется возможным (в отличие, например, от обозначения вокализаций сороки, среди которых значительную часть составляют глаголы с суффиксами *-от-а-ть* типа **стрекотать**, **чикотать**, **щекотать** и т. п.). В некоторых случаях лексемы отражают существование фонематического варьирования аффиксальных морфем: **чёркать** ~ **чёргать**.

Некоторые единичные глаголы относятся к иным аффиксальным парадигмам (**пёржандать**, **сверкочить**, **сверчокать**, **стрекочать**, **стрекочить**).

При составлении карты из всего многообразного материала были отобраны глаголы, употребление которых по отношению к сверчку носит узуальный, а не ситуативный характер, о чём можно судить на основании данных лексикографических источников, большого количества фиксаций лексем, наличия в картотеке атласа богатого иллюстративного материала. Не были отражены на карте следующие слова: глаголы **кричат** и **петь**, имеющие слишком широкую семантику; глаголы **верещать**, **пищать**, **скрипеть**, **тархтеть**, которые расцениваются как употреблённые ситуативно; глагол **чирькать**, зафиксированный относительно небольшое количество раз и чаще использующийся для обозначения вокализаций воробья.

Лингвогеографический анализ материала показывает, что на всей картографируемой территории встречаются глаголы **сверчать**, **стрекотать** и **трещать**. Также широко распространены в говорах лексемы **свистеть**, **свирищать** и **свиристеть**, однако они фиксируются более разреженно.

Среди слов данного ряда, имеющих локально ограниченное употребление, большую часть составляют южнорусские

лексемы. Ареал глагола *чурю́кать* расположен в южнорусских брянских, орловских, курских, воронежских и белгородских говорах. Основной ареал слова *сверчи́ть* находится в южнорусских воронежских, тамбовских и курских говорах. Лексема *турча́ть* зафиксирована в южнорусских воронежских, ростовских и волгоградских говорах. Два основных ареала глаголов с корнем *цвир-* (*цви́ркать*, *цвирча́ть*, *цвиркотáть*) располагаются на территории южнорусских курских и белгородских говоров, а также ростовских и краснодарских говоров.

Для севернорусских и среднерусских говоров специфическими являются только две лексемы. Одна из них — глагол *чи́евкать* — зафиксирована в севернорусских вологодских и Кировских говорах, а также в среднерусских нижегородских говорах и говорах Удмуртии. Другое слово — *чи́рка́ть* — два основных ареала образует в среднерусских говорах. Первый располагается на территории тверских и новгородских говоров, второй — в нижегородских говорах и прилегающей к ним части костромских говоров.

В целом можно сказать, что особенности семантики, структуры и территориального распределения глаголов, употребляющихся по отношению к сверчку, характерны для лексико-семантической группы глаголов, обозначающих вокализации живых существ. Семантика глаголов рассматриваемого номинативного ряда отражает человеческие представления о соответствующем звуке, а также его сближение со звуками, которые издают некоторые другие живые существа. Исследуемые слова входят в состав диалектных аффиксальных парадигм, характерных для глаголов, обозначающих звуки живой природы. Составленная карта свидетельствует о том, что южнорусские говоры характеризуются большим количеством специфических лексем, что прослеживается и на ряде других карт, посвящённых словам данной лексико-семантической группы (обозначения вокализаций кукушки, сороки, петуха и др.).

Литература

Ганичева С. А. Диалектные аффиксальные парадигмы глаголов-зоофонов (на материале «Лексического атласа русских народных говоров») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 3 (35). С. 13–19.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

О проблемах картографирования
свадебной лексики
в русских народных говорах
(материалы к карте
Л 5 292 «Свадебный хлеб»)*

Т. Е. Гревцова

В статье рассматривается круг проблем, с которыми может столкнуться составитель карты «Лексического атласа русских народных говоров» Л 5 292 «Свадебный хлеб». Трудности обусловлены как особыми свойствами лексики раздела «Традиционная народная духовная культура», так и спецификой построения Программы ЛАРНГ, в частности самой формулировкой вопроса о свадебном хлебе. Предложенные автором решения заключаются в приведении максимально информативных иллюстраций к словам, что позволит произвести качественный отбор единиц для нанесения на карту, в корректировке вопроса «Свадебный хлеб» и включении в раздел Программы ЛАРНГ по свадебному обряду дополнительных вопросов, а также в составлении карт-дублей.

Ключевые слова: традиционная духовная культура, свадебный обряд, лексика, культурная терминология, свадебный хлеб, картографирование.

Исследователи уже указывали на проблемы, возникающие при составлении карт «Лексического атласа русских народных говоров» по теме «Традиционная народная духовная культура» [Архипенко 2007; Костромичёва 2007; Таратынова 2007; Мартянова, Пономарева 2014]. Эти трудности обуслов-

* Исследование выполнено в рамках государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ 0260-2014-0006).

лены особыми свойствами лексики, обслуживающей сферу традиционных обрядов и верований, в частности двунаправленностью культурных терминов, принадлежащих одновременно и языку, и культуре и поэтому требующих особого, этнолингвистического, подхода к их изучению [Толстая 1989: 216]. Подход, предложенный московскими этнолингвистами, подразумевает не столько рассмотрение языковых свойств лексемы, сколько анализ культурного контекста ее бытования в народных говорах. Поэтому для качественного отбора наносимых на карту ЛАРНГ слов, которые обслуживают сферу традиционной духовной культуры, обязательным является приведение максимально информативных и показательных иллюстраций, которые должны содержать необходимые фрагменты «свернутого текста», возникающие в сознании носителя традиции при упоминании термина и разворачивающиеся в виде текстов разных жанров [Архипенко 2007: 44–45].

В данной статье будет рассмотрен круг проблем, которые могут возникнуть при составлении карты ЛАРНГ «Свадебный хлеб» (вопрос Л 5 292) (Программа ЛАРНГ: 114). Названия свадебного хлеба были выбраны из: 1) полевых материалов автора (2005–2012 гг.) и полевых записей диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (1976–2012 гг.) (до 2006 г. — Ростовского государственного университета), собранных в Ростовской и Волгоградской областях (с 2010 г. экспедиции проводились совместно Южным научным центром РАН и Институтом социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН); 2) диалектных и этнолингвистических словарей; 3) научных работ по русской свадьбе, описаний свадебных обрядов и сборников диалектных текстов.

В лексико-семантическую группу «Свадебный хлеб» входит большое количество названий обрядовой выпечки, поэтому при составлении одноименной карты «Лексического атласа русских народных говоров» может возникнуть ряд во-

просов. Они обусловлены не только уже упомянутыми свойствами обрядовой терминологии, изучение которой требует обращения как к языковым свойствам слова, так и к обрядовой ситуации совершения ритуальных действий с хлебом, но и особенностями построения Программы ЛАРНГ и формулировкой вопроса «Свадебный хлеб». Попробуем пояснить вышесказанное конкретными примерами.

Свадебный обряд — это продолжительное ритуальное действие, которое включает эпизоды от сватовства до послевадебья. Поэтому заданный собирателем вопрос о свадебном хлебе может быть понят носителем традиции в самом широком смысле, особенно если принять во внимание то, что практически на каждом этапе обряда в разных локальных традициях могут совершаться символические действия с хлебом¹. Учитывая место вопроса Л 5 292 в Программе ЛАРНГ и варианты ответа на него (*каравай, столовик, сыр-каравай* и др.) (Программа ЛАРНГ: 114), предположим, что ответом на данный вопрос служат названия большого обрядового хлеба с украшениями, который специально изготавливался для свадьбы и с которым в день венчания совершались ритуальные действия. В большинстве южнорусских областей такой хлеб получал название *каравай*. *Каравай* чаще всего делили между гостями во время свадебного застолья в доме жениха при одаривании молодых, когда за подарок и благопожелание новобрачным каждый гость получал кусочек каравая. В среднерусских областях эту обрядовую функцию выполняет пирог с разными видами начинки — *кúрник*. На Русском Севере ему соответствует пирог с рыбой, называемый *рыбник, кулебьяка*. Кроме того, в севернорусских областях к свадьбе готовили большое количество выпечки разного внешнего вида и ритуального назначения, которой соот-

¹Такая разница в трактовке понятия «свадебный хлеб» может вносить путаницу и в определение свадебного хлеба в диалектных словарях. Так, в словаре кубанских говоров как «свадебный каравай» определяется хлеб, приносимый сватами в дом невесты (Борисова 2005: 228–229).

ветствует разнообразная обрядовая лексика [Гура 2012: 242–243]. При этом не всегда символические действия с хлебными изделиями совершались во время пира после венчания. Они могли быть приурочены к застолью у невесты перед отъездом в церковь, встрече новобрачных в доме жениха, второму дню свадьбы. Сам обряд одаривания молодых, во время которого во многих южнорусских областях делили *каравай*, мог происходить не только в день венчания, но и на следующий день после него. Представляется целесообразным отмечать различную обрядовую приуроченность действий со свадебным хлебом в комментариях к карте.

Другая трудность заключается в том, что один и тот же вид выпечки может получать разные названия в зависимости от совершаемых с ним ритуальных действий (*благословлённый* (ССГ 1: 184)), от самого обряда (*свадебник* (ЯОС 9: 13)), участников свадьбы (*невестин пирог* (СРНГ 30: 335)) и других обстоятельств ритуала. Очевидно, что подобные единичные названия будут отведены от картографирования. Однако ряд слов с «внутриобрядовой» мотивировкой имеет не единичную фиксацию. При этом такие лексемы могут бытовать в обряде наряду с распространенными наименованиями. В качестве лишь нескольких примеров можно привести известные в севернорусских говорах слова *столовѣк* (СРНГ 41: 220); [Русские крестьяне 2008: 337], *советник* (СРНГ 39: 185); [Фольклор 2013: 239]², названия с корнями *свад-* (*свадебное*, *свадѣбник* [Гура 1977: 163], *свадебник* (ЯОС 9: 13)), *мол-* (*мóленник* (Герасимов 1910: 55; ТСГТО 4: 131), *мóлено*, *мóленко* (ТСГТО 4: 123)).

Ряд слов, обозначающих свадебную выпечку, мотивирован функцией хлеба как последнего блюда свадебного пира. Такие изделия из теста могут получать названия *разгóбник*, *разгóбщик*, *разгóбный пирог* и т. п. Раздача гостям хлеба в завершение свадебного застолья — черта не только рус-

²См. также: <https://www.culture.ru/objects/367/svadebnyi-obryad-pesni-i-prichitaniya-loknyansko-lovatskoi-tradicii> (дата обращения: 01.04.2017).

ской, но и словацкой, польской, лужицкой, болгарской свадеб [Гура 2012: 501–502]. У украинцев и белорусов словосочетания, обозначающие разделение каравая (укр. діліти корова́й (Магрицька 2003); бел. разносіць корова́й (ТС 4: 312)), также относились к окончанию обрядовой трапезы. И. А. Морозов рассматривает угощение гостей ритуальной пищей (в основном мясной) в конце свадебного застолья как воздание им чести и отмечает, что каравай или специальный пирог являются более поздними формами «разгонщика» [Морозов 2002: 28].

Перед исследователем встает вопрос, следует ли «игнорировать» названия, имеющие внутриобрядовую мотивировку, или нужно наносить их на карту вместе с распространенными наименованиями свадебного хлеба. Карту, «перегруженную» большим количеством лексем, будет сложно анализировать. Решением этой проблемы может стать составление карт-дублей разных типов.

В качестве еще одной проблемы, которая может возникнуть при составлении карты ЛАРНГ «Свадебный хлеб», следует отметить разграничение названий обрядовой и необрядовой выпечки. На вопрос о свадебном хлебе собиратель может получить в ответ названия как хлебных изделий, которые специально изготавливались для свадьбы и служили объектом ритуальных действий, так и тех, которые выпекали и в другие праздники, в том числе к свадьбе. Например, как один из возможных вариантов ответа на вопрос Л 5 292 в Программе ЛАРНГ приводится название пирога с начинкой **кру́глик** (Программа ЛАРНГ: 114), которое обозначает свадебный пирог в донских говорах (БТСДК: 242; СДГВО: 274). Однако на Дону часто **кру́глики** были обязательным блюдом на свадебном столе, но специальных действий в обряде с ними не совершалось³: «Кру́глик — чинёный пирок.

³В связи с этим показателен контекст к значению слова **кру́глик** ‘круглый пирог’, приведенный в «Словаре русских народных говоров»: «В праздник кру́глик пекем, всякая начинка буваит» (СРНГ 15: 298).

Круглик на свадьбу пякли» (СДГВО: 274); «[На свадьбу] пироги раньше пякли, а *к^руглики* назывались. *Карва́й* пякли, а карва́й этот кусочками резали» (зап. от Сизякиной Е. К., 1925 г. р., в х. Чумаковском Усть-Донецкого р-на Ростовской обл. в 2007 г. — полевые материалы автора статьи, далее — ПМА)⁴. С другой стороны, *к^руглик* приносили представители жениха на сватовство: «Заходять с шутками все, с прибаутками заходять. Вот они ставят, значить, пирог печёный, свой пирог. Ну, раньше он назывался *к^руглик*, соль, и вот. Ну вот заходять же и говорят: “У вас девочка есть, а у нас парень”» (Зап. от Сидоровой В. М., 1938 г. р., в ст. Кочетовской Семикаракорского р-на Ростовской обл. в 2008 г., соб.: Яценко Ю. А., Скиба Е. А.). Разрезание этого пирога показывало хозяйственные умения молодой жены: «Маладая разрезаит круглик на дольки. Ей гаваряют: “А ну как ана разрежыть?”» (БТСДК: 242). В таких случаях составитель карты должен обращать особое внимание на иллюстрации, чтобы отвести от картографирования названия праздничной необрядовой выпечки.

Еще одна проблема заключается в несовпадении границ бытования терминов и форм свадебной выпечки, что уже отмечали исследователи русской свадьбы [Гвоздиков 1981: 211–212; Лаврентьева 1990б: 39]. Другими словами, наиболее распространенные названия свадебного хлеба могут относиться к разным видам изделий из теста, что осложняет идентификацию денотата картографируемой лексемы. Например, слово *к^урник* в русских говорах может обозначать различные виды свадебного хлеба: пирог с курицей или с другими видами начинки (ОСВГ 5: 156; СОГ 5: 148; СРНГ 16: 135–136; ССГ 5: 137; ТСГТО 4: 131), лепешку с украшениями в виде фигурок птиц, пшеничный кренделек, на который положен кусок вареной курицы (СРНГ 16: 136), а так-

⁴Здесь и далее диалектные тексты приводятся в облегченной орфографической записи; особые знаки не используются; знаком *z* передается у фрикативное.

же каравай, украшенный свадебным деревцем (ПОС 16: 396; СРНГ 16: 136; ССГ 5: 137). Такие случаи представляют трудность при определении семантики картографируемых лексем и установлении тождества обозначаемых ими обрядовых реалий. Отчасти решить эту проблему могло бы приведение иллюстраций для общеупотребительных слов — названий свадебного хлеба (*каравай, калач, курник, пирог*), поскольку семантика этих терминов в свадебном обряде шире их языкового значения и содержит информацию о ритуальных действиях с выпечкой, ими обозначаемой, и ее культурной символике [Гревцова 2016: 161–163].

Виды свадебной выпечки достаточно разнообразны. В разных регионах к свадьбе изготавливали особый хлеб с украшениями, пироги с начинкой, небольшое фигурное печенье, булочки, пряники. Зачастую бывает трудно разграничить обрядовые функции большого свадебного хлеба и мелких изделий из теста (*шйишки, каравайчики, пичужки, кройное*), поскольку в некоторых регионах последние раздавали вместе с кусочками свадебного караваея или вместо них. Очевидно, что раздача на свадебном пиру булочек — это более поздний вариант обряда, так как их названия и форма часто совпадают с наименованиями и видами украшений на свадебном каравае. В связи с этим примечательно, что в Ростовской области *каравайчиками* называли не только сдобные булочки, раздаваемые гостям при одаривании новобрачных (БТСДК: 209), но и кусочки караваея с палочкой, обмотанной запеченным тестом: *«Ну, вот же сидишь за столом, тебе подносят, отдают этот же кусочек, каравай этот, у нём же утыкана же палочка. Так же и разрезали, чтобы палочка оставалася, и подносят, пожалуйста, тебе отдали этот каравайчик, а ты отдала, что ты пожертвовала»* (зап. от Пятницковой В. Ф., 1928 г. р., в ст. Нижнекундрюченской Усть-Донецкого р-на Ростовской обл. в 2007 г., ПМА).

Следует отметить, что даже при картографировании только названий свадебного хлеба, с которым совершаются ритуальные действия во время свадебного пира, возникает трудность, заключающаяся в том, что в некоторых южнорусских регионах (особенно испытавших значительное влияние украинской традиции) к свадьбе готовили не только свадебный каравай, но и другие виды обрядовых хлебов (*дівень, лёжень, калáč, боронá, грéбень* и пр.) [Жиганова 2005: 287–288; Шихарева 1964: 26]. Отбор лексем для картографирования в таких случаях должен производиться не только с учетом выявления ареалов, но и с учетом значимости хлебов, ими обозначаемых, в системе свадебной символики.

Нужно сказать и о том, что функция блюда, разделяемого между гостями во время свадебного застолья, могла быть закреплена за другими видами обрядовой пищи. Например, в Среднем Поволжье и Московской области во время обряда даров гостям давали сыр [Зорин 2004: 95–96]; (Войтенко 1991: 39). Выражения, обозначающие действия с сыром, часто построены по тем же моделям, что словосочетания, обозначающие раздачу каравая (*на сыр да́вать — на карава́й да́вать, обходи́ть карава́ем — обноси́ть сы́ром* (Войтенко 1991: 39)). Роль главного блюда свадебного застолья могла выполнять и каша [Гура 2012: 499]. Это представляется закономерным, поскольку, по мнению Л. С. Лаврентьевой, «общая символика основных форм зерновой пищи стерла наиболее яркие отличительные особенности их использования в обрядах» [Лаврентьева 1990а: 38]. В ряде областей на свадебном пиру происходило разделение между гостями блюд из мяса или птицы (ШЭС: 175); [Павлова 2009: 180–181; Русские крестьяне 2007: 505]. Поскольку карта Л 5 292 посвящена наименованиям свадебного хлеба, названия таких блюд не будут на нее нанесены, тем не менее они важны для понимания символики обрядового распределения пищи между гостями на свадьбе в целом и ритуальных функций выпечки в частности.

Таким образом, свойства лексики, обслуживающей сферу традиционных обрядов и верований, обуславливают особый подход при отборе единиц для нанесения на карту. Культурная терминология требует тщательного внимания уже на этапе сбора материала. В качестве ответа на вопрос о свадебном хлебе собиратель может получить большое количество слов, обозначающих многообразные виды обрядовой выпечки, которая выполняет различные функции в ритуале. Поэтому большое значение приобретает приведение достаточно информативного и развернутого контекста, содержащего информацию о внешнем виде свадебной выпечки, ритуальных действиях с ней и особенностях их совершения. Решить многие из рассмотренных проблем помогло бы уточнение вопроса о свадебном хлебе в Программе ЛАРНГ, включение в нее дополнительных вопросов о названиях последнего блюда на свадьбе и свадебной выпечки, с которой совершаются обрядовые действия в других эпизодах ритуала, а также составление карт-дублей для карты Л 5 292 «Свадебный хлеб».

Литература

Архипенко Н. А. О некоторых проблемах картографирования лексики ЛАРНГ по теме «Духовная культура» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 43–48.

Гвоздичкова Л. С. К типологии русского свадебного хлеба // Материальная культура и мифология / [Отв. ред. Б. Н. Путилов]. Л.: Наука, 1981. С. 204–214.

Гревцова Т. Е. Культурная терминология русской свадьбы на восточнославянском фоне: обрядовый хлеб: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2016. 319 с.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Гура А. В. Из севернорусской свадебной терминологии (Хлеб и пряники — словарь) // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 4]. Карпато-восточнославянские параллели. Структура бал-

канского текста / Сост. и отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 131–180.

Жиганова С. А. Свадебные обряды и фольклор кубанских казаков // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 2 / Под общ. ред. Н. И. Бондаря. Краснодар: Изд-во Эдви, 2005. С. 282–298.

Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004. 248 с.

Костромичёва М. В. Лексика народного календаря в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 351–356.

Лаврентьева Л. С. Символические функции еды в обрядах // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990а. С. 37–47.

Лаврентьева Л. С. Хлеб в русском свадебном обряде // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX вв. Вып. 2. М., 1990б. С. 5–66.

Мартыанова В. Н., Пономарева М. А. Об особенностях изучения лексики духовной культуры (на материале русского говора д. Степанёнки Кезского района Республики Удмуртия) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Наука, 2014. С. 496–500.

Морозов И. А. Структура и семантика традиционного застолья: обычаи, верования, магия, связанные с его началом и завершением // Традиционная культура. 2002. № 2. С. 18–31.

Павлова Н. В. Наименования обрядовых блюд и кушаний (на материале «Словаря орловских говоров») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 179–184.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / Науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. Т. 5: Вологодская губерния / [Сост. Д. А. Баранов, О. Г. Баранова]. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 684 с. : ил.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / Науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. Т. 5: Вологодская губерния / [Сост. Т. А. Зими́на, О. Н. Фоя́кова]. Ч. 4: Тотемский, Устььсьольский, Устюгский и Яренский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 807 с. : ил., карт., табл.

Таратынова Т. Ю. Псковские наименования материальных компонентов свадебного обряда в связи с Программой ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 364–368.

Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 215–230.

Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Ч. 1 / Сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова; под общ. ред. Ю. М. Шеваренковой. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2013. 400 с.; ил. (Фольклорное наследие Нижегородского края. Т. 2).

Шихарева М. С. Свадьба у сельского населения Кубани // Советская этнография. 1964. № 1. С. 22–33.

Лексика, связанная с гигиеной, в одном орловском говоре

В. Н. Гришанова

В статье рассматривается диалектная лексика, связанная с гигиеной, функционирующая в говоре одного орловского села. Исследованный материал позволяет составить представление об этнокультурных гигиенических традициях уклада жизни русского крестьянства.

Ключевые слова: говор, лексика гигиены, традиционный крестьянский уклад жизни.

Изучение языка, особенно языка народного, неразрывно связано с изучением быта и культуры его носителей. С. М. Толстая подчеркивает, что «связь языка и культуры, языкознания и культурологии взаимна. Во многих случаях лингвистическая реконструкция не может обойтись без опоры на фольклорные и этнографические данные, а реконструкция народных представлений и верований — без учета языковых данных» [Толстая 2011: 17].

Современными людьми, особенно горожанами, традиционный крестьянский быт часто воспринимается как не отвечающий санитарным правилам. Это представление опирается на чисто внешние данные, касающиеся быта послевоенной деревни европейской части России, деревни, разорённой, зачастую уничтоженной фашистами, с трудом восстанавливаемой, когда люди возводили самые простые жилища, чтобы хотя бы иметь крышу над головой, обзаводились только самым необходимым для жизни. Но и тогда, при всей бедности существования, сохранялись определенные бытовые традиции, обычаи. «Обычай — обыкновение, то, к чему все привыкли, что ведется исстари. ⟨...⟩ В перечень явлений, подхо-

дящих под понятие обычай, входят привычки семейной жизни, черты быта...», — пишет В. В. Колесов [Колесов 2000: 129–130]. Так, в речи людей, особенно пожилых, родившихся в конце XIX – начале XX вв., ещё в 80-е гг. XX в. фиксировалось значительное количество диалектных слов, связанных с личной гигиеной, гигиеной жилища, одежды и быта, которые позволяют выстроить картину традиционного крестьянского уклада жизни, строго регламентировавшегося санитарными правилами быта. Это не только слова, непосредственно связанные с темой гигиены, но и лексика других тематических групп, тем не менее раскрывающая существовавшие в крестьянском быту правила гигиены.

Естественно, особенно ярко представления о гигиене отражаются в лексике, непосредственно связанной с темой санитарии, — лексике процесса стирки. В говоре села Борилово Болховского района Орловской области это лексика разного типа, как общенародная, так и диалектная, обозначающая процессы и предметы, связанные со стиркой. Процесс этот был не только трудоёмким, но и многоэтапным; для обозначения и самого процесса, и его этапов в говоре иногда использовались синонимы.

Общее наименование процесса стирки представлено в говоре глаголами *мыть*, *мытья* — ‘стирать бельё’. *Бильё у шшолок и апяты у зат закатываютъ и паритца увесъ день. К вечеру на пралубку мыть бильё. Павлика жынитъ нада, а то мытца некаму хадить: я старая стала. Фразеологизированное предложно-падежное сочетание на речку употреблялось с процессуальным значением ‘стирать бельё в речной воде’. А зимой на другой день шли на речку [т. е. шли стирать]. Так и называлась на речку. Ни гаварили, што стирать, а: «Мне на речку нынче нада». Мойка — ‘партия белья одной стирки’. Так и гаварили: мойкю билья навесили.*

Рядом глаголов обозначались этапы процесса стирки. *Киснуть* — ‘быть замоченным (о белье)’. *У субботу испунались, васкрисенья бильё лижыть мокрая, киснить.* Слово

отмывка в литературном языке обозначает «действие по глаголу отмыть — мытьём удалить грязь» (МАС 2: 692). В говоре оно имеет более узкое значение, *отмы́вка* — ‘один из этапов стирки белья, состоящий в выколачивании ранее замоченного белья и выполаскивании его в речной воде’. *Искупались, рубахи замачили, ани ночь пирначивали мокраи, сходили на речку, пральникам накалатили харашо, выпаласкали — эта называлась атмывка*. Этот этап стирки назывался и предложно-падежным сочетанием *на отмы́вку*. А прилагательное *отмы́вочное* называло бельё после этого процесса. *Эта на атмывку бельё у панидельник. Атмывачная бельё — эта после таво, как на речке памыли*.

Следующим этапом стирки было выпаривание белья в растворе щёлока, который готовился в домашних условиях. *Золить, назолить* — ‘один из этапов стирки, состоящий в замачивании белья в горячей воде с разведённой в ней золой и пропаривании в русской печи’. *Назалить — эта замачить у ваде с залой и падиржать у печке, атпарить. Выташишыли гарячую ваду, насыпали туда залы, размишали, а тада настипенна пихають туда рубахи, патишоньку, штоп зала пращла полнастью на белью, ни камком. Закрывают чугун скварадой и становють чугун у печку, у зат печки, после затопа, истопя печку, у гарячую печку. Вот эта рубахи залили*. Этот процесс обозначался и глаголом *щелочить*. *Шшылачить бельё: бельё у шиолак и апят у зат закатывают, и паритца увесь день*.

Нáчисто — ‘конечный этап стирки, когда бельё становится окончательно чистым’. *А патом апят на речку — эта называлась начиста. Апят пральникам залу-та эту нада навькалатить, выпаласкат — и бельё становитца чистым. Биз мыла стирали*. (Попутно заметим, что мылом пользовались для умывания и мытья в бане, это было довольно дорогое для крестьянина вещество, недаром его использовали как подарок. В Прощёное воскресенье обязательно навещали родственников («*На пращоннай день едут у гости*

с подарками») и непременно везли в подарок именно мыло, особенно ценилось туалетное, *духовое*. Примечательно, что это происходило в день, когда просили друг у друга прощения за обиды, неприглядные поступки и т. п., то есть очищали душу от скверного, греховного. Подарок в виде мыла был символическим: в народном сознании чистота души и чистота телесная оказывались неразрывно связанными, осознавались как нечто единое.)

Лексемы *на отмывку* и *начисто* обозначали также признак предмета. *Вот на речке, бывало, моимси, хто моитца бильё из залы, а некатарыи придуть на атмывку моють, можыть, сриди нидели хто искупалсы. И имели астарошку друх ат друга: «Маш, у тебе на атмывку бильё, а у мене начиста. Иди панижа папаласкай» (на тиченню вады).*

Предмет, которым выколачивали бельё, называли в селе *прáльник* — ‘плоский деревянный брусок с ручкой’. Выстиранное и высушенное бельё непременно выглаживалось путём катания, для чего использовалась *катáлка*, или *скáлка*, и *рубéль*, или *катáлень*, — ‘деревянный брусок с поперечными зубцами и ручкой, предназначенный для разглаживания белья путём катания’. *А высушимшы, абизатильна пакатать нада. Никатаная рубаху ни наденуть. Каталка и рубель, ну, бальшыństwo каталень звали. У нас и каталка звали, и скалка. Вот на скалке катальнем катали бильё.*

Большинство слов, связанных со стиркой, имеет прозрачную внутреннюю форму, но у слова *прáльник*, с точки зрения современного русского языка, она затемнена. Языковой материал дает основания предположить, что это одно из древних приспособлений, которые использовал человек в быту, его название связано с глаголом *прати* — ‘стирать, мыть’, встречающимся еще в Изборнике Святослава 1073 г. (СлРЯ XI–XVII 18: 139). В отличие от литературного языка в орловских говорах сохранилось довольно много производных от этого глагола слов, имеющих широкий ареал: *прáль-*

ник, прáвник, прáйник, прáнник, пря́льник (СОГ 11: 5), *прáвельник* (СОГ 11: 3), *пралéшек, прáлик* (СОГ 11: 4), *пря́ник* (СОГ 11: 127), *прáльня* — 1. Деревянный помост или доска на воде у берега водоема для выколачивания белья при стирке, полоскании. 2. Место, где полощут бельё; *прáнник* — то же, что *прáльня*₁ (СОГ 11: 6). Морфемному анализу и лексикографическому описанию слов этой группы в орловских говорах посвящена статья Т. Н. Агеевой [Агеева 2001].

Судя по лексическому материалу, к чистоте белья предъявлялись высокие требования, тщательность обработки вела к тому, что стирка занимала несколько дней. Действительно, по свидетельству информанта, *распарядак нидели был. У субботу искупались, васкрисенья бильё лижыть мокрая, киснить. Панидельник — на речку, хочь какой марос, хочь какая нинасная пагода. Эта на атмывку бильё у панидельник. Авторник — делаютъ шишалак, нада назалить. Назамли утрам, пад затопам, во втарой палавине дня вытаскиваютъ бильё ис печки, и на речку — эта называлась начиста. Или ни управились на этот день, тада у среду схадили на речку, асобинна зимой, день-та малинький. Летам успивали у этот же день, а зимой на другой день шли на речку.*

Знаменательно, что стирка проводилась еженедельно. Еженедельно менялось и стиралось бельё и все тканые принадлежности домашнего обихода. В больших крестьянских семьях было, как правило, несколько невесток, которые по-недельно вели домашнее хозяйство. *А чиридавали паачирёдна настольники стол накрывать, накрюшники вешать у кухне, к печке сваи тряпки. Кажсная нивеска сваю ниделю знать. Вешать, ниделя прашла, стирать, склады-ваить. У субботу банятыца — миняить постели, сымаить сваё. Другая нивеска занимать сваю ниделю.* Таким образом в больших крестьянских семьях постоянно поддерживалась чистота и строго соблюдались правила гигиены.

Определённые правила были и при мытье в бане. Сначала мылись мужчины, затем женщины и дети. Парились *на полкѣ* с берёзовыми вениками, но ополаскивался каждый из своего кувшина.

Ели все из одной чашки, но *кажнѣй сваю лошку знал, замичали, што крестик, што как. Детачик аддельна кармили. У ва всех дитей была па ставчику. У кажнай матери свой ставчик был для сваиво рибѣнка, хоть для дваих. Ставчик* — чашычка малинькия, диривянная. Усяк свой знали.

Особые требования к чистоте предъявлялись для женщины, которая выпекала хлеб. Прежде чем ставить тесто и работать с ним, она непременно должна была искупаться. *Хлеп паели, заивляить свикровья: «Лиса [Лиза], хлеба аставаитца адна карвега. Я станавлю ваду — купайси, хлеп станавить будиш». Лиса искупаитца — становить хлеп.*

Неопрятность осуждалась как в женщине, так и в мужчине и во внешнем виде, и в ведении хозяйства, обихода, что отражается в лексике говора. Неопрятную, нечистоплотную женщину называли *нехолява*. *О-о! Нихалява! И сама ни-прибратая, и дети грязнай, и у доме што зря. Замухрышка* — ‘неопрятный, неаккуратный человек’. *Замухрышка* — *эта грязнай, нипрамытай. Хоть какой: хоть малинький, хоть большой, замухрышка — ниакуратнай.* Нечистоплотность мужчины вербально осуждалась гораздо более жестко. *А патом как задристалсы этат Ахоня, идеть на шута пахож, аброшишай, апушишынай, на нём и акуратнасти нету, грязнай, ниапрятнай, што зря, как баран задристанай.*

Диалектная лексика, контексты и разъяснения информантов, касающиеся значения слов, позволяют составить весьма чёткое представление об этнокультурных гигиенических традициях русского крестьянства.

Литература

Агеева Т. Н. Существительные, обозначающие валёк для беля, в орловских говорах // Орловские говоры: проблемы изучения: сборник научных трудов. Вып. 2. Орел, 2001. С. 5–9.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 326 с. (Серия «Филология и культура»).

Толстая С. М. Семантические категории языка и культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 368 с.

Семантические особенности диалектных единиц, связанных с обозначением окон, дверей и их деталей, в русских говорах на территории Республики Мордовия

Л. Н. Денисова

В статье рассматривается диалектная лексика, связанная с наименованием окон, дверей и их деталей, особенности ее использования в русских говорах Республики Мордовия. Представлены синонимические ряды диалектизмов, характеризующих устройство окон и дверей в доме, процессы изготовления или использования их деталей. Анализ лексики исследуемой группы выявляет особенности культурно-исторического развития русского населения Республики Мордовия, позволяет дополнить некоторые представления о народной жизни.

Ключевые слова: диалектная лексика, синонимические ряды, окна, двери, дом, значение.

Изучение материала различных говоров позволяет описать диалектную картину мира и представить ее во всем территориальном многообразии. Изучению номинаций жилья на диалектном материале посвящено немало исследований [Баженова 2011; Невский 2009], но на материале русских говоров Республики Мордовия такие работы немногочисленны [Человек и его мир 2015]. Отдельные элементы жилых и нежилых построек специально не описывались.

Проанализируем группу диалектных слов, обозначающих окно в жилом доме или надворных постройках, и его детали. К окнам в доме — естественному источнику света — в старину было особое отношение, в фольклоре и мифологии они

считались глазами на лице дома, связывали внутренний мир дома с внешним «чужим» миром. Исследователи отмечают, что высота окна составляла около 1 метра. Окна имели косяки — колоды, составленные из четырех толстых брусьев [Народы Мордовии 2012: 60].

В русских говорах Республики Мордовия зафиксированы диалектные единицы, характеризующие особенности устройства окон в доме: их наличие, количество, функционирование створок и др. Диалектизмы с отмеченными значениями могут составлять многочисленные синонимические ряды. Так, лексемы *крест*, *окóнница*, *пъяла*, *пъяльца* и т. п. имеют значение ‘оконная рама’, например: *Нады помыть оконницы-тэ к паски* (Грибоедово, Кочкуровский р-н). *Што стуцыши-тэ, пялу выбыши* (Урей 1, Ельниковский р-н). Стекло между переплетами оконной рамы также имеет несколько наименований: *грáнка*, *рáнка*, *скля́нка* и т. п. Например: *У нас градэм три гранки выбилэ* (Челмодеевский Майдан, Инсарский р-н). По информации диалектоносителей, в начале и середине XX в. зимы в Мордовии были морозными и снежными; окна в крестьянских домах (чаще всего с одинарными рамами) зимой промерзали: *К утру на склянкэвх льду ф палиц тэлициной, марос лотый* (Лада, Ичалковский р-н). Для сохранения тепла в доме на время холодов окна завешивали снаружи специальными циновками, сплетенными из соломы или болотной травы [Народы Мордовии 2012: 197]. В более позднее время в окна начинают вставлять двойные рамы, в связи с чем в русских говорах Мордовии появляются новые лексемы. Нами зафиксирован диалектизм *поду́шка* со значением ‘пространство между двойными рамами’: *Этэ подушкэ называецэ, между рамэми-тэ* (Куракино, Ардатовский р-н).

В исследуемых материалах обнаружен ряд лексем типа *раствóрка*, *рáмка*, *сдвѐрка*, *притвóра* и т. п. со значением ‘оконная створка’, например: *Ставни — этэ плавинки акон* (Софьино, Ельниковский р-н). Обычно в крестьянской

избе окон было два-три, рамы состояли из пяти-шести звеньев, например: *В нашэй избе три окна, и фсе с растворкѣми* (Селищи, Краснослободский р-н); оконные рамы в жилых домах были подъемные и задвижные, в более новых домах — створчатые [Народы Мордовии 2012: 197], например: *Рама на окнѣх висной надѣ миняеть, са здверкѣми заставляю* (Кулишейка, Рузаевский р-н). Для обозначения створки окна, поднимающейся снизу вверх, использовался диалектизм **подзѣм**: *Падьмиши падъѣм дѣ и смотриши снизу. В адным окне зделѣши падъѣм-тѣ, и то хѣрашо* (Софьино, Ельниковский р-н). Единичность употребления слова **подзѣм** в указанном значении свидетельствует о том, что на территории Мордовии такие окна не были распространены.

Выявлены диалектные фразеологизмы типа **небыльное окно́** со значением ‘окно с раздвижными створками’. Например: *И зацѣм в новэй питистенки фсе окнѣ нобыльныя зделѣли?* (Новоямская Слобода, Ельниковский р-н).

В русских говорах Республики Мордовия зафиксировано несколько лексем со значением ‘ставня’: **затворка**, **буконка**, **ста́вница**, **скрѣвня** и т. п. Например: *На нѣчь окны зѣкрывам нѣ затворки* (Петровка, Большеберезниковский р-н). *Кады ветир-тѣ сильный, затворки скрипят, сидиши адна, а душа стонит* (Елизаветинка, Большеберезниковский р-н). Однако на территории Мордовии ставни на окнах использовались не повсеместно, а лишь в ряде населенных пунктов, в более позднее время ставни навешивали реже, сейчас домов со ставнями практически не осталось, о чем свидетельствуют следующие примеры: *У окнѣ-тѣ затворки были. Как грат, так и зѣкрывали. А цас затворкѣф нет, вот и летит стѣкло* (Киржеманы, Большеигнатовский р-н). *Теперь дама-тѣ са скрѣвними-тѣ ни дѣлѣют* (Красногорное, Чамзинский р-н).

Многочисленный синонимический ряд составляют диалектизмы со значением ‘подоконник’: **косяк**, **оконник**, **плотно́**, **подгон**, **подѣнок**, **подліпок**, **подлѣжка**, **под-**

оконье, подушка, полотно и т. п. Например: *Вон какія акашкі-тэ: ат палатна дэ вярхняка сажэнь* (Кивчей, Старошайговский р-н). В Республике Мордовия, как и по всей России, на подоконниках обычно стояли домашние цветы, реже — какие-то иные предметы, необходимые в быту, ср.: *Цвитоф у мяня многэ, фсе падёнкі уставліны* (Русское Давыдово, Кочкуровский р-н). *А гаршок-тэ с мэлаком нэ падёнкі стаіт* (Русское Давыдово, Кочкуровский р-н). *Спичькі ты знаш где? — Нэ пэдаконьі ліжат* (Константиновка, Ромодановский р-н). *Цасы наставлю нэ падгон, сяду на лафку, пряду і гляджу на ніх* (Новоямская Слобода, Ельниковский р-н).

В наших материалах представлена информация об особенностях изготовления или использования подоконников в том или ином населенном пункте, например: *Падгоны у нас высокіі ні делзют* (Веденяпино, Теньгушевский р-н). Для изготовления подоконников подходило не любое дерево, выбирался лучший материал: *Нэ падгоны лес выбіраццэ спіцымальнэ харошыі* (Куликово, Теньгушевский р-н). Пиломатериал, идущий на изготовление подоконников, дверных косяков и т. п., имел особое наименование *лафёт*: *Прыдэш і скажэш: «Нареш мне дасок на пэл і лафету»* (Такушево, Теньгушевский р-н).

Обычно окна обрамлялись откосами или косяками, которые также имели свои наименования в зависимости от того, какую часть у окна они закрывали. Нами зафиксированы лексические единицы типа *вёшник, залічка, таблічка* и т. п. со значением ‘накладная планка на дверном или оконном проеме, наличник’, например: *Мне нову залічку зделэлі. Залічкэўі мужыкі ізбу украшалі* (Кайбичево, Дубенский р-н). Собирательное значение имеют диалектизмы *облицовка, облэжка* и т. п., обозначающие ‘оконные и дверные косяки’, при этом у лексемы *облицовка* отмечается более широкое значение ‘оконные и дверные косяки, наличники’, ср.: *Абліцофку красілі белэй краскэўі* (Московка, Торбе-

евский р-н). *Паверх аблошки окны украшали налшиникъми* (Енгалычево, Дубенский р-н). *Аблошку у двери прибивали накрипкѣ* (Енгалычево, Дубенский р-н).

В русских говорах Республики Мордовии существует несколько наименований верхнего косяка оконного проема (*овѣришиник* и т. п.) или верхнего косяка над дверью (*вѣришиник*, *навѣришиник*, *лежѣак* и т. п.). Нередко в контексте эксплицитно или имплицитно выражено значение используемого диалектизма со значением 'верхний косяк над дверью' или 'верхний косяк оконного проема', ср.: *Стоячиш-тѣ — късяки, а вверху — вершиники* (Русские Дубровки, Атяшевский р-н). *Какой высокѣй вымѣхъл, то и глуди за вершиник заденит* (Болтино, Ромодановский р-н). *Каждный гот знатку ставит нѣ късяке, да кел вырѣс. Эдѣк дѣ наверхишикѣ дайдем* (Московка, Торбеевский р-н).

Для наименования карниза, выступа в верхней части здания над окном, дверью или под окном используются лексемы *подшиѣв*, *корѣбка*, *платѣок*, *обтяѣжка* и т. п.; кроме того, диалектизм *обтяѣжка* называет 'то, чем обтягивают карниз дома'; лексические единицы типа *подгѣн* и т. п. обозначают 'выступ под окном с внешней стороны', *казѣнка* обозначает 'деревянный брус на полу в нижней части дверного проема, порог'. Нередко в контекстах содержится информация, описательно передающая значение того или иного диалектизма. Например: *Нѣд налшишикѣми аптяшикѣ-тѣ* (Веденяпино, Теньгушевский р-н). *Нижѣ пѣлуплатикѣ — платок* (Чеберчино, Дубенский р-н). *Он звѣзпилси зѣ падгон ы смотрит в аошкѣ* (Новые Русские Пошаты, Ельниковский р-н).

При анализе диалектного материала нам встретились лексемы, служащие наименованием окон в нежилых помещениях: *духѣвка* 'окно для освещения и проветривания чердака', *рамник* 'окно в бане'. Например: *Хѣрашо, штѣ рамник высако был, а то бы рабаты продыху ни давали* (Новоникольское, Ельниковский р-н). *А этѣ аошка духѣкѣй нѣзываетѣцѣ* (Тенишево, Краснослободский р-н).

Кроме существительных, которые обозначают предметы, связанные с наименований окон или дверей и их элементов, нами зафиксированы диалектные слова других частей речи. В русских говорах Мордовии имеется прилагательное **растворчастый** со значением ‘имеющий створки (об окнах, дверях и т. п.)’. Например: *Ф той избе окнь растворчэсты, новы* (Веденяпино, Теньгушевский р-н).

Заметим, что в исследуемых материалах не встретилось лексем, обозначающих диалектные наименования дверей, можно отметить лишь диалектные фразеологизмы типа **косевья дверь** со значением ‘дверь, сделанная из мелких дощечек, уложенных по определенному рисунку’. Например: *Раньшз мы фсяжи и двери делгли: и прастыи и кэсивыи. Кэсивую дверь долшз делть* (Ожга 1-я, Старошайговский р-н). Вместе с тем зафиксировано большое количество диалектных глаголов, обозначающих различные действия при использовании дверей в постройках. Выделяется многочисленный синонимический ряд глаголов со значением ‘широко открыть (дверь, окно и т. п.)’: **расхлебъянить** (сов. в. к **расхлебъянивать**), **расхлебэнить**, **расхлбучить**, **расхлбыснуть**, **расхлыбэнить**, **разбахнуть**, **расколебэнить** и т. п., например: *Окны в абоих избах рэскэлибенили, гуляють, народу много сэбралось* (Кушки, Темниковский р-н). *Уйдёт куда, двери рэсхлебъянит, и хэть трава ни рости* (Красные Поляны, Ардатовский р-н). Большое количество глаголов с указанным значением объясняется тем, что в сельской местности старались держать двери и окна закрытыми для сохранения тепла в доме, защиты от проникновения насекомых или по иным причинам, например: *Зачем дверь-тэ рэзбахнула, чай, холэт, ай ни зэмчяши?* (Кулишейка, Рузаевский р-н). *Дверь ни надэ так рэсхлебъянивьтэ, на улицы вон какой марос* (Муравлянка, Ельниковский р-н). *Рэсхлебъяниши акошки-тэ, мухи и нэлитят палну избу* (Атемар, Лямбирский р-н). Иногда глаголы могут быть в безличном употреб-

лении: *Пришла дамой: рзбазнуты окны настши, громъм рзбазнулъ* (Кулишейка, Рузаевский р-н).

Ряд лексем называет дополнительные предметы, нужные для функционирования окон и дверей в постройках. Так, диалектизм *навёса* обозначает ‘петля для прикрепления двери к косяку’, например: *Маслицъм намажши навесы-тъ, вот ани и ни скрипят* (Марьяновка, Большеберезниковский р-н). Многочисленная группа диалектных слов типа *запёрка* имеет значение ‘приспособление для запираения двери, окна’, например: *Дефки, закройти дверь нъ запирку, а то кто ни то залезит* (Мальцево, Торбеевский р-н). Приспособления могут быть разных видов: *щекóлка* (*щекóлка*) обозначает ‘щеколда’; лексемы *цень*, *кляп* и т. п. служат наименованием дверного крючка; несколько диалектизмов (*вертушóк* / *вертужóк*, *вьорóк*, *завёртка* и т. п.) используются со значением ‘запор у двери в виде вертящейся планки’; *скобушка*, *клин* и т. п.) обозначают ‘большая дверная задвижка, засов’, например: *Вьюрок-тъ пъверни дъ зайди ф сарай* (Киржеманы, Большеигнатовский р-н). *Васькъ фчора к нам познъ зашол, мы ёво выгнъли дъ нъ завёртку дверь и закрыли* (Большие Поляны, Ардатовский р-н). *Мы на нчь калитку нъ замок ни зпирам, щакóлкъй токъ* (Карпеловка, Торбеевский р-н). *Зътвари хлеф нъ скабушку* (Ефаево, Краснослободский р-н). Имеется несколько глаголов типа *захлобúчитьсья*, *заложитьсья* и т. п. со значением ‘закрыть дверь на запор’, например: *Пошла я пръвожастъ гостей, детишки спать зъхотели, зъхлобучылись снутри, кой-как дъбудилъсь* (Манадыши, Атяшевский р-н).

Доверительные отношения жителей друг к другу выражаются тем, что в сельской местности при отсутствии хозяев дом не всегда закрывается на замок. Свидетельством этому является наличие таких лексических единиц, как *цёпáва*, *цёпочка*, *цень* и т. п. со значением ‘планка, надеваемая на пробой; накладка’, например: *Этъ сичяс сто запоръф на дъери, а ранъшъ цъпáву накинши, и весь запор. Цъпáва разнъя*

бываит: и жылезня, и диривяннзя (Чеберчино, Дубенский р-н). Также зафиксированы фразеологические единицы типа **наложитъ на палку** и т. п. со значением 'вставить палку, прут и т. п. в дверную ручку с целью показать отсутствие хозяев в доме'. Уходя недалеко и ненадолго, хозяева могли обозначать свое отсутствие при помощи каких-либо характерных признаков, предметов, деталей и т. п., например: *Я пришол к ним, а у них дверь нз цыпи, ни далёкз, звать, ушли* (Каймар, Краснослободский р-н). *Закрой дверь на цэпъ дз пайдём нз гарот* (Казенный Майдан, Ковылкинский р-н).

Таким образом, описание элементов жилища в русских говорах Мордовии приблизит исследователей к пониманию особенностей культурно-исторического развития русского населения Республики Мордовия и даст возможность составить более полную картину представлений о народной жизни.

Литература

Баженова Т. Е. Наименование построек в пределах традиционного комплекса крестьянского дома в Самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб: Наука, 2011. С. 396–404.

Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой. Саранск, 2012. 608 с. + 80 л. вкл.

Невский С. А. К истории формирования лексики крестьянского строительства севернорусских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб: Наука, 2009. С. 331–335.

Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии: монография / Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова [и др.]. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 156 с.

Производность и типы номинаций в русской диалектной лексике, отражающей идеи христианства

С. Ю. Дубровина

В данной публикации анализируются типы номинаций, отражающих представления о православии и языковой опыт народной культуры. Анализируются типы, структура производных слов, состав однословных и двусловных наименований, выделяются генетические пласты лексики христианства. Коннотативные смыслы, составляющие содержание производных номинаций, отражают креативность и языковой опыт носителей языка. Предпринятый анализ выявляет, что в православной лексике присутствуют разнотипные структуры номинаций, наличествует разнообразие синтаксиса фразеосхем. Многочисленность и открытость макрополя христианской лексики свидетельствует о высокой степени присутствия морально-нравственных ценностей в языке и менталитете «простого» русского народа. Проявляя большие деривационные способности, русская концептосфера православия обладает словопроизводной перспективой и потенциальными возможностями для расширения. Христианское койне русских диалектов демонстрирует семантическое и мотивационное единство по всей русской территории. Оно обусловлено существованием единого понятийного пространства православия на русской территории, изоморфизмом культуры и языка, схожестью функций языковых знаков. Диалектная версия «веры и церкви» спроецирована на бытовые и обрядовые ситуации, которые традиционным сознанием оцениваются в свете христианской аксиологии.

Ключевые слова: лексика веры и церкви, номинации христианской лексики, диалектное словопроизводство, структурный анализ лексических единиц.

Современная языковая ситуация находится под влиянием общегуманитарных изменений в общественном сознании.

Интерес к теме христианства в народной культуре сильно оживился в последнее время в антропоцентрических исследованиях разных научных школ. С другой стороны, в современной реальности явно обозначается интерес к традиционной культуре народа — носителя языка веры — как со стороны общества, так и со стороны церкви. Так, в ноябре 2016 г. в Москве на ВДНХ стартовал форум под «говорящим» названием «Русская традиционная культура и православие», учредителями которого стали Российский фольклорный союз, молодёжное отделение Общества русской словесности и Студенческое научное общество Сретенской духовной семинарии.

Предметом настоящей публикации является лексика, выражающая идею христианства и вероучения в русском языке и его диалектах. Это лексика Библии, церковных служб, таинств, литургии, а также народных традиций; языковые символы традиционной народной культуры, вобравшие и развившие духовные ориентиры нации. Место христианской лексики находится в общей «системе систем» русского языка: системе кодифицированного литературного языка и системе русского разговорного языка (РРЯ). При рассмотрении христианской лексики в диалекте и просторечии мы обращаемся к языку общения, то есть системе РРЯ. Анализируется структура диалектных лексем и фразем, прослеживается динамика становления номинативного типа, рассматривается состав однословных и двусловных наименований, выделяются генетические пласты лексики христианства.

Идеографическая классификация материала обеспечивает соотношение денотативного, семантического и структурного плана исследуемой лексики и является важным шагом на пути к более подробному формальному анализу номинаций. Так как роль формальных средств, реализующих языковые возможности, всегда остается велика, требуется особое внимание к структурным показателям.

Изучение номинаций, эксплицирующих в национальном русском языке духовно-нравственные убеждения нации, представляется чрезвычайно важным. Значение роли языка богослужения в обществе закрепляет жизнь, подтвердившая положение, которое выразил Михаил Васильевич Ломоносов: «российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием божиим на славенском языке украшаться будет» [Ломоносов 1973: 32].

Владимир Иванович Даль, раздумывая о форме представления «Пословиц русского народа» избрал группировку по темам. Важно, что первыми из представленных тем стали: «Бог — Вера», «Вера — Грех» (далее *Изуверство* как 'отпадение от веры; потеря веры') — «Изуверство — Раскол», «Изуверство — Ханжество», «Вера — Исповедание», «Вера» (загадки о вере) [Даль 1993 1: 636].

Традиция обращения к теме «религиозной лексики» продолжается в наши дни: известны работы Е. Е. Королёвой, С. В. Булавина, И. А. Королевой, А. М. Четыриной, К. А. Тимофеева и др. ученых, появляются новые исследования. Так, в 2016 г. в Воронеже состоялась защита диссертации И. С. Шевченко, посвященная семасиологическому и лексикографическому аспектам русской православной лексики. Автор обращается к лексике духовно-нравственного содержания в современном русском языке, её отражению в исторических и «новых» толковых словарях. Проработка гипотезы наличия двуплановости лексем, репрезентирующих содержание православия, сравнение лексикографических фактов даёт основания для постановки острополемиической проблемы «вымывания» духовно-нравственного семантического компонента в дефинициях словарей советского и позднейших периодов, в сравнении со словарями дореволюционного периода, и проблемы его сохранности.

Роль формального анализа номинаций, значение производности и структуры исследуемых лексем и фразем чрез-

вычайно велики. Массив любого избранного класса лексики определяется динамикой становления типа номинаций, структурой наименований, определением производности и генетических пластов. Дериватология всегда присутствовала в лексических трудах по языкознанию. Лексическая ёмкость деривационного гнезда определяет ключевые слова.

Например, в нашем случае в отношении семантической идентификации важнейшим является слово **Бог**. Значимость этого базового слова доказывается многочисленностью производных. Его приблизительный «корнеслов», по В. И. Далю, составляет более 350 единиц. В русском языке и его говорах существует много этикетных формул, включающих компонент «Бог» в поговорки, обращения, пожелания. Вхождение лексемы в «этикет» свидетельствует о высокой степени сохранности слова в культуре и разнообразии его культурных функций.

Словообразовательные гнезда образуют и иные опорные слова (*вера, суд, благо, библия, смерть* и др.). За каждым из них стоит ментальная традиция осмысления понятия. Например, тема Суда занимает важное место в русских духовных стихах. Народному православию в целом созвучны мысли, которые прекрасно выразил Г. П. Федотов: «В эсхатологии лежит ключ ко всякой религии. Здесь сходятся концы с началами, здесь обнажается сокровенный нерв религиозности. ...Русские стихи о Страшном Суде чрезвычайно многочисленны, обильны вариантами и принадлежат, очевидно, к самым сильным и впечатляющим темам народной духовной поэзии» [Федотов 1991: 103]. Значение ключевых слов составляет центральную зону христианской информации: «**Бог**. Где беда, там и Бог (и Никола) (Даль 1: 373); **Ад**. И в аду хорошо заступничество: ину пору хоть кочергой вместовил подсадят, все легче» (Даль 1: 15); «**Судьбы** ж. мн. и **суды** м. мн. Провиденье, определенье Божеское, законы и порядок вселенной с неизбежными, неминуемыми последствиями их для каждого. Судьбы Божьи неисповедимы.

Воля судеб. Божьими судьбами да вашими молитвами здравствуем» (Даль 4: 622).

Ключевые слова активно участвуют в словообразовании. В свободных речевых ситуациях они являются опорными лексемами фразеосхем, словообразовательных цепей, парадигм, гнезд. Они формируют лексические гнезда — «строительные ячейки» лексико-семантических объединений. Так, позиция библейских имен (*Авраам, Авель, Каин, Хам...*) в гнезде является одной из форм существования лексических единиц, объединенных формальной и семантической иерархической связью.

В теории номинации активно употребляются термины «акты номинации», «процессы номинации», «типы номинации», под которыми понимается обычно характер указания именем на действительность. Этот характер предполагает различение первичной (первообразной, прямой) и вторичной (непрямой, косвенно-производной) номинации [Журавлев 1982; Толстая 2008, 2010; Вендина 2009; Телия 1977, 1981]. Первичные номинации раскрываются через внутреннюю форму слова и хранят его генетическую память. Постольку первичная мотивация поддается восстановлению лишь путем этимологической реконструкции, именно этимологи и дериватологи достигают здесь значительных успехов [Варбот 1998; Журавлев 1998; Ковалев 2003; Меркулова 1967; Мызников 1994; Шаброва 2005; Бродский 2014; Пыхов 2014; Воропаева 2014; Шульгач 2014 и мн. др.]. Вторичные номинации являются косвенно-производными продуктами уже существующих единиц и используют основу этих единиц для нового обозначаемого.

Большинство вторичных номинаций возникают в результате способности слова к образованию переносных значений. Коннотативные смыслы, составляющие содержание производных номинаций, отражают креативность и языковой опыт носителей языка.

подавляющее большинство манифестантов идеограмм христианской лексики являются вторичными номинациями. Исключение составляют библейские имена (*Моисей, Вавилон, Адам, Ева*) и заимствования (*Пасха, литургия*), числа, ментальные универсалии (*вера, крест, суд*), «святые предметы» в ряду артефактов (*икона, угол*). К ним примыкают «обычные» производные наименования знаков культуры (*хлеб, зерно, вода, свеча*), втягивающиеся в зону энциклопедической информации о православии.

Вторичные номинации в говорах могут быть однословными (*госпожинка, омовение, приземлять, христосанье, христосаться, святник, христопродавец, поствовать, каята* (в их числе композиты — *вербохлест, богохульник, судибоги, христарадничать*); двусловными и представленными в виде фразеосхем (*неделя обновления, адамова голова* ‘растение *Atropa mandragora*, *Eringium campestre*, *Orchidea Juss.*’, *Аспосов день, летний пост, лесной херувим, Малая Пречистая, на два бога жить, гореть Божеею милостью, в грех вводить, в грех упасть, земной поклон, заславлять Христа* и т. д.).

Вторичные номинации создаются, как правило, на основе метонимических и метафорических связей, они образны и несут оценочные смыслы, отражая языковой опыт носителей языка. Так, глагол *алалутить*, производный от церковного возгласа «аллилуйя» ‘хвалите Господа’, в диалектах трансформировал семантику этимона на противоположную: ‘мямлить, говорить неразборчиво’. При этом высокая «слава» сменилась на ироничное, пренебрежительное значение.

Аналогичное изменение претерпело книжное слово *блаженный* ‘благо держащий’, употребляющееся в говорах со сниженными значениями — ‘малоумный, дурачок, простофиля’.

Диалектный глагол *благостить* при церковнославянском «благовестить» ‘бить в колокола’ отмечен с низкими

оценочными коннотациями: *благостить* ‘дурить, притворяться дураком’. Сравним: *блажить* ‘вести себя ненормально, безобразничать (о человеке)’, ‘вести себя беспокойно, отказываться от корма’ (о животном); *сблажеть*, *сблажить* ‘сдурить, сойти с ума’; *блазнить* ‘прельщать, соблазнять’; ср. также *божевольтиться* ‘сходить с ума, дурить, сумасбродить’, *приубожиться* — 1. Прибедниться. 2. Испытывать удовольствие. Залезла свинья в лужу и лежит, *приубожилась*, хрюкает, довольная (СРНГ 32: 39).

В результате диалектного словопроизводства закрепляется деформация «церковной» семантики и сходит на нет семантика выстроенности, искусности. В говорах высокий стиль мимикрирует под нейтральный и, изменяясь, расширяет лексический запас повседневного словоупотребления.

В христианской лексике смешиваются два основных, генетически неоднородных пласта: номинации праславянского происхождения, составляющие древнейший фонд русской лексики; заимствования и библеизмы.

Номинации первого типа являются общеупотребительными в активной лексике, они задействованы в повседневном общении и представлены манифестантами разных микрополей: акций — *венчать*, *говеть*, *каяться*, *крестить*, *кропить*, *погружать*, *молить*, *служить*, *утреневать*; обрядов — *пост*, *поклон*, *крестины*, *христосанье*; артефактов — *угол*, *божница*, *лесенки*, *яйцо*, *верба*, *берёза*, *онучи*; названий праздников — *Воздвиженье*, *Вознесенье*, *Вшестье*, *Духов день*, *Крещенье*, *Престол*, *Святая*, *Троица*, *Спажин день*, *Аспожка*. Диалектам знакомы широко употребительные церковнославянизмы с исконно славянскими корнями — *бессребреник*, *блаженный*, *мощи*, *мученик*, *обожение*¹; кальки —

¹Возможность «незаемного» характера слав. **bogъ*, «в противовес достаточно распространенному мнению о нем как о результате иранского влияния на славянский», аргументирует А. Ф. Журавлев данными семантических сближений категорий доли и меры [Журавлев 1998: 74].

благоверный, благотворить, благовестить, великомученик, преподобномученик, равноапостольный, лихоимствие, маловер, лжепророк.

Номинации второго типа представлены заимствованиями, вошедшими в русский язык книжным путем: *артос, апостол, инок, клобук, ладан, монах, херувимы, серафимы, хоругвь, епитимья, лампада, просфора, евангелие, псалтырь, Пасха, проскомидия, икона, нимб.* О сложностях усвоения канонических слов на русской почве свидетельствует их фонетическая и семантическая деформация: *алялюшки* 'печеные изделия', *зааминить* 'закончить', *адить* 'копить', *питиньё, просвирка, явангильчик, пысалтирь, Паска, проскомица.*

Как первый, так и второй пласты представлены в диалектах своими лексическими вариантами. Так, «акции», помимо известных литературных названий обрядовых действий (*венчать, крестить, погребать, молиться, говеть, поминать*), включают диалектные обозначения обрядовых (*погружать, брать молитву, давать креста, быть на духу, лежать крыжом*) и необрядовых (*вероваться, возновиться, божить* 'ругать') действий. Церковные ритуалы «домысливаются» через народные обряды, приобретая расширенную семантику обихода.

Просторечная и диалектная лексика находятся в тесной словообразовательной связи с литературной: *из веры вывестись* 'перестать верить'; *согрешить, прогрешиться, в грех упасть; богá* 'иконы', *на два бога жить; каяться, каянье, окаянный, христосики* 'лапти', *адамовы веки* 'древние, незапамятные времена', *круг царя Соломона* 'круг для гаданий на святки', *ярдань, воярдань* 'река Иордань', *вавилонь* 'изгибы реки'.

Более прочная формальная связь с церковно-обрядовой лексикой, закреплённая в структуре новообразований, прослеживается в терминах, производных от церковных слов и имен, заимствованный характер которых продолжает ощу-

щаться. Фонетическая и семантическая деформация в диалекте свидетельствует об усвоении канонических слов на русской почве. Ср. *алялюшки* 'печеные изделия', *зааминить* 'закончить', *адить* 'копить', *питиньё* 'наказание', *просвирка* 'просфора', *явангильчик* 'уменьш. от Евангелие', *пысалтирь* 'псалтырь', *Паска* 'Пасха', *проскомица* 'удар грома'.

Диалектное словотворчество вводит в язык новые номинации. Среди них много дериватов, образованных от агнионимов: *христосики* 'лапти', *христовник* 'праздничный кафтан', *адамиха* 'растение', *ильинка* 'плоды, созревающие на Ильин день'. Имена наиболее почитаемых святых обладают высокой словообразовательной потенцией.

Перечислим основные структурные типы единиц христианской лексики:

I. Первичные номинации, представленные, как правило, ключевыми словами — концептами и реалиями, связанными с церковной обрядностью (*Бог, вера, душа, грех, чудо, вода, крест, огонь, свеча, колокол, ковчег, купина, церковь, чаша*, число «три», *храм...*). Сюда же относятся заимствования высокого стиля — *архирей, митра, антидор, агиасма, амвон, аскет, смирна, омофор, минея, диптих, синаксарь, пролог* и др.

Среди первичных номинаций выделяются:

- а) слова в исходной форме;
- б) уменьшительно-увеличительные формы, сохранившие элементы первичной семантики (*душенька* 'ласковое обращение к человеку'; *грешок* 'незначительный грех'; *церквушка* 'небольшая церковь'; *храмина* 'большая постройка').

II. Вторичные номинации представляют:

1. Цельнооформленные отыменные и отглагольные дериваты:

- а) аффиксально производные существительные (*амичка, богопротивница* 'кусовая лодка', *боженье, безбо-*

жие, загвения, Дмитра, ильинка ‘сорт яблок и груш’, *иорданка* ‘ружье, заговоренное при водосвятии’, *киётка, поминальник, смутители, крестьбины, посарма, свечки* ‘праздник перед Крещением’, *хресцы, христовник, христовщина* ‘хлысты’, *христосанье* ‘целование на Пасху’);

б) существительные, образованные субстантивацией (*Светлая, Святая* ‘Пасха’, *скоровное*);

в) прилагательные (*андельский, ахидный, благой, божественный, душевный, грешный, казанская, коренной, святой, скорбящая*);

г) глаголы (*адить, алакать, ахинеть, безбожить, богарадить, возновиться, каяться, кститься, молебствовать, перекститься, погружать, похристоситься, приубожиться, сблаговестить, христосаться, утреневати*);

2. Композиты — имена существительные и глаголы (*борисдень, вербохлёт, крестопоклонная, кузьмодемьяна, миропомазание, солдохрестье, христарадничать, христопродавец*);

3. Раздельнооформленные устойчивые сочетания:

а) субстантивные (*круг царя Соломона, крест с Иисусом, Восход к Господу, Крест Ивана Великого, Митрев день, неделя обновления* ‘вторая неделя после Пасхи’, *поясной поклон, земной поклон*);

б) атрибутивные (*адамова голова, ангельская сле́за, антониева пи́ща, святая вода, крещенская вода, христовское яйцо, живые помощи, херувимский ладан, божий огонь, отходная свеча, татарский пролог, успенская просвирка, иудино лобзанье*);

в) предикативные (*окстить в горшке, Алексей пролей кувшин, Бог заплатил, встречать иконы, ходить со славой, ходить под Богом, давидски каяться, прослуживать молебны, взять молитву, ходить на престол, искать Христа, пригрозить Богом, суди*

Бог, на каю статью, умереть о Пасхе, с веры сбиться, ад разорить, в грех вводить, с Богом думала);

г) разноструктурные с адвербиальным значением (*лежать крыжом, по-божественному, с Богом, смерть как хочется, ради Бога, Христа ради, слава Богу*);

д) устойчивые сочетания, по структуре соответствующие предложению (*дай Бог, Бог тебя суди, ангели над тобой, чем Бог тебя порадует, Бога прогневили, Бог посетил, Исус бывал, Исус ночевал*).

Возможна и более детальная характеристика формальной структуры номинаций. Систематизация типов структуры открывает новое деление, основанное на частеречной принадлежности производящего:

а) производные от существительных: *приобщаться, молеbstвовать, (быть) в числе*;

б) производные от прилагательных: Казанская (икона) → *Казанская* (день календаря), святой → *Святая* 'Пасха';

в) производные от числительных: *двенадцатой, девятинна, сороковины, Троица, Шостое*;

г) производные от глаголов: *заговенье, загвения; перекстить* и т. п.

Раздельнооформленные устойчивые сочетания слов имеют структуру, соответствующую моделям фразеологических оборотов, с прямыми и косвенными определениями. Признак является определяющим словом: *Восход к Господу* (восход какой?), *Крест Ивана Великого* (крест какой?), *божья милость, храмоздательная грамота, пасхальное яйцо, красильная суббота, убогие блины, адамова кость, Духов день, Тихонская Божья Мать, Васильев вечер, Фролов день, Красная Горка, сердитая неделя*. Имя или аппеллятив, транслирующие какой-либо мотив, символ, ключевое понятие, определяют сакральность языкового знака.

Среди синтаксических моделей словосочетаний выделяются:

— модель «имя прилагательное + имя существительное». Доминирует в количественном отношении по сравнению с представленностью других моделей (*отходная свеча, успенская просвирка, божий огонь, херувимский ладан* и мн. др.);

— модель «родительный падеж имени прилагательного + родительный падеж имени существительного» (*тёплого дня*);

— модель «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже» (*Аксинья полухлебница, Акулина гречушница*);

— модель «именительный падеж имени существительного + форма родительного падежа имени собственного» (*род Адамля*);

— модель «форма родительного падежа имени собственного + форма родительного падежа имени нарицательного» (*Анисьи желудочницы, Акулины комарницы, Агафона огуменника, Агафьи коровятницы, Антипы половода*);

— модель «имя существительное + предложно-падежная форма имени существительного» (*Бог в помочь, Алексея с гор вода*);

— модель «родительный падеж имени собственного + форма множественного числа имени нарицательного» (*Андрея наливки*);

— устойчивые сочетания, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами (*Петра и Павла, Кузьмы и Демьяна*).

Особое место в диалектном словопроизводстве занимает клиширование — свертывание фраз, фразеологизмов, паремий, ведущее к появлению нового слова или словосочетания в том же значении. Подобные образования отражают стремление диалектоносителей к формульности, меткости речи.

Причиной их появления служит необходимость в частом употреблении тех или иных высказываний. Примерами клише являются слова и словосочетания этикета: «*Бознат*, подм. Бог е знает, неизвестно. Балесь-та палучила бознат с чиво» (Иванова 1968: 557); «*С ангелом*, псков. 26-ва мне будит с ангилам» (ПОС 1: 64). Регулярно стереотипы синтаксического клиширования действуют в моделировании народного календаря: *на Николу, на Николин день, на Николу вешнего, Никитин день* ‘празднование Новоникитской иконе Божией матери (372 г.), установленное церковью на другой день после Воздвижения’; *Казанская* — название иконы и праздника.

На механизмы клиширования (свертывания и развертывания праславянских фразеологизмов) обратил внимание Н. И. Толстой [Толстой 1973]. В христианской лексике стадии свертывания идиомы могут быть постепенными — от первоначальной развернутой фразы до вторичной, затем окончательной; ср. в наших примерах: *святых жён-мироносиц* → тамб. *жен маранóсиц* → тамб. *маранóсиц*. Для частотных слов в диалекте возможно обратное клиширование — явление, в итоге которого возникает расширение фразы: тамб. *алалá, алалáя* ‘вздор, бред’ наряду с *алалá с маслом* в том же значении (Даль 1: 25). Развернутые фразеологизмы выявляются при сопоставлении материала разных территориальных зон. Клише в слово- и фразеопроизводстве возможно только при наличии каких-то эмоциональных ассоциаций исходного слова. Идея «клиширования» соотносится с закономерностями коммуникативного синтаксиса и диалектной типологией словообразования.

Список устойчивых конструкций, характерных для фразеологии лексики веры и церкви, можно продолжить, включая новые полевые и лексикографические факты.

Предпринятый анализ убеждает нас в том, что в православной лексике совмещаются этимологические значения различных периодов, присутствуют разнотипные структуры

номинаций, демонстрируется разнообразие синтаксиса фразеосхем. Это, безусловно, говорит о высокой степени присутствия морально-нравственных ценностей в традиционном языке и менталитете «простого» русского народа, является свидетельством многочисленности и открытости макрополя христианской лексики. Обладая большими деривационными способностями, русская концептосфера православия имеет словопроизводную перспективу и потенциальные возможности для семантического и лексемного расширения.

Христианское койне русских диалектов демонстрирует семантическое и мотивационное единство по русской территории. Оно обусловлено существованием единого понятийного пространства православия на русской (восточнославянской) территории, изоморфизмом культуры и языка, схожестью функций языковых знаков. Диалектная версия «веры и церкви» проецируется на бытовые и обрядовые ситуации, которые традиционным сознанием оцениваются в свете христианской аксиологии.

В микрополях лексики «христианское койне» проявляется в повторении «сквозных» лексем. Оно стало возможным благодаря книжной традиции христианства и находится в прямой зависимости от русского литературного языка.

Литература

Бродский И. В. Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 124–139.

Варбот Ж. Ж. Славянские представления о скорости в свете этимологии: к реконструкции славянской картины мира // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации / Отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1998. С. 115–130.

Вендина Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 532 с.

Воропаева Е. А. Словообразовательное гнездо с вершиной вода (на материале смоленских говоров) // Современная русская

лексикология, лексикография и лингвогеография. 2014: Сборник статей / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 67–75.

Даль В. И. Пословицы русского народа. В 3-х тт. М.: Русская книга, 1993.

Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке / [Д. Н. Шмелев, А. Ф. Журавлев, О. П. Ермакова и др.; отв. ред. Д. Н. Шмелев]. М.: Наука, 1982. С. 45–109.

Журавлев А. Ф. К реконструкции древнеславянского мировидения: О категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении // Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Международному съезду славистов. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 71–87.

Ковалев Г. Ф. Ономастические данные в Словаре В. И. Даля // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Вып. 26. Воронеж: Изд. дом Алейниковых, 2003. С. 34–40.

Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке (1758) // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф. П. Филина. М.: Высшая школа, 1973. С. 29–32.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (травы, грибы, ягоды). М.: Наука, 1967. 256 с.

Мызников С. А. Заимствованная лексика и словообразовательные инварианты в Обонежье // X Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров» — 94: Тезисы докладов. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. С. 74–76.

Пыхов В. А. Структура русских диалектных номинаций // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 584–599.

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, В. Н. Телия и др.; отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 129–222.

Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 270 с.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: URSS, 2010. 368 с.

Толстой Н. И. О реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г.: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 272–294.

Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подготовка текста и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 192 с. (Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения).

Шаброва Е. Н. Морфемика современных вологодских говоров. Глагол. Вологда: Русь, 2005. 238 с.

Шульгач В. П. Русское диалектное *варзать* и этимологическое гнездо с корнем **vьrz* // Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения акад. А. А. Шахматова / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 248.

Эмотивные наименования лиц мужского пола по отношению к труду: явление синонимии в русских говорах Республики Мордовия

Н. И. Ершова

В статье охарактеризованы эмоционально окрашенные наименования лиц мужского пола по отношению к труду, функционирующие в русских говорах Мордовии; описаны синонимические отношения между ними. Особое внимание уделено рассмотрению как небольших и простых двучленных объединений синонимов, так и многочленных синонимических рядов, представленных эмотивами. Выявлена специфика явления синонимии в русских говорах Мордовии по сравнению с литературным языком.

Ключевые слова: эмотив, диалектизм, имя существительное, синоним, синонимический ряд, сема, говоры.

Эмоционально окрашенные слова составляют неотъемлемую часть разговорной лексики диалекта. Они создают повышенный эмоциональный тонус разговорной речи, придают ей большую выразительность, связанную с необходимостью усиления воздействующей силы говоримого. Значение диалектных эмотивов — наименований лиц мужского пола — в русских говорах Мордовии полностью оценочно, а употребление в речи направлено на достижение одной коммуникативной задачи: характеризуя то или иное лицо по определенному параметру, выразить свое отношение к нему, положительные или отрицательные эмоции [Мягкова 2000: 55].

Диалектная лексика является сложным комплексом, в котором проявляются разного рода системные отношения. Как и литературному языку, говорам присущи явления полисе-

мии, синонимии, омонимии и антонимии. В лексике русских говоров Мордовии отмечается многообразие семантических связей у диалектных эмоционально окрашенных существительных, называющих лиц мужского пола: наличие однозначных и многозначных слов, синонимов, антонимов и омонимов.

Богатство языка — это в первую очередь богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты представляют такую возможность в силу богатства их словарного состава.

Проблема синонимии в говорах является одной из мало разработанных и дискуссионных, поэтому единого определения диалектного синонима пока не существует. Это объясняется рядом причин: многие говоры недостаточно изучены, отсутствуют полные словари всех русских говоров и т. д. Л. И. Баранникова называет диалектными синонимами «слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах» [Баранникова 1962: 102].

При установлении типологии семантических отношений между компонентами синонимических рядов в специальной литературе прочно укрепилась традиция выделять несколько разновидностей синонимов: 1) синонимы абсолютные, или дублеты, — с тождественным значением; 2) синонимы относительные, или семантические, — с близким значением; 3) синонимы стилистические (эмоционально-экспрессивные, экспрессивные), различающиеся экспрессивно-стилистической окраской; 4) синонимы семантико-стилистические, различающиеся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской [Розенталь и др. 2010: 231].

Синонимический ряд в говорах, как и в литературном языке, образует группа слов, связанных синонимическими отношениями. В него мы включаем слова с тождественным или близким значением, передающие сущность одного и того

же понятия, закрепленные в говоре и представляющие неотъемлемую часть той или иной диалектной лексической системы. Принцип построения синонимического ряда основывается на различиях в семантике и эмоционально-экспрессивной окраске синонимов [Ершова 2014: 288].

Синонимия в говорах, как и в литературном языке, является важным стилистическим средством. Она служит не только для передачи тончайших нюансов мысли, но и позволяет разнообразить речь, делая ее яркой и выразительной.

Диалектную синонимию порождает ряд причин. Главная из них — необходимость удовлетворения нужд повседневного общения. Непосредственное выражение в диалекте морально-этических оценок того или иного явления действительности обуславливает наличие в рассматриваемых говорах обширного ряда синонимических слов-характеристик лиц по какому-либо производимому действию, их явную избыточность по сравнению с литературной разговорной речью. Будучи стилистически окрашенными, слова-характеристики в зависимости от контекста меняют степень сопутствующей им отрицательной коннотации от мягкой иронии до едкой насмешки и обличения [Русская диалектология 2005: 208].

Названия лиц мужского пола, функционирующие в русских говорах Мордовии, характеризуются исключительным богатством и разнообразием. Их можно разделить на отдельные семантические группы эмотивов, характеризующих лиц мужского пола по отношению к труду, учебе, умственным способностям, особенностям поведения и характера, социально-коммуникативным, физическим, внешним признакам, в рамках которых выделяются как небольшие и простые двучленные объединения синонимов, так и многочленные синонимические ряды. Рассмотрим одну из самых многочисленных групп эмоционально окрашенных диалектизмов — наименования лиц мужского пола по отношению к труду.

Данная группа является составной частью класса эмоционально-оценочных характеристик человека и занимает в нем среди существительных со значением лица одно из центральных мест, что связано с актуальностью семантического признака «отношение человека к труду» на уровне диалектной системы. Трудолюбие — одно из неперменных мерил достоинств носителя говора, а лень — осуждаемое в системе этических ценностей народа качество, поэтому лексические единицы, которые выражают негативную, неодобрительную оценку человека, не любящего, не желающего трудиться, очень многочисленны в русских говорах Мордовии.

В этой группе можно выделить следующие синонимы с инвариантными значениями:

1) 'лентяй, бездельник':

Ашыра (неодобр.): *Эх, ашыръ ты харошый, вады ни приписеш* (Новоямская Слобода, Ельниковский р-н).

Бухтул (во 2 значениях): *Этэ надэ жэз, каковоэ бухтула на шэю сибе псадилэ, он цэлыми днями нэ завалинки сидит, а ана дажэ зэ дравами сама ездит* (Кушки, Темниковский р-н).

Галах (неодобр., в 3 значениях): *Весёлэ у тя, галах, жызынь, софсем ни роботэи. Надэ чать немношкэ роботэть, а ты фсё, как галах, шлясси* (Манадыши, Атяшевский р-н).

Легостай: *Ах ты, лигастай, апячь ничаво ни зделэл. Чаво жэ ты, лигастай, сидиши слажа руки?* (Лаврентьево, Темниковский р-н).

Лоботес: *У нас ф симье лэботёсэф нету. Вон они, лэботёсы-тэ, идут, нэт помэци от них* (Редкодубье, Ардатовский р-н).

Лосман (во 2 значениях): *Эх ты, лосмэн, софсем матири ни пэмогаи, и ни стыднэ тебе. Вы што, лэсманья, розгуливэти пэ деревни-ти? Шли бы вон ф колхоз солому мё-татэ* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Непридень: Я сваго непридня никак с печки ни стаишу. Какой ты непридинь, и ничаво ни хочѣш делѣть (Никольское, Торбеевский р-н).

Облыгала: Он аблыгалѣ, ничяво ни хочит делѣть! (Старое Акшино, Старошайговский р-н).

Обой: Дефки-ти, эти роботзют, а сын у ней шичо есть, тот обой обоим: негде ни роботзт и домз за весь день палиц оп палиц ни ударит (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Околотень (в 1 значении): Ты, окзлѣтинь, брасай штаны-тѣ прѣтмрять, дилоф пално (Рязановка, Старошайговский р-н).

Околотник: Он уколотник хороший, роботзть не любит, фсю жызнь прѣлежал лёжз нѣ боку, стзрожыл, што ль (Суподеевка, Ардатовский р-н); Окзлѣтинь он харошый, этѣт Васяня (Ямщина, Инсарский р-н).

Скундыжник (неодобр., в 1 значении): У них зять уш такой скундыжник, сафсем ни хочит работзть (Кулишейка, Рузаевский р-н).

Хабольник (неодобр.): Какой ты у нас хабольник, ничяво ни делѣш (Ямщина, Инсарский р-н).

Хлын (неодобр., во 2 значении): Эх ты и хлын, ницаво ни хатиш делѣть (Муравлянка, Ельниковский р-н); Я ни знал, штѣ Ванькѣ такой хлын у их, а атец-тѣ харошый мужык (Кергуды, Ичалковский р-н).

Хлынец (неодобр.): Ну што зѣ хлынец такой растѣт. Зѣ сабой пастель ни убирѣт (Потижская Слобода, Инсарский р-н).

Хлыстенъ (неодобр.): А я прѣстою у колоциз-тѣ, прѣбалясничзю, вот мать и зовѣт меня хлыстиним (Большие Поляны, Ардатовский р-н).

Целепега: Мишкѣ, вот цѣлипегѣ, ты што сидиш, хзть зѣ вадой схади (Подверниха, Старошайговский р-н).

Чабаръ: Сколькѣ этѣт чабаръ будит лжзть? Скорз уш вечер (Константиновка, Ромодановский р-н).

Чужесильник (неодобр.): *Из нашихъ братъ чужесильникъф-тѣ и не былъ* (Апраксино, Чамзинский р-н).

Чужеспинник (неодобр., во 2 значении): *Вот ешио чужеспинник растёт: сёмнаццэтъ лет, а он софсем ни работт* (Кочкари, Ичалковский р-н).

Шалаган (неодобр.): *А я сасетки фсягда гъварилъ, штъ сын шлаганъм растёт* (Васильевка, Ковылкинский р-н).

Шалалай (неодобр.): *Два сынъ у ней, и оба шлалаи, софсем матури-ти ни пъмогают* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Шалберник (неодобр.): *Шалберник он растёт: ни ф поли, ни домъ ни хочит работъть* (Паньжа, Ковылкинский р-н); *Пънаехъли шалберники, типерь на улицы лытатъ будут* (Токмово, Ковылкинский р-н). В отдельных говорах функционирует вариант **шанберник**: *Эх, и шанберникъф ръзвялось! Што не паринь, то шанберник* (Горки, Большеигнатовский р-н).

Шаныга (неодобр.): *Ты маво шаныгу-тѣ ни видал? Вот шаныгъ, дилоф сколькѣ, а он фсе хлыцит* (Кулишейка, Рузаевский р-н).

Шемела (неодобр., во 2 значении): *Сроду он дома ни биват, ласы точит, шымила. Этът шзмёла никогда воды ни принисёт* (Манадыши, Атяшевский р-н).

Несмотря на то, что выше перечисленные синонимы имеют одинаковые значения, не все они являются дублетами. Согласно данным «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» (СРГРМ), лишь часть этих слов имеет помету «неодобр.», указывающую на повышенную оценочность, экспрессию семантики. Следовательно, в рамках данной подгруппы уместно выделить два ряда абсолютных синонимов: 1) *ашира, галах, скундыжник, хабольник, хлын, хлынец, чужеспинник, хлыстенъ, чужесильник, шалаган, шалалай, шалберник, шаныга, шемела* (с пометой «неодобр.»); 2) *бухтул, легостай, лоботес, лосман, непридень, облыгала, обой, околотень, околотник, це-*

лепега, чабарь, характеризующиеся нейтральной окраской. Единицы указанных рядов по отношению друг к другу являются эмоционально-экспрессивными синонимами.

Диалектизмы *леженька* в значении 'лентяй, лежебока' (*Лежэнькэ паринь-тэ у них* (Пичеуры, Чамзинский р-н)) и *орясина* во 2 значении 'бездельник, пьяница' (*Жана у ниво така рэбятяшишэ бабэ, а он, арясинэ, ни пэмагат ей ни ф чом* (Медаево, Чамзинский р-н)) выступают по отношению к членам второго ряда дублетов в качестве семантического синонима, а к членам первого ряда — в качестве семантико-стилистического синонима.

2) 'бесхозяйственный, нерасчетливый мужчина':

Рассовалка: *Пашкэ вон мужык дамовый: и нисёт, и ви зёт дамой, а наши рэсавалкэ-тэ сё токэ из дэму* (Кайбичево, Краснослободский р-н).

Растащица (неодобр.): *Он такой рэсташшихэ, пэтаму жана и ушла от яво* (Грибоедово, Кочкуровский р-н); *Брат у Кати хороший, а муш рэсташшихэ, и чово ни зделалэсь, он вить таким раншиэ не был* (Ведянцы, Ичалковский р-н).

Данные эмоционально-экспрессивные синонимы составляют в русских говорах Мордовии двучленный синонимический ряд.

3) 'мужчина, любящий ходить, бродить без дела':

Помыкуша: *Эх он ы пэмыкуша, никак дамой ни хочит итти, памочь штоп* (Атемар, Лямбирский р-н); *Ох ы пэмыкушиэ этэст Ванькэ, десить рас на динь придёт, как буттэ дел никаких нет* (Тазино, Большеберезниковский р-н).

Шмоня (в 1 значении): *Можэт, хватит хадить. Эдэ-кэй шмоня, рабочий день канчаицэ* (Константиновка, Рузаевский р-н). *Шмоня-тэ у нас опять куда-тэ направилси* (Покасы, Зубово-Полянский р-н).

Как видим, диалектизмы *помыкуша* и *шмоня* являются абсолютными синонимами.

4) 'неумелый мужчина':

Гатила (неодобр.): *Плотники — гатилы, избу испортими. Вот гатилъ, вот гатилъ, бумага-тэ сколькэ изгадилэ* (Софьино, Ельниковский р-н).

Фефёла (неодобр.): *Чё ты, Жэнькэ, какой фифёлэ: ничё ни можэши делэть* (Трофимовщина, Ромодановский р-н).

Семанτικο-стилистическими синонимами по отношению к данным дублетам выступают лексемы **додон** 'неумелый, неуклюжий мужчина' (*Такой дадон урадилси, фсё у ниво чирис пень-калоду пълучяцэ*) и **вавила** 'сильный, рослый, но неумелый мужчина' (*С ыво силэй бы брёвны варочить, дэ вавилэй урадилси. За што ни вазьмёцэ, ничяво ни пълучяцэ*) (Кулишейка, Рузаевский р-н). Имея общий семантический компонент 'неумелый', данные наименования характеризуются дифференциальными семами и нейтральной окраской.

5) 'нерасторопный, медлительный мужчина':

Валтузя: *Такой валтузя у миня мужык, с ниделю козлы делэл, други за динь делэют. Валтузи како-тэ дом строят, чай, к осини кончют* (Кулишейка, Рузаевский р-н).

Валух: *Пэмаги эс нам, валух эдэкэй* (Лаврентьево, Темниковский р-н).

Ватола (во 2 значении): *Эх ты и ватолэ, Ванькэ, больнэ долгэ капасси. Ни даждёсси, кады рэзвирнёцэ этэ ватолэ* (Лаврентьево, Темниковский р-н).

Дрянин: *Ну и дрянин эс ты! Фсе уи давно кончили, а ты сё капасси* (Старый Город, Темниковский р-н).

Копошун: *Вася пошол хлэф чыститъ, теперь до вечырэ, кэпошун уи больнэ* (Хухорево, Большеигнатовский р-н).

Кутафья: *Ох и кутафья ты, Сидэр!* (Горяйновка, Кочуровский р-н).

Матена: *Чай, пака твой матёнэ пэбирнёцэ, дожэжык пайдёт* (Лемдяйский Майдан, Старошайговский р-н).

Телай: *Он тялая, смирный больнэ. Памрёш, пака атэтэвэ тялая словэ даждёсси* (Лаврентьево, Темниковский р-н).

Телеллой: Ты што, тилиллой, зиваши, хватай скаре за гриву. Тилиллоум мы вялых, нирзстаропных завём (Кулишейка, Рузаевский р-н).

Телепега: Вот фсё он вроди в акурат делзт, дз больнз тилипегз (Горяйновка, Кочкуровский р-н).

Телепень: Такии тилилни вырзсли, аш индз мутзрнз матреть: авец сабрать ни магут. А уш нз работу мы тилипений и ни псылам (Кулишейка, Рузаевский р-н).

Тюряк: Ана яво тюрякзм щитат (Русские Найианы, Большеберезниковский р-н).

Улук: Эх ты, улук, надз маненькз пзрзстаропний быть. Быстрей сббирайси, улук (Муравляка, Ельниковский р-н).

Как видим, диалектизмы данной подгруппы образуют в русских говорах Мордовии многочисленный ряд синонимов-дублетов.

б) ‘вялый, нерасторопный мужчина; рохля’:

Вяльша (неодобр.): Вяльшз, он ничаво путём зделзтз ни можзт. Он фсю жызнь вяльшгй был: што ни вазьмёт, фсё из рук валицзз (Лаврентьево, Темниковский р-н).

Разлемзя (неодобр.): Мой толькз книшки читатз мастак, а работзтз стыднз брать — рззлимзя такой, и фкаво ни знай (Кулишейка, Рузаевский р-н).

Рахля (неодобр.): Сбизалси я с рахлий тада, он пай хароший прззивал и мне, и себе. Этзт рахля уш ни пзтаропницзз (Ключарево, Рузаевский р-н).

Тюхня (неодобр.): Этзт тюхня кзчитка никак ни сббирёцзз купить (Рязановка, Старошайговский р-н).

Данные названия лиц мужского пола являются абсолютными синонимами. Семантико-стилистическими синонимами они являются по отношению к диалектизмам с инвариантным значением ‘нерасторопный, медлительный мужчина’: наряду с ядерной семьей «нерасторопный», лексическая семантика диалектизмов двух последних подгрупп характеризуется дифференциальными семами ‘медлительный’ / ‘вялый’. Кроме того, наименования последней подгруппы пред-

ставлены в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» с пометой «неодобр.».

Подчеркнем, что рассмотренным обширным синонимическим рядам в русских говорах Мордовии противопоставляется ряд абсолютных синонимов с идентичным значением 'трудолюбивый мужчина', включающий в себя только три наименования:

Кокарь: *Сасет мой кокъръ нѣстаящий, етѣт биз делѣ ни сидит и ф калхози нѣ виду* (Кользивианово, Краснослободский р-н).

Колгота (в 3 значениях): *Ну и кѣлгата! Какой дом свами руками ацстроил! Он и кѣлгата, биз делѣ ни сидит* (Лаврентьево, Темниковский р-н).

Трудник: *Вот этѣ диствитильнѣ трудники! У нас таких трудникѣх дюжѣ многоѣ сталѣ* (Новоямская Слобода, Ельниковский р-н).

Как видим, эмоционально окрашенные наименования лиц женского пола образуют в лексико-семантическом плане четко определяющиеся синонимические ряды, члены которых тесно связаны между собой по значению. Устная форма существования диалектной лексики приводит к контекстуальным изменениям значения и окраски того или иного слова, что приводит к появлению различных разновидностей синонимов-эмотивов со значением лиц женского пола в русских говорах Мордовии. Особый интерес вызывает обилие в диалекте абсолютных синонимов, которые редки в литературном языке. Это явление связано с их длительным существованием в языке. Однако дублиеты в говоре не свидетельствуют об избыточности диалектной лексической системы, а представляют собой естественное порождение живой речи и необходимы для ее стилистического разнообразия. Часто встречаются в рассматриваемых говорах экспрессивно-стилистические синонимы, отличающиеся друг от друга градиентом оценочности в структуре семемы. Яркой оценочностью обладают слова, представляющие собой лексику с перенос-

ным значением. Семантические синонимы практически не представлены.

Все диалектизмы, за исключением последней группы, используются носителями говора для отрицательной характеристики лиц мужского пола по отношению к труду. Об этом факте свидетельствуют пометы «бран.», «неодобр.», «экспр.», представленные в «Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР / Республики Мордовия» при большинстве рассмотренных существительных, отражающих внешний облик женщины. Причем, резко негативное отношение вызывает лень, если она сочетается с молодостью и здоровьем. Поэтому наиболее яркой экспрессией наделены слова, называющие здоровых, рослых, но ленивых людей. Напр.: *Вон Тышкин аблом фсю зиму газеты прѳчитал, нигде такы ни пѳступил нѳ работу, на бабу сваю надеццѳ* (Кочелаево, Ковылкинский р-н); *Надѳ чать немношкѳ роботѳть, а ты фсеѳ, галах, шлясси* (Манадыши, Атяшевский р-н).

По справедливому замечанию В. М. Мокиенко, «народный живой язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность...» [Мокиенко 2005: 48]. Этот факт, по видимому, и определяет богатство и разнообразие в русских говорах Мордовии диалектных эмотивов, негативно характеризующих лиц мужского пола.

Литература

Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. Вып. 1. Саратов: Изд-во СГУ, 1962. С. 101–121.

Ершова Н. И. Синонимические ряды названий домашних животных в русских говорах Мордовии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 288–301.

Мокиенко В. М. В глубь поговорки. СПб.: Азбука-классика, Авалон, 2005. 256 с.

Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. 110 с.

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык: учеб. пособие. М.: Айрис-пресс, 2010. 446 с.

Русская диалектология / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др.; под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.

Общие названия одежды в пермских говорах: мотивационный аспект

Ю. В. Зверева

Статья посвящена изучению лексики одной тематической группы («Одежда»). Исследованы общие наименования одежды, зафиксированные в русских говорах Пермского края. Выявлены мотивационные признаки наименований: назначение, материал, степень износа.

Ключевые слова: пермские говоры, тематическая группа, наименования одежды, мотивация.

Одежда, как и другие предметы быта, занимает важное место в жизни человека, являются показателем его территориальной, этнической и социальной принадлежности. В названиях одежды, бытующих на территории Пермского края, отражены культура, традиции и обычаи носителей пермских говоров.

Состав данной тематической группы и семантика отдельных ее единиц описываются на материале различных русских говоров: воронежских [Недоступова 2014; Панова 2002], донских [Калинина 2007], кубанских [Борисова 2003], нижегородских [Климкова, Назарова 2002], рязанских [Осипова 1999], тамбовских [Вановская 2003], тверских [Кириллова 2005], говоров Карелии [Новикова 2000], Удмуртии [Мартынова 1999].

В пермских говорах отмечается около 200 диалектных лексем и номинативных сочетаний со значением 'общие названия одежды'. В эту группу входят существительные, обозначающие одежду в целом, а также повседневную, праздничную, изношенную одежду. Тематическая группа также

включает общие наименования одежды, которые мотивированы цветом, материалом, покроем.

Для названия совокупности предметов, которыми покрывают тело, в пермских говорах используются слова: *амуні-ция, гўня, лопотёшка, лопотіна, лопость, лопотня, лопь, лоскутъя, ношѣбное, обмундированіе, оболѡк, оболѡчка, одеваньѣ, одѣжа, одѣжина, одѣжка, одѣнье, сбруја, харовіна, хлам, шарабора, шйшки, шмотовьѣ, шмотьѣ, шмўтки*. Большинство слов этой группы имеют прозрачную внутреннюю форму и связаны с однокоренными глаголами со значением ‘одевать’, ‘одеваться’: *оболок (оболочка)* ← оболокать; *одеваньѣ, одѣжа, одѣжина, одѣжка, одѣнье* ← одеть, одевать; *ношѣбное* ← носить.

Слова с корнем *лопот-* (*лопост-*) распространены в севернорусских, уральских и сибирских говорах (СРНГ 17: 141–142). Обычно лексемы с этим корнем имеют несколько значений: 1) ‘одежда’ (*Лопоти у их много было — каждый день юбку перебокала. Залезли воры и выносили всю лопоть в картовницу, около бани. Зыряна приезжали, лопотину шили*. Толстик Сол. (СПГ 1: 489). *У вдовца готова лопотня: стара баба оставила, нова придѣт — носить зачнѣт*. Редикор Черд. *Лопась у меня тожсо есь. Как помру, так на меня еѣ и оденут*. Бондюг Черд. (КСРГСПК)); 2) ‘верхняя одежда’ (*Стежонка-та — лопотинка была пониже колен, из сукна*. Илаб Сол. (КСРГСПК). *Холодно стаѣт, из цюлану лопоть принесла*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 2: 114)); 3) ‘старая одежда’ (*Лопоть — это одѣжа постарее которая, и спали на ней*. Редикор Черд. *Всѣ, что лишнѣѣ, дак это лопоть*. Кикус Черд. (КСРГСПК)). В словаре М. Фасмера слово *лопоть* связывается с *лепень, лепест* «лоскут» (Фасмер 2: 519–520). В «Этимологическом словаре славянских языков» происхождение слова объясняется через *лопот* ‘стук, нанесение ударов’, авторы выстраивают такую цепочку развития значений: ‘стук, нанесение ударов, шум,

грохот' → 'лоскутки, рваная одежда' → 'одежда' (ЭССЯ 16: 65).

Лексемы этой группы часто бывают полисемичны: обозначают как одежду вообще, так и плохую, старую одежду. Первая подгруппа активно пополняется за счет второй. Так, хотя слова **шарабора** (*Какую шарaborу — шали там, шубы, рукотерники — всё увезли.* Тихановка Кунг. *Сундук-от у меня с шарaborой стоит.* Сарс Окт. (СПГ 2: 542)) и **шишки** (*А теперь и жить можно: шипики есть накинуть, и все баскиё.* Шаврята Ильинск. *Шипики-то есть, да одеваться некогда.* Воскресенск Караг. *Чё, вам шипики свои казать? Счас, только ключ найду.* Нилиги Ильинск. (СПГ 2: 554)) имеют в пермских говорах только значение 'одежда, вещи', обращение к истории этих слов показывает, что первоначально они обозначали плохую, старую одежду. Лексема **шараба(о)ра** зафиксирована в словаре В. Даля со значением 'всякая всячина, мелочь, домашний скарб, старая рухлядь' (Даль 4: 1399), в «Опыте» — 'худая одежда, обноски' (Опыт: 264). В. Даль предполагает, что слово происходит от заимствованного из монгольского языка и зафиксированного в сибирских говорах **шара** 'выварки кирпичного чая' (Даль 4: 1399). Однако эта версия маловероятна, поскольку слово **шарабора** фиксируется не только в сибирских, но и в среднеуральских, пермских, вятских, оренбургских говорах. В словаре М. Фасмера представлена другая точка зрения: лексема, возможно, является рифмованным образованием (Фасмер 4: 407). В ее пользу говорит и существование в пермских говорах лексем **шором-бором** 'старье, тряпье (обычно об одежде)' (СПГ 2: 559); **шундры-мундры** 'пожитки' (СПГ 2: 562).

В пермских говорах для обозначения одежды используется также слово **шишки**, кроме того, зафиксированы рифмованное сочетание **шишки-марышки** 'старая одежда, тряпье' (*У меня шипики-марышки тут, вы уж не смейтесь.* Нилиги Ильинск. (СПГ 2: 555)) и фразеологизм **только шипики вóют** 'о старой, изношенной одежде'. Скорее всего,

у слова **шишки** появляется значение ‘непричесанные волосы’, что подтверждается существованием в пермских говорах лексемы **шишкó** ‘растрепанные, поднятые кверху волосы’ (*Подняла кверху. Ишь, какой шишко. Ну все волосы вверху стоят. У, какой шишко стоит.* Черд. (КСРГСПК)). Далее в говорах происходит следующая трансформация семантики слова **шишки**: ‘растрепанные волосы’ → ‘лохмотья’ → ‘старая, поношенная одежда’ → ‘одежда’.

Лексемы с корнем **шмот-** (**шмат-**) в пермских говорах обозначают как одежду вообще, так и старую, поношенную одежду: **шмотовьё** (*Чё сюда своё шмотовьё-то притащили, ишь чё баракла-то.* Таман Ус. (СПГ 2: 557)); **шмотьё** (*Шмотья-то полна светёлка лежит, и всё новёхонько, хоть счас надевай.* Неволино Кунг. (Там же)); **шмўтки** (*Я на базаре была. Одна старуха шмўтки продавала, дак милиционеры-те со шмўтками её забрали.* Березовка Ус. (Там же). *И нечё было одеть. Нынче всякие вон шмўтки есть.* Бондюг Черд. (КСРГСПК)); **шматьё** (*Шматьё — ну когда одежина поношенная, не годная носить.* Черд. (КСРГСПК)). Появление значения ‘одежда’ у слов с этим корнем происходит в результате изменения первоначального **шмат** ‘кусок, лоскут, обломок’, ‘тряпка’ (Фасмер 4: 458), в пермских говорах одно из значений слова **шмотки** — ‘тряпка из ткани, лыка’ (*Ношу надеру лыко. Намочу мочишишэ и делаю вехоть и шмотки.* Марушево Черд. (КСРГСПК)).

Слово **лоскўтъя** в пермских говорах также фиксируется в двух значениях ‘одежда’ (*Новые тряпки — лоскўтъя, а старые, худые — ремушки.* Покча Черд. (КСРГСПК)) и ‘старая, поношенная одежда’.

Слова **амунїция** (*Давай скинем кофточку, давай скинем всю амуницию, спать будем.* Акчим Краснов. (Акчим. сл. 1: 42)) и **обмундировáние** (*Надень каки-то таки, тожо омундированьё. Кто чё наденёт.* Кольчуг Черд. (КСРГСПК)) являются заимствованиями из литературно-

го языка. В диалекте происходит расширение значения: *амуниция* ‘снаряжение военнослужащего (кроме) оружия и одежды’ (БАС-3 1: 186), *обмундирование* ‘форменная одежда, комплект форменной одежды’ (БАС-3 13: 192) → ‘одежда’.

В пермских говорах в качестве наименования одежды используется также лексема *харовина*, *хоровина* (*Харовина — одежда*. Бондюг Черд. *Хоровина — одежда, а это раньше хоровина. Одна хоровина есть и одна дома*. Вильва Сол. *Сколько хоровин, да все-то худые*. Камгорт Черд. (КСРГСПК). *Бабушка нам всё время говорила: «Не дерите хоровину-то, деньги плачены»*. Чернушка (СРГЮП 3: 322)). В вологодских говорах слово обозначало не только одежду, например, женскую верхнюю одежду (Опыт: 945), но и ‘тощую скотину’, ‘падаль, павшую скотину’, ‘кожу, шкуру’ (там же). Скорее всего, в говорах появляется новое значение на основе переноса ‘кожа, шкура’ → ‘одежда’. Такого же типа перенос мы видим, когда слово *шкура* приобретает значение ‘верхняя одежда’ (*Ой, сто шкур на себя девка одеват, подумайте только!* Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 234)). Авторы ЭССЯ предполагают, что лексема является фонетическим и суффиксальным производным от *skora → skor-ov-ina. Затем сочетание sk перешло в x (ЭССЯ 8: 81).

В группу общих наименований одежды входит большое количество единиц, называющих пришедшую в негодность одежду: *барахлина*, *барахло*, *барахнушки*, *белебейка*, *болбохмотье*, *вьиносок*, *гуня*, *износок*, *клепо*, *кочубьё*, *латанёшка*, *лёпень*, *лопотня*, *лоскуть*, *лоскутьё*, *лохмотья*, *лохмутьки*, *обмотья*, *обноски*, *отрёпья*, *ошошолки*, *ремежсьё*, *ремезьё*, *ремешки*, *ремки*, *ремзы*, *ремиза*, *реможное*, *ремошбля*, *ремужа*, *ремхмотьё*, *ремшочки*, *ремхутка*, *риза*, *рубёц*, *рямошолки*, *рямуха*, *ремюшки*, *рямьё*, *требухень-брюхень*, *трепло*, *тряпё*, *тряхотьё*, *халапо́нина*, *хлам*, *хламёшко*, *хламовина*, *хохолье*, *шабала*, *шабудьё*, *шабу́р*, *шабура*, *ша-*

*бўрина, шабуръё, шалабўлина, шалашиблка, шалашиб-
лье, шарабора, шйишки-маръишки, шматъё, шмота-
нйна, шмотйна, шмотъё, шолошиблок, шорбм-борбм.*
В этой подгруппе также самое большое количество устой-
чивых сочетаний: *марўсины трофёи* (*Марусины трофеи
каки-то! Шолошолочки.* Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 43));
рубёц да заплата (*А не путна стирка-то у меня: како-то
шолошолки, рубеч да заплата да.* Акчим Краснов. (Акчим.
сл. 5: 37)); *рубёц на рубце* (*Я — рубеч на рубче — резала
юбки. Не могу драть-то.* Акчим Краснов. (Там же)), *рямок
на ряжке* (*Ты на чё ещё эту кофту надеваешь; ведь рямок на
ряжке висит.* Ненастье Окт. (СПГ 2: 312)); *только шйи-
шки вбуют* (*Поли, куфайка-та — только шйишки вбуют; надо
новую брать, да нету.* Мусонкино Караг. (СПГ 2: 555)); *на
веретне стрясти* (*Курточка-то — на веретне стрясти.
Чёй-но рехмотья одне, дак вот и говорят: на веретне стря-
сти.* Трушники Чернуш. (СРГЮП 3: 194)).

Некоторые из лексем этой группы имеют прозрачную
внутреннюю форму и образованы от приставочных глаго-
лов с корнем нос-: *вйносок* (*Старое носили — вот и вы-
носок. Выносок, его не одинова стираешь.* Редикор Черд.
(КСРГСПК)); *изнёсок* (*Износки-то я все выбросила.* Усть-
Гаревая Добр. (СПГ 1: 354)); *обнёски* (*Обноски-то из рук
в руки переходят.* Вилиб Черд. (КСРГСПК)); *обнёсоч-
ки* (*Нам доставались только обносоцъки.* Кривцы Гайн.
Не было рубашки, были како-то обносочки. Редикор Черд.
(КСРГСПК)). В литературном языке фиксируется только
лексема, образованная от глагола *обноситься* ‘износить
свою одежду, обувь’ (БАС-3 13: 204).

Часть единиц этой группы существует в литературном
языке или же в нем фиксируются однокоренные к диалект-
ным слова. Так, в словарях литературного языка отмече-
ны лексемы *лохмотья, отрепья, тряпё* и др. Обычно
в говорах сосуществует несколько словообразовательных ва-
риантов: *барахлина, барахлб, барахнўлки* (*Барахлина —*

старая, ненужная одежда. Вильва Сол. (СРГСПК 1: 60). *Занавесу вот к пече,.. чтобы не видеть, какое там написано барахло*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 1: 52). *У меня в онбаре мешок с барахнулками лежит — это шурум-бурум всякой*. Володино Сол. (СПГ 1: 22); *лоскуть, лоскутьё* (*Сказали этому мужику: «Собирай свой лоскуть и отправляйся домой»*). Козьмодемьянское Караг. *Худое лоскутьё — тряпё называют — на хлеб меняли тогда*. Каргино Ильинск. (СПГ 1: 490)); *треплó, тряпё* (*Было бы чё у неё, даж не носила бы экое трепло. У неё нечем перемениться, всё приносила*. Купчик Черд. (КСРГСПК). *У нас у старика вон сколько обносков, тряпья*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 44)); *хлам, хламёшко, хламовина* (*Хлам, барахло всё это [о поношенной одежде]*. Вилиб Черд. (КСРГСПК). *Своё хламёшко тут было: одёжа чё-то, платьишки — чё-ко своё хламёшко*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 108). *Хламовина — старая одежда*. Покча Черд. (КСРГСПК)).

С литературными словами *рубаша* и *рубище* связаны лексема *рубёц* (*Рубцы, обноски выбрасываете. Которы годны, на тряпё дерём*. Акчим Краснов. *Какой рубец сошьют, такой и носишь*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 5: 37)) и фразеологизмы *рубёц да заплат* (*А не путна стирка-то у меня: каки-то шолошолки, рубеч да заплат да*. Акчим Краснов. (Там же)); *рубёц на рубце* (*Я — рубеч на рубче — резала юбки. Не могу драть-то*. Акчим Краснов. (Там же)). В диалектах отмечено также слово *руб* 'грубая, ветхая одежда, рубище' (СРНГ 35: 212). Исследователи отмечают, что все эти лексеммы восходят к праславянскому корню *rǫbъ, *rǫbа 'отрез полотна, кусок ткани' (Шапошников 2010 2: 287).

Большое число слов с этим значением включает корень *рям-* (*рем-*): *ремежсьё* (*Ремежсьё — худа-то лопоть*. Рожнево Черд. (КСРГСПК)); *ремежьё* (*У нас все снаряжённы, одетьё. Это уж кака пьяница — придёт, ремезьём пресёт!* Акчим Краснов. *Ты вот в хорошем ходишь пальте, а я в ре-*

мезьё! Шалолошка только на мне. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 5: 28); **ремзы** (*Я приду мокрая, она меня разболочала. Ремзы мои сушит.* Редикор Черд. (КСРГСПК)); **ремкй** (*Ремки — одёжа старая.* Редикор Черд. *А старьё (старая одежда) называлось ремки, обмотья, отрёпья.* Нырб Черд. (КСРГСПК)); **ремйза** (*Поеду на зиму-то к дочери в Борзовск. Дом заколачивать не буду. Добра немного, ремйза только.* Толстик Сол. (СПГ 1: 288)); **рембжное** (*Надька-то все времечко в реможном ходит, вся одёжа в заплатках.* Опалихино Сукс. (СРГЮП 3: 36)); **ремюшолья** (*Все пропи-ват, одне ремюшолья носит.* Вильгорт Черд. (КСРГСПК)); **ремўга** (*Шуликины — парень наденет бабье, девка штаны опять. Маски делали че-нибудь из ремуги наденут, плат завяжутся, ходят.* Сёйва Гайн. (СРГКПО: 210)); **ремб-тё** (*Худое ремотё, кто его возьмёт?* Мосино Ильинск. (СПГ 2: 290)); **ремўтка** (*Раньше ведь как, маломальскую ремўтку купишь, в том и ходишь.* Сарс Окт. (Там же)); **рямошблки** (*Рямошолки. А то же это, что шолошолки.* Камгорт Черд. (КСРГСПК)); **рямўха** (*Дак они же не за знамя рямухи-то уташили — думали, чё-то путное.* Дуброво Ел. (СРГЮП 3: 60)); **рямўшка, рямушки** (*Ремушка — вот совсем поношенная одежда, вот и ремушка.* Черд. *Ремушки — бросовые тряпки и изорванная одежда.* Покча Черд. (КСРГСПК)); **рямьё** (*Сними ты это рямьё.* Брехово Сукс. (СПГ 2: 312)). Появление чередования с *x* в корне, возможно, связано с метатезой: **ремуха, ремоха** → **ра-мотье, ремўтка, ремюшки**. В этимологических словарях лексемы с этим корнем связываются со словом **ремень** (Фасмер 3: 469; Черных 2: 110). Однако происхождение общеславянского корня ***rem-** неясно. В качестве одного из предположений П. Я. Черных приводит версию, что лексема может быть заимствована из древневерхненемецкого языка, в котором **riomo** — «лента», «пояс», «ремень» (Черных: 2: 110). В этимологическом словаре А. К. Шапошникова происхождение слова объясняется через связь с основой ***йармо**

(с расширителем основы *-м-*), восходящей к индоевропейскому корню **ar* «связывать» (Шапошников 2010 2: 277).

Некоторые слова этой группы содержат корни со значением 'лоскут, отрезок'. Так, лексема *латанёшка* (*Латанёшка на нас, хлам-от; на нас чё, латанёшка, а у вас пальта*. Володино Сол. (СПГ 1: 465)) является однокоренным словом к *лата* 'заплата', *латань* 'старая изношенная, залатанная одежда' (СРНГ 16: 286). В русских говорах фиксируется слово *лэпень* 'обрезок, лоскут, кусочек' (там же: 360), в пермских говорах значение трансформируется в 'старая одежда' (*Да сними ты этот лепень!* Оса (СПГ 1: 472)).

Часто лексемы со значением 'изношенная одежда' образованы от слов, обозначающих 'отрезок, кусок, остатки чего-либо'. Так, слово *обмóтъя* (*А старьё — старая одежда, называлось ремки, обмотья, отрёпья*. Нырб Черд. (КСРГСПК)) связано с *обмотки* — 'портянки', 'тряпки, которыми обматывают ноги вместо обуви' (СРНГ 22: 135). У лексемы *отрeпья* в говорах первое значение — 'отходы после трепания льна' (СРНГ 24: 205). В пермских говорах фиксируется также слово *клепó* (*Чё ныне жизнь-то супротив нашей! А я ишь како клепо за весь век износила... Эжитe гуни худы-те и звали клепо*. В. Мошево Сол. (СПГ 1: 393)), которое образовано от *кляп* 'кусочек дерева или тряпки, насильно всовываемый в рот животному или человеку, чтобы не дать ему возможности кусаться или кричать' (БАС-3 8: 151).

Плохую одежду обозначают также слова с корнем *шолошол-* (*шалашол-*): *шалашóбка* (*О нашу-то шолошолку свои-те польта замараете!* (диалектологам). Акчим Краснов. *Тожe всяко было жито. На одной холшовенькой шолошолке жили!* Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 215)), *шалашóблье* (*Носит тожо шалашóлье како-то. Ничё себе не покупат*. Акчим Краснов. *Поношена одежда — бараклом называют. Шолошóлье, лохмотье*. Акчим Краснов. (Там же:

216)), *шолошóлок* (*Тряпье — шолошолок*. Цыдва Черд. (КСРГСПК)).

Лексемы *кочубьё* (*Раньше носить нечего было, кочубьё накинешь да и бежать*. Н. Бычино Краснов. (СПГ 1: 430)) и *хохóльё* (*Дақ какоё трепьё, хохоллё*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 133)) образованы от слов со значением ‘клок, пучок волос’. Так, в пермских говорах фиксируются лексемы *кочи* ‘волосы’ (СПГ 1: 430), *кочка* ‘вихор волос’ (КСРГСПК), *хóхол* ‘клок волос’ (КСРГСПК), *хохлатушки* ‘длинные волосы’ (СПГ 2: 510). Лексемы *кочка* и *хохол* приобретают значение ‘клок, обрывок, кусок чего-либо’, в которое уже не входит сема ‘волосы’ (например, *Я сена ни хохла не привезла нынче* (там же)). От лексем с этим, более широким значением, с помощью суффикса *-j* образуются собирательные существительные, обозначающие поношенную одежду.

Ряд слов, имеющих значение ‘ветхая, старая одежда’, образован от названий разных видов одежды. Так, лексемы *шабур*, *шабура*, *шабурина* (*В какой-то шабуре идёт, непонятной одежде, худой одежде*. Гора Бер. *Идёт баба, на её болтается какая-то шабурина, дақ всё говорят — в каком-то шабуре идёт — худая одежда, непонятная*. Покровка Бер. (СРГЮП 3: 376)) образованы от диалектного слова *шабур* ‘старинная верхняя одежда, сшитая из грубого домотканого холста’, отмечаемого в пермских говорах. Появление значения ‘плохая, старая одежда’ связано с тем, что *шабур* был повседневной, часто рабочей одеждой, которая быстро приходила в негодность. Подобное изменение значения происходит в говорах и у слова *гуня*. В пермских говорах первое значение слова — ‘старинная верхняя одежда прямого покроя из сукна домашнего изготовления’ (Акчим. сл. 1: 221). В говорах фиксируются также значения ‘верхняя одежда’ и ‘поношенная одежда’.

Лексема *ризы* ‘о ветхой одежде’ (*В зыбке у ребёнка ничё такого-то нету, кладут только ризы, старьё*. Осинка Юрл.

(СРГКПО: 211)) образована от **риза** ‘облачение, одежда священника при богослужении’ (Ожегов: 679). Возможно, изменение семантики происходило следующим образом: ‘одежда священника’ → ‘длинная, долгополая одежда’ → ‘полы одежды’ → ‘лохмотья’ → ‘ветхая одежда’. Кроме того, на изменение значения слова могло повлиять семантическое сходство слов **риза** и **ряса** ‘у православного духовенства: верхняя длинная одежда с широкими рукавами’ (Ожегов: 691). В говорах лексема **ряса** имеет омоним со значением ‘старая вещь’ (*Каку-то рясу под ноги брошу. В доме-то чистые да новые половики, а на крылечке в дождь да в грязь и старенький сойдёт.* Большой Букур Чайк. (СРГЮП 3: 60)); ‘болтающиеся лохмотья одежды’ (*Вот бы у меня на подоле вешались рясы!* (Акчим. сл. 5: 42). *Оська, выбрось ты летник свой — одне рясы торчат.* Трушники Чернуш. (СРГЮП 3: 60). *Чё рясы-то у тя болтаются?* Черд. (КСРГСПК)).

Чаще всего слова этой группы или являются полисемичными, обозначая, кроме поношенной одежды, также ‘тряпки’, ‘лохмотья’, или образованы от однокоренных слов с этим значением.

Лексем, называющих хорошую, праздничную одежду, в пермских говорах сравнительно немного: **вьлюдник** (*Вьлюдник — лучшее платье, на люди одеть.* Илаб Сол. (СРГСПК 1: 325)), **вьлюдное** (*Вьлюдное — токо вот в праздник поносят и положат.* Илаб Сол. (Там же)), **вьлюдые** (*Вьлюдые — это чистая, хорошая одежда.* Акчим Краснов. (Акчим. сл. 1: 177)), **вьряды** (*Молодежь-то вон как баско одевается, каки только выряды-то нету.* Калинино Кунг. (СПГ 1: 146)); **наряда** (*У кого какая наряда есть, то и надевали, нарядные в праздник ходили.* Ананьино Чернуш. (СРГЮП 2: 157)); **поблюда́й** (*Носили по празднику одежду — поблюдай.* Нырб Черд. (КСРГСПК)); **снаря́д, снаря́да** (*На Первомай все снаряды свои достают, надевают. Шибко красиво.* Воскресенск Караг. *Вот это и была моя снаряда, в ней я и ходила на гулянку.* Плишкино Ел. (СПГ 2:

361)), *справа* (*Но sprawy нет совсем, одна рвань*. Илаб Сол. (КСРГСПК)); *сряд* (*Сряд, как у невесты на свадьбе*. Брехово Сукс. (СПГ 2: 391)); *сряда* (*На работу-то в портянине ходили, а по праздникам сряды надевали*. Суханово Част. *До чего у неё сряда шикарная*. Ленск Кунг. (Там же)). Лексемы с этим значением часто образованы от глаголов с корнем *ряд-*, в литературном языке закрепляется только существительное *наряд*, мотивированное глаголом *нарядить*. Слова с корнем *люд-* (*вылюдник, вылюдное, вылюдые*) объясняются тем, что хорошую одежду обычно надевали только по праздникам, «в люди». Семантика лексемы *поблюдай* связана со значением глагола *поблюдать* ‘сохранять, беречь’ (СРНГ 27: 198), таким образом, *поблюдай* – это одежда, которую берегли для особых случаев.

Кроме общих названий одежды, а также наименований старой, пришедшей в негодность одежды, в пермских говорах фиксируются лексемы с собирательным значением ‘одежда из какой-либо ткани’: *брóды, бумáжное, ватбла, гумáжнина, гумажсьё, деревíна, изгрéбина, кондóвина, лённое, мануфакту́ра, отрённое, портяни́на, портяно́е, ситец, сукóнники, сукóнное, холст, хостяно́е, холстяну́шка, холцóвина, холцóвинка, холцóвица, холцóвое, шелковъё, шерстяно́е*. Большинство приведенных выше слов означает одежду из холста, многие из них имеют корень *холст-*: *Как холодная станет, так и холст надеваешь*. Юго-Камский Перм. (СПГ 2: 508); *Раньше все занимались пряжей. Сеяли лён, ткали. Холстяное всё носили. Я ещё нашивала рубахи холстяные*. Бондюг Черд.; *Холцовину-то теперь не носим, богатые стали*. Редикор Черд. (КСРГСПК).

Кроме слов с корнем *холст-*, это значение имеют слова *деревíна* (*Чё носили на себе раньше — одна деревина, всё портяное*. Емаш-Павлово Чернуш. (СРГЮП 1: 229)); *изгрéбина* (*Изгребину носили. Толстое и не волокнистое, из кудели*. Илаб Сол. (КСРГСПК)); *кондóвина* (*Кондовина —*

толстые холщовые юбки. Илаб Сол. (КСРГСПК)); *отрѣнное* (*Из отрпней ишо носили отрѣнноѣ*. Редикор Черд. (Там же)); *портянина, портянобе* (*Раньше-то одѣжи никакой не было: портянину носили, холщовую одѣжу*. Фоки Чайк. (СПГ 2: 177). *Даг накина [иногда] носят и шиас портеното*. Половодово Сол. (КСРГСПК)). Лексемы *изгребина* и *отрѣнное* производны от слов *изгребѣ* ‘сорт льняного и конопляного волокна, получаемый после отделения «волокна» и «пачесей»’ (Акчим. сл. 2: 11) и *отрпни* ‘отходы после второго чесания льна’ (Акчим. сл. 3: 143). Таким образом, для изготовления одежды использовали не только тонкое волокно, но и отходы переработки льна.

Холщовая ткань была грубой, особенно после стирки. Это нашло отражение в сравнении одежды и дерева: *как беретсто* ‘о твердой, жесткой ткани, одежде’ (*На тракторе робит, даг штаны не знатко. Стирать будешь, даг как беретсто*. Осокино Сол. (СПГ 1: 35)). Одежду из такой ткани называли *деревина* и *кондовина*. В пермских говорах *конда* — ‘большое дерево (обычно сосна) с крепкой высококачественной древесиной’ (Акчим. сл. 2: 58).

Самодельной была не только льняная ткань, но и шерстяная. В пермских говорах фиксируется несколько лексем, обозначающих шерстяные и полушерстяные ткани (*зашерстянка, понитина, сукманина, сукно*). Одежду из таких тканей называли *суконники* (*Зимой суконники носили: юбки шерстяные и штаны*. Уваряж Окт. (СРГЮП 3: 199)); *суконное* (*Мужики на охоту ходили, дык завсегда суконно им налаживали: ни на тряпки она, на суконное была, краска-та*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 5: 161)) и *шерстянобе* (*Она-де на шерсь, ета краска-та. Красить ей надо шерстяноѣ; У меня вот это платье линяет сильно. Шерстяное особенно сильно линяет*. Акчим Краснов. (Акчим. сл. 6: 225)).

Небольшое количество слов обозначает одежду не из дмотканого холста, а из покупной ткани, обычно из хлопка —

бумажное (Теперь хорошо, легко. Раньше всё холщовое, а бумажное только по праздникам. Акчим Краснов. (Акчим. сл.)); *гумажнина* (Раньше у нас гумажнины не было, всё из льна ткали, лённое носили. Осокино Сол. (СПГ 1: 194)); *гумажьё* (Не ткнут нонче, в гумажьё ходят. Семунино Сол. (Там же)); *ситец* (В старину холщовицу носили в будён, а в праздник — ситёц. Редикор Черд. (КСРГСПК)).

Одежда из шелка называлась *шелковьё* (*Шелковьё только по праздникам носили*. Ключи Сукс. (СПГ 2: 548)). Кроме того, одежда из покушной материи также обозначает слово *мануфактура* (*Раньше мануфактуру не носили*. Вёлгур Краснов. (КСРГСПК)). Количество лексем, называющих одежду не из холста, значительно уступает наименованиям самодельной холщовой одежды. Это объясняется объективными причинами: в крестьянском хозяйстве выращивали лен, из него и изготавливали ткани, а затем одежду.

Лексемы, обозначающие одежду из определенной ткани, как правило, образуются от наименований тканей. Большинство подобных слов полисемичны: служат для обозначения как ткани, так и изделий из нее (*мануфактура, портянина, ситец, холст, холщовина, шелковьё* и др.). Некоторые лексемы произведены от наименований тканей при помощи суффиксов *-j-* и *-ина* (*гумажьё, изгребина*). Еще одним способом образования общих наименований одежды является субстантивация прилагательных среднего рода (*отрѣнное, портяное, холщовое, шерстяное*).

В общих названиях одежды есть также группа языковых единиц, объединенных признаком назначения, обычно эту одежду использовали в обрядах. В пермских говорах зафиксированы лексемы и номинативные сочетания, называющие одежду для венчания (*венчальная лопоть, венечное, венчанное, подвенечная лопоть, свадебное*) и похорон (*именье, мёртвая лопоть, покойничья лопь, ряжа, смёртна одѣжа, смёртная лопоть, смёртное, снаряд, смёртная срядя*). Чаще всего к общему наиме-

нованию одежды прибавляется прилагательное или же оно субстантивировуется. Наличие особых языковых единиц для номинации этих видов облачения связано с важностью обрядов свадьбы и похорон в жизни человека. Свадебную одежду часто шили из покупной ткани.

Таким образом, в общих наименованиях одежды выделяется несколько подгрупп, которые мотивированы различными признаками: назначением, материалом, степенью износа. Наиболее многочисленна группа, называющая старую, пришедшую в негодность одежду. Это связано как с тем, что в прошлом жители Пермского края не всегда могли позволить себе купить новую, так и с тем, что людям свойственно в первую очередь замечать отрицательные явления. Пришедшая в негодность одежда воспринимается негативно, часто лексемы с подобной семантикой отрицательно окрашены.

Сокращения названий районов Пермского края

Гайн. — Гайнский	Сол. — Соликамский
Добр. — Добрянский	Сукс. — Суксунский
Ел. — Еловский	Ус. — Усольский
Ильинск. — Ильинский	Чайк. — Чайковский
Караг. — Карагайский	Част. — Частинский
Киш. — Кишертский	Черд. — Чердынский
Краснов. — Красновишерский	Чернуш. — Чернушинский
Кунг. — Кунгурский	Юрл. — Юрлинский
Окт. — Октябрьский	

Литература

Борисова О. Г. Наименования одежды в говорах Кубани // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2003. СПб.: Наука, 2003. С. 108–116.

Вановская Л. А. Семантика русской одежды (на материале тамбовских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.

Калинина М. В. Общие названия одежды в донских казачьих говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 112–117.

Кириллова Т. В. Общие названия одежды в тверских говорах (лингвогеографический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. СПб.: Наука, 2005. С. 195–199.

Климкова Л. А., Назарова И. В. Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 2002. С. 216–224.

Мартыанова В. Н. Лексика, обозначающая украшения, обувь в русских говорах Удмуртии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 2002. С. 228–231.

Недоступова Л. В. Названия мужской крестьянской одежды, обуви и головных уборов первой половины XX века (на материале говора поселка Высокого Таловского района Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 568–576.

Новикова Е. И. Названия одежды в русских говорах Карелии (семантика слова *sak* и его производных) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 2000. С. 92–96.

Осипова Е. П. Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и лингвогеографический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 26 с.

Панова М. В. Наименования одежды в русских говорах Воронежской области (этнолингвистический и ареальный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 22 с.

Морфологическая парадигма слова *путь* в говорах позднего заселения (лингвогеографический аспект)

Т. Ф. Зиброва, О. А. Чеченева

В статье представлены результаты лингвогеографического описания бытования одного из лексикализованных явлений в говорах Самарского края — парадигмы слова *путь*. Самарская область относится к территориям позднего заселения, чем обусловлено ее диалектное типологическое многообразие. Здесь бытуют говоры окающие, акающие среднерусские и южнорусские. Такая уникальная лингвогеографическая картина края обуславливает своеобразное поведение многих диалектных явлений, в том числе переход слова *путь* в категорию женского рода как в синтаксическом, так и в морфологическом проявлении (*жизненную путь, прямой путью*). Особое внимание в работе уделено фиксации бытования в говорах края перехода слова *путь* во второе литературное склонение; прослежены ареалы форм родительного и дательного падежей *путья, путью*.

Ключевые слова: грамматический род, диалектная ограниченность, морфологическое проявление, синтаксический уровень, падежная форма.

Уникальная лингвогеографическая картина Самарского края обуславливает своеобразное поведение многих диалектных явлений. Довольно часто та или иная диалектная особенность, имеющая в говорах центральных областей строго ограниченный ареал бытования, на территории нашей области приобретает междиалектный характер [Зиброва 2013: 503–506]. «Атлас говоров Самарского края» (Зиброва, Барабина) достаточно полно передает специфику бытования системных диалектных явлений как фонетических, так и мор-

фологических (всего в Атласе 64 карты). Однако многие несистемные явления (в том числе лексикализованные) не нашли отражения в Атласе.

В связи с этим интересно проследить поведение отдельных слов (таких как *свекровь*, *мышь*, *путь* и др.) в морфологической системе говоров.

В данной статье представлен результат лингвогеографического изучения парадигмы слова *путь* в самарских говорах. Таким результатом являются составленные нами 4 карты, на которых показаны ареалы различных форм слова *путь*. Карта № 1 отражает переход слова *путь* в категорию женского рода, при этом безотносительно к морфологическому или синтаксическому проявлению такого перехода. На этой карте представлено употребление слова *путь* только по женскому роду, случаи параллельного использования данной лексемы как существительного мужского и женского рода, а также употребление этого слова исключительно по мужскому роду.

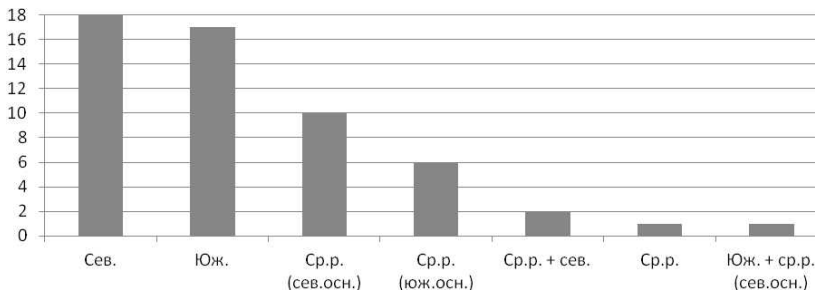

Диаграмма 1

Как показали материалы обследования, резкого различия в бытовании явления перехода слова *путь* в женский род между окающими и акающими говорами нет, следовательно, данное явление не имеет диалектного ограничения. Для наглядности представим это наблюдение в диаграмме 1. На вертикальной оси показано количество сел, в говорах кото-

рых зафиксирован переход в женский род. На горизонтальной оси отмечены типы говора.

Можно лишь заметить, что «полный» переход в женский род наиболее характерен для говоров южнорусских и не зафиксирован в говорах окающих, где, как правило, слово *путь* используется по женскому и по мужскому роду.

На карте № 2 отражен синтаксический уровень перехода слова *путь* в женский род. Данное явление отмечено в материалах по говорам 49 населенных пунктов (из 100 обследованных). Например:

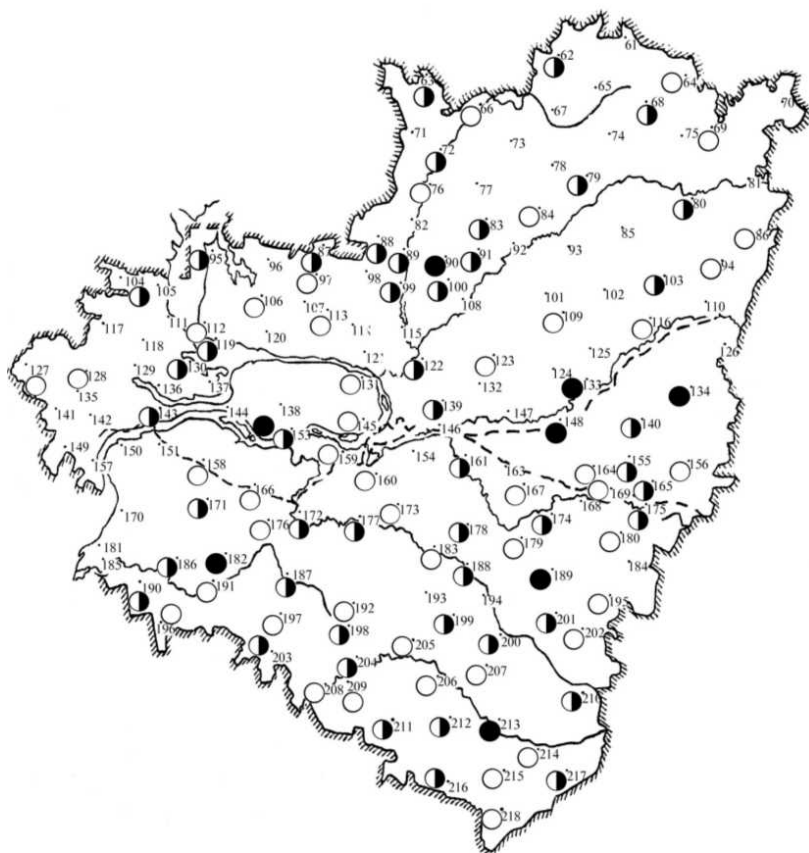
*на этой пути*¹ (Смольково Иса克林ский; 79)²;
по прямой пути (Кожемяки Кинель-Черкасский; 140);
жизненную путь (Натальино Безенчукский; 171);
в дальнюю путь (Воскресенка Клявлинский; 80);
по какой пути (Студенцы Хворостянский; 182);
такая твоя путь (Большая Лозовка Сергиевский; 91);
с той пути — по старой пути — на первой пути (Кротовка Кинель-Черкасский; 148).

На карте № 3 представлена картина перехода слова *путь* в женский род на морфологическом уровне, что проявляется в трансформации падежных форм этого слова (*путёй, путью* и под.). Чаще всего эта трансформация отмечается в творительном и дательном падежах. Например:

прямой путью (Сырейка Кинельский; 139);
вам по пути (Большое Томылово Волжский; 172);
путью, к пути (Подстепки Ставропольский; 119);
той путёй, по пути (Печерское Сызранский; 143);
над путёй, к пути (Августовка Больше-Черниговский; 213).

¹Здесь и далее будет использована упрощенная транскрипция.

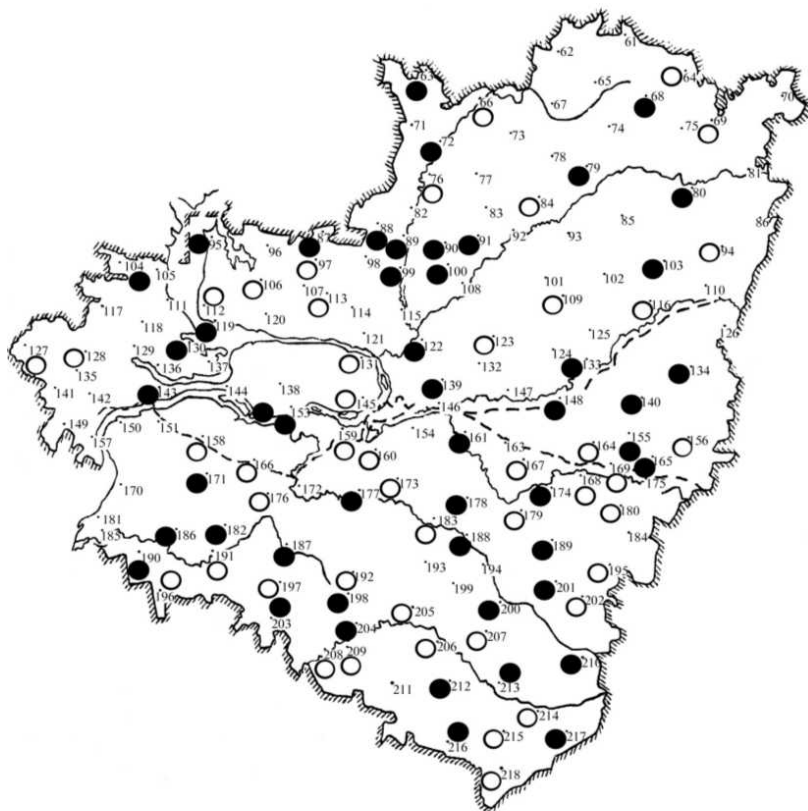
²Здесь и далее после названия села указывается административный район и номер на карте. Номер населенного пункта дается по нумерации, принятой в «Атласе говоров Самарского края» Т. Ф. Зибровой, М. Н. Барабиной. С. 30–43. Эта же нумерация сохраняется на составленных нами картах.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- — ОТМЕЧЕНО УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА *путь* ТОЛЬКО ПО МУЖСКОМУ РОДУ: *путём, по своему пути, длинный путь* и ПОД.
- — ОТМЕЧЕНО УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА *путь* ТОЛЬКО ПО ЖЕНСКОМУ РОДУ: *путью, путей, жизненную путь* и ПОД.
- ◐ — ОТМЕЧЕНО УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА *путь* ПО ЖЕНСКОМУ И МУЖСКОМУ РОДУ: *путью, по своей пути, путём, по своему путию* и ПОД.

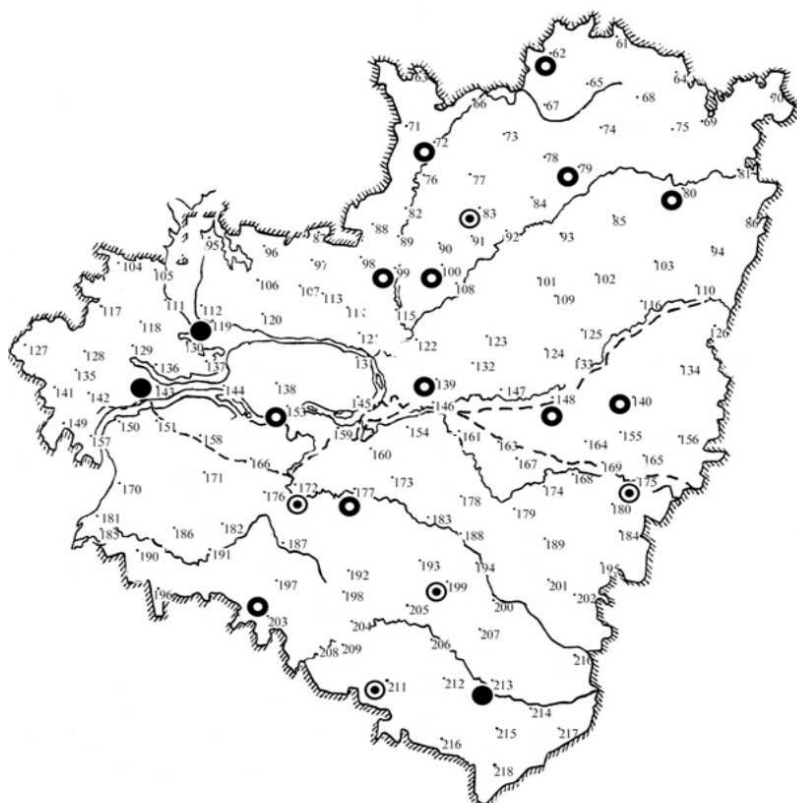
Карта № 1. Переход слова *путь* в категорию женского рода

Условные обозначения

- — отмечено употребление слова *путь* только по мужскому роду: *по своему пути*, *длинный путь* и под.
- — отмечено синтаксическое проявление перехода слова *путь* в женский род: *с той пути*, *жизненную путь* и под.

Карта № 2. Синтаксическое проявление перехода слова *путь* в категорию женского рода

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- — отмечены формы Т.п. *путью* или *путёй*.
- ⊙ — отмечены формы Д.п. *путе*.
- — отмечены формы Т.п. и Д.п. *путью*, *путей*, *пуге*.

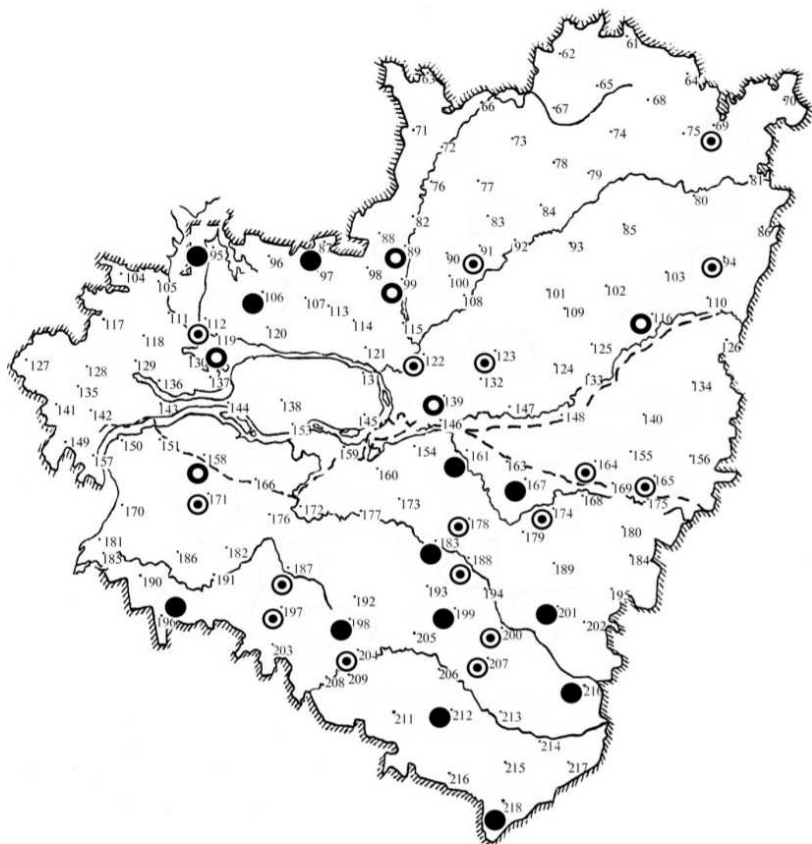
Карта №3. Морфологическое проявление перехода слова *путь* в категорию женского рода

Переходя в женский род, слово *путь* чаще всего принимает словоизменительную парадигму существительных I склонения (отмечено в материалах по говорам 27 сел), реже — III склонения (отмечено в говорах 16 сел). Наиболее последовательно материалы фиксируют переход в I склонение в предложном падеже (*о пути*), при этом форма наиболее распространена в говорах севернорусских. В случае перехода в III склонение чаще фиксируется форма творительного падежа (*путью*).

Особого внимания заслуживает материал, связанный с фиксацией бытования в говорах перехода слова *путь* во II литературное склонение. Оно достаточно частотно — зафиксировано в говорах 36 сел из 100 обследованных. Этому явлению посвящена **карта № 4**.

Как известно, во многих современных говорах система именного склонения литературного языка осознается как избыточная. Разрушению подвергается прежде всего III склонение, слова данного типа чаще переходят в группу существительных I склонения (*мысля, болезнь, свекровья; в грязи, к площади* и т. д.). Можно сказать, что для диалектов характерна тенденция к объединению существительных определенного рода в одном типе склонения.

В древнерусском языке система склонений имен существительных была представлена шестью типами. Слово *путь* относилось к типу склонения с основой на *-ĭ, который рано начал разрушаться. Это разрушение заключалось в объединении слов мужского рода мягкой разновидности склонения с основой на *-ǫ и слов мужского же рода склонения с основой на *-ĭ [Борковский, Кузнецов 2006: 189]. Однако слово *путь* до сих пор сохраняет формы своего старого склонения. Ученые связывают это с книжным характером его употребления, а в разговорной речи более употребительным является слово *дорога* [Иванов 1964: 296; Горшкова, Хабургаев 1981: 168].

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- — ОТМЕЧЕНА ФОРМА Д.п. *путь*.
- — ОТМЕЧЕНА ФОРМА Р.п. *путя*.
- — ОТМЕЧЕНЫ ФОРМЫ Д.п. и Р.п. *путь* и *путя*.

Карта № 4. Переход слова *путь* во II тип склонения

Материал исследования не дает возможности полностью зафиксировать целую парадигму в говоре одного села, но в совокупности в материалах говоров нескольких сел она может быть представлена: *путь, путя, путю, путь, путём, путё*. Приведем примеры:

к путю, в путю (Савруха Похвистневский; 116);

нет путя, к путю (Нижнее Санчелеево Ставропольский; 106);

счастливого путя, к большому путю (Малая Малышев-ка Кинельский; 167).

Особенно интересна форма *путю*. Подобное окончание в предложном падеже в литературном языке может иметь лишь небольшое количество слов мужского рода II склонения в сочетании с предлогами *в* и *на* в пространственном (местном) значении. Окончание [-у] является вариантным по отношению к флексии [-е] и является наследием старого склонения с основой на *-*ў*, которое было утрачено в результате его объединения со склонением с основой на *-*ѣ* [Борковский, Кузнецов 2006: 187].

На диаграмме 2 отображен переход слова *путь* во II склонение. Вертикальная ось на данной диаграмме означает количество населенных пунктов, в говорах которых отмечен переход слова *путь* во II склонение, на горизонтальной оси отмечены типы говоров.

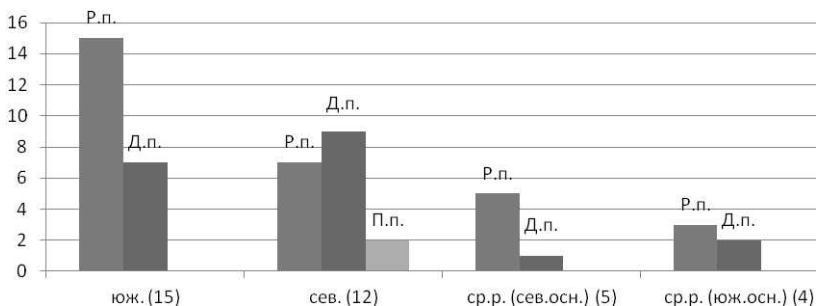

Диаграмма 2

Переход слова *путь* во II склонение наиболее характерен для южнорусских и частично фиксируется в севернорусских говорах. А также можно отметить, что такой переход наиболее часто находит своё выражение в формах родительного падежа.

В реальном говоре может присутствовать и одновременный переход в **несколько типов** склонений. Приведем примеры:

по длинному пути, нам не по путё, какой пúтью, об этой пúти (Подстёпки Ставропольский; 119);

по пúтиб, прямой пúтью, в путё застрял, плохая пúтя (Сырейка Кинельский; 139).

Переход слова *путь* в другие типы склонения практически в равной степени представлен в материалах всех типов говоров, т. е. на территории края данное явление не имеет диалектного ограничения.

Изучение и описание перехода слова *путь* в категорию существительных женского рода, а также в классы слов I, II и III склонений даёт представление не только об особенностях развития диалектной морфологической системы, но и показывает сложные пути исторического формирования морфологической системы русского национального языка.

Литература

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006. 512 с.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М.: Высшая школа, 1981. 359 с.

Зиброва Т. Ф. Динамика диалектных систем на территории позднего заселения (лингвогеографический аспект) // Русская диалектология: хрестоматия научных текстов и учебных заданий / Сост. О. В. Васильева, И. С. Лутовинова / Учебно-методический комплекс по курсу «Русская диалектология». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 503–506.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1964. 452 с.

Названия непропечённого хлеба в воронежских говорах

Т. В. Карасёва

В статье анализируются воронежские диалектные лексемы, обозначающие непропечённый хлеб: обозначается ареал их распространения, выясняются этимология и основные мотивировочные признаки, выявляется воронежская лексика узколокального характера.

Ключевые слова: непропечённый хлеб, воронежские говоры, тематическая группа, лексика, этимология, ареал, узколокализм.

В русских говорах, в том числе воронежских, фиксируется большое количество наименований хлеба, который считается негодным к употреблению в пищу, имея в своём мякише влажный слой, обычно во внутренней части или у нижней корки. Его собственно диалектные названия и стали предметом нашего исследования, материалом для которого послужили данные картотеки «Словаря воронежских говоров», хранящейся на кафедре славянской филологии Воронежского государственного университета, и картотеки Центра региональных лингвистических исследований при кафедре теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного университета, а также опубликованные научные работы [Кривова 1991; Недоступова 2013; Торощев 1954; Херольянц 1966; Шестакова 1967] и полевые записи автора.

Известно, что «поиск и рассмотрение новых слов, которые могут быть возведены к данному корню, обеспечивают возможность установления новых этимологий, основывающихся на совокупности этимологических связей в рамках целого данного гнезда» [Мельничук 1969: 58]. Многие из воро-

нежских названий непропечённого хлеба восходят к праславянскому корню ***klekь**. Учёные отмечают, что «для гнезда ***klekь** характерны значения с негативными коннотациями» [Галинова 2000: 18]. Так, во 2-ом издании словаря В. И. Даля находим: **клёкнутъ** ‘вянуть и повиснуть; сохнуть и черстветь; обветривать, дряблеть’; **клёклый** ‘заклёклый, вялый’; **клёк** ‘что-либо сухое или твёрдое, крепкое, жёсткое, заскозлое, зачерствелое’ (Даль 2: 117).

В воронежских говорах глаголы с рефлексами праславянского корня ***klekь** имеют, с одной стороны, семантику ‘стать твёрдым, густым, засохшим’ — например, **клёкнутъ**: 1) ‘затвердевать, покрываться твёрдой коркой (о хлебе)’ (СРНГ 13: 276); 2) ‘застывать, густеть, подсыхать’ (Борис.) (там же); **заклёкнутъ**: 1) ‘засохнуть, затвердеть’ (*Пашня фся заклёкня*. Б.ВРК. Рам.; *Её (землю) фспашыли — ана заклёкнитъ: корка абразуйтца твёрдая*. БРД. Аннин.; *Хлеп заклёкнул*. В.КЛБЛ. Липецк.; *Зимля заклёкла ат сильных дажжсей*. ЛМВ. Рам.; *Ат жары зимля заклёкла*. СВР. Тал.; *Посли даждя зимля заклёкла*. СВР. Тал.; *Заклёкла (знач.?) зямля*. СМД. Хохол.); 2) ‘затвердеть (на морозе)’ (*Зимля заклёкла*. ДРК. Лиск.); 3) ‘затвердеть на морозе (о грязи)’ (Нж.-Дев.) (СРНГ 10: 131); 4) ‘загустеть’ (*Пашлёпка долга стаить — уи нябось заклёкла*. ВШЛ. Липецк.); **уклёкнутъ**: 1) ‘высохнуть, сделаться твёрдым’ (СРНГ 47: 67); 2) ‘засохнуть, затвердеть’ (*Дош пашол — уклёкня*. Б.ВРК. Рам.); 3) ‘затвердеть (о грязи, каше и т. п.)’ (ИСТ. Нж.-Дев.) (Поликарпов 1913: 69).

С другой стороны, глаголы с рефлексами корня ***klekь** в воронежских говорах имеют значение ‘стать жидким, мягким, вялым’, ср.: **клёкнутъ** ‘вянуть’ (*Плоха, дажжса нет: фсе клекня*. Б.ПРВ. В.-Хав.); **заклёкнутъ**: 1) ‘размокнуть’ (*Заклёкла зимля: сильными дажжсы*. БРД. Аннин.); 2) ‘звянуть’ (*Палила капусту: ана заклёкла — ни разабъеш*. Б.ВРК. Рам.); 3) ‘не подойти (о тесте)’ (*Бывает, ни падайдёт пу-*

тём — заклёкнит. КЧТ. Хохол.); 4) ‘захудать; оплошать’ (*Так и заклёк, сердяга.* Нж.-Дев.) (СРНГ 10: 131).

Среди воронежских существительных и прилагательных, обозначающих непропечённый хлеб, можно отметить следующие варианты с рефлексами праславянского корня ***klekь**.

1. Клёк-: *клёклый* (*Хлеп клёклый — липнуть ва рту.* ДРК. Лиск.; *У нявестки весь хлеп клёклый.* Н.ГЛ.ЕЛН. Гриб.; *Аладьи у мене палучились клёклые.* ТД. Пан.; АНШ. Лиск., ГДВ. Семил., ДВД. Лиск., НЖ.МРН. Лиск., ХРН. Бобр.). У В.И. Даля *клёклый* ‘заклёклый, вялый’ (Даль 2: 247, 116); в русских диалектах *клёклый хлеб* — ‘непропечённый хлеб, сырой и твёрдый’ (пенз., урал.) (СРНГ 13: 276). Отметим, что в воронежских говорах слово *клёклый* может иметь и противоположные значения: ‘жёсткий, твёрдый, чёрствый’ (*Сухари клёклыми.* ДРК. Лиск.); ‘затвердевший, с твёрдой корочкой’ (*Клёклый хлеп какой-та.* КЧТ. Хохол.); ср. также *заклёклый* ‘засохший, затвердевший’ (*Заклёклая зямля без дажда.* ТД. Пан.). Ещё одно воронежское слово — *клёк* — обозначает лучшую часть кушанья (Борис.) (там же: 275). У В.И. Даля также находим *клёк* — ‘отборный, лучший товар, первый сорт’, при этом автор отмечает: «В какой связи слово *клек* с глаголом *клекнуть* и с прилагательным *клёвый*, и куда отнести различные значенья его, решить не смею» (Даль 2: 117). В русских говорах *клёк* и *самый клёк* характеризуются энантиосемией: это и ‘лучшая, отборная часть кого-, чего-либо’ (сарат., калуж., дон., урал., тамб.), и ‘худшая часть кого-, чего-либо’ (перм., калуж.) (СРНГ 13: 275).

2. (К)ляк-: *альякушек* (*Сварила, испикла алякушки.* МЧТ. Бобр.; *Снаха-та напаякётъ вечна каких-та алякышкаф!* Н.ГЛ.ЕЛН. Гриб.); *клякиши* (*Клякиши дапекать придётся М.СМВ. В.-Хав.*); *ляка* (*Хлебы мая бапка ни магла печь: у ниё фсё ляка палучалась.* ДРК. Лиск.); *лякушек* (*Лякушки — ды хлеп сырой.* МЧТ. Бобр.); *лякушка* (*Лякушка — хлеп приляная к зубам, рукам — непрапячённый.*

СТ.ТД. Аннин.); *кляквый* (*У иных людей сырой хлел, кляквый*. ПЧЛ. Бобр.); *клякльый* (*Нынча хлел клякльый привязла*. ППВ. Липецк.). Слово *алякушек* в воронежских говорах имеет также значение ‘плохая, невкусная лепёшка, оладья’ (*Пажынились, йисть нечива — я напяку каких-нить алякушкаф, ды и фсё*. АРХ. Аннин.). В русских диалектах *алякушки* ‘плохие, невкусные оладьи, лепёшки’ (пенз.) (СРНГ 1: 248); *клякиш* ‘клеякий комок’ *Непропечённый хлеб во рту становится клякишем* (твер.) (СРНГ 13: 329); *клякльый* ‘сырой, непропечённый и твёрдый (о хлебе и других изделиях из муки)’ (калин., ряз.) (там же: 276). Кроме того, в украинских говорах Воронежской области в значении ‘сырой, непропечённый хлеб’ встречается слово *лякуш* (*Ми їли просто лякуш, а не хліб*. СТ.МЛВ. Петр.). Приводя многочисленные похожие названия неудавшегося хлеба в московских говорах: *алякиш, алякушки, валякуш, клякиш, клякуша, клякуши, клякушки, кляхта, лякушки, слякушки* [Войтенко 2000: 74], *лякуш* [Войтенко 2007: 33], — учёные отмечают, что эти названия «имеют много общего, с одной стороны, с понятием *ляпать*, сделать кое-как, как-нибудь (отсюда и плохое качество хлеба), а с другой стороны, они сближаются с понятиями *горбатый, кривой, согнутый*, которые передаются одним словом *ляжий*», что говорит о внешнем виде неудавшегося хлеба [там же: 34]. Однако в словаре В. И. Даля номинатив *алякиш* ‘недопечённый хлеб, полусырой, с закалом; мякиш; ком теста’ (твр., пен.) приводится в отдельной статье (Даль 1: 14), несмотря на то, что в нём имеется статья *ляжий* ‘горбатый, сутулый, согнутый’ (Даль 2: 291). В связи с этим, по нашему мнению, указанные названия непропечённого хлеба восходят не к **lęk* (Фасмер 2: 550), а к **klekь*.

3. Глев-: *глёвкий* (ЛМВ. Рам.). Слово *глевкий* бытует в украинских говорах Воронежской области (*Глевкий хліб — дуже рано витягла*. СТ.ТЛЧ. Богуч. (Авдеева 2008: 93); *Ти уп’еть хліб глевкий спикла*. БЧК. Петр.), а также в украин-

ском литературном языке в значении ‘клейкий, вязкий, недопечённый (о хлебе)’ (Грінченко 1: 288).

4. Глив-: *глівак* (*На этот рас гливак палучилсь. СТ.ЭРТ. Эрт.*). В украинских говорах Воронежской области зафиксировано прилагательное *гливкий* (*Гливкого хліба напикла ЗМС. Петр.; Хліб цей раз палучівсья гливкий. МРЧ. Ольх.*) (Авдеева 2008: 93).

Рассмотрим также прочие названия непропечённого хлеба в воронежских говорах.

Клейковина: *Купиш, а он клейкавина, сырой, нипрапачёнай — яго їсть не наляжыш* (не будешь есть — из-за очень плохого качества). ТАЛ. [Недоступова 2013: 436]. Номинация образована путём метафории от слова *клейковина*, однако не в общенародном значении ‘белковое вещество, содержащееся в зёрнах пшеницы, ржи и некоторых других злаков’ (МАС 2: 56), а в значении ‘клей’, так как «хлеб не режется, не крошится, а прилипает к ножу, как будто приклеивается, тянется за ножом в период резки» [Недоступова 2013].

Лелюха: *Такую лилюху и свинья ни треская!* НКЛ. Аннин.; *Ну, што испикла? Настоящая лилюха! Брось по палу — пакотитца и ни разабьётца. Хлеп ыспикуть, бувала, — ну, апят, какии никудышныи — вот, ы сырой, называитца: «Ну, што изделала? Лилюха!» — сырой там, мажытца, лепитца.* ЧРК. Липецк. **Лелюшка:** *Штой-та хлебаф многа пастанавила... ды лиж бы добрыи были, а то ни дай бох лялюшки напякёш.* НЖ.КРЧ. Гриб. [Кривова 1991: 130]; *Пякли кавреги-лялюшки.* ПТР. Пан.(?). Данное слово в воронежских говорах имеет ещё значение ‘разновидность оладьи’ (*Пикли лялюшки — как оладьи.* ВСКР. Борис.). Отмечаются также лексемы *телелюшка* ‘сырая лепёшка’ (*И тиллюшки ели.* АРТ. Аннин.); *телюлюшка* ‘неудачно испечённая оладья и пр.’ (КРШ. Бобр.). Все эти слова можно рассматривать как «видоизменённые возгласы припева “Аллилуйя”» [Дубровина 2003: 107], который «в сла-

вянской народной традиции в большинстве случаев десемантизирован, внешне (фонетически) видоизменён, приближен к междометию, иногда превращён в название ритуала, группы лиц, его совершающих, ритуального предмета, ритуальной еды, костра и даже нечистого места и нечистой силы» (СД 1: 100); ср. *лёлюшки* ‘словечко припева в песнях’ (ворон.) (СРНГ 16: 346). Однако если сопоставить указанные лексемы с *лелякии* ‘непропечённая часть хлеба; закал’ (твер.) (там же), то можно предположить их связь с праславянским корнем **klekъ*: *лелякии* → *лелюха* → *лелюшка*.

Ляпушка: *Печка гарит плоха, вот ы палучаютца ляпушки*. МХЛ.2 Пан. Это же слово в воронежских говорах может обозначать лепёшку (*Ляпушки из либиды делали, на ваде делали*. ВСКР. Борис.) и пышку (*Пижла ляпушки*. КЗЛ. Терн.; Н.ТРЦ. Терн.). Данная лексема восходит к *лѣпать* ‘делать что-либо наспех, кое-как, небрежно’ (МАС 2: 212); вполне возможна и следующая цепочка: *алякушка* → *аляпушка* (слово *аляпушки* в значении ‘неудавшийся хлеб’ зафиксировано, к примеру, в московских говорах [Войтенко 2000: 74]) → *ляпушка*.

Слово *мазіка* — ‘о сыром, плохо пропечённом хлебе, жидкой каше, водянистой картошке и т. п.’ — бытует также в рязанских говорах (СРНГ 17: 276). Лексемы *мазаковѣтый* (СЛД. Остр.) и *мазіковый* обладают семантикой ‘водянистый, вязкий (о хлебе, каше и т. п.)’ (там же: 296). Последняя имеет также значение ‘жидкий (о каше)’: *Мазикавая каша — эта праховая, никакой разнаты нетути*. КАШИР.; БВ. Кашир., КЛИМН. Кашир., МСКВ. Кашир. [Херольянц 1966: 294]. В русских говорах *мазіковый* ‘водянистый, вязкий (о хлебе, каше и т. п.)’ (ряз., ульян.), ‘сырой, плохо пропечённый (о хлебе)’ (тамб.) (СРНГ 17: 296). *Мазня* (СТП. Рам.); *размазня*: *Хлеп щас разныи пякуть часники — это фкуснай делаю, а што и размазню пикеть*. ТАЛ. [Недоступова 2013: 436]. Слово *мазня* известно в русских говорах в значении ‘недопечённый пирог’ (волог.) (СРНГ 17: 298).

Указанные лексемы связаны с глаголом *ма́зать* ‘пачкать при прикосновении (разг.)’ (МАС 2: 215), который характеризует одно из свойств непропечённой части хлеба; ср. также *мазю́кать* ‘делать что-либо медленно, неловко, неаккуратно, размазывая грязь (например, плохо мыть пол)’ (курск., тул.) (СРНГ 17: 301). Что касается второго из приведённых выше слов, то оно возникло путём метафории от *размазня́* ‘жидкая каша, кашпица, зава́ра’ (Даль 4: 31), ‘жидкое кушанье’ (Липец.) (СРНГ 34: 10), ‘жидкая каша’ (МАС 4: 612).

Рыхлый́: *Рыхлый́ хле́п палу́чился — ни прапе́кся, сырой*. МЧТ. Бобр. У В. И. Даля находим эту лексему в противоположном значении — в сочетании *рыхлый́ па́пушник* ‘губчатый, хорошо поднявшийся’ (Даль 4: 116), ср. *папушник* ‘всхожий мягкий домашний пшеничный хлеб, булка; пирог’ (сев.), ‘калач’ (вост.) (Даль 3: 13). Номинация образована с помощью метафорического переноса от *рыхлый́* ‘неплотный, рассыпчатый, мягкий’ (МАС 4: 747).

Прилагательное *слёглый́*, имеющее значение ‘приплюснутый, сырой, тяжёлый (о плохо пропечённом хлебе)’ (*Ах, как жаль, хле́б-то вы́шел слёглый́, пло́хо пропе́кся, ма́ло в печи́ жа́ру было́*. Липец. (СРНГ 38: 245)), бытует также в вологодских говорах (там же). Оно восходит к глаголу *слежа́ться* ‘от долгого и плотного лежанья в куче сбиться в комья, сваяться, слипаться’ (Даль 4: 224).

Сырь: *Сырь́ адна палу́чилась*. Н.СЛД. Реп. О чём-либо недоваренном, недопечённом говорят *с сы́рю*: *Никогда́ до́бром не испе́кёшь: то подо́жгёшь, то с сы́рю* (СРНГ 43: 170). Это выражение бытует также в донских говорах (там же). Номинация образована путём метонимии от *сырь* в значении ‘сырость’.

Отметим также фразеологизмы *как на солнце́ печённый́* (*Хле́п си́годня — как на со́нце пи́чённый*. Н.КРЛ. Аннин. [Шестакова 1967: 326]; *Бу́ханка — как на со́нцы пи́чёная*. Без указ. места [там же]); *хоть ко́нчиков ле́пить* (*Нипра́пличе́нный — гава́рят «ху́ть ко́ныкаф ли́пить»*. РБШ. Аннин.).

Слова *закáлец* (*Ну и хлеп: закальца на два пальца!* КРШ. Бобр.) [Торопцев 1954: 565] и *закáльчик* (КРШ. Бобр.) [Там же: 555] обозначают саму непропечённую часть хлеба. В украинских говорах Воронежской области встречается лексема *закáлець*: *З закальцем хліб*. СТ.ТЛЧ. Богуч. (Авдеева 2008: 133). Это уменьшительно-ласкательные формы общенародного слова *закáл* ‘непропечённый, сырой слой в хлебе у нижней корки’ (МАС 1: 525), имеющего отглагольное происхождение.

Итак, обилие номинаций непропечённого хлеба свидетельствует о широкой распространённости продукта с указанным дефектом. Многие его воронежские названия содержат рефлекс праславянского корня *клекъ (*клёкльый; алякушек, кляквый, клякиш, клякльый, ляка, лякушек, лякушка; глевкий; гливак*). Другие наименования имеют мотивировочные признаки, указывающие на такие его важнейшие особенности, как консистенция (*клејковина, мази́ка, мазаковатый, мазиковый, мазня, размазня, рыхлый, слёглый, хоть коников лепить*), наличие влаги (*сырь*) и способ приготовления (*закалец, закальчик, как на солнце печённый, ляпушка*). Отметим также, что довольно много названий можно отнести к воронежским узколокальным (*глевкий, гливак, закалец, закальчик, как на солнце печённый, клейковина, кляквый, лелюха, лелюшка, ляка, ляпушка, мазаковатый, размазня, рыхлый, хоть коников лепить*).

Условные сокращения названий населённых пунктов

АНШ. — Аношкино	БВ. — Боево
АРТ. — Аргюшкино	БРД. — Бродовое
АРХ. — Архангельское	БЧК. — Бычок
Б.ВРК. — Большая Верейка	В.КЛБЛ. — Верхняя Колыбелка
Б.ПРВ. — Большая Приваловка	

ВСКР. — Воскресёновка

ВШЛ. — Вешаловка

ГДВ. — Гудовка

ДВД. — Давыдовка

ДРК. — Дракино

ЗМС. — Замостье

ИСТ. — Истобное

КАШИР. — Каширское

КЗЛ. — Козловка

КРШ. — Коршево

КЧТ. — Кочетовка

ЛМВ. — Ломово

М.СМВ. — Малый Самовец

МРЧ. — Марченково

МСКВ. — Московское

МХЛ.2 — Михайловка 2-я

Н.ГЛ.ЕЛН. — Новогольельань

Н.КРЛ. — Новый Курлак

Н.СЛД. — Новосолдатка

Н.ТРЦ. — Новотроицкое

НЖ.КРЧ. — Нижний Карачан

НЖ.МРН. — Нижнее Марьино

НКЛ. — Николаевка

ППВ. — Поповка

ПТР. — Петровское

ПЧЛ. — Пчелиновка

РБШ. — Рубашевка

СВР. — Свердлово

СЛД. — Солдатское

СМД. — Семидесятное

СТ.МЛВ. — Старая Меловая

СТ.ТД. — Старая Тойда

СТ.ТЛЧ. — Старотолучеево

СТ.ЭРТ. — Старый Эртиль

СТП. — Ступино

ТАЛ. — Таловая

ТД. — Тойда

ХРН. — Хреновое

ЧРК. — Черкассы

Условные сокращения названий районов и областей

Аннин. — Аннинский

Бобр. — Бобровский

Богуч. — Богучарский

Борис. — Борисоглебский

В.-Хав. — Верхнехавский

Гриб. — Грибановский

Кашир. — Каширский

Липецк. — Липецкая обл.

Лиск. — Лискинский

Нж.-Дев. — Нижнедевицкий

Ольх. — Ольховатский

Остр. — Острогожский

Пан. — Панинский

Петр. — Петропавловский

Рам. — Рамонский

Реп. — Репьёвский

Семил. — Семилукский

Тал. — Таловский

Терн. — Терновский

Хохол. — Хохольский

Эрт. — Эртильский

Литература

Войтенко А. Ф. Московская диалектная лексика в ареальном аспекте. М.: Моск. пед. ун-т, 2000. 318 с.

Войтенко А. Ф. Что двор, то говор. 2-е изд., доп. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2007. 204 с.

Галинова Н. Г. Этимолого-словообразовательные гнёзда праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить' в говорах Русского Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 19 с.

Дубровина С. Ю. Обычаи застолья в свете традиционной духовной культуры // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: мат-лы II Всерос. науч. конф. (Воронеж, 1–2 ноября 2003 г.). Воронеж: ВГПУ, 2003. Ч. 1. С. 98–107.

Кривова Н. И. Структура и функционирование экспрессивно-оценочных существительных суффиксального образования в говорах восточной группы южнорусского наречия: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991. 257 с.

Мельничук А. С. Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология 1967: Мат-лы межд. симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии» (24–31 января 1967 г.). М.: [Наука], 1969. С. 57–67.

Недоступова Л. В. Пища и её приготовление в говоре посёлка городского типа Таловая Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 425–440.

Торопцев И. С. Суффиксальное словопроизводство имён существительных в говоре с. Коршева Бобровского района Воронежской области: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1954. 631 с.

Херольяниц Р. В. Лексико-семантическая характеристика говора сёл Каширского, Коломенского, Московского Новоусманского района Воронежской области: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1966. 356 с.

Шестакова Е. Н. Устойчивые словосочетания в говорах Воронежской области (на материале говоров Аннинского района): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1967. 351 с.

Семантические и мотивационные особенности наименований свињи в орловских говорах

Е. В. Королева

В данной статье рассматриваются номинации свињи в орловских говорах. Материалом для работы послужили данные Словаря орловских говоров. Полученный материал классифицируется по разным семантическим группам. Делается вывод о том, что в основу наименования свињи в орловских говорах положены как классифицирующие, так и характеризующие признаки, что обуславливает существование большого числа номинаций.

Ключевые слова: лексема, лексико-семантическая группа, номинация, говоры, классификация.

Собранный диалектный материал обращает наше внимание на наименования свињи, домашнего животного, широко распространенного среди местного населения. Если лошадь служила рабоче-тяговой силой в хозяйстве, корову держали, чтобы обеспечить семью молоком и молочными продуктами, то свињу выращивали для получения мяса, сала, щетины, шкуры. Материалом для работы послужили данные Словаря орловских говоров (СОГ).

В литературном языке существуют слова *свињья*, *поросёнок*. *Свињья* — ‘парнокопытное млекопитающее, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, щетины, шкуры’; *сви́нка* — уменьш.-ласк. к *свињья*; *свинёнок* — ‘детёныш свињи, молодая свињья’; *Поросёнок* — ‘детёныш свињи, молодая свињья’; *поросёночек* — уменьш.-ласк. к *поросёнок*. Разделение по гендерному (половому) признаку в литературном языке не выражено.

Наблюдения над языковым материалом Словаря орловских говоров показывают, что признаки, которые легли в ос-

нову деления лексических единиц на подгруппы, разнообразны. В речи орловских жителей активно функционируют фонетические варианты существительного *поросёнок*: *порисёнок*, *порысёнок*, *порсёнок*, *поросёнок* — Толстый пзри-сёнзк, што аслятзк. Распространены также лексемы *парсёнок*, *прасёнок*, *прысёнок* со значением ‘домашнее животное свинья’: *Парсят усю жысть рззважу*. Совмещение в одной номинации значений молодого и взрослого животного мы наблюдаем в таких лексических единицах как: *порося* ‘поросёнок, свинья’ *Пайдю пзрасям дам корм*. По данным Словаря современного русского литературного языка, *порося* устар. и простореч. ‘детёныш свиньи, молодая свинья’. Диалектные слова *парасюк*, *парасюк* имеют значение ‘домашнее животное свинья’: *На базари купилз пзрасука*. Отмечена лексема *прысй* в значении ‘домашнее животное свинья’, употребляющаяся только во множественном числе: *Пайдю-ка я прысей нзкармлю*. (СОГ 11: 122). В Словаре русских народных говоров данная лексема не зафиксирована, поэтому ее можно считать собственно орловской.

Наши наблюдения подтверждают слова Л. И. Лариной в статье «Наименования свиньи в курских говорах»: «в хозяйстве самца свиньи держат как производителя потомства или источник мяса, поэтому важным оказывается его физиологическое состояние. В речи носителей говоров отражена дифференциация некастрированных (оставленных на производство потомства) и кастрированных (предназначенных “на мясо”) животных» [Ларина 2011: 322].

Так, для обозначения производителя потомства в орловских говорах употребительна лексическая единица *жакан* ‘некастрированный самец домашней свиньи, кабан’: *Жакан* — *никастрирзвзнный кабан*. Указанное обозначение, зафиксированное в орловских говорах, носит региональный характер, поскольку отсутствует в толковых и сводных диалектных словарях. Отмечены лексемы *пброз* ‘самец домашней свиньи’ (*Порзс исхудал весь, ничаво ни жрёт*), *харяк*

‘самец домашней свиньи’ (*Харяк здаравейт с каждым днём*), *хрячѡк* ‘молодой самец свиньи’ (*Купили мы нѡ базаре аднѡво хрячка*). Номинация *хряк* имеет в говорах два значения: 1. Некастрированный самец свиньи (*У хрякѡ мясѡ ни вкуснѡя*). 2. Кастрированный самец свиньи, откармливаемый на убой, боров (*У сасѡда хряк здаровый, крепкий*). Нужно отметить, что на территории Орловской области лексема *хряк* чаще употребительна в значении ‘некастрированный самец свиньи’, видимо, потому, что важно выращивать данное животное не «на мясо», а для потомства. В Хотынецком районе Орловской области наименование кастрированного самца домашней свиньи представлено диалектным словом *нутрѡц*. Словарь русских народных говоров содержит данную лексему, употребляющуюся в том же значении в курских говорах.

В связи с важностью мясного направления в животноводстве кастрирование домашних животных с древних времён приобрело большое значение. Животных, подвергшихся данной операции, принято называть *кастрированными*, что зафиксировано в Словаре современного русского литературного языка. Процесс кастрирования самцов в говорах характеризуется глаголами *подрѡзатъ* (*Нынчи летѡм хрякѡ маво подрѡзли*); *легчатъ*, *слегчатъ*, *слегчить* ‘удалить половые железы у животных; кастрировать’ (*Этѡт свин подрѡзанный, ну слихчанный, скастрирѡзанный*). Литературному языку известен глагол *легчить*.

Отмечены диалектные номинации *свѡн*, *харяк* ‘самец свиньи’: *Уи такой летѡсь был свин здаровый. Харяк здаравейт с каждым днѡм*. Лексема *вѡпръ* встречается только в Свердловском районе Орловской области в значении ‘домашнее животное свинья’: *Бувалѡца завѡш вѡпря хрю-хрю-хрю, а он лазитъ себе нѡ крапиве*. В литературном языке данное существительное имеет значение ‘дикий кабан’. Возможно, такое употребление существительного объясняется тем, что домашняя свинья — одна из разновидностей диких животных, прирученных человеком много лет назад, поэтому

лексема в таком значении сохранилась, но редко употребительна. Более вероятно то, что произошёл метафорический перенос из литературного языка в диалект. Как известно, при метафорическом переносе «наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление на основании их сходства» [Шмелёв 2004: 94].

Широко и часто употребительными являются однокоренные лексемы, имеющие толкование ‘домашнее животное свинья’ — *хрюша, хрюшка, хрюля, хрючка, хрюта*: *Хрюля нз агарот залезла. Маи хрючки-тэ зббалели*. Данные лексемы обладают прозрачным мотивационным признаком и произошли от звукоподражательного *хрю-хрю*. Номинации *хрюкало, хрюкач* имеют значение ‘домашнее животное свинья’ и являются диалектными дериватами от глагола *хрюкать* ‘кричать по-свиному, отрывисто’: *Хрюкачей я и сийчас диржу, правда, ни памногу, как раньше*. Таким образом, в представленных выше номинациях для нас важно и их значение, и способ образования.

Распространены лексемы *зюта, зютка, зётка* ‘поросёнок, свинья’: *Усех я нзкармила: и авец, и зюту*. По данным Этимологического словаря русского языка М. Фасмера, *зютка* — «подзывание поросят, калужск. Темное слово». Данная лексема отмечена в Словаре русских народных говоров как употребляющаяся в Калужской области в значении ‘поросёнок, свинья’.

В Верховском районе Орловской области зафиксирована лексема, называющая самку свиньи — *топчунья* ‘домашнее животное свинья (о самке)’: *А топчуню пара и резгть*. Данная номинация, ввиду отсутствия в диалектных словарях, относится к региональным образованиям. Бытует ошибочное мнение, что свиньи имеют пристрастие топтаться и валяться в грязи. На самом деле таким образом они избавляются от избытка солнечных лучей и от кожных заболеваний: высыхая, грязь отпадает вместе с паразитами. Можно предположить, что существительное *топчунья* образовалось от гла-

гола *топта́ть* ‘кого-то, что-то. Давить, мять ногами’, или от *топта́ть* ‘оплодотворять самку (применительно к животным)’ (*перен., разг.-сниж.*).

В орловских говорах встречаются диалектные номинации: *дю́шка, чу́шка, хавро́ша* ‘свинья’: *Нэкарми пайди дюшку. Вот так хавроша.* Слова *дю́шка, чу́шка*, ввиду отсутствия в литературном языке, можно отнести к региональным образованиям. В Словаре русских народных говоров находим существительное *дю́жка*, встречающееся в Псковской области в значении ‘поросёнок’.

Важной биологической особенностью домашней свиньи является высокое многоплодие и хорошие материнские качества свиноматок. Существует ряд слов, связанных с появлением потомства у свиньи. Словарь орловских говоров неоднозначно определяет лексему *порóсная*: 1. Беременная (о свинье). *Большая свинья, ана ш пароснзя.* 2. Способная рождать детёнышей (о свинье). *Купить ни пароснюю свинью, што делзть.* Проводя параллель с литературным языком, заметим, что лексема *порóсная* в значении ‘беременная. О свинье’ встречается в Большом академическом словаре русского языка.

Антонимичной данной является лексема *непорóсная*, употребляющаяся в двух значениях: 1. Такая, от которой не будет поросят (о свинье). *Нипароснзя — бесплоднзя што ль.* 2. Не вынашивающая в себе плод (о свинье). *Свинья ни пашла в заво́т — нипароснзя, абабилзсь — ана пароснзя.*

Роды у свиноматки — это очень ответственный момент для хозяина и животного. Процесс родов характеризуется лексемой *почи́н, почи́нать* ‘проявлять признаки скорых родов (о самках домашних животных)’: *Свинья пччи́нать хврашо.* Лексическая единица *роди́ны* употребляется в говорах со значением ‘роды (о самках домашних животных)’: *У свиньи радины трудныи были.* Прибыль потомства у животных, приплод в говорах представлен образованием *плéмя*: *Племя, если скатинэ какая станит плиминной.*

Рассматривая группу лексических единиц, называющую детёнышей домашней свиньи, нужно отметить, что в литературном языке и в говорах употребляются в основном дериваты, объединенные корневой морфемой *порос-*, *свин-*, *хрю-*.

Детёныша свиньи или молодую свинью в литературном языке принято называть *поросёнок*, *поросё*. *Поросёночек*, *поросяточки* — уменьш.-ласк. к *поросёнок*.

В говорах известны однокоренные номинации *свѣн*, *свинёночек*, *свинёнок* ‘детёныш свиньи; поросёнок’: *С пѣтшыска всѣ убѣрали, кагда свинов пат печку пускали*. Поросятка в возрасте от 4-х до 10-ти месяцев в Хотынецком и Болховском районах именуют *полсвѣнок*, *полсвѣночек*, *пѣдсвинок*: *Малинький пѣрасѣнѣк*, *пѣлсвинѣк*. Названные лексемы с приставкой *пол-* могут означать ‘половина свиньи, маленькая свинья’.

Лексические единицы с корневой морфемой *хрю-* также представлены в говорах в значении ‘детёныш свиньи поросёнок’ — *хрюбля*, *хрюндик*, *хрюська*, *хрюкѣч*: *У миня вѣ дваре хрюля есть. У сарае хрюндик сидѣть. Вон у миня хрюськѣ какой бѣльшой стал*. Поросятка в возрасте до года называют *хрюно́к*: *Хрюнок адин астѣлся*.

Детёнышу свиньи, сосущему матку, дана номинация *сѣсѣнчик*: *Сѣсончик стаит*. Значение ‘детёныш свиньи поросёнок’ имеет региональная лексическая единица *хряцѣк*: *Пѣсмотри, какой хряцѣк жѣырнѣй*. Лексема *фѣк* является региональной, так как употребительна только в Болховском районе Орловской области и не встречается в литературном языке и диалектных словарях: *А типеричѣ толькѣ фѣкѣм пахлѣнку вынашу*.

Интересна лексическая единица, характеризующая животное по возрасту, ‘годовалое домашнее животное’: *Пѣрасѣнѣк вырос, лѣтѣшник*. Обращаясь к литературному языку, узнаем, что лексема *летошник* близка по значению к существительному *лѣтошный* ‘прошлогодний’. То есть *лѣтошник* — это животное, рожденное в прошлом году, а значит,

на данный момент годовалое. Но можно предположить, что *летошник* образовалось от существительного *лето* в значении 'год' (устар.), значит, *летошник* — домашнее животное, прожившее год.

Прозрачную внутреннюю форму имеют наименования детёнышей по времени появления на свет. Так, *босенок* 'домашнее животное осеннего приплода': *Осиньк — радившийся осенью. Летошный* 'домашнее животное летнего приплода': *А етэ свинья у нас летышнзя.*

Представленный материал показывает, что в обозначениях потомства свиньи в орловских говорах не наблюдается половозрастной дифференциации. Названия молодняка в значении 'детёныш свиньи' в отдельные периоды их развития и в разные возрасты образуют в говорах широкую группу слов.

Способы описания внешнего облика человека стали предметом многих исследовательских работ в лингвистике. Следует отметить книгу Т. В. Бахваловой, в которой дано системное описание лексических и фразеологических единиц, характеризующих человека по его внешнему облику в общенародном языке и народных говорах. «При описании внешности человека обращается внимание на рост, фигуру, лицо, волосы» [Бахвалова 1996: 15]. Подобный способ квалификации внешнего вида характерен и для номинации животных. «Для характеристики по внешнему виду в народной речи широко употреблялись характеризующие существительные» [там же: 16]. Нас интересуют номинативные единицы, которые указывают на общий внешний вид, степень упитанности животного. Сюда относятся существительные *гладух* 'об упитанном, толстом животом' (*Гладуха поря прздавать*), *ослёток*, *осклёток*, *осляток* 'о толстом, откормленном домашнем животном' (*Он у тибя толст, ну аслётк харошый прям*), *толстёха*, *толстёха* 'с толстым туловищем, толстое' (*Нашэ зюткэ такая талстёха*), а также прилага-

тельное *гладючий* ‘отличающееся полнотой, упитанностью животное’ (*Пграсёнък гладющий*).

Свиньи любят сладкое, хорошо различают вкус корма, чувствуют превышение соли в еде. В орловских говорах выявлена интересная лексема, называющая привередливого, слишком разборчивого в корме животного — *лизоблѣдка*: *А зюткъ у мене — этъ такая вот лизоблѣтка*. Поросята, имеющего хороший аппетит, называют *свестной*.

Анализируя приведенный выше материал, можем сказать, что как в литературном языке, так и в говорах есть немало слов, называющих признак ‘толстый’, ‘упитанный’, ‘полный’ как по отношению к человеку, так и по отношению к животному. «Исследуя лексику, характеризующую по полноте человека, исследователи отмечают различие по полу (закрепление специфических названий за лицами мужского и женского пола); по степени передаваемого признака (‘толстый’ — ‘очень толстый’); по объёму передаваемого понятия (монохарактеристики — полихарактеристики)» [там же: 107–109]. Для наименования упитанного животного в Орловской группе говоров различие по полу не актуально. Слова получают поло-родовое оформление, если они входят в состав словосочетаний.

Антонимичными по значению являются существительные *подсвинок* ‘о небольшом, плохо растущем поросёнке’ (*Усе пзрасята, а этът — патсвинък*), *худѣба* ‘об очень худом, тощем домашнем животном’ (*Худѣбъ свинья у тебе*). Широко употребительна лексическая единица *умѣрыши* ‘хилое, слабое, физически слабое существо’: *Пзрася у ней слабинькъзя, уморыши сафсем*. Этимологи, отмечая общеславянское происхождение корня *-мор-*, определяют его значение как ‘чума, мор, болезнь, от которой погибают многие люди и животные’. Зафиксированы прилагательные *прѣный* ‘хилый, худой, нездоровый (о животном)’ (*Прыси тваи преные какие-тѣ*), *хвѣлый*, *хвѣлый* ‘слабый, болезненный, хилый’ (*Ну и пзрасятъ у тебе хволые*), *шелудивый* ‘плохо расту-

ций, слабый, хилый (о животном)' (*У сасетки парасук есть, шалудивый, савсем малинький, балетъ*). Домашнее животное, остановившееся в росте и развитии, характеризуется глаголом *зашышкаться*: *Наш пзрасёнк зашышкълсы савсем*.

Как видим, в номинациях зафиксировано основное продуктивно-биологическое назначение свиньи — разведение животного для получения мяса, сала. А здесь важно хорошее физическое состояние. Одним из признаков определения физического состояния животного, нормы жизнедеятельности его организма является понятие 'упитанность'. Исходя из общепринятых норм, упитанное животное квалифицируется как здоровое; неупитанное, худое животное — как больное. Данные особенности нашли свое отражение в номинациях.

Для обозначения маленького поросёнка в Верховском районе используют лексему *чухмарик*: *Чухмарик этъ*. Это внешний признак и физиологическая особенность данного животного. В Мценском районе Орловской области лексема *зубарь* характеризует поросёнка с длинными острыми клыками (*Поросёнок думъли хорошый, а оказалси зубарь*); яркая особенность во внешнем облике животного подчеркнута в номинации. Таким образом, «в речевой практике во внимание принимается и оценивается в первую очередь то, что больше всего бросается в глаза, обращает на себя внимание» [там же: 34].

Физические особенности животного в говорах характеризует адъектив *шаткий* 'отличающийся живостью, быстротой движений; подвижный': *Пзрася была шаткая, дюжъ бядовъя, нешто с ней свладаши?*

В Покровском районе Орловской области зафиксирована лексема *прозўка, прозўбка* 'о хитром, плутоватом животном': *Пзрасенок празукъ, усё-тки уматалъ кудай-та*. Данные существительные выражают отрицательное отношение говорящего к обозначенному домашнему животному.

В представленных нами говорах все названия имеют прозрачную внутреннюю форму, отражающую понятийную мо-

тивировку, что объясняется стремлением диалектоносителей к простому, понятному обозначению важнейших реалий жизни животного.

В каждой жизненной ситуации (еде, купании, прогулке), домашняя свинья издаёт разные звуки. По отношению к свинье в орловских говорах употребляются следующие глаголы звучания: *хрындучать*, *хрундучать*, *хандручать*, *храндучать* ‘издавать звуки хрю-хрю-хрю, хрюкать’ (*Свинья что-то в закуте хрындучит*); *рюхатъ* ‘хрюкать’ (*Рюхютъ, рюхютъ*); *заюзжать* ‘завизжать (о животных)’ (*Пграсёнжк зюзжсал*).

Необходимо отметить лексику, используемую для обозначения гибели животного. В говорах Орловской области представлена часто употребительная номинативная единица *истратиться* ‘перестать жить, умереть (о домашних животных)’: *Вся скатинъ у нас истратилась*. Единичными по употреблению являются слова *потратиться* ‘перестать жить, издохнуть (о животных)’ (*Вся скатина патратилась*), *прелый* ‘издохший, мёртвый,дохлый (о животном)’. Функционирование в говорах данных лексем является следствием физиологического процесса дыхания и отрицательного результата его нарушения на процессы природо-физического характера.

Чтобы воздействовать на животное, которое многое понимает и реагирует на окружающий мир соответствующим образом, человек использует подзывные слова для свиней: *дзяту-дзяту*, *тиц-тиц-тиц*, *тлюшка-тлюшка* (*Тцу-тцу-тцу, маи харошыи*). Часто употребительны и распространены лексем *зюта-зюта*, *зютка-зютка*, *зётка-зётка*. Данные слова послужили базой для образования существительных *зётка*, *зютка*, *зюта*, *зюточка*, *зютбк* со значением ‘поросёнок, свинья’.

В говорах функционируют и отгонные слова для поросят и свиней: *тлюить-тлюить* (*Тлюить-тлюить! Атаади!*), *узё-узё* (*Узё-узё атседва*), *шйц* (*Если захочши их атаа-*

натъ, скажи: «Шыц!» В Хотынецком районе зафиксирована лексическая единица *гызь* 'окрик на поросёнка': *Гысь! Гысь!*

Народный язык показывает, что в наименованиях отразились характерные признаки и качества свиньи: возраст, способность приносить потомство (физиологические особенности), физические качества, характер, привычки. Среди наименований свиньи нет слов, отражающих особенное и трепетное отношение к ней.

Анализ названий домашнего животного свиньи позволил нам представить фрагмент языковой картины региона. В орловских говорах для номинации свиньи используются как слова литературного языка, так и слова диалектные. Они образованы от основ имён существительных литературного языка *свинья*, *поросёнок*. Основной способ образования — суффиксальный. Единичны наименования по звукоподражательным и подзывным словам. Встречаются как общие названия, характерные для говоров и литературного языка, так и частные, относящиеся только к диалектам. Мы видим, что реализуется языковой контакт литературного языка и говоров. Для нашего исследования наиболее ценными являются те лексические единицы, которых нет в литературном языке.

Литература

Бахвалова Т. В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. Орел: ОГПУ, 1996. 240 с.

Ларина Л. И. Наименования свиньи в курских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 318–326.

Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Проблема вариантности или отдельности слова (при сборе и картографировании материала)

Л. Я. Костючук

Специфика некодифицированной диалектной речи вызывает трудности в выборе единицы фиксации, способов её подачи в словаре, атласе. Поэтому так актуальна проблема разграничения вариантности одной единицы («*тождество слова*» в разнообразии фонетического выражения при сохранении содержания) и «*отдельности слова*» (при наличии других показателей, изменяющих лексикограмматическое содержание). Создание карт для ЛАРНГ требует особого внимания к данному вопросу.

Ключевые слова: картография, лексикография, тождество слова, отдельность слова, диалектная речь.

Выбор единицы описания в исследовании диалектного материала, подачи её в соответствующем справочном труде для фиксации и дальнейшего использования с разными целями остаётся непростым до сих пор, поскольку речь идет о некодифицированной народной речи. Поэтому проблема «*тождества и отдельности слова*» [Смирницкий 1956] остаётся во многом главной в теоретическом и практическом аспектах и в XXI в. Результат работы с конкретным лексическим материалом зависит от выбора аспекта его рассмотрения (лингвгеографического при картографировании или картографировании соответствующих назывных единиц; этнолингвистического при назывании и энциклопедическом описании свойств реалий с опорой на этнографию). Это требует от исследователя чёткости в очень сложном теоретическом вопросе, не раз поднимавшемся в науке и обсуждавшемся в печати и на больших научных встречах.

Но, несмотря на то, что в лингвистической науке середины – начала второй половины XX в. А. И. Смирницкий наиболее чётко и доказательно обосновал, в частности, термины «слово» («отдельность слова») и «вариант» / «варианты» (это предполагает «тождество слова») и подчеркнул их неидентичность, показал необходимость и значимость различий понятий, лежащих в их основе, до сих пор сталкиваемся с бессистемным и нечётким их использованием. Как водится в ряде современных быстротечных исследований, часто наблюдаем необращение к опубликованным достойным работам прошлого.

Указанная проблема актуальна по отношению к любому языковому материалу, а бесценный диалектный, как и исторический, требует постоянного, особого внимания и учёта, поисков путей для решения вопроса: от предварительной полевой обработки материала до окончательной, связанной с размещением материала в архиве; затем ответственный этап исследования и создания того научного труда, который предполагает представление к публикации. Зафиксировать драгоценный народный материал необходимо достоверно, поскольку он в XXI в. испытывает катастрофическое, подчас разрушительное воздействие «внешней лингвистики» [Сосюр 1977: 59–61]. Поэтому предполагается не поспешная фиксация не доведённого «до точки» результата интерпретации материала, а особый вид авторского (индивидуального или коллективного) представления собранного и обработанного материала, предполагающий указание определённого места, времени, фиксацию ударения, обязательное отражение произношения! Ведь это важно и для последующих поколений учёных и заинтересованных читателей.

Но понять и принять решение, что это — «отдельное слово» или «вариант», приходится исследователю, исполнителю избранного проекта и тому, кто должен даже просто поставить, сохранить материал в архиве. Небрежность в оформлении статуса единицы может почти навечно потерять един-

ственно существовавший пример, который свидетельствовал о важном явлении в изучаемых говорах. Мы знаем открытия в области диалектологии, которые начинались со «штучных» наблюдений, в частности в псковских, новгородских говорах (укажу некоторые работы: [Глускина 1962: 28–56; Глускина 1968: 20–43; Зализняк 1995: 36–38, 41, 44–45]). Кто-то зафиксировал и сохранил материал в архиве; другой, «*имеющий глаза и уши*», не был введён в заблуждение неточным оформлением материала, подхватил найденное и сохранённое ранее, а благодаря своему вниманию и раздумьям обосновал выводы, используя разные пути доказательств. В XX в. появлялись новые возможности и направления науки, которые позволяли подхватить и то, что замечали почти сто лет назад замечательные учёные прошлого, или даже то, что несколько столетий назад внимательное ухо иностранца уже уловило в речи древних псковичей (например, XVI–XVII вв.). Так изобретательность интересующихся языком купцов (не филологов!) позволила достаточно точно донести русское слово в своеобразной, изобретённой ими латинской транскрипции до диалектологов и историков языка XX в. Я имею в виду наблюдения А. А. Шахматова над загадкой наличия в псковских говорах необычных сочетаний звуков [дл], [тл] вместо восточнославянского (значит, и общерусского) [л] из древних сочетаний *dl, *tl: «Зоркой наблюдательности ученика проф. А. И. Соболевского, Л. Л. Васильева, ⟨...⟩ наука обязана открытием в памятниках древнепсковского наречия таких написаний, как *вегли* вместо *вели*, *всегли* вместо *всели*, *сустрекли* вместо *сустрели*», — писал академик А. А. Шахматов [Шахматов 2010: 51]. Это же было замечено во многих словах в русско-немецких разговорниках Т. Шрове XVI в. [Einn Russisch Buch 1997], Т. Фенне 1607 г. [Tönnies Fenne 1970]. Объяснение этому пришло в середине XX в. при учёте и данных археологии (прежде всего работ В. В. Седова [Седов 1994; Седов 1995]) в связи с ошеломляющим открытием С. М. Глускиной несвершения второй палатализации

заднеязычных согласных именно в псковских говорах [Глушкина 1968]. Затем аналогично удачно использовался учёт именно изолированности древних кривичей, предков псковичей, в первой половине первого тысячелетия нового времени от всех других славянских племён. И позже учёт изоляции псковичей от других восточных славян помог понять и объяснить, почему сочетания согласных [gl], [kl] (*егла* вместо *ель*, *мочигло* вместо *мочило* и под.) известны только псковичам: сказалось влияние балтийских языков, которым известны и ныне сочетания [gl], [kl]. Приведённые примеры из псковских говоров, конечно, правомерно рассматривать как варианты к общерусским словам.

В подобных научных ситуациях справедливым представляется название С. С. Аверинцевым современной новейшей филологии «*содружеством гуманитарных дисциплин*» [Аверинцев 1990: 544–545].

Наблюдая необычные народные слова в говорах, исследователь прежде всего пытается определить их место относительно других, выясняя оба плана — содержания и выражения, задумываясь о понимании лексемы как варианта или как самостоятельного слова. Как будто помогает разрешить сомнения обобщённое определение варианта: это такая разновидность номинации, когда разный план выражения при тождестве плана содержания в зависимости от взаимоотношения со свойствами соответствующих языковых (речевых) уровней не приводит к изоляции номинации при разрыве тождества номинативного средства.

И всё-таки в многоаспектности лексикографирования диалектных слов давно и особенно ясно обнаруживаются трудности исследовательского разграничения этих двух сопряжённых явлений («слово» и «вариант»), поскольку вербально-графический способ объяснения сведений при описании слова и выбора средств показа изобразительного решения требует чрезвычайной чёткости, точности и последовательности на протяжении всего текста словаря. Да ещё при

большом коллективе составителей. Это хорошо понимают, например, составители «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС), которые, накопив опыт за 50 лет после выхода в 1967 г. первого выпуска словаря, создали сейчас уже третий вариант уточнённой «Инструкции» к словарю (находится в печатающемся 27-м выпуске). Однако остаются ещё важные вопросы для дискуссий и соответствующих решений.

На эту тему не раз приходилось высказываться, поскольку в лексикографической работе необходимо решать новые задачи с неожиданными особенностями (опыт же работы накапливается постепенно). Поэтому совершенствование «Инструкции» неизбежно. Сейчас ограничимся только несколькими примерами, которые свидетельствуют о том, что многими случаями синхронно-диахронного характера нельзя пренебрегать. До сих пор при сборе и обработке материала встречаются уникальные особенности.

При лексикографировании слов часто обнаруживается несколько однокоренных морфологических формообразовательных планов выражения для исходного наименования (*выйти* и *выйтить*; *высечь* и *высекчи*; *загудеть* и *загудить*) при одинаковых косвенных формах.

Словарники рекомендуют следующий способ подачи таких случаев: в заголовке одной словарной статьи при соединении союзом «и» помещаются разные исходные названия одной и той же реалии как разные слова (ср. подобное у существительных: *вещь* и *вѣща* с разными типами склонения (судя по начальной форме)), но с одинаковыми косвенными формами в живой речи: иллюстрации фиксируют образования только от слова *вещь* (данные получены при сборе материала).

То же наблюдаем в подаче приведённых глаголов: в заголовочной строке две начальные формы, сигнализирующие разные типы спряжения, соединяются союзом «и»; но живая речь позволила отметить косвенные формы только по вто-

рому спряжению у одной пары — *загудѣт*, а по первому спряжению только у другой — *вѣйдешь*, *вѣйдут*.

Любознательный читатель, исследователь выясняет позицию составителей, авторов словарных статей, которые, приняв решение, представили его в словаре. Подобные случаи показывают, как важна для качества словаря полнота материала при записи речи диалектоносителей.

У составителей «Лексического атласа русских народных говоров» тоже большой опыт в требованиях и решениях по отношению к объекту сбора лексем в соответствии с огромной программой для будущих тематических (прежде всего), лексико-семантических, лексико-словообразовательных, мотивационных карт.

Этот проект, составленный И. А. Поповым, поднявшим и сплотившим в трудные годы огромную армию буквально энтузиастов и последовавших за ними, оказался тоже уникальным: новизна и по задачам, и по охвату исполнителей, бóльшая часть которых начинала картографическую работу «с нуля» во многих отношениях. Счастлирое содружество с опытейшим уже по «Общеславянскому лингвистическому атласу», преданным делу (несмотря на все неожиданные трудности), творческим редактором — Т. И. Вендиной — постоянно вдохновляет всех на поиски по-настоящему корректных и новых решений и учит достоверной научной подаче материала на всех этапах создания карты.

Поэтому-то по-прежнему волнует всех понимание значимости умелой разработки легенды и размещения значков на карте, от чего зависят будущие конкретные и аналитически обобщающие исследования.

Какой же выход при подчас большом количестве материала в условиях малого пространства на карте?

Один из путей сохранить материал без ущерба при его сокращении — мудрое решение, предложенное, обоснованное Т. И. Вендиной и реализуемое теперь многими авторами: карта-дубль. Например, в помощь показу номинации

для понятия избрана (в зависимости от конкретного количества и качества материала) морфологическая формообразовательная карта для вариантов множественного числа (а не единственного), которое используют диалектоносители именно для называния реалии в некоторых пунктах.

Расширить сведения о слове можно за счёт первоначального определения значимых признаков наименований для соответствующей реалии; за счёт последующего отбора наиболее важных признаков, которые часто связаны с представлением, и варьируемых способов выражения лексического или грамматического содержания у лексем. Для этой цели были избраны морфологические формообразовательные карты наряду с исходной обычной картой лексико-словообразовательной.

Карты-дубли отражают важную информацию в сопровождении народной номинации для соответствующих понятий. Тем самым достигаются планы и возрастают возможности составителей, а потом, после издания тома, — и пользователей. Кроме того, не пропадают те сведения от информантов, которые были сообщены в форме множественного числа: так принято почему-то в народе говорить о некоторых, например, животных. Значит, и пространство карты будет более насыщенным. А разнообразие формообразования свидетельствует о богатстве и системности лексики и морфологии данного говора.

Лингвогеографическая практика рекомендует картографу помещать многие номинации, которые в лексикографии рассматриваются как отдельные слова — в заголовочной статье типа *лех*, *м.* и *лэхá*, *ж.* под одним значком (экономия места!). Но тогда многие лингвисты (в том числе и многие картографы) склонны называть и считать их вариантами. В научных докладах в этом случае звучит термин «*вариант / варианты*» — *словообразовательный, морфологический, родовой* и под. Так было и на последней нашей традиционной встрече в ИЛИ РАН в конце января–начале фев-

раля 2017 г. Очень хочется вслед за А. И. Смирницким и, например, за Л. К. Граудиной [Граудина 2003: 105–106] различать эти два понятия, особенно при работе над словарями и атласами.

Правда, принято и утверждено разрешение сопровождать при этом номер пункта на карте значком «*тильда*», что означает отсылку к «Индексу материалов» на соответствующую тему вопроса «Программы собирания сведений» для карты (Программа ЛАРНГ). И поэтому стоит помнить, что это объективно разные слова: номинация закрепила разные возможности для использования фонем, передающих разные морфемы, которые имеют своё грамматическое значение! А различие лексико-грамматических характеристик указывает на то, что это разные слова.

Желательно было бы усилить какое-то указание в «Комментариях» к картам или во «Введении» к тому Атласа: подобное объединение лексем-слов — сознательное, по «техническим причинам» из-за малого «пространства на карте».

Используя значимость «содружества гуманитарных дисциплин», скажем о некоторых лексикографических решениях в аспекте поставленной в статье проблемы, которые, безусловно, будут интересны и при картографировании, когда приходится анализировать наименования реалий.

Всё, что связано с морфологическими различиями в однокоренных лексемах, трудно подлжит строгой трактовке относительно указанной проблемы. Сложилось расширительное использование термина «*вариант*» в речи неспециалистов, да и в работах лингвистов (вспомним дискуссии в 50-е гг. XX в. о словах типа *лиса* и *лисица*). Поэтому авторы «Инструкции» к «Псковскому областному словарю» с осторожностью в подобных случаях говорят о вариантах, сосредоточив внимание на рекомендациях лексикографического описания слова в словарной статье. Вероятно, это наиболее адекватное решение при отсутствии чёткости ответа относительно «*слова*» и «*варианта*» не в абстрактном, а в

конкретном отношении. Не случайно в новой редакции «Инструкции» определённо сказано: «Образования с приставками (*з-, из- / ис-, с-*) разрабатываются на своём алфавитном месте», что предполагает признание разных слов как синонимичных. Поэтому важно требование: «Они соотносятся друг с другом пометой “*ср.*” (*сравни*)», что предполагает, естественно, отсылку на самостоятельное слово, занимающее своё алфавитное место.

Конечно, это решение лексикографическое, а при картографической практике можно было бы объединять, к примеру, псковские единицы с разными приставками *слить* и *злить* (воду), поскольку картографу важна номинация с учётом корня. Отметим, что приведённый пример известен именно как псковская особенность (приставка *з-* в сильной позиции — это следствие псковского «пограничья» с белорусскими говорами и языком).

Наиболее убедителен в «Инструкции» материал относительно фонетических разновидностей лексических единиц, поскольку и сами (некоторые) фонетические особенности в псковских говорах являются уникальными (как древние, так и более поздние).

Псковские лексикографы используют термины «*фонетические варианты*» и «*произносительные варианты*». Фонетические варианты предполагают изменение звукового плана выражения в результате и прошлых процессов, и географического положения псковских говоров. Причём многие типичны именно для псковских говоров: *суба* — *шуба*; *пўлка* — *бўлка*; *поркán* — *боркán* ‘морковь’; *мочйгло* — *мочило* ‘яма с водой для вымачивания стеблей льна и конопли при их обработке’; *кеп* — *цеп*; *подпояхать* — *подпоясать*; *заслўхаться* — *заслўшаться* и др. Конечно, присутствуют и звуковые изменения в результате живых общерусских процессов по законам русского языка в настоящем.

Приведём интересный случай из живой речи информантов: произносится общерусское слово [злaтoʃ]. Было замече-

но, что для псковских говоров характерна *полная редукция* гласного во втором предударном слоге в сочетании с плавным согласным. В результате получается *злато́й* при отражении произношения после редукции [злато́], *влачи́ться* вместо *волочи́ться*. Подчеркнём, что в бытовой речи такое произношение не является славянизмом / церковнославянизмом, а представляет тоже *фонетический вариант* (см. и *врати́ть* из *вороти́ть*). Подобное явление зафиксировано и в разговорнике Т. Фенне, составленном в Пскове в 1607 г. [Tönnies Fenne 1970].

Произносительные же варианты — это результат, во-первых, приспособления и понимания единиц в речи диалектоносителей, а во-вторых, употребления обычно непонятных для них слов из литературного языка. Проявляется это в звуковом искажении лексических единиц (*диалекто́лик* вместо *диалекто́лог*; *дира́нда*, *ира́нда* вместо *вери́нда* и многие другие).

Для лексикографии важны вырабатываемые составителями словаря правила отражения разных вариантов одного слова или разных слов в словарных статьях, отсылочных строках, что подробно показано в словарных статьях «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС).

Для картографии значимым может оказаться и лексикографический опыт. Это позволяет знакомиться с рассмотрением трудных случаев при фиксации лексических единиц. Например, на карте «Большой медведь», обновлённой по сравнению с «Пробным выпуском» «Лексического атласа русских народных говоров», лексикализованный вариант *ведме́дь* вместо *медве́дь* — это, конечно, «отдельное слово» как результат метатезы. А *бюри́чина* вместо *бири́чина* (производное от *бирю́к*), нечастый по употреблению (значит, не лексикализованный) случай метатезы гласных, — это, несомненно, «вариант» к исходному, наиболее распространённому произношению, что желательно указать в «Алфавитном списке картографируемых слов».

Вариантом по другой причине является и *бедвѣдиче* к наименованию с начальным звуком [м]: в диалектной речи часто взаимодействуют губные согласные.

Сказанное свидетельствует о необходимости продолжать исследование лексикологической проблемы «*тождества слова*», что приводит к учёту «*вариантов*», когда план выражения не нарушает плана содержания у лексемы, с одной стороны, а с другой стороны, видеть проблему «*отдельности слова*», что связано с нарушением плана содержания, меняющегося за счёт сдвигов в области соответствующих разновидностей значений у лексической единицы. От этого зависит умелое и наиболее корректное представление сведений о соответствующих единицах в лингвогеографических трудах.

Литература

Аверинцев С. С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 544–545.

Глушкина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I: Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков: Пск. гос. пед. ин-т, 1962. С. 28–57.

Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II: Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года. Псков: Пск. гос. пед. ин-т, 1968. С. 20–43.

Граудина Л. К. Варианты лексические // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 105–106.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 720 с.

Седов В. В. Славяне в древности. М.: Фонд археологии, 1994. 344 с.

Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // *Ф. де Соссюр.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 7–288.

Шахматов А. А. Лекции по русской диалектологии // *А. А. Шахматов.* Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина; с приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 16–211.

“Einn Russisch Buch” Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Część II. Transliteracja tekstu. Indeks wyrazów i form rosyjskich / Red. A. Fałowski, współpracowanie A. Bolek, H. Chodurska, A. Fałowski, J. Kunińska. Kraków: Grell, 1997. 322 s.

Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607 / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson, E. van Schooneveld, T. Stark and Ad. Stender-Petersen. Vol. II: Transliteration and Translation / Ed. L. L. Hammerich and R. Jakobson. 1970. Copenhagen, 1970. 28 + 488 p.

Названия сверчка в русских говорах

Н. А. Красовская

В статье рассматривается вопрос о распространении на территории русских говоров разнообразных названий сверчка. Автор приходит к выводу, что самым частотным является общеупотребительное слово **сверчок**. Однако для именованя сверчка также используются такие лексемы, как **сверч**, **стрекотун**, **трескун**, **трескунчик**, **циркун**, **чиркун**, **запешник**, **застрешник**, **кобылка**, **конёк**, **бирюк**, **кузнёчик**.

Ключевые слова: русские говоры, сверчок, лексическая карта, сверч, стрекотун, циркун, трескун, кобылка.

Материалом для подготовки данной статьи послужили сведения, полученные из картотеки ЛАРНГ, по вопросу программы 376 «Сверчок». Однако проведение исследования обусловлено и размышлениями о том, что образы насекомых, так же как и образы птиц, животных, ряда растений, являются довольно важными в народной языковой картине мира, получают различную интерпретацию в фольклоре и в авторских художественных произведениях (в этой связи упоминается творчество Н. В. Гоголя, И. С. Никитина, А. Тарковского и др.). К образам насекомых, получившим распространение в языковом и культурном кодах русского народа, можно отнести образы мухи, комара, пчелы/осы. На наш взгляд, к этому же ряду принадлежит и сверчок. В этой связи вспоминаются пословицы, поговорки, народные наблюдения: *всяк сверчок — знай свой шесток; была бы изба нова, а сверчки будут; не велик сверчок, а звонко поёт; в новый дом сверчок перебирается раньше хозяина; сверчок поёт, Бога хвалит; живём — не мотаем, а пустых щей не хлебаем; хоть сверчок в горшок, а всё с наваром бываем; все сверчки*

по запечкам сидят. Высказывания диалектоносителей, представленные в Картотеке ЛАРНГ, в большей степени содержат указания на негативные события, связанные со сверчком (*Говорят, не к добру, когда в доме сверчок стрекочет, а у меня он вторую неделю не унимаеца* (Моск.). *Сверчч несчастье в дом приносит* (Влад.). *Сверчок дома завёлся — быть беде!* (Влад.)).

«Сверчок домовый, или сверчок домашний (лат. *Acheta domestica* — вид прямокрылых насекомых из семейства сверчков. Сверчки часто селятся в жилищах людей, отапливаемых промышленных зданиях и теплоцентралях. В тёплое время года, с конца весны по начало осени, живут вне человеческих построек, с наступлением холодов, с конца осени, поселяются в постройках. Сверчки известны своей способностью издавать характерные звуки. Этой способностью обладают только самцы»¹. Определиться с самим понятием «сверчок», то есть с тем, какое именно насекомое называется указанной лексемой, не так просто, потому что, помимо сверчка домового, также встречается разновидность сверчка полевого. Полевой сверчок относится к вымирающему виду. Отмечен как редкий и узколокальный вид. Полевые сверчки выкапывают себе норы, они избегают селиться на пашнях или в местах земляных работ. Жизненный цикл таких сверчков — от 90 до 120 дней. Но взрослое насекомое живет всего лишь полтора месяца. Сверчок полевой поет при помощи надкрыльев, которыми потирает друг о друга. Они жесткие, и в течение этого процесса получается красивая трель»².

В высказываниях диалектоносителей отмечаются самые разные особенности поведения сверчков, их внешние признаки (*Сверчок на глаза ни показываица, ево трудно увидить, он ф щёлачках забиваица, слышна тока, как он свир-*

¹См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сверчок_домовый/ (дата обращения: 04.10.2017).

²См.: <http://fb.ru/article/261707/sverchok-polevoy> (дата обращения: 04.10.2017).

чит (Моск.). *Живут в тёмных углах, за печкой вот селёца* (Моск.). *Сверчка можно вечером услышать* (Нижегор.). *Сверчок в траве где-то сидит, сверчок в поле стрекочет* (Курск.). *Чурюкан, раньше на бахче чурюканы были* (Краснодар.). *Ни видела ни разу, малинькии, темнинькии, кагда тилло летом, свирчки на улицах стрикочут* (Моск.)).

Народные названия сверчка довольно разнообразны. Прежде всего отметим, что наиболее распространенным именем данного насекомого является общеизвестное слово **сверчо́к**, которое распространено на всей картографируемой территории (*Сверчка я так и назову сверчком. Другого названия я не знаю* (Влад.). *Сверчок — да так и говорим — сверчок* (Моск.)).

По данным этимологических словарей, например, словаря М. Фасмера, название **сверчо́к** восходит к праславянскому «*svьгь от *сверчатъ*» и имеет звукоподражательную основу (Фасмер 3: 575). В «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского лексема **сверчо́к** также связана с глаголом *сверчатъ*: «*издавать звук в роде сверчка, циркать, чиркать*» (Преображенский 2: 258). В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Ивановой, Т. В. Шанской отмечается, что слово **сверчо́к** «образовано... от исчезнувшего **свьрчь** ...в свою очередь образованного посредством суф. -кь... от звукоподражания **свьр**» (КЭСРЯ: 297).

Следует сказать, что, кроме самого распространенного названия **сверчок**, имеющего звукоподражательную основу, в русских говорах фиксируются и другие лексемы, называющие данное насекомое. Слово **сверч** встречается в говорах Пермского края, тверских, кировских, псковских, владимирских, тульских, пензенских, курских, орловских, воронежских, донских, в русских говорах республики Марий Эл, говорах Башкирии, Мордовии, в некоторых районах Краснодарского края. Лексема **сверци** охватывает меньшую территорию и в основном отмечается в нижегородских, самарских,

брянских, рязанских, донских говорах и в диалектах, распространенных на территории Башкирии. А. Г. Преображенский проводит параллель между лексемами *сверч*, *сверц* и словом *свищ*, в словаре находим: «...диал. пск. и др. сверч; сверць *прокол, дырочка, проеденная червяком* (в орехе и ч.-л. другом), *свищ*» (Преображенский 2: 258). Довольно широкое распространение подтверждается контекстуально (*Сверци одолели совсем* (Брян.). *В тихую ночь сверч так скрипит!* (Ворон.). *Сверч несчастье в дом приносит* (Влад.). *Сверц стрекочет в траве* (Брян.)). Существование древней лексемы *сверц* поддерживается, по всей видимости, говорами, в которых имеется неразличение аффрикаты [ч] и совпадение ее со звуком [ш'ш'].

О звукоподражательной основе в названиях сверчка свидетельствуют и такие лексемы, как *стрекотун*, *стрекобк*. Они имеют свое распространение в псковских, владимирских, вятских, вологодских говорах, отмечаются и на территории Пермского края. Звукоподражательные названия с корнем *-треск-* имеют практически повсеместное бытование. Так, название сверчка *трескун* встречается в вятских, пермских, ивановских, владимирских, нижегородских, смоленских, воронежских, курских говорах, а также отмечается в русских говорах Удмуртии. Лексема *трескунчик* имеет еще более широкий ареал распространения, наблюдается в архангельских, пермских, вологодских, костромских, тверских, ярославских, вятских, псковских, ивановских, смоленских, московских, тульских, рязанских, брянских, орловских, курских, воронежских, донских говорах, помимо этого встречается в русских говорах Удмуртии, Башкирии, Татарстана, Марий Эл, в отдельных районах Краснодарского края. Контексты свидетельствуют об оноματοпозэтической основе таких именовании (*Сверчок — трескунок, так называют, потому что трещит-сверчит* (Моск.). *Как стрекочет стрекотун вечером* (Пск.). *Трескунчик за печкой* (Волгогр.)). Звукоподражательными являются в своей

основе и иные названия сверчка. Так, лексема *циркѹн* бытует в кировских, псковских, ярославских, смоленских, нижегородских говорах. Слово *циркѹнь* встречается в тверских, ивановских, курских говорах и в отдельных районах Краснодарского края. Название сверчка *цвиркѹн* имеет более широкую локализацию и отмечается в костромских, тверских, пермских, смоленских, брянских, орловских, курских, донских диалектах и в говорах Краснодарского и Ставропольского краев (*Сверчок, цвиркун, цверкунь, вон свирикает как, слышите?* (Ставроп.). *Ище тут цвиркуны есть* (Краснодар.). *Циркун за печкой живёт* (Нижегор.)). Довольно частотными являются лексемы, которые имеют в корне не аффрикату [ц], а аффрикату [ч], к ним относятся *чиркѹн*, *чурюкѹн*. Так, слово *чиркѹн* встречается в новгородских, тверских, костромских, нижегородских, московских, владимирских, пензенских, курских говорах, также в русских диалектах Мордовии, Удмуртии. Лексема *чурюкѹн* имеет в основном южнорусскую локализацию, распространена в орловских, воронежских, донских говорах, а также в говорах Краснодарского края (*Чикун, чикает день и ночь, не уснуть* (Твер.). *Чиркун, пра свирчкоф чиркуны гаварят* (Пенз.)).

В качестве единичных наименований встречаются названия, которые также указывают на способность сверчка издавать звуки, но по своему происхождению не являются звукоподражательным. Это лексемы *певѹн* (Тамб.), *пискѹн* (*Пискунов-то накопилось где-нибудь да чувыркают* (Волог.)).

Помимо названий сверчка, восходящим к звукоподражаниям, на территории русских говоров встречаются наименования, указывающие на местонахождение этого насекомого, место его частого появления. Это такие лексемы, как *запѣшник* (*запѣчник*), *застрѣшник*, *сундѹк*. Данные лексемы образуют дисперсные ареалы. Так, *запѣчник* встречается в кировских, ивановских, нижегородских, смоленских говорах, а также на территории Удмуртии и Челябинской

области. Слово *застре́шник* отмечается в ивановских, московских говорах, в русских диалектах Мордовии и в Оренбургской области. О связи таких наименований с частотным месторасположением насекомого свидетельствуют высказывания диалектоносителей (*Мы их в детстве сундуками называли, потому что сидит за сундуком* (Рост.). *Потому и называли запечником, что любит за печкой прятаться* (Нижегор.). *Застрешник в дом заберется под печку и свистит, свистит* (Моск.)).

Довольно распространенным в русских говорах является слово *кобы́лка*, которым также именуется сверчок. Однако энтомологи утверждают, что *кобы́лка* — это отличное от сверчка насекомое, которое лишь напоминает внешним видом сверчка и кузнечика, но ведет иной образ жизни, имеет несколько разные внешние признаки, питается растительной пищей, хотя имеет и целый ряд сходств. Видимо, вследствие неразличения диалектоносителями этих насекомых название одного перешло на название другого. Слово *кобы́лка* распространено в архангельских, пермских, вологодских, костромских, ярославских, вятских, владимирских, смоленских, тамбовских, брянских, курских, донских говорах, отмечается на территории Удмуртии и Краснодарского края. Контексты подтверждают использование этой лексемы для обозначения сверчка (*Кобылка — сверчок. Слышно, как кобылка стрекочет* (Костром.). *За печкой громко трещала кобылка* (Костром.). *Кобылка-то она громко трещит* (Влад.). *У мне за печкою цыфкаит кабылка. Сверчки зовутся кобылками* (Брян.)). Скорее всего, вследствие возникновения ассоциативных связей в ряде говоров отмечается и использование лексемы *конёк* (*У меня уж который год конёк за печкой* (Волог.)). Хотя, если принять во внимание наличие единичных лексем *ко́ник*, *ко́нык*, можно предположить, что название возникло вследствие указания на местоположение насекомого (ср. с *сунду́к*). В основном лексема *конёк* встречается на территории вологодских говоров.

Для обозначения сверчка в некоторых русских диалектах используют слово *скачѡк*. В данном случае название насекомого обусловлено, по всей видимости, с одной стороны, особенностями его поведения (о чем свидетельствуют контексты: *...они прыгают высоко и так быстро* (Коми)) и манерой передвижения, а с другой стороны, звуковыми аналогиями со словом *сверчѡк*. Лексема *скачѡк*, обозначающая сверчка, распространена в западных районах, охватывает территорию новгородских, псковских, тверских говоров (*Дак это скачок. Скачок в избу попал — засвистал* (Новг.). *За печкам ня жывут, ф палах та бывають, скачки называють* (Твер.)).

Помимо этого, в русских говорах для именования насекомого используется лексема *бирѡк*, которая образует дисперсный ареал, отмечается в пермских, тверских, костромских, вятских говорах, в некоторых районах Удмуртии, Краснодарского края и Челябинской области (*Беречок, бирюк, у там зоди биричок усе мне тѣа поўыл* (Краснодар.)). Можно предположить, что появление такого названия связано с образом жизни сверчка, который прячется в жилище человека за печками или в других укромных местах, то есть ведет довольно скрытое существование.

Хочется остановиться на лексеме *кузнѣчик*. Много уже было написано о том, что очень часто в народной картине мира, в народном восприятии тех или иных фактов окружающей действительности, природы наблюдается совмещение понятий, слабая дифференциация явлений. Наверное, поэтому в ряде русских говоров сверчка именуют кузнечиком. Хотя эти насекомые имеют отличительные признаки, которые связаны с внешним видом, с питанием, с местом обитания (*Кузнечик питается растениями и мелкими животными* (Яросл.)). Здесь, скорее всего, речь идет о сверчке, потому что говорится об особенности питания именно сверчка. Кузнечики питаются только растительной пищей. Есть и еще пример, свидетельствующий о неразличении сверчка и кузнечика: *«Сверчок, больше никак не зовут, они залѣны, такие*

и все прыгают» (Нижегор.). Сверчок имеет серо-коричневую окраску, а кузнечик — зеленую, в данном случае, как мы видим, говорится о зеленой окраске сверчка. Хотя нельзя однозначно считать, что носители говоров не различают указанных выше насекомых, о дифференциации свидетельствуют такие контексты: *«Сверчок, такой он, на кузнечика похож, за печкой у нас сверчок жил»* (Моск.). *«Обычно сверчки как кузнечики трещат»* (Влад.). *«Аа! Ет сверчок, такой, как и кузнечик...»* (Нижегор.).

Помимо указанных наименований, имеется еще целый ряд единичных обозначений: *блескун* 1043; *весьло́к* 833; *домово́й* 94; *кузнéц* 473; *сверéщ* 877; *сверкун* 515, 962; *сверча́к* 815; *свёрчень* 815; *свёрчик* 41; *сверчу́к* 963; *скрипун* 69, 251; *сморчо́к* 364; *стрека́ч* 289, 473; *стреку́нчик* 122, 159; *стряканéц* 849, 849а; *сунду́к* 988; *сурчо́к* 966; *таракáн-чирвун* 156; *тилёк* 70; *травя́нка* 146; *трескотун* 437, 438; *трескунóк* 523; *трескуч* 282, 844; *трещо́к* 94, 217; *трянáн* 871; *турчёлка* 948; *турчо́к* 948, 984; *чёрт* 743; *чивкун* 64, 251; *чикун* 226; *чилло́кáн* 699; *чирóк* 135, 136; *чукун* 226; *чуркун* 267; *цверкунь* 1021; *цверчо́к* 830; *циркунь* 697; *циркунчик* 283.

Подчеркнем, что большинство лексем, называющих сверчка, являются производными, образованы морфемными способами, самым распространенным среди которых является суффиксальный. Продуктивными оказываются такие суффиксы, как *-ок-*, *-ун-* (*-унь-*), *-чик-*, *-к-*. В ряде случаев они образуют диминутивы (*трескун* — *трескунчик*, *трескун* — *трескунóк*).

В итоге рассмотрения перечисленных выше лексем можно констатировать, что названия сверчка в говорах довольно разнообразны, в основном они, действительно, имеют звукоподражательную основу, хотя некоторые из именовании основаны на переосмыслении образа жизни, поведения данного насекомого. В целом нужно отметить, что сверчок в народном мировосприятии довольно четко дифференцируется,

неразличение наблюдается только между очень похожими насекомыми: сверчком, кобылкой, кузнечиком. Хотя и в этом случае в высказываниях информантов все-таки имеются указания на сопоставление двух этих насекомых, а не на полное совпадение их.

Фрагмент словаря базовых терминов метаязыка лингвистики

С. В. Лесников

Предлагаемый словарь включает лингвистические термины, представленные в гипертекстовом информационно-поисковом тезаурусе метаязыка лингвистики (гизаурус). Гизаурус создан при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по инициативному исследовательскому проекту (грант) № 11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С. В. Лесников) [ЛСВ.РФ, ГИЗАУРУС.РФ, МФРЯ.РФ].

Ключевые слова: гизаурус, лингвистика, метаязык, поиск, тезаурус.

Одной из актуальных задач современного языкознания является моделирование метаязыка лингвистики. Для изучения и освоения знаний об устройстве языковой системы и закономерностях её функционирования, для формирования лингвистической (языковедческой, языковой) компетенции необходим словарь базовых терминов и понятий метаязыка лингвистики. Несмотря на существующие многочисленные словари лингвистических терминов (как общие, так и по конкретным разделам лингвистики), множество базовых терминов каждым автором (авторским коллективом) формируется довольно субъективно. Используя компьютерную методику вычисления весов терминов и ранга источников метаязыка лингвистики, для словаря базовых терминов метаязыка лингвистики оставлены термины, которые получили наибольший вес.

Настоящий словарь базовых терминов и понятий мета-языка лингвистики не является окончательным, естественно, что он нуждается в пополнении и обсуждениях на научных мероприятиях в режиме научной дискуссии.

Строение словарной статьи

Словарь строится по алфавитно-гнездовому принципу и содержит базовые термины, предтермины, прототермины, профессионализмы, терминоиды, терминологические элементы, терминологизмы, ключевые слова и словосочетания, номены, номинативные словосочетания, семантические зоны и поля, отдельные лексические значения слов и дескрипторы, дефиниции, определения, описания, толкования... понятия метаязыка лингвистики.

В словарную статью включаются: 1) термин; 2) этимологическая справка; 3) синоним; 4) дефиниция термина; 5) иллюстрация и комментарий, связанные с различными аспектами употребления рассматриваемого термина и/или фиксацией различных точек зрения на него; 6) источник.

Словарная статья начинается с заголовочного слова, выделенного прописными буквами и снабжённого ударением. Ударение в заголовке словарной статьи выделяется строчной буквой.

Термины, если они носят заимствованный или интернациональный характер, сопровождаются этимологической справкой (в фигурных скобках). Например:

Мейозис (от греч. meiosis — «уменьшение, убывание»)

Синтаксис (от греч. syntaxis — «построение, сочетание, порядок»)

Суффикс (от лат. suffixus — «прикреплённый»).

Термин, имеющий синоним (эквивалент, вариант, параллельное дублетное выражение, равнозначное или равнозначное слово), приводится строчными буквами в круглых скобках после краткой этимологической справки. Например: ЛАКОНИЗМ {краткость речи}.

Терминологизмы (составные термины) помещаются в конце словарной статьи. При этом около каждого терминологизма в квадратных скобках дается ссылка на источники, в которых можно найти его толкование или другую необходимую информацию.

Все использованные источники оцифрованы и доступны в гипертекстовом информационно-поисковом тезаурусе метаязыка лингвистики (Лесников С. В. 2000–2015).

В словник словаря базовых терминов метаязыка лингвистики были включены термины, которые получили максимальные веса, рассчитанные по авторской методике вычисления весов терминов и ранга источников метаязыка лингвистики.

01. СБТМЛ_2012_Лесников С.В. Словарь базовых терминов метаязыка лингвистики; терминов=0218; слов=021880; вес=0,001548786657042440
02. ОТДДЛ_2011_Купшнерук С.П. Основные термины дисциплины Документная лингвистика; терминов=0131; слов=003542; вес=0,000791405160618747
03. ДЛОТ_2009_Роготнева Е.Н. Документная лингвистика Основные термины 84с; терминов=0131; слов=021982; вес=0,000789842648873515
04. ЛТСКТС_2007_Варпахович Л.В. Лингвистика в таблицах и схемах Кр. термин. сл.; терминов=0177; слов=006221; вес=0,000742202224852227
05. ССЛТ_1995_Эмирова А.М. Сл-спр лингв. терминов 96с; терминов=0225; слов=018875; вес=0,000604764931337994
06. ВЯУСЛТ_2008_Грязнова В.М. Введение в языкознание Учебный СЛТ 20с; терминов=0267; слов=005172; вес=0,000597090847801044
07. ЛС_1946_Жирков Л.И. Лингвистический словарь 157с; терминов=0218; слов=039820; вес=0,000585467494436651
08. РЯЭСШ_2006_Стронская И.М. Русский язык Энциклопедический словарь школьника 160с; терминов=0260; слов=016939; вес=0,000564228242888581
09. РЯККЯ_2010_Штоль А.А. РЯ для абитуриентов-гуманитариев Краткий курс языкознания С.137-192 61с; терминов=0181; слов=017983; вес=0,000546194019697624
10. СРЯСОП_1999_Сергеев Ф.П., Чижикова О.В. Современный РЯ. Система основных понятий Ч2 120с; терминов=0136; слов=018472; вес=0,000511831069821850
11. СШЛТ_2012_Богатырева И.А., Волошина О.А. СШЛТ; терминов=0348; слов=074012; вес=0,000475117235715759
12. СЛЛТ_2010_Поливанов Е.Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов 160с; терминов=0243; слов=049354; вес=0,000403701756452478
13. УСЛТ_2005_Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В. Учебный СЛТ; терминов=0411; слов=046689; вес=0,000382982653778378
14. РЯШСС_2002_Стариченок В.Д. Русский язык Школьный сл-спр 352с

- 7030экз; терминов=0669; слов=076799; вес=0,000364991436049220
15. СРЯСОП_1999_Селезнева Л.В. ред. Современный РЯ Система основных понятий ЧП 1999 184с; терминов=0373; слов=028026; вес=0,000359326829103434
16. УСЛТП_2002 Карпов А.К., Фролов Н.К., Шурыгин Н.А. ред. Учебный СЛТ и понятий 375с; терминов=0730; слов=110704; вес=0,000358719876823831
17. ШСЛТ_2012_Николина Н.А. Школьный СЛТ 200с; терминов=0675; слов=044881; вес=0,000357070022228260
18. КССР_1991_Касаткин и др. Краткий справочник по современному русскому языку 383с; терминов=0463; слов=099415; вес=0,000348568390294701
19. ОУСЛТ_2011_Антимирова В.В. Лексико-семант. и derivaц. характ. рус. лингв. термин. ДК Опыт учебного СЛТ 223с; терминов=0218; слов=038818; вес=0,000346934301602658
20. СЛТ_2000_Руденко-Моргун О.И. и др. IC репетитор СЛТ; терминов=0692; слов=031391; вес=0,000308651094865178
21. КСЛТ_1995_Васильева Н.В. и др. Краткий СЛТ 175с; терминов=1065; слов=041853; вес=0,000303867513805536
22. ОЯИЯТЯГ_2008_Драчева С.И. Общее языкознание История языкознания Теория языка Глоссарий 80с; терминов=0091; слов=020514; вес=0,000299424337662463
23. КЛС_1976_Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь 184с; терминов=1044; слов=047647; вес=0,000293079574600065
24. ПСЛТ_2010_Матвеева Т.В. Полный СЛТ 564с; терминов=1132; слов=140960; вес=0,000288878181696699
25. ШЛС_2007_Лемов А.В. Школьный лингвистический сл 384с; терминов=0846; слов=056328; вес=0,000287856357739715
26. СКР_СЛТ_2004_Казарина С.Г., Милюк А.В., Усачева М.П. СЛТ Стистика и культура речи УП по РЯ 114с; терминов=0056; слов=015528; вес=0,000285695318390243
27. СЛТ_1960_Марузо Ж. СЛТ 436с; терминов=1288; слов=099679; вес=0,000259320315105895
28. ВЯГ_2005_Федоринов А.В. Введение в языкознание Глоссарий С.36-50 59с; терминов=0224; слов=013290; вес=0,00023630947708389
29. САЛТ_1964_Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии словарь 264с; терминов=1132; слов=054504; вес=0,000235500235236336
30. ОСЛТ_2009_Куликова И.С., Салмина Д.В. Обучающий СЛТ 144с; терминов=0832; слов=021772; вес=0,000225565316938919
31. РЯЕГЭ_2009_Сенина Н.А. РЯ Подготовка к ЕГЭ-2010 СЛиЛТ С.122-136 511с; терминов=0040; слов=120316; вес=0,000223913211847623
32. ЛТС_2003_Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря из НовОбСлСинРЯ 31с; терминов=0263; слов=023328; вес=0,000202263032138738
33. ОЯИЯКС_2004_Михалев А.Б. Общее языкознание. История языкознания. Конспект-справочник 240с; терминов=0060; слов=039978; вес=0,000193348159458293
34. АПРЭМ_2002_Князев Ю.П., Лапидус И.Я. Архив петербургской лингвистики Энциклопедические материалы; терминов=0020; слов=005094; вес=0,000183666921144931
35. ССЛТ_1975_Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Сл-спр лингвистических терминов; терминов=2098; слов=108075; вес=0,000164644775488739
36. СРЛТ_2004_Абрегов А Н и др. Словарь русской лингвистической терминологии 347с; тер-

- минов=2235; слов=089182; вес =0,000156779336685073
37. ИПТЯ_2007_Смиренский В.Б. ИПТ языкознание 200с; терминов=2939; слов=043531; вес =0,000142798382767045
38. ССЛТ_1979_Едличка А. Словарь славянской лингвистической терминологии 2тт 1977-79 592+498с 6000экз 2266терминов Русский словник; терминов=2715; слов=011608; вес =0,000132617088443316
39. БЛС_2008_Стариченок В.Д. Большой ЛС 812с; терминов=3008; слов=196159; вес =0,000127269784468759
40. РЯЭ_1997_Караулов Ю.Н. гл. ред. РЯ. Энциклопедия терминов=2921; слов=304678; вес =0,000126453787212992
41. ЭССЛТН_2008_Тихонов А.Н. и др. Энцикл. Сл. Спр. лингвистических терминов и понятий 2тт; терминов=3491; слов=607911; вес =0,000114252636562065
42. СЛТ_1966_Ахманова О.С. СЛТ 608с; терминов=5158; слов=187428; вес =0,000102763523035179
43. СЛТ_2010_Жеребило Т.В. СЛТ 468с; терминов=5066; слов=249091; вес =8,53633583119259Е-05
44. ЛЭС_1990_Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь 685с; терминов=7473; слов=770351; вес =6,91597219727137Е-05
45. ЛСПШ_1964_Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы 351с; терминов=1160; слов=072689; вес =6,89688873933046Е-05

1. язык=12318	27. тип=1725	52. речевой=1339
2. значение=6656	28. совокупность=1711	53. употребление=1331
3. слово=6300	29. падеж=1693	54. развитие=1330
4. предложение=4507	30. действие=1686	55. текст=1330
5. словарь=4224	31. существительные =1652	56. теория=1328
6. форма=3544	32. состав=1609	57. функция=1310
7. связи=3270	33. понятие=1598	58. словарь =1299
8. время=3202	34. отличие=1571	59. правило =1299
9. речь=2919	35. словари=1514	60. сказуемое=1272
10. выражения=2871	36. знак=1488	61. местоимения=1247
11. отношения=2628	37. способ=1486	62. анализ=1245
12. термин=2589	38. единица=1485	63. определение=1244
13. система=2444	39. гласные=1484	64. основа=1243
14. грамматика=2274	40. признаки=1476	65. вопрос=1226
15. русский_язык=2267	41. лексика=1474	66. части_речи=1222
16. языковой=2045	42. признак=1467	67. лингвистика=1203
17. ударение=2014	43. имя=1445	68. языкознание=1199
18. согласные=2004	44. связь=1445	69. гласный=1169
19. вид=1962	45. ряд=1440	70. структура=1162
20. глагол=1910	46. фонетика=1408	71. существительное =1159
21. звук=1900	47. место=1402	72. группа=1147
22. фонемы=1858	48. род=1387	73. разновидность=1146
23. категории=1833	49. отношение=1377	74. предмет=1146
24. число=1827	50. выражение=1360	75. термины=1142
25. письмо=1765	51. роль=1345	76. прилагательные=1137
26. категория=1760		

77. лицо=1126
 78. изменение=1106
 79. процесс=1082
 80. слог=1076
 81. согласный=1067
 82. синтаксис=1067
 83. словосочетание=1036
 84. фонема=1016
 85. название=1004
 86. стиль=994
 87. образование=974
 88. словообразование=966
 89. современный_русский_язык=960
 90. суффикс=947
 91. изучение=944
 92. порядок=940
 93. содержание=938
 94. буква=927
 95. член=893
 96. союзы=888
 97. степень=880
 98. прилагательное=875
 99. морфема=864
 100. введение=851
 101. принцип=842
 102. подлежащее=832
 103. метод=830
 104. сочетание=825
 105. классификация=813
 106. основной=810
 107. нормы=802
 108. период=799
 109. интонация=798
 110. частицы=795
 111. звуковой=794
 112. описание=791
 113. варианты=790
 114. семантика=783
 115. наречие=776
 116. объект=774
 117. правила=762
 118. средство=754
 119. вариант=750
 120. письменность=742
 121. количество=737
 122. чередование=734
 123. окончание=730
 124. отсутствие=723
 125. положение=717
 126. высказывание=701
 127. дополнение=699
 128. произношение=697
 129. наклонение=682
 130. диалекты=682
 131. смысл=674
 132. класс=663
 133. корень=659
 134. состояние=658
 135. союз=657
 136. местоимение=647
 137. конструкция=645
 138. элемент=643
 139. числительные=641
 140. единство=636
 141. компонент=617
 142. строй=607
 143. морфология=605
 144. противопоставление=603
 145. книга=595
 146. диалект=592
 147. синонимы=585
 148. члены_предложения=584
 149. аффикс=569
 150. школа=568
 151. оборот=560
 152. литературный=557
 153. энциклопедия=551
 154. порядок_слов=546
 155. пол=543
 156. настоящее_время=540
 157. лексикология=536
 158. знания=535
 159. порядок слов=531
 160. модель=530
 161. переход=529
 162. причастие=524
 163. субъект=516
 164. новое=515
 165. значение_слова=508
 166. алфавит=504
 167. фон=501
 168. деятельность=495
 169. особый=493
 170. лексическое_значение=492
 171. инфинитив=491
 172. тон=489
 173. начало=489
 174. залог=488
 175. представление=487
 176. прямой=483
 177. лингвистический=479
 178. общий=478
 179. грамматический=476
 180. парадигма=474
 181. закон=474
 182. позиция=467
 183. управление=464
 184. план=463
 185. перевод=463
 186. предлоги=459
 187. членение=456
 188. центр=455
 189. часть_речи=451
 190. поле=449
 191. согласование=449
 192. склонение=447
 193. распространение=446
 194. выделение=445
 195. оппозиция=443
 196. литературный_язык=443
 197. корреляция=442
 198. аффиксы=440
 199. стилистика=436
 200. уровень=431
 201. оппозиции=431
 202. словообразовательный=427
 203. проблема=426
 204. смысловой=424
 205. омонимы=423
 206. свойство=418
 207. последовательность=417
 208. характеристика=415
 209. написания=414
 210. парадигмы=413
 211. грамматическое_значение=409
 212. материал=405
 213. понимание=403
 214. обстоятельство=402
 215. говорящий=401

216. ассимиляция=398
 217. точка=395
 218. показатель=390
 219. норма=384
 220. кюльтура=382
 221. фонология=378
 222. написание=377
 223. обозначение=376
 224. числительное=375
 225. область=375
 226. заимствования=372
 227. главный=368
 228. префикс=365
 229. междометия=364
 230. артикуляция=362
 231. цель=361
 232. аспект=360
 233. данное=356
 234. способ_словообразова-
 вания=350
 235. множество=349
 236. данные=346
 237. прием=345
 238. терминология=344
 239. образ=342
 240. ситуация=342
 241. флексия=341
 242. отражение=341
 243. метафора=338
 244. морфологический
 =336
 245. ошибки=336
 246. семантический=335
 247. langue=335
 248. общение=333
 249. фигура=331
 250. сложное_предложе-
 ние=330
 251. качество=330
 252. краткий=329
 253. предлог=329
 254. типология=329
 255. орфография=327
 256. сообщение=326
 257. именительный=325
 258. тема=324
 259. схема=321
 260. средний=320
 261. мышление=319
 262. голос=318
 263. тире=314
 264. выбор=313
 265. соответствие=312
 266. подчинение=311
 267. словарный=310
 268. цифры=307
 269. приставка=305
 270. именной=305
 271. строение=302
 272. литература=302
 273. сочинение=300
 274. высокий=299
 275. лексикография=297
 276. перенос=296
 277. отрицание=296
 278. оценка=294
 279. восприятие=294
 280. антонимы=294
 281. контекст=294
 282. противоположность
 =293
 283. информация=293
 284. сравнение=292
 285. тенденция=291
 286. простой=291
 287. транскрипция=290
 288. указание=290
 289. связанный=289
 290. факт=288
 291. синтаксический=288
 292. фразеологизмы=285
 293. толкование=285
 294. запятая=283
 295. очерк=283
 296. словоизменение=282
 297. соединение=279
 298. поговорка=278
 299. этимология=278
 300. классификация
 _языков=276
 301. придаточное_пред-
 ложение=275
 302. наименование=274
 303. фраза=274
 304. дерево=273
 305. связки=273
 306. член_предложения
 =272
 307. комплекс=271
 308. энциклопедический
 =268
 309. сходство=268
 310. частица=266
 311. спряжение=265
 312. нулевой=264
 313. языковедение=263
 314. стилистический=263
 315. статус=263
 316. грамматическая_ка-
 теория=263
 317. фразеология=261
 318. фонетический=260
 319. служебные_слова
 =259
 320. общее_число=259
 321. синонимия=259
 322. акт=257
 323. семьи_языков=257
 324. образец=256
 325. замена=254
 326. дееспричастие=253
 327. морф=251
 328. сторона=251
 329. факты=250
 330. сущность=249
 331. ответ=249
 332. общее_языкознание
 =248
 333. составляющие=248
 334. говор=248
 335. рифма=248
 336. полный=247
 337. функции_языка
 =245
 338. жаргон=245
 339. модальность=244
 340. значимость=243
 341. мягкий=243
 342. приложение=242
 343. статья=242
 344. воздействие=240
 345. дательный=240
 346. единицы_языка=239
 347. омонимия=238
 348. придаточная_часть
 =238
 349. расположение=238
 350. обращение=237
 351. научный=235

352. общее_языкознание=234
353. живой=233
354. винительный=233
355. общество=233
356. единицы_языка=231
357. связка=231
358. функциональный=231
359. сильный=230
360. арго=230
361. имена_существительные=229
362. артикль=228
363. определенный=228
364. формант=227
365. диалектология=227
366. сложное_слово=227
367. сокращение=225
368. конец=224
369. простое_предложение=224
370. знаки_препинания=224
371. предикат=223
372. энциклопедический_словарь=223
373. сочетаемость=222
374. любовь=222
375. заимствование=221
376. разговорный=220
377. стих=220
378. активный=220
379. шум=219
380. правописание=219
381. зависимость=216
382. общая_фонетика=216
383. утрата=213
384. смычные=213
385. палатализация=212
386. семиотика=212
387. реализация=212
388. деловой=212
389. форма_слова=211
390. общая_фонетика=211
391. окраска=210
392. словоформа=210
393. общность=208
394. аорист=208
395. повтор=208
396. синтагма=207
397. лексический=206
398. ономастика=206
399. архаизмы=205
400. рема=204
401. нейтрализация=204
402. неологизмы=204
403. полисемия=204
404. постфикс=203
405. двуязычие=203
406. оттенок=203
407. пунктуация=203
408. гнездо=203
409. творительный=203
410. жанр=203
411. переднего_ряда=201
412. объяснение=201
413. редукция=199
414. аналогия=199
415. обозначающее=199
416. народ=198
417. глухой=198
418. идея=198
419. повествование=198
420. синоним=198
421. сила=197
422. морфемный=197
423. имя_существительное=197
424. банту=196
425. сознание=196
426. пауза=196
427. графика=195
428. толковый_словарь=194
429. грамматические_категории=193
430. мужской=193
431. приступ=193
432. источник=193
433. дифференциация=192
434. чтение=192
435. надписи=192
436. деривация=192
437. единица_языка=192
438. сложный=190
439. ядро=190
440. рассуждение=190
441. словосложение=189
442. исторический=189
443. сложение=188
444. номинация=188
445. утверждение=186
446. именительный_падеж=185
447. жанры=184
448. подгруппа=183
449. уподобление=182
450. лексема=182
451. способ_образования=182
452. длительность=181
453. социолингвистика=181
454. полость=180
455. база=180
456. концепция=179
457. построение=179
458. тембр=178
459. степени_сравнения=176
460. фигуры=176
461. латинский=176
462. модальные_слова=175
463. философия=174
464. часть_слова=174
465. указатель=172
466. разбор=172
467. междометие=172
468. просторечие=171
469. событие=170
470. расширение=170
471. варьирование=170
472. словарный_состав=168
473. согласные_звуки=168
474. примыкание=168
475. дифтонг=168
476. носовые=168
477. отрезок=168
478. совершенный=168
479. адресат=167
480. справочник=167
481. звуки_речи=167
482. валентность=167
483. мягкость=166

484. вокализм=166
 485. гипотеза=165
 486. словарь_лингвистических_терминов=165
 487. метонимия=164
 488. мнение=164
 489. пословицы=164
 490. морфемика=164
 491. иррегулярный=163
 492. точность=162
 493. орфоэпия=161
 494. аффрикаты=161
 495. многозначность=160
 496. производное_слово=160
 497. ассимиляция=160
 498. родительный_падеж=160
 499. коммуникация=159
 500. распределение=159
 501. фразеологизм=159
 502. интенсивность=158
 503. природа=158
 504. тождество=158
 505. историческая_грамматика=157
 506. изложение=157
 507. низкий=156
 508. ударный=156
 509. звучание=156
 510. побуждение=156
 511. инверсия=156
 512. методика=156
 513. психолингвистика=155
 514. дефис=155
 515. диссимиляция=155
 516. сфера=155
 517. этимологический=155
 518. различение=154
 519. речевая_деятельность=154
 520. членение_предложения=153
 521. пространство=153
 522. рассказ=153
 523. фразеологический=153
 524. разговор=152
 525. органы_речи=152
 526. диалог=152
 527. фонемный=151
 528. грамматическая_форма=151
 529. языковые_средства=151
 530. прагматика=151
 531. присоединение=150
 532. носовой=150
 533. атлас=149
 534. предикативность=149
 535. лингвисты=149
 536. суффиксация=148
 537. ступень=148
 538. обособление=148
 539. аббревиатура=148
 540. орфографический=148
 541. сопоставление=148
 542. калька=147
 543. повторение=147
 544. параллелизм=146
 545. долгий=146
 546. языки_народов_сср=146
 547. синхрония=145
 548. паронимы=145
 549. морфонология=144
 550. диалектизмы=144
 551. лексическое_значение_слова=144
 552. сема=144
 553. поведение=144
 554. филология=144
 555. признак_предмета=143
 556. старославянский=143
 557. запись=143
 558. прямая_речь=143
 559. вводные_слова=143
 560. долготы=143
 561. синекдоха=142
 562. слоговой=142
 563. множественное_число=142
 564. ошибка=142
 565. широкий=142
 566. диахрония=141
 567. реалии=141
 568. соответствующий=141
 569. пассивный=140
 570. перестановка=140
 571. женский=139
 572. свободный=138
 573. граница=137
 574. губы=137
 575. личные_местоимения=137
 576. сонорный=137
 577. дефиниция=137
 578. корневой=136
 579. троп=136
 580. структурализм=136
 581. лексическое_значение_слова=135
 582. интерфикс=135
 583. умение=134
 584. несовершенный=134
 585. категории_состояния=133
 586. риторика=133
 587. звонкий=133
 588. темп=133
 589. антонимия=133
 590. единственное_число=133
 591. койне=133
 592. память=133
 593. структурный=133
 594. внутренний=132
 595. историзмы=132
 596. знак_препинания=132
 597. временной=132
 598. конверсия=132
 599. эсперанто=131
 600. сочетание_слов=131
 601. вариативность=131
 602. языковые_единицы=131
 603. логический=131
 604. ветвь=131
 605. акцент=130
 606. словообразовательное_значение=130

607. синтез=130
 608. эпитет=130
 609. фраза =130
 610. перфект=130
 611. следствие=129
 612. определяемое=129
 613. продуктивный=129
 614. редупликация=129
 615. форманта=129
 616. предикативный=129
 617. реконструкция=129
 618. гласный_звук=128
 619. культура_речи=128
 620. функция_языка =128
 621. языковая_система =128
 622. аффиксация=128
 623. структура_слова =128
 624. конкретный=127
 625. ритм=127
 626. правильность=127
 627. сложноподчиненное _предложение=127
 628. способы_словообразования=127
 629. звукоподражания =127
 630. клише=127
 631. глагольный=126
 632. обратный=126
 633. смычка=126
 634. скобки=126
 635. рот=126
 636. праязык=126
 637. союзные_слова=126
 638. гласный_звук=126
 639. азбука=125
 640. психология=125
 641. ареал=125
 642. видовой=125
 643. сложные_предложения=125
 644. интерпретация=125
 645. щелевые=125
 646. пласт=124
 647. принцип_орфографии=124
 648. развитие_языка=124
 649. составной=124
 650. экспрессивность=124
 651. категория_состояния=124
 652. конечный=124
 653. субстантивация=123
 654. кириллица=123
 655. прямое_дополнение =123
 656. односоставное_предложение=122
 657. выраженный=122
 658. ограничения=122
 659. инвариант=122
 660. билингвизм=122
 661. монолог=122
 662. переходность=122
 663. дистрибуция=122
 664. актуальное_членение_предложения =121
 665. этноним=121
 666. книжный=120
 667. зависимый=120
 668. тематический=120
 669. открытый=120
 670. местный=119
 671. строй_языка=119
 672. анафора=119
 673. усечение=118
 674. современный_русский_литературный_язык=118
 675. суждение=118
 676. условие=118
 677. разделение=118
 678. винительный_падеж=118
 679. нейтральный=117
 680. зависимое_слово =117
 681. денотат=116
 682. взрывные=116
 683. фигура_речи=116
 684. коми=116
 685. включение=116
 686. односоставные_предложения=116
 687. коммуникативный =116
 688. лингвистическая_школа=115
 689. цель=115
 690. когнитивная=115
 691. нёбо=115
 692. соподчинение=114
 693. иду=114
 694. гласные_звуки=114
 695. лексикон=114
 696. второстепенные_члены_предложения=114
 697. сингармонизм=114
 698. вспомогательный =114
 699. слабый=113
 700. цвет=113
 701. основание=113
 702. двойной=113
 703. правильный=113
 704. исключение=113
 705. новые_слова=112
 706. аббревиация=112
 707. рукописи=112
 708. поэтика=111
 709. совершенный_вид =111
 710. абсолютный=111
 711. табу=110
 712. семасиология=110
 713. слух=110
 714. механизм=110
 715. сегмент=110
 716. родной_язык=110
 717. вещь=110
 718. международный=110
 719. система_языка=109
 720. окружение=109
 721. ассоциации=109
 722. коннотация=109
 723. плеоназм=109
 724. ключ=108
 725. консонантизм=108
 726. субстрат=108
 727. дополнительный =108
 728. модификации=108
 729. словарная_статья =108
 730. высота=108

731. роман=108
 732. голосовой=108
 733. тезис=107
 734. структура_языка
 =107
 735. имя_прилагатель-
 ное=107
 736. собственные_имена
 =107
 737. исходный=107
 738. слияние=107
 739. сращение=107
 740. глагольное_сказуе-
 мое=107
 741. ценность=107
 742. метатеза=107
 743. автоматический=106
 744. словообразователь-
 ный_тип=106
 745. формальный=106
 746. обобщение=106
 747. агглютинация=106
 748. префиксация=106
 749. тезаурус=106
 750. прошедшее_время
 =106
 751. аббревиатуры=105
 752. сравнительный=105
 753. несовершенный_вид
 =105
 754. аккомодация=105
 755. согласный_звук=105
 756. творительный_па-
 деж=105
 757. безударный=105
 758. флексивные=105
 759. стилистическая_фи-
 гура=105
 760. публицистический
 =105
 761. усиление=105
 762. аканье=105
 763. лабиализация=104
 764. голосовые_связки
 =104
 765. система_языка=104
 766. множественность
 =104
 767. переходный=104
 768. сравнительно-исто-
 рический=104
 769. социальный=104
 770. структурно=104
 771. топонимика=104
 772. местоименные_наре-
 чия=104
 773. внутренняя_форма
 =104
 774. кавычки=103
 775. реальность=103
 776. словесный=103
 777. код=103
 778. общественные
 _функции_языка
 =103
 779. заключение=102
 780. парадигматика=102
 781. сужение=102
 782. двоегочие=102
 783. предложный=102
 784. смягчение=102
 785. действительный=102
 786. аллофон=102
 787. дательный_падеж
 =102
 788. приказ=101
 789. нуль=101
 790. состав_слова=101
 791. семья_языков=101
 792. население=101
 793. производные
 _слова=100
 794. подлежащее_и_ска-
 зуемое=100
 795. моделирование=100
 796. самостоятельный
 =100
 797. будущее_время=100
 798. лекс=100
 799. опрощение=100
 800. старославянский
 _язык=99
 801. эллипсис=99
 802. формообразование
 =99
 803. зубные=99
 804. синтаксические_от-
 ношения=99
 805. текстовой=99
 806. классы_слов=98
 807. специальный=98
 808. фразеологическая
 _единица=98
 809. графический=98
 810. основа_слова=98
 811. начальный=98
 812. агенс=98
 813. местоименные_наре-
 чия=98
 814. части_языка=98
 815. профессионализмы
 =98
 816. орфографический
 _словарь=97
 817. говорения=97
 818. качественные_при-
 лагательные=97
 819. учебник=97
 820. стилистике=97
 821. средства_общения
 =97
 822. вывод=96
 823. имперфект=96
 824. функциональные
 _стили=96
 825. лексико-грамматиче-
 ский=96
 826. метаязык=96
 827. общее_значение=95
 828. косвенная_речь=95
 829. частотный=95
 830. беседа=95
 831. объём=95
 832. супплетивизм=95
 833. слой=95
 834. мужской_род=95
 835. национальный
 _язык=95
 836. удвоение=95
 837. подъем=95
 838. категориальная
 _форма=94
 839. доклад=94
 840. вариант_фонемы
 =94
 841. восклицательный=94
 842. антитеза=93
 843. речевой_акт=93
 844. синтагматика=93

845. означаемое=93
 846. чистый=93
 847. гармония=92
 848. постоянный=92
 849. закрытый=92
 850. такт=92
 851. грамматический
 _строй=92
 852. суффиксальный=92
 853. выпадение=92
 854. вопросительный=92
 855. переразложение=91
 856. абзац=91
 857. серия=91
 858. зубы=91
 859. дискурс=90
 860. смычный=90
 861. градация=90
 862. произнесение=90
 863. воспроизведение=90
 864. образность=89
 865. притяжательные
 _прилагательные
 =89
 866. гипербола=89
 867. стилистический
 _прием=89
 868. жаргонизмы=89
 869. лексико-грамматический
 _разряд=89
 870. фонетическое _слово
 =89
 871. звонкие _согласные
 =88
 872. заднего _ряда=88
 873. внеязыковой=88
 874. ослабление=88
 875. глава=88
 876. план _выражения
 =87
 877. сложное _синтаксическое
 _целое=87
 878. внешний=87
 879. неизменяемые _слова
 =87
 880. грамматическая _категория
 =87
 881. аффриката=87
 882. история _языкознания
 =87
 883. смешанный=86
 884. темп _речи=86
 885. аллитерация=86
 886. нулевое _окончание
 =86
 887. императив=86
 888. палеография=86
 889. контакт=86
 890. филолог=86
 891. наложение=86
 892. порядковые _числительные
 =86
 893. символ=86
 894. перфекта=86
 895. отступ=86
 896. словник=85
 897. порядок _слов _в
 _предложении=85
 898. план _содержания
 =85
 899. алфавитный=85
 900. крылатые _слова=85
 901. форманты=84
 902. инструмент=84
 903. индоевропейский=84
 904. причастный=84
 905. шипящие=84
 906. относительные _прилагательные
 =84
 907. означающее=84
 908. олицетворение=84
 909. средства _языка=84
 910. вставка=84
 911. оглушение=84
 912. подчинительная
 _связь=84
 913. санскрит=84
 914. язык _и _мышление
 =84
 915. акустический=84
 916. народный=84
 917. логическое _ударение
 =84
 918. категория _рода=83
 919. эпентеза=83
 920. чередование _звуков
 =83
 921. функциональный
 _стиль=83
 922. этимологический
 _словарь=83
 923. изъывительное
 _наклонение=83
 924. сложноподчиненные
 _предложения=83
 925. подчинительные _сое-
 юзы=83
 926. многоочие=83
 927. словообразовательное
 _гнездо=83
 928. сравнительно-исторический
 _метод=83
 929. мотивация=83
 930. придыхание=83
 931. местоименные _слова
 =83
 932. пометы=82
 933. история _языка=82
 934. уровни _языка=82
 935. лингвистика _текста
 =82
 936. фаза=82
 937. активность=82
 938. происхождение _языка
 =82
 939. повелительное _на-
 клонение=82
 940. начальная _форма
 =82
 941. этнонимы=82
 942. структурная _линг-
 вистика=82
 943. однородные _члены
 _предложения=82
 944. губной=82
 945. документ=81
 946. транспозиция=81
 947. русистика=81
 948. дифференциальный
 =81
 949. частота=81
 950. дейксис=81
 951. идиома=81
 952. номинативный=81
 953. расподобление=81
 954. причина=80
 955. сравнительная _сте-
 пень=80
 956. парцелляция=80

957. языковой _знак=80	981. пропуск=78	1003. двусоставное _пред- ложение=77
958. фонологический=80	982. тавтология=78	1004. универсалии=77
959. ер=80	983. семантическое _поле =78	1005. истина=77
960. разговорная _речь =80	984. послелоги=78	1006. переносное _значе- ние=77
961. диалектный=79	985. союзное _слово=78	1007. знаменательные _слова=76
962. тропы=79	986. восходящий=78	1008. глаголица=76
963. частотный _словарь =79	987. ротовой=78	1009. второстепенный _член _предложе- ния =76
964. антропонимика=79	988. транслитерация=78	1010. методы _исследова- ния=76
965. инкорпорация=79	989. однозначность=77	1011. деепричастный=76
966. языковая _ситуация =79	990. страдательные _при- частия=77	1012. иероглифы=76
967. перемещение=79	991. вопросительное _предложение=77	1013. синтаксические _конструкции=76
968. грамоты=79	992. фразовое _ударение =77	1014. минимум=76
969. бытовой=79	993. звукоподражание=77	1015. языковой _союз=76
970. объект _действия=79	994. деятель=77	1016. сленг=76
971. фриктивный=79	995. фигуры _речи=77	1017. разновидность _языка=76
972. частотность=79	996. субъект _действия =77	1018. сопоставительный =76
973. идеография=79	997. звонкость=77	1019. поговорка=76
974. графема=78	998. аффрикат=77	
975. индоевропейские _языки=78	999. сближение=77	
976. архифонема=78	1000. имена _собственные =77	
977. падение=78	1001. жесты=77	
978. альтернатива=78	1002. возвратный=77	
979. щелевой=78		
980. глоссематика=78		

#АББРЕВИАТУРА= (лат. abbreviation от + краткий)

1) слово, образованное из названий начальных букв или из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание (инициальная А.). А. буквенная = из алфавитных названий начальных букв слов, образующих исходное словосочетание. А. буквенно-звуковая (смешанная) = частично из названий начальных букв, частично из начальных звуков слов исходного словосочетания. А. звуковая = из начальных звуков слов исходного словосочетания; 2) сложносокращенное слово [Лопатин В.В. ЛЭС. С.9; Немченко В.Н. 1984. С.182; КЛС_1976_Нечаев. С.7-8; БЛС_2008. С.11].

#аЗБУКА= (от названий первых двух букв аз+буки старославянского алфавита — кириллицы) (алфавит) совокупность расположенных в определенном порядке графических

знаков (букв), сложившаяся в определенный исторический период и используемая для фиксации и передачи на письме данного языка или языков.

#АЛФАВИТ= (азбука) (название двух первых букв др.-греч. А. — альфа+бета (новодр.-греч. вета)) система письменных знаков, передающих звуковой облик слов языка посредством символов, изображающих отдельные звуковые элементы [Иванов Вяч.Вс. ЛЭС]. [СЛТ_1960. С.24]. [КЛС 1997. С.11-13]. [КЛС_1976. С.13-14]. Алфавит = совокупность упорядоченных символов (букв) в конкретном языке или системе. В языке для построения слов могут использоваться только символы алфавита. Алфавит = фиксированный для каждого алгоритмического языка набор основных символов, из которых должен состоять любой текст на этом языке. Никакие другие символы в тексте не допускаются.

#АНАЛИЗ= (analysis) (др.-греч. разложение, расчленение) разбор — прием, противоположный синтезу и состоящий в разложении целого на его составные части. Грамматический анализ — процесс, с помощью которого определяют грамматическую категорию и функциональную роль слова в предложении [СЛТ_1960. С.26].

#АНАЛОГИЯ= (analogy) (др.-греч. соответствие, сходство, соразмерность, уподобление, сближение) один из законов функционирования и развития языка, в соответствии с которым образование и изменение языковых единиц и их форм происходит под влиянием, по образцу уже существующих единиц и форм. Термин А. «соразмерность значения или выражения» был заимствован у греков римскими грамматиками для обозначения тенденции к сохранению или установлению соответствия между мыслью и высказыванием в противоположность обратной тенденции, называемой аномалией. [Кубрякова Е.С. ЛЭС. С.31]. [СЛТ_1960. С.27-28]. [ЭСЮФ_1984. С.26-28]. [ГСЛТ_1924. 2001. С.28]. [КЛС_1976. С.16].

#АНТОНИМиЯ= тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения [Новиков Л.А. ЛЭС. С.35].

#АНТоНИМЫ= (др.-греч. против + имя) слова одной части речи, имеющие противоположные значения [Новиков Л.А. ЛЭС. С.36.; Шмелев Д.Н. 1977. С.202]. [СЛТ_1960. С.32]. [ЭСЮФ_1984. С.28-29]. [КЛС_1976. С.17].

#АРТИКУЛЯЦИЯ= (лат. членораздельно выговаривать) (произношение) 1) работа произносительных органов при образовании звуков речи; 2) положение этих органов, необходимое для образования данного звука. Речь — непрерывная смена артикуляций. Одна речевая поза сменяется другой, а это достигается перемещениями языка спереди назад, сверху вниз, движениями губ и т.п. [Кодзасов С.В. ЛЭС. С.46.; Бондарко Л.В. ЛЭС. С.165]. [ГСЛТ_1924. 2001. С.28]. [ЭСЮФ_1984. С.31-32]. [СЛТ_1960. С.38]. [КЛС_1976. С.20].

#АССИМИЛЯЦИЯ= (лат. к + уподоблять, притворяться) (диляция) приспособление одних звуков к другим, состоящее в приспособлении рекурсии предшествующего звука к экскурсии последующего. Первоначальной причиной ассимиляции является артикуляционная близость соседних звуков, в результате которой артикуляционные характеристики одного из них распространяются и на другой (ассимиляция по глухости/звонкости, твёрдости/мягкости, месту образования, способу образования). Различают ассимиляцию регрессивную (предшествующий звук уподобляется последующему) и прогрессивную (последующий звук уподобляется предыдущему). Антоним — диссимиляция. [Грязнова Н.А. ЛЭС. С.48]. [СЛТ_1960. С.42-43]. [ГСЛТ_1924. 2001. С.28-29]. [КЛС_1976. С.21-22].

#АТРИБуТ= (лат. данное, приписанное) => ОПРЕДЕЛЕНИЕ [ГСЛТ_1924. 2001. С.29].

#аФФИКС= (лат. прикрепленный) служебная морфема, минимальный строительный элемент языка, присоеди-

няемый к корню слова в процессах морфологической деривации и служащий преобразованию корня в грамматических или словообразовательных целях; важнейшее средство выражения грамматических и словообразовательных значений; часть слова, противопоставленная корню и сосредоточивающая его грамматические и/или словообразовательные значения [Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. ЛЭС. С.59.; Немченко В.Н. 1984. С.184, 186.; Шанский Н.М. 1968. С.149]. Различаются по функции аффиксы: 1) словообразовательные (словообразующие), служащие для создания новых слов; 2) формообразующие, служащие для образования форм слов; 3) словоформообразующие, совмещающие в себе функции словообразования и формообразования. По характеру воспроизводимости различаются аффиксы: 1) регулярные, которые воспроизводятся постоянно, образуя определенную модель слов, составляющих закономерные ряды образований; 2) нерегулярные, которые встречаются в единичных образованиях, не составляющих определенной модели. По степени производительности различаются аффиксы: 1) продуктивные, широко используемые для образования новых слов и форм; 2) непродуктивные (среди них малопродуктивные), не производящие вовсе или редко производящие новые слова и формы. Аффиксальные способы словообразования [Земская Е.А. 1989. С. 308-309.; Немченко В.Н. 1984. С. 235]. [СЛТ_1960. С.44-45]. [ГСГЛТ_1924. 2001. С.29]. [КЛС_1976. С.23].

#БаЗИСНАЯ Лексика = слова, по возможности не зависящие от конкретной культуры и исторической эпохи и присутствующие в любом языке. Пример — термины родства, названия самых универсальных явлений природы, части тела, числительные, простые действия (идти, стоять, есть и т. п.), простые характеристики (белый, черный, далеко). Одним из исследователей лексики такого типа был американский лингвист Моррис Сводеш. Он знаменит тем, что в середине 20 века разработал так называемый “список Сводеша” (Swadesh list), включающий 207 слов, универсальных

для каждой культуры. Результаты его работы и их дальнейшее развитие широко используются в настоящее время в лексикостатистике и глоттохронологии.

#БаЗИСНЫЙ СЛОВАРЬ= набор наиболее частотных и необходимых в общении слов изучаемого языка, как правило неродного, которые включаются в учебники и пособия и предназначаются для активного усвоения [ССМРЯ_1997. С.24].

#БуКВА= (от буки — названия второй буквы старославянской азбуки) 1) Знак на письме, указывающий на звук или слог, который необходимо произнести. 2) Единица алфавита, знак (графема) фонематического письма, соответствующая фонеме. Основная графическая единица в такой системе письма, где в качестве конечных единиц выделяются фонема и звук. Б. может обозначать различные звуки. Может не обозначать звук (напр., твердый знак ъ и мягкий знак ь). Различаются прописные А и строчные буквы а. [ГСГЛТ_1924. 2001. С.31]. [КЛС_1976. С.29].

#ВАРИАНТ= (лат. изменяющийся) (альтернант, вариантная форма, разновидность) видоизменение или разновидность (реализация, манифестация) языковой единицы, или эмы, т. е. фонемы, морфемы, слова, графемы и т. п., не нарушающее ее тождества. Выделяют В. акцентологический, морфологический, синтаксический [КЛС_1976. С.]. [ДР_1993. С.5].

#ВИД= аспект — грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, «как протекает во времени или как распределяется во времени» (А.М. Пешковский) обозначенное глаголом действие; морфологическая несловоизменяемая категория глагола, выражающаяся в противопоставлении лексем совершенного и несовершенного вида и служащая для обозначения различий в характере протекания действия со стороны (отношение к внутреннему пределу, результату, длительности, повторяемости и т. д.) [Мас-

лов Ю.С. ЛЭС. С.83]. [ЭСЮФ_1984. С.46-49]. [ГСГЛТ_1924. 2001. С.32-34]. [КЛС_1976. С.32].

#ВОКаБУЛА= (лат. слово) 1) отдельное слово иностранного языка с переводом на родной язык; 2) (основная форма, исконная форма, начальная форма, заголовок словарной статьи) заглавное слово словарной статьи.

#ВОПРОС= высказывание, имеющее целью побудить слушающего сообщить нечто неизвестное говорящему или представляемое говорящим как требующее выяснения. Выделяют общий, специальный (частный), альтернативный В.

#ВРЕМЯ= морфологическая словоизменительная категория глагола, выражающая в противопоставлении форм настоящего, прошедшего и будущего времени отношение действия ко времени его осуществления.

#ВЫРАЖЕНИЕ= 1. (оборот речи) разновидность построения речи, единица построения речи, обладающая теми или другими специфическими свойствами. 2. Обобщенное обозначение слова, словосочетания, оборота и т. п. как обладающих теми или иными диалектными или стилистическими особенностями. 3. Свойство языкового сообщения, делающее его доступным восприятию; противоп. содержание (в 1 знач.).

#ВЫСКАЗЫВАНИЕ= 1) единица речи, обладающая смысловой, интонационной и структурной законченностью, целостностью, выполняющая коммуникативную функцию и воспринимаемая слушателем в процессе общения; 2) логическое выражение, относительно которого всегда можно утверждать, что оно либо истинно, либо ложно. Предложение как единица языка имеет формальную сторону, а как единица речи — содержательную сторону. Высказыванием считают только содержательную сторону предложения [Гак В.Г. ЛЭС].

#ГИЗаУРУС= ГИПЕРТЕКСТОВЫЙ ТЕЗАУРУС РУССКОГО ЯЗЫКА (=открытая гиперсистема (конструкт, свод, коллекция) — очередной виток спирали развития МФРЯ в Ин-

тернете и на CD) — это использование новейших информационных технологий для анализа (переработки в широком смысле слова (в том числе, напр.: создание, воспроизведение, формализация, фиксация, архивация, хранение, библиографирование, каталогизация, редактирование, корректировка, издание, тиражирование, распространение, сортировка, статистика, адаптация и модификация, трансформирование, кодирование / декодирование, перевод...)) информации в нелинейной форме в интерактивном режиме на ЭВМ (с учетом иерархических, ассоциативных, сетевых и реляционных парадигматических связей) посредством синтагматически реализованных в компьютерной форме (фреймов, слотов, фасет, шпаций, доменов, объектов, структур, узлов, указателей, сегментов, агрегатов, векторов, записей, констант, переменных, идентификаторов, списков, множеств, кортежей, наборов, ссылок, файлов, групп, полей, массивов, таблиц, предикатов, отчетов, шаблонов, этикеток, карточек, кнопок, меню, экранов и сценариев и т. п.) оцифрованных лексикографических: ТЕКСТовых и СЛОВАРных, графических, аудио и видео, анимационных... данных [Лесников С.В. Словарь русских словарей. М.: Азбуковник, 2002. С.29].

#ГИПЕРТЕКСТ= принцип организации информационных массивов, при котором отдельные информационные элементы связаны между собой ассоциативными отношениями, обеспечивающими быстрый поиск необходимой информации и/или просмотр взаимосвязанных данных. «Гипертекст — или нелинейный текст — такая организация записи отдельных отрывков, фрагментов множества текстов (контекстов), которая позволяет комбинировать их в том или ином порядке, основываясь на задаваемых заранее переменных связях между ними, с целью получения каждый раз разных линейных последовательностей (текстов)» [ГАиАВС_1999. С.154].

#ГЛАГОЛ= (лат. *verbum*) одна из основных знаменательных частей речи, обозначающая действие, отношение, свойство или состояние как процесс и отвечающая на вопросы

что делать? что сделать? Начальная форма — инфинитив. Имеет постоянные морфологические признаки, на основании которых выделяются глаголы совершенного и несовершенного вида, возвратные и невозвратные, переходные и непереходные, безличные. Переменные морфологические признаки глагола (наклонение, время, число, лицо и род) имеют спрягаемые формы глагола в отличие от неспрягаемых форм (инфинитива и особых форм глагола: причастия и деепричастия). Формы морфологического словоизменения глагола используются для выражения сказуемого в составе предложений [ГСГЛТ_1924. 2001. С.38]. [Маслов Ю.С. ЛЭС. С.104]. [КЛС_1976. С.37].

#ГЛАСНЫЕ= сонанты — чисто тональные, голосовые звуки, состоящие главным образом из голосового тона, образуемые настолько свободным прохождением воздуха, что возможный при их произнесении слабый шум не воспринимается слухом как характерный их признак. Совокупность гласных образует вокализм. Гласные отличаются от согласных функционально, артикуляционно и акустически. Гласный образует слог, создавая его вершину. В основу классификации гласных по их артикуляции кладется: 1) степень подъема языка. Гласные верхнего, среднего, нижнего подъема; 2) место подъема языка (движение языка по горизонтали). Гласные переднего, среднего, заднего ряда; 3) участие или неучастие губ. Гласные лабиализованные (огубленные), нелабиализованные (неогубленные). По широте раствора рта (что связано со степенью подъема языка) гласные разделяются на широкие (акустически наиболее звучные); редкие (акустически средней звучности); узкие (акустически наименее звучные). Гласные звуки могут быть сильными (под ударением) и слабыми (в безударном слове). Под ударением гласные более долги, в безударном слове более кратки [КЛС_1976. С.37-38] [Бондарко Л.В. ЛЭС С.105-106]. [ГСГЛТ_1924. 2001. С.39-40]. [КЛС_1976. С.37-38]. БЕГЛЫЕ ГЛАСНЫЕ = Г. о и е современного русского языка, чередующиеся

с нулем звука при формообразовании и словообразовании. БЕЗУДАРНЫЙ ГЛАСНЫЙ = (неударенный, неударяемый) Г. = Г., не несущий на себе ударения и характеризующийся по сравнению с ударным Г. меньшей напряженностью органов речи и меньшей четкостью артикуляции. Б. гласный проверяемый = корневой (реже аффиксальный) Г., написание которого можно проверить, подобрав родственное слово или изменив форму данного слова, с тем чтобы безударный Г. оказался в слоге под ударением. ГЛУХИЕ ГЛАСНЫЕ = Г., произносимые в нормальной речи неполным голосом, т. е. менее звонкие, чем другие Г. звуки [ГСГЛТ_1924. 2001. С.39-40]. ДИФТОНГ = (др.-греч. буквально «с двумя звуками» или «с двумя тонами») = звуки, артикуляция которых подразумевает переход от одного гласного звукотипа к другому. Обычно в составе дифтонгов один из компонентов является слоговым, а прочие — нет. Если слоговым является первый компонент, то такой дифтонг называется нисходящим, если второй — восходящим. ЗАКРЫТЫЕ ГЛАСНЫЕ. = Г. звуки верхнего подъема, т.е. такие звуки, при артикуляции которых спинка языка занимает в полости рта самое высокое положение. Иррациональные_звуки = Г. звуки, более краткие, чем нормально краткие Г. того же языка. И. З. в тех языках, где они существуют или существовали, отличаются обыкновенно, кроме чрезмерной краткости, также меньшей звучностью и меньшей отчетливостью произношения. Термин акад. Ф. Ф. Фортунатова [ГСГЛТ_1924. 2001. С.54]. ЛАБИЛИЗОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ = огубленные ГЛАСНЫЕ. МОНОФТОНГ = (МОНОФТОНГА) (др.-греч. один + звук) = Г. звук, не распадающийся на два элемента. Противоположности: дифтонг, полифтонг. В латинском алфавите приведены буквы, обозначающие монофтонги. Их всего шесть: а, е, і, о, u, у. Читаются эти монофтонги так же, как и пишутся. В английском монофтонги гласные с устойчивой (неподвижной) артикуляцией: [i:], [i], [u], [u:], [e], [q], [W], [L], [O], [P], [x], [a:]. Всего 12 монофтонгов. Ненапряжён-

ные ГЛАСНЫЕ верхнего подъёма = разновидность Г. звуков в некоторых языках мира. Основная характеристика ненапряжённых Г. — положение языка схоже с положением языка при произношении гласных верхнего подъёма, но менее напряжённое. Часто этот тип Г. звуков описывается как расслабленный вариант полностью закрытых Г. Ненапряжённый ГЛАСНЫЙ переднего ряда нижнего подъёма = Г. звук, использующийся в речи на некоторых языках. Ненапряжённый неогубленный ГЛАСНЫЙ переднего ряда верхнего подъёма = Г. звук, существующий во многих языках мира. Ненапряжённый неогубленный ГЛАСНЫЙ среднего ряда верхнего подъёма = Г. звук, существующий в некоторых языках мира. Ненапряжённый огубленный ГЛАСНЫЙ переднего ряда верхнего подъёма = один из Г. звуков. Ненапряжённый огубленный ГЛАСНЫЙ среднего ряда = Г. звук, присутствующий в некоторых языках мира. Неогубленные ГЛАСНЫЕ = (нелабиализованные) Г., которые образуются без участия губ: [а], [и], [ы], [э]; противопоставляются огубленным Г., которые образуются с участием губ: [о], [у] [УСС_1998. С.109]. Неогубленный ГЛАСНЫЙ заднего ряда верхнего_подъёма = Г. звук, используемый в некоторых языках народов мира. Неогубленный ГЛАСНЫЙ заднего ряда нижнего подъёма = Г. звук, используемый в некоторых языках народов мира. Неогубленный ГЛАСНЫЙ заднего ряда средне-верхнего подъёма = Г. звук, используемый в некоторых языках. Неогубленный ГЛАСНЫЙ переднего ряда нижнего подъёма = Г. звук, используемый в речи на некоторых языках. Неогубленный ГЛАСНЫЙ переднего ряда средне-верхнего подъёма = Г. звук, используемый в речи на некоторых языках. Неогубленный ГЛАСНЫЙ переднего ряда средне-нижнего подъёма = Г. звук, используемый в речи на некоторых языках. Неогубленный ГЛАСНЫЙ среднего ряда верхнего подъёма = Г. звук, употребляющийся в некоторых разговорных языках. Неогубленный ГЛАСНЫЙ среднего ряда средне-нижнего подъёма = Г. звук, используемый

в некоторых языках мира. Носовые ГЛАСНЫЕ = Г., при артикуляции которых воздух идёт не только через ротовую полость, но и через носовую. Когда-то носовые гласные были и в славянских языках. Так, например, в старославянском языке они обозначались специальными буквами — юсами ж̣ (о носовое) и л̣ (э носовое). Кроме того, носовые гласные сохранил польский язык. Отличительная особенность польской артикуляции носовых — запаздывание носового призвука относительно основного звука, в то время как во французском они произносятся одновременно. Огубленный ГЛАСНЫЙ переднего_ряда_верхнего_подъёма = гласный звук, используемый в речи на некоторых языках. Огубленный ГЛАСНЫЙ переднего ряда нижнего подъёма = гласный звук, как отдельная фонема не существует. Огубленный ГЛАСНЫЙ переднего ряда средне-верхнего подъёма = Г. звук, используемый в речи на некоторых языках. Огубленный ГЛАСНЫЙ переднего_ряда_средне-нижнего_подъёма = Г. звук, используемый в некоторых языках мира. Огубленный ГЛАСНЫЙ среднего ряда_средне-верхнего_подъёма = Г. звук, используемый в некоторых языках мира. Огубленный ГЛАСНЫЙ среднего ряда средне-нижнего подъёма = Г. звук, присутствующий в некоторых языках. Открытый ГЛАСНЫЙ = Г., при произнесении которого высшая точка поднятой части языка находится несколько ниже, чем при произнесении соответствующих закрытых Г. Полугласный ГЛАСНЫЙ = 1) звук, близкий по своим фонетическим свойствам к Г., но не выполняющий слоговой функции; 2) (глайд) гласный, являющийся элементом дифтонга, но занимающий в нем подчиненное положение (т.е. не являющийся слогообразующим элементом дифтонга, неспособный нести на себе ударение) [Бондарко Л.В. ЛЭС]. Редуцированные ГЛАСНЫЕ = 1) сверхкраткие Г. среднего подъёма непреднего и переднего образования, унаследованные древними славянскими языками из праславянского; 2) Г. в речевом потоке, подвергающиеся редукции [Иванов В.В. ЛЭС]. Соединитель-

ные ГЛАСНЫЕ = служебные морфемы словообразовательного характера в сложных словах, имеющих в своем составе две или больше непроеводных основ. Соединительный ГЛАСНЫЙ = отдельный Г. звук (обычно о или е), употребляющийся в составе сложных слов между производящими основами для их соединения => интерфикс [Немченко В.Н. 1984. С. 234]. ТРИФТОНГ = (др.-греч. трехголосный) = сложный Г., состоящий из трех элементов, образующих один слог (чем и обеспечивается его фонетическая целостность) [Бондарко Л.В. ЛЭС]. Ударный ГЛАСНЫЙ = (ударенный, ударяемый) Г. = Г. звук, несущий на себе ударение. Узкий ГЛАСНЫЙ => протяжный, переходный между А и И (в русском языке мягкий, т. е. имеющий перед собой призвук Й). Этот звук сформировался в человеческом языке из сочетания АИ, образуется гибким и медленным движением языка вперед. Шепотный ГЛАСНЫЙ = Г., при произнесении которого чистый голос заменяется шумом, производимым трением воздуха о стенки межхрящевой щели => шепот. Шва = (ивр. — ничто) = Г. звук среднего ряда среднего подъёма («нейтральный»). В транскрипции обозначается перевёрнутой буквой «е» (IPA [ə], U+0259). По звучанию похож на нечто среднее между «а», «э» и «о». Этот гласный звучит во многих языках в безударной (слабой) позиции, а в некоторых — и в ударной. В иврите шва означает огласовку в виде двух точек под буквой, расположенных вертикально. Эта огласовка в иврите либо не произносится (отсутствие гласного звука), либо произносится как краткий нечёткий гласный «э». Комбинации шва с другими значками (т. н. «хатаф-огласовки») передают сверхкраткие безударные а, о или э. Шва отражен в санскрите как і, а в остальных индоевропейских языках — как а. В некоторых языках данный звук обозначается отдельной буквой. Например, в армянском (ր), румынском (ă), албанском (ë), болгарском (ъ), искусственном языке логлан (у). Шва (помимо других долгих и кратких согласных) встречался в общеиндоевропейском языке и был

связан чередованиями по аблауту. Широкий ГЛАСНЫЙ => 1) Г. нижнего подъема как характеризующийся наибольшим раствором рта (наибольшим расстоянием от языка до неба) и вытекающей отсюда максимальной сонорностью (звучностью); 2) ненапряженный Г.

#ГРАММАТИКА= (др.-греч. буква, написание) 1) строй языка, т. е. система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства, а также система наиболее общих правил и закономерностей употребления отдельных грамматических единиц — слов, словосочетаний, предложений (нормативная, школьная, академическая, научная грамматики); 2) раздел языкознания, в котором изучаются формы предложений и формы слов, употребляющихся в речи. Грамматика изучает форму языка в целом (как форму предложений, так и форму слов). Первоначальное значение — искусство чтения и письма. Типы грамматик: а) описательная — изучает грамматическое строение языка на определенном этапе его развития (обычно современном); б) историческая — исследует грамматическое строение языка в процессе его исторического развития, выясняет причины и результаты изменения определенных грамматических явлений; в) сравнительная — способом системного сопоставления и сравнения устанавливает общие и специфические закономерности развития языков; г) структурная — анализирует функции языковых элементов и их системные связи [Шведова Н.Ю. ЛЭС. С.113]. [ГСГЛТ_1924. 2001. С.41-42]. [ЭСЮФ_1984. С.70]. [КЛС_-1976. С.39]. ГРАММАТИКА ДЕТСКАЯ = механизм, управляющий речевой деятельностью ребенка. Г.д. представляет собой упрощенную модель грамматики нормативного языка: совокупность общих правил при отсутствии запретов и ограничений [ДР_1993. С.6].

#ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ= (формальное значение) наиболее общее, абстрагированное языковое содержание, присущее слову как определенной части речи. Способы

и средства выражения грамматических значений: аффиксация, порядок слов, служебные слова, интонация, ударение, редупликация, суфлетивизм и др. 1. Часть содержания слова, получающая обязательно формальное выражение в составе его словоформ. Грамматическое значение — основа грамматической категории. В семантической структуре слова грамматическое значение противопоставлено лексическому значению слова. 2. Обобщенное значение, свойственное ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций, которые находят регулярные языковые выражения. 3. Значение формальной принадлежности слова, т. е. значение отношения, выраженное не отдельным словом, а несамостоятельными элементами, дополнительными по отношению к основной части слова [Лопатин В.В. ЛЭС. С.116]. [КЛС_1976. С.41].

#ГРАФема = (др.-греч. пишу) 1) минимальная единица графической системы языка (системы письма), обладающая тем или иным лингвистическим содержанием. Ее референтом может быть слово, морфема, слог или фонема. Термин “Г.” часто употребляется как синоним буквы, иероглифа или его части. 2) Минимальный знак определенной системы письма, выражающий отношение соответствующей единицы языка (план содержания) к ее графическому отображению (план выражения) [Журавлев В.К. ЛЭС. С.117]. [КЛС_1976. С.41].

#ГруППА = 1) Единица фонетического, синтаксического и семантического членения речи. 2) Совокупность взаимоположенных элементов, на которой задана бинарная операция — сложение или умножение одних элементов на другие, согласно определенному закону композиции. При этом вид сложения или умножения подчиняется четырем аксиомам теории групп: а) замыкания; б) ассоциативности; в) нейтральности элемента; г) взаимобратности элементов.

Наименования оленя в уральских языках и севернорусских говорах*

М. Д. Люблинская, С. А. Мызников, А. М. Эрштадт

Сопоставление половозрастных определений оленя, используемые в уральских языках Северо-Запада России — ненецком, саамском, коми, с терминологией русских показывает, что собственные названия распространены в старо-оленоводческих культурах — ненецкой и саамской. Причем эти названия явно не имеют общего происхождения. В коми и русский языковой континуум олениводческие термины заимствовались из обоих языков.

Ключевые слова: культура олениводства, лексикология, олениводческая терминология, половозрастные названия оленя, ненецкий, саамский, коми, русский.

1. Вступление

В хозяйствовании четырех из пяти циркумполярных и многих пастушеских культур традиционно используется олень как средство жизнеобеспечения, хотя время и место возникновения олениводства однозначно не определено. Формы олениводства у разных народов различаются: «В настоящее время принято выделять пять типов олениводства: 1) лопарский (саамский) — использование оленей

* Сбор материала для исследования финансировался РГНФ (№ 14-04-00501а). Благодарим за полученные сведения своих информантов ненцев и коми, живущих в большеземельской тундре (экспедиция 2015 г.) — Р.И. Канюкову, А.А. Помолеву, Ф.С. Кауц, Л.П. Талееву, Д.Ф. Артееву и ее сына, П.Н. Вылка и его дочь В.П. Вылка, И.Н. Ледкова и студентов ИНС, ненцев, коми и саами — Марию Тибичи, Юлию Езынги, Киру Семяшкину, Татьяну Тайшину (Сязи), Марию Дугину, активно помогавших в сборе лексики. За научную консультацию благодарим к. и. н. К.В. Истомина (Сыктывкар).

под выюк и в упряжке; доение; пастьба с собакой, олень-манщик; 2) западно-сибирский, или самодийский — упряжное оленеводство; доения нет, олень-манщик, пастушеская собака; 3) тунгусский (сибирский) — выючно-верховое оленеводство, с верховым седлом без стремян, частично упряжное; доение; олень-манщик, пастушеской собаки нет; 4) северо-восточное — упряжное оленеводство; олень-манщик, пастушеской собаки нет; 5) саянский (тувинцы, тофалары) — выючно-верховое оленеводство; с выючным детским и верховым (со стремянами) седлами; доение; пастушеской собаки нет; оленя-манщика нет¹.

Восходят ли типы хозяйствования к одному источнику или образовались конвергентным путем? Сторонники взгляда позднего происхождения оленеводства указывают, например, что у саянских оленоводов вся верховая упряжь аналогична той, которую применяют их соседи-скотоводы [Вайнштейн 1968: 361]. Возникновение верховой езды на оленях, характерное для орочен, объясняют влиянием степных скотоводов [Василевич, Левин 1951: 81].

Напротив, В. Г. Богораз-Тан считал, что приручение оленя, как тип скотоводства, есть следствие охоты на дикого северного оленя, свойственное эпохе позднего палеолита [Богораз-Тан 1928: 66]. Не случайно наименование дикого оленя на ненецком языке **илебць** — букв. ‘средство жизни’, поскольку его мясо человек употребляет в пищу, а шкуру — на создание предметов первой необходимости: одежды, обуви, жилища (покрытие чума). Убедительна позиция З. Е. Чернякова, согласующаяся с этим наблюдением Богораза. Он обращает внимание на отличие оленя от других прирученных человеком животных и, соответственно, оленеводство от других типов животноводства. «В отличие от домашнего скота, олени полудикие животные, приручение

¹См.: Оленеводство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://human_ecology.academic.ru/1626/Оленеводство (дата обращения: 01.12.2017).

которых не идет ни в какое сравнение с приручением лошадей, крупного рогатого скота, коз и овец, свиней и проч. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно побывать в стаде, наблюдать поведение оленя, который не подпустит к себе человека на близкое расстояние. Выловить его из стада, чтобы поставить в упряжку, для клеймения или другой цели, можно только с помощью аркана, набрасываемого на рога. Это требует определенной сноровки. Затем надо подтянуть оленя к себе, повалить на землю, надеть узду и заставить подчиниться в зависимости от цели, которую вы себе ставите» [Черняков 1998]. Многие свидетельства совместной жизни оленьего стада и пастухов говорят о единении, в котором ведущим является олень, а человек следует за его сезонным перемещением². Прирученный олень дополнительно служит для перевозки груза и людей. На Европейском Севере оленеводство присуще уральским народам — ненцам, коми, саамам и в малой степени русским, сосуществует рядом два оленеводческих типа.

Одомашненные олени около ненца упомянуты в словаре Ричарда Джемса в начале XVII века («Tch. Samoedi sic olenas vosant» [Simoni 1929: 127]). По мнению В. И. Васильева, группа самодийцев пришла на Европейский Север в первые века нашей эры из-за Урала (Средний Иртыш) под давлением гуннов и дала начало европейским ненцам. Ненцы в новой обстановке перенесли существующие у них навыки скотоводства на оленя, и с середины XVIII в. домашнее оленеводство стало ведущей отраслью хозяйства [Васильев 1998]. Из этого следует, если верны выводы З. Е. Чернякова, что они сменили и «способ» взаимодействия с животным. Ко времени встречи ненцев с саамами у обоих народов уже были различные оленеводческие навыки, о чем свидетельствует ненецкое название саамской кережи (однополосные сани) — **һано хан** ‘лодка-сани’ [Хомич 1976: 81].

²Например, фильм «Япстик Хэсе».

У саамов оленеводство было засвидетельствовано в IX в., значит, оно возникло раньше. Разбирая источники, З. Е. Черняков приводит несколько гипотез о происхождении саамского оленеводства:

1. Заимствовано от ненцев.
2. Заимствовано от скандинавов позднее IX в. н. э.
3. Независимого возникло у саамов в Фенноскандии.

По его мнению, в настоящее время нет археологических или исторических данных, убедительно подтверждающих какую-либо из этих концепций [Черняков 1998].

Коми-ижемцы стали заниматься оленями не ранее конца XVII в. Причем, заимствовав оленеводческий комплекс у ненцев, внесли в него ряд усовершенствований, и к концу XIX в. по праву считались крупнейшими оленеводами Европейского Севера. Отличительной чертой ижемского оленеводства была его высокая товарность³, хорошо поставленная селекционная работа, оптимальный половозрастной состав стада. Выпас производился крупными стадами численностью около 2 тысяч голов с помощью оленегонных собак и при круглосуточном надзоре пастухов.

У русского населения оленеводство в широких масштабах не практиковалось, однако по материалам экспедиций в Беломорье удавалось зафиксировать ряд рассказов о содержании оленей. Например, в селе Княжая Губа на Кольском полуострове рассказывали о наличии оленей в хозяйстве, о заготовке ягеля и т. п. Даже в тех местах, где не держали оленей, местные жители знали про оленеводство. Значительная часть русских диалектных лексем, относящаяся к оленеводству, представляет собой заимствование из финно-угорских и самодийских языков [Мызников 2016].

К XX в. на Северо-Западе Европейской части России, а затем в СССР, сформировалась специфическая этниче-

³По мнению информантов, это задается соответствующим отношением к стаду, напротив, в ненецкой культуре устанавливаются 'личные' отношения между пастухом и оленем.

ская группа, народы которой взаимодействовали, ведя хозяйство сходного типа, что отмечают исследователи. Этнограф Н. В. Ушаков по впечатлениям своих полевых исследований говорит о взаимовлиянии ненцев НАО и коми-ижемцев на крайнем западе (с. Несь)⁴. Ненцы и саамы долгое время проживали на одной территории; возможно, именно саамы подразумеваются под живущими в холмах **сихиртя**⁵. З. Е. Черняков обращает внимание на тесное общение саамов и коми-ижемцев на Кольском полуострове, что обусловило специфический характер саамского оленеводства этой территории в сравнении с хозяйствами финских и норвежских саамов [Черняков 1998].

2. Как соотносится современная оленеводческая лексика этих народов?

Оленеводы описывают функциональные признаки оленя, причем классификация для каждой из культур характеризуется как «всеохватывающая»: «Различия по масти в сочетании с такими признаками, как возраст (восемь периодов до 6½ лет)⁶, способность к размножению (теленки; бык-производитель или кастрированный; самка стельная, беременная или бесплодная) и другие характеристики, которые использовали саамы (и другие этносы. — *Авт.*) для создания замечательной классификационной системы, может охватить тысячи комбинаций и точно описать каждое животное» [Spencer 1978: 44]. Этим принципом в целом определяются оленеводческие классификации на языках Севера

⁴Личное сообщение.

⁵Вероятно, слово образовано от **си** ‘отверстие’, которое служило дверью в их жилища, полуземлянки, крытые дерном. З. Е. Черняков полагает, что **сихиртя** образовались в результате смешения протосаамов с протосамодийцами [Черняков 1998].

⁶В классификации Эршадт для называния оленей разных возрастных групп собрано 6 наименований, остальные слова подразумевают дополнительные признаки.

России, составленные на сегодня, например, [Бармич 2014; Куликова 2014; Петров 2017].

Для сопоставления оленеводческой лексики в культурах Северо-Запада России мы используем классификации оленя у ненцев (большеземельских и канинских с привлечением ямальского материала), коми-ижемцев и кильдинских саамов, исходя из работ [Пырерка 1938; Вербов 1938; Лаптандер 2010; Бармич 2014] и своих полевых материалов. Данные саамского языка были представлены в [Эрштадт 2014]. Привлекаемые материалы по коми языку записаны коми-студенткой ИНС К. П. Семяшкиной, собраны в [Истомин 2004], а также записаны М. Д. Люблинской в экспедиции в НАО летом 2015 г. Перевод слов саамского языка по умолчанию взят из (СРС), ненецкого — из (Терещенко 1965). Иные источники оговариваются.

2.1. Общее название оленя

В ненецком существует два общих названия: **ты** ‘домашний олень’ и **илебць’/илебчь’** ‘дикий олень’, что зафиксировано уже в записях Т. Лехтисало (Lehtisalo 1956: 128)⁷. В рукописи А. П. Пырерка приведено только одно слово **ты** [Пырерка 1938]. Второе слово является описательным (< **иле’** ‘жить’ + суффикс средства) и, видимо, исходно означало вообще оленя, но после одомашнивания стало использоваться для отличия ‘дикаря’.

В коми-ижемском языке **кõр/кор/хор** значит ‘северный олень’, **ачыс ветлысь кõр** ‘дикий северный олень’, **видзан кõр** ‘домашний северный олень’. Это же слово обозначает ‘самец оленя’. В саамском есть многозначное слово **пуаз**, которому словарь (СРС) приписывает значение ‘домашний олень’, но это значение в последних исследованиях по хозяйственной лексики не отмечено, скорее слово приобрело видовой оттенок: **таввял пуаз** ‘северный олень’ (**таввял** ‘север’), **коаннѣт**

⁷В Словарь также внесено слово **mar’** ‘самец дикого оленя’, записанное в Обдорске и около него (сейчас ЯНАО).

пуаз ‘дикий олень’ (коаннѣт ‘дикий олень’) [Эрштадт 2014: 52]. Саамское слово пуаз, как и ненецкое ты, не передает пол особи и используется в составном обозначении самца и самки — ниңүлэсс пуаз и оаресь пуаз (ниңүлэсс) ‘самка’, оаресь ‘самец’).

Для слова ‘стадо оленей’ в ненецком и коми-ижемском языках нет отдельного слова, используется ты” (plug.) и собирательная форма көра. Стадо и домашних, и диких оленей по-саамски называют чутце/чуэз.

2.2. Половозрастные группы

Во всех культурах лексически обозначены половозрастные группы: телята, самки, самцы. В каждой группе имеются свои подразделения, которые определяется физическими возможностями особи: мягкостью/плотностью шкуры, плодовитостью, пригодностью к физическим работам и т. д. По наблюдениям К. В. Истомина, у ижемских оленеводов существует две классификации, построенные на разных принципах: половозрастная, используемая в непосредственном процессе производственной деятельности, и классификация, определяющая качество шкуры оленя (опосредованный возраст), насколько она подходит для изготовления тех или иных изделий, например, **маличволь** означает «маличная шкура», **липичаволь** — «шкура для липт», **сераволь** — «пестрая (узорная) шкура» и т. д. [Истомин 2004: 63]. Причем термины первой парадигмы («производственные») по большей части заимствованы у ненцев или у русских, а термины второй («потребительские») явно образованы самими коми. В классификации ненцев проводятся эти же два принципа, хотя менее последовательно. В список А. П. Пырерка внесены **мальцясана сую** ‘теленки пригодный для малицы’ [Пырерка 1938]. По наблюдениям А. М. Эрштадт, свойства шкуры оленя у кольских саамов не описываются отдельным словом, а ассоциированы с возрастом.

2.2.1. Телята. От рождения оленьего теленка и до достижения им возраста полутора лет в ненецком языке выделяются 4 возрастных периода, или лексико-семантических группы. У теленка, родившегося в мае, шкурка мягкая, это пыжик (нен. **сую**). Недельного пыжика ненцы ласково называют **таско сую** (**тас** ‘целый’, потому что прожил целую неделю) [Бармич 2014]. В 2 месяца теленок первый раз меняет шерсть на более мелкую и грубую, получает ненецкое название **пендуй/педук**; но в саамском языке, по данным, этот период не отмечен отдельным названием [Эрштадт 2014]. В 3–4 месяца, к августу, у теленка меняется шкура, проходит линька, и ненцы называют такого **няблюй/неблюй**; по окончании линьки таких телят начинают забивать, шкуры идут на нюки и одежду, мясо на еду, **мальцясана сую** ‘теленки, пригодный для малицы’ [Пырерка 1938]. К. В. Истомин комментирует: «Телят забивают всю осень, на забой в совхоз тоже выбраковывают в основном их. Тут логика очень проста — хотя второгодки и весят больше телят, но не настолько сильно, чтобы этот добавочный вес оправдывал расходы на содержание оленя в течение целого года. Поэтому считается, что из телят нужно оставить животных на ремонт стада (обычно самочек), а всех остальных пустить под нож. Телята, которых не отправили на забой, и называются “зимними” (**сую сырэй**⁸). Мне кажется, что этот термин следует понимать просто — **сую** (теленки), который (остался) жив в течение зимы (его не забивали, как большинство телят)»⁹. По окончании зимнего периода, с началом кочевания на север, **неблюй** становится **нялуко/налуко**¹⁰, особенно значи-

⁸Ср. значение слова **сырэй** ниже — в словаре [Пырерка 1938] и в материалах Вербова [Вербов 1938].

⁹Выражаем большую благодарность К. В. Истомину, давшему ценные практические комментарии к отдельным наименованиям и предоставившему текст своей кандидатской диссертации [Истомин 2004].

¹⁰Что касается термина **нялуку**, то в нем конечное **ку** является суффиксом уменьшительным, и термин, как кажется, очень точно передает особенности этого вида оленей не только со стороны величины и формы, но и со

мым становится это наименование при появлении «новых» сую-телят в мае. После того, как у **нялуко** проходит линька в августе, он становится **нямнуко/намна** ‘теленоч-самец до 2-х лет (лоншак)’. У коми самцы и самки телята от 6 месяцев до года называются **нялуко-хора** и **нялуко-важенка**, а от года до двух **нямнику** и **сырица** [Истомин 2004].

У ненцев **сырей** называется теленок-важенка на втором году [Вербов 1938] или двух лет [Бармич 2014]. Выделенные в классификациях возрастные периоды телят не всегда совпадают, поскольку конкретное состояние теленка может длиться некоторое время, у разных особей происходит с разной скоростью, зависит от состояния телят.

У саамского теленка 3 возрастных периода: от рождения до 3-х месяцев (**вўсьс'/viss'a**), от 3-х месяцев до полугода (**чѐпѐрк**) и от полугода до полутора лет (**лўһпель**) [Эрштадт 2014: 46].

В каждом возрастном периоде в обоих языках может уточняться разделение на самцов и самок — ненецкий: **хора сую** ‘теленоч-самец’, **ятя сую** наряду с **яхадей сую** ‘теленоч самка’, **хора нялуку** ‘годовалый теленок самец’, **ятя/етя нялуку** ‘годовалый теленок самка’. Составные лексемы также используются в канинском говоре ненецкого языка для обозначения взрослых особей **хора ты** и **ятя ты** (**етя/ятя** ‘самка’) [Бармич 2014]. Теленоч-самка, который телится на первом году, раньше положенного срока, у ненцев называется **нявѐча/нявѐця** или **яхадей сую**; коми: **нялуку кора** и **нялуку важенка**¹¹; саамский: **ниңнлѐсс вўсьс'** ‘оленинеч-самка’, **оаресь**

стороны производственной. Дело в том, что весной у годовалых телят опадают рога, и поймать их арканом бывает очень трудно, так как они легко проскальзывают сквозь петлю. Этим моментом и обусловлено, по видимому, в основном название этого вида телят **нялуку**. Поимка же этих телят диктовалась хозяйственной потребностью оленевода — нарезать на ухах метки собственности, чтобы, попав на летнем стойбище в другое стадо, телята не затерялись бы [Пырерка 1938: 10].

¹¹По материалам Истомина, в коми-оленинечестве уже с полутора лет обозначают пол теленка [Истомин 2004].

вўсьь ‘оленинок-самец’, ниңулэсс чѐпѐрк ‘олениха 3–4 месяцев — чопурок-самка’, оаресь чѐпѐрк ‘чопурок-самец’. При чем слово **хора**, взятое отдельно, в отличие от **оаресь**, означает конкретно ‘самец-олень (производитель)’, а в сочетании с другими названиями животных и птиц — самец этого вида (ср. **хора вэнеко** ‘пѐс, кобель’ / **оаресь коасс** ‘кот’; **хора ња** ‘но’ ‘самец утки-морянки, селезень’ / **оаресь чузень** ‘гусак’). У саамов также есть специальное слово **оарехь** ‘урак (олений бычок, от года до двух)’, позаимствованное в русский язык.

Соотношение названий для оленьего теленка:

возрастной период	русский	ненецкий	коми	саамский
новорожденный	теленок-пыжик	сую / суляко	теля	вуэсьь / viss'a
во время линьки первой шерсти (до 3–4 мес.)	пэндук (?)	пендук / пендуй сую	пеггу теля	pižim kaškej viss'a
теленок после первой линьки (до 6 мес.)	чопурок / неплюй	няблюй сую	неблюй	чѐпѐрк
от 6 мес. до года	лопанок	нялуко	нялуко / нялуку	лухпель / liхpal'
от полутора до 2-х лет	урак	намна / намнуко	нямнюку (самец) / сѐрыча (самка)	чирмах; оарехь

2.2.2. Важенка. С двух лет теленок становится молодым оленем. В ненецком для обозначения важеньки и самца используют особые слова **яхадей** и **хора**, на языке коми **важенка** и **кѐр/кор**. В саамском ‘важенка’ — **ваджь/важь** или **ăллт** и **vūbres** ‘самец от трех лет’. В саамском языке половые различия оленя могут маркироваться как метафорические: **ниййт** ‘самка оленя’; **пăррьн** ‘самец оленя’ (ср.: **ниййт** ‘дочь, девушка’, **пăррьн** ‘парень, юноша’) [Эрштадт 2014: 54]. Само русское слово ‘важенка’ заимствовано из саамского кильдинского **vădž**, род. п. **vădtšəm** (Фасмер). Подросшая самка

с двух лет называется по-ненецки **нисе́мя** (букв. ‘тельная’, ср. **нисерць** ‘телиться’).

Важнейшая способность самки — способность приносить потомство: ‘вынашивающая плод, стельная важенка’ по-ненецки называется **мындё** (букв. ‘брюхатая’). По-саамски **ярас а́лт** ‘стельная важенка’ (**jaaras** — ‘беременный (о животных)’); на коми-ижемском — **тыра** (**тыр** ‘полный, наполненный чем-л.’)¹². Специальные названия уточняют детородную способность самки: у ненцев двухгодовалая самка (первотелка, нетель) называется **сырица/сырича** или **сырей** — слово **сырей** означает ‘зимний’, в словосочетании **сую сырей** ‘годовалый теленок’, а отдельно употребленное — двухгодовалую самку, приносящую первого олененка (**сырица/сырича**) [Бармич 2014]. Коми заимствовали слово у ненцев, называют такую самку **сырит**; в саамском языке она называется **вундел/вуннял/вонделка**. В ненецком есть еще одно название для самки, которая телится на первом году **нявэча/нявча**: по-коми — **нявотя**. Старая самка по-ненецки называется **нармы/пухуле яхадей** (букв. ‘большая’ или ‘состарившаяся важенка’); по-саамски **пуэрьес а́лт**, где **пуэрьес** — ‘сказ. старый, дряхлый’; по-коми **пэрыщ важенка**.

Бесплодность определяется специальным набором терминов: ненецкий язык: **ванггты/ванггды (яхадэй)** ‘яловая важенка’ (ср. **ваңгабтась** ‘перен. обойти стороной кого-что-л.’ (Терещенко 1965: 16)), по-саамски — **vuzhem**, коми используют заимствованное слово **яла/яловая**. По-ненецки **нюсяда яхадей** ‘важенка, не имеющая приплода (букв. бездетная)’, **яхадей хабтарка** (букв. ‘самка-почти-бык’) — ‘важенка, которая телится только один раз’, **хоре хабтарка** (букв. ‘самка-почти-бык’) — ‘ни разу не отелившаяся важенка’. В саамском языке этому соответствуют несколько названий: **вўзь-хем а́лт**, **роноалт**, заимствованное **хапторка** ‘не отелившаяся

¹²См.: Коми-русский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fotol1.com/komi/vocabular/22.php> (дата обращения: 01.12.2017).

яся важенка', *vužhem*, *čovžex* или *jalofka* 'яловая важенка'; по-коми **ялова** и **хапторка**.

Соотношение названий для самки оленя:

	русский	ненецкий	коми	саамский
самка оленя, приносящая приплод	важэнка	яхадей	важенка	ваджь / әллт
самка 2-х лет	вонделка / сырича	сырэй	сõрыча / сырица	вундел
старая самка		пухуле яхадей	пэрыщ важенка	пуэресь әллт
яловая самка		ванггды	яла	vužhem
бесплодная самка	хапторка	хабтарка	хапторка	вўзьхемь әллт / роноаллт / хапторка

2.2.3. Оленей-производителей ненцы называют **хора** (**ты**), саамы **сарвьэсь/сарва**, коми **кõр/кор/хор**. Телят на разведение выделяют довольно рано, остальных холостят, поскольку кастрированные олени — быки — «легко поддаются дрессировке, они отличаются большой выносливостью, упитанностью и ценятся в хозяйстве, поскольку на них можно перевозить тяжёлые грузы во время трудоёмких перекочёвок» [Лаптангер 2010: 145]. Кастрированный олень, бык по-ненецки называется **хабт** и по-саамски — **ёррьк**, по-коми и по-русски **бык**. Неудачно кастрированный бык по-ненецки **хоранггабт** (< **хора** + **хабт**) [Пырерка 1938: 28].

Взрослым теленок становится от трех–четырёх лет. По наблюдениям А. П. Пырерка, в ненецком отличается словообразовательная модель определения возраста двухлетнего, «недозрелого» самца, от названий более старших оленей: «**сидесь** **хора** 'двухгодовалый самец', от **сидя** — числительное 'два', **-сь** — суфф. имени орудия действия» [Пырерка 1938: 15]; в назывании более старшего возраста этот суффикс уже не используется: **тет (мат)** **пота ты хора** 'четырёх- (шести-)летний олень (**тет** 'четыре', **по** 'год', **-та** — прича-

ствие несовершенного действия)»; **няхара хора** ‘трехгодовалый самец’ (**няхар**” ‘три’). Коми-ижемцы-оленоводы называют возраст оленя, также используя числительные: «**нель хора**» (трехлетний, от **нель** — четыре, т. е. на четвертом году жизни), «**вит хора**» (от **вит** — пять).

В саамском языке самцы разного возраста получают разные наименования: **vūbres'** — олень-самец трех лет, **кõн-тас**, **нёлыйгса пуаз** или **шелмахт** ‘четырёхгодовалый олень-самец (контус)’, **kuiskos**, **пыэрсемшалмахт** — ‘5-летний самец-олень’.

Сравнение названий самца по возрасту и способности к воспроизводству:

	русский	ненецкий	коми	саамский
олень-самец	хора	хор / хора	кõр / кор / хор	сарьвэсь / сарва
самец от года до двух	намн'уку	намна	хора нялоко	āрехь
молодой самец-олень до 3-х лет	намн'уку	намна	намнику	vūbres'
двухлетний самец		сидесь'		лонтак
трехлетний самец	третьяк / гирвас	няхара хора	куимара	вубресь
четырёхлетний самец		тет пота хора		шелмахт
кастрированный бык	бык	хабт	бык	ёррьк

2.2.4. В русских говорах фиксируются многочисленные лексические единицы, которые можно рассматривать как своего рода оленеводческую терминологию. Причем, вероятно, такого рода данные не представляют цельную систему, а всего лишь ее фрагменты, заимствованные из различных смежных языков, носители которых занимаются оленеводством. Чаще всего в качестве источника фигурируют ненец-

кий, саамский языки, в ряде случаев коми-ижемский, нередко опосредованно передающий ненецкое воздействие.

Мату́й ‘безрогий олень’ Мезен. [Матвеев 1996: 75], ср. ненец. *матюй* ‘короткий, обрезанный, обломанный, со сглаженным концом (например, рог)’ (Терещенко 1965: 242); [Матвеев 1996: 75].

Мену́ре́й ‘олень в возрасте 6–7 лет, не приученный к езде’ Арх., 1940. Печор., Тобол. (СРНГ 18: 110). Рассматривается как заимствование из ненец. *меня́руй* ‘крупный кастрированный недрессированный олень’ [Ивашко 1958: 95]; (Аникин 2000: 384); также как и коми ижем. *мену́рей* ‘неприрученный кастрат (олень) старше четырех–пяти лет’ (ССКЗД: 220).

Небллё́й, неплю́й ‘оленок, не достигший года’ Арх., Сиб. (Даль). *Небллё́й* ‘северный олень от 2-х, 3-х месяцев до года’ Печор. (СРГНП 1: 469). ‘Шкура такого оленя (тонкая с пухом)’ Печор. (СРГНП 1: 470). *Неблюё́к* ‘то же’ Печор. (СРГНП 1: 469). *Неблюё́ц* ‘то же’ Печор. (СРГНП 1: 469). Рассматривается как заимствование из ненец. *neblu* ‘то же’, откуда и саам. швед. *njäblot* ‘parere vitulum’ (Фасмер 3: 53).

Пенду́к ‘оленок в возрасте 2–3 месяцев’ Печор., 1955 (СРНГ 25: 337). *Пендру́к* ‘шкура двухмесячного оленя’ Арх., 1932. *Пенду́й* ‘оленок, родившийся летом’ Печор., 1958. *Пенду́к, пёндюк, пендюкю́й* ‘оленок в возрасте 2–3 месяцев’ Печор. (СРГНП 2: 19).

Имеет соответствия на почве коми и ненецкого языка, ср. коми *пендук* ‘шкура павшего в июле теленка’, ненец. *пендук* ‘шкура теленка, не доросшего до летнего’ (КЭСКЯ: 219).

Хапта́рка, хайтарка ‘яловая самка оленя’ Печор. (СРГНП 2: 394, 395). *Хапторка, хаптурка* ‘то же’ Терск. (КСРГК). *Хаптарга, хапторга, хаптарка* ‘работающая женщина’ Лешукон. [Матвеев 1996: 77]. Ср. коми ижем. *хапторка* ‘яловая самка оленя, бесплодная важенка’ (ССКЗД: 402), вероятно, из ненец. *хабтарка* ‘бесплодная важенка, которую дрессируют для езды’ (Терещенко 1965: 709), ‘бесплод-

ная самка животного’, ‘бесплодная женщина’ (Lehtisalo 1956: 172), см. [Матвеев 1996: 77].

Хóбра ‘олень-самец’ Мезен. (Подвысоцкий 1885). **Хóрой** ‘годовалый олень-самец’ Мезен. (Подвысоцкий 1885). **Хóбра** «самец оленя — производитель» Печор. (СРГНП 2: 403). **Хóрка** ‘молодой олень-самец’ Печор. (СРГНП 2: 403). **Хорра́хп** ‘олень-производитель, приученный к езде’ Печор. (СРГНП 2: 403). **Хор** ‘племенной олень, олень-производитель’ Лешукон. [Матвеев 1996: 78]. Фасмер трактует как заимствование из ненец. **hōra** ‘олений бык, самец’ (Фасмер 4: 262, 264). Ср. также ненец. **хора** ‘олень-самец’ (Терещенко 1965: 771). Ср. также коми **көр** ‘олень’, коми-язьв. **кóг**, манс. **χār** ‘олень бык’, при венг. **here** ‘трутень’, имеется версия, что коми слово является ненецким заимствованием, против чего выступают авторы КЭСКЯ, исходя из того, что оно распространено на всей коми территории (Wichman, Uotila: 97; КЭСКЯ: 141). А. К. Матвеев, анализируя вариант **хор**, полагает, что усеченная форма, при более обычном **хора**, возникла возможно, не без влияния со стороны коми-зырянского **көр** ‘олень’ (ССКЗД: 171).

Саамское воздействие, проявляющееся в русских говорах в сфере оленеводческой лексики, нередко имеет обширные фиксации.

Вáженка ‘самка оленя’ Терск. (Варзуга, Кузрека, Оленица, Таввнъга, Чаванъга, Умба), Кем. (Летняя Река) (КСРГК), Каңдалакш. (Меркурьев 1979: 25). ‘Не рожавшая самка оленя’ Кем. (Поньгома) (КСРГК). **Вáженка** ‘самка северного оленя’ Сиб. (КСРНГ). Кольск. Север, Якут., Тобол., Камч. ‘Взрослая оленья самка [без уточнения возраста]’ Арх., Сиб., 1847. Кольск. (СРНГ 4: 13). «Оленья телка уже по второму году становится важенькой, но в полную силу входит только по четвертому году» Колым. Якут. (Богораз 1901). ‘Оленья самка в возрасте от двух лет’: *У зырян с двух лет самец олень — бык, а самка того же возраста — важенька*. Арх., 1909. «Оленья самка по четвертому

году» (у лопарей) Кольск. (Подвысоцкий 1885: 14). ‘Оленья самка в возрасте от четырех лет’: *Оленья самка до одного года зовется «лопанкой», до двух лет — «вондилкой», до трех лет — «вонди-важенкой» и с четырех лет — просто важенькой.* Арх. 1909 (СРНГ 4: 13). «Употребляется среди помор» Кольск. Мурман. (СРНГ 4: 13). ‘Оленья самка после первого отела’ Мезен. Арх., 1870. Арх. ‘Оленья самка, дающая приплод’ Чердын. Перм., 1930. ‘Стельная оленья самка’ Арх., 1949. ‘Оленья самка, имеющая детеныша’ Арх., 1929. ‘Самка оленя, идущая в нартовой упряжке впереди’ Енис., 1865 (СРНГ 4: 13). ‘Полугодовая овца’ Мезен. Арх. (Подвысоцкий 1885: 197). **Вáженца** ‘самка оленя’ Терск. (Варзуга, Кузрека, Оленица) (КСРГК). ‘Самка оленя на четвертом году и старше’ Кандалакш. (Меркурьев 1979: 25). Связывается с саамскими данными, ср. саам. *vādž* ‘самка оленя’ [Itkonen 1932: 49]. Фасмер допускает сближение с названием реки Важенка (Фасмер 1: 266).

Гúрвас ‘некастрированный олень-самец’ Кандалакш. (Меркурьев 1979: 33). ‘Олень-самец’ Арх. (Опыт). «Олений самец по второму году, если он не кладенный» Кольск. (Подвысоцкий 1885: 30). Сиб. (СРНГ 6: 174). **Йрвас** ‘то же’ Кольск. (Подвысоцкий 1885: 30). «Нехолощенный олень самец» Кандалакш. (Меркурьев 1979: 60). Северомор. (КСРГК). ‘Большой олень’ Северомор. (КСРГК). «Олень самец одного–двух лет» Кольск. (СРНГ 12: 207). **Хúрвас** «Взрослый некастрированный олень-самец» Северомор. (Захребетное) (Меркурьев 1979: 172). ‘Некастрированный олень’ Терск. (СРГК 6: 711). **Хúрбос** ‘то же’ Терск. (СРГК 6: 711). А. Подвысоцкий делает помету — «слова лопарские» (Подвысоцкий 1885: 30). Я. Калима предполагает финское или карельское воздействие, ср. фин. *hirvas* ‘самец оленя’, ‘самец оленя трех лет’, кар. *hirvaš* ‘самец оленя’ [Kalima 1915: 92]. Саамские данные лежат в основе финских, ср. саам. *sârves* ‘некастрированный олень самец’ > фин. *sarvas*, при бал-

тийской основе этих данных, ср. др.-прусск. *siŕvis* ‘косуля’ (SSAP 1: 167). О соотношении [r], [x] см. [Мызников 2003].

3. Выводы

Сопоставление названий телят, самок и самцов оленя, используемые в уральских языках Северо-Запада России, показывает, что самостоятельная терминология распространена в старо-оленоводческих культурах — ненецкой и саамской. Причем эти названия явно не имеют общего происхождения. В коми и русский языковой континуум оленеводческие термины заимствовались из обоих языков. Вероятно, эти названия будут отличаться у русских и коми, проживающих рядом с ненцами или с саамами. Также русские и коми применяют к оленю названия, относящиеся к корове, также как ненцы могут называть коровьего теленка **хорова сую**.

Литература

Бармич М. Я. Лексическая характеристика языка Канинских ненцев // Вопросы уралистики 2014. Научный альманах / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 148–299.

Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М.—Л.: Гос. изд-во, 1928. 315 с.

Вайнштейн С. М. К вопросу о происхождении оленеводства // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С. П. Толстова / Ред. кол.: А. В. Виноградов [и др.]. М.: Наука, 1968. С. 360–362.

Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.

Васильев В. И. Ненцы // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 375–377.

Вербов Г. Д. Оленеводство у ненцев (1938) // АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Ед. 130.

Ивашко Л. А. Заимствованные слова в печорских говорах // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1958. № 343. Сер. филол. наук. 1958. Вып. 42. С. 84–103.

Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика комижемского оленеводства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 18 с.

Куликова И. В. Оленеводческая лексика в современном чукотском языке / Отв. ред. А. Н. Жукова. Якутск: Первый класс, 2014. 142 с.

Лаптандер Р. И. Оленеводческая терминология в ненецком языке и ненецкие заимствования в соседнем с ним языках // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26–28 октября 2010 г.). Новосибирск: Любава, 2010. С. 144–153.

Матвеев А. К. Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах // Этимологические исследования. Вып. 6: Материалы I–II научных совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург: УрГУ, 1996. С. 72–79.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.

Мызников С. А. Некоторые аспекты изучения оленеводческой лексики (на материале уральских языков и севернорусских говоров) // Финно-угорская мозаика: сборник статей к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен / [Редкол.: О. П. Илюха (отв. ред.) и др.]. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2016. С. 135–142.

Петров А. А. Оленеводческая лексика эвенского языка. Этнолингвистический словарь. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 126, [1] с.

Пырерка А. П. Материалы по ненецкой оленеводческой терминологии // СПФА РАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 28. Л. 1–50 (в библиографических ссылках указываются листы рукописи).

Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 189 с.

Черняков З. Е. Оленеводство, его роль в жизни саамов // Очерки этнографии саамов. Глава VIII. Под ред. Лейфа Рантала; Университет Лапландии, Рованиеми, Финляндия, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://saami.su/biblioteka/knigi/96-z-e-chernyakov-ocherki-etnografii-saamov.html> (дата обращения: 01.12.2017).

Эришадт А. М. Лексика традиционных хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2014. 320 с.

Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // *Mélanges de philologie, offerts à M. J. J. Mikkola à l'occasion de son 65 anniversaire, le 6 Juillet 1931.* Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1932. P. 47–65. (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. T. XXVII*).

Simoni P. K. Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах. Из рукописи 1618–1620 г. // Сборник Ленинградского Общества Исследователей Культуры финно-угорских Народностей (ЛОИКФУН). Leningrad, 1929. S. 127–128.

Spencer A. The Lapps. New York: Crane, Russak & Co, 1978. 160 p.

Названия самки соловья в русских народных говорах (по данным картотеки ЛАРНГ)

Т. М. Малыхина, Л. Е. Писарева, Л. И. Ларина

Статья посвящена рассмотрению вариантов наименований самки соловья на территории распространения русского языка и выявлению их словообразовательных различий в русских народных говорах. Материалом для наблюдений послужили данные, собранные исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: картографирование, диалекты, лексема, ареал, дериваты, наречие, говоры, самка соловья.

В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля находим: соловей — м. *солóвушек, солóвушка, соловéйка, соловéюшка* или *соловейчик, солóвчик*, певчая птишка *Luscinia*; *солóвка* ж. *соловьёха*, самка, которая не поет. Соловей свищет, щелкает, поет. *Это плохой соловёшка. Соловей поет, себя тешит. Соловьём поет, а сам не знает о чем, пустой краснобай. Соловьё баснями не кормят. Мал соловей, да голос велик (да голосист). Соловей — птичка невеличка, а заголосит — лес дрожит! Не выпускай соловья из клетки, пока песни не споет. Соловей начинает петь, когда напьется росы с березового листка (южн.).* (Даль 4: 266).

Соловьи на территорию Европейской части России прилетают обычно в конце апреля — первых числах мая. Первым прилетает самец, занимает подходящий участок кустарника и начинает петь. Песня — это привлечение самки, территориальная угроза соседям. Следом прилетают самочки, и,

если кому-то из них понравилось выбранное самцом место, пара начинает строить гнездо и выводить потомство. Если не понравилось, самочки летят дальше, и соловей в одиночестве поет еще несколько дней, пока не почувствует, что надо менять место. В первые две недели соловьи очень активно поют и днем, и ночью. Замолкают только на некоторое время в середине дня. Пение самца необходимо для привлечения самочки. Соловьи поют чаще всего ночью, потому что очень осторожные и скрытные. Не случайно и гнезда устраивают на земле или близко от земли в зарослях кустарников, в труднопроходимых местах. Некоторые орнитологи утверждают, что после спаривания и создания семьи соловьи исполняют прощальную песню и больше вообще не поют, но на самом деле они просто поют меньше.

Анализ диалектного материала, собранного исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров, показал, что подавляющее большинство слов со значением 'самка соловья' представляют собой инвариантный ряд лексем с корнем *солов-*:

Соловьѣха: *Соловьѣха* сама не поет, а слушает, как соловей заливается (Московская обл.). *Соловьѣха* — самка соловья, вот не знаю — поет соловьѣха или нет (Саратовская обл.). *Соловьѣха* не поет так, как заливается соловей (Пермская обл.). *Когда самка, то соловьѣха* (Волгоградская обл.). *Соловей да соловьѣха, всех бог создал парой* (Владимирская обл.). *Соловьѣха* — это пара соловью, как у всех животных бывает (Пензенская обл.). *Соловьѣха* — самочка соловья. *Соловьѣха с детками возитя, а муженек поет* (Московская обл.). *Соловей с соловьѣхой долго к нам прилетали* (Удмуртия). *Соловей и соловьѣха — серые оба, они гнезда на земле делают* (Самарская обл.). *Говорят, соловей поет до Петра, а соловьѣха не поет, она соловьят кормит* (Тверская обл.). *Соловьѣха сидит на яйцах, а соловей про нее песню поет* (Нижегородская обл.). *Поет соловей, а не*

соловьиха (Вологодская обл.). *Самка соловья — соловьиха, она летит на пение соловья* (Московская обл.).

Солóвка: *Соловейка-то лучше поет, чем соловка* (Владимирская обл.). *Соловка яйца высиживает, как всякая другая птица* (Курская обл.). *Самку-то соловья соловкой зовем* (Нижегородская обл.). *Соловка-то поменьше будет, серенькая такая, и птенцов высиживает* (Московская обл.). *Все парами летают, он да соловка* (Владимирская обл.). *Я бы соловкой назвала, если про самку соловья* (Московская обл.). *Соловки тоже в лесу живут, они соловьят выкармливают* (Московская обл.). *Соловка заботится о своих соловьятах* (Брянская обл.). *Они отличаются, соловей — тот покрупнее, соловка — помельче* (Ростовская обл.).

Солóвушка: *Солóвушка — серая, а у соловья ошейник черный* (Пензенская обл.). *Что соловей, что солóвушка, все поют очень красиво* (Пензенская обл.). *«Живите как соловей с солóвушкой»* (поговорка) (Костромская обл.). *Солóвушка — жена соловья* (Нижегородская обл.). *Солóвушка — это самка соловья* (Башкирия). *С птенцами — значит это солóвушка, самка соловья* (Удмуртия).

Солóвица: *Солóвица редко поет* (Вологодская обл.). *Солóвицу-то я не видела, тоже маленькая, незаметная птичка* (Вологодская обл.). *В гнезде сидит солóвица, птенцов высиживает* (Вологодская обл.).

Соловчíха: *Соловчиха и соловей песней заливаются* (Нижегородская обл.). *Это он так за соловчихой ухаживает* (Нижегородская обл.). *С появлением птенцов прибавилось забот у соловчихи* (Рязанская обл.).

Соловьóха: *Соловей с соловьюхой долго к нам прилетали* (Московская обл.). *Кто поет соловей или соловьюха, не знаю* (Московская обл.). *Самку соловья соловьюхой зовем* (Московская обл.).

Соловьáха: *Соловьяха уже несколько дней сидит на гнезде* (Тамбовская обл.). *Соловьяха ищет червячков для птенцов* (Тамбовская обл.). *А вот самку звать соловьяха* (Тамбов-

ская обл.). *Соловьяха к своим птенцам прилетела* (Брянская обл.). *Соловьяха не поет так, как заливается* (Тамбовская обл.).

От картографирования отведены как неубедительные, не подкрепленные хорошим иллюстративным материалом или не отвечающие теме карты следующие лексемы:

пта́шка, са́мочка как не соответствующие теме карты, поскольку являются родовым наименованием по отношению к видовому, ср. *пта́шка* — ‘маленькая птица, птичка’ (Шведова 2007: 630), ср. в СРНГ: *пта* — ‘птица, птаха’ Терск.; *птаечка* — ‘пташечка’ Смол.; *птаха, птоха, птуха* — ‘птица, птаха’ Смол., Дон.; *птаха, птяха, птуха, птюха* — ‘птичка, пташка’ Пск., Твер.; *птошка, птушка* — ‘птица, пташка’ Калинин.; *птушонок* — ‘детеныш птицы, птенец’ Смол. (СРНГ 33: 100–102).

В словаре В. И. Даля слово *пта́шка* также выстраивается в один ряд с лексемами *птица, птичка; пичуга, пичужка, пернатая, пернатка* летучее животное в перьях, теплокровное, перистое животное (Даль 3: 534). *Самочка* (*самка*) — ‘особь животного женского пола’. *Самка с детенышами* (Шведова 2007: 694). *Самка* — ‘животное женского пола’ (Даль 3: 132).

Лексемы *соловьѣха, солóвка, солóвушка* имеют ярко выраженные ареальные характеристики, в отличие от других названий самки соловья, ареалы которых являются небольшими и даже точечными (ср. например, распространение таких лексем, как *солóвица, соловчѣха, соловѣха, соловѣ́ха*).

Материал карты свидетельствует о том, что общерусское наименование *соловьѣха* встречается на всей картографируемой территории.

Другой широко распространенной является лексема *солóвка*, ареал которой имеет дисперсный характер, так как она представлена и в севернорусских, и в среднерусских говорах, и в островных ареалах южнорусского наречия (брян-

ские, тульские, курские, рязанские, воронежские, кубанские говоры).

Наименование самки соловья с суффиксом *-ушк-а* (*соловушка*) распространено в севернорусских говорах (вятские, пермские, свердловские, псковские диалекты), среднерусских говорах (владимирско-поволжские диалекты), южнорусских говорах (воронежские, тамбовские, брянские, курские, рязанские диалекты).

Лексема *солóвица* локализуется в вологодских диалектах.

Наименования самки соловья с суффиксом *-их-а* (*соловчиха*) имеет островные ареалы в рязанских и нижегородских говорах; с суффиксом *-юх-а* (*соловьюха*) во владимирско-поволжских диалектах; с суффиксом *-ях-а* (*соловяха*) на территории южного наречия (тамбовские говоры).

Лингвогеографический анализ материала показал, что диалектные названия самки соловья образуют основное противопоставление на карте, причем дериваты с этими суффиксами нередко выступают параллельно друг с другом: *соловьиха* ~ *соловка* ~ *соловица* — севернорусские говоры; *соловьиха* ~ *соловка* ~ *соловушка* — среднерусские и южнорусские говоры; *соловьиха* ~ *соловка* ~ *соловушка* ~ *соловчиха* — среднерусские говоры (нижегородская подгруппа); *соловьиха* ~ *соловка* ~ *соловяха* — южнорусские говоры (тамбовская подгруппа); *соловьиха* ~ *соловка* ~ *соловушка* ~ *соловьюха* — владимирско-поволжские говоры.

Ойконимическое пространство Астраханского региона

Е. Б. Миронова, И. Н. Кайгородова

Современный период в развитии языкознания характеризуется особым интересом к региональной лингвистике, поскольку представление языковой картины мира тех, кто объединен общностью территориального проживания, отражает «вербальное лицо» региона и представляет источник общекультурной информации об особенностях жизни, быта, традициях конкретного региона. Выявление образов, представлений, знаний, получивших отражение во фразеологизмах Астраханского региона, позволяет выявить *performance* (лингвистическую и коммуникативную компетенции) жителей, связанных территорией проживания.

Ключевые слова: ойконимы, региолект, регионализмы, географические названия, языковая картина мира.

*Народ выражает себя в языке своем.
И. И. Срезневский*

Культура представляет собой совокупность достижений людей и форму коммуникации в обществе. «Степень владения субъектами культуры и языка интертекстуального “опознавания” в языковых сущностях культурно-значимых для них установок... характеризует “уровень” культурно-языковой компетенции» [Телия 1999: 88]. Культурная коннотация, по словам В. Н. Телия, выступает связующим звеном между значением единиц языка и культурной семантикой знаков «языка» культуры. Слово — важнейший источник знаний человека о человеке. Передавая знание, оно формирует сознание. «Язык народа — клад неисчерпаемый: была бы только воля им пользоваться» [Срезневский 1986: 118]. Иг-

рая роль посредника между всеми языками народов России, русский язык помогает в современном мире решать задачи политического, экономического и культурного развития.

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Астраханской области насчитывается 146 национальностей РФ и СНГ. Русский язык в астраханском полиэтническом регионе — это продукт культурного и социального развития. Многонациональный народ Астраханской области объединен не только судьбой, но еще и русским языком — как родным, так и интерэтническим. Речь астраханцев представляет феномен национальной компоненты русского языка, отличающейся своеобразием лексики и фразеологии.

Современный период в развитии языкознания характеризуется особым интересом к региональной лингвистике, поскольку представление языковой картины мира тех, кто объединен общностью территориального проживания, отражает «вербальное лицо» региона и представляет источник общекультурной информации об особенностях жизни, быта, традициях конкретного региона. Выявление образов, представлений, знаний, получивших отражение во фразеологизмах астраханского региона, позволяет выявить *performance* (лингвистическую и коммуникативную компетенции) жителей, связанных территорией проживания.

Между контактирующими языками различных социальных групп внутри единого общенационального языка происходят смешения. Так, анализ общественных функций устной формы современного русского языка позволил выделить различные виды языковых состояний, среди которых *региолект* определяется в качестве особой формы устной речи, которая складывается в результате трансформации диалектов [Герд 2005: 22].

Астраханский региолект формировался под воздействием социальных и территориальных диалектов. Система образов отдельной языковой личности во многом индивидуальна. Однако нельзя не отметить, что носители языка Астрахан-

ского региона, объединенные общностью культурного фона и т. п., демонстрируют более или менее регулярную востребованность одних и тех же образов.

Если в общеносеологическом смысле под *образом* понимается «ментальная репрезентация чего-либо не путем прямого восприятия, а при участии памяти или воображения; идея, понятие» [Ричардсон 2006: 7], то лингвистический образ дает нам эту информацию плюс информацию о связи этого объекта с другими объектами. Одной из моделей создания языкового образа выступают сравнения. Фразеологический состав является одной из самых консервативных частей языка и, несмотря на изменение регионально-языковых практик, позволяет сохранить представление о предметах и чертах старого уклада.

Образ, давший жизнь региональным фразеологическим единицам, служит источником порождения тех ассоциаций, на основе которых формируются коннотации, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции. В реальной речи носителей языка эта общность системы образов может быть проиллюстрирована особенностями выбора объекта сравнения в бытовом общении. Объект сравнения в региональных фразеологических единицах неразрывно связан с образом воды, что обусловлено природными особенностями Астраханского региона, и с главным в прошлом промыслом населения — ловецким.

В качестве образных сравнений для номинации человека используются слова, обозначающие все, что может стать объектом сенсорного восприятия: *худой как тарань, мелкие как чалбышата, колючий как чилым, длинноногий как чапура, толстый (надутый) как кутырь*.

Наиболее часто употребляемыми являются следующие сравнения:

1) основанные на взаимодействии объекта сравнения с предметом. Например: *голова как дубной котел (дубной котел* — ‘котел больших размеров для дубления ры-

бацких сетей’); *язык как сомовий плес* (*плес* — ‘хвостовой плавник сома’); *дыра (дырица) как клеть в ахане* (*ахан* — ‘сеть с крупной ячеей’);

2) основанные на взаимодействии объекта для сравнения с качеством сравниваемого предмета: *скользкий (склизкий) как сом; мелкий как пузанок* (*пузанок* — ‘небольшая рыба семейства сельдевых’); *легкий как балбера* (*балбера* — ‘поплавки для рыболовецких неводов’); *снулый как рыба* (*снулая рыба* — ‘неживая рыба’);

3) сравнения, в которых образ иллюстрирует действие (или процесс). Например: *блестит как рыба чешуя; ползет как баржа; устроились как на яме* (*яма* — ‘углубление дна, где зимует частичковая рыба’); *налетели (набросились) как кашкалдаки* (*кашкалдак* — ‘водяная курица, лысуха’) [Баташева, Копылова 2008: 94–96].

Региональный образ передает такой элемент смысла, который не представлен в общезыковых сравнениях. К особенностям исследуемых нами сравнений можно отнести и то, что в речи современников данные обороты могут являться своеобразным отражением языкового опыта предыдущих поколений, одним из фактов генетической связи с ними. Это проявляется в том, что некоторые из имеющихся сравнений используются говорящим лишь на том основании, что так говорили (или говорят) в их семье или в среде родственников, близких, знакомых, при этом им не известно, какое значение имеет слово, называющее образ сравнения. Так, например, сравнение *иголка как пешня* зафиксировано нами в речи коренной астраханки (студентка, 19 лет), которая не знает значения слова *пешня*, но употребляет данное выражение лишь на основании того, что «так говорит мама, бабушка и многие знакомые». В другом случае женщина (45 лет, образование высшее) использует в речи сравнение *ходит как чамра* для характеристики хмурого или сердитого человека, хотя значения этого слово не знает (*чамра*, или *шамра* — ‘сильный, порывистый ветер на море, налетаю-

щий неожиданно'). Подобные примеры в нашем материале не единичны.

Свой образный потенциал регионализмы могут реализовывать и в паремиях. Например: *будет рыба — будет хлеб, будешь сыт, обут, одет; ни то ни се, как стерлядь: и в осетра не растет, и в северюгу не выходит; солнце садится, у рыбака курсак* (живот) *веселится*. По этим пословицам легко идентифицировать астраханца.

Индивидуальное эмоционально окрашенное восприятие слова может быть обусловлено контекстом, в котором оно встретилось, ролью обозначаемых словом событий и предметов, случайными звуковыми сближениями и пр. Следует заметить, что в определенных условиях эмоциональное восприятие слова может стать общим для целой группы говорящих. Судя по распространенности приведенных сравнений, безошибочной идентификации их значения даже лицами, которые сами не демонстрируют активности в их употреблении (например, лица молодого возраста, подростки), можно сделать вывод об общности региональных образов. Сами же рассмотренные сравнения — это своеобразная консервация языковых фактов, связанных с традициями, историей, культурой Астраханского края.

Результатом этнических контактов на территории Астраханской области явилось развитие процессов естественной ассимиляции. Языковое взаимодействие привело к обогащению астраханского региолекта, усвоению лексики и терминологии из неславянских языков. Ряд тюркизмов в Астрахани связан с рыбой как промысловым продуктом: *башка* (тюрк. *баш* 'голова') — 'голова рыбы', *баш на баш* (дословно: 'голова на голову'), *башка не варит* — 'о снижении умственной деятельности', *сазанью башку съест* — 'прижиться в Астрахани'.

Носители языка, объединенные территорией проживания и общностью культурного фона, демонстрируют более или

менее регулярное воспроизведение одних и тех же образов предмета.

Следствием тесного соседства и сотрудничества жителей Астраханского региона с тюркоязычными народами или носителями других языков является активность в устной речи инославянских заимствований. Например:

1) **ахча** ‘деньги, достаток’ (*Ахча давайте / Ангелина девочонку родила // хотим ей коляску от отдела купить //*). Использование данного слова несколько смягчает ситуацию сбора денег на подарок сотруднице и, можно сказать, выступает отчасти в эвфемистической функции;

2) **бабай** ‘пожилой мужчина’ (*Мой на старости такой бабай стал // И бухтит / и бухтит // Внуки его уже не выдерживают //*). Здесь, как нам представляется, сема порицания несколько нивелирована за счет употребления слова **бабай**;

3) **чувяки** ‘тапки, кожаная или войлочная обувь без каблука’ (*Да вот / своему чувяки в больницу несусь // не те взял / какие хотел*);

4) **байрам** ‘праздник, застолье’ (*Племянника крестили / так те (родители отца ребенка) такой байрам устроили // только птичьего молока не поставили //*).

Отметим, что все примеры из речи носителей русского языка. И в этом отношении показателен, на наш взгляд, последний пример — своеобразный факт языковой и культурной контаминации: *байрам* и *крещение* [Кайгородова, Баташева 2012: 73–77].

Картина мира каждого этноса находит отражение в содержательной стороне языка: «“реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [Сепир 2001: 261]. В процессе жизни конкретного этноса картина мира меняется, т. к. реалии внеязыковой деятельности не остаются неизменными. Вместе с тем ядро ойконимической системы остается неизменным в Астраханском крае на протяжении XVIII–XXI вв.,

несмотря на активные переименования в XX в. в связи с социально-политическими событиями. Ойконимы детерминированы исторической эпохой их создания. Место проживания человека и его территориальные особенности опосредованно отражены в названиях населенных пунктов. По мнению В. Д. Бондалетова, больше будет топонимов того языка, который по количеству носителей и занимаемому ими пространству преобладает (или преобладал раньше) на изучаемой территории [Бондалетов 1983: 191]. В ойконимии Астраханской области по происхождению отчетливо выделяются номинации собственно русские, тюркские и монгольские. Географические названия являются своего рода документальным источником, поскольку меньше других слов искажаются временем.

Ойконимы Астраханской области составляют часть общей системы географических названий. Будучи тесно связанными с конкретным местом, они позволяют проследить мотивы и способы номинации, ареал распространения. Для истории Нижнего Поволжья в период с XVI по XVIII вв. характерны тесные связи России с кочующими племенами, оказавшими немалое влияние на ее социальную и политическую жизнь. Постоянные межэтнические взаимоотношения способствовали взаимопроникновению языков и культур.

Географические названия как имена собственные служат человеку для индивидуализации объектов ландшафта в процессе его освоения. Общество функционирует и развивается лишь при условии социальной интеракции, социального взаимодействия между людьми, осуществляемого с помощью языка.

Астраханские современные названия населенных пунктов сохраняют следы истории заселения края, а также отражают изменения в этнических и социально-экономических отношениях на его территории. Ойконимический материал дает возможность отследить процесс обогащения русского языка, выявить контактные языковые факты в русском языке.

Человек, осваивая пространство, описывает его средствами языка. Анализ современных названий населенных пунктов показал, что на территории Астраханской области наименования, тюркские по происхождению, являются наиболее древними. Перечислим ойконимы, которые содержат в себе тюркские элементы. *Капустин Яр, Ахтубинск* (Ахтубинский р-н), *Атал, Карагали, Килинчи* (Приволжский р-н), *Басы* (Лиманский р-н), *Караозек, Джанай, Байбек, Красный Яр, Куянлы* (Красноярский р-н), *Каралат, Жана-Аул, Камызяк* (Камызякский р-н), *Караагаш* (Наримановский р-н), *Карабулак* (Икрянинский р-н), *Сасыколи* (Харабалинский р-н), *Каменный Яр, Черный Яр* (Черноярский р-н), *Костюбе, Актюбе, Тулугановка* (Волгодарский р-н) и пр.

В большинстве случаев названия населенным пунктам присваивались по географическому положению. Природные условия, своеобразный растительный и животный мир — все это получило отражение в ойконимии Астраханской области.

Принципы номинации населенных пунктов Астраханской области, т. е. основания для связи имени с именуемым объектом названия, типичны для топонимической системы России. В качестве мотивированных имен выступают: 1) ландшафтные номинации; 2) аппелятивы; 3) фитонимы; 4) зоонимы; 5) пространственные номинации.

Изучение современных русских ойконимов Астраханской области показало, что этническая картина края не изменилась и к сегодняшнему дню. На становление ойконимической системы Астраханского региона повлияла богатая история края, полиэтнический состав, который остается таковым и сегодня.

Итак, язык является «символическим руководством к пониманию культуры» [Сепир 2001: 262]. Любая деятельность человека приводит к тому, что он привязывает свои действия к определенным объектам территории и вынужден не только

классифицировать эти объекты, но и определенным образом выделять их в ряду прочих.

Язык народный выражается удачнее и своеобразнее литературного языка: «Везде язык, по мере своего развития в образованной речи, более и более дает перевес отвлеченному мышлению над наглядной изобразительностью; везде общие всему человечеству логические законы в большей или меньшей степени вытесняют из письменного языка непосредственную своеобразность народных представлений, выражающуюся в идиотизмах...» [Грот 1899а: 12].

Народные топонимы в Астраханской области имеют несомненное своеобразие. Ограничимся небольшим количеством интересных, на наш взгляд, примеров:

Аннушкина протока. Наименование произведено от слова *аннушка* — ‘одно из названий щуки в низовьях Волги’ наряду с *анна*, *анютка*, *анчурка*, *нюся* (Копылова 1984: 4).

Бабий ерик. Название связано с наличием в прошлом гнездовой пеликана, называемого *баба*.

Гоголевский ерик. Название происходит от устаревшего слова *гоголь* ‘птица’ и буквально означает ‘птичий ерик’.

Мартылика, ерик. Название происходит от устаревшего слова *мартылика*, имеющего в Волжском понизовье значение ‘большая крупная чайка’.

Оля́, село. Возникло на базе поселения, основанного в 1842 г. на острове, по форме напоминающем топор. *Оля́* от калмыцкого ‘топорик’.

Хошеу́тово, село. Название произошло от Хошоутовского улуса калмыков, на землях которого оно расположено. Топоним *Хошеутово* — производное от этнонима *хошеуты* (*хошуты*). Хошеуты — потомки ойратского племени. В основе названия этнической группы калм. слово *хош* — ‘стан калмыков’.

Килинчи, село. Наименование произошло от названия зимней стоянки юртовских татар, которая в свою очередь

получила название от одного из родов *келечи* (*куланчи*), известном в Волжском понизовье с XVII в.

Яксатово, село. Название дано по имени табунного головы юртовских татар Джаксата (в русском произношении — *Яксат*), основавшего поселение в первой половине XVIII в.

Приведенные примеры подтверждают высказывание Я. К. Грота о том, «топографическое имя редко бывает случайным и лишенным всякого значения. По большей части в нем выражается или какой-нибудь признак... или характерологическая черта местности, или более или менее любопытная для ума или воображения» [Грот 1899б: 193]. А материалы о словах народного языка «так драгоценны, что издание их всегда будет составлять эпоху в истории русского языка... и должно иметь обширное развитие в будущем» [Грот 1899а: 12]. Источником для современных лексикографических трудов должен служить живой русский язык. Речь народа конкретного региона является наиболее ярким источником культурно-исторической информации.

По словам выдающегося русского филолога академика И. И. Срезневского, «думать о духовно-нравственном воспитании человека и не думать в то же время о его языке... невозможно». Родной язык — одно из высших проявлений человеческого духа, источник бескорыстной радости постижения мира и самопознания личности [Срезневский 1986: 140].

Воздействие культурно-человеческого фактора на формирование и функционирование единиц номинации позволяет говорить о воплощении в них национально-культурной коннотации, культурно значимых смыслов.

*Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной...* (П. А. Вяземский)

Региональные художественные тексты, говоры и местный фольклор дают представление о пути развития русского языка. Устная и письменная формы национального языка живут

неразрывно и нераздельно. Устный язык должен обогатить письменный, внося в него свежую струю народной речи, склада, слога. В свою очередь письменный язык может и должен способствовать совершенствованию и развитию устной речи, придавая ей емкость, точность, насыщенность.

Языковая картина мира антропоцентрична, в центре находится человек и все, что с ним связано. Языковая картина мира Астраханского края — это региональная картина языковых контактов. «Разгадывая строй языка в составных его частях и началах, следя за его развитием исторически, филолог разгадывает вместе с тем духовную жизнь народа, законы и формы его мыслей, ...проникает в глубину внутренней истории народов, определяет влияние одних на другие» [Срезневский 1986: 62].

Литература

Баташева Л. А., Копылова Э. В. Устная речь астраханцев: лексика, обороты речи, пословицы, тексты. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. 99 с.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1983. 244 с.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. 457 с.

Грот Я. К. Толковый словарь живого великорусского языка, В. И. Даля // *Я. К. Грот.* Филологические разыскания. 1852–1892. Т. 2 / Под ред. К. Я. Грота. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1899а. С. 1–45.

Грот Я. К. Заметка о названиях мест // *Я. К. Грот.* Филологические разыскания. 1852–1892. Т. 2 / Под ред. К. Я. Грота. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1899б. С. 193–208.

Кайгородова И. Н., Баташева Л. А. Вербализация архетипов в региональной картине мира // Ономастика. Неология. Концептология. Языковая картина мира: Мат-лы Межд. науч. конф. «Русский язык: вчера, сегодня, завтра», 23–24 ноября 2011 г., Махачкала / Отв. ред. Г. Н. Алиева. Махачкала: Соц.-гуманит. ф-т ДГТУ, 2012. С. 73–77.

Ричардсон Т. Э. Джон. Мысленные образы: Когнитивный подход. М.: Когито-Центр, 2006. 250 с.

Сепир Э. Статус лингвистики как науки // *Э. Сепир.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / общ. ред. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 2001. С. 259–265.

Срезневский И. И. Русское слово: Избранные труды. М.: Просвещение, 1986. 176 с.

Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры* / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 87–101.

Названия пескаря в русских говорах (сведения по вопросу Л 383 Программы «Лексического атласа русских народных говоров»)*

Л. П. Михайлова

В статье представлены названия пескаря, извлеченные из диалектных словарей русского языка, исследовательских работ, связанных с ихтиологией. Выявлено около 200 лексических единиц по вопросу Л 383 Лексического атласа русских народных говоров. Наиболее многочисленной является группа слов с этимологическим корнем *песк-* / *писк-* ‘пескарь’, среди которых имеются модифицированные единицы, выступающие в качестве или вариантов, или самостоятельных лексем. Материал может быть использован при составлении лингвистической карты.

Ключевые слова: диалектная лексика, варианты слова, фонетические процессы, лингвистическая география.

Общеизвестное слово *песка́рь* ‘маленькая рыбка семейства карповых, обитающая в реках и озерах’, ассоциирующееся со словом *песок*, представлено в русской лексикографии со времени В. И. Даля, наряду со словом *писка́рь*, которое известно с начала 30-х гг. XVIII в. (БАС 9: 1077) и этимологически относится к первичным в сравнении с *песка́рь* (Фасмер 3: 267). В диалектных словарях эти слова представляются редко: как общеупотребительное *песка́рь* (*писка́рь*) ‘пескарь’ в пермских говорах (Акчим. сл. 4: 172), *песка́рь* ‘мелкая речная рыба’, без точного названия вида в некото-

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2017 год.

рых псковских говорах — Вл., Остр., Палк., Порх., Пск., Пушк., Себ. (ПОС 26: 59). Важнейшим источником, содержащим значительное количество названий пескаря в русском (и не только) языке, является специальный словарь Г. У. Линдберга и А. С. Герда (Линдберг, Герд). Помимо словарей, используем сведения из литературы, посвященной описанию рыб и их названиям, включая пескаря: по ихтиологии [Сабанеев 1970], по лексике русского языка на славянском фоне [Герд и др. 1963], по лексике разных говоров — севернорусских [Березовская 2003; Березовская 2006], пермских [Нечаева 2013], орловских (Халюков 2008), воронежских [Куйдина 2011], по ономазиологии [Голев 1978] и др. Географические пометы, использованные в источниках, сохраняем.

В программе Лексического атласа русских народных говоров вопрос Л383, посвященный названиям пескаря, содержит 20 лексем, которые могут служить ориентиром при определении всего состава данной группы. Треть представленного в Программе ЛАРНГ материала приходится на производные с корнем *песк-* и их модификаты (*пескан, пескали, пескун, песук, бескозоб, мескан, мескозуб*), остальная часть — на слова с другими исходными основами (*лежень, марига, мариха, марлянка, малёк, мальчой, бараус, бобыр, бекирь, валёк, гычь, жирик, заусай*) (Программа ЛАРНГ: 34). Чтобы выявить лексику, обозначающую пескаря, обратимся к данным доступных областных словарей русского языка и сведениям из других источников. В связи с тем, что областные словари в большинстве своем не включают общеизвестное слово *пескарь*, приведем данные (Линдберг, Герд), свидетельствующие о распространении этого слова в говорах русского языка: *пескарь* — р. Вятка, Белое оз., р. Шексна, Ильмень, Волхов, Ленингр.: Ефим., Новг.: р. Сясь, оз. Уклеино, Валдайское, Пск.: повсем., Калинин. (+ Твер.): озера Вселуг, Стерж, Селигер, Моск., Смол.: Днепр, рр. Сож, Ипать, Остер, Брян.: ср. т. Десны; Курск.: р. Сейм, р. Свапа, Глушк., Льгов., Рыльск.; Орл.: Ока,

рр. Сосна, Н. Любовша, Кривец; Ворон.; Тамб., Пенз., Нижегород.: повсем.; Казан.: р. Свияга; Урал.: Н. Серги; Перм. (Линдберг, Герд: 157–158).

Следует коснуться истории представления названий данного вида рыбы в лингвистической литературе. А. С. Герд считает 966 русских однословных названий рыб [Герд и др. 1963: 29], среди которых к названиям пескаря относятся: *барраус* Волх., *парша* Волх., Ильм., Ладож., *паршак* Ладож., *жырик* Смол., *песѹк*, *песѹк*, *писѹк* Пск., *ратан*, *ратанчик* Одесск., *пескозоб* Влад., Волх., Енис., Ильм., Камч., Ленск., Олон., Пск., Сиб., Смол., Урал., *пескозобик*, *пескозобчик* Урал., *мескозоб* Обск., Иртышск., *коблик* б. м., *пескарь* [Герд и др. 1963] — всего 15 слов, с 7–8 корнями, при этом почти половина слов содержит корень *песк-* и его модификаты. В начале 70-х гг. исследователь дает список названий пескаря в русском языке, из них 44 слова не имеют корня *песк-* / *писк-*. Многие из них отмечены и в СРНГ: *мараус* ‘рыба *Gobio gobio* L.; пескарь’ Грацианов [с пометой «обл.»]; *мулятка* ‘рыба *Gobio gobio* L.; пескарь’ Грацианов, Опыт [без указ места], Новг., 1970; *мулятка* ‘рыба *Gobio fluviatilis* L.; пескарь’ Новг. Сабанеев; *поганка* р. Уфа, Урал., *ста́рица* Ока, *сто́лбчик* Южн. (СРНГ), *широколб́ка* (ИИСРНГ: 17), Урал., р. Уфа (Линдберг, Герд: 158).

Представим группу лексики, не содержащую корня *песк-*, выявленную И. А. Поповым по вопросу Л 383, на стадии подготовки программы ЛАРНГ по данным СРНГ, и добавим сведения, извлеченные из других лекикографических источников. В нее входят слова, обозначающие пескаря: *бабка* Кама (Линдберг, Герд: 157), *бараус* Волховские пороги (СРНГ 1: 108; Линдберг, Герд: 157), *бе́кирь* Исет. Перм., *бекі́рь* Шадр. Перм. (СРНГ 1: 207), *берёзовик* Карг. Арх. (АОС 2: 6), *битюрь* Сиб.: р. Томь (Линдберг, Герд: 157), *бобы́рь* Ворон. (СРНГ 2: 40), *валёк* Пск. (СРНГ 4: 24), *вандыш* Печора, в. т. Камы (Линдберг, Герд: 157), *веретеница* Смол. (Линдберг, Герд: 157), *гич* Пин. Арх. (АОС 9: 66),

голзак Яросл. (Линдберг, Герд: 157), *гулень* южн. часть Онеж. оз. (Линдберг, Герд: 157; СРНГ 7: 214)¹, *гыч* Пин. Арх. (СГРС 3: 172; АОС 10: 167), ум.-ласк. *гычик* Пин. Арх (АОС 10: 168), *гычь* Пинеж. Арх. (СРНГ 7: 253), *журик* Смол. (СРНГ 9: 182), *заусай* Печора, в. т. Камы (Линдберг, Герд: 157), Чердын. Урал. (СРНГ 11: 134), *килбук* Лит. ССР (СРНГ 13: 207), *кобель* и *кобэль* Южн. (СРНГ 13: 356; Линдберг, Герд: 157), *кобл*, *коблик* Южн. (СРНГ 14: 15; Линдберг, Герд: 157), *кобль* Южн. (СРНГ 14: 16; Линдберг, Герд: 157), *колба* Южн. (СРНГ 14: 112; Линдберг, Герд: 157), *ко́лбень* Южн. (СРНГ 14: 112; Линдберг, Герд: 157), *колвь* Южн. (Линдберг, Герд: 157), *конёк* Ильмень и Волхов, Амур. (СРНГ 14: 151; Линдберг, Герд: 157), *костр* без указ места, со ссылкой на Берга (Линдберг, Герд: 157), *краснопёрник* 'вид мелкой речной рыбы (пескарь)' Перм. Киш., Уинск. (СРГЮП 1: 427), *крьмна* Р. Нарва (СРНГ 15: 348; Линдберг, Герд: 157), *курмелёк* Пск. (СРНГ 16: 133; ПОС 16: 195), *кычь* Арх.: р. Пинега (Линдберг, Герд: 157), *лёжень* Чудское оз., Пск., Смол. (СРНГ 16: 332), в. т. Нарвы, Новг.: р. Сясь, Горьк.: р. Ветлуга (Линдберг, Герд: 157), *лох* Казан.: р. Сура (Линдберг, Герд: 157), *лошок* Казан.: р. Свияга (Линдберг, Герд: 157), Тат. АССР, р. Свияга (СРНГ 17: 169), *малёк* Гдов. Пск. (СРНГ 17: 321), *мальчой* Енис. Енис. (СРНГ 17: 345), *манчекун*, *мараус* б. м. (Линдберг, Герд: 157), *мескосоп* Урал.: рр. Тавда, Сосьва, Лозьва, Тура, Исеть (Линдберг, Герд: 157), *марига* Сарап. Вят. (СРНГ 17: 372), *мариха* Екатеринб. Перм. 1887, Белояр. Свердлов. (СРНГ 17: 374), *марляна*² Ср. Урал. (СРНГ 17: 375), *мулатка* Новг. (СРНГ 18: 340; Линдберг, Герд: 157), *му-*

¹ Слово *гулень* 'рыба пескарь' приведено с пометой Онеж. со ссылкой на Сабанеева (СРНГ 7: 214), хотя в первоисточнике указано, что это название известно «на южной оконечности Онежского озера» [Сабанеев 1970: 2], следовательно, в действительности данное слово известно, вероятно, вытегорским говорам, должна быть помета Выг.

² В Программе ЛАРНГ в списке слов на вопрос Л383 указано слово *марлянка*, вероятно, ошибочно.

лятка Новг. (Линдберг, Герд: 157; СРНГ 18: 344), *мучжор* (Линдберг, Герд: 157), *оческозубчик* б. м. (Линдберг, Герд: 157), *паршá* Ильмень, Волхов (СРНГ 25: 250), Ильмень, Волхов, Новая Ладога (Линдберг, Герд: 157), *паршáк* Ильмень, Волхов 1970, с дополнением: «Рыбешка... что у берега бегаёт» Олон. (СРНГ 25: 249); *паршак* Ильмень, Волхов, Новая Ладога (Линдберг, Герд: 157), *паршиж* б. м. (СРНГ 25: 250; Линдберг, Герд: 157), *печжур* б. м. (Линдберг, Герд: 158), *пикарь* Перм. (Линдберг, Герд: 158), *пикарь* Верхотур. Перм. (СРНГ 27: 23), *пикарь* Перм. (СРНГ 27: 23); *пикун*, *пикунчик* Север. [Березовская 2003: 25, по материалам КСГРС], *поганка* Урал, р. Уфа (Линдберг, Герд: 158), *подусик* б. м. (Линдберг, Герд: 158), *сом* Каргоп. Олон. 1858 (СРНГ 39: 313); *старица* Коломна [Сабанеев 1970: 316], Ока (СРНГ 41: 75; Линдберг, Герд: 158), *столбец* Южн. (Линдберг, Герд: 158), *столбчик* Южн. (СРНГ 41: 211; Линдберг, Герд: 158), *тугунóк* Сиб., Енис. (СРНГ 45: 211; Линдберг, Герд: 158), *холзак* Яросл. (Линдберг, Герд: 158), *широколобка* Урал.: р. Уфа (Линдберг, Герд: 158; ИИСРНГ: 17).

Стоит обратить внимание на названия пескаря, мотивированные особенностями внешнего вида. Л. П. Сабанеев писал о том, что «в Московской губ. все рыбаки отличают от обыкновенного пескаря — *черныша* (в Коломне — *старица*) узкоротого пескаря — *синца*, или *песчаника*, который меньше ростом...» [Сабанеев 1970: 316], что даёт основания для включения в список названий пескарей соответствующих лексем: *черныш*, *синец*, *песчаник*.

Отметим некоторые другие названия пескаря, не связанные с корнем *песк-*. Каргопольским говорам Архангельской области широко известно слово *ёгарь*: *Ёгарь* *вроде минька по форме, только он серый с пятнами, кто ёгарь, кто ескозоб зовёт*. Карг., Лахово (СГРС 3: 300).

В орловских говорах отмечены следующие названия пескаря: *барбóс* Болх., *конь* Мцен., *маля́ва* Новос., *мизёр*

Лив., *плещь* Мцен., *сёрый* Мцен., *синёц* Орл., *сiнный* Залег., *усiч* Мцен., *хлюст* Лив., *хохóл* Залег. (Халюков 2008: 11–25)³.

С учетом опубликованных позднее работ по диалектологии [Голев 1978; Березовская 2003; Куйдина 2011], исследований разных лет по ихтиологии [Сабанеев 1970], специальной лексикографии (Линдберг, Герд; Клыков 1968; Халюков 2008; РСП), данных словарей список названий пескаря может быть продолжен.

Исключая слово *пескарь*, география которого дана выше, выделим другие слова с корнями *песк-*, *писк-*, *пес-*, *пис-*, *пест-*, приведенные в (Линдберг, Герд): *пескозоб* р. Свирь, Белое оз., Пск., Смол., Ильмень, Волхов, Новг.: Старорус., Волга, Сиб.; *пескозобик* Урал.: Каменск., Челяб.; *пескозобчик* б. м.; *пескозуб* Дон, *пескозубчик* Волга, Урал: Н. Серги, Перм.; *пескосоп* Урал: Егоршино; *пескун* Новг.: озера Уклеино, Валдайское; *пескунчик* Урал: Каменск., Челяб.; Колыма; *пескыш* Киров.: р. Летка; *пест* Арх.: р. Мезень, р. Пинега; *пестуш* Арх.: р. Мезень, р. Пеза; *песу́к* Пск. и Чудск. оз.; *песу́н* Пск.; *песучо́к* Пск.; *песчаник* Моск.: Коломна; Волга, Кама; Урал: Каменск., Челяб.; *песьюк* Пск. и Чудск. оз.: Городенка; *пискан* Урал: Егоршино; *пискарь* Волхов, Ильмень, Орл.: Ока; Волга, ср. т. Волги, Урал: Сухоложье; Оренб.; Колыма; *пескiж* Смол.; *пескозоб* Владим.; *пискун*, *пискунок* Урал: Каменск., Челяб.; *пискунчик* Урал.; *пискушо́к* Пск., Твер.; *писук* Прибалт.; Пск.: Гд., Остр., Пушк., Середк., Сл., Стругокрасн. (Линдберг, Герд: 158).

В псковских говорах отмечается лексический ряд из 19 слов (ПОС 26: 59), среди которых слово *курмeль* 'рыба *Gobio gobio*; пескарь' Себ., Пуст. (ПОС 16: 196) балтийского происхождения: «Лит. *kurmēlis*, димин. к *kūrmis* 'крот', лтш. *kurmulis* то же» (Лаучюте 1982: 55). А. С. Герд для сев.

³ Данные слова в работе Т. В. Бахваловой ошибочно отнесены к обозначению карася [Бахвалова 2017: 63].

курмѣль ‘карась’ источником заимствования предполагает лтш. *kure* ‘карась’ [там же]. Зафиксированное в псковских говорах слово *крумѣль* ‘рыба (какая?)’ Пуст., вероятно, является фонетическим вариантом к исходному *курмѣль*.

Остальные псковские слова в значении ‘то же, что пескарь’, то есть ‘мелкая речная рыба’, имеют корень *песк-*, *пес-*: *песа́к* Пушки., *пескарёнок* Остр., *пескозоб* Аш., Беж., Дн., Кр., Оп., Холм., *пескозобец* Вл., *пескун* Вл., Гд., Дед., Нев., Н.-Сок., Печ., Пушки., Себ., Стр., Холм., ум. *пескунёк* Оп., *пескунша* Гд., *пескушо́к* (Пск.?), *песочник* Себ., *песу́к* Аш., Беж., Гд., Кар., Кр., Н.-Рж., Остр., Палк., Печ., Порх., Пск., Пушки., Пыт., Сер., Сл., *песу́н* Оп., *песучо́к* Кр., Оп., Остр., Порх., Пыт., Стр., *песушо́к* Гд., *песью́к* (Пск.?), *песью́к* Беж., Сер.; в Разговорнике Т. Ф. 1607 г. зафиксировано слово *пескиш* (ПОС 26).

В тверских говорах употребительны: *пескозоб* Тороп., Ост., Андреап., *пескун* Андреап. (Селигер 4: 367), *бескозоба* Ост. (Селигер 1: 42).

В пермских говорах употребляются слова: *краснопёрник* ‘вид мелкой речной рыбы (пескарь)’ Киш., Уинск. (СРГЮП 1: 427), *пезга́рь* ‘мелкая пыба’ д. Рожнево Черд. (РСР: 152), *песка́н* Добр., Ильинск. и *пескун* Куед. (СПГ 2: 95), *пескун* ‘мелкая рыба пескарь’ Чернуш. (СРГЮП 2: 315), *пескун* ‘мелкая рыба пескарь’ Чернуш. (СРГЮП 2: 331), *пескозоб* ‘мелкая круглая рыба с красными плавниками; пескарь’ Кунг., Сол., ум.-ласк. *пескозобчик* Сол. (СПГ 2: 100), *пескозобчик* ‘мелкая рыба семейства карповых, пескарь’, *низкозоб* ‘рыба, разновидность пескаря’ [Нечаева 2013: 444], а также *песка́рь* (*писка́рь*) ‘пескарь’ (Акчим. сл. 4: 172). Предположение о том, что «единицы *пескозоб*, *пескозобчик* и *низкозоб*, скорее всего, должны быть записаны как *пискозоб* и *пискозобчик*» [Нечаева 2013: 444], не имеет достаточных оснований, особенно в отношении слова *низкозоб*, так как варианты с начальным *н-* зафиксированы в других говорах. Наше сомнение касается орфографическо-

го оформления последнего через -з- (вероятно, соотнесенного автором записи с сочетанием *низкий зоб*) как ошибочного: варианты *нескозоб* и *нискозоб* входят в ряд модификатов слов *пескозоб*, *пискозоб* (см. ниже).

По данным «Рыболовного словаря Прикамья» (РСР) можно определить распространение в пределах названной территории слов с корнем *песк-* и его фонетическими вариантами, обозначающих пескаря и мелкую рыбу вообще, и слов с другими корнями, имеющих значение ‘рыба пескарь’ (исключая названия мелкой рыбы с другими корнями).

Таблица 1. Названия пескаря в говорах Прикамья

Слово	Значение	География
<i>песка́н</i>	‘пескарь’	д. Ефтята Добр., с. Каргино Ильинск.
<i>песку́н</i>	‘пескарь’	с. Бедряж Чернуш., с. Пантелеевка Куед.
<i>пескозо́б</i>	‘пескарь’	д. Тетерина, д. Толстик Солик., с. Берёзовка Бер., д. Говырино, д. Осинцево Сукс. + Пермск. (СРНГ)
<i>пескозо́т</i>	‘пескарь’	д. Усть-Иргино Сукс.
<i>пескозу́б</i>	‘пескарь’	с. Ключи Сукс.
<i>песка́рь</i>	‘мелкая рыба’	с. Карагай
<i>пезга́рь</i>	‘мелкая рыба’	д. Рожнево Черд.
<i>бескозо́б</i>	‘рыба пескарь’	Пермск. (СРНГ)
<i>мескозо́б</i>	‘пескарь’	д. Мартино Красновиш.
<i>мескозу́б</i>	‘пескарь’	Добр. (СРНГ)
<i>мескозо́к</i>	‘пескарь’	п. Суксун
<i>низкозо́б</i>	‘пескарь’	д. Свалова Солик.
<i>марига́</i>	‘рыба пескарь’	Пермск., Добр., Охан. (СРНГ)
<i>мари́шка</i>	‘рыба пескарь’	Пермск., Добр., Охан. (СРНГ)
<i>мори́шка</i>	‘пескарь’	? — без указ. места, ссылка на свердл. (СРНГ)
<i>козо́н</i>	‘пескарь’	Пермск. (СРНГ)
<i>пика́рь</i>	‘пескарь’	Пермск. (СРНГ)
<i>чеба́к</i>	‘пескарь или голянь’	д. Мартино Красновиш.

География общеизвестного слова *пескарь* уточняется и за счет употребления его в сочетаниях: *болотный пескарь* ‘рыба’ Пск. (СРНГ 3: 79), *пескарь песочный* ‘рыба *Gobitis taenia* L., щиповка’ Пск., *пескарь-пескозоб* Р. Ветлуга, *пескарь-синец* ‘рыба *Gobio uranoscopus* (Agassia), дунайский длинноусый пескарь’ Ока, *пескарь-черныш* ‘рыба *Gobio fluviatilis* Flemm., пескарь’ Моск.; слово *пескарь* известно также в значении ‘рыба голец’ Новг. (СРНГ 26: 302).

Словообразовательное гнездо с корнем *песк-/писк-* в значении ‘пескарь’ довольно обширно.

Представим данные СРНГ и некоторых других словарей: *пескарёнок* Высоков. Калин., Остр. Пск., *пескарёшки* Реж. Ср. Урал, *песхárь* Тотем., Ярен. Волог. 1866; *пескán* Верх. Волог., Волог., Яросл., Перм., Оренб., Удм. АССР, Урал., Свердл., Том. (СРНГ 26), Солиг. Костром. (Ганцовская 2015: 277), *песканьё* К.-Г. Волог., Н.-Тур. Ср. Урал; *пескáш* Том., *пескáшка* Талиц. Свердл.; *пескíш* В.-Т., Шенк. Арх., Пск. — Разговорник Т. Ф. 1607 г.; *пескíша* В.-Т. Арх.; *пескúль* Вост. Казах.; *пескúн* Новг., Чуд. Новг, Кириш., Подп. Ленингр., Новосиб., Андреап. Твер., Вл., Гд., Дед., Нев., Н.-Сок., Печ., Пушк., Себ., Стр. Пск. (ПОС), Галич Костром. (Ганцовская 2015: 277), *пескунóк* Оп. Пск.; *пескúш* Верхнекет. Том., *пескúша* Гд. Пск., *пескушóк* Пск.; *пескýш* Р. Летка Киров., *песчáник* Урал, Волга, Кама, Челяб., в названиях других рыб — Тат. АССР, Онеж., Олон., Черн., Азов. моря; *пискáл* (геогр.?) Преобр., 1910; *пискán* Урал., Свердл.; *пискáч* Мстин. Новг., Лод. Ленингр., Прион. Карел.; *пискíж* Смол.; *пискúн* Шенк. Арх., Новг., Р. Урал, *пискунóк* Р. Урал, *пискúнчик* Р. Урал; *пескушóк* Пск., Осташк. Твер., Калин. Сюда же входит и *пищуля*, по данным Картотеки СГРС [Березовская 2003: 22].

Слово *пескúн* отмечено в близком значении ‘рыба угорь, вьюн’ в западных новгородских говорах: Бат., Валд., Вол., Кр., Мал., Новг., Полав., Сол., Ст., Холм., Чуд., Шим.

Отмечены варианты с преобразованным консонантным сочетанием *-ск-* > *-с-*: *песáн* Камышл. Ср. Урал, *пéсан* Петр. Ср. Урал., *песу́к* Пск., *песучо́к* Пск., *песью́к* Пск. 1912–1914, Пск., Чудск. оз. С заменой *-к-* на *-т-* представлены единицы: *пéстуйи* ‘пескарь’ Арх., ср. *песты́и* и *пéстыи* ‘маленькая речная рыбка голянь’ Арх., собир. *песты́е* ‘мелкая рыба’ Пинеж. Арх. В плане фонетических преобразований интересна лексема *писгáн* ‘рыба... верховка’ Чердын. Перм., 1928.

Несомненный интерес представляют слова, в которых произошли замена начального согласного корня *песк-* другими звуками и иные процессы. В точечном ареале в говорах к западу от Онежского озера в качестве модификата слова *пескарь*, *пискарь* выступает диалектный фонетический вариант *кискáрь* ‘пескарь (рыба)’ Прион. Карел. (СРГК 2: 351), в котором, возможно, отразилась межслоговая ассимиляция согласных. С начальным *к-* обнаружена одна единица. Ср. также своеобразный фонетико-морфологический вариант *э́ска* Арх. Карг. (СГРС 3: 331). Со звонким начальным согласным отмечается *бескáн* ‘пескарь’ Камен. Ср. Урал (СРГСУД: 25), *бескáч* ‘рыба голянь’ У.-Куб. Волог. (СГРС 1: 107). В говорах Урала в значении ‘пескарь’ известны лексические единицы с начальным *м-*: *мескáн*, *мескáнчик* Туг. Ср. Урал (СРГСУД: 298), «рыба мескозоб, козок» Курган., 1971 (СРНГ 18: 126), *мискáнчик* ‘рыба пескарь’ Режев. Свердл., Ср. Урал 1971 (СРНГ 18: 176).

Названия с корнем *пест-*: *пест* ‘рыба *Gobio gobio*, пескарь’ Арх. 1970, ‘мелкая рыба’ Пинеж. Арх. 1878, ‘рыба *Nemachelius barbatulus*; голец’ Печор. 1972, *пест* ‘мелкая рыба’ Пинеж. Арх. 1878; по говорам Севера известны также *пéстик*, *пестушка* ‘пескарь’ Сев. [Березовская 2003: 22].

Выделяется большая группа сложных слов, содержащих корень *песк-*, его фонетические модификации и *-зоб-*. Наиболее известным из них является слово *пескозоб* ‘рыба пескарь’ Олон., Сиб., Енис., Перм., Уральск., Влад., Новг., Во-

лог., Арх., Север., Свердл. (СРНГ 26: 303), Карг. Арх. (СРГК 4: 483), Аш., Беж., Дн., Кр., Оп., Холм. Пск. (ПОС 26: 60), Андреап., Ост., Тороп. Твер. (Селигер 4: 378), Ю.-Зап.; Алап., Н.-Лял., Сукс., С.-Ур., Тал., Камышл. Ср. Урал (СРГ-СУ 4: 23), 'вид рыбы' Валд., Вол., Люб., Мал., Под., Сол., Шим. Новг. (НОС 2010: 812), 'рыба выюн' Остр. Пск. (ПОС 26: 60). Известен и вариант *пескозёб* Красногор. Калинин., 1940 (СРНГ 26: 303). Суффиксальные образования: ласк. *пескозобик* Урал, верх. теч. Енисея, уничиж. *пескозобешек* Урал., уменьш.-ласк. *пескозобчик* Урал, верх. теч. Енисея, Соликам. Перм.; с преобразованием *-зоб-* в *-зуб-*: *пескозуб* Дон., Свердл., уменьш.-ласк. *пескозубчик* Волж., Урал. (СРНГ 26: 303). Ср.: *пискозоб* 'рыба-выюн' Н.-Рж. Пск. (ПОС 26: 179). См. также подобные слова в таблице 1 и других представленных материалах.

Слово *пескозоб* на уровне макросистемы русских говоров имеет ряд вариантов, в которых преобразовался анлаут. Выделим группы лексических единиц, различающиеся начальным компонентом.

1. Единицы с начальным *б-*. Слово *бескозоб* 'рыба пескарь' Вин., Карг., Усть, Шенк. Арх. (АОС 2: 12), *бескозоб* 'маленькая рыбка (обычно пескарь)' Арх. Вель, Карг., Кон., Лен., Он., Плес., Прим., Уст., Холм., Шенк.; Влг. В-Важ., Тарн. (СГРС 1: 107), Аш., Беж., Холм. Пск. (ПОС 26: 60), 'рыба пескарь (?)' Мош., Новг., Под., Сл., Холм. Новг. (НОС 2010: 40), *бескозоб* 'пескарь' Шенк. Арх., Волог. 1902, 'маленькая рыбка' Вытегор. Олон., «подкамешник» Петрозав. Олон., «из названий рыб» Екатеринбург, Шадр. Перм., «род рыбы» Онеж. Арх., ср. *бескозобм* Красноуф. Перм. (СРНГ 2: 267). В качестве варианта в статье *пескозоб* представлено *бескозоб* 'пескарь' Аш., Беж., Холм. Пск., 'рыба выюн' Холм., *бескозобец* 'то же, что пескарь' Вл. Пск. (ПОС 26: 60). В последнем случае в качестве начального слова представлено слово *пескозобец*, но иллюстрация дана лишь с вариантом. Отмечается морфологический вариант *бескозоба*

‘пескарь’ в западно-тверских говорах — Ост. Твер. (Селигер 1: 42). В говорах Урала в значении ‘пескарь’ известны лексические единицы: *бескозоб* Камышл. (СРГСУ 1: 43), *бескозоблишка*, *бескозуб* Камен. (СРГСУД: 25).

2. Единицы с начальным *j* (e-, я-, u-). *Ескозоб* ‘рыба пескарь’ Карг., Усть. Арх. (АОС 13: 147), Арх. Карг., Уст., Волог. Кир. (СГРС 3: 331). Данный вариант послужил производящей основой для ряда слов: *ескозобец* Волог. Кир., *ескозобик* Арх. Карг., Волог. Бабуш., *ескозобчик* Арх. Уст. (СГРС 3: 332), *яскозоб* Вин., Карг. Арх.; Белоз., Вашк. Волог.; *яскозуб* Вашк. Волог. (КСГРС). Ср. также *эска* в том же значении Арх. Карг. (СГРС 3: 331). Группе с начальным e- соответствует чисто фонетический вариант с начальным u-, то есть слова без начального согласного: *искозоб* ‘мелкая рыба (пескарь; подкамешник; бычок и др.)’ Арх. Вин., Карг., Нянд., Уст., Волог. Бел., *искозобик* Волог. Бабуш., *искозобчик* Арх. Шенк., *искозоба* Арх. Нянд. (СГРС 4: 341–342), *искозоб* ‘рыба пескарь’ Ирб. Ср. Урал (СРГСУД: 217), *искозоб* ‘рыба голец’ Борович. и смежн. р-ны Новг. XX в. (СРНГ 12: 217).

3. Единицы с начальным *ɔ*. *Дескозоб* ‘мелкая речная рыба, не употребляемая в пищу’ Влг. Кир. (СГРС 3: 218).

4. Единицы с начальным *m*. *Мескозоб* ‘рыба пескарь’ С.-Вост.; Кат., Полев., Реж., Сл.-Тур., Сукс., Туг. (СРГСУ 2: 128), Шадр. Перм., Урал., Ср. Урал., Курган. и *меско-соп* Урал. 1970 (СРНГ 18: 126), *мескозок* Суксун. Свердл., *мескозуб* Добрян. Перм., Ирбит. Свердл. (Там же), *мескозобик* ‘рыба (какая?)’ Бутк. Ср. Урал (СРГСУД: 298), *мискозоб* ‘рыба пескарь’ Снч. Вят. (ОСВГ 6: 56), Копт. Ср. Урал (СРГСУД: 300), ‘рыба голец’ Борович. Новг. 1890, *мескозобка* ‘щука’ Сл.-Турин. Свердл. 1971 (СРНГ 18: 126).

5. Единицы с начальным *n*. *Нескозоб* ‘рыба пескарь’ Слободо-Турин. Свердл. (СРНГ 21: 153), *нескозоб* Тарн. Волог. (КСГРС); *нескозоб* Обь, Иртыш (Линдберг, Герд: 157),

нискозоб Н.-Тавд., Таб. Ср. Урал, *нискозобой суц.* Байк. С.-Ур., Туг. Ср. Урал (СРГСУ 2: 205, 209).

6. Единицы с усечением начального сочетания согласного и гласного. В результате вполне закономерного фонетического преобразования (*пескозоб* > *пскозоб*) возник вариант *скозоб* 'пескарь' Холм. Арх. (КСГРС), *скозоб* Симб. 1859, далее — *скозобец* Ряз., Саратов., 1911, Пенз., Тамб., *скозопец* Тамб. 1934–1950, *скозобчик* Городищ. Пенз. 1852, Пенз., *скозобщик* Пенз. 1970, *скозобь* Тамб. 1911 (СРНГ 38: 51).

Лексические единицы *оскозоб*, *оскозобина* Вельск. Арх. (КСГРС), по всей вероятности, имеет протезу *о*- экстенциального характера (возникшую как результат стремления говорящего ликвидировать начальное консонантное сочетание). В связи с этим интерес представляет и лексема *коскозоб* с близкой семантикой 'мелкая съедобная рыба (какая?)' Арх. Плес. (СГРС 6: 78), имеющая точечную фиксацию. Не является ли наращение *к*- результатом влияния структурной организации слога, начинающегося с согласного?

Слова *козоб* и *козоба* 'рыба голец' Арх. Кон., *козобан* 'мелкая рыбка, малек' Волог. Кир. (СГРС 5: 216–217) с некоторой долей вероятности могли отражать изменение *ск*- в *к*-. Ср. также *козобн* 'пескарь' Кат. Ср. Урал (СРГСУ 2: 25).

7. Прочие лексические единицы. *Лекозоб* 'небольшая речная рыба' Пошех. Яросл. 1849 (СРНГ 16: 342), *мягкозоб* 'рыба пескарь' Шадр. Перм. 1930 (СРНГ 19: 74), *мяскозоб* Вин., Лен. Арх.; *свозоб* Устьян. Арх. (КСГРС).

На преобразование слова *пескозоб* давно обратил внимание А. А. Матвеев: «Пескаря сперва обозвали пескозобом, то есть пескоедом за то, что он, якобы, ест песок. А затем переделали *пескозоб* в *бескозоб*, *мескозоб*, *пискозоб* и *нискозоб*» [Матвеев 1977: 74]. Исследуя вопрос о формировании севернорусских ихтиогимов, Е. А. Березовская пишет: «Ярким примером затемнения внутренней формы в процессе фонетических изменений являются многочисленные варианты ихтионима *пескозоб*, ср. *бескозоб*, *бескозуб*, *виско-*

зоб, дескозоб, ескозоб, искозоб, козоб, козобан, мяскозоб, нескозоб, оскозоб, свозоб, скозоб, яскозоб, яскозуб и др. Если исходная форма в данном случае имела прозрачную внутреннюю форму, хотя при этом мотивация и требовала комментариев, то производные формы в процессе своего развития утратили связь и с исходной формой *пескозоб*, и с признаком, характеризующим рыбу как поедающую песок (т. е. то, что находится на его поверхности, или в нем)» [Березовская 2006: 14–15].

Для лингвогеографического описания важно указать географию бытования слова. Приведем уточнения такого характера по данным Картотеки СГРС, хранящейся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета: *мяскозоб* Вин., Лен. Арх.; *нескозоб* Тарн. Волог.; *оскозоб, оскозобина* Вельск. Арх.; *свозоб* Устьян. Арх.; *скозоб* Холм. Арх.; *яскозоб* Вин., Карг. Арх.; Белоз., Вашк. Волог.; *яскозуб* Вашк. Волог. Заметим также, что в картотеке Архангельского областного словаря представлены слова с корнем *-зоб-* в составе сложных образований: *скозоб, ескозоб, бескозоб, мескозоб, пескозоб* (ОСАГ: 112), что еще раз подтверждает разнообразие путей преобразования афлаута слова *пескозоб* на севернорусской территории.

Представленный материал показывает, что особую группу составляют слова с корнем *-зоб-* и предкорневыми элементами, происхождение которых может интерпретироваться неоднозначно. Например, Е. А. Березовская среди севернорусских названий пескаря выделяет слова *козобан* и *козоба*, производные от **козобать* ‘много есть’ и имеющие древнюю мертвую приставку *ко-* [Березовская 2003: 21]. Приведенные в данной статье такие лексемы, обозначающие пескаря, как *ескозоб (искозоб), бескозоб, дескозоб*, известные на той же территории, что и *козоб, козоба*, а также *скозоб* на территории южнорусских говоров, на наш взгляд, дают основание для иной интерпретации этимологии слова

козоб. Появление в составе тематической группы названий рыб лексических единиц *ко́зоб*, *козоба* могло быть поддержано словами с этимологическим корнем *-зоб-* и приставкой *ко-* в отношении к человеку, имеющему большой (выпуклый) живот, к вместительным предметам округлой формы (СРНГ 14: 71). Как существенный момент подчеркнем, что при решении вопроса о происхождении слова необходимо учитывать его формальные варианты, включая нерегулярные преобразования, и семантические связи внутри этимологического гнезда, а также возможное пересечение гнезд, в которые входят корни сложных слов.

В заключение отметим, что извлеченный из использованных источников материал может (и должен!) учитываться при составлении карты ЛАРНГ по теме «Название пескаря». Несмотря на обширный имеющийся список слов, считаем, что материал может пополняться за счет новых источников.

Литература

Бахвалова Т. В. Лексическое пространство народных говоров Орловщины как отражение материальной и духовной культуры жителей региона. Орел: ООО «Горизонт», 2017. 274 с.

Березовская Е. А. Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 220 с.

Березовская Е. А. К вопросу о происхождении некоторых севернорусских ихтиологических терминов // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 4 / Под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 21–27.

Герд А. С., Корнев А. И., Рускова М. П. Русские названия рыб // Из истории слов и словарей. Л., 1963. С. 29–36.

Голев Н. Д. О некоторых ономазиологических особенностях диалектных наименований одной тематической группы (на материале народных названий рыб) // Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. Красноярск: Изд-во КрГПИ, 1978. С. 59–69.

Куйдина Е. П. Названия пескаря в воронежских говорах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 35–37.

Матвеев А. Кто она, Меря? // Уральский следопыт. 1977. № 11. С. 72–75.

Нечаева Л. С. ЛСГ «Наименования рыб» в русских говорах Пермского края // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 441–457.

Сабанеев Л. П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. 4-е изд. Киев: Урожай, 1970. 668 с.

О некоторых наименованиях петуха в русских диалектах*

С. А. Мызников

Статья посвящена анализу некоторых наименований петуха, зафиксированных в лексикографических источниках, а также в ходе полевых исследований. Предлагается корректировка ареальной дистрибуции различных лексем. Дается этимология некоторых заимствованных единиц.

Ключевые слова: ареал, этимология, лексика, животный мир, наименования петуха.

К настоящему времени, в связи с выходом в свет различного рода диалектных словарей, накоплены весьма большие материалы, которые можно подвергать разноаспектному анализу. Естественно, что тематические лексикографические проекты и дальнейший анализ такого рода данных могут дать интересные результаты. В данной статье предлагается анализ наименований петуха, зафиксированных на страницах «Словаря русских народных говоров» и ряда других диалектных лексикографических источников, а также экспедиционных данных. Следует отметить, что эти материалы могут быть использованы при работе над картами «Лексического атласа русских народных говоров», в Программе-вопроснике которого представлены наименования домашней птицы. Вопросы, относящиеся к наименованиям петуха, включены в Программу ЛАРНГ в двух разделах: «Лексика природы, Животный мир» и «Птицеводство»:

* Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 16-04-00065а ««Лексический атлас русских народных говоров» в контексте современных полевых данных и материалов региональных диалектных словарей».

ЛСЛ 333. Петух: *петун, певун, кочет, кокотун, кур, кижун.*

ЛСЛ 10030. Петух: *каплун, кижун, клевун, когут, кокодей, кокот, косогран, коч, кочедок, кочень, кочет, кочеток, кочетишка, кропух, кур, куран, курнак, ку-ря, певень, петун, пет(в)ель, петухан, пеун.*

Л 10032. Громко поющий петух: *громотух, горло-дёристый петух.*

Л 10033. Петух, который клюется: *долбачий, бой-цевой, клевач.*

В связи с этим обзор такого рода данных может быть весьма полезен для дальнейшей детализации лексических ареалов и этимологической составляющей. Оставляя в стороне все, что связано с петухом как фольклорным персонажем, следует отметить, что на страницах СРНГ отмечается включенность этих данных в этнографический и фольклорный контекст.

Общепринятое наименование петуха широко употребительно в различных жанрах фольклора, иллюстрации из которого представлены в СРНГ.

Фиксируется общепринятое название *петуха* в приметах.

Петух не в пору поет — к ведрию (народная примета). Крик гагары предвещает ведрие — т. е. хорошую для уборки сена погоду. Вёдрие в летне время хорошо для сенокосу. Вёдрие стало, зеленого сена поставят. Арх. Беломор. (СРНГ 4: 93).

Если петух снес яйцо — будет покойник; если это яйцо держать под левой мышкой несколько недель, то выпарится огненный змей, который будет золото носить. Том., 1864 (СРНГ 5: 324).

«Предзнаменьем сильной болезни или смерти служат, например, скрип потолочной матицы, щель, делающаяся в хлебе при печении его, треск потолка или стены, *несвоевременное пение петуха*, также если курица запоет *пету-*

хом, зачесется у человека переносье, или скотина станет беспокойна, если собаки начнут рыть яму под окнами — все это перед головой» (к смерти). Волог., Иваницкий, 1890 (СРНГ 6: 299).

Кормить петуха. Гадать на петуха. «Если петух, принесенный в избу с насеста, клевал корм — муж будет трезвенник, если пил воду — пьяница». *У нас и петуха кормили, а я в аккурат с Петром гуляла, все его потом пьяницей звали, а он в рот не брал.* Моск., 1972 (СРНГ 26: 333).

Пряжи петуху подавиться — очень мало: *Раньше не халалыжничали, а пряли; если пряжи петуху подавиться, то початком по головы.* Опечен., Борович. Новг., 1995 (СРНГ 39: 249).

Имеются фиксации в частушках, припевках, песнях и т. п.

Разгорланился петух; *Как за реченькой в деревне Много девочек-вертух.* Великолукск. Пск., 1896 (СРНГ 4: 155).

Также представлено наименование **петух** в различного рода обрядах.

Выть петухов. Плакать, причитать (о невесте). «Утром, на другой день просватыванья, девушки еще в постели начинают выть петухов, невеста голосить». Красноуфим. Перм., Гладких, 1913 (СРНГ 6: 44).

Житина, житина, возьми свою жичину! (заговор от жичины, ячменя глазного, причем слегка колют его ячменным зерном, которое отдают **петуху**). Слов. Акад. 1898. Пск. (СРНГ 9: 190).

«Навар (колокольчика) употребляется от лишаев, его дают пить и родильницам, чтобы “золотник (кровотечение) не ходил после родов”. Для этого цветы надо срывать в таком месте, где не слышно пения **петуха**». Волог., Кадн. Волог., Иваницкий, 1890 (СРНГ 11: 223).

«В осенние родительские носят в церковь на поминовение с блинами вареных и жареных петухов, после панихиды на могилках отдают одного **петуха** священнику с причтом,

другого съедают в скиродниках». Мцен. Орл., Снегирев, 1861 (СРНГ 38: 8).

«Самые обыкновенные танцы в Тотье: французская кадрили, зайныка и хождение пленицей, которое называется большой *петух*». Тотем. Волог., Потанин, 1899 (СРНГ 27: 111).

Весьма обширны фиксации слова *петух* в сочетаниях, связанных с обозначением времени.

Я троих-то да ранних петухов; что поздно спели — первы вечерные, а други спели — полуночные, а что третьи спели — да раноутренные (песня). Красноуфим. Перм. (СРНГ 4: 215).

Двое *петухи* пропели. О времени с 3 до 4 часов утра в зимнюю пору. *Уже двое петухи пропели, как выехали в дорогу проезжи-то*. Космодемьян., Ядрин. Казан., 1853 (СРНГ 7: 285).

Это доэтуль ты шатаешься, полуночник? Ведь уж петухи двою пели. Перм. (СРНГ 8: 168).

Весёлая ночь. Ночь, под которую с вечера поют *петухи*. Бобр. Ворон., 1858. Болх. Орл. (СРНГ 4: 181).

Естественно, что вся совокупность наименований петуха распадается на ряд корневых групп. Поскольку СРНГ является словарем дифференциального типа, на его страницах нашли отражение различные словообразовательные варианты от общенародных корней *петух-*, *пет-*.

Петуха́н, а, м. 1. Петух. *У ей курей топтать некому, петухана машина сбила*. Новосибир., 1978 (СРНГ 26: 333).

Пётышка, и, м. Петух. [Лиса] *крылушина обломала. Перышка обципала. Стала с бочка теревить. Только и жив был петышка*. Повен. Олон., Гильфердинг. Олон. (СРНГ 26: 336).

Петуше́йло, а, ср. Петух; петушок. *Как сидел петушейло, духовное дитя, во березоньке*. Повен. Олон., Гильфердинг. Олон. (СРНГ 26: 333).

Пету́н, а, м. Петух. Твер., 1820. Калинин., Пск. *С петунами и курицами намучились: вот скотинина — есть домой, а класться — где-то.* Новг. Петерб. *Петун кукарекает.* Ленингр. Волог., Яросл., Медвежьегор. КАССР, Арх., Олон., Смол., Сев.-Зап., Свердл., Байкал., Амур., Латв. ССР, Лит. ССР, Эст. ССР, Заонеж. Олон., 1885–1898 (СРНГ 26: 332).

Пя́тун, м. Петух. *Пятун это больше, петух потом.* Медвежьегор. КАССР, 1970 (СРНГ 33: 236).

Пётко, а, м. Петух. Малмыж. Вят., 1897 (СРНГ 26: 327).

Различные качества петуха фиксируются как номинативные единицы, представленные как в словнике, так и в иллюстративном материале.

Наш петух — хороший водун, у него всегда куры сыты и довольны. Ворон., 1920 (СРНГ 4: 348).

Гогóна. «Так называют петуха, который громко поет». Север, Барсов. Олон. (СРНГ 6: 264).

Горлоде́ристый, ая, ое. С сильным голосом, крикливый. *Горлоде́ристый петух.* Рыб. Яросл., 1920–1924 (СРНГ 7: 43).

Громоту́х, а, м. Эпитет петуха (В СРНГ представлено значение: О громко поющих птицах). *Мой петух-громотух рыскает по горам* (песня). Покр. Влад., 1905–1921 (СРНГ 7: 152).

Кукури́к. Петух-певун. *Кукурик, особый петух, хорошо кукурикает.* Таборин. Свердл., 1971 (СРНГ 16: 46).

Зязюля́стый. Пестрый, рябой, пятнистый. *Зязюлястая курка, зязюлястый петух.* Курск., 1947–1960. Орл. (СРНГ 12: 49).

Пету́х троепе́рый. *Не пойте-ко рано, петухи, Петухи да троеперые!* Чердын. Перм., 1859 (СРНГ 45: 111).

Драшливый петух жирен не бывает. Твер. Волог. (СРНГ 8: 177).

Кроме общенародного названия петуха в русских говорах представлены интердиалектные отглагольные единицы. Нами уже отмечалось, что включение ареально дифференцированных лексем в исследования по диалектному членению

русского языка требует уточнения и дополнения, Так, например, для белозерско-бежецких говоров предлагается 10 слов, по мнению авторов, характеризующих эти говоры: *кожсанки*, *шубянки* ‘рукавицы, сшитые из овчин’, *назем* ‘навоз’, *пеун* ‘петух’, *порато* ‘очень’, *дерево* ‘составная деревянная часть сохи’, *ботать* ‘бодать — о корове’, *жнитвина* ‘сжатое поле’, *мырчит*, *мыркает* ‘мычит — о корове’ [Захарова, Орлова 1970: 116, 121]. Точно также Н. Н. Пшеничнова приводит в качестве дифференцирующих белозерский диалектный тип следующие лексемы *жѣто* ‘ячмень’, *певун*, *пеун* ‘петух’, *мырчит*, *мыркает* (о корове), *будает* (о корове) [Пшеничнова 1996: 90–91]. Однако все они имеют более широкое распространение, чем данная диалектная группировка, — общий севернорусский ареал и, кроме того, общерусскую мотивацию, на основании которой проявление лексем возможно на всем пространстве русского языкового континуума (см. [Мызников 2005]). Материалы СРНГ это подтверждают.

Пѣун. Петух. Новг., 1857. *Пѣун*. Даль [без указ. места]. Кадуйск. Волог., 1950. Волог. *Пѣун*. Переясл. Влад., 1848. Влад. *Курицы на наседке, а пеуна что-то не видно*. Калинин., Горьк., Яросл., Костром., Арх., Беломор., Новосиб., Читин. Слов. Акад. 1959 [с пометой «обл.».]. *Пеун* [удар.?]. Костром., 1820. Петерб., Петрогр., Олон., Север, Том., Акм., Моск. *До пеунов* [удар.?]. До петухов. *Поужинав, садится еще до пеунов тесать гвозди*. Молог. Яросл., 1854 (СРНГ 26: 337).

Певун. Петух. Влад., 1820. Влад., Иван., Яросл., Костром. *Наш певун красавец. Никого к курицам не подпускает, кроме хозяйки*. Волог. *На печном столбу да тут певун сидит, Певун сидит да кукарекает*. Арх., Новг., Пск., Калинин., Смол., Моск., Орл., Калуж., Ряз., Пенз., Дон., Симб., Свердл., Кемер., Том. *Петуха раньше певуном звали*. Новосибир. Р. Урал (СРНГ 25: 311).

Сюда же относится *Пею́н*, м. Петух. Орл., 1940–1950 (СРНГ 27: 17).

Некоторые данные, исходя из их ареальной дистрибуции, легко поддаются этимологической дифференциации.

Выделяются восточнославянские данные. Например, слово *пéвень* рассматривается как белорусско-украинская изолекса с распространением на смежные русские говоры, при старобелорусск. *певень* (1592 г.) (ЭСБМ 9: 10).

Пéвень, м. Петух. Дон., 1848. Ворон., Курск., Саратов., Южн. *У моего певня такой красивый хохол. Брян. Медведь ложится так, чтоб перед светаннем слышать, как певни плят.* Смол., Пск., Твер., Курган., Новосибир., Хакас. Краснояр. Слов. Акад. 1959 (СРНГ 25: 310).

Вероятно, как вариант к *пéвень* можно рассматривать единицу *Пéвел*, м. Петух. Малоарх. Орл. (СРНГ 25: 310).

Некоторые данные фиксируются только в южнорусском ареале: *Півень*, м. Петух. Россошан. Ворон., 1962. Курск., Краснодар., Волгогр. (СРНГ 27: 17). Причем совершенно очевидно соотношение лексемы *півень* с украинскими данными, ср. укр. *півень*, которое рассматривается в гнезде, ср. укр. *півник, піяк* ‘петух’ (ЕСУМ 4: 384).

Сюда же, вероятно, относится и вариант *півин* ‘петух’ Бугур. Самар., Архив АН (СРНГ 27: 17).

Единица *кóчет*, имеющая более частотные фиксации в южнорусских говорах, по лексикографическим источникам представлена как интердиалектная единица.

Кóчет. Петух. Ярослав., 1820. *Хотела на базаре кочета продать, да больно дешево дают.* Влад., Иван., Костром., Горьк., Нижегород., Моск., Калинин., Пск., Шенк. Арх., Перм., Оренб., Чкал., Ряз., Тамб., Пенз., Тул., Орл., Калуж., Курск., Ворон., Белг., Дон., Брян., Ставроп., Кубан., Краснодар., Казаки-некрасовцы, Рост., Терск., Сталингр., Волгогр., Саратов., Самар., Куйбыш., Симб., Ульянов., Казан., Белор., Башк. АССР, Чуваш. АССР, Морд. АССР, Свердлов., Урал., Том., Новосибир., Сев. Прииссыккулье, Киргиз. ССР,

Иркут., Читин., Краснояр. Слов. Акад. 1956. *Молодица, которая сидела и гадала, говорила ему про лен, но разговора «до кочетов» не дотянула и побежала было из сеника*. Костром. (СРНГ 15: 128).

О.Н. Трубачев в примечаниях к Словарю М. Фасмера предполагает связь с польск. **koczoł**, при праслав. ***kočety** — из ***koket-**, при семантически близком франц. **coquet** (Фасмер 2: 358).

Имеются единицы, относящиеся к славянскому наследию: **kokot** ‘петух’, др.-русск., ст.-слав. **kokotъ** **ǎléktorъ**, сербохорв. **kokot**, словен. **kokot**, чеш. **kokot**, **kohout**, словац. **kohut**, польск. **kogut** (Фасмер 2: 283).

Кóгут. Петух. Муравл. Ряз., 1947 (СРНГ 14: 44).

Кугут. Петух. Юго-вост. Кубан., 1949–1951 (СРНГ 15: 395).

Имеются менее частотные фиксации с корнем **кур-**:

Курятник, а, м. Петух. Сольвыч. Волог., 1883–1889 (СРНГ 16: 153).

Курнѧк, м. Петух. Влад., 1852 (СРНГ 16: 134).

Хотя слово **кур** фиксируется в Словаре Срезневского и в БАСе, причем в последнем с пометами: *устар.* и *обл.* (БАС 5: 1854).

Зафиксированы лексемы, которые связаны со смежным иноязычным влиянием. Приведем в качестве примера только некоторые из них.

Пѣка ‘петух’ Медвежьегор. Карел. (СРГК 4: 419).

Ср. кар., вепс. Река ‘Петя’, что вероятно, распространилось и на наименование петуха.

В некоторых случаях наблюдается сдвиг значения у заимствованной лексики, например, по данным наших экспедиционных исследований (далее — ПЛГО), в Обонежье весьма часто фиксируется единица **габу́к** ‘ястреб’: Подпорож. (Заозерье, Косельга, Курпово, Согиницы, Ульино, Усланка, Шустручей, Юковичи), Вытегор. (Ошта, Бабино, Мегра, Казаково, Бараново), Пудож. (Каршево), Прионеж. (Педасельга).

Я. Калима полагает, что это заимствование из люд. или вепс. *habuk* ‘ястреб’ [Kalima 1915: 88].

Однако отмечают также этимологически тождественные единицы, но с другим значением: *габук* ‘петух, драчливый петух’ Вытегор. (Казаково), Подпорож. (Юковичи, Корба) (ПЛГО). *Габучина* ‘крупный петух’ Подпорож. (Корба) (ПЛГО).

Причем фиксируются фонетические варианты с семантикой ‘петух’ не вполне ясной природы:

Ка́оло, га́бла ‘петух’ Вытегор. (Мегра, Бараново) (КСРГК). *Га́боль* ‘петух’ Петрозав. (Георгиевский, КСРНГ).

В экспедиции вместе с К. К. Логиновым нами был записан рассказ об использовании петуха в магических действиях, направленных на борьбу с эпидемией¹ [Логинов 2016].

*Потом ба́нку ста́ли хорони́ть фсе́, я ище́ фо́кус-мо́кус покажу́. Каку́ она́я ище́ пока́жэ́т, стару́хи фсе́ хороня́т. Она́ взяла́ мешо́к тако́й травяно́й, у е́е то́ко питу́ху го́ду не́ было́ иши́э, питу́ха́ в мишо́к вот и пошла. Мужы́ки по са́ре ба́нку спусти́ли хо́чут зака́пывать, а она́ **питу́ха́** на ба́нку в ту́ яму положи́ла, **пету́х** поёт, а бы́стрее, бы́стрее, мужы́ки зака́пывать, а **питу́х** поёт. Онí питу́ха́ живо́го и закопа́ли с ба́нкой, вот тепе́рь говори́т фсе́, мой говори́т **пётка** уне́с фсю́ боле́з и бо́льшэ́ боле́з здесь не́ бу́дет. Фсе́, как бы́тто руко́й сня́ло, ника́кой боле́зни не́ ста́ло, фсе́. Фсе́ ла́мпы погаси́ли, фсе́ зде́лали и ни́кто боле́ть не́ стал, че́сно сло́во. А пото́м прише́л врач Григо́рий Ондре́ич, посла́ли е́го, он с горбо́да Оне́ги, што́ там наро́т умерает са́мосильно́ в Ню́ксозере, гот, сходí што́ там твори́тсе. Он прише́л, гот, говоря́т наро́т умера́т, да́к, ма́ма гот, што́ умера́ть, у́мерли да́к бо́льшэ́ пока́ ни́кто не́ умера́ли.*

¹Запись произведена в н. п. Нюхчозеро Онежского района Архангельской области у Зуевой А. И.

Проанализированные лексемы не исчерпывают всю совокупность наименований петуха, и статья предлагает дальнейшее исследование этих данных.

Литература

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

Логинов К. К. Обычаи, обряды и поверья, связанные с охраной природной среды в Обонежье // Финно-угорская мозаика: сборник статей к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен / [Редкол.: О. П. Илюха (отв. ред.) и др.]. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2016. С. 247–254.

Мызников С. А. Субстратный языковой ландшафт и проблема диалектного членения (на материале говоров Вологодской области). Говоры белозерские и бежецкие // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 6: Славянская диалектология и история языка / Отв. ред. Л. Э. Калнынь, Г. П. Клепикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 173–179.

Пшеничникова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996. 208 с.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915. XV + 265 s.

Лексика свадебного обряда в говорах Симбирского Заволжья

Я. В. Мызникова

В статье анализируются особенности использования лексики свадебного обряда в русских говорах Симбирского Заволжья, предпринята попытка показать хорошую сохранность данной тематической группы и в то же время частичное изменение функциональной значимости этих слов в связи с изменением значения самих свадебных обрядов. Также в статье показана этнографическая и лексическая вариантность свадебного обряда в различных населённых пунктах и районах Заволжья.

Ключевые слова: русские говоры, лексика свадебного обряда, противопоставленные лексические различия, фразеологизмы, обрядовые формулы.

Материалом для исследования лексики свадебного обряда послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся в течение пяти лет (с 2012 по 2016 гг.) в левобережной части Ульяновской области, в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов.

В данном исследовании земли левобережной части Ульяновской области именуется Симбирским Заволжьем в связи с особенностями их весьма сложной истории. Заволжье среди симбирских земель выделяется в историческом отношении. Волга для данного региона служила естественным рубежом, долгое время защищавшим от кочевых набегов. Оседлые жители пришли в этот край, исключая поселения на самом берегу реки, позже, чем на правобережье. Административная история края также складывалась непросто. Так, северо-западная часть Заволжья с 1780 г. относилось к Став-

ропольскому уезду Симбирской губернии, с 1850 г. Ставропольский уезд вошёл в состав Самарской губернии, которая охватила большую часть Заволжья. Наконец, с образованием в 1943 г. Ульяновской области земли Симбирского Заволжья вошли в её состав.

Как показывают наши данные [Мызникова 2015], говоры Симбирского Заволжья имеют выраженную севернорусскую (владимирско-поволжскую) основу при достаточно заметном южнорусском влиянии, а также при смежном влиянии тюркских и финно-угорских языков. Смешанный характер славянского и неславянского населения Симбирского Заволжья отразился и в сложившемся комплексе свадебных традиций. Большинство опрошенных информантов родились в начале 30-х гг. XX в., описывали современные им свадебные обряды, которые естественным образом лишились многих своих элементов, таких, как, например, детали свадебного одеяния или магические действия, направленные на убережение молодых от порчи. В советское время зачастую невозможно было официально осуществить такой важный элемент свадебного обряда, как венчание. Однако родители обязательно благословляли (*баласловляли*) иконой невесту и жениха.

Свадебный обряд Заволжья сочетает в себе древние общеславянские традиции и обрядовые элементы с южнорусской и севернорусской основой. В числе древних обычаев, присутствующих русской свадьбе, можно отметить свадебный каравай, украшенное деревце, омовение молодых [Зеленин 1991: 333]. Приведём краткое описание основных этапов свадебного обряда в рассказе жительницы п. Старая Майна З. С. Воробьёвой (1930 г. р.):

Сваталис / сватья приходили / жениховы / сватать невесту приходили // обязательно приносили каровой хлеба и четвёрть самагонки / трёхлитрову // а потом делали девшишник / жених с невестой сидят ф передним углом / ф переди / а тут караводом играют дефьки / поют песни девшишенски // потом накануне-т вот с рубашками приходили /

приносили жениху рубашку // завтра свадьба / невестины вот приходили дефьки / оне назывались казначейки / оне значит на девичник ходили собирали девок... // а потом вот накануне топили баню дефьки / невесту значит / ходили с рубашками / пойдут с рубашками к жениху / рубашки оне утнесут жениху / жених даст мыло / венчик / оне приходят / и невесту в баню уводят // вот вымоют нынче невесту / фсё / а завтра уи невесту собирают // соберут стол / зимой если / на стол принесут ёлку / на стол поставют / нарядют её / из бумажек фсяких нарежут / верёвок фсяких / нарядют эту ёлку / свадебный сат / а летом берёзу / тоже нарядить надо // вот когда за невестой жених приезжат / невесту откупат / откупит невесту / и сат ссобой забирает / уежжает / и вёзут к жениху туда / поест звали / идёт он три / може четыре лошаде / нарядный с калколами / и едут в сельсовет // ф сельсовет приедут / ф сельсовете роспишут их / и прям вёзут к жениху // потом значит друшка с полдрушкой жениховы едут к невесте обратно гостей приглашать // тогда уи невестины родня идёт к жениху // день гуляют у жениха / другой день у невесты // неделю можэт гуляют // потом по гостям брали / вот / мое родные / это вот невестина родня / ну оне за день в два-три дома сходят // раньше больше гуляли но как-тэ / веселее. Старая Майна.

Рассказ отражает основные этапы свадебного обряда:

— сватовство, которое во многих населённых пунктах включало **сговор** и **запой** невесты;

— девичник;

— доставка приданого в дом жениха и омовение невесты накануне свадьбы (**с рубашками ходили**);

— в день свадьбы — **выкуп** невесты; **свадебный поезд**, венчание (в советское время могли ехать расписываться в сельсовет, затем — к жениху), гулянье у жениха;

— второй день гулянья — у невесты и т. д.

Сговор и **запой** — элементы первого этапа свадебного обряда, сватовства, **сгбвор** происходит до запой, когда «сговариваются» о свадьбе, **запбй** — угощение в знак того, что невеста сосватана. Сватовство или **запой** часто сопровождался готовыми традиционными формулами: *Сначала зговор / уговор / эта могут родители прити / могут сваха прити / могут старший брат там / старшая сестра // эта пасылают старших // если невеста сагласна / то сваха идёт за сватами // сватъя идут / заходят и культурно: / «У вас курочка // у нас петушок / у вас товар / у нас купец / покажите-ка этот товар!» // если невеста выходила / ну значит и согласна // вот они договорились / и тогда уже кричат: «А ну, заходите!» // остальные ешо могут стоять // и на стол — фсякая закуска: / капуста квашеная / огурцы салёные / пироги / и кислушка. Кресто-Городище Чердаклин.*

После сватовства невестины родственники (**сродство**) идут в дом жениха **угла шшупать** (часть свадебного обряда: посещение перед свадьбой дома жениха родственниками невесты для осмотра хозяйства): *Эт как на запой, приходят угла шшупать называца: «Ну, пойдём угла шшупать!» Приходят, по углам стучают палкай, поленам: «Крепки!». Красная Река Старомайн.*

Молодёжь в это время гуляет на **девишниках**, которых до свадьбы могло быть несколько: *А зесь устаёца девишник // молодёш устаёца / дефьки парни / и девишник вот две нидили до свадьбы / и фсё время девишники делают / хоть черес день / хоть черес два / фсё равно делают девишники. Ерыклинск Мелекес.*

Девичники сопровождаются обрядом одаривания родственников и товарищей жениха небольшими подарками (обряд **дары**), в ответ на одаривание невеста также получает подарки (**на отдарье**): *Дары были // первы дары были / выводили невесту // дарила она и свёкра и свёкрофь / и золофку деверя / и жениха // а последни дары были / эт перет*

свадьбай / вот завтра свадьба / а нынче дары / эта дарили товарищу / он приводил с собой нижсонатых // а оне должны давать на оддарье. Ерыклинск Мелекес.

Далее в многоэтапном свадебном обряде начинаются противопоставленные и непротивопоставленные, по определению А. Д. Черенковой [Черенкова 1998: 225], различия в лексике свадебного обряда разных населённых пунктов. Так, при этнографической вариантности, т. е. при наличии непостоянных обрядовых элементов, возникают непротивопоставленные лексические различия, как, например, при доставке в дом жениха приданого, что предшествует омовению в бане невесты накануне свадьбы. Многообразие обрядовых действий отражается в разнообразии соответствующих лексических единиц:

— *с руба́шками ходи́ли*, т. е. приносили жениху рубашки и обменивали их на мыло для невесты (во всех районах): *С рубажками ходили / накануне сватъбы не́сут трусы / не́сут майку / рубашку // занавески вешают. Красная Река Старомайн.;*

— *посте́ль носи́ли* — подружки невесты несли постельные принадлежности невесты в дом жениха (Мелекесский р-н): *Постель носили / раньше подруги носили постель-та накануне / на руках / подушки / эт фсе́ на руках / и удеяля / а удеяляеф-та была по три по четыре удеяла / и стёганые / и штучкавые / и байкавые / и шерстяной / а у коо коври были только ткани / не была удеяляеф-та / у бедных-та. Ерыклинск;*

— *посте́ль катáли* — везли «подсадную» невесту с приданым невесты в дом жениха, демонстрируя таким образом богатство невесты (Чердаклинский и Старомайнский р-ны): *дрюшки / штобы спинка была / и на спинку мы клали адин подзорник / фторой подзорник / одеялки фсе / матрас клалса пружынный / если багатая / штобы фсе́ была эта / рядáми / друшке с полдрушкой фсе́ была видна / показать богацтво невесты // сажали потсадну́ю невесту /*

там с падушкой / наряжали её и привазили в дом жениха. Крестово-Городище Чердаклин.

Таким образом, приданое (*придано*) могли нести на руках подружки невесты или везти на дрожках. Как правило, сразу же *обряжали* дом жениха — развешивали занавески: *Перины / подушки / покрывала / занавески / жениху пойдут дефьки накошки-накошки / в опцем какая будет невеста / бохатая если / то и на дьверь и на фсе занавески повесят / было-было // вот зафтра свадьба / а сёдня пойдут дефьки обряжать их дом. Старая Майна.*

Противопоставленные лексические различия связаны с разным именованьем однотипных обрядовых действий, например, при обряде *оплакивания* прежней девичьей жизни. В Чердаклинском районе на девичнике или в день свадьбы невеста прощалась со своими подружками, *оплакивала* их: *а она в эта время аплакивала сваих подружек // буквальна каждая патходили: «Подрушка мая милая / пращай нафсегда / называет там па имени / не забывайте меня / приходите в госьти / я вас приглашаю заранее» / вот / каждую каждую аплакивала. Крестово-Городище. Информанты из с. Ерыклинск (Мелекесский р-н) рассказывали, как в день свадьбы утром мать будила невесту, а потом она *вопила* подружкам. Вопила невеста и на девичнике, когда были *дары*, пела: *«ты родимый мой батюшка / ты родимая мая матушка / вы не чаялись как збыть меня / уи вы збудите-проводите / не одну меня со свахами / с молодыми шаферочкими / з добрым молоццем / там жениха...».* Ерыклинск Мелекес.*

Непосредственно перед свадьбой (а в Ерыклинске — накануне на девичнике) происходил обряд выкупа невесты у её подруг и родственников (братьев, сестёр). Младшие родственники *продают косу*: *Друшка знаи што с ремённицей «выдь из-за стола!» / а она «воля не твоя!» / «у моей сестрицы сто рублей косица / каждая кудря стоит полтора рубля! / вот и плати за неё / а если не платиш /*

*я не уйду отсюда!» / рядом с невестой сидит / прадаёт кобу / ну сестра може поменьше / да / иль брат може поменьше. Ерыклинск Мелекес. У свахи **выкупают углы** стола или **место** рядом с невестой: *Полдрушка постель выкупат / сундук / постель // а жених выкупат место со стороны свахи / штоп сесть рядом с невестай / тож нада выкупать / денешку. Большая Кандаля Старомайн.**

Символом невесты в разных деревнях и сёлах является **сад**, **цвет** или **куст**, который друзья или родственники жениха должны были выкупить у подруг невесты: *Пашили уже к невесте / сажают её вот стол / бальшой цвет / цветок фикус // если нет цветка / их надельывают / штоп с цветком была / называлось цвет прадавать // вот не невесту прадавали / а цвет: «а цветочк-тэ лазоревый / не сорванный у нас». Крестово-Городище Чердаклин. В качестве **цвет-та** (Чердаклинский р-н) используют любой большой цветок или куст, например, фикус (если нет — ёлочку). **Сад** (Старомайнский р-н) — это обычно ёлочка, сосенка, летом может быть берёзка. **Куст** (Мелекесский р-н) — это ёлочка или любой колючий куст (например, репейник).*

Обычай **продавать сад** имеет очень древние корни. По словам Д. К. Зеленина, у севернорусских выходцев из Владимиро-Суздальских земель «ритуальный свадебный хлеб полностью соединился с украшенным деревцем под названием *курник* (т. е. хлеб, украшенный птицами), *сады*, *елка*, *дэвья красота*» [Зеленин 1991: 338]. В Вологодской губернии на девичнике или смотринах накануне свадьбы в доме невесты девушки выносили и ставили перед женихом и сватом *дівью красоту* — ёлочку, украшенную свечками, лентами, цветами, серьгами и просили за неё выкуп как за свою подругу-невесту. В других деревнях ёлочку могли вносить в избу во время свадебного пира [Русский Север 2001: 500, 513].

После того, как жених выкупит невесту, **сад** могли забрать с собой, чтобы украсить им **свадебный поезд**. *Вянчалис // на лшадях там / тройки / и вот наряжены оне /*

калколы / и по дивевне ездют // приежжуют или ф церь-кофь / венчаюца / или потом в сельсовет / расписываюца // иконой благословят и эту икону вёзут к жениху // мою икону / меня благословляли / и к жениху. Красная Река Старомайн.

Далее всех приглашали на **горячий стол**, т. е. гулянье в доме жениха: *Горячий стол / эта первый день свадьбы / а ф старину гуляли три дня.* Крестово-Городище Чердаклин. В дом к жениху звали и родных невесты, но в доме их могли встретить не настоящие жених и невеста, а подставные — **наряжонки**: *На сватъбáх наряжались у нас / я любила дó смерти наряжаца // ну разбойница была // и настоящие молодые тут / и наряжонки тут / нарядаца в запон / фсегда / ну и «давай-давай-давай, мне-мне-мне давай!» вот отдаёш гостинцы принесёш.* Большая Кандала Старомайн.

Молодым дарили подарки **на поклон**, т. е. в ответ на низкий поклон жениха и невесты (Старомайнский р-н): *На поклон-та вот дарили / на поклон называлась же / две свахи начинают собирать вдоль порятка значит / «Давай крёсная! // Кланяеца вам княсь с молодой княгиней не кофшом не мёдом / а ниским поклоном».* Большая Кандала. Во время одаривания молодых дружка подносил каждому из гостей рюмку: *Друшка начинат / «Пелагея Павловна / или там Алексей Иванович / кланяеца вам княсь новобрачный / княгиня новобрачная / за то што вы пришли в дом / вы бояре / рюмошку примите / блюдечко посеребрите / не рублём да не полтиною / золотой казной гривною / есть ли нет ни / телёначка / ягнёначка / а може свинью дадите».* Ерыклинск Мелекес. Сейчас молодые могут кланяться стоя за столом, а раньше вставали на колени. В Чердаклинском р-не кладут молодым **на сыр**: *Кладут молодым на сыр: / идут з большим блóдам / не с разносам / несут блюда / друшка со свахай / а полдрушка тарелку с рюмкой / угоща-ет / те поздравляют и кладут вот в этот // к каждому*

патхадили жених с невестой / и кланялись што им подают подарки: «Кидаю медные / штобы не были бедные» / «Дарю поросю / штобы жили ни у ково не прося». Крестово-Городище Чердаклин.

Молодые в дальнейшем гулянье не принимали участия: Вот подарили на сыр / фсё / подарили / дальше кто-та ис свекровьёф бьёт гаршок глиняный / што мы взяли невесту невинную // и фсё / и ани до свиданья / спасиба вам за подарки / и ани пашли / им отводят где-та там ф саседнем доме места / ани не пьют // эта фся пьянка / фся гулянка без маладых. Крестово-Городище Чердаклин. Свадебные гулянья могли продолжаться целую неделю: День гуляют у жениха / другой день у невесты // неделю можэт гуляют // потом по гостям брали / вот / мое родные / это вот невестина родня / ну оне за день в два-три дома сходют // раньше больше гуляли / но как-тэ / веселее. Старая Майна.

На второй день свадьбы опять шли к жениху **на пирожки**, в этот день обязательно **озоровали**. Родители и другие родственники невесты (**невестино сродство**) в этот день приходят в дом жениха и обязательно **ищут ярку**: «Ярка пропала у нас / баран у вас / вот баран у вас увёл у нас ярку»; её могут подменить на **наряжонку**: Тут ярку ищут / наряженные садяца на фторой день / чай потеха была // вот мушшынну нарядили / губы ему накрашили / щёки нарумянили / фсё падвели / и эт ему зделали / ис тюли фату // вот он стоит как красна дефка / вить не улыбулса ни рас // о-ой! // вот ряженных сажают // вот от невесты идут / и значът «Аҫа / где наша ярка?» / «Вот» / «Не-ет / эт не наша!» Ерыклинск Мелекес. В с. Ерыклинск этот обычай называют **ищут ярку и звáтами** — приходят звать теперь к невесте в гости. Родители невесты приглашали в свой дом такими словами: «Хватит нам ребята чужое пиво пить / не пора ли вам ребята своё заводить». В последующие дни все гулявшие на свадьбе должны были

пригласить в гости (т. е. *взять*) молодых: «*Молодых брать надо!*» Если не хватало времени до наступления поста, откладывали приглашение в гости до следующего праздника: «*Ещё молодых не брала / на Масленцу нада молодых взять!*» Большая Кандала Старомайн.

В составе лексики тематического объединения «Свадебный обряд» выделяются следующие наиболее значимые лексико-семантические группы:

- наименования участников свадебного обряда;
- наименования событий свадебного обряда;
- наименования обрядовых действий;
- наименования ритуальных предметов.

Наименования событий и действий свадебного обряда частично были представлены в приведённом выше описании обряда.

События: *сватовство, запой, сговор, девичник, дары, отдарье, горячий стол, отвесье, спор-сбор, поезд.*

Действия: *усватать, усвататься, запивать, баласловлять, обряжать, вопить, брать молодых (по гостям), величать, горшки бить, дверь выкупать, косу продавать, цвет продавать, сад продавать, постель продавать, постель катать, постель носить, место выкупать, откупать невесту, идти звать-ми, с отвесьем поехать, давать на отдарье, дарить на поклон, с рубашками ходить, сусло менять, класть (давать) на сыр, пойти на пирожки, угла щупать, углы выкупать, искать ярку, взойти в зятья.*

Абсолютное большинство обрядовых действий реализовано глагольными фразеологизмами, что вполне естественно, т. к. отражает условный, ритуальный характер всего свадебного действия.

Участники свадебного обряда: *сваха, горячая сваха* ('мать невесты или жениха'), *сваты (сватья)*, *жених, невеста, молодые, княгиня, князь, дружска, полдружска, казначейка* ('подружка невесты'), *кучер* (на свадебном поезде), *бояре* ('участники свадебного обряда, гости на свадьбе'), *ярка* ('в свадебном обряде о невесте'), *дружный* ('жених'), *матаня* ('суженый'), *наряженные (наряжонки)*, *плакальщица, матушка, сродник, сродны, сродство, глядельщики* ('зрители на свадьбе').

Наименования ритуальных предметов: *сад, цвет, куст, придано, мордвушки, уваль, венок, калколы, каравай, преснушки, кислушка.*

Сад (обычно ёлочка), *цвет* (фикус) или *куст* (ёлка или репей) в качестве украшенного свадебного деревца, символизирующего девичью красоту невесты, зафиксирован повсеместно в обследованных населённых пунктах Симбирского Заволжья. Мотив ряженого деревца, елочки или сосенки — символов девичества в местном воплощении «красоты» является отличительной особенностью свадебного обряда нижегородско-поволжского типа. На территории южнее Нижнего Новгорода принят иной растительный символ девичества — ряженный репей, который будущий супруг выкупает на девичнике. Деревце в качестве предметного символа девичьей красоты (воли), связывающее девушку с её прежней жизнью, было весьма характерно для центральных и северных областей России [Макашина 1999: 481].

Одежда невесты и жениха середины XX в., по рассказам наших информантов, не отличалась большим разнообразием и пышностью. Из традиционной свадебной одежды рассказчики называли *мордбушки* (свадебный наряд невесты, состоящий из длинной юбки и кофты): *Бывало у невесты не платья такие были / а пары / юбка да кофта / этэ называлась мордбушки.* Красная Река Старомайн. После войны многие невесты уже старались найти или сшить белое платье (пусть даже из ткани в цветочек). Обязательным элементом

свадебного наряда была *уваль* (*увал*) и веночек с восковыми цветами: *Ну тада вить бедно в деревне мы жылы // шылы како-нибудть беленько платишко / хотелось беленько / кто с цветочкими / кто как / и уваль штоп была / уваль веть ис чево / из марли делали / веночки покупали в церкви / восковые / ну оне маленьки вот таке / оне дорогие были / вот восковые веночки были.* Ерыклинск Мелекес.

Свадебный стол послевоенного времени также не отличался разнообразием. На сватовство сваты обязательно приносили *каравай* и *четверть* (3 литра) самогонки. На девичнике угощали *преснушками* (лепёшки из пресного теста). Наиболее распространённой едой на свадебном столе были щи, пироги (с капустой, картошкой, яблоками, тыквой), оладушки, лепёшки, квашеная капуста, солёные огурцы, в качестве спиртного использовали *кислушку* (брагу) или *самогонку*: *Пирогоф напёкут / капусты кислай вилковой насоллили / нарежут огурцы может солёны / и самогонка / а то может кислушкой прям пьют.* Старая Майна.

Таким образом, символическая значимость еды и одежды в структуре свадебного обряда середины прошлого века в Симбирском Заволжье практически была утеряна. В то же время некоторые значимые символы обряда (и соответствующие лексические обозначения) достаточно устойчиво сохраняются: *сад, куст, цвет, ярка* (невеста), символические роли участников свадебного обряда (*дружка, князь, княгиня, бояре, казначейка*). Некоторые элементы свадебного обряда (и соответствующие обозначения обрядовых действий) до сих пор весьма устойчивы в исследуемых говорах, прежде всего это всё, что связано с символическим выкупом невесты, а также с одариванием друг друга молодыми и новыми родственниками и гостями: *запивать, брать молодых (по гостям), дверь выкупать, косу продавать, цвет продавать, сад продавать, постель продавать, место выкупать, откупать невесту, давать на от-*

дарье, дарить на поклон, класть (давать) на сыр, углы выкупать, искать ярку.

Лексическое оформление свадебного обряда отражает явное сохранение и развитие в нём игрового и театрального компонента (сохранение фразеологии, обрядовых формул) и, в то же время, значительное снижение роли магического и религиозного компонента.

Литература

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 466–500.

Мызникова Я. В. Левобережные говоры Ульяновской области как маргинальный ареал севернорусского континуума // Севернорусские говоры. Вып. 14: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 59–71.

Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. 848 с.

Черенкова А. Д. Противопоставленные и непротивопоставленные диалектные различия в лексике свадебного обряда в лексике Воронежской и Белгородской областей // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 2001. С. 223–228.

Особенности речи жителей хутора Синие Липяги Воронежской области

Л. В. Недоступова

Для диалектологии важно зафиксировать специфику русской народной речи, сохраняющейся у представителей старшей возрастной группы. Изучение состояния языковой среды даёт полное понимание современных процессов, протекающих в народной речи. В статье представлены фонетические и морфологические особенности говора небольшого воронежского хутора, сохраняющего наиболее яркие черты южнорусского наречия. Рассмотрены имена существительные, глаголы и местоимения.

Ключевые слова: народная речь, фонетика, морфология, южнорусское наречие, говор хутора Синие Липяги.

Русские народные говоры находятся в фокусе исследовательского интереса диалектологов и историков языка. Богатый диалектный материал, содержащий сведения о культуре, быте, народных традициях, обычаях и обрядах, рассматривается с разных точек зрения. Ещё А. А. Шахматов подчёркивал, что «диалектология является по преимуществу наукой описательной и систематизирующей; ей необходимо добыть соответствующие данные на всём пространстве изучаемого языка, она стремится к тому, чтобы иметь точные сведения о каждой более менее обширной группе населения или даже о каждой местности» [Шахматов 2010: 28]. Предметом нашего внимания в данной работе стали фонетические и морфологические особенности речи жителей хутора Синие Липяги. Названный населённый пункт расположен в Нижнедевицком р-не Воронежской обл. Он был основан в конце XVII в. жителем Коротоякского уезда Акимом Жидковым, который в 1670 г. прибыл в эти места. Затем пришельцы из

сёл Терехово, Шаталовка, Дубовое Задонского уезда и Швырёвка Курской области поселились здесь. Первые жители были потомками мелких служилых людей, которых в XVIII в. именовали однодворцами, а в XIX в. — государственными крестьянами. Хотя официально этот населённый пункт считается селом, всё-таки жители старшего поколения именуют его по-прежнему хутором. Название его объясняется просто: *липяг* или *липяк* — небольшой лесок в степи (Прохоров 1973: 290). В. И. Даль трактует *липяк* как «возвышенность, покрытая каким бы то ни было лесом» (Даль 2: 253). Такие островки леса издали кажутся синеватыми. Отсюда и название местности — *Синие Липяги*. В настоящее время здесь проживает примерно 1600 человек, 95% из них — русские.

Языковым материалом данного исследования стали записи, произведённые со слов Постниковой Ксении Фёдоровны (1931 г. р.) и Гусевой Марии Егоровны (1936 г. р.) в 2017 г.

I. Среди **фонетических особенностей** речи жителей Синих Липягов отмечены следующие.

1. В говоре отмечен звук [ɣ] фрикативный: [ба́ γ цтва¹, вы́ γ аня́ть, у́ода, у́олавы, у́олат, у́нута, да́ро γ а, де́нь γ и, дру́гой, ка́уда, ка́уб, ра́ γ а γ , у́ля γ ми, у́армо́шки, у́ита́ры, у́рабо́в, а́урицы́, пе́рва γ а, пя́та γ а, не́чи γ а, но́ γ а, па́д γ ата́вливатца, стро́ γ а, мнбу́а, ме́рта γ а, у́ла́жсиная].

2. Распространено сильное аканье: [авца́, даи́ть, жанá, кружава́, пше́ницу, пачаму́, ришатó, шастó γ а, чатьи́рнаца-та γ а, Чарны́х, часно́к]. «Аканье не было свойственно древнерусскому языку и развилось в нем лишь в XIII–XIV вв. Доказательством появления аканья в произношении служит его отражение на письме в древнерусских памятниках. Поскольку сформированных норм правописания в этот период развития языка не было, то на письме отражалось произношение, проще говоря, как слышали, так и писали» [Кузнецова URL: 6].

¹В статье используется упрощённая транскрипция.

3. Имеет место сильное яканье: [*Аляксáндр, бялілі, вися-лэй, вясна, вяздэ, врямянка, двяна́цать, двяре́й, дяла́, дяба́л, дяв́ятаха, зялёнку, зямля́, захо́дя, крясты́, ляжа́ть, сястры́, Сяру́ей, сяло́, ня зна́ю, ляжа́ть, ня ве́сила, ня ви́дишь, няплóха, сұряба́ли, сямна́цатаха, сядэ́ли на п'ячэ́, дяржа́ли, п'яклі́, памяша́лися, рябя́ты, т'яля́та, умярла́, в'ися́ллись, няда́вна, адыва́ть, т'яло́к*].

4. Выявлено несколько случаев еканья: [*пананике́шь, при-де́*] (понапечёшь, прядёт от *п'расть*). Рассматриваемое явление считается чертой украинского языка и его диалектной системы. Произношение [e] в окончаниях глаголов I-го спряжения распространено и в говорах южнорусского наречия.

5. Отмечено иканье, хотя примеры немногочисленны: [*ди-тэй, чилавёк, сибé, тилив'изирь*].

6. Зафиксированы случаи ударного [o] на месте [a]: [*па-наво́ришь, пасо́дишь*].

7. Окончания глаголов 3 лица с мягким [т'] : [*акруж'уть, б'удуть, де́лають, ҳар'ить, живе́ть, зав'уть, мо́ють, п'я-к'уть, ко́сють, наль'ють, начн'уть, п'ють, п'раду́ть, разаш'ють, стая́ть, саш'ють, стира́ють, сид'ить*]. Эти формы также являются древнерусским наследием, которое утрачено литературным языком.

8. Наблюдается замена согласных: «з» на «ж» ([*дражні-ли*]), «к» на «х» ([*што*]), «д» на «н» ([*ка́жныйй*]), «т» на «ч» ([*хочь*]).

9. Имеет место замена гласных: «о» на «у» ([*сусэ́ди*]), «и» на «у»: [*му́жукі*].

10. Используется [xv] на месте [ф]: [*хва́мили, хв'ёрма, хв'ёрмер, шихван'еры*]. Н. П. Гринкова об этой черте воронежских говоров пишет: «Любопытно отметить, что это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как *хвартук, хванарь, хранцуз* или собственные имена, как *Хвилип, Хведот* и т. п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов, в самое последнее время по-

павших в местный язык: *хвонт, хвакт, па ұразвику*» [Гринкова 1947: 197].

11. Отмечены долгие твёрдые согласные ([уҭашишáла, ишшó]) и долгие мягкие согласные ([извищцёння, щцас]).

12. Выявлено прогрессивное смягчение заднеязычных согласных: [скóлькя, тóлькя, кóмнатя, куря́м, под пёчкило].

13. Распространён звук [в] губно-губной ([микравалнóбука, уну́к, пра́унук, узя́ть, умéсти]), также встречается употребление предлога [у] ([у кóпны, у стúпи, у печь, у пóли, у калхóзах, у чатýри]).

14. Иногда [в] перед глухими согласными и на конце слов не оглушается: [дéвки, карóв].

15. Зафиксированы случаи йотации: [йи́х, йи́е, алáдьйи, дай́ить насажáишь].

16. В часто произносимых словах происходит упрощение согласных и некоторых гласных: [вязл́и, дёни́сси, када́, лúччи, мавó, сватаствó, складáли, пирварáчвали, шийс́ят] (взя́ли, дёнешься, когда́, лúчше, моего́, сватовствó, склáдывали, переворáчивали, шестьдесят).

17. Имеет место перенос ударения: [пó два — по двá, бра́тья — бра́тья, иди́шь — иди́шь, свёрнутъ — сверну́т] и др.

II. Рассмотрим яркие **морфологические черты** синелипяговского говора.

Имя существительное

Отметим особенности падежных форм.

1. Имена собственные в именительном падеже имеют окончание *-я* вместо литературного *-а*: [Алёшкя, Акúльтя, Ванькя, Катъкя, Марýськя, Санькя, Тимóшичкя].

2. У некоторых существительных в именительном падеже множественного числа отмечено безударное окончание *-ы* на месте *-а* в литературном языке: [Ряб́яты все б́ыли трéзвыи].

3. В 1 склонении в родительном падеже во множественном числе выявлено окончание *-ей* ([Парас́ят вад́или, утёй, курёй]); в предложном падеже в единственном числе *-и* ([Ка-

наплі́ эти мя́ли у ступи́ц)). Окончание *-ою* в женском роде в творительном падеже в единственном числе ([*митсыастрю́ю, с Милко́ю*]) можно трактовать как сохранение древнерусского окончания. Тенденция к сохранению древнерусского окончания в данном случае, по мнению А. Д. Черенковой, наблюдается в украинских говорах и в русских говорах Воронежской области [Черенкова 2016: 141].

4. Во 2 склонении в среднем роде в винительном падеже окончание *-ю* ([*У по́лю выхаді́лли памно́уа*]), в мужском роде в родительном падеже *-у* ([*У мине́ ста́жсу два́цать пять лет. Наса́жэйши́шь и лу́ку*]).

5. В 3 склонении в предложном падеже окончание *-е* вместо *-и*, характерного для литературного языка: [*Мы на пячэ́ сиде́ли*]. Существительное *жизнь* в именительном падеже имеет окончание *-я* ([*Тада́ жы́зня бы́ла лу́ччи*]), существительное *мать* отмечено диалектной формой и в винительном падеже имеет окончание *-ю* ([*Пахарани́ла ати́ца в вайну́ и ма́теру*]). Существительное *дочь* отмечено диалектной формой и в творительном падеже имеет окончание *-ей*: [*З дочирей́ бу́дуть суди́тца*].

Особенности категории рода.

Категория рода неустойчива: [*кака́я бау́ацтва, в Исто́бная вби́шла, при́ехали в Пе́тину, свая́ мя́са, те́ла замéрзня, сяло́ Ше́йна́я, на́ша распала́жэ́нья, свата́ствó бы́ла*]. Сближение среднего и женского рода объясняется исследователями как явление, возникающее на почве аканья в тех случаях, когда имеется безударное окончание. Расширение класса имён существительных женского рода за счёт имён существительных среднего рода, как отмечает Е. П. Куйдина, имеет место в основном в южно- и среднерусских говорах [Куйдина 2016: 243].

Глагол

1. Обращает на себя внимание отсутствие [т] в глаголах I спряжения в 3 лице единственного и множественного числа: [*Дружо́й сын в Арло́вки рабо́тая; По́лая вада́ і́дя; Усе́ он*

мо́жа; Микравално́ука у́рѣя; На́дя рабо́тая в ма́газіні; Ла́жа́тца и сля́].

2. [Г'] на конце глаголов 3 лица единственного и множественного числа, отражающее древнерусское *-тъ*: [*Налью́тъ щей и акру́жуютъ стол; Начну́тъ каси́тъ; Ани́ буду́тъ ляжа́тъ; Халсты́ напряду́тъ*].

3. В возвратных глаголах после гласных отмечены варианты употребления постфиксов: *-ся* на месте *-сь* ([*Карми́лися фсе́ з уаро́да; Двары́ пазавали́лися; Три сяла́ сабира́лися; Я прака́талася*]) и *-си* на месте *-ся*: [*За сястро́й сле́дам брат жани́лси; Хто́й-та там вися́лси; А куда ш дѣниси; Ате́ц с вайны́ ни вяру́лси*]. Наличие форм с постфиксом *-ся* после гласных связано с заимствованием из украинского языка.

4. У многих глаголов наблюдается удлинение основы слова за счёт приставки *па-*: [*Посли́ вайны́ паакре́пли; Го́лат, хо́лат навидáли; В калхо́зах все́ папрада́ли; Ста́раи папаме́рли; Папражы́ли мы*].

Местоимение

1. Вместо современного литературного окончания *-я* местоимения 1, 2 лица и возвратное *себя* имеют в родительном падеже окончание *-е*: [*У мине́ была́ шѣсти́ра дитѣ́й; Ма́ма у тебе́ На́стя*]. В южнорусском говоре такие формы представляют собой древнерусское наследие.

2. Местоимение 2 лица единственного числа в дательном падеже имеет форму *табе́*: [*А табе́ учи́тца мно́га*].

3. Местоимение 3 лица женского рода в родительном падеже отмечено формой *ней*: [*У ней и сястра́ Мару́ськя*].

4. Наблюдается удлинение основы за счёт [j] в начале слова в личном местоимении множественного числа в родительном падеже: [*Щас ѝих паразвали́ли*].

5. Выявлено новообразование притяжательного местоимения: [*Дво́я ѝйхних дитѣ́й*].

6. Отмечены варианты употребления относительного местоимения *что*: [*Вари́ли че́ была́; Бы́ла чахо́ ѝисть*].

7. В отрицательном местоимении наблюдается укороченные основы: [*А у кау́б не́ была ничё́*].

8. В местоимении **эти** зафиксировано удлинение основы за счёт *-н-*: [*У э́нти времяна́ усё́ была́ па-калхобзнаму́*].

9. Отмечены литературная и диалектная формы указательного местоимения **это**, однако чаще используется диалектная: [*Вить эт я и ня знаю́; Эт усё́ у хати́*].

10. В определительном местоимении **все́** наблюдается замена *в* на *у* ([*Усё́ была́ па-прасто́му*]), в местоимении **каждый** — *д* на *н* ([*Мы ка́ждный день ви́дился у по́ли*]).

11. В роли относительного местоимения **кто** и глагола **знает** используется конструкция: [*А так хто́ зни каќ*].

12. В местоимениях также наблюдается разрушение рода: [*Свая́ мя́са у нас; Уся́ те́ла замёрзня́*].

Представленные фонетические и морфологические особенности речи жителей Синих Липягов дают основание считать говор хутора самобытным, ещё во многом сохранившимся в исторической основе. Несомненно, он испытывает колоссальное влияние русского литературного языка, однако пока живы представители старшего поколения, синелипяговский диалект будет активно функционировать. Фиксация особенностей территориальных разновидностей речи в настоящее время необходима и важна, поскольку говоры представляют собой хранилище языковых явлений и могут исчезнуть вместе с социальными группами, которые они обслуживают.

Литература

Гринкова Н. П. Воронежские говоры. Л.: ЛГПИ, 1947. 300 с. (Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1947. Т. 55).

Кузнецова Е. В. Современные русские говоры — источник для изучения истории языка и кладовая народной мудрости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dialekt.vspu.ru/sites/dialekt.vspu.ru/files/lekciya_glossariy_literatura_kuznecova_e.v..pdf (дата обращения: 04.10.2017).

Куйдина Е. П. Описание говора с. Красный Лог Каширского р-на Воронежской обл. // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 3. Межвузовский сб. науч. трудов. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 239–250.

Черенкова А. Д. К вопросу о склонении имён существительных в говорах Воронежской области // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2016. № 9–10 (113). С. 138–142.

Шахматов А. А. Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина; с приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 264 с. (Филологическое наследие).

Названия крестьянских построек в говорах междуречья Унжи и Ветлуги в аспекте тематики ЛАРНГ (на материале произведений И. М. Касаткина)

С. В. Окуловская

В статье рассматривается лексика, называющая крестьянские постройки в говорах Верхнеунжья, отражённая в произведениях И. М. Касаткина, уроженца Костромского края. Характерная для описываемой местности лексика материальной культуры, отобранная писателем, несёт в себе культурно-историческую, этнодиалектную и одновременно лингвогеографическую информацию, что позволяет использовать её в качестве материала для составления карт Лексического атласа. Материалы И. Касаткина дополняют данные полевых наблюдений, что позволяет уточнить семантику, структуру и словообразовательную дистрибуцию рассматриваемых слов и зоны их бытования (ареалы).

Ключевые слова: И. Касаткин, диалектная лексика, говоры междуречья Унжи и Ветлуги, материальная культура, крестьянские постройки, костромские говоры.

Лексика материальной культуры — важный аспект изучения диалектной лексики. В основе своей это слова древнего, иногда праславянского или даже индоевропейского происхождения. Благодаря их устойчивому сохранению в русских говорах на протяжении многих столетий они способны стать географическими индикаторами. Зачастую на протяжении длительной истории существования у этих слов развивались вторичные, локально маркированные значения, что приводило к семантической разнородности их в разных лексических системах. Поэтому составители программы ЛАРНГ считают важным дать максимально полные сведения о предметах

материальной культуры определенной местности. Семантическая разработка данного разряда лексики, как известно, связана с необходимостью проникновения в мир духовной и материальной культуры народа. Данная задача осложняется тем, что облик деревни быстро меняется, слова исчезают из обихода, поэтому на современном этапе необходимо обращение не только к данным полевых исследований, но и к надёжным письменным источникам, достоверно отражающим быт и культуру отдельного региона на определённом этапе его исторического развития. Подобным материалом являются произведения И. М. Касаткина, уроженца д. Барановицы Кологривского уезда Костромской губернии, детально описавшего жизнь крестьян на территории современных Кологривского и Межевского районов Костромской области в начале XX в. В текстах И. М. Касаткина воспроизведено множество подробностей деревенского быта.

В автобиографии И. Касаткин писал о месте, где провел свое детство: «Это глухой угол в верховьях Унжи, в стороне, на границе северных лесных увалов Вологодского края. Там у нас знают лишь хлебопашество, смолокурение да драньё корья и лыка на лапти. В мою бытность там чай пили из чугунов, зимние вечера проводили только с лучиной, а парились в русской печи» [Касаткин 1991: 5]. При составлении сборника рассказов И. Касаткина Михаил Базанков посетил родину писателя в надежде услышать что-нибудь о нём от старжилов. В результате поездки М. Базанков отметил близкое сходство языка героев произведений И. Касаткина с речью деревенских жителей на реке Меже [Базанков 1984: 388–390]. Знакомясь с местными жителями и слушая их рассказы, исследователь всё больше убеждался, «что героями многих касаткинских рассказов были предки нынешних межаков» [там же: 390]. Таким образом, произведения И. М. Касаткина являются своего рода документально-художественным очерком конкретной эпохи, написанным свиде-

телем происходящего, знающим изнутри особенности жизни, культуры, языка отдельно взятого региона.

Документальная точность повествования отражается и в использовании соответствующей данной территории лексики. Крестьянский быт характеризуется писателем с помощью диалектизмов, обозначающих крестьянское жилище и его части: *амбар, амбарушка, изба, избушка, зимница, притулье, хата, хоромы, хибарка, клеть, хлев (клев), хлевушок, овин, сеница* и др.; различного вида домашнюю утварь: *бурак, крынка (кринка), корчага, плетушка, пестер, солоница* и др.; одежду и обувь: *одёвка, поддёвка, армяк, чуйка, кожанка, шубняк, подоплёка, чанан, сибирка, кожанцы, валенцы, опорки* и пр. Подавляющее число лексем может быть использовано для ответов на вопросы программы ЛАРНГ раздела IV «Материальная культура».

В данной статье рассмотрим лексику, которая представляет тематическую группу «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство». При толковании слов в данном разделе требуется семантическая достаточность, которая обеспечивается отражением всех дифференциальных семантических и структурных признаков, выявленных в лексической единице. Так, например, в карте ЛСЛ 16 008 «Крестьянская жилая постройка» предлагается не только назвать соответствующую реалию, но и дифференцировать её по оппозициям хорошая/плохая, пятистенная/четырёхстенная, двухэтажная/одноэтажная и т. д., отразив при этом и словообразовательный состав лексем.

Для обозначения крестьянской жилой постройки И. Касаткин использует несколько названий: *изба, избушка, хата, дом, хоромы, пятиоконка, хибарка, притулье*. Наиболее частотной из них является лексема *изба*, которая представлена в текстах рассказов в нескольких значениях. Это 1) ‘любая постройка, жилая или приспособленная для каких-либо целей’ (*Вот он какой — город! Избы с окошка-*

ми в два, а то и в три ряда, одна другой лучше [Касаткин 1991: 90]; При ней — кордон: длинная старая **изба** шестистенная, упяtilась службами в гуцу бора [там же: 178]; К примеру сказать, в особливой **избе** открыли читальню, как раз насупротив церкви [там же: 331]); 2) 'жилая крестьянская постройка' (*В этих **избах**, замётанных снегами, голодные люди продают своих дочерей* [там же: 26]; *Народ так и валит из **избы** в **избу*** [там же: 78]); 3) 'жилое помещение, внутреннее пространство дома' (*В углах **избы** залегла темнота, и, сливаясь с ней, во всю стену и по потолку колышется батина тень, раскидывает враз длинными руками, точно обнять хочет избу и всё, что в ней* [там же: 171]; *Пора в тёплый уют **избы**, поужинать да на полати, либо на печь, калачиком этак свернуться — любо-дорого!* [там же: 311]). Употребляя словообразовательный вариант лексемы с уменьшительным суффиксом *-ушк-*, автор говорит о домах стариков, по-видимому, имея в виду небольшое ветхое жилище (*Греясь на солнышке, сидит на приступках **избушки** старичок; голова начисто лысая, лишь белые прядки около ушей на ветру шевелятся* [там же: 89]; *Под горою, у иссохшей ветлы нахохлилась **избушка** слепого Левона* [там же: 116]). Противопоставляя убогим и тёмным избам бедных крестьян новое добротное жилое строение зажиточной Марьи, автор употребляет лексему **дом** и контекстуальный словообразовательный вариант **домик**: *Недавно на краю слободы вырос новый, на кирпичном фундаменте, крепкий **домик**-пятиоконка, поблескивающий смолево-жёлтыми брезнами... Эти причины чудесным образом и подвели среди гнильи Колоколицы каменный фундамент под крепкую пятиоконку изворотливой Марьи. Ее **дом** окружается, как грибами, новыми амбарушками, кладовыми* [там же: 25]. Синонимом рассматриваемой лексемы в данном контексте выступает слово **пятиоконка**. Наличие пяти окон в доме было, по-видимому, необычным для этих мест и являлось показателем богатства хозяев. На карте ДАРЯ в качестве основной

лексемы для обозначения крестьянского жилища в говорах по реке Унже также отмечено слово *изба*, которое сосуществует здесь с лексемой *дом* в противопоставлении «жилая постройка или жилое помещение» и «вся постройка, включая помещение для скота» соответственно (ДАРЯ 1997: Карта 3).

Большой просторный дом хорошего качества в рассказах называется также *хоромина*: *Гляжу, не избушка это, а хоромина, каких и в сказке нет!...* [Касаткин 1991: 194]. На карте ДАРЯ слово *хоромы* в значении ‘крестьянское жилище’ имеет небольшую территорию распространения в среднем течении междуречья Унжи и Ветлуги (ДАРЯ 1997: Карта 3). В Ярославском областном словаре представлен аналогичный нашим материалам словообразовательный вариант с суффиксом *-ин-* в значении ‘постройка вообще’ и ‘ирон. о плохом или маленьком доме’ (ЯОС 10: 39).

Употребляется автором и несвойственное рассматриваемой территории слово *хата*. Возможно, это авторское словоупотребление, отражающее менталитет жителей, знакомых с этим южнорусским словом по каким-либо внешним источникам информации. Неисконное, усвоенное извне слово употребляется писателем не в основном своём значении, являясь характеризующим наименованием, обозначающим ветхое старое жилище: *Точно не изба, а криво повязанная старушка, утомившись, не дошла до села и под горою отдохнуть присела. В ветреную погоду ворота у околицы скрипят беспокойно и хлопают, будто хотят выманить хату в поле, подальше от села, бросившего ее под гору* [Касаткин 1991: 116]; *Что-то невидимое пролезет с воли в щели, бело напудривая конопатку, студит хату* [там же: 137]. Несколько точечных ареалов распространения данного слова как названия крестьянского жилища показаны на территории костромских говоров без дифференцирования значения на фоне более типичной лексики этого севернорусского края — *изба* и *дом* (ДАРЯ 1997: Карта 3).

Большинство названий построек в рассказах имеет отрицательную коннотацию и обозначает жилище плохого качества, что выражается семантически и словообразовательно. Автор объясняет это тяжёлыми условиями жизни одного из беднейших регионов Костромской губернии: *Край наш — леса, болота да кочки — убогий край, серый. И люди, как и жилища их, темны и нелепы. Всё тут как-то грубо вывизнуто, скрючено и придавлено к земле звериной жизнью, трудом бесплодным* [Касаткин 1991: 102]. В рассказах для названия жилья плохого качества изредка фигурирует лексема *хибарка*: *Отец Изот сумерничал в своей хибарке на окраине* [там же: 149]; *Шумел и ворочался так, что хибарка тряслась, а мужикам на головы песок сыпался* [там же: 150]. В силу невероятной бедности и «потому что всякое время года, вертись не вертись, оказывается уже продано купцу-лесопромышленнику», в описываемое И. Касаткиным время наспех возводились строения из материалов плохого качества. Такая постройка названа в рассказе «На барках» *притулье*: *Некоторые имели в Колоколице свои притулья, похожие на кучи навоза, но многие были народ вольный, ничем на земле не связанный* [там же: 30]. Лексема мотивирована глаголом *притулить*, который как просторечный дан в Академическом словаре 1847 г. в значении «приютить, дать убежище под своим кровом» (Слов. Акад. 1847 3: 502). СРНГ приводит слово *притуляться*, обладающее обширной системой значений и богатой географией; одно из толкований ‘находить пристанище, приют’ (СРНГ 32: 31). В лексикографических источниках слово *притулье* представлено как севернорусское и, в общем, обозначает убежище, где можно на время укрыться (Даль, 3-е изд. 3: 370; Дилакторский: 408; СРНГ 32: 30). В СРНГ также даётся информация о том, что данное слово обозначает определённого вида жилое строение — ‘постройка, помещение, изба без пристроек’ с пометами **Перм., Пск.** ЯОС приводит более узкое тол-

кование слова — ‘место в избе, где обычно проводят время члены семьи’ (ЯОС 8: 94).

Таким образом, на вопрос программы **СМ 16 009** о значении перечисленных ниже лексем можно ответить следующим образом: **дом** — ‘новая жилая постройка хорошего качества’; **изба** — ‘любая постройка (жилая или приспособленная для каких-либо целей)’, ‘жилая крестьянская постройка’ и ‘жилое помещение, внутреннее пространство дома’; **избушка** — ‘маленькая старая жилая постройка’; **хоромина** — ‘просторный большой дом хорошего качества’; **хата** — ‘старая, ветхая жилая постройка’.

В произведениях И. Касаткина широко представлена лексика, обозначающая надворные постройки. Это помещения для скота: **двор**, **хлев** (**клев**), **хлевушок**: *Того же минутой прибежал из хлева отец... Так и вошёл с вилами в руках — навоз кидал* [Касаткин 1991: 71]; *И-изверга! В клев старуху свою на цепь усади-ил, голодом морит...* [там же: 117]; *Эта Бурёнка жила в непокрытом хлевушке у Степкиной избы, но ей было холодно, что ли, и зимой Кузькин богатый отец увёл её к себе в тёплый, крытый тёсом двор* [там же: 18]. В значении ‘теплая постройка для любого вида скота’ слова **хлев** (**клев**) и **тёплый двор** являются ответом на вопрос **ЛСЛ 16 265**. Слово **хлевушок** в наших материалах обозначает ‘огороженное место для скота при доме (без крыши)’ и отвечает на вопрос **Л 16 260**. Лексическая карта ДАРЯ отмечает широкую территорию распространения лексем **хлев** (**клев**) и **двор**, исключая значительную часть южнорусских говоров. Отмечены они как сосуществующие и в говорах верхней Унжи. Лексема **хлевушок** имеет множество точечных ареалов, рассыпанных по разным частям 12 карты ДАРЯ, в том числе и в говорах Заветлужья (ДАРЯ 1997: Карта 12). В наших материалах присутствует ещё одна лексема, обозначающая помещение для скота — **клеть**: *Дьякон с блаженным Онохой забирались в клеть и подымали там возню, пыхтенье, шум. Распялив полы подрясни-*

ка наподобие бредня, улавливали поросёнка или курицу [Касаткин 1991: 117]. Уточнению семантики данного слова посвящён вопрос Программы СМ 16 406. В рассматриваемом районе, по данным нашего источника, оно обозначает «сарай или отгороженное место для скота». Ареал распространения слова *клеть* в представленном у автора значении совсем незначителен — включает небольшие территории белозерских и центр вологодских говоров (ДАРЯ 1997: Карта 12).

Из контекстов писателя выявляется значение слова *амбар* — ‘сарай для различных хозяйственных надобностей’ (ЛСЛ 295): *Сколь разов твержу тебе: учини, Ганька, хомут... Кожя и шилья в амбаре* [Касаткин 1991: 286]; *Исколесил всю площадь и все закоулки меж амбарами — нет Сивки, пропал Сивко!* [там же: 96]; *Там раздолные огороды, гумна, тёмные амбары* [там же: 98]. Такое толкование представлено в СРНГ как принадлежащее новгородским говорам (СРНГ 1: 250). Здесь же отмечено значение ‘погреб’ в рассматриваемых нами кологривских говорах. В этом значении ЯОС представляет словообразовательный вариант лексемы *амбарушка* в Антроповском районе Костромской области (ЯОС 1: 22). Семантически схожее содержание слова представлено в рассказах И. Касаткина: *Её дом окружается, как грибами, новыми амбарушками, кладовыми. Сюда текут из деревень полотна, яйца, соленья, варенья, мука и крупы, а иногда и молодая телушка* [Касаткин 1991: 25]. В данном значении ‘помещение для хранения съестных припасов, кладовая во дворе’ слово *амбарушка* является ответом на вопрос ЛСЛ 16 291.

Сооружение для сушки снопов перед молотью названо в рассказах И. Касаткина словом *овин*: *С вечера от миккульских овинков тянуло горьковатым дымком и запахом пересушенной соломы* [там же: 130]; *Только что решил начать о здравии за себя, как вспомнил, что на гумне гниют под дождём снопы, нужно бы их хоть в овин перепихать сегодня* [там же: 236]; *Вытопишь овин, по зорьке молотить зач-*

нёшь, на пять вёрст слышно: ту-ку-тук, ту-ку-тук! [там же: 309]. В таком значении слово является ответом на вопрос ЛСЛ 16 339.

Вопрос Программы СМ 16 368 требует раскрытия значения лексемы *сенница*. Приведём цитаты из наших материалов, в которых встречается слово: *Где-то на сеннице яростно залаяла собака, но тотчас перешла на дружеское повизгивание (...)* *А дверь то и дело рыкала, и голоса людские и шаги уже расползались по двору, застревая в сарае, на сеннице, что-то улаживая под окнами* [там же: 179]; *Петух на сеннице орёт и орёт, так что это в лесу раскатывается* [там же: 181]. Слово представлено в костромских говорах в значении ‘сарай для сена, сеновал’ (ККОС: 303), что не противоречит нашим контекстам. Из цитат становится понятно, что это строение, отделённое от жилого дома. Таким образом, слово *сенница* подходит в качестве ответа на вопрос Л 16 367 ‘помещение для хранения сена под кровлей нежилой постройки’.

Приведённые данные показывают значимость произведений И. Касаткина для картографической разработки лексики верховьев Унжи (современного Межевского и Кологривского районов), в том числе и для составления карт ЛАРНГ. Данные произведений И. Касаткина могут послужить источником для восстановления некоторых утраченных в настоящее время народным языком лексем, уточнения семантики отдельных слов, зоны их бытования. Через представленные в рассказах языковые данные прослеживается информация об этнических, культурных и языковых процессах на исследуемой территории, генетическая связь верхнеунженских говоров с говорами Русского Севера и центральными.

Литература

- Базанков М. Ф. На родине Ивана Касаткина // Костромская быль / Сост. В. К. Хохлов. М.: Современник, 1984. С. 386–397.
- Касаткин И. М. Мужик. М.: Советский писатель, 1991. 382 с.

Пограничные говоры Невельского района Псковской области: разнообразие и степень сохранности

А. И. Рыко

В статье описывается современное состояние архаического слоя говоров юго-западной части Невельского района Псковской области, которые сто лет назад относились к белорусским, а впоследствии (в связи с установлением административной границы) были отнесены к южной группе южнорусских. Прослеживается сохранение или утрата диалектных черт под влиянием русской литературной нормы, а также устанавливаются различия между говорами отдельных деревень.

Ключевые слова: псковские говоры, белорусские говоры, сохранность диалекта, межъязыковые контакты.

1. Говоры юго-западной части Невельского района (современные Новохованский, Туричинский, Клястицкий, Стайкинский сельсоветы), согласно карте 1915 г. [Дурново и др. 1915], относятся к северо-восточным говорам белорусского языка, согласно карте ДАРЯ, это территория западной группы говоров южнорусского наречия (ДАРЯ 1986: Карта VI). Невельский уезд, прежде входивший в Витебскую губернию, был отнесен к Псковской губернии в 1924 г. Соответственно, изменилась картина и на диалектологической карте — языковая граница была проведена по линии границы государственной. Такое решение было аргументировано тем, что диалектные черты постепенно нивелируются под воздействием литературного языка, т. е. бывшие белорусские говоры постепенно русифицируются, например: «...такое общее для всех говоров белорусских языков явление, как произношение ударенных сочетаний **-ый**, **-ий** (*мбыйу*, *пий* и под.),

является устойчивым элементом этого языка. В говорах же русского языка... она (данная черта. — А. Р.) является чертой деградирующей и существующей наряду с произношением *мо́йу, пей* и под., постепенно вытесняющим формы типа *мо́йу, пей*» [Захарова, Орлова 2004: 34].

Насколько такие аргументы убедительны? Действительно ли говоры Невельского района значительно русифицировались в течение XX в.? Надо сказать, что, как и принято в традиционной диалектологии, нашими информантами были представители архаического слоя говора, т. е. местные жительницы в возрасте старше 75 лет, как правило, не получившие образования выше среднего и занимавшиеся преимущественно крестьянским трудом¹. Впрочем, в большинстве деревень, в которых осталось по 2–3 жителя, других жителей и нет.

Очевидно, изменилось языковое самосознание носителей диалекта: если, согласно Первой всеобщей переписи населе-

¹Наши информанты: Шебанова Надежда Владимировна, род. в д. Емельяново Топорского с/с (сейчас Новохованского с/с), 1933, живет в д. Емельяново, зап. автора, 2016 г. (Ем.Ш.); Сюртукова Зинаида Егоровна, род. в д. Емельяново, 1936, живет в д. Шекино Стайкинское с/с, зап. автора, 2016 (Ем.С.); Вардыхова Валентина Игнатьевна, род. в д. Дудчино Стайкинское с/с, 1927, живет в д. Шекино, зап. автора, Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской, 2016 (Д.); Скоромнова Лидия Сергеевна, род. в д. Глинчино Доминиковского с/с (сейчас Туричинского с/с), 1925, живет в д. Глинчино, зап. автора, 2016 (Г.); Щербакова Валентина Никифоровна, род. в д. Козлы Соминского с/с, 1927, живет в д. Туричино Туричинского с/с, зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской, 2016 (Кзл.); Коваленко Валентина Яковлевна, род. в д. Косцы Доминиковского с/с (сейчас Туричинского с/с), 1934, живет в д. Косцы, зап. автора, 2016 (Ксц.); Проскочилова Валентина Петровна, род. в д. Ермошино Туричинского с/с, 1931, живет в д. Новохованск, зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской, 2016 (Ерм.); Федоренко Валентина Григорьевна, род. в д. Ковалиха Доминиковского с/с, 1940, живет в д. Доминиково Туричинского с/с, зап. автора, 2016 (Ков.); Быкова Зинаида Михайловна, род. в д. Тетеркино Стайкинское с/с, 1936, живет в д. Туричино, зап. Д. В. Аверьяновой, К. В. Садовской, 2016 (Тет.); Михайлова Мария Тимофеевна, род. в д. Церквище Топорского с/с (ныне Новохованского с/с), 1932, живет в д. Церквище, зап. автора, 2016 (Ц.).

ния Российской империи 1897 г., 84,0% населения Невельского уезда (более 90% которого было крестьянским) считали себя белорусами, то сейчас все наши информанты считают себя русскими, определяют свой язык как русский, правда, имеющий некоторые белорусские черты и не отличающийся от тех диалектов, на которых говорят в приграничных районах Белоруссии. Интересно, что для некоторых информантов противопоставление «белорусский—русский» сводится к противопоставлению «старое—новое»:

[здесь у вас в Глинчино и там, куда вы ездили к бабушке (около д. Езерищи в Беларуси), по-разному разговаривают или одинаково?]

*ну пачт́і штэ́ в́дінáкэвэ́ / шыта́й в́дінáкэвэ́ / мы́ кэвы-
ря́ім пэ-бیلару́скі / няру́скі́й язык / бیلару́скэўэ́ зэ́хвáты-
вэ́ім / ані́ зэ́хвáтывэ́лі ру́скі́й язык / ну та́к / прыдме́ты
в́дінáкэвэ́ / в́дінáкэвэ́ //*

[а что в вашем языке такого белорусского?]

*ну штó? / у нас усё́ бیلару́скэ́ / мы́ па-ру́скі
рэзэ́вэ́ривэ́ць ни умéім / мы́ унэ́ / вóт унэ́ я шкóлі
учы́лэ́сь унэ́ па-ру́скі / а дэ́ мянэ́ сис́тра шчы́лэ́сь / пэ-
бیلару́скі тў́т учы́лі / вóт О́рдэ́вэ́ дярэ́шня́ бы́лэ́ / и учы́лі
бیلару́скі́й язык // (Л. С. Скоромнова, д. Глинчино) (о линг-
вистической самоидентификации см.: [Рыко 2016]).*

2. Говор исследованных деревень (территория Туричинского, Стайкинского, Новохованского сельсоветов, а также Топорского, Доминиковского и Соминского сельсоветов, ныне не существующих и включенных в состав первых трех) — в целом единый, обнаруживающий черты как западной группы южнорусского наречия, так и черты переходных русско-белорусских говоров, хотя в идиолектах разных информантов соотношение диалектных и литературных черт не всегда одинаково. Исторически эти говоры относят к городско-невельскому диалекту, являющемуся псковским в своей основе, «на что указывает специфическая лексика, фонети-

ческие, морфологические и акцентуационные черты» [Букринская и др. 2008: 163]. Представители разных деревень, находящихся друг от друга на довольно большом расстоянии, никаких отличий своего говора от говора соседей указать не смогли, утверждая, что все в округе говорят одинаково, см. [Рыко 2016]. Попробуем проанализировать те черты, которые объединяют или противопоставляют разные идиолекты (говоры деревень) в обозначенном регионе, и понять, какие из различий обусловлены разной степенью влияния литературного языка, а какие отражают старые диалектные противопоставления.

3. Устойчивые черты, более или менее одинаково проявляющиеся в разных идиолектах — с незначительным влиянием литературного языка.

3.1. Диссимилятивное аканье.

3.2. Диссимилятивное яканье жиздринского (белорусского) типа. У некоторых информантов есть отступления в сторону иканья, в сторону витебского типа.

3.3. Случаи лабиализации гласных /о/ и /а/ в первом и втором предударном слогах: *б[у]лтунóв*, *п[у]болéл*, *пр[у]валíлся* и т. п. Как правило, лабиализация происходит в приставке *по-*. У всех информантов разное количество примеров, у всех попадаются исключения, но явление представлено повсеместно:

Ем.С.: 2-й предударный: *пубяжú*; *пумзúлли*; *пувязьли́*; *пуминáть*; *пуминáлли*; *пумзúаить*; *кулдуньí*; 1-й предударный: *пу прáзьникэм*; *спрушля́лли*; *спушзáюцэ*.

Ем.Ш.: 2-й предударный: *пухляжú*; *пу балóту* (3); *пумзúал бэ*; *пуварáха*; *пувярнúш*; *пубира́хи*; *пумзúа́ть*; *пупадéть*; *пиряну́чэвáть*; 1-й предударный: *публáшки*; *нэчувáть*; *ни пупáлли*; *пупáлэсь*; *фулюхáнить*; *фулюхáнили*; *хузья́йства*; *пупрjáсьть*.

Д.: 2-й предударный: *пубыла́*; *пубыли́*; *пумзúлли*; *пумзúа́л*; *пувярнúца*; *пувязь”ли́*; *пумяни́ бóх* (2); *пупдáлись*; *пи-*

ринучѣва́ли; пумаху́ти; пумсху́али; пумале́ньку; пубяле́ит;
1-й предударный: *пупа́ла* (3); *пупа́сьть; пупа́ш; пуца́вчили;*
сппрушля́ли; сппрушля́ть; нсчува́ли; зрүэнизува́ла; тэницу-
ва́лѣ; кэлидува́ть.

Г.: 2-й предударный: *пумсху́али; пумсху́аит; пумина́ют;*
пувярнѹ́лся; 1-й предударный: пупля́шут; пупа́ли.

Кзл.: 2-й предударный: *пувизла́; пувлия́лѣ; пувязьли́;*
пузэлли́лѣ; пумира́ютъ; пумсху́аютъ; пупраси́ла (2); *пубяху́;*
1-й предударный: *пупа́лэси; пупа́ли; выпушза́тъ; пупа́сьти-*
ла; пупра́шлю.

Ксц.: 2-й предударный: *прувэжса́ли; 1-й предударный:*
спрушля́ить; спрушля́ли; пува́дилѣсь.

Ерм.: 2-й предударный: *пувезли́; пупѣда́йси; пупила́; пу-*
мира́ла; пувязу́тъ; пумина́ютъ (2); *пувизла́; пумаху́ли; пу-*
мина́ли; пумянѹ́ли; пумина́ю; пу пясѣ́т; 1-й предударный:
сппрушля́ли; пупра́вилѣся; пупа́лся; дѣбушля́ютъ; пупла́кэла;
пупла́чу; схува́лиси.

Ков.: 2-й предударный: *пувядѣ́тъ.*

Тет.: 2-й предударный: *пупадѣ́ца; пу дѣвина́цѣтъ; пу*
питна́цѣтъ; пумсху́аит; пумя́лѣм; 1-й предударный: пупа́ла
(4); сппрушля́ли; аристува́ли; пупа́рицицѣ.

Ц.: 2-й предударный: *кулючы́; пумсху́ал.*

3.4. Случаи делабиализации [y] в заударных слогах.
У разных информантов зафиксировано разное количество
примеров, но встречается повсеместно:

Ем.С.: *за́мыш/за́мѣжѣм* (3), *вы́сышыши.*

Ем.Ш.: *вы́сышыть; пирякѹ́нѣш; за́мѣш; лѣпнѣла;*
(и в предударных: *разызна́л).*

Д.: *за́мѣш вы́шла* (3); *кѹ́нѣл/кѹ́нѣли* (2); *тѣпнѣтъ;*
нѣ=утѣ́бѣз”и; тутѣ́бѣс.

Г.: *сѣхнѣтъ; за́мѣш; крѹ́кнѣла; вы́пѣстила* (выпустила);
вы́кинѣли; сѹ́кнѣла; (и в предударных: *хѣтура́; мѣжукѹ́ам).*

Кзл.: *кѹ́нѣли* (забросили); *паху́бнѣтъ.*

Ксц.: *вы́сышыш.*

Ерм.: *ськѣнѣл; кѣнѣла; тѣхникѣм; автѣобыс; вѣкѣнѣла; закѣнѣли; вѣнѣсьтили; зѣмыш.*

Ков.: *бѣтишка; с мѣтѣшкѣй; вѣсышыш.*

Ц.: *зѣмыш; вѣтиныл; кѣнѣтъ; зѣнѣла; ѡшѣста; у вѣздых.*

3.5. У всех без исключения информантов в соответствии с литературным [в] в конечной позиции, а также перед согласным произносится [у] или билабиальный [w]: в начале слова: *у Дѣтѣныш; у Машѣнинѣ, усѣ; улѣзла; уперѣт* и т. д.; *ув ѡрьмино; ув Амѣрику; ув акѣшкѣ; дяшѣнѣкѣ; прѡвѣдѣ, укрепѣныш; карѣшку; спрѡшки* и т. д.; *у Нѣшли; дамѣв; ѡдѣв, кѣлѣмитрѣш, мѣсицыш; клѣсѣш* и т. д. (Дудчино). У некоторых информантов также зафиксированы случаи замены [ф] на [х] или [хв]: *Мѣрѣвѣшѣкинѣ; кѣхту* (Ем.Ш.), *хвѣрмы; тѣхѣм балѣлѣ* (Г.); *у сѣрѣхѣнѣх; кѣхту* (Тет.); *кѣхты* (Ц.).

3.6. Различение аффрикат. ДАРЯ (1986: Карта 45) дает очень пеструю картину в Невельском районе: на месте литературного [ч] может быть [ч], [ч'], [ш'], [ц] в разных комбинациях в разных населенных пунктах. Картина, которую мы наблюдаем сейчас, кажется более ровной: у всех информантов представлено твердое [ч], у многих встречаются отдельные примеры остаточного цоканья.

У всех информантов противопоставлены твердые аффрикаты [ч] и [ц], изредка встречаются случаи произношения [ц] в соответствии с литературным [ч']: *пѣцки* (Емельяново, Сюртукова), *пришѣццы* (Емельяново, Шебанова), *яцмѣнѣ* (Церковице), *мучѣцки, вадѣцки* (Дудчино), *мучѣцки* (Косцы), *цѣрнѣку; цыснѣкѣ* (при более частом *чѣрнѣка, чѣснѣк*), *мучѣцки* (Ермошино).

3.7. Произношение долгих согласных в соответствии сочетаниям согласных с *j* (*свиння*) отмечается у всех информантов, у некоторых имеются немногочисленные исключения:

Ем.С.: *сьнидѣнѣня; кутѣтѣ; кутѣтѣи; кутѣтѣя* (2); *вѣзѣдѣвѣжынѣня; кѣлдѣнѣня; кѣлдѣнѣню; хрѣшишѣнѣня.*

Ем.Ш.: *но́чку* (многократно); *пе́ряд но́чку*; *здава́нныя*; *пяча́нныя*; *вспа́ленныя*; *уча́нныя*; *ууля́нныя* (2); *взскра́сённыя* (3); *хло́пзныя*; *о́синню*; *пла́ття* (2); *плёсинню*; *пяча́нныя*; *Блзгавёшшы́нныя*; *взра́нне́*; *бо́лшы бжу́атьтя*; *бяльё́*.

Д.: *но́чку*; *у Хряшча́нныя* (2); *сва́инны*; *пэсва́шча́нныя*; *абува́нныя* (3); *путьте́*; *дз Хряшча́нныя* (3); *ку́тьтя* (2); *Блзгавёшшы́нныя* (2); *пла́ття*; *кало́сься* (но *бяльё́* (2)).

Г.: *взскра́сённыя*; *в акружа́нныя*; *у сва́инны́*; *ку́шынныя*; *кутьтя́* (3); *кутьтя́* (2); *кутьтя́*; *ли́сься*; *аве́чыы* (но *дли жыльё́* (2); *бяльё́*; *кутья́*).

Ксц.: *нз Усьпиня́* (2); *вздв́ижы́нныя*; *но́чку* (2); *кутьтя́* (2); *кутьтя́*; *бо́синню*; *разво́дзя*; *Хряшча́нныя*.

Ерм.: *Лихале́тьтя*; *у взскра́сённыя* (3); *мида́льлю* (но *раждё́нныя*; *о́синню*; *пяча́нныя*).

Ков.: *кутьтя́* (2); *с кутьте́й*; *кутьтя́*.

Тет.: *нз ууля́нныя*; *кутьтя́* (3); *кутьтя́* (но *прз жыльё́* 'жизнь').

Ц.: *сва́инне́й*; *дз взскра́сёдня*; *Илья́*; *кутьтя́* (2); *пла́ття*; *разво́дзя* (3); *выскра́сённыя*; *с со́льлю* (но *Илья́* (2)).

Кзл.: *з взскра́сённыя*; *прз сваё жыте́ быте́*; *сима́* ('се-мья'); *но́чу*; *но́ччый* (но *сямйу́*).

3.8. Наличие общей формы для дательного и творительного падежей множественного числа существительных, прилагательных, местоимений (с *пустым ве́драм*, к *пустым ве́драм*). У большинства информантов эта черта устойчива, литературных форм не попадает, у других — с небольшим количеством исключений.

Ем.С.: *миста́м*; *зз труда́м ы Бо́х* (2); *зз Тэпзра́м*; *ты́м диньга́м*; *з ма́ллы́кым* (мн.); *мэскэ́ля́м*; *з билару́сьем* (мн.); *цэпа́м*; *зз праду́ктам*; *сь пёсьним* (3); *с пэда́ркэм*; *с канфе́там*; *сз звэнка́м*; *з уармо́ным*; *ви́лкэм*; *с маллы́твэм*; *з блина́м*; *зз цвита́м* (2); *листо́чкэм* *кляно́вым*; *бо́чкэм*; *пру́тьям* *лазо́вым*; *стэка́м*; *рида́м*; *ве́дрэм*; *з лю́дым*; *тря́пчкэм*, *ле́нтчкэм*, *цвято́чкэм*; *бярэ́зьэм*; *нэд двы́рэм*; *зз уриба́м*, *зз*

яҗудәм; с красным ящәм; зъ йым (2); зъ нам (2); з нам (4); сә шым; зъ йым.

Ем.Ш.: чатыри үдә у не... пәд нәмицәм были; кружом кружом акопә били снарядәм; с факиләм ужәу пришли; мы с дячонкәм бывалә пайдәм; увисок / ноҗи / ую асколкәм пәсякми; прышкәм; зә звечкәм; стробилә сә слизәм и ухадида бұду сә слизәм; и цвита́м укжәшәють ма́льцы; и пәэхли с пәсьним; укжәшыны / с цвита́м / свәдба; свәи сә свәим жанилиси; мы пәбәхли с рибя́тәм; какии-тә были пәлкәм / цзпәм; нәдә ити цзпәм мәлатит; трәктәрам тяхәли; кабылә прибәхлә с адным өзәждәжәм и с хәмутом; рука́м пәталкәт; з блина́м ели; визәли крочкәм; стаитә и үдәм; сә свәим шәә бәльшы дружыли; зә ушкәм за во етым; з дячонкәм; рјадәм с нам; з двум жәлткәм; з двумя жәлткәми (повтор за собирателем); крәлушки красныи / бәлым тәчычкәм; птицы и питаюцә йым / бәбчкәм / мәтылькәм; и жыли свәим симья́м; трәктәрам / машынәм пәхәли; то дөма нәдәлим нәт; с авечкәм ләхчы канәшна; приийәждәжити зә ябләкәм к нам.

Д.: пәд нәжәм; хахлы усә нас рүских мәскәля́м зави; зә рибя́тәм жыла; вы сләвәм үзварити; зә Вяли́ким Лука́м; сә сәлишкәм ийдят; зә үрибәм с сухим; кулькәм таким; сә писня́м; этим, нитәчкәм; з двум рүчкәм; сирпә́м жә жәли; рәзным узорәм; рука́м жәнут; Вәрка с ним идәт; што яны з" йим з"дәләли; з нам был (3).

Г.: пәд оҗнәм стәвчили (2); и зә үрибәм хәдилли; их и сичәз жәурәвинәм нәзывәють; нәжәм; эздили зә каровәм; я пәшла зә үрибәм; с"идәли зә стәләм; канфәтәм; ләсьница с рәжәм таким; сәйидиня́ли этим пәлкәм / штүчкәм этим; с йым; дош урйшкәм идәт; рука́ми тирибәлли снәчәла (повтор за собирателем).

Ксц.: жыла́ с нам; а чахә йих мәскәля́м нәзывәли; цзпәм таким бәеш; зә пәрася́тәм купля́т; бярә́зәм; з блина́м; ма́льцы́м; вәткәми бярә́зәвymi.

Ерм.: з *ва́м*; *э́дутъ с хэтуля́м*; с *лы́жсыми*; *малолы свай́м жэ́рнám*; з *быжа́м*; за *ца́рским дэ́виря́м*; с *видра́ми*; *яйцо́м*; *кама́м*; *скэбэ́ря́м*; *харо́шым дэ́ма́м*; с *сэба́кэ́м жы́вэть*; *дру́жым дила́м*.

Ков.: *эбмэ́лачы́вэ́лы па́лкэ́м*; *мэ́лати́лы ка́к-тэ́ цэ́ цэ́-пя́ми*; *рэ́жым плэ́ста́м*; *рэ́зэлы пла́стыкэ́м*; *э́ стэ́ла́м си-дя́ть*; *вила́м*.

Тет.: я *уэ́б с ки́е́чкэ́ми*; я з *двэ́м кийка́м вы́хажэ́*; *пе́рид ва́м*; *бисе́дэ́ю з дэ́вэ́чками*; *э́сли с ру́чка́м — уи́а́т*; *по́мишка с кишка́ми*; з *двэ́м па́льцы́м*; з *ды́ркэ́м*; *аба́нкэ́м зва́лы*.

Ц.: с *э́тим кишка́м*; *э́ дры́ва́м*; з *ради́тилим*; *цы́па́м мэ-лати́лы*; с *ча́рни́цэ́м*; з *рука́м был ма́лицэ́*; *ма́льцы́м* [называ-ли]; с *пря́лкэ́м*; *при́хады́лы э́ винка́м*; з *на́м*.

Кэл.: и *фсе́ зэ́расло́ ку́са́м*; *ице́ были́ нибальшы́м пэ-дро́скэ́м*; *э́ ста́рым э́ э́тым*; и с *кэ́зэ́ля́тэ́м*; с *кэ́та́м*; з *двэ́м бы па́лэ́чкэ́м хади́ть*; *свай́м сри́цтва́м*; *иди́ э́ каро́вэ́м*; з *пра-ду́ктэ́м*; с *кэ́сылы́кэ́м свай́м э́тым*; *длинны́кэ́й / с кэ́риш-ка́м / харо́шый*; с *э́тым дэ́куме́нтэ́м*; *рэ́зрывны́м пу́лим э́тым*.

3.9. Употребление деепричастия в функции сказуемого: *поезд ушовили*. В обширной зоне употребления деепричастия на *-ши* различают два ареала: 1) наличие деепричастия на *-ши* как факт и 2) употребление его как субъектного результата, характерное для говоров «узкого» Северо-Запада. Если в первом ареале (в первую очередь псковские и новгородские говоры) эта форма свободно образуется от широкого круга переходных глаголов совершенного вида, выражающих «такое действие, которое изменяет состояние или местоположение его производителя», то во втором «данная структура не отличается системной упорядоченностью и сильно ограничена лексически» [Трубинский 1984: 19–21]. Согласно исследованию И. Б. Кузьминой, сделанному на материале, собранном для ДАРЯ, граница между двумя ареалами проходит примерно по 56-й параллели [Кузьмина, Немченко 1971: 120]. Исследованный нами регион находится как раз на

границе указанных ареалов: самая северная деревня (Черковище) находится на 55,98° с. ш., самая южная (Косцы) — на 55,78° с. ш. В речи всех информантов деепричастия на *-ши* употребляются достаточно часто, в разных функциях — самостоятельного сказуемого, дополнительного действия, атрибутивной, в составе разных грамматических конструкций, могут образовываться от разнообразных глаголов, в том числе иногда от глаголов несовершенного вида. Поэтому, скорее всего, данные говоры следует отнести к ареалу псковско-новгородского типа. Правда, деепричастия на *-ши* в собственном перфектном значении (т. е. в качестве самостоятельного сказуемого, в контекстах, предполагающих результативность) встречаются реже, чем в функции дополнительного действия или атрибутивной, и образуются, как правило, от довольно узкого круга глаголов с яркой результативной семантикой (*остаться, собраться, умереть, приехать*). Дополнительное атрибутивное значение можно усмотреть во многих контекстах, причем можно наблюдать постепенный переход от употребления деепричастия с атрибутивным значением к склоняемому причастию (или в обратном направлении): *анó лѣшнии жытквзсть каторѣи астаушы стикаить* (Ем.Ш.); *и яны зъвѣрху плѣсиньню занямышы / плѣсьниють / ну там зънѣзу аны харобышы* (Ем.Ш.); *у цѣркви есь мзя книжычка / у каждѣга хто памѣршыи* (Ерм.); *у каѣ нѣт памѣршых / тыйи ня ходють у цѣркву* (Ерм.).

Ем.С.: *вод баба тяпѣрь шгт ы ходиц сахунушы;*
маѣ мужыкѣ тяпѣрика привыкшы / ня дѣлѣи я ѣим
у банкѣх ахурцы;
спѣт сичаз дѣнь напишы;
так аны бѣхушы / ну што аны там нѣидяцѣ;
плимяньник там асташы / и шот пѣтирѣла свѣсь
с плимьяньникѣм / никак ни махѣ;
ну шот / асташы астанки / у Рубанкѣви есь стѣра-
вѣрка;
а у банкѣх здѣлыла нѣскѣлька банкѣ / дѣк вон асташы;

есъли приѣхѣчѣ дѣчка / тѣк придѣть мѡнѣ дѣчка;
ѣтѣ (<...>) праѣхѣчѣ Рубанкѣѣ / там Бисирѣва.

Ем.Ш.: а у акѡпи бѣли вакружѣюшшы все рѡцѣвиники
пришѡцѣ / а ани шѣ пѣразѣбѣхли хтѡ кудѣ;

йѣх тѣт усѣх пѣлажѣли нѣмѣш // ну адѣн астѣшшы
бѣш;

а катѡрыи прихѡдѡд з Биларѣсии / тѣм навѣрнѣ / семѣй-
ныи / катѡрыи сѣмѣим там жѣлыи / спрѣтѣшшы катѡрыи /
захѡдоуѣ и усѣ / с ѣкѡн пѣлатѣниц сѣнѣмуѣ;

мужѣг бѣл у пѡртизѣнѣх / а инѣ с ребѣнкѣм зѣдѣзѣ бѣлѣ
зстѣшшы;

ѡт / знѣиш как / друхѡй рѣс / тѣк нитѣрапѣшшы ш-
пѡмнѣ;

ѡт ани ани еше ни рѣспустѣшшы ани / и мѣ хѡдим;
и зѣхарѣлѣѣ там сасѣтка / ѡ... инѣ уѣхѣчѣ / нѣ / бѣба
ѣтѣ памѣрѣлѣ / прѣдѣли;

бѣба ѣтѣ Кѣтя и умирѣлѣ / нядѣлю аджѣшшы;

а пѣжѣр ат... / канѣцѣ дярѣшныи / и рѣстанѣшшы дѣ дярѣ...
дѣ канѣцѣ;

шѣн Анька / сасѣткѣ / инѣ тѣм зѣмыш вѣшшычшы / ш Би-
ларѣсѣ / инѣ бѣльбѣ / нѣт-нѣт и бѣльбѣ скѣжытѣ;

ш мянѣ вон зѣлѣмѣшшы сѣк ѣжѣдѣ бѣлѣш налѣву нѣ
зѣмлѣ / аѣрѣшшы шѣ / апсѣвѣ... а яшѣѣ крѣсныи тѣкѣи
бѣлѣшшыи ѣблѣки;

а сичѣс анѣ ужѣ уѣ зѣлѣшшии и зѣламѣшшы / и нѣ зѣмлѣ
сѣкѣ лижѣтѣ / а ѣблѣки / зѣмѣладѣлѣѣ / там ѣблѣки шѣ
кѣкѣи харѣшшыи;

крѣшшы рѣзѣвалѣшшы усѣ бѣлѣи / нѣдѣ бѣлѣ крѣтѣ;

а там у ѣжѣ нѣдѣ / ну сичѣс ужѣ там нѣди (?) усѣ
зарѣшшыи / ѣтѣ тѣдѣ хадѣлѣ я ѡ у ѣѣѣ / у зимѣлѣнѣкѣ;
бѣлѣи ешѣ ѣты ѣришкѣ старѣнныи астѣшшы;

анѣ лишныи жѣйтѣжѣѣ катѣрѣвѣ астѣшшы стѣкѣитѣ;
к пѣлѣѣму / есѣли ешѣ дярѣвѣя ни рѣспусѣтѣшшы / ѣрѣѣм
зѣѣрѣмитѣ / к пѣлѣѣму;

нитѣрашѣ / лѣ шѣѣ ня дѣшшы / ну листѣвѣи ешѣ нѣт;

кзраву́люц / сиди́ть у сли́вѣх прѣтайи́шы / пѣдѣйшла́ /
и́на хва́тъ и пѣляте́лѣ;

мѣладѣ́ж была́ пѣ-свѣжиму́ там адѣ́шы / пѣдива́ли ма́т-
ки / ба́би / там ста́рѣи што́-нибу́тъ;

прибу́ха́тъ у касѣ́тѣр у чѣ́й / ни шчыта́шы што... /
схва́тют и прино́сют;

Пѣ́тя / иши́з пакѣ́йны́й бра́т мо́й ни жани́шы бы́л...
ма́льцы е́ты... то́жѣ у́дѣ́ли;

и яны́ зъве́рѣху плѣсиньню́ заня́шы / плѣсѣ́нютъ / ну
та́м зъни́зу аны́ харѣ́шы / ну укѣ́снѣя тѣ́каи з бурако́в /

чуть-чу́тъ бура́к у́жѣ прики́шы / е́тѣ / съвякми́ны е́ты;

и чылаве́г у́дѣ́ каки́й / мо́жѣ памѣ́ры у́дѣ́-тѣ ни найде́н;

сачы́ли / хады́ли / сбѣира́шы лю́ди бы́ли / кру́жѣм зпса-
чы́ли / кусты́ / шѣ́;

и е́ты у́жѣ сла́бинькии / иши́з / ни акрѣ́шы / дѣ́ аны́
пѣ́жѣны улита́ютъ / и то́ аны́ ма́лѣ дѣ́лита́ютъ;

а катѣ́рыи вѣ́т вѣ́видуцѣ́ пѣ́зна буа́лѣ / нѣ́ прѣвада́х на-
ле́шы / нале́шы / пѣ́лна / пѣ́лна йих ста́дѣ́м;

э́тѣ вѣ́литѣ́к / ано́ ни збру́зѣва́шы ичи́з ш сряди́ни;

пѣ́тушы́ли / но ня́ е́ли скатѣ́ / ня́ е́ли се́нѣ́ е́тѣ́хѣ́ / дѣ́ймѣ́м
мо́жѣ прѣ́на́шы;

бува́лѣ у шчы́ля́х наби́шы / у съте́нѣки;

то́ ля́жѣи́дѣ́ запѣ́шы няде́лим;

дѣ́ривѣ́ там че́ри́з дарѣ́ху пѣ́ривали́шы / у́звѣри́ла чуть́
абе́хѣ́ла;

у е́й вѣ́дѣ́нка у нѣ́хѣ́х была́ / е́тѣ́ / вѣ́да́ тѣ́кла́ / но́х /
распѣ́шы бы́ли;

ста́рѣ́я прѣ́на́ла / а мѣ́лѣ́ди аста́шы;

и жа́лкѣ́ / бо́льшы из-зѣ́ катѣ́в аста́шы;

мо́жѣ вы́ цѣ́лы́й дѣ́нь ня́ е́шы у́ало́дныи;

а сича́с у́жѣ́ / ме́си́ц как кѣ́тяни́шы и хо́дѣ́ пла́чыть
у́се́.

Д.: и картѣ́шѣ́ку / вясно́й / у́жѣ́ заме́рышы / то́жѣ́ кѣ́-
лу́па́ли з” зѣ́млі́;

та́м то́ка бы́ш нѣ́ двѣ́рѣ́ ади́н анба́рчы́к ацѣ́аушы;

там был ⟨...⟩ амбарушычка ацтаушы; /
 и яшчэ там удэ-тэ кэлэ Нэвэжэвэанскэ па-моёму / мójжэ
 этó и ццтаушы; /
 тут у мянэ ццтаушы хлябóг был / дэжэ зэливáли шсё /
 дэжэ ццтаушыся; /
 а такóй / смэжэвáтый / там унизú / катóрыи бы́ли
 ццтаушы эти / брэшнушки / ат нáс мáлэ;
 я ни знáю / аткúдэ этэ бы́ли приéхэччэ;
 бэ́льшакóм ё́тым идéш / там дáшницэ нэ краю́ при-
 ёхэччэ;
 а я-тэ сявóдни надéшы / дэ́сцтэ;
 прихажú / сидя́т / усé үтэв́рítь вэтрэжэшышы, усé
 үтэв́рítь в адéжэды;
 карóвы зэстэ́яшы / бéүжэют;
 этэ хтó привы́кшы / дэ харóшэи пря́лка;
 пришóл адúн / вéпишышы немнóүа.
 Г.: óн у трéццтэ трéтим үадú радúшышы у нáс;
 рас тúт пáня жсылá / ани́ ужэо привы́кшы бы́ли к óпшы́й
 рабóти;
 сидím дóмэ сэбрáшышы / рибитнэ́я бы́лá у нáс;
 ну и астáшышы;
 [кричал наверное?] — ну́ дэжэ / ни кричáшышы ни бывáйтэ;
 журу́хэ этэ пэ́ткисэ́миш нямно́шкэ / шóп анá пэ́ткúш-
 шы бы́лá;
 ужэ́й у нáс / мý ужэ́ привы́кшы / мý ни бэ́ялись;
 ну знá тóжэ была́ привы́кшы к ýим / знá ни бэ́ялэсь;
 у трéццтэ сядэ́мým / сын радúшышы / он и сичáз жсывóй;
 шшэ бы́лá ни радúшышы / яхó в áрэмю шзýли / нэ вайнú
 узýли;
 привы́кшы у вайнú бы́лá / штó ш / мáтэ аднá расэ́сила;
 и усé равнó / хадúшышы / у бáнки / нэжидáлиш на шси
 клáдбишшэ и тяпéрэ;
 ну инá ýмиришы ужэó / и ýмирлэ у Талэ́яти шэ үóрэдэ;
 с пáний свизáшышы был / зямлú у яхó мно́үэ бы́лэ;
 пришлá / аблéшышы сьпúна еý / тák и ни зэрэстáит;

ня во́лки нэпада́ли / а аста́ушы бы́ли няме́цкии афча́рки;
сича́с у́жэ и лю́ди пиряде́лэшы.

Кэл.: во́ какі́и но́ўи / пэраспóхшы / бля́ть / ни маху́
хаді́ць;

а туд́ бы́ли сэбра́ушы мене́ уну́ки;

а бабьё́ этэ́ аста́шы / стару́хи;

ади́н кусо́чык там у́жэ да́шнішній аста́шы бы́л;

а хто́ тут прихóдить? / ляжы́ тут паме́рышы / с кэ-
та́м;

а де́ть пэразье́хшы / үде́ куды́;

бабэ́ змару́лэсь выпса́шы;

з Лени́нүра́дэ бы́ли прие́хшчы / нэ да́чу;

ци мо́жна у ва́с па́жыць? / скóльки... / пэ́ка... / а яны́
аста́шы.

Ксц.: тепе́рь да́шники пэнае́хшчы;

ни зна́ю / да́шник мо́жэ прие́хшчы там / из Лени́нүра́дэ;

мо́жэ да́шник и прие́хшчы;

та́м то́жэ два́ хэ́зяина то́льки аста́шы.

Ерм.: а мы́ аста́шы / и па́па бы́л;

у мене́ бы́лэ шчыра́шній аста́шыый;

туд́ ба́бы сэбра́шы бы́ли;

то́жы / бы́ла прие́хшчы;

этэ́ у́жэ по́мирышы / усе́;

этэ́ вот то́льки пэхэ́ранишы / ина́ так во́т ина́
уми́рла́;

ту́т сэбра́шы бэ́льшы́нство́ / с хо́лзда / атту́да;

до́чка и з зя́тим и с сы́нэм прие́хшчы / и стрóютъ;

или пэприе́хшчы атку́да;

а па́то́м аста́шы бы́л з вайны́ ма́мин бра́т;

Та́ня то́жы / учы́тллим вы́учышы / тепе́рь у́жэ на
пéнсии / ни рабо́таить;

или по́сьли так ради́шы / или што́;

и мы́ все́ сиде́ли рты́ раскрывшы́ рибя́тым;

и самі́м рабо́тэть / ни плати́шы / а па́то́м ста́ли
у́жэ плати́ць;

с вайны пришо́ччый... был... ваённым шё́ был;
 и тэ́да ужу́ пашли́ вярбо́шчыки / как и вы́ прие́хтчы;
 а сва́ сидя́ть / хто́ са мно́й прие́хтчышый;
 у цэ́рквы е́сь мя́я кнíжычка / у ка́ждэга хто́ памё́ршышый;
 у кахó нёт памё́ршых / тыйи́ ня хóдотъ у цэ́ркву;
 а у дере́вни то́льки прие́хтчы из Ленингра́да / што ку-
 нíл кварта́ру;

хто́ там вот аста́шшышый.

Ков.: с Сьма́ры вот у на́з бы́ли прие́хтчы.

Тет.: на́дешы́ был у цви́цястэ́й фо́рмы во э́тэй;
 дб́чку прывíла с Ки́шыне́вэ / бы́ла прие́хтчы ш но́ч;
 дэ́ма шё́ рэ́звали́шшы / ни́хто́ ни жы́вётъ;
 а та́я ба́ба куды́-тэ́ уе́хтчы бы́ла;

а я́ бы́ла трóху и вы́пишшы;

у на́с на́рэчы́е з билару́ским пи́рими́шшы шё́;

мы́ тут пи́риплéшшы усí;

усí уе́хтшы / ни́хто́;

ско́лька я́ сбáчыны́ пу́пяла́ тíт ужу́ вэ́тiль жы́шшы;
 нэ́варíш камóш / нае́шы / и сíт;

Ц.: зьдэ́сь э́тэ́ шё́ зү́арэ́шы / э́тэ́ ни́чаво́ нёт;

вста́шшы у Тэ́пэ́рах то́кэ́ бы́ла шкóла / сямíлэ́тка;

а вэ́стэ́нави́шшы вы́ үдэ́?

ра́ншы́ бы́ли дэ́ма / а тя́пэ́рикэ́ усё́ зү́арэ́шышый;

я́ жэ́ збáлэ́шы бы́ла / куды́ мнэ́;

э́та ро́ш азíмэ́я / засé́ ина́ / ина́ вэ́зайшо́ччы;

тíт стэ́яла́ ха́та дэ́ вайны́ / а те́пéрь то́ка пя́чына
 аста́шшы;

та́м низү́арэ́шшы дярéвни;

Ра́йка́ сюда́ за́мыш вы́шытшы / с Ра́тэ́кэ́ва;

на пéнсии́ то́жэ́ / за́мыш вы́шышшы то́жэ́.

3.10. Вопросительная частица **ти** (соответствующая белорус. **ці**), а также союз **ти**, характерные для Западной группы южнорусских говоров [Захарова, Орлова 2004: 124], в различных контекстах и в составе разных конструкций ак-

тивно употребляются во всех описанных идиолектах (за исключением д. Глинчино):

Ем.С.: ну ти вы́дижэ з́амуш / вси эж з́амуш сэбирáлись /
иш нáдѣ было итѣ;
забыла чыслó / ти симнáцэтѣ / ти вэсим...;
приду на метпункт / ти радítть ты приишлá?
ти нáдѣ сѣдни грятки пэливáть? / там тѣча пэшлá
чóрнѣ чóрнѣ;

ти уйшóл мóй дѣт к аутолáуки?

Ем.Ш.: дярэшня у нас была / ци ни вэсимнáцэтѣ дварóв
было;

и зэуáдывэютъ / там ти вы́дижэ за... ти вы́йду з́амѣш
там / ти памрѣ / ти тáм / штó-тѣ штó-тѣ / што хóж
зэуáдывэѣ;

шóц сичáс мне звóнит падрѣжа / Зѣнка / Нáтька / ти
пóмниш / как мѣ смитáну пэд яблэнѣѣ эли?

Анька / ти тѣт ты?

ни знáю / ци было / а знáю / што у Шульхáх хадѣли
нáшы;

тепѣрь ужѣ тáи бѣ / и ни ди... ни най... ти найдѣш тод
бухóр;

а я ни знáю / ци аднó и тóя смэлá и эживѣца;

пѣчка шчэ ти была / ня пóмню;

а нынчѣы ни было / ти их вапшишэ ни стáла;

а ни знáю / дѣ вайнѣ ти диржáли;

ти пъяныи бѣли ай нѣ?

скóлькѣ вядрó / вóсим килэурáм / и штó-тѣ / ци ни па
вóсим капѣик килэурáм бѣш.

Д.: тóльки пѣцсót ци скóльки там пэлучѣли;

а ци послѣдняя врэмя эсвишиáли?

ци послѣднии нядѣли?

Кэл.: ти бѣли у этѣѣ старѣхи / ай нѣ?

ти хадѣли х камѣ?

ти бѣдиш свóй дóм пирядѣлывэть?

ни знáю / ти бѣдит што;

а чаворють / там дёривз ти упадётся / засборинз усё /
и так и ляжбь;

ти ётз мёснзи власть;

звонить мне дэчка / ну ти приийжжэлз ёта;

хто ётз? / чы разумный... / нёт / сэлдат лóбит яснза /
а дурак краснза;

а мь гзарйм / ти мбжнз нам ш óзира / так / у биряш-
кú / зэ вадичкзú схадить;

ци мбжнз у вас пажыть?

Ксц.: я-тз вам ни скажý / кзкя там была / ти кир-
пншнз / ти кзкя анá там была;

ни знаю я / как там дражнели / ти што там дёлзи;

бжърки / нз свадьби / ти что?

какий праздник / там бажэсэствиный / ти какой / ти
ётзт / ти үсударствиный / тады спрушляюдь бывала;

у пятницу / ти у суботу былз дёла;

ну ишэ ни савсим үжынзть / а так што / там ти
чайкú папить или што там / вёчырить;

мбжнз мэлчкá выпить там ти што;

нам усё равнó / ти на жытз / ти на рбш;

ти мórква / ти маркóшка / инá всё время так;

зимля нзываицэ де пашыи / ти картóшку / ти... или
ячмёнз;

ти поршни / ти лáпти / аднó и тó жз;

вазьмёш во скóка / во пястчкзú / ти яүт ти што.

Ерм.: вазьмú я платок / ти тряпку какую;

там капёйки какии ти што;

шэрсэти нэдэ было здать / килзүрам ти двá;

дёлзйти / пишыти / ти што;

а у нас я ня видила / ти были / ти не / ти пашуть /
ти не;

а прадүкты ихныи / ти лүчшы нашых пэмидор?

запишыти / ти правильна я скззала / ти ёсь у вас так?

лечуть каким спóсзбэм ти што?

Ков.: *я бывалъ куды ни приеду / ти ш сзнаторий ти кудá / вы з Билару́сии?*

дьякѣн ци как иво звали;

мѣлатили как-тѣ иво ци цпями / ци как-тѣ;

приийжжѣли к нам ци на десидь днѣй / ци сорѣз днѣй дѣк / ци какоѣ-тѣ бориши варили / ци што / этѣ надѣ зби-затильна;

па-моѣму как-тѣ збивали / ш чаво-тѣ такѣвѣ / с тѣн-кѣва / ци дасѣчки / ци што / ци драицы какѣи.

Тет.: *и сѣмки дѣвѣ ти трѣ нѣлажыл бѣрѣхлá;*

званѣ у пѣжарнѣю / нѣль / ти двá ти адѣн / я ужѣ забыла;

хадѣли ѣлядѣми / ци памѣрла / нѣ / жывá;

ти нястьи табѣ? — нѣ;

чы бѣдиши ты ѣсь што-нибуть?

Зѣна / аткрѣй / я табѣ тут што-тѣ принислá ти што / ти скажѣ / ня пѣмню ужѣ.

П.: *тѣдá крычѣм / ци бáбушка / ци дѣдушка / вытинити нáс;*

мѣш иѣ ѣмир / инá / я ни знáю / чы ни з двáцѣть пѣтѣуа ѣѣда.

4. Есть черты, которые у разных информантов или хорошо сохраняются, или в разной степени нивелируются под влиянием русского литературного языка:

4.1. Морфологически и лексически ограниченные случаи чередования [л]/[љ] в соответствии с фонемой /л/: *да/лá* — *да/љ/*, *во/љ/к*. ДАРЯ (1986: Карта 61) отмечает в большинстве говоров Невельского района такое чередование в двух позициях: 1) формы глаголов прошедшего времени (муж. р.); 2) в корнях, восходящих к сочетаниям типа ***тыlt**. Только в двух населенных пунктах (пп. 280 — Залого, 283 — Черные Стайки) отмечено это чередование и в других позициях — перед суффиксом *-**ьк** (*пашка*), на конце существительных и кратких прилагательных. Наш материал показывает воз-

возможность чередования [л]/[ʎ], как правило, на конце формы прошедшего времени глагола и в корнях, восходящих к ***тъlt**. У большинства информантов такое чередование регулярно (хотя у всех в той или иной степени присутствуют исключения) — Емельянково, Дудчино, Козлы, Косцы, Церковище:

Ем.С.: формы прош. вр. глагола: *пѣшѡw* (2); *пѣнимѡw*; *знѡw*; *бѣw* (4); *рѣзѣрѣчѣwси*; *wстѡw*; *вѣшѣw*; *успѣw*; *прихадѣw*; *пѣсылѡw*; *уѣварѣw*; *дѣлѣдѡw*; *стыѣw*; *пѣзванѣw*; *званѣw*; *хадѣw*; *винчѡwси*; *wстричѡwси*; *касѣw*; *сѣбрѡw*; корни, восходящие к ***тъlt**: *ѡwна*; *дѡwѣ*; *пѡwный*; *тѡwстый*; перед суффиксом *-**ѣк**: *пѡwкѣѣ* (исключения: *пѡwных*; *бѣw*; *вѣшѣw*; *пѣткармлиwвл*; *рѡбѣтѣw*).

Ем.Ш.: формы прош. вр. глагола: *пришѡw*; *пашѡw* (4); *бѣw* (3); *прѣпѡw*; *зѣдѣлѡw*; *астѡwси*; *ишѡw*; *вадѣw* (2); *устрѣтиш*; *сѣw*; *ни знѡw*; *зѣбрѡwси*; *увалѣwся*; *ни вярнѣwся*; *сидѣw*; *дѣлѡw*; *ѣѣзѣдиш*; *жѣw* и т. д.; корни, восходящие к ***тъlt**: *вуwкѡ* (Род. ед. от *волк*); другие: *рѡwный* (исключения: *дѣлѣw*; *прѣвадѣw*; *бѣw*; *ѣѣw*; *ни знѡw*).

Д.: формы прош. вр. глагола: *зѣрѣw* (2), *ни хатѣw*; *лтѣw*; *лятѣw*; *прибѣwси*; *адѣw жѣ тѣwпла*; *нѣжѡw*; *пашѡw* (2); *приѣхѡw* (2); *прайшѡw*; *пирѣдѣwси*; *хѣѣ-тѣw ишѡw*; *бѣw* (2); *ни адѣжѣw* (2); *вѣшѣw*; *набѣw*; *паѣѣхѡw*; корни, восходящие к ***тъlt**: *у стѡwп* (исключения: *зѣрѣw*; *кѣwнѣw*, *ѣдѣжѣw*; *пашѡw*; *жѣw*; *хадѣw*; *пришѡw*; *зѣбрихѡw*; *шѡw*; *напѣwлси*; *сѣскачѣwл*/л, *пажѣwл*/л; и *хадѣwл он*).

Кзл.: формы прош. вр. глагола: *жѣw*; *ни стѡw*; *балѣw*; *ни хатѣw*; *ѣѣзѣдиш*; *пѣлѣчѡw*; *хадѣw*; корни, восходящие к ***тъlt**: *жѣѡwтѣw*; *пѡwный* (исключение: *ѣѣзѣдиш*).

Ксц.: формы прош. вр. глагола: *стѡw*; *рѣспѡwся*; *зѣтѡwпѣwси*; *зѣблѣдѣwси*; и *паѣѣхѡw арѡwтъ*; корни, восходящие к ***тъlt**: *пѡwна*.

Ц.: формы прош. вр. глагола: *жѣw*; *спѣсѡwся*; *вѣшѣw*; *валѣw*; *бѣw* (3); *вѣтѣwный*; *пѣкѣзѡw*; *пирѣадѣwси*; *шѣw*; *ѣстѡwся*; *приѣхѡw*; *сѣбѣрѡwся*; *нѣ вѣдиш*; в корнях, восходящих к ***тъlt**:

тажкэш (исключения: *жы́л* (2); *рэсписа́лся*; *парэ́зъл*; *бра́л*; *бы́л*).

У других информантов такое чередование является редким — Глинчино, Ермошино, Ковалиха, Тетеркино.

4.2. Особый тип чередования *e ~ o* в формах глагола настоящего времени I спр. с ударением на тематическом гласном: *несеш*, *несеть*, *несём*, *несете*.

У некоторых информантов такая система представлена последовательно, без исключений — Емельянково (Сюртукова), Ковалиха:

Ем.С.: 2 ед.: *пайд́еш* (2); *прид́еш* (3); *ид́еш*; *пэзав́еш*; *зав́еш*; *найд́еш*; *бяр́еш*; *натр́еш*; *нздар́еш*; *няс́еш*; *прап́еш*; *заль́еш*; *заб́еш*; *валь́еш*; *нзпья́еш*; *вазьм́еш*; *пайм́еш*; *забь́есься*; *начн́еш*; *сэбярэ́цэ*; 3 ед.: *ня йд́еть*; *ид́еть* (3); *прид́еть* (3); *пайд́еть*; *зэбярэ́т*; *эца́еть*; *прэпад́еть*; *нес́еть*; *бер́еть*; *вазьм́еть* (2); *да́еть*; *приня́еть*; *вяза́еть*; *вяд́еть*; *жыве́ть*; *сэтяќеть*; *прэжыве́ть*; *памр́еть*; *эдда́еть*; *палз́еть*; *залз́еть*; *даэ́цэ*; *придэ́цэ*; *гнэ́цэ*; 1 мн.: *эдда́ём*; *пайд́ём*; *сэбярэ́мси*.

Ков.: 3 ед.: *ид́еть*; *прид́еть*; *стаэ́ца*; *расьт́еть*; *жыве́ть*; *пувяд́еть*; *зэдар́еть*; *рэздар́еть*; *сэбярэ́ца*; 1 мн.: *прижм́ём*; *памрн́ём*; 2 мн.: *вапрэ́тись*.

У большинства информантов (Тетеркино, Емельянково (Шебанова), Дудчино, Козлы, Косцы, Ермошино) система представлена с небольшим количеством отступлений от диалектной системы в пользу литературной. Часто в тех же формах наблюдаем и другие «литературные» признаки — смягчение заднеязычных и/или твердое *-т* в окончании 3 л.

Кзл.: 2 ед.: *жыве́ш*; *памр́еш*; 3 ед.: *жыве́ть* (3); *прэжыве́ть*; *да́еть* (2); *ид́еть* (3); *прайд́еть*; *пайд́еть*; *зайд́еть*; *бярэ́ть*; *убере́ть* (2); *приня́еть* (6); *расьт́еть*; *рассэ́ть*; *скубэ́ть* (3); *эдда́еть*; *пье́ть* (2); *бье́ца*; *придэ́цэ* (3); *жыве́ть*; *расьт́е́*; 1 мн.: *жыве́м*; *ид́ём*.

Тет.: 2 ед.: *вазьм́еш*; *связа́еш*; *принес́еш* (2); *нес́еш* (2); *прид́еш*; *найд́еш*; *зайд́еш*; *рэзвяд́еш*; *этажм́еш*; *прэ́еш* (стирешь); *эбдерэ́ш*; *пье́ш*; 3 ед.: *ид́еть* (3); *ня йд́еть*; *пайд́еть*;

везётъ; нѣтекётъ; забьётъ; жыветъ; даётъ; напъёца; пу-
падётца; взарвётца; рѣзайдётцѣ; идёт у хот; рѣвётцѣ; 1 мн.:
пѣведём; 2 мн.: звезети.

Ем.Ш.: 2 ед.: пѣдвядеш; вбдяреш; идеш (3); пайдеш; най-
деш; прядеш; спякеш; пирыбьеш, пасёш; 3 ед.: ведеть (3); дѣ-
вядеть; бяреть (3); дяреть; унысётъ; идеть; пайдеть (4);
придеть (2); нарвётъ; сталкеть; пѣталкеть; пасёт; бьётъ;
привязеть; вѣдаеть; жыветъ (2); памнеть; рѣзамнеть; пря-
деть (4); зѣниеть; пупадеть; кукнеть; парвётцѣ; ирвётцѣ;
бьётцѣ; крадёт; пасёт; 1 мн.: пайдём; здаём; пасём (4); идём;
2 мн.: напъете.

Д.: 2 ед: спредеш; идеш; 3 ед: принесётъ; идеть (3); пай-
деть; придеть; кладеть; трясётъ (2); вѣтаётъ; вазьмётъ;
рѣзъвядеть; бяреть; пѣрѣрасьтеть; смяётцѣ; забьётъ; шли-
ётъ; прапъеть; напъётцѣ; спякётцѣ; вѣтаётцѣ; сьмяётцѣ;
парвётцѣ; идёт; пѣдайдёт; вѣтаёт (лѣн); ни пасёт; 1 мн.:
идём; пайдём; вазьмём; вбярём; вѣажмём.

Ксц.: 2 л.: жывеш; идеш (2); пайдеш (2); вѣпасеш; рѣ-
збяреш; нѣпекеш; пекеш; напреш; дальеш; зальеш; сольеш;
бьеш; пабьеш (2); нясеш; принясеш; зьнесеш; спрядеш; ва-
зъмеш; даеш; пякеш; нарвеш; вѣтарвеш; вазьмеш (2); 3 л.:
жыветъ; идеть; придеть (5); придётцѣ (3); рѣзайдётцѣ; ва-
зъмётъ; пѣдайдёт; ничѣтцѣ; 1 мн.: жывём; пякём; пайдём;
рѣзжывём (3); 2 мн.: жывети.

Ерм.: 2 ед.: дяреш; вазъмеш; жывеш; идеш; вѣдаеш; при-
нясеш (2); кладеш; влиеш; пячѣш; 3 ед.: идеть (3); придеть
(2); прайдеть; пайдеть; жыветъ (11); стѣлкеть; спекеть
(2); несеть; принясеть; налеть; беретъ; вазъметь (2); ве-
зеть (2); расьтеть (2); ведеть; рѣздаеть; вѣстаётца; рѣздаёт-
ца; спякётца; спячѣт; даёт; пьёт; лиёт; паёт; 1 мн.: пайдём;
идём; пячѣм; несём; жывём; 2 мн.: жывети; зайдети.

Есть информанты, у которых выравнивание этой подси-
стемы в сторону литературной проявляется достаточно силь-
но, — это носители говоров дд. Церковище, Глинчино:

Г.: 2 ед.: *как нзавёш; пзтталкнёш; рззавьёш*; 3 ед.: *найдётъ, расьтётъ; привядётъ; придёт, идёт, жывёт* (2); *патрёт; расьтёт*; 1 мн.: *найдем*; 2 мн.: *ни найдёти*.

Ц.: 2 ед.: *пайдёш; придёш; идёш; кладёш; вазьмёш; зтажмёш; ташкёш; рухнёсьси; убьёш* (вобьешь); *бьёш; зльмёш; принясьш; пашлёмш*; 3 ед.: *пайдётъ* (2); *идётъ* (3); *придётъ; нзавётъ; жывётъ* (5); *даеццз; ни рззвьёццз, ни рззалвьёццз; жывёт* (3); *придаётъ; пайдёт* (2); *найдёт; тячот; пнячот*; 1 мн.: *пашлём*; 2 мн.: *придёт*.

4.3. Произношение [о] в форме 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *быть*, соответствующее белорусской литературной норме. В речи некоторых информантов такие формы присутствуют (в разном количестве), в речи других не отмечены. Только «белорусский» вариант (или его явное преобладание): Тет.: *ёсь* (4); Ерм.: *эсть/эсь* (14); *ёсь/ёсьть* (29); Г.: *эсь* (1). Оба варианта: Ем.С.: *эсьть* (4); *ёсь/ёсьть* (4); Ем.Ш.: *эсьть* (7) / *ёсь* (эсьть) (4); Кзл.: *эсь/эсьть* (2); *ёсь* (3). Только недиалектный вариант: Д.: *йэсь, эсь* (2); Ксц.: *эсьть/эсь* (6); Ков.: *эсь* (6); Ц.: *эсьць* (4).

4.4. Окончание Род.-Вин. п. личн. мест. 1 л. У всех информантов представлено «старое» (диалектное) окончание -е, восходящее к праславянскому, у некоторых исключительно (Ем.С.: *у менé* (21); Д.: *менé/мянé* (17); Ков.: *менé* (2)), у других — наряду с литературным вариантом: Ем.Ш.: *менé/мянé* (26) — *меня* (2); Г.: *мянé/менé* (12) — *миня* (3); Кзл.: *менé/мянé* (25+) — *миня* (4); Ксц.: *мянé/менé* (5) — *миня* (1); Ерм.: *менé/мянé* (39) — *миня* (4); Тет.: *мене* (19) — *меня/миня* (6); Ц.: *менé* (17) — *меня/миня* (10). Поскольку окончание -е характерно для южнорусских говоров в целом (ДАРЯ 1989: Карта 62), появление окончания -я можно объяснить исключительно влиянием литературного языка, причем проявляется это влияние неравномерно в разных диалектах.

4.5. Формы местоимения 3-го лица с начальным *j-*. У всех информантов в разном соотношении присутствуют йотирова-

ные и нейотированные формы. Согласно ДАРЯ (1989: Карта 64), в юго-западной части Невельского района имеется островок, где распространены формы местоимений жен. рода без йотации (в п. 281 (Шульги) исключительно, в пп. 280 (Залогги), 282 (Дубище) — наряду с йотированными). Что касается местоимений муж. рода, то весь исследуемый регион попадает в зону, где «в соответствии с *он* отмечена форма <*j*> *он*». Местоимение мн. ч. во всех интересующих нас пунктах может быть как с *j*, так и без него (ДАРЯ 1989: Карта 68).

Наши данные по местоимениям 3-го лица удобно представить в таблице:

	жен. род		муж. род		мн. ч.	
	<i>ина</i>	<i>ана</i>	<i>ён</i>	<i>он</i>	<i>яны</i>	<i>аны</i>
Козлы	50	2	30	1	21	13
Емельянково (Сюртукова)	34	8	<i>14</i>	<i>13</i>	18	32
Емельянково (Шебанова)	25	14	22	12	14	50
Ермошино	42	5	16	11	10	29
Тетеркино	32	13	24	6	3	9
Дудчино	27	8	9	13	15	13
Косцы	13	1	2	—	16	19
Глинчино	25	6	—	18	7	40
Церковище	<i>17</i>	<i>16</i>	1	20	1	20
Ковалиха	1	9	1	1	—	7

Таким образом, в одних говорах во всех позициях преобладают йотированные формы (Козлы), в других преобладают йотированные формы в местоимениях жен. р. и муж. р., нейотированные — в местоимениях мн. ч. (Емельянково, Ермошино, Тетеркино, также, видимо, Дудчино и Косцы), в третьих — йотированные формы в большинстве представлены только у местоимений жен. р., а в остальных форм

мах — нейотированные (Глинчино, Церковище), наконец, говору д. Ковалиха йотация местоимений 3 л. не свойственна.

4.6. Распространение форм местоимений 3-го лица мн. ч. *оны, жоны*. Окончание *-ы* свойственно всем информантам, некоторым исключительно оно (Козлы, Косцы, Ковалиха, Тетеркино), другим — наряду с окончанием *-и* (Емельяково, Дудчино, Ермошино, Церковище), только в одном говоре диалектное окончание встречается редко (Глинчино). Согласно ДАРЯ, во всем регионе фиксируется окончание *-ы*, в п. 281 (Шульги) — наряду с *-и* (ДАРЯ 1989: Карта 68).

4.7. Форма Им. пад. мн. ч. местоимения *весь* — *вси*.

У всех информантов преобладают формы *усú/всú* в Им. мн., литературные формы типа *всé* попадают у всех, но в разном количестве, в косвенных падежах, как правило, представлены формы с *-и*.

Ем.С.: *всú/усú* (8); *всé* (1) (косв.: *сѣ вси́м* (3); *усúх*).

Ем.Ш.: *всú* (23), *всé* (5) (косв. *усúх* (8));

Д.: *всú* (11); *всé* (5) (косв.: *вси́м*; *носѣ всéг*).

Кзл.: *всú* (10+); *всé* (1) (косв.: *вси́х* (3)).

Ксц.: *всú* (3); *всé* (косв.: *вси́х*).

Ерм.: *всú/усú* (41); *всé* (11) (косв.: *вси́х/усúх* (9); *вси́м* (3); но *всéх* (3)).

Ков.: *всú* (3); *всé* (1) (косв.: *вси́х*; *вси́х*).

Тет.: *всú* (11); *всé* (6).

Ц.: *всú/усú* (8); *всé* (2) (косв.: *вси́м*; *вси́х*).

4.8. Гласный [и] в окончаниях местоимений *кем, чем, за-чем*. У некоторых информантов встречается исключительно [и] (правда, примеры немногочисленны): Ем.Ш.: *чым-тѣ* и *на́дѣ*; *ни чы́о*; *чым* (2); *зачы́м*; Кзл.: *сѣ кы́м*; Ксц.: *чым-нибу́ть*; *ш чы́м*; Ков.: *чым*; *на кы́м хойи*; Тет.: *с кы́м*; *чым*; Ц.: *ни с кы́м* (2); у других формы с [и] наряду с литературными: Ем.С.: *ш чы́м-тѣ*; *чым* (2) — *чэм*; *ш чэм*; Д.: *чым*; *зачы́м* (3); *не нѣ кым* (2) — *чэм*; *на чэм-нибу́ть*; Г.: *зачэм* (2); *чэм* — *чым* (4); в говоре д. Ермошино попались только литературные формы: Ерм.: *чэм*; *с кэм*.

4.9. Формы именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода с окончаниями *-ый* под ударением: *молод[ый]*, а также после заднеязычных согласных со смягчением основы: *пло[хй]*, изредка *пло[хэ]*, у большинства информантов встречаются регулярно, с небольшим количеством исключений (Емельянково, Козлы, Косцы, Ермошино, Тетеркино). ДАРЯ (1989: Карта 42) показывает, что такие окончания характерны для всей юго-западной части Невельского района, причем к востоку, юго-востоку (п. 286 — Богозино) и дальше, а также к северу и северо-западу возможно также окончание *-эй*. Кроме того, в п. 286 отмечено окончание *-эй* и в формах прилагательных жен. рода.

Ем.С.: *такэй*; *такый* (16); *друхый* (3); *какэй*; *какий* (2); *какэй-тэ*; *какий-тэ* (3); *святой* (3); *Иван Цвятный* (3); *большый* (8). Единственное исключение — цитирование чужой речи: *какой слэшнинькэй*.

Ем.Ш.: *друхый* (8) / *друхэй* / *друхой* (2); *штарый*; *такий* (9) / *такой*; *сякий*; *большый* (7); *нибольшый* (2); *дурный*; *какий* (3); *какий-тэ* (4) / *какэй-тэ*; *дэмавый* (10); *плахий* (3); *выходный* (2); *зэлатый*; *балный* (2); *пустый*; *дэрагий* (3); *пастый*; *жывый*; *сэрэкавый*.

Кзл.: *друхый* (6); *такий* (6); *мэладый* (3); *какий-тэ*.

Ксц.: *большый* (3); *такий* (13); *святой*; *нибольшый* (3); *какий* (3); *друхый* (6); *сухий*.

Ерм.: *пустой*; *такий* (9); *какий* (3); *друхый* (11); *кривый*; *пустый*; *большый* (10); *нибольшый*; *дэрмавый* (2); *любой*; *зимавый*; *мэладый*; *зэлатый* (2); *тэпарский*.

Тет.: *такий* (7); *друхый* (6); *нижывый*; *нэ штарый гот*; *большый*; *прямый*; *какой*; *какой-тэ*; *такой*; *у начной клуп*.

У других информантов литературных форм присутствует больше — Дудчино, Церковице, Глиничы:

Д.: *такий* (4), *такэй*; *какий* (2); *какий-та*; *крутый*; *шастый* (2); *зэвиньявый быш*; *большый*, но: *такой* (2); *святой*; *большой* (4); *нибольшой*; *друхой*.

Г.: *бальшы́й; такі́й* (2); *друхі́й*, но: *тако́й* (6); *како́й-тэ; у шасто́й; ўрудно́й; ўтаро́й* (3); *жыво́й*.

Ц.: *сьляпні́й* (4); *сьляпо́й* (на «сляпый» собирателя); *бальшы́й* (2); *таке́й; такі́й* (4); *какі́й-либа; какі́й-та; друхі́й; радно́й* (повтор); *тры́цэт шасто́й; тры́цэт сядьмы́й* (размеры обуви); *бальшо́й* (повтор); *тако́й*.

У части информантов (Емельянково, Дудчино, Церковище) в качестве редкого варианта присутствует окончание *-эй* после заднеязычных.

При этом есть некоторые отличия, не связанные с давлением со стороны литературного варианта языка: отмечен вариант окончания *-эй* после заднеязычных — Емельянково, Дудчино, Церковище. У одной информантки (Ермошино) присутствуют также окончания *-ый* и *-эй* в прил. ж. р. (фактически — всегда у слова *один*): *у адны́й дярэ́шні жыла́; і ш адны́й; жыве́ць с адны́й; аднэй капу́сты я куплю́ квчан́; ш аднэй сямьы́*.

Только у одной информантки отмечены исключительно стандартные рефлексy напряженных редуцированных (Ковалиха): *тако́й* (3). Отсутствие этой диалектной черты в ее говоре (в глагольных формах [ы]-рефлексy напряженных редуцированных у нее не зафиксированы) может объясняться не только позднейшим влиянием со стороны литературного языка, но и более ранним противопоставлением, характеризовавшим диалект переселенцев-старообрядцев — информантка родом из бывшей старообрядческой деревни, соседи называют «москалкой», сама она признает некоторые отличия «москальского» идиoma от остальных местных говоров.

4.10. Твердый *-т* или мягкий *-т'* в окончаниях 3 л. глагола в настоящем времени. По данным ДАРЯ (1989: Карта 79), на территории всей юго-западной части Невельского района фиксируются оба варианта окончания, согласно нашим материалам, литературное (или северное) *-т* встречается в речи разных информантов с разной частотой. У большинства — крайне редко (Емельянково (обе информантки), Дудчино,

Козлы, Ковалиха), у других чаще, но преобладающим вариантом является окончание с *-ть* (Ермошино, Тетеркино, Косцы, Церковище), только у информантки из Глинчино литературный вариант с *-т* встречается чаще.

5. Черты, характерные для белорусского языка и довольно сильно нивелированные под влиянием русской литературной нормы. В некоторых невелиских говорах мы можем наблюдать лишь «остатки» этих диалектных черт.

5.1. Твердый [r] на месте мягкого [r']. Отсутствие противопоставления /r/ и /r'/ обычно считают характерной белорусской чертой (например, [Карский 1908: 14]), причем в северо-восточных белорусских говорах, граничащих с невелискими, это противопоставление в какой-то мере сохраняется [Нарысы 1964: 119, Карта 7; 127–130].

Лишь в некоторых невелиских говорах изредка встречается твердый [r] (как правило, в отдельных лексемах: Ем.Ш.: *прэтайшшы; каструлю*; Г.: *ни прáli* (пряли); Кзл.: *ўзвару́* (неоднократно); *пирэначу́м*; Ксц.: *кастру́ля*; Тет.: *прыви́ла*), у других информантов такого произношения не зафиксировано (Ерм., Ков.). В этом отношении выделяется говор д. Церковище, где случаев произнесения твердого [r] отмечено довольно много: *чэрыс кэна́ву; прынасі́ли шэ́рсьць; крычым; на трэ́тий; кастру́ля* (2); *прыдэ́ржывэ́лись; па о́чырэдзі; стрыля́ють; чэры́зь забо́ры*.

5.2. Произнесение [ждж] < жж (в формах глагола *приезжать*) также характерно для белорусской нормы, на территории Невельского района есть говоры, где такое произнесение фиксируется (Ем.Ш.: *прыйі́жддэ́жэ́ць; зьві́жддэ́жэ́ць* (2); *пэ́дві́жддэ́жэ́м; прыйі́жддэ́жэ́ш* (2) и пр.; Д.: *лэ́тэм прые́жддэ́жэ́ют ну* (2); *прыйі́жддэ́жэ́лі* (4); *у́йі́жддэ́жэ́й; прэ́йі́жддэ́жэ́лі*; Ерм.: *прыйі́ж(д)э́жэ́ют; прыйі́жэ́жэ́л; прыйі́жэ́жэ́ла; прыйі́ж(д)э́жэ́л* (2); Тет.: *уе́жддэ́жэ́ць; прыйі́жэ́жэ́йт; прыйі́жддэ́жэ́ш; прыйі́жддэ́жэ́лі*), и те, где его нет (Г.: *прыйі́жэ́жэ́лі*; Кзл.: *прыйі́жэ́жэ́ють; прыйі́жэ́жэ́лв*; Ксц.: *прыйі́жэ́жэ́*

жаіт; приезжають (2); *прыйіжжэла*; Ков.: *приежжыи*; *прыйіжжэлаи*; *прыйіжжэають*; Ц.: *уйіжжэлаи*; *прыйіжжэлаи*; *пирыйіжжэаі*; *прыйіжжэаіть*).

5.3. Протетический [в] перед гласными /о/, /у/. Согласно ДАРЯ (1986: Карта 60), в Невельском районе есть говоры с последовательным употреблением протетического [в] (ш. 281 — Шульги, 282 — Дубище), а есть говоры, где [в] может отсутствовать (ш. 280 — Залог, 283 — Черные Стайки, 286 — Богозино). Наличие протетического [в] принято считать одной из характерных черт современного белорусского языка, отличающей его от других восточнославянских [Нарысы 1964: 139]. Современное состояние невеличских говоров показывает постепенную утрату этой черты: если в говоре д. Емельянково протетический [в] представлен достаточно последовательно (Ем.С.: *пэд вакбшкi*; *забіла вужэ*; Ем.Ш.: *вўтрэм/ўўтрэм* (4); *он вушол*; *на вўлицы* (3); *вўскій*; *пад вўхэл*; *на вўдэчку*; *на вўдэчку* (2); *вўмнэя*; *кэлэ шэзіра*; *шэчны гольы*; *з босіні — босіньню* (2); *на бкнэж*; *на бзіра*), то в других говорах он иногда фиксируется в одной–двух лексемах (Ц.: *на вўлицу*; *на вўлицы*; *пэд вакно* (2) — *ўтрэм*; *на бзіры*; *бзім*; *на бчырэди* (2); Ксц.: *шэзіра*; *на шэчыриди*; *босіньню — бзіра* (3); *на бчыриди*; Кзл.: *з вэжнэ*; *кэлэ вэжнэ — адіялэ*; *нэ диялэ*; *бчырыць карбш*; *к бзіру*; *ўтрэ*; Ерм.: *нэ вакнэ*; *вэжны* (2); *вакно* (2) — *бкны*; *пад бкны*; *на бкны*; *бзіры*; *мэлінькэш бзіра*; *кэла бзіра*; *босіньню*; *облэсэць*; Д.: *Восіпэвич — к бсэні*; *бсэнь*), в третьих не отмечен вовсе (Ков.: *на ўлицы*; Тет.: *з ўлицы*; *на ўлицу* (2); Г.: *босіньню*).

6. Диалектные черты, зафиксированные у большинства информантов (в говорах большинства обследованных деревень), но не встретившиеся у некоторых из них. Неизвестно, насколько это отсутствие может быть информативным.

6.1. Наличие гласного в позиции первого предударного слога перед начальным сочетанием сонорного с последующим согласным (*иржи*, *ильну*). Согласно ДАРЯ (1986: Кар-

та 15), такие формы были отмечены во всех говорах юго-западной части Невельского района (шп. 280 — Залогои, 281 — Шульги, 282 — Дубище, 283 — Черные Стайки, 286 — Богозино). Сейчас эта особенность присутствует не у всех информантов, правда, сама позиция достаточно редкая: Ем.Ш.: *урвѣцѣз*; Д.: *дидялі урвѣлі; ильляноі*; Г.: *ильна́; с ильна́*; Ксц.: *урвѣтъ*; Тет.: *с ильнѣм*; Ц.: *с вржанѣой мужѣ*.

6.2. Склонение сущ. м. р. 1-го скл. по 2 скл. В ряде невелиских говорах были отмечены косвенные формы существительных мужского рода 1-го склонения с окончаниями 2-го склонения. Д.: *з бѣтъкѣм*; Кзл.: *бѣтъкѣм*; Ксц.: *ну идѣти з бѣжынѣкѣм*; Ерм.: *хадѣла с Тѣлим умѣсьти у шкѣлу; нѣнитѣй бѣтѣушкѣм*; Тет.: *с Мѣшкѣм*. В записях информантов из дд. Емельянково, Глинчино, Церковище, Ковалиха такие формы не зафиксированы.

6.3. Косвенные формы личного местоимения 2-го лица и возвратного местоимения. Южнорусским говорам свойственно окончание *-е* в Род.-Вин. падежах, при этом основы *тоб-*, *соб-* используются или только в Дат.-Мест., или в Дат.-Мест. и Род.-Вин. падежах. Согласно ДАРЯ, в западной части Невельского района отмечены основы *теб-*, *себ-* в Род.-Вин., *тоб-*, *соб-* в Дат.-Мест. (шп. 280, 281, 282, 283, 286) (ДАРЯ 1989: Карта 61). Белорусская литературная норма (как и все говоры) предполагает следующую систему: Род.-Вин. *цябѣ, сябѣ*, Дат.- Мест. *табѣ, сабѣ* [Беларуская граматыка 1985: 143; Нарысы 1964: 217], т. е. в приграничных невелиских говорах наблюдается белорусская система. Материал, записанный от наших информантов, демонстрирует ту же белорусскую систему, но попадают и формы, соответствующие русским литературным — с окончанием *-я* в Род.-Вин. или с основой *теб-/себ-* в Дат.-Мест.:

Ем.Ш.: Род.-Вин. *тябѣ* (2); *сябѣ* (10); Дат.-Мест. *табѣ* (6); *сабѣ* (7); *к сабѣ*, но *сябѣ* (5).

Ем.С.: Род.-Вин. *тябѣ* (3); Дат.-Мест. *табѣ* (4); *сабѣ* (6).

Ерм.: Род.-Вин. *тебѣ* (5); *сябѣ* (1), но *тибѣя* (1); *сибѣя* (1); Дат.-Мест. *табѣ* (3); *сабѣ* (6), но *тебѣ* (1); *себѣ* (4).

Тет.: Род.-Вин. *тебѣ* (4); *себѣ/сябѣ* (2), но *себѣя* (1); Дат.-Мест. *табѣ* (10); *сабѣ* (3), но *себѣ* (1).

Кзл.: Род.-Вин. *тябѣ*; Дат.-Мест. *табѣ* (2); *сабѣ* (5), но *тябѣ* (2); *сябѣ*.

Ксц.: Род.-Вин. *тебѣ*; Дат.-Мест. *табѣ* (5); *сабѣ* (3).

У некоторых информантов форм местоимений с основой *тоб-, соб-* не зафиксировано (правда, в записанном материале формы местоимений малочисленны):

Д.: Род.-Вин. *тябѣ* (3); *себѣ* (2), но *у тибѣя*; Дат.-Мест. *себѣ*.

Г.: Род.-Вин. *тябѣ* (2).

Ц.: Род.-Вин. *тябѣ*; *нѣ сябѣ*; Дат.-Мест. *себѣ*.

6.4. Окончание *-ым/-им* в Мест. ед. прилагательных и местоимений-прелогательных муж. и ср. р. На территории русских говоров это окончание широко распространено, в том числе в западных среднерусских и западных южнорусских говорах (ДАРЯ 1989: Карта 46). Наш материал показывает, что окончание *-ым/-им* хорошо сохраняется практически у всех информантов (такие формы не были отмечены только в говорах дд. Козлы, Дудчино, Тетеркино):

Ем.С.: *нѣ дѣмским*; *нѣ мушским*.

Ем.Ш.: *ѣ сѣрѣк сядьмым*; *нѣ адным валинцы*; *у штарым или трѣтьтим калѣни*; *нѣ ставбу нѣ съвитавым*.

Г.: *у сѣрѣк сядьмым ѣду*; *у банки каким-тѣ*.

Ксц.: *вѣ штарым*.

Ерм.: *у Туричинским сельсавети*; *у ѣтым калхѣзи*; *на ѣтѣм мѣсьти*; *нѣ дружим ѣду*; *на слѣтким*.

Ков.: *у сядьмым*.

Ц.: *у каким ѣду?*; *нѣ сырѣм мѣсьти*; *на ѣтим ѣс стахѣ*.

6.5. Напряженный редуцированный в глагольных формах (основа настоящего времени глаголов с *j* в основе презенса) регулярно реализуется как [ы] почти у всех информантов: Ем.С.: *памыють*, *мыймси*; Ем.Ш.: *шыю*; *пашыю*;

пиряшыю; мыйит; памыю; аткрыйиш; Д.: зашыйт; Кзл.: памыюся; закрыйот; Ксц.: прамыйиш; Ерм.: ныот; раскрыйти; аткрыйти; аткрыйо; Тет.: аткрый (чужая речь); аткрыйот; аткрый (2); маслэм злыо; мыйш; памыйш; закрыйш (2); Ц.: пашыит; пашыит; шыит; выыиш. Не встретилось таких форм в говоре д. Ковалиха, где нет [ы]-рефлексов напряженных редуцированных и в другой позиции — в окончании Им. мн. прилагательных муж. рода.

6.6. Формы 2-го лица единственного числа *дасі, йесі* от глаголов *дать, есть* присутствуют почти у всех информантов — Емельяново (Шебанова), Козлы, Косцы, Ермошино, Тетеркино, Церковице (у остальных — Емельяново (Сюртукова), Глиничы, Дудчино, Ковалиха — такие формы в текстах не встречаются, что объясняется, скорее, их невысокой частотностью). Согласно ДАРЯ (1989: Карта 86), *дасі* фиксируется в пп. 281 (Шульги), 282 (Дубище), 283 (Черные Стайки), *еси* — только в пп. 282, 283, в п. 280 (Залогы) — только формы *дашь, ешь*.

Ем.Ш.: *ані дасі; а бсынню вот ы мясэ / то ли прѣдасі.*

Кзл.: *свзяю нясись и харош.*

Ксц.: *кзлатушкы такую ясі; ззкпяйтит и ясі.*

Ерм.: *тысичу рублэй пѣдасі яму.*

Тет.: *как ясі усѣ пѣдрят; инѣ прастынитт / и ясі так с мзлакѣм уприхлѣнку.*

Ц.: *патѣм яѣ зпчыишиш и ясі.*

6.7. Совпадение безударных окончаний 3-го лица множественного числа глаголов I и II спряжения (*пшиш/т, делайш/т, дышш/т, носш/т*).

Почти у всех информантов такое совпадение регулярно:

Ем.С.: *пасѣют; вытирюют; збмалѣют; вазъмѣдѣ ды абѣдѣют; развѣдѣют; выбрѣсют; вѣрют; зацѣпют; прицѣтѣют; пѣуавѣрют; свѣдѣют; змѣсют; вытѣпют; пасѣют; прилѣпют; смѣлѣют; сѣют; звѣрѣют.*

Ем.С.: *прихѣдѣют (9); привѣдѣют; причѣсывѣют; захѣдѣют; увѣзѣют; алхѣдѣют; стѣвѣют; хвѣлѣют; цѣтѣвѣют;*

хóдють (3); *рўбють*; *цэ́дють*; *ма́слэм пэ́двалóжуть*; *лóвьють* (2); *малóтють*; *сўшуть*; *схв́ають*; *паспóрють*; *пэ́ядуть* ('поедят').

Г.: *хóдють* (3); *хóчуть*; *мэ́сют*; *ухóдють*; *завóдьюцэ*; *выбóзють*; *лóбють*; *хóдють*; *вóдьюцэ*; *пáлют*; *вы́чысьтють*.

Кзл.: *плóтють*; *ня хóчуть* (2); *хóдють* (4); *в́идють*; *прих́лянуть*; *зэста́вють*; *кóньчуть*; *дэ́ржуть*.

Ксц.: *пáлють*; *хóдють*; *пэ́ядуть*; *бóзють*.

Ерм.: *бóзють*; *пáлють*; *харóнють*; *палóжуть*; *пэста́вють*; *выхóдють*; *знакóмють*; *хóдють* (5); *срўбють*; *в́ають*; *стрóють*; *чын́ють*; *кóрьмють*; *пáтють*.

Ков.: *нзв́ають*; *пэста́вють*; *в́ають*; *св́ають*.

Тет.: *пратóпють*; *хóдють* (2); *выхóдють тарóпьюцэ*; *зб́нють*; *кóрьмють*; *у́табвють*; *нзв́ають*; *пэста́вють*; *бóзють*; *выбóзють*.

Ц.: *рззв́ають* (2); *хóдють* (3); *сўшуть*; *мóчуть*; *бэ́лють*; *нóсють*; *кв́асють*; *збмалóтють*.

Единственное исключение — говор д. Дудчино, где эта черта присутствует, но не регулярно: *с́ыпють*, *пўсьтють*; *ус́ыпють*; *мэ́сюць*; *замэ́сю/иць*; *рашш́ыпють*; *пэцсы́пють*; *вы́сушуть*; *в́ають*; *тóпють* (2); *слóжють*; *пáлют*; *в́ають*; *лóбють*; *нóсють*, но: *прахóдиць*; *патчэ́пють*; *крь́уть*; *бóзють*; *в́ытэ́пють*; *пэкр́асють*; *крас́ють*; *сáдють*; *брóсють*; *хóдють* (3); *замэ́сють*; *вы́сушэ́т*; *накóсють*.

Поскольку говор информантки достаточно архаичен и имеет от соседних говоров и другие отличия, окончания, соответствующие литературным, не обязательно появляются из-за влияния литературного языка, а могут отражать старое диалектное распределение.

7. Черты, которые обнаружались в одном или нескольких из обследованных говоров и которые могут отражать старое диалектное распределение.

7.1. У ряда информантов зафиксированы довольно редкие случаи узкой реализации старого Ъ. Наиболее последо-

вательно наблюдаем узкий Ъ в формах прошедшего времени глаголов в говоре д. Дудчино: *зүарі́ш* (5), *үарі́ш*; *ляті́ш* (4); *прібійсц*; *поляті́ли*; *аді́ш*; *пиряді́шц*; *умі́ш*; *зобалі́ш* — при наличии «стандартного» рефлекса: *хатёш* (2); *сидёли*; *летёли*; *зүарёлъ* (5); *зүарёл* (2); *зүарёлъся*; *үарёла*; *зобалёла*; *пзүлядёлъ*; *умёш*. В этом же говоре отмечен узкий рефлекс Ъ и в другой позиции: *сйі́здылъ с звязкѡм*.

По нескольку подобных примеров (не обязательно в глагольных формах) встретилось также в говорах дд. Козлы (*балі́ш*; *бох тярпні́ш* и *на́м вялі́л*, *штоп мы тярпнёли*; *хзть кусѡчыг бы зйі́ш*; но ни *хатёш*; *зобалёш*; *тярпнёть*), Емельянково (Шебанова) (*кзудá пасьпійит там рѡш / пёрвзи рѡш сьпёить*; *үдѣ-тз што-тз ни дзүляді́ш*), Косцы (*трі́ неді́ли*; *чаты́ри неді́ли*; *ма́сьлинзя неді́ля*, но у *нядёлѡ*). У других информантов такой особенности не встретилось.

7.2. «Второе полногласие» — отдельные формы встретились у некоторых информантов: Емельянково (Шебанова): *для кѡрзѡмки*; *йихнза ш кѡрзѡмка*; *үарён* (горн в кузне); также *шарёстку на́дз прясъть*; Глинчино: *кѡрзѡм* (3); Ковалиха: *нз вярёх*. В остальных говорах подобных форм не отмечено. В ДАРЯ отмечено «второе полногласие» в слове *верёх* в пп. 280 (Залого), 281 (Шульги), 283 (Черные Стайки), *кѡром* в пп. 281 и 286 (Богозино), в словах *сереп*, *стѡлоб*, *горѡб* и производных от *долз* не отмечено.

7.3. 2 лицо возвр. глаголов: *саді́сьти* (садишься); *наүнѣсьти*; *мүчзисъти*; *высмзркзисъти*; *здыхáiсъти* отмечено только у одной информантки — Емельянково (Шебанова).

7.4. Вопросительно-относительное местоимение *кого* в значении *что*, характерное для Псковской группы говоров (см., например, материал, приведенный в ПОС (16: 302–303)), единично встречается только у информантов из дд. Емельянково (Сюртукова) и Косцы, причем только в функции переспроса.

7.5. Окончание Род. ед. муж. и ср. рода у большинства информантов представлено с заднеязычным согласным (-оуо), только у одной информантки (Ковалиха) — с губным (-ово). В ДАРЯ отмечено окончание с губным в пп. 282 (Дубище) и 286 (Богозино) (ДАРЯ 1989: Карта 44). Любопытно, что, говоря об отличиях своего («москальского», т. е. характерного для старообрядческих деревень) языка от языка остальных деревень, сама информантка отмечает: *ну шóт мы и рэзүгвэаривэли кáк-тэ трóхэ <...> ни тáк / туд бóльшы на «у» / а мы <...> кáк-тэ <...> пэмjáччи // а тáк паітці гдінáкэва.*

7.6. Формы слова *день* по *і*-склонению в составе счетного оборота отмечены только в говоре д. Емельяново (Шебанова): *зпнáсла двá дни; сасéд двá трі днjá; двá дни / трі дни; два дні éла.*

7.7. Счетный оборот с формой мн. ч., характерный для белорусского языка, присутствует только в говоре д. Козлы: *двá уóды; чатýри чэлавéки; двá сэдáты; двá пэртизáны; уáды чатýри.*

7.8. Окончание 3 л. настоящего (будущего) времени глагола без *-т*. В ДАРЯ такие формы в интересующем нас регионе не отмечены (ближайший населенный пункт, где они присутствуют — 52) (ДАРЯ 1989: Карты 80, 81), тем не менее единичные формы без *-т* встречаются у некоторых информантов (дд. Емельяново, Косцы, Еρμοшино, Тетеркино, Церковище):

Ем.Ш.: *а сичáс ужé / мéсиц как кэтянiшшы и хóдя плáчыть усé.*

Ксц.: *урúт зпнáлють / и уáри урúт такiй.*

Ерм.: *мóжэ и нáда тáк; душá мóжэ эсь; мóжэ инá птi-цый прiлятiть; хтó-тэ мне зтвiчáи / жэнишына / а мы тут.*

Тет.: *а тó мóжэ зэуáрiтись.*

Ц.: *у кахó урибi вiрэсьти балшыи.*

Только у двух информантов формы без *-т* попадают чаще — дд. Дудчино и Козлы, хотя и здесь говорить о регулярности их употребления не приходится:

Д.: *мóжа* — регулярно;
а бис пáспэрта ш никудá ни паéди;
ўтэвэ́м приéдить / а вéчырэм ужэ́ уи́жэ́си́и;
прахóдить / апя́ть лéзи;
накрúтит эти / и притúсну (3 мн.);
за нóч закúсьни;
пúсь лижá;
усё у мяшóк сэбирáи;
ўдé мужжукú / тáм и óн / и вúпье.
 Кзл.: *хлéба принясé / а тó бяс хлéба сяжэ́*;
хлéба принясé дэ́ ёсьли што прадúктэв;
а ўавóрють / там дэ́ривэ́ ти упадéть / засóринэ́ усé /
и тáк и ляжэ́и;
и ё́н ужэ́у мне мэ́лакó нóси / принесéть;
я ужэ́у ну и хвáти мне.

Приведенные примеры показывают, что появление форм без *-т* не связано с ударностью/безударностью окончаний, единственным/множественным числом, возможно, не связано и со спряжением глагола.

7.9. Союз *як* и местоимение *який*, характерные для белорусского языка.

Эта черта отмечена только у двух информанток — из дд. Козлы и Тетеркино:

Кзл.: *ни ничóха / никакóха ни пэ́дэ́рка / **як** пэ́шла /*
ничóха ни дáли;
*а му́ш мóй балúш / на фрóнти **як** бýш*;
*дэ́кумэ́нты бýли / што ё́н **як** рáнили / кэ́мисэ́вали /*
пéнсию пэ́лучáш ўóт;
*а инá шмы́к и пэ́шла / **як** кóнчу да́йт*;
*во халéра **ўикáя!***
*а **як** прэ́далá / ни адúн рáс ни принясэ́ли*;
***як** шзялá бáби абúда*;

там рэскладывзшцэ / **як** прыедуць / разложуць там;
 яны **як** прыйшэаюць;
 а там рэчка **як** рэс;
як сучас помню;
 рўкі стаілі **як** куріныя лапы.
 Тет.: бяльё нэвэі какоі там / адэжэ **укія** нэвэі;
як мне так і табе;
 вы і вїдзілі **якїі** я мэх дэніх прывізла;
 так вот **як** пршлá / усё нэ свайх нэшкэ;
 ну **як** скэзáть;
 аб чом вы там ўчытсá / в **якїм** інстштуті?
 пэд ўарў **яэ** зэзэтузілі (пэбежалі);
як інэстрáнка;
 і **як** аны нэпшлїсі;
 а нэвэстка жэ былá **якá** красївэя;
 а **як** прасьпїццэ / такіі харошыі;
 дрáникэв **якїх** наўчуть нас эсь;
 баба пэтсáдшт к нам **якáи**-ншбуць;
 аткўль я радїлэсá / **укáи** у мя сшмьá.

8. Разные системы Род.-Дат.-Мест. падежей а-склонения.

Распространение форм Дат.-Мест. пад. ед. ч. с окончанием *-ы (-и)* у существительных женского рода на *-а* с твердой и мягкой основой (*к жоны, к земли*) наряду с распространением форм Род. пад. ед. ч. с окончанием *-е* в современных работах описывается как различные системы gen.-dat.-loc., причем в Невельском районе, как и в говорах Псковской группы и в части тверских говоров, распространены синкретические системы с варьированием показателей, в том числе с противопоставлением «ударной» и «безударной» разновидностей склонения у основ, оканчивающихся на парный твердый [Букринская и др. 2008: 123–124]. Кроме того, наши говоры попадают в ареал южнопсковско-селижаровских «обратных» систем, в которых окончания твердого склонения частично заменены окончаниями мягкого [Абраменко и др.

2013: 87, 164–165]. У наших информантов представлены в основном синкретические системы с варьированием показателей или в зависимости от ударения, или в зависимости от конечного согласного основы. Почти во всех случаях на исходную систему окончаний накладывается литературная система.

Если выбор окончания зависит от ударения, то в ударных окончаниях Род.-Дат.-Мест. ед. употребляется *-ы*, в безударных *-и* {*Ī*} в основах на губные и зубные парные. Примеров с основами на заднеязычные и мягкие основы мало, опираясь на них, можно предположить синкретичное окончание Род.-Дат. Мест. ед. *-е* {*Ī*} для заднеязычных и *-и* для мягких основ. Как правило, в безударных позициях встречаются и в Род., и в Дат.-Мест. не только окончание *-и*, но и окончание *-ы*, что может быть результатом разрушения «обратной» системы. Такие системы наблюдаем в говорах дд. Емельяново, Козлы, Косцы.

Емельяново (Сюртукова)

	Губные		Зубные		з/яз.	мягк.
	уд.	б/уд.	уд.	б/уд.		
Gen.		-е (2) биз пáпи (2)	-ы́ (16) вады́ (3), вайны́ (11); сястры́; ауцы́	-ы (4) адéжды; мушы́ны; пячэ́ны; кóмнаты -е (1) с хáти	-é (4) муке́ (4) -і́ (3) муки́ (3)	-і́ (2) из зямлі́, кутьті́
Dat.- Loc.	-ы́ (2) нэ травы́ (2)	-е (7) ба́би (3), ма́ми (4) -ы (2) нэ фэ́рмы (2)	-ы́ (2) нэ вады́; нэ вайны́	-ы (7) эсе́ньшыны́; на то́нны; нэ іко́ны; нэ Пско́вшыны (2); к мау́лы; у пасэ́ды -е (1) у хáти		-é (1) у зямлэ́

Емельянково (Шебанова)

	Губные		Зубные		з/яз.	мягк.
	уд.	б/уд.	уд.	б/уд.		
Gen.	-ы́ (5) <i>хадьбы́;</i> <i>у́главы́;</i> <i>листвы́;</i> <i>крупы́;</i> <i>травы́</i>	-е (16) <i>ба́би (6);</i> <i>ка́рбы (3);</i> <i>ли́пи;</i> <i>саломы́;</i> <i>ры́би (3);</i> <i>ма́ми</i> -ы (3) <i>ка́рбы;</i> <i>ба́бы;</i> <i>с саломы́</i>	-ы́ (34) <i>вайны́ (20+);</i> <i>дзьве́ казы́ (3);</i> <i>вады́ (7);</i> <i>сасы́;</i> <i>красы́;</i> <i>ад у́разы́;</i> <i>шырыны́</i>	-е (22) <i>у́лини (2);</i> <i>шко́ли (4);</i> <i>связа́лини;</i> <i>ха́ти (10);</i> <i>сьмита́ни;</i> <i>ската́ни (2);</i> <i>машы́ни;</i> <i>рабо́ти</i> -ы (9) <i>сьве́клы;</i> <i>две ха́ты (4);</i> <i>ли́пины;</i> <i>рабо́ты;</i> <i>Ня́ны;</i> <i>ската́ны</i>	-е́ (1) <i>з руке́</i>	-и́ (2) <i>сямы́</i> <i>дзьве́;</i> <i>ад зямлі́</i>
Dat.- Loc.	-ы́ (9) <i>у тюрмы́;</i> <i>у травы́</i> <i>(6);</i> <i>у Масквы́</i> <i>(2)</i> -е́ (2) <i>Маскве́ (2)</i>	-е (2) <i>на сва́дбы</i> <i>(повторен-</i> <i>ная);</i> <i>к ба́би</i> -ы (4) <i>фе́рмы (2);</i> <i>ка́рбы;</i> <i>у тюрмы́</i>	-ы́ (13) <i>жары́;</i> <i>у́ары́ (5);</i> <i>нэ вайны́;</i> <i>нэ кастры́;</i> <i>вады́ (5)</i>	-е (18) <i>у ха́ти (10);</i> <i>шко́ли;</i> <i>пиреме́ни;</i> <i>нэ машы́ни</i> <i>(2);</i> <i>нэ Укра́ини;</i> <i>ш сряди́ни;</i> <i>нэ акра́ини;</i> <i>у ко́мнати</i> -ы (9) <i>кана́вины;</i> <i>ската́ны (2);</i> <i>на ку́ры;</i> <i>нэ па́длины</i> <i>(падали) (2);</i> <i>ш лазы́ны;</i> <i>ш ли́пины;</i> <i>нэ кварта́іры</i>	-е́ (1) <i>руке́</i>	-и́ (1) <i>у зямлі́</i> -е́ (2) <i>нэ зямле́</i> <i>(2)</i>

Козлы

	Губные		Зубные		з/яз.	мягк.
	уд.	б/уд.	уд.	б/уд.		
Gen.	-ѣ (3) <i>травы (2); зимы</i>	-е (5) <i>карѡви; ма́ми (4)</i>	-ѣ (12) <i>вайны (6); сястры (2); казы; связа́лы; стѡраны (2)</i>	-ы (10) <i>рабыты (3); сѣмитаны; пѣмидѡрины (2); малины (2); школы (2) -е (5) хаты (5)</i>	-ї (1) <i>муки́</i>	
Dat.- Loc.	-ѣ (1) <i>у Маскѡѣ</i>	-ы (1) <i>пѡчы -е (4) ба́би (3); ма́ми</i>	-ѣ (1) <i>сястры</i>	-ы (4) <i>Смале́ницы (2); Ста́шчыны; па́ры -е (6) рабыты; канто́ри; у хаты</i>		

Косцы

	Губные		Зубные		з/яз.	мягк.
	уд.	б/уд.	уд.	б/уд.		
Gen.			-ѣ (10) <i>пѡсьли вайны (7); дѡ вайны (3)</i>	-ы (6) <i>дѡѡе маши́ны; маши́ны нѣт; с акра́ины; з у́ліны (3) -е (1) у нявѣсьти</i>	-ї (4) <i>муки́ (4)</i>	-ї (1) <i>з зямлі́</i>
Dat.- Loc.			-ѣ (1) <i>нѡ вайне́</i>	-е (2) <i>маши́ны; у шко́ли</i>		

Ермошино

	Губные		Зубные		з/яз.	мягк.
	уд.	б/уд.	уд.	б/уд.		
Gen.	-ы́ (1) <i>Маскѡы́</i>	-ы (6) <i>я́мы (2);</i> <i>ры́бы (2);</i> <i>каро́вы (2)</i>	-ы́ (23) <i>вайны́ (18);</i> <i>яды́;</i> <i>вады́ (2);</i> <i>сасы́;</i> <i>связа́лы</i>	-ы (7) <i>Тури́чынылы;</i> <i>э́снычыны;</i> <i>капу́сты (3);</i> <i>сы́митаны́;</i> <i>ха́ты</i> -е (1) <i>ха́ты</i>	-и́ (1) <i>муки́ (3)</i>	
Dat.- Loc.	-ы́ (1) <i>трава́ы;</i> <i>Маскѡы́ (2)</i> -е́ <i>Маскѡе́ (3)</i>	-е (1) <i>сва́дьбы</i>	-ы́ (3) <i>сястры́ (2);</i> <i>вайны́</i>	-ы (1) <i>Ве́ры</i> -е (11) <i>ха́ты (6);</i> <i>канто́ры;</i> <i>маши́ны (2);</i> <i>шко́лы;</i> <i>кварты́ры</i>		-и́ (4) <i>у сямьи́</i> <i>(4);</i> -е́ (1) <i>земле́</i>

Другой тип синкретических систем — когда выбор окончания зависит не от ударности/безударности, а от конечного согласного основы — губной или зубной. Так, у основ на губные (ударных и безударных) можно предполагать синкретизм окончаний Род. и Дат.-Мест. на *-и* {*Б*} (или остатки «обратной» системы), у основ на зубные — синкретизм на *-ы*. Основы на заднеязычные, возможно, отражают синкретическую систему на *-е́* {*Б*} с наложением литературной системы. Такой тип вариативности окончаний в Род. и Дат.-Мест. наблюдаем в говоре д. Дудчино. Возможно, такой же тип вариативности в говоре д. Глинчино (наложение литературной системы и небольшое количество примеров не позволяют утверждать это с полной уверенностью).

Дудчино

	Губные		Зубные		з/яз.	мягк.
	уд.	б/уд.	уд.	б/уд.		
Gen.	-ы́ (3) зимы́; травы́; Масквы́	-е (5) ма́ми (2); па́пи (2); ка́рбви -ы (1) службы́	-ы́ (38) вайны́ (23); сасы́ (5); сястры́ (3); уа́ры, вады́ (3); зимы́; травы́; Масквы́	-ы (4) мау́лы; капу́сты; асы́ны; Украи́ны	-е́ (2) муке́ (2) -и́ (1) альги́	-и́ (1) зямли́
Dat.- Loc.		-е (6) сва́дби (2); ма́ми (3); у ступи́ -ы (1) саломы́	-ы́ (5) уа́ры (2); стзраны́ (3)	-ы (11) каби́ны; пзлави́ны; канто́ры; уита́ры; адэ́жды взуа́рды; вера́нды; рабо́ты; жэ́ньшыны́; спради́ны; квартэ́ры -е (6) Тзпаршчы́ны; ха́ти (3); шко́ли (2)		

Глинчино

	Губные		Зубные		з/яз.	мягк.
	уд.	б/уд.	уд.	б/уд.		
Gen.		-е (1) ма́ми -ы (6) ка́рбви (2); крапи́вы (2); фе́рмы; ли́пы	-ы́ (17) вайны́ (13); сторэ́ны; сястры́; вясны́; вады́	-ы (4) шко́лы (3); с рашы́ны; сьмета́ны; пахо́ды (2); рабо́ты; бярэ́сты; лужсы́ны	-е́ (2) муке́ (2)	-и́ (2) зямли́ (2)
Dat.- Loc.	-ы́ (2) у тюрь- мы́ (2)	-ы (1) на фе́рмы -е (2) ма́ми; ш ка́рбви	-ы́ (3) к сястры́; нз вады́; аицы́	-ы (4) жэ́ньшыны́; нз машы́ны; уа́зэты (2) -е (2) у шко́ли; к опи́шый рабо́ти		-е́ в зямле́

Наконец, имеется и говор с синкретической системой «новгородского» типа — с единым окончанием *-ы* в Род. и Дат.-Мест. у основ на губные и зубные не зависимо от ударения, — широко представленной в новгородских говорах и говорах новгородского происхождения [Абраменко и др. 2013: 144–148].

Ковалиха

	Губные		Зубные		з/яз.	мягк.
	уд.	б/уд.	уд.	б/уд.		
Gen.		-ы (2) <i>саломы;</i> <i>карбы</i>	-ы́ (3) <i>посылы вайны́ (2);</i> <i>с сасы́</i>	-ы (2) <i>капу́сты;</i> <i>рабо́ты</i>		
Dat.- Loc.	-ы́ (1) <i>к трубы́</i>	-ы (3) <i>к ма́мы;</i> <i>у ца́рквы той;</i> <i>нэ сва́дьбы</i>		-ы (1) <i>у ха́ты</i>		

9. Как мы видим, в целом похожие системы, представленные в говорах разных информантов (деревень), имеют некоторые различия. Часть этих различий объясняется неравномерным «усвоением» литературной системы и нивелированием диалектных черт, но есть такие черты, представленные в разных идиолектах, которые таким воздействием объяснить невозможно. В этом случае мы, видимо, имеем дело с сохранением некоторых архаизмов отдельными говорами или с какими-то старыми изоглоссами, которые не были хорошо описаны.

Наибольшее количество отличий от всех остальных говоров наблюдается в говоре д. Ковалиха. В нем мы не находим характерных для Невельского района «белорусских» черт: нет йотированных форм местоимений 3 лица, нет специфических рефлексов напряженного редуцированного в окончаниях прилагательных Им. п. муж. р. *-ой/-эй*, форма 3 л. ед. ч. глагола «быть» произносится как *йсь* (*йэсьть*), а не как *эсь*, отсутствует протетический *в-* перед начальными гласными *о* и *у*, окончание Род. ед. муж. и ср. рода произносится с губным согласным, а не с заднеязычным. Си-

стема Род.-Дат.-Мест. существительных *a*-склонения «новгородского» типа, т.е. с полным синкретизмом на *-vi*, отличается этот говор от всех соседних. Видимо, это связано с тем, что д. Ковалиха еще 100 лет назад была старообрядческой — ее жителей, в том числе нашу информантку, до сих пор называют «москалями», или «скобарями». Старообрядцы появились в окрестностях Невеля относительно недавно (в конце XVII в.), жили достаточно замкнуто, а переселялись изначально, по-видимому, из Новгородской губернии. Присутствие старообрядцев в Невельском районе фиксируется с XVIII в.: известен контракт 1769 г., в котором воеводша Минская разрешала старообрядцам селиться на землях Невельского уезда², относившегося до 1772 г. к Речи Посполитой. Указывают, что в основном это были выходцы из Новгородских земель³. Поскольку отдельные общины старообрядцев в последующие века мигрировали по югу Псковской области, трудно сказать, к какому периоду могут восходить этнонимы «москальи» и «скобари», относящиеся к ним. Как утверждает К. Я. Кожурин, «скобарями» называли жителей деревень, расположенных севернее озера Язно, а «поляками» — тех, кто жил южнее (что соответствует границе между Россией и Речью Посполитой после Первого раздела) [Кожурин 2016]. Возможно, в Невельском районе «скобарями» (или «москалями») называли старообрядцев, пришедших в более поздние времена с территорий, расположенных севернее озера Язно.

Архаичным и сохраняющим большее количество белорусских черт можно считать говор д. Козлы: употребление сравнительного союза *як*, рефлекс напряженного редуцированного в окончаниях прилагательных Им. п. муж. р. *-vi-* (без исключений), единично твердый [г] на месте [г'], йотированные

²См.: <http://nevelikc.ru/staroobryadchestvo-v-nevelskom-rajone> (дата обращения: 01.12.2017).

³См.: <http://pustoshka.ru/ru/modules/sections/index.php?artid=6&op=viewarticle> (дата обращения: 01.12.2017).

формы местоимений 3 лица всех лиц и мн. ч., счетный оборот с формой мн. ч. (*два годды*). Кроме «белорусских» черт, видимо, архаичными следует считать узкий рефлекс Ъ и наличие окончаний глаголов 3 л. презенса без конечного *-т*. Также сохраняющим изрядное количество архаических черт можно признать говор д. Емельянково (Шебанова): относительно большое количество примеров со «вторым полногласием», наличие форм слова *день* по *i*-склонению, присутствие форм 3 л. наст. вр. глагола без *-т*, небольшое количество примеров с узким рефлексом Ъ, формы 2 л. возвратных глаголов типа *садисьти*.

Отличающимся от остальных можно считать говор д. Дудчино: довольно регулярный узкий рефлекс Ъ в глагольных формах (и единично — в других позициях), довольно большое количество окончаний глаголов 3 л. презенса без конечного *-т*, синкретическая система Род.-Дат.-Мест. существительных *a*-склонения на *-ы* и на *-и* в зависимости от конечного согласного основы, а не от ударения (как у других информантов), не абсолютное (как у других информантов) распространение окончания *-ут* в 3 л. мн. ч. глаголов II спр.

Таким образом, отдельные черты говоров разных деревень могут указывать не только на разную степень адаптации диалекта, который прежде считался белорусским, к русскому литературному языку и постепенное нивелирование диалектных черт, но и на различное происхождение отдельных говоров (Ковалиха) и на старые изоглоссы, которые по-разному объединяли и противопоставляли говоры разных деревень (узкий рефлекс Ъ, отсутствие *-т* в окончаниях 3 л. презенса глагола, разного типа синкретические системы Род.-Дат.-Мест. существительных *a*-склонения).

Литература

Абраменко О. А., Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н. Системы соотношения gen. и dat.-loc. а-основ в восточнославянских языках // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 63–165.

Беларуская граматыка. У 2 ч. / Пад рэд. М. В. Бірылы, П. П. Шубы. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. Мінск: Навука і тэхніка, 1985. 431 с.

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем) / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 118–179.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М.: Синодальная типография, 1915. 140 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. 176 с.

Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 2: Язык белорусского племени. Варшава: Типография Варшавского учебного круга, 1908. 610 с.

Кожурин К. Я. Староверы Псковского Поозерья. Пустошкинский район. Б. м.: Издательские решения, 2016. 222 с.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971. 310 с.

Нарысы па беларускай дыялекталогіі / Пад рэд. Р. І. Аванесова. Мінск: Навука і тэхніка, 1964. 415 с.

Рыко А. И. О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья (Невельский район Псковской области) // Севернорусские говоры. Вып. 15 / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 71–88.

Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: ЛГУ, 1984. 214 с.

Лексика с семантикой ‘покинутое жилище’ в севернорусских говорах

О. А. Теуш

Лексика, называющая покинутые жилые места, в литературном русском языке и диалектах представляет собой компактную группу лексем. Все наименования являются древнейшими по происхождению: имеют праславянские и, в конечном итоге, индоевропейские корни. Единство группы определяется общностью словообразовательного облика.

Ключевые слова: лексика, Европейский Север России, внутренняя форма, производящая основа, диалект, севернорусские говоры.

Освоение Европейского Севера России было длительным процессом. Расселение преимущественно осуществлялось не на пустых территориях, а на землях, заселенных охотниками и собирателями, стоявшими на уровне развития мезолита. Нередко в силу различных причин (изменения географической среды, трансформации политических условий) происходили миграции населения. Оставленные поселения постепенно разрушались, будучи заброшенными, зарастали бурьяном, однако память о покинутых деревнях сохранялась в названиях мест, как в именах собственных, так и в именах нарицательных.

Наименования покинутых жилых мест представляют собой компактную группу лексем. В основе номинаций лежит ограниченное количество производящих основ.

Основная группа наименований связана с корнем *город-* (праславянского происхождения: *gōrod* ‘огражденное стеной, валом, поселение, крепость’ < **gord-*, связано чередованием гласных и согласных с **žьrdь* — русск. *жердь* ‘шест из длинного тонкого ствола дерева’ (Шведова 2007: 232)),

ср. русск. литер. *городѣще* 'место, где в древности был город или укрепленное поселение', которое производно от *городѣще* 'увелич. к *город*' (Шведова 2007: 164). В диалектах выявлены: *городѣна* 'старинное городище' (Влад.), *городѣц* 'то же' (Влад., Яросл.) (СРНГ 7: 57–58), *городѣца* 'то же' (Яросл.: Пересл.) (ЯОС 3: 100), *городѣще* 'место прежнего поселения' (Киров.: Халт.) (КСГРС), *городѣж* 'место, сохранившее следы бывшего укрепленного поселения, городище' (Яросл.: Рост.) (ЯОС 3: 100). Ср. также русск. литер. *городѣще* 'в археологии — остатки древнего укрепленного поселения или города (эпохи неолита и железного века)' (СПИЭС: 282). Древнейшие русские городища относят к эпохе неолита, большинство — к эпохе железного века. Слово *городище* встречается в древнерусских летописях с начала XII в. В значении 'место, где был город' лексема *городище* активно функционирует в древнерусских текстах: «Исходит бо изъ городища того седмь рѣкъ, и стоит по рѣкамъ тѣмъ тростіе велико», «Град минухомъ плывуще, не град же убо, но точію городище» (Срезневский 1: 555). Слово *городище* употребляется, например, в «Книге Большому Чертежу»: «А речка Руда вытекла по правой стороне Муравской дороги и пала в Ворскол, ниже Хотмышского городища. от берега от Донца, от старого городища 380 сажен, стоит в ниском месте», «А ниже Змеева городищах речка Комолша, а на Комолше городище Каменное, от Змеева верст з 10, лесом подле Донца» [Книга большому чертежу 1950: 63, 74] — для обозначения места бывшего города. *Городищем* здесь называется всякое огороженное валом или стенами жилое место, служившее укрепленным центром известного, более или менее значительного поселения.

Существование на территории России городищ определяется XI–IX вв. до н. э. в рамках археологических культур — ананьинской, дьяковской, штриховой керамики, днепродвинской и др. Древние индоевропейцы считали укрепленным огороженное изгородью, оградой поселение, ср. хет.

gurta ‘крепость’, лит. *gardas*, ст.-слав. *градъ* ‘крепость, город’, чеш. *hrad* ‘крепость, дворец’ и др. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 743]; таковым же представлением об укрепленном поселении оставалось у славян. Русская лексема *городѹще* ‘место, сохранившее следы бывшего в древности города или укрепления’ имеет соответствия в большинстве славянских языков, ср. болг. *градище* ‘городище, развалины города, селения, крепости’, диал. *градиште* ‘место, где был когда-то город, крепость’, макед. *градиште* ‘то же’, серб. и хорв. *градѹште* ‘место, где был город, крепость, развалины города’, словен. *gradišče* ‘место, где был город, замок’, ст.-чеш. *hradiště* ‘городище’, словц. *hradisko*, *hradište* ‘место, где был город, крепость’, в.-луж. *hrodžišćo* ‘то же’, полаб. *gordaištē* ‘пустынное место, где когда-то был город или замок’, польск. *grodziszczce*, *grodzisko* ‘место, где была крепость, развалины’ (ЭССЯ 7: 34).

Городѹще — топоним, называющий многие села в России и в древнеславянских землях: деревня, возникавшая на месте старого укрепленного поселения, обычно именовалась *Городищем*. Большинство топонимов такого рода образовано в XII–XIV вв., когда на месте заброшенных укрепленных поселений возникали крестьянские селения.

В частности, *Городищем* называется деревня Мигачевского с/с Кирилловского района Вологодской области. «По мнению археолога Л. А. Голубевой, д. *Городище* возникла на месте вепсского поселения, запустевшего в начале XI в. Селение имело важное местоположение: недалеко от него начинался от Шексны главный путь новгородцев на восток через волок Словенский. Топоним *Городище* впервые упоминается в грамоте 1397 г.: “Се яз, Кирило игумен... купил есми у чернеца Ферапонта... Мигачевскую деревню... з Городищем” (...). В то время *Городище* — пустошь, купил основатель Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл у Ферапонта, игумена Ферапонтова монастыря. В грамоте конца XV в. Мигачево и *Городище* называются уже “променны-

ми деревнями" <...> Деревня *Городище* упоминается в переписных книгах 1585 и 1678 гг.» (Чайкина 1988: 55). Такого же происхождения (являются названиями опустевших селений) топонимы *Городище* и *Городищево* в Вожегодском, Кичменгско-Городецком, Устюженском, Череповецком и Бабушкинском районах Вологодской области (КСГРС). Западнославянские по происхождению имена собственные, связанные с лексемами с семантикой 'покинутое поселение', встречаются во многих местностях Германии, где живут или жили некогда славяне, как в почти неизменном виде (например, в Познани *Grodzisko* — 11 деревень и имений, в Кенигсбергском округе — *Grodzicken*, *Grodtken*, *Groditz*, *Groeditz* и т. д.), так и в более искаженном, германизированном виде (*Graz*, *Stargard*, *Gröttsch* и др.).

Слово *сѣлмище* используется в археологии в значении 'остатки древнего неукрепленного поселения' (СПИЭС: 950), *сѣлмище*, *селмище* 'место, на котором в древности было расположено неукрепленное селение' (Шведова 2007: 871). Селище, как правило, не имеет внешних признаков, что затрудняет его поиски при археологических раскопках. Оно обнаруживается по наличию культурного слоя и находкам отдельных предметов, принадлежавших его древним обитателям. В древнерусских текстах лексема *сѣлище* использовалась в значениях 'жилище, место бывшего села', 'поле, пашня, угодье на месте бывшего селения' (Срезневский 3: 326). Полным синонимом является слово *сѣльбище* (Ушаков).

От *двор* 'крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками, отдельное крестьянское хозяйство', 'участок земли между домовыми постройками одного владения, одного городского участка', 'отгороженный от улицы участок земли с надворными постройками при отдельном доме, усадьбе' (праславянского происхождения: < **dvor-*, связано чередованием гласных с **dvьrь* — русск. *дверь* (Шведова 2007: 182), возводится к и.-е. **dh̥uer-*/**dh̥uor-*, ср. др.-инд. *dvāram* 'ворота, дверь', лат. *forum* 'передний двор, рыноч-

ная площадь', лтш. *dvars* 'калитка' (ЭССЯ 5: 169)) производны *дворі́на* 'место бывшей деревни' (Костром.: Галич., Чухл.), *дворі́ще* 'место, где находилась деревня' (Волог.: У.-Куб.; Киров.: Халт.) (КСГРС). Последнее имеет соответствия в серб. *двѡрѣште* 'место, где раньше был двор', чеш. *dvořístě* 'место, где был двор', укр. *дворище* 'дворище, место, где был двор, усадьба' (ЭССЯ 5: 169).

Две лексемы имеют в качестве производящей основы *домов-* (< *дом* 'жилое здание' праславянского происхождения (**domъ*), имеет индоевропейские корни: и.-е. **domos*/**domus* «обозначало не строение, а общественную организацию, семью» (Шведова 2007: 208)): *домові́на* 'место, где когда-то стоял дом' (Костром.: Костр., Сусан.) (ККОС: 101–102), (Яросл.: Дан.) (ЯОС 4: 13), *домові́ще* 'то же' (Волог.: Сямж.) (СВГ 2: 43), (Карел.: Медв.) (СРГК 1: 483), (Яросл.: Бор., Ив.) (ЯОС 4: 13).

Прозрачна внутренняя форма наименований *печі́ще*, *печі́ща* 'место прежнего житья со следами стоявших тут когда-то печей' (Волог.: Вель., Кадн., Ник., Тот.) (Дилакторский: 359), *печі́ще* 'место, где раньше стоял дом' (Яросл.) (Мельниченко 1961: 145), (Яросл.: Люб., Перв., Пош., Преч.; Костром.: Костр.) (ЯОС 7: 104). Лексемы производны от *печь* 'сооружение (из камня, кирпича, металла) для отопления помещения, приготовления пищи на огне, на жару' (праславянского происхождения: < **pektъ*, производному с суффиксом *-тъ* от глагола **pekti* (> русск. *печь* 'приготавливать пищу сухим нагреванием на жару, в печи')) (Шведова 2007: 641). Лексема *печі́ще* является распространенным в прошлом на Европейском Севере России названием формы семейной общины, а затем (в XVI–XVIII вв., а в некоторых районах и в XIX в.) формы землевладения и сельского поселения, состоявшего из нескольких родственных семейдворов. Каждая семья имела право на определенную долю в сельскохозяйственных угодьях печища. Эту долю можно было продать, завещать, унаследовать, раздробить на более

мелкие части при условии согласия всех дворов-семей, составлявших печище (подробнее см. [Косвен 1963: 65–76]).

Слово *монастырище* 'место, где находился монастырь и его владения' (Волог.: Кир.) (КСГРС) является образованием от *монастырь* 'религиозная община монахов или монахинь, представляющая собой отдельную церковно-хозяйственную организацию', 'территория, храм и все помещения такой общины' (< ср.-греч. *μοναστήριον, μοναστήριον* 'уединенное место' < *μονάζω* 'жить в одиночестве' < *μονή* 'пребывание на месте', 'остановка, медление', 'место жительства', 'жилище' (Вейсман 1991: 824)) (Шведова 2007: 458). Лексема *монастырище* представлена в названии украинского города *Монастирище*. Существует легенда о том, что название *Монастирище* возникло из слов *монастырь* на *пепелище*. По преданию, в этой местности было несколько монастырей, один из которых был каменным, а другие из дерева. В XVI в. во время пожара все помещения монастыря были уничтожены, кроме каменного, который имел чёрный, обугленный вид.

Лексемы анализируемой группы имеют словообразовательное подобие: маркированы суффиксами *-ина*, *-ица*, *-ище*.

Литература

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: [в 2 ч.] / С предисловием Р. О. Якобсона. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 1328 с. : ил., табл.

Книга большому чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 232 с.

Косвен М. О. Северо-русское *печище*, украинские *сябры* и белорусское *дворище* // Советская этнография. 1950. № 2. С. 65–76.

Обозначение процессов, направленных на деструктивное изменение объектов материального мира, в речи носителей донских говоров

Н. А. Тупикова, Н. А. Стародубцева

В статье рассматриваются глаголы, характеризующие деструктивные изменения неодушевленного объекта. Описанию подвергаются единицы, широко представленные в живой речи носителей донских говоров Волгоградской области и в содержательном плане связанные с темами разделов программы ЛАРНГ «Трудовая деятельность», «Материальная культура», «Питание». Разграничена семантика процесса изменения под влиянием механического (физического), немеханического воздействия, а также саморазрушения объекта. Выявлена иерархия сем в структуре значения выделенных групп слов, определяющая их функциональный потенциал и позволяющая выступать системообразующими элементами как парадигмы, так и конкретного высказывания.

Ключевые слова: лексикон диалектоносителей, донские говоры, семантика, глагол.

Русская диалектная лексикология в настоящее время располагает большим количеством работ, посвященных исследованию тематических объединений и лексико-семантических групп и рассматривающих сложные взаимоотношения «общенародного и местного (диалектного) фонда в системе диалектного словаря» [Сороколетов 2011: 192]. Сбор сведений по Программе ЛАРНГ, позволяя вести обследование территории распространения говоров не только «вширь» (по разным населенным пунктам), но и «вглубь» (то есть производить больше записей речи лиц разного пола, возраста, образования, профессии и т. д. в одном отдельно избранном по-

селке, городе, селе) [Герд 1994: 84], высвечивает «многие аспекты бытования русских говоров в том или ином регионе» [Мызников 2013: 412] и дает возможность изучать специфику организации важнейших семантических сфер лексикона диалектоносителей, среди которых одной из глобальных является система обозначений материального мира. Важное звено данной системы — отражение в языке многообразных процессов деструктивного изменения неодушевленных объектов окружающей действительности [Фаткуллина 2009: 142].

Рассматриваемый в статье материал встречается чаще всего при опросе информантов по таким темам, как «Полеводство», «Огородничество», «Плотническое, столярное, валяльное дело», «Прядение» (из раздела «Трудовая деятельность»), в беседах на темы «Жилище. Хозяйственные постройки. Строительство», «Домашняя утварь», «Одежда» (по разделу «Материальная культура»), в рассказах сельских жителей, связанных с темами «Пища и ее приготовление», «Напитки и их приготовление», «Блюда казачьей кухни» и др. (в рамках раздела «Питание»). Следует отметить при этом, что понятия деструкция и деструктивные изменения не обязательно связаны только с негативным воздействием на объект или его преобразованием. Такие процессы квалифицируются нами как положительное, отрицательное или нейтральное по отношению к названным признакам изменение чего-л. в результате действия ряда факторов внешнего либо внутреннего порядка.

В массиве фактов, извлеченных из электронного корпуса текстов — записей речи носителей донских говоров на территории Волгоградской области, глаголы, обозначающие процесс, направленный на деструктивные изменения объекта, представляют собой широкий круг тематически связанных слов. Анализ их функциональной семантики в контексте и обобщение имеющихся классификаций так называемых «глаголов деструктивного действия», «глаголов деструктивной семантики» в работах ученых [Бураихи 2011; Васильев

2009; Кузьмина 2006; Нахрачева 2014; Разова 2003; Тупикова, Стародубцева, Нагина 2013; Фаткуллина 2010; и др.] позволяет следующим образом определить семантико-смысловый объем указанной лексической группы: обозначение процесса нарушения прежней структуры или свойств объекта с точки зрения макроструктуры (внешней формы объекта) или микроструктуры (внутренних качеств) в результате механических (физических), немеханических, температурных, химико-биологических и других процессов, приводящих к изменению и видоизменению чего-л., переходу в новое состояние, к саморазрушению объекта, прекращению прежнего функционального существования, вплоть до уничтожения объекта. В этой связи в данном исследовании выделяются три основные лексико-семантические группы единиц: 1) обозначающие процессы, направленные на деструктивные изменения объекта под влиянием механического (или физического) воздействия, 2) обозначающие процессы, направленные на деструктивные изменения объекта, связанные с воздействием немеханического характера, 3) обозначающие процессы, воспринимаемые как саморазрушение объекта под воздействием различных факторов.

Наиболее частотное наименование процессов, которые приводят к деструктивным изменениям объекта под влиянием механического (или физического) воздействия. Это глаголы активного воздействия, производимого человеком при помощи орудия или без него (названного или не названного в контексте), вызывающего повреждение, разрушение либо уничтожение, то есть какие-либо изменения в форме, структуре, свойствах объекта, что приводит к невозможности выполнения ранее присущих ему функций. Категориально-лексическую сему (КЛС) слов первой группы можно сформулировать как 'осуществление процесса активного деструктивного физического (или механического) воздействия на объект'. Процесс повреждения, то есть видоизменения или нарушения целостности объекта при воздей-

ствии (микроструктурные изменения), связан с представлением о полном или частичном деструктивном изменении поверхности, внешней либо внутренней формы, структуры, свойств объекта. Названная семантика выражается при реализации ряда интегральных и дифференциальных семантических признаков. Интегральный признак (интегральная сема) (ИС) ‘характер осуществления процесса’ может актуализироваться в дифференциальном признаке (дифференциальной семе) (ДС) ‘изменение в результате резкого силового давления, удара’: *бить, вз(за)бивать, долбить, идти (на долбёжник), стучать, ударять* и др.; в ДС ‘изменение в результате нерезкого жесткого давления’: *вдавливать, давить, жать, утаптывать, утрамбовывать (кизяка), топтать* и др.; с помощью ДС ‘изменение в результате длительного активного воздействия’: *выравнивать, месить (кизеки), мять, расчесывать (пух, шерсть), снимать (шкурку), (со)скоблить, строгать (стругать / струнуть), тереть (на терке), тесать, точить, чесать* и др. При этом наблюдается использование как общеупотребительной, общенародной лексики, так и специальной, например: *шкурить* — ‘обдирать, очищать кору с бревна’, *отфуговать (полы, потолки) киянкой* — ‘выравнивать фуганком, киянкой’, *забивать рубанком* — ‘строгать дерево рубанком’. В речи диалектоносителей выявлены случаи использования также специфических обозначений, свойственных речи донских казаков, например: *у кого нету* (маслица), *они солеными охурцами натирают сковороду и тоже переворачивают эти блины, чтоб не пригорали* (Кривцова Вера Алексеевна, 1923 г. р., хутор Калачевский Киквидзенского р-на). ИС ‘способ осуществления процесса’ выражается в ДС ‘изменение в процессе деформирования внешнего вида объекта’: *повреждать, погрызть (деревянные ложки), расплющивать, соскоблить (кирпичами слой дерева)* (т. е. повредить верхнюю часть стола во время его чистки), *ссу-*

чивать (т.е. скручивать пряжу в две нитки на прялке); с помощью ДС ‘изменение в процессе проникновения внутрь объекта’: *выдалбливать, выпиливаться, вырубаться, долбить / копать (окопы), пробивать (дыры, бородки разные), прорезывать, сверлить*; в ДС ‘с помощью силы тяжести, массы чего-л.’: *валять (валенки), выделывать (овчины), давить, жать, мять (перекати-поле, колючку), прессовать (головки конопли), толочь* и др. Здесь также, наряду с общеупотребительной, отмечена специальная лексика: *зарезать (фризерным шипы)* и др., встречаются диалектизмы: *пахтать / перепыхтать / толочь (сметану)*: *Вот такая вот пахтушка, и в ней, значить, такая крестовина с палкой вот была, посодють, ну ты пахтай на ней вот сметану. Вот толкёшь, вот оно получается масло* (Скворцова Клавдия Петровна, 1924 г. р., г. Урюпинск). ИС ‘степень изменения объекта’ представлена в ДС ‘поверхностные изменения объекта’: *гладить (белье), комкать, наскоблить (ножом корень), обтесывать, оskabливать, отмывать, отскоблить (стол), отстирывать, оттирать, поотмыть (стенки), проглаживать, промылить, сглаживать, соскрести (пыльцу с конопли), утюжить*; в ДС ‘очищение, удаление внутренней ткани, частей или частиц чего-либо’: *косить, отдевать, очищать, полоть, просеивать, прошелушивать, сбивать* и др.; в ДС ‘изменение функциональных свойств, функционального состояния объекта’: *острить, оттачивать* и др. Орудие осуществления действия в таких контекстах может быть выражено эксплицитно и имплицитно.

Доминирование значения разрушения наблюдается при наименовании процессов, приводящих к нарушению структурной, внутренней целостности, изменению функционального назначения объекта (макроструктурные изменения). Названные выше интегральные семантические признаки реализуются в этом случае в таких ДС, как ‘полное разрушение

объекта': *громить, колоть, крушить, разрушать* и др.; ДС 'разделение, разъединение целого на части, составляющие или частицы': *драть, (на)молоть, (на)ломать, обталкивать, передробить, перемолоть, пилить, раздробливать, раскрыть (на циркульной / фуговочной пиле), резать, рубить (железо, кизеки, коноплю; рубаком, топором), толочь (пшеницу, бут) (бут — в донских говорах 'сорт многолетнего лука, выращиваемого на зелень')* (СДГВО: 60) и др.; с помощью ДС 'членение или отделение': *обрывать, отрывать, рвать / срывать (табак, тёрён и т. д.), сечь, срезать, холостить* и др. Например: *В ступках толкли, обталкавали её (пшеницу), её раздробливаешь* (Калачева Нина Михайловна, 1930 г. р., хутор Калачевский Киквидзенского р-на); *Её (кукурузу) же тоже дробили... ей давали выспевать, её дробили и делали кашу, потому что уречки-то не было тогда... Понятия у нас не было про уречки* (Петров Николай Степанович, 1940 г. р., хутор Дёминский Новоаннинского р-на); *Все бут толкли, бут много сажали. Бут этот толкут, и эту лапшу ели; Кизеки месили, рубили рубаком и топили* (Кривцова Вера Алексеевна, 1923 г. р., хутор Калачевский Киквидзенского р-на). Следует отметить случаи функционально-семантического сближения базового глагола *разрушать*, имеющего обобщенное значение в типовом сочетании с существительными лексико-семантической группы «сооружение, помещение», и глагола *разбирать* с конкретизированным значением процесса разрушения по способу изменения объекта. Например: *До этого у нас так церковь разобрали, и ее оборудовали как под клуб... Ну и там приделали кинобудку такую, и вот привозили нам кино такое, вот крутит стоит там киномеханик, и немое... где называется алтарь по церковному, там повесили полотно как занавес... А вот это вот значит место как раз само, вот алтарь, где вот тут дверь открыта, это вот половина коридора еще там было отломано, и она, дверь была открыта, знаешь, какое попа-*

дало... Вот эту вот церковь, что она действительно была... Ну как ее разрушали?... Раньше она была охорожена хорошо, а потом начали вот это вот, колокол разбивать... и тут это, разбили эту сторону со стороны запада, пристрой кирпичный сделали... а потом всё, и всё и чуть ободрали (Калачева Нина Михайловна, 1930 г. р., хутор Калачевский Киквидзенского р-на). В приведенном фрагменте глаголы с обобщенным значением (*разрушить* — ‘ломающая, превратить в развалины’) и конкретизированным (*разобрать* — ‘разъединить на части’) сближаются по смыслу на функционально-семантическом уровне. Здесь можно говорить о явлении «диффузности» семантики, при котором в определенных контекстах отдельные значения или смыслы слов взаимно проникают друг в друга, совмещаются при употреблении [Кузнецова 1999: 174; Смулаковская 1987: 64] и могут актуализировать одновременно признаки разных лексико-семантических парадигм [Тушикова 1998: 207]. Кроме того, в приведенном контексте глаголы со значением процесса, направленного на деструктивные изменения объекта, обнаруживают способность вступать в отношения включения: наименованием общего факта действия в контексте служат глаголы *разрушить* / *разобрать* (*церковь*), а составляющими способами осуществления деструктивного воздействия, приводящего к изменению функционального назначения объекта, выступают процессы, названные глаголами *разбивать* / *разбить* (*колокол, сторону со стороны запада*), *отломать* (*половину коридора*), *ободрать* (*всё*), *оборудовать* (*под клуб*).

Глагольная лексика в речи диалектоносителей используется для выражения таких процессов деструктивного изменения объекта, в результате которых он подвергается уничтожению, то есть прекращает свое существование в прежнем качестве. Здесь в основном отмечен глагол *уничтожить* с обобщенным значением: *уничтожить* (*всё, поля* и др.), а также глаголы, в семантике которых отражается

способ деструктивного изменения объекта: *бомбить, жечь (дворы), сжигать (черепашку), вырывать (с корнем), сшибать (под корень), повырубить* и др.

Вторую группу анализируемых единиц составляют глаголы, обозначающие процессы, направленные на видоизменение либо нарушение структуры, свойств объекта в результате действия факторов немеханического характера. КЛС этих лексем можно сформулировать как 'осуществление процесса деструктивного немеханического воздействия на объект'. Ее реализация встречается при актуализации ИС 'характер осуществления процесса', представленной в ДС 'изменение в результате действия внешних факторов': *заквашивать, перетопить, сквашивать (молоко / обрат)* и др.; в ДС 'изменение в результате действия внутренних факторов': *остывать* и др.; при актуализации ИС 'степень изменения объекта', выраженной с помощью ДС 'изменение функциональных свойств, функционального состояния объекта': *зажариваться* (о молоке), *утопиться* (о молоке в печи) и др. Контекстуальное использование глаголов свидетельствует о том, что функциональная семантика этих лексем отличается диффузностью названных сем разного уровня: *Сметану перепахтал, перетопил, слил — вот и масло тебе топленое, своё, вкусное* (Александрова Антонина Владимировна, 1936 г. р., хутор Калиновский Киквидзенского р-на); *Каймак просто... Вот вечером подую корову — и в духовку, он зажарится, эт молоко, чтоб аж до черна была эта пленка, вынимаю и ставлю ее в холодильник. Поставил он, остыл совсем — вот снимаешь каймак, а там остается молоко* (Скворцова Клавдия Петровна, 1924 г. р., г. Урюпинск). Чаще всего КЛС указанных глаголов выражается через ИС 'способ осуществления процесса', что связано с ДС 'изменение под воздействием химико-биологических процессов': *сушить (яблоки, табак, кизеки), вымачивать (тёрн, шампиньоны), отмачивать (коноплю)* и др.; реализуется с помощью ДС 'изменение под воз-

действием температурных процессов': *(за)жарить* (*грибы, молоко, рыбу, на свином жирку* и др.), *варить* (*грибы*) и др. Например: *...и жарили, и вымачивали, и варили шампиньон(ы) синистопкий... чернопузики — на навозе... уговорюшки ещё у нас. уговорюшки — опять вот это такие* (Мокренко Пелагея Николаевна, 1947 г. р., хутор Дёминский Новоаннинского р-на). В рассказах о казачьей кухне, напитках и их приготовлении встречаются специфические слова, значение которых не зафиксировано в словарях донских говоров, в частности, различные образования от глагола *жарить* в сочетании с вещественным существительным *молоко*, называющим жидкий продукт, например: *Помню я их, эти черепушки... Они ими пользовались... цедили молоко, становили в печку, зажаривали в этих черепушках или в махотках* (Иванова Дина Васильевна, 1938 г. р., с. Большая Ивановка Иловлинского р-на). Значение в данном контексте реализуется при нарушении типовой сочетаемости глагола *жарить*.

Третью группу выделенных лексических единиц составляют немногочисленные глаголы, обозначающие процесс самопроизвольного разрушения и реализующие КЛС 'осуществление процесса изменения структуры или функциональности объекта, независимого от воли субъекта или неизбежного в результате воздействия ряда факторов'. Семантическая структура данных единиц содержит различный набор выделенных ИС и ДС, позволяющих выражать направленность процесса на внутренние изменения объекта (под влиянием временных и др. факторов): *увариваться* (о количестве сока из помидор при долгом кипячении), *отстывать* (о сроке изготовления масла из сметаны), *полопаться* (об испеченном хлебе, перестоявшем по времени в печи), *прошелушиться* (об отделении кожуры от зерен семечек при долгом кручении механизма) и др.; изменения, обусловленные природными и погодными условиями: *смерзнуться* (о продуктах в погребе), естественными химико-

биологическими реакциями: *(за)бродить* (о ягодах), *перекиснуть* (о тесте) и др.; саморазрушение вследствие процессов порчи, утраты функционального назначения объекта: *Борщ до вечера он никуда не прокисал в этой русской печке* (Кривцова Вера Алексеевна, 1923 г. р., хутор Калачёвский Киквидзенского р-на); изнашивание объекта: *пробиваться* (о дырках на валенках: *валенки пробились*) и др.; повреждение, деформацию или производственную амортизацию в результате использования человеком: *полететь, рассыпаться* (о коробке у трактора), *обломаться* (о «крыльях» ручного механизма для сбивания масла) и др.

Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что глаголы со значением процесса, направленного на деструктивные изменения неодушевленного объекта материального мира, разнообразны по своей семантической отнесенности. Они широко представлены в лексиконе носителей донских говоров и включают, в том числе, специфические для речи данной этнической группы единицы. Их использование требует детального описания на основе подхода, который предполагает «внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка» [Вендина 2013: 105]. Изучение глаголов выделенных групп способствует выявлению отношений элементов системы, пронизывающих и определяющих семантическую структуру как отдельного слова, так и целых лексико-семантических групп, тематических единств. Функциональный аспект анализа материала открывает семантический потенциал языковых единиц, связанный, в частности, с диффузностью их значений, что дает возможность лексемам выступать не только системообразующими элементами парадигмы, но и ключевыми компонентами, определяющими развертывание конкретного высказывания, внутреннюю организацию текста на основе экспликации и импликации взаимобусловленных смысловых связей.

Литература

Бураихи Ф. К. Глаголы деструктивного воздействия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 23 с.

Васильев Л. М. Общая структура семантического поля предикатов воздействия // Система языка: синхрония и диахрония: Межвузовский сборник научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 31–34.

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и принцип системности в лингвогеографической проекции лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 102–118.

Герд А. С. Советы диалектолога // Русская речь. 1994. № 5. С. 81–86.

Кузнецова И. Е. Диффузность семантики диалектных глаголов эмоционального отношения // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю. С. Сорокина. СПб.: Наука, 1999. С. 174–179.

Кузьмина С. Е. Семантика английских глаголов со значением уничтожения: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 224 с.

Мызников С. А. Полевые исследования для ЛАРНГ и некоторые проблемы пермско-русского взаимодействия на территории Удмуртии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 412–424.

Нахрачева Г. Л. Семантика и функционирование глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта): дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2014. 166 с.

Разова Е. В. Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2003. 178 с.

Смулаковская Р. Л. Лексико-семантические отношения в тексте (функционально-коммуникативный аспект). Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1987. 72 с.

Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика как система // Ф. П. Сороколетов. Избранные труды. СПб.: Наука, 2011. С. 191–200.

Тушикова Н. А. Формирование категории инперсональности русского глагола. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. 263 с.

Тушикова Н. А., Стародубцева Н. А., Нагина И. А. Глаголы со значением физического воздействия на объект в устной речи носителей донских говоров (на материале полевых исследований в Киквидзенском районе Волгоградской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 560–568.

Фаткуллина Ф. Г. Метафоризация глаголов деструктивной семантики // Система языка: синхрония и диахрония: Межвузовский сборник научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 141–146.

Фаткуллина Ф. Г. Типы лексической сочетаемости при глаголах деструктивной семантики // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 3 (I). С. 1050–1054.

Названия белки и её детёныша
в русских народных говорах:
лексико-словообразовательный аспект
(по данным «Лексического атласа
русских народных говоров»)

М. В. Флягина

В статье рассматриваются разнообразные названия белки и её детёныша, существующие в русских диалектах. Автор останавливается на словообразовательных вариантах и частотности распространения некоторых из них. Привлекаются данные истории бытования названий и их этимологии. Делается вывод о том, что в современных русских говорах преобладают общерусские наименования, что вызвано в немалой степени влиянием литературного языка. Лексема *белка*, потеряв свой дополнительный дифференциальный признак (быть названием особой породы животного), с одной стороны, фактически покрывает всю территорию русских говоров, с другой стороны, демонстрирует широкие деривационные возможности.

Ключевые слова: русские диалекты, лексема, словообразовательные варианты, диалектная зона.

Название зверька *Sciurus vulgaris* в русском литературном языке и его говорах представлено рядом лексем, среди которых есть как слова общерусского распространения, так и слова, имеющие ярко выраженный узколокальный характер. Данные словарей и в большей мере Картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» показывают, что в обобщенном значении повсеместно доминирует общеупотребительное слово *белка*.

По мнению авторов этимологических и историко-этимологических словарей, слово **белка** является древнерусским по своему происхождению. Этимология названия совершенно прозрачна: др.-русс. **бѣлка** образовано с помощью суффикса **-ѣк-** от прилагательного **бѣла**. «Название, данное животному по цвету меха, первоначально относилось к белой — очень редкой и дорогой — породе белок» (ЭСРЯШ 2: 87).

Др.-русс. **бѣлка** и **бѣла** употреблялись в следующих значениях:

1) зверёк, шкурка белки: «коли свиния почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится» (Мол. Дан. Зат.);

2) денежная единица: «В лѣто 6576*. Дворъ же князь разграбиша, бецисленное множество злата и сребра, кунями и бѣлью» (Пов. вр. лет.); «В лѣто 6623... И повелѣ Володимеръ рѣжючи паволокы, орници, бѣль разметати народу» (Пов. вр. лет) (СлРЯ XI–XVII 1).

По мнению этимологов и историков русского языка, изначально употреблялось словосочетание **бѣла вѣверица** как для обозначения собственно зверька, так и его шкурки, морфологизация (суффиксация) данного словосочетания привела к появлению слова **бѣлка** преимущественно как названия зверька и иногда как названия денежной единицы. Справедливость данных выводов косвенно подтверждается материалом современных русских говоров. Так, в комментарии карты 218 «Белка» пробного выпуска «Лексического атласа русских народных говоров» приведена следующая иллюстрация: «*Белка белая, она не бегаёт по деревьям. А векша красная, бегаёт по деревьям. Пойдём, бывало, в мох, она с дерева на дерево прыгает*» (п. 123. Новгородская обл., Солецкий р-н).

Из территориально ограниченных наименований прежде всего обращает на себя внимание лексема **векша**, имеющая преимущественно севернорусскую локализацию, о чем свидетельствуют не только данные карты 218, но и материалы к разрабатываемым картам 219 «Самка белки» и 220 «Детё-

ныш белки» (названия с корнем *векш-* имеют то же самое распространение). Об этом же свидетельствуют и данные исторических словарей.

Др.-русск. **вѣкъша** встречается в северных памятниках также в двух значениях:

1) зверёк: «Вѣдась **вѣкъшую**» (Берест. гр. № 120);

2) денежная единица: «107... а о инех о всех тяжь, кому помогутъ, по 4 куны, а метелнику 6 векошь» (Русская Правда); «А от новгородьця и от новоторьця у мыта имати от воза по 2 векши» (Грам. Новг.) (СЛРЯ XI–XVII 1).

По мнению М. Фасмера, древнерусское **вѣкъша** (как и диалектное *вашка* (см. СРНГ 4: 79)) проникли из финно-угорских языков (Фасмер 1: 287, доп.), чем и обусловлена их севернорусская локализация, хотя С. И. Котков в «Очерках по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков» пишет о том, что «название векша было знакомо носителям и северно- и южновеликорусских говоров» [Котков 1970: 133]. Данные «Лексического атласа русских народных говоров» позволяют расширить территорию бытования слова в современных русских говорах: помимо севернорусских говоров *векша* спорадически фиксируется и в среднерусских, и южнорусских говорах Смоленской, Московской, Нижегородской, Рязанской, Орловской областей. Таким образом, южная граница распространения лексемы — орловские говоры.

Наряду с лексемами широкого употребления (*белка* и *векша*), в современных русских говорах, по данным «Словаря русских народных говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров», известны диалектные наименования, имеющие узкий ареал или (чаще) точечные фиксации: *белянка* (псковские, владимирские говоры), *белица* (вологодские, тверские, нижегородские говоры). Оба наименования сохраняют первичный дифференциальный признак — мотивированы значением прилагательного *белый* при отсутствии в производящей основе суффикса *-к-*. Примеры упо-

требления: «*А так же она и будет, как ужю сказано, — белянка*» (п. 437); «*Та, что рыжая, это значит белянка, а от чё так зовётся, знать не знаю*» (п. 437).

В материалах «Лексического атласа русских народных говоров» содержится также слово с единичной фиксацией **вывюрка** (в донских говорах), вне всякого сомнения, восходящее к др.-рус. **вѣверица**, этимологизируемое как отглагольное наименование с удвоенным корнем ***ver-** ‘гнуть, изгибать’ (зверёк обладает очень гибким телом). В русском литературном языке и в говорах **вѣверица** не сохранилось, однако хорошо известно в украинском языке и его диалектах (ср.: **вівериця**, **вивірка**), откуда скорее всего и иррадиировало в донские пограничные говоры. Ещё один украинизм в том же значении зафиксирован в кубанских говорах — **крутныця**.

Особого внимания заслуживают наименования самки белки и детёныша белки, так как именно эти апеллятивы демонстрируют дальнейшую эволюцию указанных выше лексем (прежде всего лексем **белка** и **векша**) и их деривационные возможности. Неоценимую помощь в исследовании этих вопросов оказывают материалы «Лексического атласа русских народных говоров» (вопросы 219 и 220).

Среди названий самки белки доминирует общерусское слово **бельчиха**. Исследователи отмечают, что в настоящее время в современном русском литературном языке суффикс **-их(а)**, большинство образований с которым расценивались в начале XX в. как принадлежность только разговорной речи, является особо продуктивным для образования наименований самок. И если в литературном языке наименования самок животных с суффиксом **-их(а)** образуются только от основ существительных мужского рода (**бобриха**, **барсучиха**, **лосиха** и т. п.), причем сегодня уже без каких-либо стилистических ограничений, то в говорах, как мы видим, возможны подобные дериваты и от других основ (например, от **белка** — **бельчиха**, или **бел(а)** — **бѣлиха** (п. 809), уменьш.

бѣлишка (п. 846): «*бѣлиха прыгает с ветки на ветку*»). Суффикс *-их(а)* признается общим для всех восточнославянских языков в названиях животных (рус. *ежиша*, укр. *їжачиха*, белор. *вожычыха*; рус. *зайчиха*, укр. *зайчиха*, белор. *зайчыха* и т. д.). Среди диалектных названий самки белки с корнем *бел-* встречаются и другие дериваты: с суффиксом *-иц-* (*белица* (п. 66, 219, 358, 800, 871)), с этим же суффиксом в материалах отмечено слово *самица*, с суффиксом *-ух-* (*белуха* (п. 877)), *-ушк-* (*белушка* (п. 240)), *-уз-* (*белчуга* (п. 828)), *-он-* (*бельчона* (п. 815)). Суффикс *-ух-* является также продуктивным при образовании названий самки белки от других корней: *векшуха* (п. 183), *рыжуша* (п. 32).

В большом количестве отмечены в говорах случаи употребления уменьшительной формы *белочка* в значении 'самка белки', что, на наш взгляд, объясняется объективными экстралингвистическими факторами: по наблюдениям диалектоносителей, самка отличается меньшими размерами по сравнению с самцом.

Необходимо отметить, что в значительной части современных говоров лексемы *белка* и *векша* употребляются недифференцированно как в качестве общего названия животного белка, так и в качестве обозначения самки белки, о чем свидетельствуют в материалах Атласа многочисленные иллюстрации: «*А у них что она векша, что он. Векша в дупле живёт, шишки носит*» (п. 801); «*Самка белки — белка и есть, рыжая такая*» (п. 529); «*Белки сейчас с бельчонками уже в дуплах сидят*» (п. 518); «*Белка она и есть белка: что самка, что самец*» (п. 436); «*А какая разница: белка и есть белка, у нас не различают, всё одно белкой называют*» (п. 431); «*Белка — это и он, и она, их обоих так называют, а я видела на дереве сидела, не знаю, она или он, ну белка и всё*» (п. 433); «*Неужели мы разбирались, где самка, где нет. Если он белка, она и подавно белка. Или векша ещё, как назовёшь*» (п. 380). Таким образом, диалектоносители сами указывают на слабую дифференциацию по полу.

Интересно заметить, что в литературном языке отсутствует отдельное наименование для самца белки, не отмечено такое название и в СРНГ, материалы же «Лексического атласа русских народных говоров» дают два слова с указанным значением: *беляк* (п. 442, 700) и *бельчак* (п. 344): «*бельчиха-то шустрой бельчака*» (п. 344) «*бельчиха, а самец белки — беляк*» (п. 442). Оба слова образованы по продуктивной в говорах модели: производящая основа + *-ак/-як* (ср. *утак, гусак*).

Более широкие деривационные возможности демонстрируют названия детёнышей белки, в материалах Атласа зафиксированы наименования единственного и множественного числа. Основной уровень диалектного противопоставления в лексико-семантической группе образуют лексемы с корнями *бел-* (*белёнок, бельча, бельчата, бельчатки, бельчельняшка, бельченёнок, бельчонок, бельчентя, бельченята, бельчик, бельчонки, белята, белентята, бельчонка, беленёнок, белёк*) и *векш-* (*векшонок, векшата, векшенята*). Предварительный лингвогеографический анализ материала карты ЛСЛ 220 свидетельствует о том, что на большей части картографируемой территории преобладает общерусская коррелятивная пара *бельчонок — бельчата*, она противопоставлена на всей территории диалектной паре *бельченёнок — бельченята*, которая, однако, уступает по степени распространенности общерусским *бельчонок — бельчата*. Дериваты от корня *векш-* (*векшонок, векшата, векшенята*) предсказуемо распространены лишь в севернорусских говорах.

В русских говорах, как и в литературном языке, имена существительные со значением незрелости образуются путём присоединения к производящим основам суффикса *-онок-* (*-ёнок-*) в единственном числе и *-ат-* (*-ят-*) во множественном числе. Материалы Атласа демонстрируют также высокую продуктивность суффиксов *-енёнок-*, *-енята-*, непродуктивных в литературном языке. Деривация при этом мо-

жет происходить от разных основ (ср. *белёнок* — *белята*, *беленёнок* — *беленята*).

Среди форм множественного числа отмечаются также дериваты, у которых основа множественного числа равна основе единственного числа, т. е. образование множественного числа происходит с тем же суффиксом (и с беглым гласным *o* в суффиксе): *бельчонок* — *бельчонки*. Форма *бельчонки* имеет дисперсный ареал распространения на картографируемой территории, при этом часто наблюдаются параллельные формы: *бельчата* — *бельчонки*.

Анализ материала карты ЛСЛ 220 показывает, что значительно реже в образовании наименований детёнышей белки участвуют другие суффиксы (*-еня*, *-ёныш*, *-атк(a)*, *-чик-*, *-j(a)*, *-ёк-*), как правило, такие лексемы имеют ограниченный ареал: *бельчá* (пп. 866, 1018, 1027), *бѣльчик* (пп. 652, 965, 985). Многие диалектные наименования точно представлены на карте русских говоров: *бельчельняшка* (пп. 16, 22), *бельченя* (пп. 764, 1059), *белѣк* (п. 845а), *белѣныш* (п. 80); *бельчáтка* (п. 1016); *бѣльчий* (п. 509); *бельчóнка* (п. 359).

В целом в современных русских говорах преобладают общерусские наименования, что вызвано в немалой степени влиянием литературного языка. Можно констатировать тот факт, что лексема *белка*, потеряв свой дополнительный дифференциальный признак (быть названием особой породы животного), с одной стороны, фактически покрывает всю территорию русских говоров, с другой стороны, демонстрирует широкие деривационные возможности. Лексема *векша* и её дериваты продолжает играть активную роль в севернорусских диалектах и даже имеет расширение ареала употребления к югу от первичной зоны распространения.

Литература

Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М.: Наука, 1970. 315 с.

Костромская микропонимия как источник сведений для ЛАРНГ (названия оврагов)

Е. В. Цветкова

Статья посвящена характеристике костромской микропонимии, которая образована на основе местной географической терминологии, номинирующей овраги. Микропонимия не только сохраняет в себе географическую терминологию, подтверждая её наличие в костромских говорах, но и раскрывает её особенности, дополняет сведения о ней. Микропонимы, соответствующие теме «Овраги», могут являться источником информации для соответствующих карт ЛАРНГ.

Ключевые слова: костромская микропонимия, оронимия, названия оврагов, костромские говоры, местная географическая терминология.

*Мой милёночек-дурак
Повалился в энтот враг.
За измену, дурачина,
Тебе энтая вражина.*

*Все пришли, все пришли
И на лавки сели.
Твоего и моего
Волки что ль во враге свели?*

В этих частушках, а также и в других устных народных сочинениях, рисующих окружающий мир, представлен образ одной из значимых частей костромского ландшафта — оврагов¹. Такие образы, даваемые в переплетении с различными сведениями о жизни людей, их переживаниях, отно-

¹Овраг — глубокая длинная впадина на поверхности земли, образовавшаяся от действия дождевых и талых вод (БТСРЯ: 695). Овраг — глубокое крутосклонное русло, созданное временным водотоком на приподнятых равнинах или на склонах лощин и возвышенностей, сложенных рыхлыми породами. Линейно вытянутая эрозионная отрицательная фор-

нении друг к другу, ко всему, что окружает, не случайны. Народное представление особенностей рельефа местности соответствует реальной действительности. Поверхность Костромской области имеет характер холмистой равнины, на которой можно наблюдать различные формы рельефа: моренные гряды, холмы, низины, овраги, речные долины (см. [Королев и др. 1971] и др.). Большое количество оврагов, сочетающихся с другими видами низменных мест, равнинной и возвышенной поверхностью, не могло не вызвать появления многочисленных, разнообразных их наименований. Это собственные названия (в основном микротопонимы) как самих оврагов, так и других каким-либо образом связанных с ними объектов.

Оронимия данной тематики практически полностью соответствует нарицательной лексике — народной географической терминологии, номинирующей овраги. В материалах картотеки Костромского областного словаря имеются, например, такие географические термины, как *враг*, *вра́жск*, *вра́жсина*, *овра́жсина*, *овра́жсин*, *овра́жсье*, *ба́лка*, *барáк*, *буера́к*, *верте́н*, *дол*, *крути́к*, *курна́г*, *лог*, *лощи́на*, *потóк*, *ров*, *рóвина*, *ры́твина*, *угóр*, *шалы́га*, *щелы́га*, *яр*, *яру́га*, *яры́га* и др. (см. также (Ганцовская 2015; ККОС)), соответствующие тематике карт ЛАРНГ (СМ 404; ЛСЛ 407; СМ 391). Практически все эти лексемы в значении ‘овраг’, как свидетельствуют материалы СРНГ, областных словарей, научных исследований, известны и другим говорам. Например, в орловских говорах есть слова *ба́лка*, *буера́к*, *ров*, *ры́твина* и др. [Бурко 1994], в пермских — *буера́к*, *ба́лка*, *враг*, *лог*, *ров* и др. (Полякова 2007); слово *барáк* имеется в говорах Поволжья, самарских, куйбышевских, пензен-

ма рельефа. Энергичное образование и рост оврагов особенно проявляются во время ливневых дождей. Овраг бывает береговой, верховой, вложенный, донный, первичный. Расчленив пашни, луга, овраги причиняют большой вред сельскому хозяйству. Овражно-балочный тип эрозионного рельефа наиболее развит в степной зоне (по Энциклопедическому словарю географических терминов и др., см. (Мурзаев 1984: 404)).

ских и мн. др.; *ры́твина* — в вологодских, горно-алтайских; *лог* — в архангельских, вятских, пермских, курских, тамбовских, воронежских и мн. др.; *вертён* — в калужских, смоленских, пермских; *буера́к* — в вологодских, московских, тверских, саратовских и мн. др. (СРНГ). Наиболее употребительными в речи жителей Костромского края являются местный географический термин *враг* (происхождение его точно не установлено; в русские говоры он, возможно, пришёл из тюркских, в которых имел значения ‘овраг’, ‘долина’; связывают также с др.-рус. *вир* — ‘ключ’, ‘стремнина в реке’, с турец. *убрук* — ‘глубокая долина’, ‘низменность’ и др. (Фасмер 1: 115; Мурзаев 1984: 404)), известный многим русским народным говорам, и литературное слово *овра́г*. Характеризуются частотностью употребления в речи и их производные. Например: *В Буяко́ве-то, почита́й, два больш́их вра́га* (д. Новое Сусан.). *Вра́г-от глубок, а на дне ключ* (д. Аферово Костр.). *Зарос больно вра́г-от, не пройде́шь* (Сусан.). *Ручей во вра́ге весной течёт — не перейде́шь* (Чухлом.). *За вра́гом в лесу калины много* (Нерехт.). *Кругом одне вра́ги* (д. Корково Павин.). *За лесом находилс́я враг* (д. Безгачево Костр.). *За вра́гом — хранилище будет* (д. Кузьмищи Костр.). *Осталось один враг только скосить* (Костр.). *Тамади это, коло вра́га-то, между полями* (д. Лысенино Галич.). *Не упади, тут вра́жск небольшой* (Костр.). *Трава-то лучше по вра́жску* (д. Юркино Судисл.). *По этому вра́жску трава-то лучше* (п. Судиславль Судисл.). *Овцу-то мы в том вра́жке и нашли* (д. Ковалёво Нерехт.). *Вра́жков-то у нас много* (Антроп.). *Там вчера вра́жину размыло большую* (Галич.). *Там вра́жина глубокая, зимой еле вылезе́шь* (Сусан.). *Во вра́жину-то зайдите, там малины много бывает* (Буйск.). *Вра́жиной-то пройде́шь — и деревня* (Костр.). *Вон какую вра́жину размыло* (д. Красниково Судисл.). *Там пройтито — вра́жина какой! Зимой еле вылезе́шь* (д. Медведки Сусан.). *А тут одне овра́жины* (Кады́йск.). Другие географические термины не являются настолько широко употреби-

тельными. Например: *Дóлом овраг реже называют, но называют. А за озером часто говорят враг, и всё* (г. Галич). *Балки-то у нас неглубокие, да их и не очень много* (д. Балыново Солиг.). *У нас вся местность в буерáках* (д. Дренево Красн.). *Лог-от у меня за домом сразу* (Судисл.). *Да через нашу яру́гу давно пора мостик проложить* (д. Добрёна Галич.). *Весной в этой ры́твине большой ручей течёт, а летом цветов будет полно* (с. Романцево Буйск.). *В ло́щине-то ещё вода стоит, не пройдёшь* (Твердислево Солиг.).

В терминологии находят отражение особенности оврагов и их частей (величина, глубина, форма и т. д.), что в определённой степени продолжает сохраняться и в образованной на её основе микротопонимии. Так, например, **ба́лка** — это ‘сухой овраг’; **буера́к** — ‘неглубокий овраг’; **верте́н** — ‘глубокий, заросший овраг’, ‘большой, заросший овраг’, ‘большой овраг с непроходимым кустарником и лесом’; **курна́г** — ‘заросший, глухой овраг’; **лог** — ‘овраг, часто заросший травой, кустарником’; **ры́твина** — ‘небольшой овраг’; **ров** — ‘небольшой овраг’, ‘глубокий овраг с отвесными склонами’; **потóк** — ‘овраг, по которому весной течёт вода’; **вра́жсек** — уменьш. к **враг**, ‘небольшой овраг’; **вра́жчина** — увелич. к **враг**, ‘большой овраг’, ‘большой, глубокий овраг’; **крути́к** — ‘крутой склон оврага’, ‘край оврага’; **яру́га** — ‘овраг с крутыми склонами’; **яр** — ‘круча на краю оврага’, ‘крутой, обрывистый край оврага’ и др.: *Ба́лки-то у нас неглубокие, да и мало их. Вон за домом небольшую ба́лку размыло* (д. Куливёртово Солиг.). *У нас тут только овра́г, в нём ручей течёт, а ба́лок сухих нет* (д. Серапиха Чухлом.). *Уж какой глубины вра́жчина-то эта, никто не знает* (п. Николо-Полома Парфен.). *За деревней-то яру́га у нас, так вы уж поостерегайтесь переходить* (д. Петряево Солиг.). *Через этот верте́н ни за что не пройдёшь! Глубокий да зарос совсем* (д. Пустошки Шарьин.). *Только вдруг попадёшь в такие курна́ги, что упаси господи!* (Чухлом.).

Крути́к-от тот — место опасное (Вохом.). У нас лог-от глубокий был, да и деревьями порос весь (Шарьин.).

Многие из этих географических терминов в костромских говорах известны и в иных значениях (однако в основном в различной степени связанных со значением 'овраг'). Например, *буера́к* — это также и 'возвышенность', 'холм', 'труднопроходимое место (часто в лесу)', 'ров', 'ложбина', 'провал', 'яма', 'яма, вырытая половодьем', 'частые, густые заросли кустарника'; *ба́лка* — 'широкая ложбина', 'яма'; *ба-ра́к* — 'низина с водой'; *верте́н* — 'возвышенность', 'холм'; *вра́жьи́на* — 'канава', 'яма'; *крути́к* — 'крутой склон горы', 'крутой склон берега', 'обрыв', 'крутая гора', 'водоворот'; *барáк* — 'низина с водой'; *дол* — 'водный источник', 'болотистый исток реки', 'низкое место покоса', 'низ холма, горы', 'низ'; *ров* — 'глубокая канава', 'глубокая канава, вырытая в земле', 'глубокая канава, размытая дождём', *роби-на* — 'канавы', 'яма'; *уго́р* — 'возвышенность, холм', 'низина'; *яп* — 'крутой, обрывистый берег реки', 'обрыв' и т. д.

Микропонимия, образованная на основе указанной терминологии оврагов, в основном сохраняет в себе её семантику. И при этом она по сравнению с географическими терминами — нарицательной лексикой — обладает большими возможностями во включении в названия (и соответственно сохранении) самой разной характеристики именуемых объектов.

В обозначении оврага может быть выражено и положительное, и отрицательное отношение к объекту. Это и труднопроходимое, опасное, страшное, полное таинственности, связанное с нечистой силой место. Это и красивое место, в котором может находиться родник с чистой, вкусной водой, ручеёк. Здесь и ягодные, грибные места, и покосы, и прибежище для животных и т. д. Например: *На Рубе́жник-то страшно ходить одному, говорят, там нечистая водится* (д. Гуляевка Остров.). *Сегодня Враг ходили косить* (Антроп.). *Там за Вра́гом очень хорошая трава, можно мно-*

го сена засушить (д. Медведки Сусан.). *Пошлите в Ров за грибами, говорят, там опять много* (д. Сунгурово Красн.). *На дне Буерака лисью нору нашли* (д. Крусаново Парфен.). *А Лог-от всё больше зарастает, скоро его и не перейдёшь* (Мантур.). *Весной Лог воды полон, не переправившись, пока не высохнет* (Кадыйск.). *А вы спуститесь в Лог-от, там малины много* (Красн.). *Коровы-то на Крутикэ ходят* (Вохом.). *Смотри не свались под Яр!* (д. Гобино Кадыйск.). *Девичонки, пошли купаться на Яр!* (д. Коробейниково Костр.). *Овражин — овраг глубокий. В нём есть родники, куда ходили за водой. Здесь течёт по камням речка Телятевка. Сюда приходили за камнями* (д. Бабиково Судисл.). По оврагам подчас занимались и земледелием, поэтому слово **враг** в говорах известно и в значениях ‘участок для посева’, ‘расположенный в лесу участок для посева’: *Правда, немного, но сеяли всё-таки по врагам. На врагах-то редька сочная росла* (д. Гридино Красн.).

Многие микропонимы образованы на основе прямого перехода в них географических терминов. Преобладают наименования **Овраг** и **Враг** — в соответствии с самыми распространёнными именами нарицательными **овраг** и **враг**, являющимися общим названием оврагов: *Во Враге и телега-то сломалась* (Буйск.). *Враг был в Кузнецове-то, так и называли Враг. И у нас в Здемирове тоже Враг* (с. Здемирово Красн.). *Враг-от есть, как же, так и называли его. Это овраг коло Следова. Враг — в одном километре от Следово, на юго-запад от Следово* (д. Калинки Судисл.). *Враг-то? А по дороге он, неглубоким был. Этот овраг был маленьким* (д. Следово Судисл.). *Овраг тот называли все Враги* (п. Судиславль Судисл.). *Во Враге-то трава ещё и не высохла* (с. Палкино Антроп.). — *Где ты был? — У Врага* (д. Новино Судисл.). *Пошла во Враг да еле выбралась* (с. Заборье Остров.). *За Врагом-то лес густой, тёмной* (д. Грудки Судисл.). *За Оврагом много малины* (д. Петровка Межев.). *Овраг так Оврагом и зовём* (с. Подольское Красн.). Много-

численны микротопонимы, созданные таким образом из производных слов от *овра́г*, *враг*, например: *Не заблудись! До Овра́жинны дойдёшь и налево поворачивай* (д. Лужок Буйск.). *Овра́жина* — *овраг глубокий* (д. Бабиково Судисл.). *Овра́жки* — *неровное, испещрённое оврагами место* (д. Рогово Мантур.).

Микротопонимы, образованные на основе других местных географических терминов, встречаются реже, например: *Прото́ка* — *овраг, по дну которого протекает ручей* (с. Татарское Нерехт.). *Бара́к-то? Даж овраг. Сразу за Бара́к и свернёшь, дальше увидишь сама* (д. Калинки Судисл.). *Круте́ц* — *овраг. В лес пойдёшь, Круте́ц надо обходить* (г. Галич). *В школу-то мы через Яру́гу ходили* (д. Юрьево Остров.). *Пото́к* — *овраг, по которому весной текла вода. В этом году на Пото́ке хорошая трава выросла. Если погода не подведёт, много накосим* (д. Михеево Нерехт.). *Крути́к-от как обмёрзнет, так и не знаешь, как спускаться* (д. Исаево Сусан.). *Весной на Ры́твине большой ручей был* (Буйск.). *Через Буго́р перейдёте — там и деревня* (д. Дьяконово Нейск.). *К вечеру только до Верте́на дошли* (Кады́йск.).

В микротопонимии находим сведения и о других терминах, а также о выступающих в их роли словах, в том числе и метафорических, которые используются для наименования оврагов: *дыра́*, *ко́лба*, *кочева́шка*, *ложо́к*, *обрыв*, *перейма́*, *подва́лье*, *поду́шка*, *пропасть*, *рубёж*, *та́лица*, *ужодбо́л*, *я́ма* и др. Например: *В Подва́лье спускаешься как в подвал* (д. Ушаково Нерехт.). *По дну Прото́ки ручей протекает* (с. Татарское Нерехт.). *Обрыв* — *с очень крутыми берегами овраг. Обрыв опасен для спуска* (г. Чухлома). *Кочева́шка* — *небольшой овраг между деревней Спирково и деревней Турилово* (д. Турилово Анроп.). *Ко́лба* — *овраг у деревни Заболотье* (д. Легитово Антроп.). *Ужодбо́л* — *овраг на реке Волга, на полкилометра пониже села нашего* (с. Столпино Кады́йск.). *Та́лица* — *овраг в лесу, где скапливаются талые*

воды (д. Аносово Парфен.). *Рубежник* — большой длинный овраг. Здесь часто случались необъяснимые загадочные явления, связанные с нечистой силой (д. Гуляевка Остров.). *На дне Буерáка ручей течёт* (д. Мослово Мантур.). *Переймá* — овраг, давно так зовут (с. Котельниково Антроп.). *Мызá* — место у начала оврага. Тут собиралась молодёжь (д. Матвеево Красн.). *Нóжницы* — место пересечения двух оврагов (с. Котельниково Антроп.).

Многочисленны составные наименования. Образованы они чаще по схеме «географический термин + определение, каким-либо образом характеризующее объект». Это имеющие широкое распространение микротопонимы оттопонимического происхождения (по названиям наиболее значимых для людей объектов, чаще — населённых пунктов). Особенно частотны микротопонимы, содержащие в своём составе географические термины **враг** и **овраг**, например: *Рáкинский овраг* — около деревни Ракино, *Ильи́нский овраг* — в деревне Ильино, *Лошникóвский овраг* — на пути из Ильино в Лошниково, *Тетéринский овраг* — перед деревней Тетерино (Буйск.). *Кури́ловский овраг* — между деревней Башки и деревней Куриловская, *Окулóвский овраг* или *Кузьми́нский* (кто как называет) — разделяет деревню Кузьминская и деревню Окуловская, *Погóбтненский овраг* — недалеко от деревни Погост, *Ши́ловский овраг* — по названию покоса Шилово, в километре от села Столпино, по реке Волге (Кадыйск.). *Герáсимский овраг* — между деревнями Герасимка и Озеряйка, *Голови́нский враг* — в полукилометре от деревни Головинское в сторону села Китино; *Манакóсовский враг* — по деревне Манакосово, *Русáновский овраг* или *Русáновский враг* — в деревне Русаново, *Сергéевский овраг* или *Сергéевский враг* — у деревни Сергеево, *Завáринский враг* — в деревне Заварино (Сусан.). *Универов враг* — по названию хутора Универа. *Униров враг* — на северо-восток от Следово, по Кондратовской дороге (д. Калинки Судисл.). *Юрки́нский враг* — большой овраг около деревни Юркино (д. Тури-

лово Анроп.). *Ра́кинский враг* — рядом с бывшей деревней *Ракино* (д. Ильино Буйск.). *Ани́чиевский овраг* — вблизи деревни *Аничицево*. *Е́лезовский овраг* — вблизи деревни *Елезово*. *Кузе́минский овраг* — вблизи деревни *Куземино*. *Ра-ту́новский овраг* — вблизи деревни *Ратуново* (д. Лопарево Галич.). *Погóбтненский овраг* — в пятистах метрах от деревни *Погост* (д. Новая Чудь Кадыйск.). *Лы́женский враг* — недалеко от деревни *Лыжино* (д. Иваньково Кадыйск.). *Ли-харевский враг* — у деревни *Лихарево* (д. Шокша Галич.). *Пруды́ценский овраг* — на окраине *Прудыц*. Да забуксовал это *Витёк* в *Пруды́ценском овраге* (д. Кузовцово Костр.). Другие географические термины в составных оттопонимических микротопонимах встречаются реже, например: *Гле́бовские уго́ры* — *глубокий овраг* возле деревни *Глебово* (д. Солтаново Нейск.). *Угольцо́вский полóй* — *овраг* у деревни *Угольцово* (г. Буй).

Широко распространены и антропонимические микротопонимы. В основном это также наименования, содержащие термины **враг** и **овраг**: *Ту́ркин овраг* есть. Здесь жил *Пономарёв Иван Иванович*, получивший прозвище *Турок*, так как носил турецкую шапку-феску, привезённую с войны в качестве трофея (Остров.). *Екатери́нин овраг* — коло деревни *Новая Чудь*. Назвали так по имени одной из жительниц деревни, которая погибла в этом овраге: её накрыло телегой с сеном (д. Екатеринкино Кадыйск.). *Поляко́в овраг*. На краю этого оврага стоял дом *Поляковых* (с. Татарское Нерехт.). *Гле́бовский овраг* — от жителей по фамилии *Глебовы* (д. Пузыри Макар.). *Ры́мин овраг* — по прозвищу *мужика*, который каждый год косил там траву (д. Ломки Остров.). *Баже́новский овраг* назван в честь рыбака *Василия Баженова*, который с семьёй там жил (д. Средняя Костр.). *Ча́гин овраг* — у бывшей деревни *Мяжково* за домом семьи *Чагиновых* (Буйск.). *Миккике́рин-то овраг* в лесу. *Миккери* — старик, который здесь повесился (д. Андреевское Сусан.). *Го́рнов овраг* — овраг, в который когда-то

скатилась машина. Водителем её был Горнов, отсюда и название (д. Гуляевка Остров.). Другие географические термины в антропонимических микропонимах встречаются реже, например: *Грузлёнков лог* — это лог у бывшей деревни *Зыковцы*. Называется так потому, что его расчистил для сенокоса мужик по кличке *Груздя* (д. Доброумово Павин.). *Зув ложок* — овраг. За этим оврагом покос *Зуева* (д. Григорьево Парфен.). Встречаются и односоставные антропотопонимы, например: *Бахмáтик* — участок оврага у деревни *Пестово*, по имени знатного татарина *Асмана Бахмета* (д. Степаново Галич.).

Многочисленны названия оврагов, содержащие их характеристики (большой, глубокий, старый, продольный, мокрый, глухой, чистый, топкий, крутой и т. д.), например: *Медвежья яма* — очень глубокий овраг близ *Макарьевского монастыря* (г. Макарьев). *Широкий рубёж* — овраг между деревней *Белавино* и деревней *Макарово* (д. Макарово Нерехт.). *Широкий овраг* — это самый широкий овраг (д. Середняя Костр.). *Широкий овраг* находится рядом с деревней *Рогово*, очень большой и широкий (г. Мантурово). *Широкий овраг* спускается к Волге от Кубани. Между оврагом *Мытый* и *Грязным оврагом*. Это самый широкий овраг, четвёртый по счёту. По нему спускаются к пристани паромов, где находится остановка «Слободка» (д. Середняя Костр.). *Большой враг чистый*, на дне его колодец. Пошли в *Большой враг* за водой (с. Буяково Сусан.). *Крутой овраг* — у бывшей деревни *Мягово*. По *Крутому оврагу* весной не пройдёшь (д. Мыс Буйск.). *Крутой овраг* — между *Игумновом* и *Мизарёвым*. Назван из-за крутого спуска и подъёма (д. Игумново Судисл.). *Вшивый враг* — враг коло соснового бора у *Мининского*. *Вшивый враг* мешает проезду. Во *Вшивом враге* много пней, а пни все во мху (д. Медведки Сусан.). *Топкий овраг* — овраг, приток реки *Печелды*. *Овраг этот топкий*. *Топкое место тут* (с. Палкино Антроп.). *Враг этот Продольный* называется (п. Антропово

Антроп.). *Мокрый овраг* — небольшой овраг, поросший мокрицей, очень сырой. По Мокрому оврагу без сапог нельзя ходить (п. Николо-Полома Парфен.). *Старый овраг* находится за посёлком у нас, уже заросший со временем (п. Николо-Полома Парфен.). *Раньше в Глухом враге* скрывались тюремщики (п. Судиславль Судисл.). *Размобистый овраг* — потому как размывается в весеннее половодье. *Размобистый враг* размывает в весеннее половодье (д. Иваново Кадыйск.). *Чёрный враг* — километрах в десяти от деревни нашей (д. Турилово Антроп.). Соответственно в односоставных микрооронимах: *Овраг Ржэвчина там* (д. Котельниково Антроп.). Сами географические термины также являются характеристикой оврагов (дыра, провал и т. п.): *Заваружина дыра* — овраг, в котором раньше был подземный ключ. В *Заваружинной дыре* вода чистая была (г. Галич).

Отражаются в названиях оврагов их местоположение, особенности почвы, характеристика дна, типы ближайших к ним поселений, связь с растительным и животным миром, человеком и его деятельностью, нечистой силой и др.: *Задний лог* — овраг у деревни Черемошница. Называется так, потому что находится сзади всех логов в восточном направлении от деревни Черемошница (д. Доброумово Павин.). *Глухой овраг* очень далеко от Мыса (д. Мыс Буйск.). В *Песчаном овраге* очень много песка (п. Ломки Остров.). *Дудкин враг* называли, потому что там дудки (дягель) растут (с. Татарское Нерехт.). *Пыре́йный овраг* — овраг около Истоповского выгона. Там рос пырей (д. Екатеринкино Кадыйск.). *Лазу́рин лог* — овраг. Много цветов там (п. Октябрьский Мантур.). *Ку́ний овраг* — овраг в селе Воскресенское. Раньше здесь водилось много куньи, отсюда такое и название (п. Островское). К *Медвежьему оврагу* подходить было страшновато. В этом овраге находились медведи в спячке (п. Ломки Остров.). *Телячий овраг* — около деревни Комарово (Антроп.). В *Зме́йном овраге* змей много (д. Путятино Нерехт.). В овраг этот скотину зарывали, отсюда и назва-

ние — Падеринный овраг (с. Орехово Галич.). В Козлячий овраг коз да козлята ходили пасти, так и называли (д. Здемирово Красн.). Часто ястреба тут летали. Наверное, потому так и прозвали Ястребин враг (д. Хомутово Остров.). Болчьи ямы — овраг недалеко от деревни Комарово (д. Легитово Антроп.). В Кирпичном овраге раньше здесь брали глину на кирпичи (г. Буй). Овраг Мытый — между Филисьевским и Широким оврагами. Сюда жители деревни Середней ходили мыть бельё (Костр.). Грязный овраг — пятый по счёту спускающийся к Волге от реки Кубань вверх по Волге. В него раньше жители бросали горшки с водой, которой омывали покойников (д. Середняя Костр.). Это Холопий овраг (д. Котельниково Антроп.). Барский враг там ещё есть (д. Ильино Буйск.). Попова пропасть — овраг это, на северо-западе от деревни Спас. В этом месте была трясины, по которой ехал поп на лошади и провалился (с. Контеево Буйск.). Небольшой овражек Поповка — напротив поповского дома (с. Подольское Красн.). Кумин овраг — овраг. Это место, где раньше варили самогонку, которая в народе называлась кумушка. До сих пор помню Кумин овраг. Ох и гуляли раньше! (д. Гуляевка Остров.). Чёртов овраг — за деревней Сурское. Раньше считалось опасным местом (с. Словинка Антроп.). Обский овраг. По преданию, там водится нечистая сила. Как кто обойдёт. Люди входили в этот овраг, путались там и выходили раздетые (с. Татарское Нерехт.). Встречаются и односоставные микрооронимы рассматриваемого типа: Медяна — произошло от случая. Крестьяне везли бочку мёда и нечаянно опрокинули, мёд разлился (д. Юрово Макара.). Овраг Каменка находится вблизи Аносово. Это овраг с каменным дном (д. Аносово Парфен.). Моржухи — овраг, заросший можжевельником. Ходили в Моржухи за можжевельником кадки запаривать (д. Боково Буйск.). В овраге Моржухи можжевельника много (д. Ильино Буйск.). Репище — очень глубокий и крутой овраг. Летом он репейником зарастает (д. Боково Буйск.). Чертятник — небольшой овраг, ведущий

в деревню. Ночью через Чертятник страшно идти (д. Рыжково Красн.).

На многочисленность оврагов указывают и названия, в состав которых входят числительные, например: *Первый овраг* и *Второй овраг*. За ягодами ходили за *Второй овраг* (д. Лаврово Нерехтск.). *Первый вра́жеск* и *Второй вра́жеск*, где протекает ручей. Место около бывшей начальной школы, где позже был клуб. *Третий-то?* И *Третий вра́жеск* есть, и *Четвёртый*. Счёт идёт от деревни (д. Жуково Кадыйск.). Три овра́жка находятся у Тетерино. Через Три овра́жка тропка есть (д. Тетерино Нерехт.).

Значительно количество других объектов, названия которых созданы на основе терминов *овраг*, *враг* и др., что также является подтверждением того, что овраги — значимые места, по которым ориентируются, определяют местоположение других, самых разных, объектов: *Деревню За́враг* назвали так, потому что находится за большим, глубоким оврагом (Павин.). *Большой Завра́г* — деревня в семи километрах от села Павино. Назвали так, потому что находится за большим, глубоким оврагом. В *Завра́ге* продают дом. *Малый Завра́г* — через дорогу от *Большого Завра́га*. Названа так, потому что немного меньше, чем *Большой Завра́г*. Раньше называлась *Мысы* (Павин.). *Завра́жьево* — деревня. Пойдём в *Завра́жьево* за яблоками. *Завра́жьево* — в двадцати километрах от Мантурова. Потому и *Завра́жье*, что от нас, от Леонтьева, за оврагом (д. Леонтьево Макарьев.). *Деревня Завра́жьево* находится за оврагом (г. Макарьев). Название деревни *Завра́жье* связано с оврагом. (с. Воронье Судисл.). *Завра́жье* — в двенадцати километрах на восток от Судиславля. До *Завра́жья-то* далеко больно (п. Судиславль). *Овра́жки* — место в лесу, где три оврага (Макарьев.). За *вра́гом* — часть деревни *Боково*, что за *врагом* (Буйск.). В лес *За вра́гом* ходила (д. Ильино Буйск.). Речка *Дурной враг* так и называлась. Поле *За овра́гом* ещё было, так и называли его. *За вра́гом* — поле за рекой *Игуменка*

(д. Екатеринкино Кадыйск.). *Ручей в овраге Овра́жником и называют* (д. Курьяново Галич.). *Родилась-то я в Завра́жсье* (п. Кадый Кадыйск.). *Завра́жсье — село. Как объясняют? Кто говорит, что Завра́жсье — значит, за оврагом, а кто — что за врагом* (с. Завражье Кадыйск.). *Деревня Завра́жсье за врагом находится* (Парфен.). *Овра́жсек — ручей в овраге. На Долгий луг идёшь по ручейку, из пруда вытекал, а там овражсек, да так всё Овра́жсек и называли* (д. Калинки Судисл.). *Овраг — это место за Ближним прудом, куда по весне он вытекает. Раньше, когда ещё это Репьёво-то было, там была Ключёвка, а сейчас остался Овраг* (д. Калинки Судисл.). *Крутой овраг — старая дорога, проходит через реку Вотгать* (д. Дудино Кадыйск.). *Малинник этот так В́ишний враг и зовём. Сходи в В́ишний враг, набери малины на пирог* (д. Чмутово Галич.). *В́ишний овраг — небольшой лес, в полукилометре от Чмутово* (д. Чмутово Галич.). *За вра́гом — лес в деревне Ильино* (г. Буй). *Завра́жсье — лес и местность за оврагом, за Дмихой* (с. Красное-на-Волге Красн.). *Вра́ги — покос в пяти километрах от деревни Дуброво* (Антроп.). *Завра́г — местность за оврагом* (д. Здемирово Красн.). *Крутой овраг — старая дорога, здесь проходит через реку Вотгать* (д. Дудино Кадыйск.). *Овраг — небольшой лес в полукилометре от Чмутово* (д. Чмутово Галич.). Во многих селениях есть улицы под названиями **Овра́жская** (чаще) или **Завра́жская**: *Подружка моя на Овра́жской улице жила* (п. Кадый). *Овра́жская улица находится у оврага* (д. Ильино Буйск.). *Овра́жская улица названа так, так как находится в овраге* (д. Кирово Костр.). Встречаются и неофициальные названия улиц и их частей: *Овраг — улица Овра́жская в посёлка Антропово. Мой дом в Овра́ге строится* (п. Антропово). *За оврагом — часть деревни Бокково, находящаяся за оврагом* (Буйск.).

Некоторые овраги в свою очередь также получили названия по объектам, рядом с которыми они находились, например: *Ов́инка — овраг у деревни Будаево. Там находились*

овины, где раньше сушили снопы (с. Понизье Антроповск.). Мостовая — овраг, где расположено несколько мостов для перевозки сена (д. Митино Кадыйск.). Мостовая — небольшой овраг, где расположено несколько мостов, чтобы лучше перевозить сено (д. Новая Чудь Кадыйск.). Запрудня — овраг около деревни Михайловское. Делали запруду на лето у Михайловского. По дну Запрудни протекает ручей (с. Михайловское Судисл.).

Для наименований оврагов характерна вариативность (особенно часто встречаются вариантные названия с терминами *враг* и *овраг*), например: *Вѣшнѣй овраг* / *Вѣшнѣй враг*. Сходи в Вѣшнѣй овраг, намери малины на пироги. В Вѣшнѣм враге водится много белок (д. Чмутово Галич.). *Бѣрскѣй враг* / *Бѣрскѣй овраг* (д. Ильино Буйск.) и мн. др. Не по одному названию имеют многие овраги (чаще по их особенностям или в соответствии с объектами, рядом с которыми они находятся), например: *Окѣловскѣй овраг* — овраг, разделяющий деревни Кузьминская и Окѣловская, но многие называют Кузьминским оврагом (д. Кузьминская Кадыйск.). *Второй вѣржеск* / *Бонѣ*. Для переезда здесь клалы связанные брѣвна (д. Жуково Кадыйск.). *Убитѣца* — небольшой овраг, через который перекинут мостик. В этом месте была убита почтальонка, которая разносила в дальние деревни почту. А Петушѣху так называли, что после войны там почтальонку Петушѣху убили, она пенсию в село несла (д. Вожерово Нейск.). *Третѣй вѣржеск*, или *Петухобскѣй враг* его ещё зовут (п. Кадый). *Четвѣртѣй вѣржеск* по-другому называют *Никольскѣй вѣржеск* (д. Жуково Кадыйск.). Одно и то же наименование может обозначать как овраг, так и имеющие к нему отношение объекты: *Вѣшнѣй овраг* / *Вѣшнѣй враг* — овраг, малинник (д. Чмутово Галич.). *Овраг* — овраг, место рядом с оврагом (д. Калинки Судисл.). Названия наиболее значимых для человека объектов могут становиться названиями оврагов, создавая топонимические ансамбли (гнёзда, группы и т. п.): *Берёзовка* —

овраг вблизи деревни Будаево. В этом овраге растут берёзы. Там протекает речка Берёзовка (с. Понизье Антроп.). Суйка — овраг в деревне Кузнецово. И ручёек тёк в ём. И ручей тоже Суйка. От Вакорино тёк. Теперь его нет (с. Здемирово Красн.).

Микротопонимия не только «консервирует» в себе географическую терминологию, подтверждая её наличие в костромских говорах, но и раскрывает, дополняет её. Микротопонимы, соответствующие теме «Овраги», содержат ценные сведения (и не только об оврагах и их названиях) и могут являться источником информации для соответствующих карт ЛАРНГ.

Сокращения названий районов Костромской области

Антроп. — Антроповский	Нейск. — Нейский
Буйск. — Буйский	Нерехт. — Нерехтский
Вохом. — Вохомский	Остров. — Островский
Галич. — Галичский	Павин. — Павинский
Кадыйск. — Кадыйский	Парфен. — Парфеньевский
Костр. — Костромской	Солиг. — Солигаличский
Красн. — Красносельский	Судисл. — Судиславский
Макар. — Макарьевский	Сусан. — Сусанинский
Мантур. — Мантуровский	Чухлом. — Чухломский
Межев. — Межевой	Шарьин. — Шарьинский

Литература

Бурко Н. В. Названия глубоких оврагов в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1995. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1998. С. 116–120.

Королев Г. Р., Кудряшова К. Ф., Лежнин А. А. География Костромской области. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1971. 96 с.

Историческая топонимия и народные географические термины Новосербии XVIII–XX вв.*

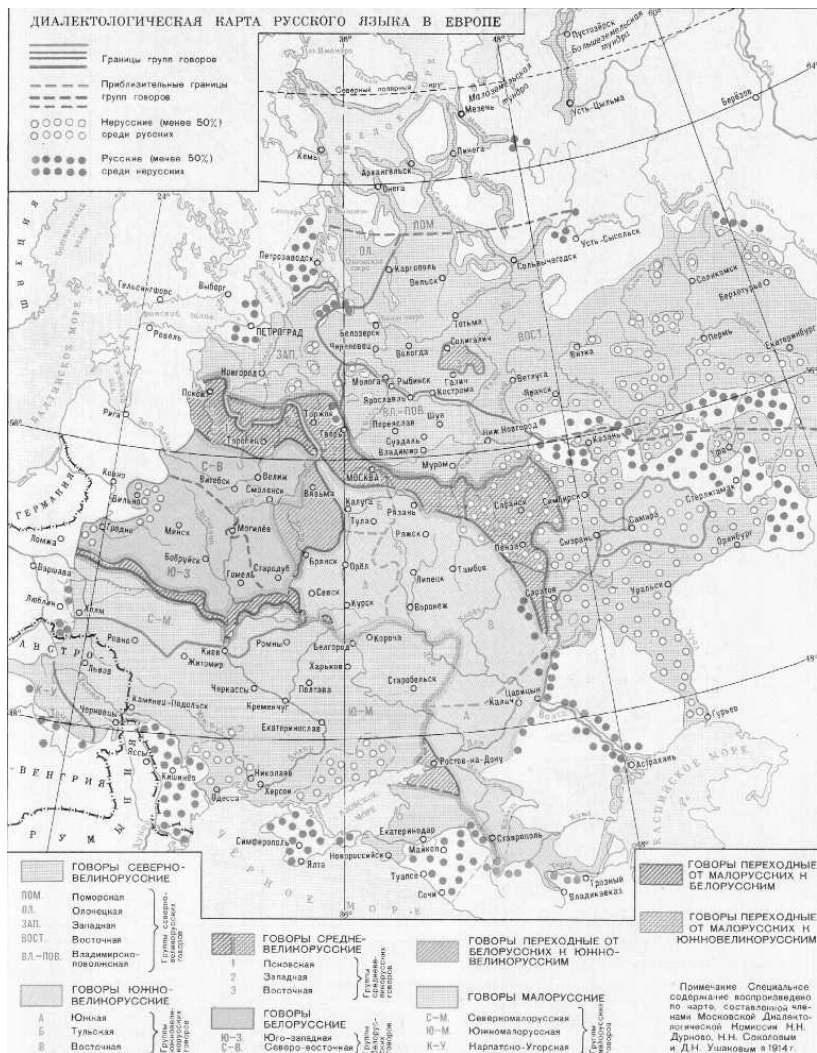
А. К. Шапошников

В статье изложены результаты обозрения великорусских диалектных данных из новороссийского ареала (области Новосербии), проиллюстрированные диалектологическими картами и каталогом исторической топонимии и народной географической терминологии. Автор приходит к выводу, что территория всего Новороссийского края является ареалом живых великорусских диалектов, частью великорусского языкового распространения. Апеллятивная и проприальная лексика Новороссийского края, в том числе и народная географическая терминология, должна включаться в диалектные и региональные словари, становиться объектом русской лексикологии и лексикографии; отечественная ареальная лингвистика, лингвистическая география, лингвострановедение должны вернуть Новороссийский край в лоно общероссийской географии и картографии. Следует разработать методы и принципы картографирования диалектных ареалов, оказавшихся вне актуальных политических границ РФ.

Ключевые слова: диалектный ареал, диалектный атлас, диалектологическая карта, лингвострановедческая карта, диалектология, этнология, историческая топонимия, народная географическая терминология, диалектная этимология.

Вот уже более ста лет в общественное сознание настойчиво внедряется ложная установка отнесения территории всего Новороссийского края к ареалу украинского языка, к зоне его степных юго-восточных диалектов. См. карты № 1, 2.

* Статья подготовлена по программе финансовой поддержки гранта РГНФ № 15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы»

Карта 1

Карта 2

Эта установка, имеющая политическое и идеологическое происхождение, находится в вопиющем противоречии с языковой реальностью всего степного и лесостепного ареала между Днестром и Северским Донцом. Вводят в заблуждение не только этнографические и диалектные атласы, лингвострановедческие карты, но и диалектология XX в. в целом. Удивительная слепота во взгляде на этот замечательный регион отличает и этнологию, и этнографию, и ареальную лингвистику, и славистику, и украинистику, и русистику.

Изредка случается временное прозрение лишь у иностранных иноязычных путешественников и исследователей, которые на первых порах вдруг замечают, что язык населения, язык народа в Новороссийском крае вовсе не украинский. Но они быстро поправляют себя в духе «политкорректной» установки, упомянутой выше.

Надо отдать должное именно СРНГ, который сохранил и зафиксировал диалектную лексику с пометами новорос. (новороссийское), иногда юго-зап. (юго-западное), южн. (южное) и проч. в своих словарных статьях, не отбросил данные русских говоров, например Одессы, Мариуполя, Донецка и т. п. За это поклон авторскому коллективу и редакторам этого фундаментального диалектного словаря.

Иногда, вероятно, сами того не желая, проговариваются и украинистические издания, авторы которых оказались честными в научном плане и отразили описываемую языковую реальность достаточно адекватно, см., например, справочное издание СНГТК. Популярные в 1990-е гг. региональные словари народных географических терминов, несмотря на жёсткую идеологическую установку отражать только украинизированную, калькированную, адаптированную лексику, всё же зафиксировали и подлинную, реальную народную географическую терминологию и микротопонимию великорусского диалектного происхождения.

На фоне постыдных замыслов, слов и дел последних трёх лет пора открыто и честно провозгласить следующие положения:

1) территория всего Новороссийского края является ареалом живых великорусских диалектов, является частью великорусского языкового распространения;

2) апеллятивная и проприальная лексика всех видов, включая народную географическую терминологию, из Новороссийского края должна включаться в диалектные и региональные словари и должна стать объектом русской лексикологии и лексикографии;

3) отечественная ареальная лингвистика, лингвистическая география, лингвострановедение должны вернуть Новороссийский край в лоно общероссийской географии и картографии, невзирая на временные искусственные политические границы. Следует разработать методы и принципы кар-

тографирования диалектных ареалов, оказавшихся вне актуальных политических границ РФ.

Обоснованию и аргументации этих положений посвящена настоящая статья, подготовленная на лексическом материале одной из областей Новороссийского края, так называемой Новосербии (1723–1796). Историческая макротопонимия и микротопонимия, народная географическая терминология этой области предоставили исследователю обильный лексический материал, весьма красноречивый в ареальном и диалектологическом отношениях. Когда автор только приступал к исследованию великорусской диалектной лексики Новороссии и Новосербии в 2012–2013 гг., ожидалось, что это будет банальный великорусский просторечный материал, не сулящий большой оригинальности или любопытных находок. Но по мере обозрения и описания лексем, опытов этимологического анализа некоторых таксонов проступила весьма оригинальная и специфическая языковая картина, вовсе не стёртая и не размытая искусственной украинизацией, а даже, напротив, достаточно чёткая и контрастирующая с соседними малорусскими ареалами [Шапошников 2015: 15–73]. О частных случаях удивительных и неожиданных изоглосс великорусского диалекта Новосербии речь пойдёт ниже.

А сейчас уместно кратко обрисовать историческую картину появления и образования этого ареала великорусской речи к западу от Днепра.

В конце XVII в. старая граница России пролегалла по северному берегу Донского устья и по реке *Сасянъ Колодязь* [Saffian Kolodaz R.], далее по водоразделу до села *Глухой Бояракъ* [Glukoi Bojarak], далее по водоразделу до верховья реки *Лугань* [Lugan R.] и крепости *Бахмутъ* [Bachmut], отсюда по речке *Д. Батинка* [D. Batinka R.], далее по водоразделу реки *Торъ* [Маяльска Majalska R., Бишокъ Bisczok R., Якновка Iaknowka R., Сухой Торец Sukoi Toretz R.] и реки Самара [Волирь Vollir R.], далее на северо-запад по границе леса и лесостепи до р. Синюхи [Santini 1777]. Отсюда обо-

звевал Северное Причерноморье и Андрей Лызлов [Лызлов 1692; 2012]. Здесь Петром I была расквартирована ландмилиция.

Еще в 1723 г. Петр Великий приказал из австрийских *сербов* формировать «охотою» гусарские полки, сохранить им то жалованье, которое они получали в Австрии, и поселить их к югу от Малороссии.

При императрице Анне Иоанновне (1730–1740) Миних опять занялся вербовкою гусар из разных выходцев (*сербов*, венгров, валахов, грузинских князей и дворян) с целью образовать из них пограничное войско иррегулярного строя.

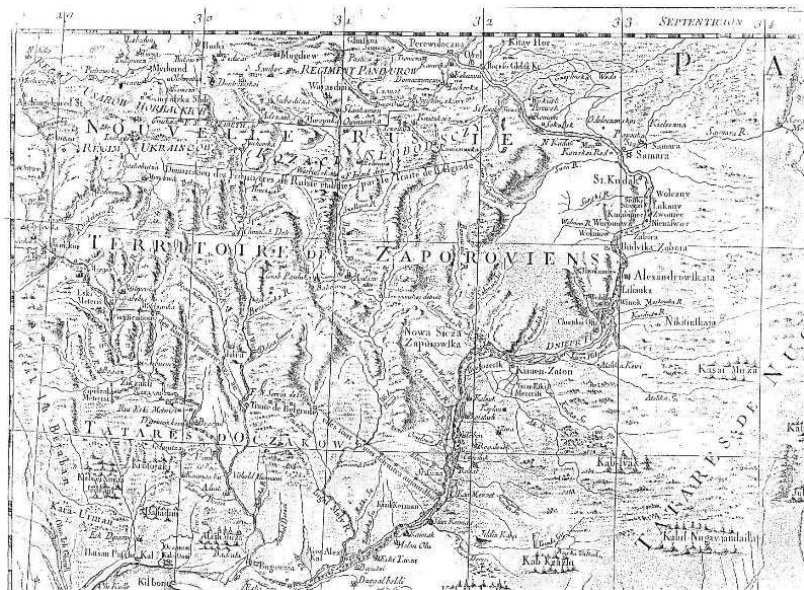
При Анне Леопольдовне (1740–1741) Миних преобразовал всех гусаров в 5 поселенных гусарских полков (*сербский*, грузинский, *молдавский*, *валахский* и венгерский). Но полки эти, составленные из разноплеменных бродяг, ничего, кроме вреда, не приносили.

При Елизавете (1741–1761), в 1751 г., австрийскому выходцу полковнику Хорвату поручено было сформировать из *сербских* выходцев один гусарский полк в 4 тысячи кавалеристов, который и был поселен на правом берегу Днепра, в так называемой Новосербии. В 1752 г. образовано еще два таких же гусарских полка, для защиты нового военного поселения построено укрепление св. Елисаветы (позднее Елизаветград).

В 1756 г. из слободских казаков сформирован слободской гусарский полк, а затем еще два, из выходцев *Македонии* и *Болгарии*, которые в 1761 г. сведены были в один, македонский полк. В 1760 г. образован еще желтый гусарский полк. Таким образом, к 1761 г. было всего 12 гусарских полков. При Екатерине II после различных преобразований гусарские полки были переименованы в легкоконные. В результате сложился ареал болгарской речи так называемых ольшанских болгар.

Все эти административно-территориальные преобразования нашли отражение в современных документах картографического и топографического характера. Наиболее удобной

и показательной мне представляется карта Новороссии по состоянию на 1774/5 гг., изданная в Венеции в 1777 г. [Santini 1777]. См. карту № 3:

Карта 3

Она используется как основной источник топонимии Новороссии той эпохи (цитируется в квадратных скобках).

Какие топонимические свидетельства всех этих этапов освоения территории доступны наблюдению? Укажем сначала на те языковые свидетельства, которые сами бросаются в глаза:

1) в изучаемом ареале донныне сохранились микротопонимы и народная географическая терминология южнославянских языков, преимущественно сербохорватского и болгаро-македонского, реже молдавского и греческого происхождения.

сербохорватское: *Беча, Бечка, Благоват, Буковар, Вараждин, Вермош, вир, Влагош, Глоговац, Домачинцы, Земун, калабья, калабатина, Калевац (?), Мандорлак,*

млин (?), *Мошорин*, *мул*, *муль*, *Надлак*, *Павлици*, *Панчево*, *Пастич*, *Сомбор*, *Сантомаш*, *Сента*, *Слан Камен*, *Суботица*, *тобурище*, *Труница (?)*, *Федварь*, *Чанат*, *Чонград*, *ясен*;

болгарское: *бряг*, *ва́да*, *вир*, *гуляма*, *гуре(та)*, *дерта*, *дулине*, *зарасал*, *кал*, *кални (болото)*, *камак*, *камачки*, *Камбурлиевка*, *кладя́нец*, *ливада*, *ливади*, *млада*, *падíне*, *пéпель(та)*, *побряго*, *поьяна (?)*, *прасни́ца*, *прой*, *пройо*, *пуляна*, *пясан*, *разля́ва*, *рятак*, *сиряк*, *сметь*, *тулуке*, *тврло (?)*, *ясен*;

греческое: *ливади* ‘заливной луг’;

молдавское: *балта* ‘речка’.

См. Каталог исторической топонимии и народной географической терминологии Новосербии;

2) в изучаемом ареале обильно представлена микротопонимия и народная географическая терминология великорусского происхождения, не только диалектного характера, но и общерусского, вполне нормативного характера, как диахронического, так и синхронического диапазонов. См. Каталог исторической топонимии и народной географической терминологии Новосербии;

3) яркой спецификой изучаемого региона являются многочисленные совпадения местных названий с формами старорусского языка XVI–XVII вв., чаще всего с лексикой (апеллятивной, иногда уже явной географической терминологией) южнорусских памятников письменности, особенно донского, рязанского, даже арзамасского происхождения. Все подобные случаи сопровождаются цитатами из 1–30 вып. СлРЯ XI–XVII вв.;

4) совершенно ожидаемо в данном регионе языковое и культурное наследие новорусского периода XVIII в. Это своеобразный заповедник, в котором веками сохранялись многие строительные и фортификационные термины, местами дожившие до наших дней: *Генеральска Слобода*, *демаркация*, *квартал*, *Комиссаровка*, *палисадник*, *регімент*, *территория*, *транжсидент*, *форт*, *фортеция*, *фосса*, *шанцы*. Для

понимания подобных обозначений приводятся примеры из 1–21 вып. СлРЯ XVIII в., иногда из Слов. Акад. 1789–1794;

5) топонимические изоглоссы широкого спектра связывают историческую топонимию и современную народную географическую терминологию Новосербии с несколькими влр. диалектами Русской равнины и даже Русского Севера (донскими, воронежскими, липецкими, рязанскими, поволжскими, курскими, орловскими, тульскими, калужскими, тверскими, новгородскими и псковскими, далёкими вятскими, вологодскими, олонекскими и архангельскими). Очевидны характерные сходства и просодического контура слов, и специфического сужения их семантики. Для прояснения этих изоглосс использованы материалы 1–49 вып. СРНГ, а также материалы словаря Даля и областных словарей;

6) изучаемый ареал сохраняет не только указания на исходные области великорусского распространения, но и местное наследие очень давних эпох как в виде субстратных топонимов типа *Бог, Ингул, Ингулец, Лебедин, Хидмас*, так и в виде традиционных местных названий, переводных с одного языка на другой. Как известно, М. Фасмер выделял пять типов усвоения субстратных топонимов: 1. полное усвоение с сохранением всех частей названия; 2. осложнение полностью усвоенного субстратного топонима гетерогенным форматом (*Ингулец* от *Ингул*); 3. эллипс форманта, усечение, незначительное искажение (*Лебедынь*); 4. частичный перевод (тюрк. *Ташлык* от др.-русск. *Каменница, Каменка*); 5. полный перевод, калька (множество примеров недавнего калькирования влр. терминологии и микротопонимии в СНГТК). Новосербия даёт нам многочисленные примеры осознанного калькирования в разных языках наиболее устойчивых географических названий данного региона. В качестве примера приведем лишь незначительную толику топонимических калек из Новосербии разных эпох и языков: р. *Бог, Ю. Буг* — *Hуpаnіs*, р. *Жёлтая* — *Hingula*;

7) В Новосербии обнаружались весьма любопытные этимологические казусы: например, происхождение народного географического термина *вись*, *виска* ‘речка’ (особенно в Маловисковском р-не) остается весьма загадочным (коми-пермяцкое?); выявлены два омонимичных этимологически гетерогенных народных географических термина *омельник* и *омтьльник*; малорус. *щобб* ‘утёс’ и великорус. *щолоб* ‘красная глина’, если и заимствованы, то из разных германских языков/диалектов еще в др.-русс. период.

Примеры проблемных этимологических толкований:

1) гидроним *Виска*, реки *Малая Виска*, *Великая Виска*, прежде *Малая Вись* и *Великая Вись*, с. *Велика Виска* в Маловисковском р-не (СНГТК: 8) — из ст.-русс. *виска* ‘проток, ручей’ «*А имѣ тою вислою и съ озеркомѣ владѣти...*» (Д. опричн., 478. 1574 г.) (СлРЯ XI–XVII вв. 2: 189) и влр. диал. *віска* ‘ручей, протока, небольшая речка’ (арханг., беломор.), ‘просыхающая протока’, *сухая віска* (арханг.) (СРНГ 4: 295). Однозначное решение о финно-угорском происхождении этого термина ставит вопрос об истинной этимологии таких древнеевропейских гидронимов, как *Viscla*, *Vistula*, *Wisła* (в Польше), который возводят к кельт. основе **uisk-* (ср. ирл. *uisce*, *uisque*) ‘вода’. Ср. античный гидроним *Οἴσκος*, *Ἰσκιος*, *Σκίος*, *Ἰσκόс*, *Oescus*, *Yscus*, *Aescus*, *Escus*, *Hiscus*, *Uscus*, *ostia fluminis Oscius* (ныне Искър в Болгарии), который возводят к кельт. основе **uisk-* ‘вода’ (ср. ирл. *uisce*, *uisque* ‘вода’; англ. *whisky*); топоним (первично гидроним?) *Uscudama* (Эдирне, Румелия), который толкуется как словосложение аналога кельт. основы **uisk-* ‘вода’ и сущ. **dama-* ‘дача, дар, давание’. При попытке альтернативной этимологии этих почтенных топонимов на основе и.-е. диал. **uisk-* : **ueisk-* : **uoisk-* ‘вилять, вихлять’ обнаруживаем, что только расширенная слав. глагольная основа **vîxl’ati* < **v’aiskl-* (или **vîxl’ati* < **v’aisul-*?) имеет все регулярные фонологические признаки. Первоисточник — и.-е. глагольный корень **uei-* : **uoi-* : **uī-* ‘вертеться, поворачи-

чиваться' с расширением основы -s- или -sk- (?). Ближайшую родственную форму усматривали в лит. *viesulas* 'вихрь'. Но не следует оставлять без внимания и проницательное сопоставление К. Буги [Буга 1916: 153] с лит. глаголом *viskėti, viskù* 'колебаться, находиться в движении'. Ср. русск. *вежа, вихать, вихлять, вихнуть, вихрь*;

2) млр. народный географический термин *щобб, м. р.* 'утёс', *щобба, ж. р.* 'крутая вершина' (между прочим, и в Ульяновском р-не Кировоградской обл.) (СНГТК: 206) выводится из праслав. **skylbъ* и далее из герм. **skilbas*, ср. др.-исл. *skjölf* 'высота, отмель', англосакс. *scielf* 'остриё, зубец' (Фасмер 4: 509). М. Фасмер посчитал возможным объединить млр. термин *щобб* с влр. диал. *щолоб* 'красная глина' (олон., Куликовский), который может восходить к праслав. **skelbъ*, как *долото* к **delbto*. В данном случае смущает семантика влр. слова и разное развитие огласовки корня *-оло-* (< **elb-*) и *-ол-* (< **ylb-*). Выходит, в позднепраслав. диалектную общность заимствованы два германских алломорфа, один **skelbas*, а другой **skilbas*, первый — в сев.-слав. диалекты (лехитский + ильменско-словенский?), а второй в ю.-вост.-слав. диалекты. Соответственно, предполагаются разные источники заимствования? Или перед нами вообще гетерогенные лексемы: одна заимствована в млр. диал. из зап.-герм., а в сев.-влр. диал. — из другого источника, не германского вовсе?

С подобными этимологическими проблемами сталкиваешься нередко при работе с народной географической терминологией Новосербии и всей Новороссии.

Завершая краткий обзор топонимии и народной географической терминологии Новосербии, автор обращается к научному сообществу с призывом обратить внимание на Новороссийский ареал великорусского языкового и культурного распространения и использовать его данные в ареальной лингвистике, лингвострановедении, диалектологии, диалект-

ной лексикографии и лексикологии, диалектной картографии и лингвистической географии.

Литература

Буга К. Славяно-балтийские этимологии (окончание) // Русский филологический вестник. 1916. Т. 75. № 1–2. С. 141–156.

Лызлов А. Скифская история / Подг. текста, коммент., аннотир. указатель имен А. П. Богданов; отв. ред. Е. В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с. (Памятники исторической мысли).

Лызлов А. Скифская история. М.: Эксмо, Алгоритм, 2012. 320 с. (Подлинная история Руси).

Шапошников А. К. Новороссия первоначальная. Топонимические и топографические свидетельства (по состоянию на 1774/5 г.) // Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина. Кн. 1. Сборник научных трудов. К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. С. 15–73.

[*Santini.*] La Crimée, La Nouvelle Russie, les Tatares Nugay et d'Oczakow, les Zaporoviens, et partie de la Circassie. Venise, 1777.

Каталог исторической топонимии и народной географической терминологии Новосербии

Архангелгородъ Ст. [Archangelgorod St.], или *Архангельскъ посадъ* — посад бывших военных поселений в Елисаветградском уезде Херсонской губернии, с хуторами *Архангельским*, Дунаевом и Хамихином; расположен при впадении речки *Торговицы* в *Синюху* (*Синие воды*), против местечка *Торговицы* Уманского уезда Киевской губернии Малороссии. Ныне пгт *Новоархангельск* Новоархангельского р-на Кировоградской обл. Ср. *Архангельское* село («За копитаном за Григорьем Григорьевым сыном Скорняковым Писаревым з братьями з Богданом да с Ъваном село Архангельское в нем цѣвъ во имя архистратига Михаила да предел Иоанна Воинственника у той цѣви 1710 г.» [Перепись 1710 года: л. 114 № 44]) и гидроним В. Дона *Архангельский* [Отин 2011: 93]. Топони-

мы обязаны своим происхождением названиям церковного праздника или приходских церквей.

Аршын — название земельного участка у с. Добрянка Ольшанского р-на (СНГТК: 14), из ст.-русск. *аршинъ* и влр. диал. *аршын* (СРНГ 1: 282).

Балото, *болото* — лужа и болото у с. Злинка Маловысковского р-на; болото, мокрая заболоченная низина; лужа, большая лужа во многих местах (СНГТК: 18, 27); влр. простореч. форма сущ. *болото* с редукцией предударного слога.

Балта — речка, источник, поток и разлив реки у пгт Ольшанка (СНГТК: 18); архаичная позднепраслав. форма, предковая как для болг. *блато*, так и для русск. *болото*. Такая форма заимствована в валашские диалекты в виде *baltă*.

Бар — мокрое место между двумя взгорьями у с. Покатилово Новоархангельского р-на; глубокий обрывистый овраг у с. Панчево Новомиргородского р-на (СНГТК: 19); из влр. диал. *бар* ‘болото, место, непригодное для хозяйственных целей’ (СРНГ 2: 98), ср. сербск. *бăра* ‘стоячая вода от дождя или источника в углублении’, ‘небольшое количество воды или другой жидкости, которое задерживается на некоторое время в каком-то месте’, ‘большая вода, море, река’, ‘заливной луг’ или болг. *бара* ‘речушка, ручеёк’.

Безвóдье — отмель у с. Косовки Александрийского р-на (СНГТК: 20); из влр. *безвóдье*.

Бéздна, *Бéзна* — пропасть, глубокая пропасть; круча, крутой горный склон; яма в реке (СНГТК: 20–21); из серб. *бéздна*, *бéзна* или влр. *бéздна*.

Березóк — заливной луг у пгт Компанеевка Компанеевского р-на (СНГТК: 20); из влр. *березóк*.

Березóвка — берёзовый лес в пгт Добровеличковка Добровеличковского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 24); ср. влр. диал. *берёзовка* в разн. знач. (СРНГ 2: 253).

Беринка [Berinka R.] — река; производное с суф. *-ка* от фамилии *Берин* (?), ср. с. *Беринка* Уманського повіту Шаулихської волості.

Беча — шанец в регименте пандуров; из серб. имени собственного *Бѣћа* или сущ. *бѣча* ‘змея, смок’, *бѣча* ‘особа, которая смотрит широко раскрытыми глазами’, порча серб. топонима *Бечей*.

Бечка [Věčkā] — шанец в регименте гусаров Хорватских; порча серб. *бѣчка* ‘венская’ или топонима *Бещка*.

Благоватъ — шанец в регименте пандуров; серб. произв. прил. на *-ат-* от глаг. *благовати*, *благуюјем* ‘жить в довольстве, в изобилии’, ‘наслаждаться жизнью’.

Бобринка — село Бобринецкого р-на (СНГТК: 7); производное с суф. *-ка* от основы *бобриный*.

Бог [Bog R.] — река, «Доном, Ворсклом, и Днепром, и Богом (. . .) Торговица на устье реки *Бого*, за Уманую 25 верст» [Лызлов 1692: л. 9 об., л. 10 об.]; польская форма *Вох*, ныне Южный Буг.

Болотце (СНГТК: 27); из влр. *болотце*.

Больша́к — дорога с твёрдым покрытием у г. Кировограда (СНГТК: 28); из влр. устар. *больша́к*, тж. ср. диал. *больша́к* в разн. знач. (СРНГ 3: 86).

Бояра́к, *Байра́к* — названия многих оврагов, яров; яров, поросших лесом; отрогов оврагов; лесков в оврагах; низин, поросших деревьями; небольших лесов (СНГТК: 15–16); из ст.-русск. *бояракъ*, *fovea magna* (грамота 1599 г.), и влр. диал. *бояра́ки* ‘небольшие участки лесов, сохранившиеся от сплошных массивов’ (дон.), *бояра́к* ‘буерак, овраг’ (Урал) (СРНГ 3: 143), ср. топонимы *Глухой Бояракъ* [Glukoi Wojarak] близ Бахмута в Славяно-Сербии и *Данилов Бояракъ* [Danilow Wojarak], а также село с церковью [Перепись 1710 года], ср. гидронимы Дона *Данилова*, *Даннилов*, *Даниловский* [Отин 2011: 19, 215, 353; 2: 471, 487, 510, 603, 693] и *Боерак*, *Буерак* [Отин 2012: 24, 66, 407, 498, 676, 681], *Мокрой Бояракъ*, «За адмиралом и ковалером генералом и губернатором Азовским и тайным советником и президентом адмиралтейств графом Феодором Матвеевичем Опраксиным Село *Мокрой Боярак*. В том селе церковь во имя Воздвиже-

ния Честнаго и Животворящаго Креста Господня верхняя в ысподи церковь во имя Святаго великомученика Христова Никиты» [Перепись 1710 года: л. 9], ср. гидронимы В. Дона *Мокрой*, *Мокрой Проток* и Н. Дона *Мокрой Батай*, *Мокрой Буглай*, *Мокрой Бурлучек*, *Мокрой Груской*, *Мокрой Изюмец*, *Мокрой Разрытой Колодязь*, *Мокрой Чалтор*, *Мокрой Чалтыр*, *Мокрой Чалтырь* [Отин 2011: 28, 149, 156, 168; 2012: 133, 140, 228, 348, 361, 609, 614, 730]; совр. русск. *буерак*.

Брѳвка — береговая линия у г. Кировограда и у с. Измайловка Александрийского р-на (СНГТК: 29); из влр. диал. *брѳвка* ‘вершина обрыва над рекой’ (волж.), ‘небольшая полоса берега до кромки’ (арханг.) (СРНГ 3: 183).

Брод — отмель на речке у г. Кировоград и у г. Знаменка (СНГТК: 29); из влр. диал. *брод* ‘перекат, порог на реке’ (твер.) (СРНГ 3: 184).

Брыла, *Брыло* — отдельно стоящий большой камень (СНГТК: 28, 29); из влр. диал. *брыла*, *брылы*, *брыла*, *брылы* ‘губа; зуб’ в перен. знач., мн. ч. ‘поля круглой шляпы’ и т. п. (СРНГ 3: 216).

Брыля — большие камни у с. Севериновка Александровского р-на (СНГТК: 29); из влр. диал. формы мн. ч. *брыля* от *брыль* ‘пригорок, кочка’ (пск.), ‘бугорок на дереве, на том месте, где был сук’ (пск.) (СРНГ 3: 218).

Бряг — берег у села Ольшанка Ольшанского р-на (СНГТК: 30); из болг. *бряг* ‘берег’ [Бунина 1954].

Бугѳр — возвышенность; горный хребет; небольшая пологая насыпь песка у речки; отдельный холм, насыпь, по всей обл. (СНГТК: 30–31); из влр. диал. *бугѳр* ‘большой холм, гора’ (дон.) и т. п. (СРНГ 3: 237).

Бугорѳк — небольшой холм, возвышенность у с. Надлак Новоархангельского р-на, пгт Добровеличковка, с. Молодёжное Долинского р-на, с. Камышеватая Новоукраинского р-на, Измайловка Александрийского р-на; повышение дороги у г. Кировоград, у пгт Новоархангельск (СНГТК: 31); влр. уменьш. к *бугѳр*. См. бугор.

Буковѡ (*Буковарѡ*) [Вukow] — шанец в регименте гусаров Хорватских; сокращение серб. топонима Буковорь, Буковар, Буковар или Бу́ковā, Бу́ково — монастырь в Вост. Сербии у Неготна.

Булыга — отдельный камень у г. Новоукраинка (СНГТК: 31); из влр. *булыга* ‘камень, булыжник’, диал. ‘дикий камень, булыжник, валун’ (тул.) (СРНГ 3: 272).

Бульѣжник, *Буліѣжник*, *Буліѣжник* — отдельный камень у г. Кировоград, у пгт. Ольшанка, с. Федоровка Добровеличковского р-на, Измайловка Александрийского р-на (СНГТК: 31); из влр. *бульѣжник*, ср. диал. *бульѣжник* ‘крупный камыш’ (СРНГ 3: 272).

Бурелом — поваленный бурей лес у с. Михайловка Александрийского р-на (СНГТК: 32); из влр. *бурелом*.

Быстри́ца (СНГТК: 24–25); из ст.-русск. *Быстрица*: «...на Быстриць озерко Кункановское съ истокомъ и съ берегами и съ вешними заливы и водовороти» (Кн. п. Хлын., 212. 1638 г.) (СлРЯ XI–XVII 2: 255), ср. влр. диал. *быстрица*, *быстри́ца* в др. знач. (СРНГ 3: 351).

Вада — брод у с. Доброе Ольшанского р-на (СНГТК: 34); из болг. *ва̀да* ‘грядка, гряда’ [Бунина 1954], ср., впрочем, влр. диал. *ва̀да* в разн. знач. (СРНГ 4: 10–11).

Вадапо́й — у с. Злинка Маловыковского р-на (СНГТК: 34); произносительный вариант влр. диал. *водопо́й* ‘водопойное корыто, колода’ (тул.) (СРНГ 4: 344).

Вал — отдельная насыпь; гряда, продолговатая возвышенность; куча; большой камень или большие камни, по обл. (СНГТК: 34); из влр. диал. *вал* ‘кряж’ (СРНГ 4: 19).

Вале́жник — болото, заболоченное топкое место у пгт Смолино Маловыковского р-на (СНГТК: 34); из влр. диал. *вале́жник* ‘мелкий кустарник’ (смол.) (СРНГ 4: 22), ‘бурелом, ветви сучья’ (Фасмер 1: 269).

Валу́н — отдельный большой камень у с. Бирки Александровского р-на, у пгт Новоархангельск (СНГТК: 35); из влр. диал. *валу́н* ‘гриб валуйка’ (верхнетур.) (СРНГ 4: 31).

Валуны́ — большие камни у с. Соломея Гайворонского р-на (СНГТК: 35); из влр. диал. *валу́н* ‘гриб валуйка’ (верхнетур.) (СРНГ 4: 31).

Валы́ — гребни, продолговатые возвышенности, группа холмов в Кировоградском р-не (СНГТК: 34); из влр. диал. *вал* ‘кряж’ (СРНГ 4: 19).

Варажди́нъ [Warasdin] — село, видимо, главный городок регимента Пандуров, ныне в Кировоградской обл., который был назван в честь города *Вараждин* (хорв. *Varaždin*, нем. *Warasdin*, лат. *Varasdinum*, венг. *Varasd*) на северо-западе Хорватии (расположен в 81 км к северу от Загреба, на реке Драва, первый вольный королевский город Хорватии с 1209 г.). Ср.: «Прииде потом под град *Варадин*, иже есть среди земли Венгерский, отсюда крепко утвержен стенами каменными и водами многими» [Лызлов 1692: л. 21].

Велика Высь — река в регименте гусаров, с. Велика(я) *Виска* и г. Малая *Виска* Маловисковского р-на (СНГТК: 8); влр. диал. прилаг. *великий*, *великая*, *великое* в топонимических названиях (СРНГ 4: 108), ср. гидронимы Верхнего Дона на *Великая Ворона*, *Великая Ира*, *Великий*, *Великой Ржавец* [Отин 2011: 112, 120, 228, 235, 298, 304, 408, 506].

Вербушка [Werbuszka] — шанец в регименте пандуров (см.) у демаркации границ по Белградскому договору; из влр. диал. *вѣрбушка* (СРНГ 4: 123), ср., впрочем, с. *Верблюжка* Новгородковского р-на Кировоградской обл.

Вермош — шанец в регименте гусаров Хорватских; порча серб. топонима *Вермоши* или отвлечено от устар. *вѣрмаш* ‘воевода, командующий войском’.

Верх — вершина горы, возвышенности, по обл. (СНГТК: 37); из влр. диал. *верх*, тж. и в др. знач. (СРНГ 4: 158).

Верховина — верховье речки у с. Каниж Новомиргородского р-на (СНГТК: 37); из ст.-русск. *верховина*: «...а изъ Фетиньина болота по крайнюю верховину рѣчки Непложи» (Ряз. п. кн. II, 447. 1567 г.) (СлРЯ XI–XVII 2: 108), и влр. диал. *верховина* ‘верховье реки’ (СРНГ 4: 163).

Верху́шка — вершина горы, возвышенности, по всей обл. (СНГТК: 37); из ст.-русск. *верхушка* и влр. диал. **верху́шка** в перен. знач. (СРНГ 4: 171).

Вёрша — мелкое место в пруду, поросшее очеретом, или отмель у с. Кирово Долинского р-на (СНГТК: 37); из ст.-русск. *верша* ‘рыболовный участок’: «Отведено... четыре верши рѣчные» (Кн. отводн. Пильн. с. Арх. Он. 1678 г.) (СлРЯ XI–XVII 2: 108), и влр. диал. **верши́**, мн. ч. ‘плетень из ивовых прутьев’ (олон.) (СРНГ 4: 172).

Вершина — верхняя часть возвышенности; исток речки у с. Ганнинское и г. Кировограда; отмель у с. Михайловка Александрийского р-на (СНГТК: 37–38); из ст.-русск. *вершина* ‘верх чего-л., верхушка, вершина; возвышенное место’, ‘яр, обрыв, крутой берег, водороина с крутыми берегами’, ‘ложбина; верховье, исток’, «...до вершины той же рѣки Солодчи...» (Ряз. п. кн. II, 486. 1597 г.) (СлРЯ XI–XVII 2: 108), и влр. диал. **верши́на** ‘склон, ложбина, по которым течет вода во время половодья’, ‘русло реки’ (калуж.) (СРНГ 4: 173).

Вершино-Камѣнка — село Новгородковского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 8); влр. топооснова *вершино* в знач. ‘истоки реки’, см. *вершина*.

Вершино-Стѣриновка — река, в верховьях которой расположены село Федварь (СНГТК: 13) и населенный пункт (село/поселок) *Вершино-Севериновка* из уезда Александровский (упоминается в книге «Списки населенных мест Херсонской губернии в 1868 гг.»), основа *вершино*- в знач. ‘истоки реки’, ср. гидронимы *Вершина*, *Вершина Барбошева*, *Вершина Капустиного Яра*, *Вершина Крутая* [Отин 2011: 277, 278, 404, 446; 2: 127, 249, 575, 684].

Взгóрок — холм, возвышенность у с. Надлак Новоархангельского р-на (СНГТК: 38); из ст.-русск. *взгорокъ* (1578, 1620, 1688 гг.) (СлРЯ XI–XVII 2: 147) и влр. диал. **взгóрок** ‘бугор’ (вят.) (СРНГ 4: 257).

Вир — омут, водоворот в речке, повсеместно в Новой Сербии (СНГТК: 42); из сербохорв. *vîr* ‘глубокое место в реке, речном потоке, озере, море; водоворот; ключ, источник’ или из влр. диал. *вир* ‘глубокое место в реке или озере; омут, водоворот, пучина’ (курск., пск., смол., брян., тул., калуж., орл., твер., перм.) (СРНГ 4: 291).

Виска, реки *Малая Виска*, *Великая Виска* в Маловишковском р-не (СНГТК: 10); из ст.-русск. *виска* ‘проток, ручей’: «*А имѣ тою вискою и съ озеркомѣ владѣти...*» (Д. опричн., 478. 1574 г.) (СлРЯ XI–XVII 2: 189), и влр. диал. *вѣска* ‘ручей, протока, небольшая речка’ (арханг., беломор., печор.), ‘вытекающий из озера проток или небольшая речка, впадающая в море, озеро или реку’ (арханг.), ‘просыхающая протока’, *сухая виска* ‘высохшее русло реки, ручья’ (арханг.) (СРНГ 4: 295).

Височина — возвышенность (СНГТК: 44); из болг. *височина*.

Влагоши — шанец в регименте пандуров (см.); порча серб. топонима *Влагоши*.

Водоворот, *Водоворѣтъ*, *Водоворѣти* — микропонимы (СНГТК: 49–50); из ст.-русск. *водоворотъ* ‘водоворот’ (1638 г.) (СлРЯ XI–XVII 2: 255) и влр. диал. *водоворѣтъ*, *водоворѣтъ* ‘водоворот’ (арханг.) (СРНГ 4: 341).

Водоотвод — отводной канал у г. Александрия (СНГТК: 50); из влр. *водоотвод*.

Водопад — встречается по всей области (СНГТК: 51); из влр. *водопад* и диал. *водопад* ‘прилив воды’ (пск.), *водопадъ* ‘водопад’ и ‘убыль воды после разлива’ (Даль, без указ. места) (СРНГ 4: 344), при млр. *водоспад* в калькировании влр. топонимии (СНГТК: 51).

Водопой — места для поения скотины в Александрийском, Кировоградском, Бобринецком р-нах (СНГТК: 51); из ст.-русск. *водопои*: «...*посылати къ водопою конюховъ...*» (Польск. д. II, 458. 1555 г.) (СлРЯ XI–XVII 2: 257), и влр.

диал. *водпо́й* ‘водопойное корыто, колода’ (тул.) (СРНГ 4: 344).

Водосто́к — место, где собирается вода после дождя, с. Камбурлиевка Онуфриевск. р-на (СНГТК: 52); из влр. *водсто́к*.

Водото́к, *Водото́ки* — дождевой сток, пгт Павлиш, с. Надлак, место, где собирается вода после дождя (СНГТК: 52); из ст.-русск. *водото́къ* (СлРЯ XI–XVII 2: 258) и влр. диал. *водото́к*, *водото́ка*, как и *водоте́чь* ‘струя воды’, ‘родник, небольшой ручей’, ‘желоб для стока воды’ (пск., дон.), *водото́ки* ‘места, заливаемые водой в половодье’ (кокчетав.) (СРНГ 4: 346).

Воли́анка [Wolszanka] — ныне пгт *Вильшанка* Вильшанского р-на или с. *Вильша́нка* Новоархангельского р-на Кировоградской обл. (СНГТК); из ст.-русск. *вольшанка* (от *вольха*), варианта *ольшанка* (от *ольха*) (СлРЯ XI–XVII 3: 18), ср. влр. топоним Нижняя *Волианка* в Кировской области; влр. диал. *вольшня́къ* ‘ольховник’ (пенз.) (СРНГ 5: 87).

Вольной фортъ [Fort Wolnoi]; из ст.-русск. *вольной*, варианта прилаг. *вольныи* (СлРЯ XI–XVII 3: 17–18).

Воро́нка — яма природной круглой формы; место, где вода исчезает под землёй (СНГТК: 52–53); из ст.-русск. *воронка* (СлРЯ XI–XVII 3: 33), ср. влр. диал. *воро́нка* в разн. знач. (СРНГ 5: 116).

Впа́дина — яма, углубление на вершине горы, яма в реке, место, где вода исчезает под землёй, долина между горами или холмами, небольшая долина между двумя возвышенностями, низина, залитая водой (СНГТК: 53); из влр. *впа́дина* в разн. знач., диал. *впа́дина* ‘луговая низина’ (дон.) (СРНГ 5: 169).

Выбоина — многочисленные микротопонимы (СНГТК: 39); из влр. *выбоина*, ср. влр. диал. *вы́бой* ‘яма, ухаб на дороге’ (курск., влад., смол.) (СРНГ 5: 247).

Выбой, *Выбои* — углубления, ямки в дороге у с. Покатилово Новоархангельского р-на (СНГТК: 38, 39); из влр. ди-

ал. *вы́бой*, *вы́бои* ‘яма, ухаб на дороге’ (курск., влад., смол.) (СРНГ 5: 247).

Вы́гон — луг, где выпасают скот у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, у сёл Кировоградского р-на, у с. Злинка Маловишковского р-на, у пгт Новгородка, у с. Владимиро-Ильинка Бобринецкого р-на, у пгт Молодёжное Долинского р-на (СНГТК: 40); из влр. *вы́гон* в подобн. знач. и влр. диал. *вы́гон* ‘площадь на краю села, где стоят ветряные мельницы, общественные амбары’ (СРНГ 5: 267).

Выкрута́с — поворот русла речки у г. Гайворон (СНГТК: 41); из влр. *выкрута́сы* ‘большие круги (при беге животного)’ (СРНГ 5: 297).

Вы́моина — ров, вырытый водой, овраг, прорытый водами, подмытый берег, по всей обл. (СНГТК: 41); из влр. *вы́моина* тж.

Вы́пас — пастбище у с. Бобринка Бобринецкого р-на (СНГТК: 42); из влр. *вы́пас* тж.

Вы́рубка, *Вы́рубки* — микротопонимы по обл. (СНГТК: 43) — из влр. *вы́рубка*, ср. влр. диал. *вы́рубок* ‘вырубленный лес’ (перм.) (СРНГ 6: 13).

Высота́ — возвышенность, вершина горы, по обл. (СНГТК: 44); из влр. *высота́*, *безымянная высота*, ср. диал. *высота* ‘гордость’ (СРНГ 6: 26).

Вы́ступ — по всей обл. (СНГТК: 45); из влр. *вы́ступ* тж.

Гайворон — стая ворон, галок, грачей, ныне г. Гайворон Гайворонского р-на; из ст.-русск. *гаи*, м., собир., ‘стая птиц (ворон, грачей, галок)’ (Письмо к Матюшкину, 30. 1650 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 8), влр. диал. *гай* ‘лесок или крик, шум, гам’ (южн., курск., костром.) (СРНГ 6: 95–96), и формы род. п. мн. ч. сущ. *ворона*.

Гай — небольшой лес, небольшой сосновый лес, липовый лес, заросли кустарников у речки, низкое место, вербняк (СНГТК: 54); из ст.-русск. *гаи* ‘роща, небольшой лес’ (СГД IV, 161. 1665 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 8), влр. диал. *гай* ‘лесок, роща, чаща в лесу’ и т. п. (СРНГ 6: 95–96).

Гáлька — каменистый берег у с. Краснокаменка Александрийского р-на (СНГТК: 54); из влр. *гáлька*, ср. ст.-русск. *галка* ‘шарик, небольшой шар’, мн. ч. *галокъ* (ДАИ XII, 318. 1687 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 9), влр. диал. *гáлька* ‘валун, округлый камень’ (яросл., перм.) (СРНГ 6: 122).

Гарбузинъ [Garbusin] — на Днепре; производное с суф. *-инъ* от варваризма *гарбуза́*. Ср. влр. диал. *гарбузи́нье* ‘стебли и листья тыквы’ (курск.) (СРНГ 6: 138), гидронимы Н. Дона *Гарбузная* [Отин 2012: 460, 508, 509, 688].

Гарь — выпаленное место в лесу в Александрийском, Кировоградском, Долинском, Маловыковском р-нах (СНГТК: 55); из ст.-русск. *гарь* ‘выжженное или выгоревшее место в лесу, выжженный участок леса, предназначенный под пашню’ (АСВР II, 193. ок. 1492 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 12), восходящего к термину подсечно-огневого земледелия **гарь* [Куркина 2011: 74, 325]. Ср. влр. диал. *гарь* ‘выжженное место в лесу, предназначенное для посева’, ‘лес на выгоревшем месте’ и т. п. (СРНГ 6: 148–149).

Гáти, мн. ч. — дорога на болоте у с. Мощёное Гайворонского р-на (СНГТК: 55); из др.-русск. *гатъ* ‘настил или насыпь через болото или топкое место дороги’, ‘плотина’ (Ипат. лет., 315), влр. диал. *гатъ* ‘запруда, плотина для проезда, прохода через небольшую реку, пруд’ (курск., дон., костром.), ‘просёлочная дорога, вымощенная тонкими древесными стволами с канавами по бокам’ (углич., яросл.) (СРНГ 6: 153).

Гáтник — небольшой водоём для разведения рыбы у с. Краснокаменка Александрийского р-на (СНГТК: 55); новорос. производное с суф. *-икъ* от основы ст.-русск. *гатня* ‘плотина’, *на прудовои гатнъ* (Кн. п. Моск. II, 1285. 1589 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 13), или влр. диал. *гáтныйй* ‘то же, что гачёный’ (СРНГ 6: 153).

Гать, ж. р. — дорога на болоте у пгт Новая Прага Александрийского р-на; плотина у с. Фёдоровка Добровеличковского р-на (СНГТК: 55); из др.-русск. *гатъ* ‘настил или на-

сыпь через болото или топкое место дороги’, ‘плотина’ (Ипат. Лет., 315) (СлРЯ XI–XVII 4: 13), влр. диал. *гатъ* ‘запруда, плотина для проезда, прохода через небольшую реку, пруд’ (курск., дон., костром.), ‘просёлочная дорога, вымощенная тонкими древесными стволами с канавами по бокам’ (углич., яросл.) (СРНГ 6: 153).

Генеральска Слобода [Generalzka Sloboda] — военное поселение в регименте гусаров хорватских; из ст.-русск. *генеральскии, жалования генеральского* (Гебд., 39. 1661 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 18). Ср. гидронимы Н. Дона *Генеральская* и *Генеральское* [Отин 2012: 219, 537, 586, 604, 610, 688].

Глаговоц — шанец в регименте пандуров; порча серб. апеллятива *гльговац*, производного от *гльг* ‘боярышник *Crataegus monogyna*’, отвлеченных от него антропонимов *Гльговац* или *Гльговац*, или топонима *Глоговица*.

Гладь — тихое течение реки или тихая застойная вода у берега реки у сёл Добровеличковского и Новоукраинского р-нов (СНГТК: 56); из влр. диал. *гладь* ‘ровное гладкое место’ (волог.), ‘болото, лишённое лесной растительности’ (новг.) (СРНГ 6: 219).

Глыба, Глыба — отдельный камень у с. Екатериновка Долинского р-на, у пгт Павлиш Онуфриевского р-на, у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 57); из ст.-русск. *глиба, глыба* тж. (Х. Рад., 74. 1628 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 39) и влр. диал. *глыба* (СРНГ 6: 220).

Глинище — место добычи глины, яма, откуда берут глину (СНГТК: 57); из ст.-русск. *глинище, глинище* ‘место, где берут глину, участок земли с глинистой почвой’: «на *глинища Дмитреевского села Нового*» (А. феод. землевл. I, 38. 1527 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 33), ср. влр. диал. *глинищя*, ж. р., ‘глинистая почва’ (яросл.) (СРНГ 6: 197).

Глинской [Glinskoi] — шанец в регименте пандуров; городок *Глинскъ* упоминается в летописях впервые в 1320 г. Он был подарен правителем Литвы, князем Витовтом, татарскому князю Лексе /Лексаде/, родоначальнику князей

Глинских. Из Черкасс — мать Ивана Грозного, Елена Глинская. Глинская крепость известна с 1446 г. Из Черкасс на службу московским князьям в 40-х гг. XV в. переселились касимовские татары. С 1672 г. Глинск был местом размещения одной из сотен Лубенского казацкого полка. После становится сотенным местечком Миргородского полка, ныне с. Глинск Светловодского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 8); ст.-русск. форма прилаг. *глин(ь)скѡи*, производного с суф. *-ьскѡ* от *глина*. Ср. гидроним Н. Дона *Глинской* [Отин 2012: 129, 688].

Грамолейка [Wielka Gramoleyka], иначе *Нормоклея*, *Громоклея* [Трубачёв 1968: 241, 252] — с. Фёдоровка Добровеличковского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 112); словосложение с соединительным *-о-* основ *гром-* ‘гром, грохот, сильный шум’ и *лейка* ‘место, где вода исчезает под землю’, или порча польского словосложения *Gromowlejka*? Ср. гидроним В. Дона *Черталеяка* [Отин 2011: 464, 564].

Грѣва — гребень холма, продолговатая возвышенность (СНГТК: 64); из ст.-русск. *грѣва* ‘поросшая лесом возвышенность, холм’ (Дух. и дог. гр., 291. 1483 г.) (СлРЯ XI–XVII 4: 134) и влр. диал. *грѣва* ‘высокий лес, растущий полосой’ (арханг., сев.-двин., яросл., костром., влад., твер., тамб.), ‘не широкое, но длинное возвышение между двумя логами или пропастями’ (сев.-вост.), ‘длинный, узкий мыс’ (перм.) и т. п. (СРНГ 7: 143).

Грузкая [Gruskaja] — ныне с. *Грузкое* Головановского р-на или с. *Грузкое* Кировоградского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 8, 90, 220); влр. прил. *гру́зкий*, диал. *гру́зко*, нареч., безл. ‘тяжело’ (СРНГ 7: 167), однокоренное сущ. *грузина́*, ж. р. ‘болото, заболоченное топкое место’, и *грузька́ густина́* ‘прибрежные подтопления при разливах’ (Знаменка, Знаменского р-на Кировоградской обл.) (СНГТК: 64–65), ср. гидронимы Нижнего Дона *Грузька*, *Грузкая*, *Грузькая*, *Грузкий*, *Грузький*, *Грузький Єрик*, *Грузская*, *Грузская Новая Соль*, *Грузские*, *Грузский*, *Грузское*, *Грузской Яр*, *Грус-*

кая, Грусска, Грусская [Отин 2012: 125, 143, 184, 281, 295, 296, 302, 415, 468, 472, 475, 515, 521, 523, 559, 591, 612, 692].

Гуляма — холм на открытом месте у пгт Ольшанка, Ольшанского р-на (СНГТК: 65–66); из болг. *голяма* ‘большая’ [Бунина 1954].

Гурé, Гурéта — лес, заросли леса у пгт. Ольшанка; из болг. *горй, горйте*, мн. ч., ‘леса’ [Бунина 1954].

Дáмба — плотина на речке, место, где вода вытекает из пруда (СНГТК: 67); из влр. *дáмба*.

Дáча — земельный участок, поле, в общем значении (СНГТК: 67); из влр. диал. *дáча* ‘участок поля, луга’ (брян.), ‘сенокосный участок’ (яросл.) (СРНГ 7: 279).

Дéбри, Дéбри — заросли кустарников у с. Первомайское Долинского р-на, с. Покатилово и пгт Новоархангельск, у г. Новоукраинка, сёл Добровеличковского р-на, у г. Кировоград; заросли деревьев у сёл Добровеличковского р-на, у пгт Смоленое Маловисковского р-на; густой нечищенный лес у г. Новоукраинка (СНГТК: 67, 68); из влр. *дeбрь, дéбри*, диал. *дéбря* ‘лесная чаща’ (север.) (СРНГ 7: 313).

Демаркация границ России, установленная договором в Белграде [Demarcation des Frontieres de Rufsie etablies par le Traité de Belgrade], — от Раскольника до Вербушка и Форта Ингул, оттуда до истока Суры.

Дерезá — заросли кустарников у с. Лавринка Долинского р-на, с. Павлиш Онуфриевского р-на, с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 68); из влр. *дерезá* ‘растение подмаренник цепкий’, производного с суф. *-ез-а/-оз-а* от основы *дeру, драть*.

Дeрн — необработанное поле у г. Кировоград (СНГТК: 68); из влр. диал. *дeрн, дёрн*.

Дёрта — старый лес у с. Ольшанка Ольшанского р-на; порча болг. *дърта горà* ‘старый лес’ [Бунина 1954].

Дмитревскóй [Dmitrewskoi] — шанец в regimente гусаров Хорватских, позднее *Дмитровка*, ныне пгт *Димитрово*, Александрийского р-на Кировоградской обл. или с. Ди-

митрово Устиновского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 9, 42, 127); ст.-русск. форма, ср. «*Дмитриевская* слобода в той слободе церковь во имя Святаго великомученика Димитрия Селунского Азовск. губ. 1710 г.» [Перепись 1710 года], гидроним Верхнего Дона *Дмитриевская* [Отин 2011: 466, 513].

Днїпрѣ рѣка [Dniepr Fl.] — река была восточной границей Ново-Сербии от ... до ..., «...Доном, Ворсклом, и *Днепром*, и Богом...» [Лызлов 1692: л. 9об.], этимологию см. в ЭССЯ.

Добрѡва — смешанный лес у сёл Миргородского р-на (СНГТК: 71); из влр. диал. *добрѡва*, *дубрѡва*. См. *Дубрава*, *Дуброва*.

Домачинцы [Domaczynczy] — село и крепость в регименте пандуров; скорее всего, из серб. формы мн. ч. *домѧћинци* сущ. *домѧчинац*, *-ѧнца* ‘домовитый человек, живущий в собственном домохозяйстве, в своем родном окружении’, производного от сущ. *домѧћин* ‘домохозяин, старший в роду и т. п.’ и прилаг. *дѡмѧћѡ* ‘хозяйственный, относящийся к домашнему хозяйству, домашний’.

Дру́гий Омельникѡ или *Омѡльникѡ* [Drugi Oniebak] — на этой реке были военные поселения регимента пандуров *Чанат*, *Омельницкая*, *Домачинцы*; ст.-русск. гидроним отвлечен от одного из двух микропонимов: *Омельникѡ* или *Омѡльникѡ*, по сути, перенесенный топоним с берегов Псѡла, где село *Омельник* было основано в 1630 г. См. *Омельникѡ*, *Омѡльникѡ*.

Дру́гий Онїебакѡ [Drugi Oniebak] — речка в регименте пандуров, ныне речка у с. *Омельник* Онуфриевского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 11, 30); испорченный гидроним *Другий Омельник*, см. выше.

Дубкі, *Дубѡк* — небольшой дубовый лес у с. Солгутово Гайворонского р-на, с. Измайловка Александрийского р-на; у с. Треповка Знаменского р-на (СНГТК: 73); из влр. *дубок*, *дубки*.

Дубра́ва, Дубро́ва — дубовый лес у с. Борки Александровского р-на и у г. Новомиргород; у г. Светловодск (СНГТК: 73); из влр. *дубра́ва, дубро́ва*.

Дули́не — долина, широкая низина у пгт. Ольшанка (СНГТК: 73); болг. диал., произношение болг. *долинà, -й*, см. [Бунина 1954].

Ды́рка — место, где вода исчезает под землёй у с. Екатериновка Долинского р-на (СНГТК: 69); из влр. *ды́рка*.

Ёльник, Ёльник — ельник, заросли ели у с. Богдановка Знаменского р-на (СНГТК: 7, 51, 73); из влр. *ёльник*.

Жёлоб — канава с проточной водой, водовод у с. Измайлровка и с. Борки Александрийского р-на; старое русло речки у с. Краснокаменка Александрийского р-на, с. Красное Гайворонского р-на (СНГТК: 74); из влр. диал. *жёлоб, жоблоб*, в разн. знач. (СРНГ 9: 108–109); вероятно, усечения основы *жселобок*. См. желобок.

Желобок — родник, источник у г. Светловодск, с. Гостиное Знаменского р-на, у сёл Новомиргородского, Онуфриевского и Александрийского р-нов (СНГТК: 74); уменьш. к пред., ср. влр. диал. *жселобок* (онеж.) (СРНГ 9: 110), праслав. **želbokъ*.

Жёлтая [Sczoltaja] — река, долину реки *Жёлтой* с её притоками, нивами, зарослями тростника в старину называли урочищем *Жёлтые Воды* (водосбор верховья Ингульца). Поскольку в некоторых местах река омывала выходы железной руды и ярко-жёлтая краска — продукт окисления железняка — попадала в реку, якобы поляки назвали реку *Жёлтой* (польск. лит. *Żółta*, диал. *Zołta*), а долину возле неё — *Жёлтыми Водами*. Эта местность относилась к так называемому Дикому полю. Переправа на реке *Жёлтой* называлась *Жёлтым Бродом*. Здесь стояли казацкие зимовники, укреплённые для защиты от татар. В урочище *Жёлтые Воды* 16 мая 1648 г. состоялась битва малороссийско-татарского войска под руководством Б. Хмельницкого с войсками Речи Посполитой под руководством С. Потоцкого. Эта бит-

ва стала началом войны 1648–1657 гг., в результате которой поляки утратили контроль и над Малороссией, и над Диким полем. На карте Сантини явно не польская и не млр. форма, а влр. *Жёлтая*: *жёлтый*, *желт*, *желта*, *жёлто*, и диал. *жёлтый* (СРНГ 9: 116–118), осознанная калька туземного субстратного гидронима **hingul-/zingul-* [Χιγγυλοῦς, Χιγγυλοῦς] ср. др.-инд. сущ. *hiṅgula-* ‘scarlet dye’, хороним и гидроним *Hiṅgulā* [Mon.-Will.: 1289; Law 1932: 59], санскр. *hiṅgulam* [Roerich 1993: 173] ‘река киноварного цвета, цвета сурика’, ср. гидроним В. Дона *Жёлтые Воды* [Отин 2011: 424, 516]. См. *Ингулец*, *Ингул*, *Зингул-Снгул*.

Жерелó — родник, источник у с. Александрo-Марьевка Добровеличковского р-на, у с. Варваровка Долинского р-на (СНГТК: 74); из влр. *жерелó* ‘отверстие, устье’, диал. *жерелó*, *жерéло* ‘родник, ключ’ (южн., зап., Даль) и т. п. (СРНГ 9: 139–140).

Жéрло — родник, источник у с. Нечаевка Компаниевского р-на (СНГТК: 74); из влр. диал. *жерлó* ‘родник, ключ’ (южн., зап., Даль) (СРНГ 9: 142).

Жи́жа — топкое болото у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 74); из влр. *жи́жа*.

Зáводь — затока у г. Новоукраинки; тихое течение реки у пгт Новгородка Новгородковского р-на (СНГТК: 75); из влр. диал. *зáводь* ‘глухой рукав реки’, ‘старое речное русло’ и т. п. (СРНГ 9: 327).

Загóн — пастбище у сёл Долинского и Новоукраинского р-нов (СНГТК: 76); из влр. диал. *загóн* в разн. знач. (СРНГ 10: 16–18).

Заповéдник, *Заповéдник* — заповедный лес у г. Кировограда, сёл Долинского, Новгородковского и Петровского р-нов (СНГТК: 80); из влр. *заповéдникъ*, производного с суф. *-ик-* от основы прил. *заповедный* (СРНГ 10: 333).

Запрудá — плотина у пгт Павлиш Онуфриевского р-на, у пгт Новгородка, у пгт Молодёжное Долинского р-на,

у г. Бобинец и др. (СНГТК: 80); из влр. диал. *запрўда* ‘маленький пруд с плотиной’ и т. п. (СРНГ 10: 361).

Зарасъл — заросли деревьев и кустарников у с. Олышанка Олышанского р-на (СНГТК: 80); из болг. *зарасъл* ‘заросший’ [Бунина 1954].

Зáросли, Зáросли, Зáросль — заросли кустарников, заросли деревьев, по всему региону (СНГТК: 80, 81); из влр. диал. *зáросли* ‘земля, непригодная для возделывания’ (болотн.) (СРНГ 11: 5).

Застóй — место, где собирается вода после дождя у с. Новый Стародуб Петровского р-на; тихая стоячая вода у берега в с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, у с. Грузкое Кировоградского р-на (СНГТК: 82); из влр. диал. *застóй* ‘стоячая вода в озёрах или болотах, покрытая тиной, с затхлым запахом’ и т. п. (СРНГ 11: 61).

Затóка — мелкий рукав речки, по всему региону (СНГТК: 82); из влр. диал. *затóка* ‘болотистый луг и песчаное место, затопляемые весной при разливе рек’ (смол.) (СРНГ 11: 96).

Затóн — участок, затапливаемый водой во время паводка, прибрежные места во время разлива реки у г. Гайворон (СНГТК: 83); из влр. диал. *затóн* в подобн. знач. (СРНГ 11: 98).

Зелёнка — лес у г. Александрия (СНГТК: 85); из влр. диал. *зелёнка* ‘зелень на корню, зелёный покров’ (калуж.) (СРНГ 11: 248) или жарг. ‘зелёный лес, лесополоса’.

Земуні, Земун [Semuni] — шанец в регименте пандуров; может быть, порча серб. прилаг. *зёмуні* ‘земляной’, а не перенос топонима *Зёмун, Зёмун*, в память о *Земуне*, городе у слияния Савы и Дуная, некогда венгерской крепости, а ныне пригороде Белграда в Сербии.

Зингул Свнгул [Συγγουλ] — р. Ингул или Ингулец; историческая форма гидронима Ингул в ДАІ Константина Багрянородного не является опиской греческих переписчиков, она отражает регулярный туранский или сарматский рефлекс

* ζ^h ingula- индоарийского гидронима *Hingula- [Χιγγυλούς, Χιγγυλούς], ср. др.-инд. сущ. hingula- ‘scarlet dye’, хороним и гидроним Hingulā [Mon.-Will.: 1289; Law 1932: 59], санскр. hiṅgulam [Roerich 1993: 173] ‘река киноварного цвета, цвета сурика’. Этот вариант гидронима вошёл в часть славянских диалектов Северного Причерноморья напрямую из яских диалектов без угорского посредства. См. Жёлтая, Ингул, Ингулец.

Зёркало — чистая водная поверхность у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 85); из влр. *зёркало*, ср. диал. *зёркало* в др. знач. (СРНГ 11: 266).

Зигзэг — извилина русла реки (СНГТК: 85); из русск. галлицизма *зигзэг*.

Ивана, Ivana [Iwana] — село в верховье Синих вод; из падежного словосочетания село/деревня *Ивана*, ср. с. Ивангород Александрийского р-на, с. Ивано-Благодатное Кировоградского р-на, с. Ивановка Долинского р-на, Кировоградского р-на, Ново-Украинского р-на, Петровского р-на, гидронимы В. Дона *Иванин, Иванина, Иванов, Иванов Куст, Иванова, Ивановы* и Н. Дона *Иваны* [Отин 2011: 39, 132, 149, 223, 242, 244, 374, 444; 2012: 186, 703].

Извѝлина, Извѝлина — извилина в русле речки у Кировограда, у сѐл Грузкое и Клинцы Кировоградского р-на (СНГТК: 86); из влр. *извѝлина*, ср. диал. *извѝлина* (СРНГ 12: 106).

Їзвор, Їзвор — родник, источник у с. Розношенское Ульяновского р-на (СНГТК: 86); из болг. *ѝзвор* [Бунина 1954], ср. серб. *ѝзвор* ‘место, где вода вытекает из земли, источник’ и влр. диал. *извор* ‘большой сосуд для носки воды, ушат’ (яросл.) (СРНГ 12: 111).

Изгѝб, Изгѝб — извилина в русле речки у с. Димитрово Устиновского р-на (СНГТК: 86); из влр. *изгѝб*.

Излѝчина, Излѝчина — извилина в русле реки у пгт Смоленное Маловисковского р-на (СНГТК: 86); из влр. *излѝчина*,

ср. диал. *узлук*, м. р., ‘крутой поворот реки’ (волог.) (СРНГ 12: 141).

Ил, Ил — нанос ила у г. Знаменки, Знаменского р-на (СНГТК: 86); из влр. диал. *ул* ‘глина’ (терск., влад.), ‘топкая болотная грязь’ (дон.) (СРНГ 12: 183).

Ингул Ингуль рька [Ingul R.], *Ингуль Велки* [Ingul Wielki], *Ингу́л* — река, впадающая в Бугский лиман Черного моря. Номинально считается левым притоком Ю. Буга, впадая в последний на расстоянии 100 км от устья. Площадь бассейна 9890 км². Длина реки 354 км. Исток реки находится на высоте более 170 м над уровнем моря возле с. Борково Новомиргородского р-на Кировоградской обл. — субстратный гидроним, который малоубедительно этимологизировали формально как варваризм **inqol*, где *jn* ‘Höhle, дыра, яма’ [CodCum 120: 7, 23], и *chol, kol* ‘brachius’, ‘manus’ [CodCum 95: 21, 28; 141: 8; 147: 9], зд. ‘рукав (реки?)’, или как порчу варваризма **oηqol* ‘dextera; die rechte Hand’ [CodCum 143: 17] в смысле ‘приток по правую руку’ (?), или, того хуже, из *yenigöl, енигёл* ‘новое озеро’. Наконец, ряд авторов отстаивал идею варваризации праслав. **oglъ* ‘угол’ (ὄγγλος). См. след.

Ингул Ингуль Малый рька [Ingul Maly R.], сред.-греч. *Χιγγούλ / Χιγγουλούς / Χιγγυλοὺς / Χιγγιλοῦς / Χιγγιλοὺς* [DAI: 38, 168] — гидроним, который малоубедительно этимологизировали формально как варваризм **inqol*, где *jn* ‘Höhle, дыра, яма’ [CodCum 120: 7, 23] и *chol, kol* ‘brachius’, ‘manus’ [CodCum 95: 21, 28; 141: 8; 147: 9], зд. ‘рукав (реки?)’, или как порчу варваризма **oηqol* ‘dextera; die rechte Hand’ [CodCum 143: 17] в смысле «приток по правую руку» (?). Более убедительна трактовка гидронима как порча синдо-меотского **hingul-*, ср. др.-инд. сущ. *hingula-* ‘scarlet dye’, хороним и гидроним *Hiṅgulā* [Mon.-Will.: 1289; Law 1932: 59], санскр. *hiṅgulam* ‘река киноварного цвета, цвета сурика’ [Roerich 1993: 173]. Значение ‘река киноварного цвета, река цвета сурика’ идеально подходит для истока

Ингульца Жёлтая река, Жёлтые воды (см.). См. Жёлтая река, село Лебедынь.

Ингул форт, *Ингулѳ* фортъ [F.(ort) Ingul detruit] — русский форт, разрушенный к 1774 г.; топоним отвлечен от соответствующего гидронима.

Исток, *Исто́к* — исток речки у пгт Смоленое Маловисковского р-на (СНГТК: 86); из влр. диал. *уство́к* ‘проток, связывающий два озера или озеро с рекой’ (перм.), ‘река, берущая начало в озере’, ‘рукав небольшой реки’ (СРНГ 12: 257).

Кал — болото у пгт Ольшанка Ольшанского р-на и у с. Кальниболота Новоархангельского р-на (СНГТК: 87); из болг. *кал* ‘грязь’.

Калаба́ня — место, где вода собирается после дождя (СНГТК: 87); из серб. *ка́ла* ‘лужа’, ‘грязь’ и *ба́ня* ‘купальня’.

Калаба́тина, *Калаба́тина* — большая лужа, яма с водой, отдельно вырытая яма, болотная яма (СНГТК: 87); из серб. *калабат*, болг. *кал* и *батак*.

Калдо́ба, *Колдо́ба* — лужа у с. Седневка Устиновского р-на (СНГТК: 87); из влр. диал. *колдо́ба*.

Калдо́бина, *Калдо́бина*, *Кальдо́бина*, *Колдо́бина* — яма, которая наполняется водой после разлива речки, у с. Варваровка Долинского р-на; природная яма у г. Кировограда и у с. Елено-Косогорова Кировоградского р-на; лужа, яма с водой у пгт Павлиш Онуфриевского р-на, у с. Злинка Маловисковского р-на, у сёл Бобринецкого р-на, у с. Каменка Новомиргородского р-на, у с. Надлак Новоархангельского р-на (СНГТК: 87–88); из влр. *колдо́бина*.

Калдобо́йна — болото у с. Липняжка Добровеличковского р-на, у с. Победное Устиновского р-на, у с. Каменка (СНГТК: 88); из влр. диал. *калдо́бина*, производного с суф. *-ин-а* от сущ. *колдобо́й*.

Калевец [Kaliewec] — шанец в регименте гусаров, позднее *Кальниболотъ*, ныне с. *Кальниболота* Ново-Архангель-

ского (СНГТК: 87, 205); скорее всего, влр. производное с суф. *-ьць* от основы прилаг. *калевъ*, в свою очередь образованного посредством суф. *-ев/-ов-* от *кал(ь)* ‘грязь; болото’, ср. лимноним *Калевец*, озеро в Ивановской обл.

Калѹжа, *Калѹжа* — болото у г. Гайворона; яма на болоте у с. Ольшанка Новоархангельского р-на, у с. Краснокаменка Александрийского р-на, у с. Каменка Новомиргородского р-на; яма с водой, по всему региону (СНГТК: 88).

Калѹжиньы, *Калѹжиньы* [Kaluczini] — шанцы в регименте гусаров; скорее всего, производное с суф. *-ина* от *калѹжа* ‘яма с водой, яма в болоте’ (СНГТК: 88), ср., впрочем, серб. топоним *Калоча*.

Кальчиболото — болг.-влр. гибрид, словосложение болг. прилаг. *кални* ‘грязный’ и влр. *болѹто*.

Камінка [Kaminka] — село с церковью в регименте козаков слобожцев супротив крепости *Переволочной* (см.); скорее графическое отражение произносительной русск. нормы, нежели малороссийский вариант произношения ст.-русск. *каменка* (СлРЯ XI–XVII. Спр. вып.: 410), воспринятого как **камънка*, ср. млр. *кам’янка* ‘каменистый берег’, ‘дорога, мощённая камнем’, каменистый берег у с. Ємилівка Головановского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 90), и многочисленные гидронимы Дона *Каменка*, *Каменка Мокрая*, *Каменька* [Отин 2011: 19, 23, 26, 44, 54, 88, 100, 127, 277, 304, 318, 332, 333, 396, 407, 457; 2012: 124, 131, 164, 212, 232, 263, 267, 288, 334, 374, 394, 428, 439, 441, 443, 449, 558, 570, 598, 289, 706], см. *Каменка*.

Камак — отдельно стоящий камень у с. Ольшанка Ольшанского р-на (СНГТК: 88); из болг. *кѹмък* ‘камень’.

Камачки, мн. — каменистый берег у с. Ольшанка Ольшанского р-на (СНГТК: 88); из болг. *кѹмъчки*.

Камбурлиевка — село Онуфриевского р-на (СНГТК); проприальное образование село *Камбурлиево*, где фамилия *Камбурлиев* образовано регулярным способом от балканского фамильного имени *Камбурлия*.

Каменица, Кам'яниця — место добычи камня у с. Канеж Новомиргородского р-на (СНГТК: 89); из серб. **Каменица**.

Кáменка [Kamenka] — шанец в регименте пандуров, ныне с. *Кам'янка* Новомиргородского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 7, 90); из ст.-русск. *каменка* (СлРЯ XI–XVII. Спр. вып.: 410), ср. многочисленные гидронимы Н. Дона *Каменка, Каменка Мокрая, Каменька* [Отин 2011: 19, 23, 26, 44, 54, 88, 100, 127, 277, 304, 318, 332, 333, 396, 407, 457; 2012: 124, 131, 164, 212, 232, 263, 267, 288, 334, 374, 394, 428, 439, 441, 443, 449, 558, 570, 598, 289, 706], или переоформление серб. топонима, ср. серб. топонимы **Каменица, Каменско, Каменяк, Каменяне**.

Каменолóмня — место добычи камня у с. Богдановка Знаменского р-на (СНГТК: 88); из влр. *каменолóмня*.

Кáмень, Кáминь — камень-останец у с. Надлак Новоархангельского р-на, у сёл Кирилловка, Победа пгт Добровеличковка; твёрдая горная порода, в виде возвышенности на местности у г. Новоукраинка (СНГТК: 88); из влр. *кáмень*.

Кáмни, Кáмні — дорога, вымощенная камнем, у г. Кировоград; каменистый берег у с. Н. Стародуб Петровского р-на, у г. Кировограда; каменные пороги у Кировограда (СНГТК: 89); влр. форма мн. ч. сущ. *камень*.

Каніџа [Kanicza] — шанец, затем село с церковью к югу от Миргорода и Ольховатки в регименте гусаров Хорватских, позднее с. *Каніџ* Новомиргородского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 9); из ст.-русск. *Канъџа* (?).

Канáва — ров с водой, небольшая речка, вырытая яма, углубление в грунте неопределённой формы, впадина круглой формы, небольшой овраг, водоотвод; по всем региону (СНГТК: 90–91); из влр. *канáва*.

Канáвка — небольшой поток после дождя (СНГТК: 91); из влр. *канáвка*.

Канáл — большой водоём проточной воды, большая промоина; по всему региону (СНГТК: 91); из влр. *канáл*.

Каробельная [Karobelnaja R.] — порча ст.-русск. прилагательного *корабельная, корабельный* [СлРЯ XI–XVII. Спр.

вып.: 650]. Гидроним со значением ‘корабельная речка’ обозначает левый приток Ю. Буга ниже форта Ловинской (см.). Видимо, Ю. Буг был судоходен до границ Новороссии и Польши.

Карьёр, Карьёр, Кар'ёр — место открытой добычи песка, глины, камня; по всему ареалу (СНГТК: 91–92); из влр. *карьёр*.

Катлава́н, Котлава́н, Котловáн — вырытая яма у с. Первомайское Маловисковского р-на, у с. Чемерполе Гайворонского р-на, у сёл Кировоградского р-на (СНГТК: 92, 99); из влр. *котловáн*.

Квартáл — часть территории у с. Трилесье Александровского р-на (СНГТК: 92); из влр. *квартáл*.

Кваши́ня — болото, заболоченное топкое место у пгт Смоленое Маловисковского р-на (СНГТК: 92); из влр. *кваши́ня*.

Кла́дка — отмель, дорога через речку, переправа у пгт Петрово Петровского р-на; плотина на речке у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 93); из влр. *кла́дка*.

Кладя́нец — родник, источник (в лесу) у пгт Ольшанка Ольшанского р-на (СНГТК: 93); диал. форма болг. *кля́денец* ‘родник, источник’.

Клён, Кльон — заросли клёна у г. Кировограда, у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, и, возможно, у пгт Александровка Александровского р-на (СНГТК: 93, 94); из влр. *клён*.

Клёнци, Кльонци — заросли клёна у с. Ивановка Кировоградского р-на (СНГТК: 94); влр. диал. форма мн. ч. от уменьш. *клёнец*, см. *клён*.

Клин, Клин — перелесок, лесной клин у сёл Клинки и Перезвоновка Кировоградского р-на (СНГТК: 94); из влр. *клин*.

Клинки, Клинци, форма мн. ч. от *Клинок* — клин поля, луг, небольшой земельный участок (СНГТК: 94); из влр. диал. *клинóк*, уменьш. к *клин*.

Ключ — источник, родник у пгт Павлиш Онуфриевского р-на, у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, у г. Кировограда и в др. местах Кировоградского р-на (СНГТК: 94).

Княжеская, Княжская вотчина [Knież(s)kaja] — село с церковью в регименте казаков слободских, у истока Ингульца; вероятно, ст.-русск. производное с суф. *-ьск-* от основы *князь*; первичное значение, вероятно, ‘княжеская (вотчина, весь или деревня)’.

Козаци Слободсцы [Kozaci Słobodśczy] — словосочетание *слободские казаки* в польском оформлении, первое слово польск. *kozak*, мн. ч. *kozaci* (*kozacki, kozactwo, kozaczy, kozaczka*), ср. ст.-русск. *козакъ, казакъ* (СлРЯ XI–XVII 7: 15–16, 222: с. 1445 г.), второе слово *słobodśczy* по ст.-русск. *слободьскии мѣста* (Дух. и дог. гр., 35. 1389 г.), *слободскои, слободцкою деревнею, печать слоботцкая, слободскими* (СлРЯ XI–XVII 25: 93–94; Спр. вып.: 590).

Козинъ — шанец в регименте пандуров; скорее всего, проприальная форма, т. е. шанец, принадлежащий некоему *Козину* (фамилия — ст.-русск. производное с суф. *-ин-* от сущ. *коза*), ср. гидронимы В. и Н. Дона *Козин* [Отин 2011: 28; 2012: 150, 711].

Колдобаня — лужа у с. Каменка Миргородского р-на (СНГТК: 95); из влр. диал. *колтобáнь*, ср. ст.-русск. *колдобаша, колтубаша*, ж. ‘яма округлой формы, обычно с водой’ (А. Ворон. приказн. избы, оп. 3, № 717, 15. 1672 г.) (СлРЯ XI–XVII 7: 232).

Колдбина — место, где собирается вода после дождя, у с. Измайловки Александрийского р-на, у с. Анновка Новоукраинского р-на (СНГТК: 95); из влр. *колдбина*.

Коловорот — водоворот в реке у пгт Александровка Александровского р-на, у смт Нова Прага Александрийского р-на, у с. Треповка Знаменского р-на (СНГТК: 95); из ст.-русск. *коловоротъ, коловратъ* ‘круговое движение, круговорот’ (1499) (СлРЯ XI–XVII 7: 243), влр. диал. *коловорот*.

Колодезь, Колодызь — колодезь, криница у с. Краснокаменка Александрийского р-на (СНГТК: 95); из ст.-русск. *колодезь, колодызь* ‘источник, ключ, родник’ (Арханг. лет., 19. за 852 г.), ‘колодец’ (Лавр. лет., 128 за 997 г.) (СлРЯ XI–XVII 7: 245), ср. *Сасянь Колодызь [Saffian Kolodaz]* на карте Сантини и влр. *колбдезь*.

Колбдец, Калбдець — источник у г. Александрия Александрийского р-на, у с. Надлак Новоархангельского р-на, у г. Кировоград (СНГТК: 95); из ст.-русск. *колодець*, м., ‘колодец’ (АХУ III, 3. 1624 г.) (СлРЯ XI–XVII 7: 246).

Кольцо́ — поворот русла речки у с. Богдановки Знаменского р-на (СНГТК: 96); из ст.-русск. *кольцо, кольце*, ср. р., ‘предмет, имеющий форму окружности’ (СлРЯ XI–XVII 7: 258), влр. *кольцо́*.

Комиссаровка [Kamisarowka] — село с церковью к юго-вост. от Княжеской на р. Верхний Ингулец; латиница передаёт произносительный вариант влр. Комиссаровка, т. е. ‘основанное или принадлежащее какому-то Комиссарову село’.

Копец, Копець — земляная насыпь у с. Калмазово Ольшанского р-на (СНГТК: 97); из ст.-русск. *копецъ* ‘межевой знак’ (Вып. меж. Смол., 43. 1680 г.) (СлРЯ XI–XVII 7: 296), влр. *ко́пец* ‘холм, бугор, межевой знак’.

Копица, Копиця — земляная насыпь, куча у с. Федоровка Добровеличковского р-на (СНГТК: 97); из влр. *копица* ‘холм, бугор, межевой знак’.

Корабельная речка [*Karobelnaja R.*] — левый приток Ю. Буга ниже форта Ловинской (см.); порча ст.-русск. прилагательного *корабельная, корабельный, корабельное пристанище, становище* ‘пристань’ (1594 г.) (СлРЯ XI–XVII 7: 302; Спр. вып.: 650). Гидроним со значением ‘корабельная речка’ обозначает левый приток Ю. Буга, который, видимо, был судоходен до границ Новороссии и Польши.

Косого́р — склон горы, холма, возвышенности у сёл Бобринецкого, Добровеличковского, Ольшанского, Знаменского, Долинского, Компаниевского, Кировоградского, Новоукра-

инского, Александрийского, Устиновского р-нов; холм, возвышенность у сёл Ольшанского, Добровеличковского, Новоукраинского р-нов; возвышенность или склон, который обрабатывается, у сёл Бобринецкого, Ольшанского, Добровеличковского, Долинского, Знаменского, Кировоградского, Компаниевского, Новоукраинского, Александрийского, Устиновского р-нов (СНГТК: 98–99); из ст.-русск. *косогоръ*, м. р., ‘возвышенное место, имеющее наклонный спуск с одной стороны’, ‘склон возвышения’, ‘крутой отрог горы или горного хребта’, ‘отвесный спуск’ (СлРЯ XI–XVII 7: 365), влр. *косогѡр*.

Кострище — выжженное место в поле; выпаленное место на лугу; выгоревшее место на болоте; повсеместно (СНГТК: 99); из ст.-русск. *кострище*, ср. р., ‘место, где лежат в поленицах (кострах) дрова для соляных варниц’ (Арх. Стр. I, 306. 1550 г.) (СлРЯ XI–XVII 7: 370–371), влр. *кострище*.

Котловина — низина у с. Новый Стародуб Петровского р-на; долина у с. Шляхово Новоархангельского р-на (СНГТК: 100); из влр. *котлови́на*.

Кѡчка, Кѡчки — бугорок на болоте у с. Хайновка Александрийского р-на и у с. Копенковатое Новоархангельского р-на (СНГТК: 100); из ст.-русск. *кѡчка*, ж. р., ‘кочка, бугорок’ (Гр. Сиб. Милл. II, 501. 1645 г.) (СлРЯ XI–XVII 7: 390), влр. *кѡчка*.

Кочкарник — бугорок на болоте у пгт Петрово (СНГТК: 100); производное от ст.-русск. *кочкарный* ‘кочковатый, покрытый кочками’ и *кочкаръ*, м. р., ‘болото, покрытое кочками’ (Кн. стр. Пензы, 36. 1665 г.) (СлРЯ XI–XVII 7: 390).

Край — горы или низменности; повсеместно (СНГТК: 100); из ст.-русск. *краи* ‘берег’, *высокие краи*, *вышние краи* ‘возвышенные места’ (1499 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 8–9), влр. *край*.

Красная крѣпость [Krasnaja] — в регименте украинцев к востоку от р. Синюхи; ст.-русск. полная форма прилаг. *красныи*, *красная*, *красное* (СлРЯ XI–XVII 8: 19–21), ср. мно-

гочисленные гидронимы Н. Дона *Красна, Красная, Красная Дуванка, Красная Девлица, Красная Дуброва, Красная Меча, Красная Поляна, Красная Речка, Красное, Красной Мечь, Красной Ржавец, Красной Стена* [Отин 2011: 19, 42, 93, 115, 137, 180, 181, 224, 253, 302, 323, 332, 345, 354; 2012: 17, 20, 47, 96, 146, 166, 168, 225, 250, 319, 336, 566, 595, 714].

Кривизна́ — криворослый лес у с. Разумовка Александровского р-на; склон горы, холма, возвышенности у с. Тишковка Добровеличковского р-на, у г. Кировоград (СНГТК: 100); из ст.-русск. *кривизна* ‘искривление рельефа’ (1586 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 53), влр. *кривизна́*.

Крини́ца — выкопанная яма для получения воды из водоносных слоёв почвы; весь ареал (СНГТК: 100); из ст.-русск. *криница, криница* ‘источник’ (Ипат. лет., 412 за 1150 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 58), влр. *крини́ца*, диал. *крыни́ца* (кур., орл.) ‘родник’, ‘небольшая яма с водой’, ‘колодец на водяной жиле, куда вставляется бочка, чан’ (Даль).

Крини́чка, Крини́чка — родник в лесу у с. Надлак Новоархангельского р-на, у с. Красноселье Бобринецкого р-на, у с. Гуровка Долинского р-на; небольшая криница у с. Злинка Маловисковского р-на (СНГТК: 100, 101); уменьш. от влр. *крини́ца*.

Крѳмка — береговая линия, обвалившаяся часть верхней линии склона, подмытый берег (СНГТК: 101); из ст.-русск. *кромка*, ж. р., ‘край чего-л.’ (1678 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 71), влр. *крѳмка*.

Круго́вёрть — быстрое течение реки у с. Новоегоровка Новоукраинского р-на и с. Новый Стародуб Петровского р-на; водоворот в реке у с. Осиповка Ольшанского р-на (СНГТК: 102) — из влр. *круго́вёрть*.

Круго́ворот, Круго́воротъ — водоворот в реке у сёл Каменече и Торговица Новоархангельского р-на, у г. Новоукраинка (СНГТК: 102) — из влр. *круго́ворот*.

Крутизна́ — крутая гора, круча у пгт Павлиш Онуфриевского р-на, у с. Костомаровка Бобринецкого р-на, у с. Гу-

ровка Долинского р-на, крутой склон горы, обрыв у с. Новый Стародуб Петровского р-на (СНГТК: 102); из влр. *крутизна́*.

Крутобо́р — крутая гора у с. Победа Добровеличковского р-на; крутой склон горы, холма, возвышенности у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, у г. Долинская, в Долинском р-не, в пгт Новгородка, в г. Новоукраинка, в г. Кировоград (СНГТК: 103); из влр. *крутобо́р*.

Крутоя́р — глубокий крутой яр, яр с крутыми склонами (СНГТК: 103); производящая основа для ст.-русск. *крутоярина*, ж. р., ‘крутой, обрывистый берег, обрыв’ (Отказн. кн. южновеликорус., 240. 1636 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 90), влр. *крутоя́р*.

Крыло́в — шанец в регименте пандуров — скорее всего, проприальная форма: шанец, принадлежащий *Крылову*, ср. гидроним В. и Н. Дона *Крылова* [Отин 2011: 470; 2012: 77, 717].

Крюко́в — шанец в регименте пандуров; проприальная форма шанец *Крюкова*, ср. гидронимы В. Дона *Крюков* и Н. Дона *Крюкавый*, *Крюковская* [Отин 2011: 24, 175, 526; 2012: 252, 565, 717].

Кряж — возвышенность у сёл Новоархангельского р-на, с. Разумовка Александровского р-на; гребень, продолговатое возвышение у с. Петровка Компанийского р-на (СНГТК: 105); из ст.-русск. *кряжъ*, м. р., ‘цепь невысоких гор, возвышенное место’, *два крутыи кряжа въ порогах* (Гр. Новг. и Псков., 288. о 391 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 98).

Купа́льня — место для купания у с. Лавровка Долинского р-на (СНГТК: 106); из влр. *купа́льня*.

Купи́на — остров на речке у с. Первомайское Долинского р-на (СНГТК: 106); из влр. *купи́на* ‘речной островок’.

Кустарни́к — заросли кустов (СНГТК: 107); из ст.-русск. *кустарникъ* (1500 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 145), влр. *кустарник*.

Куши́р, *Куши́ри* — островок, кочка на болоте у с. Григорьевка Новоукраинского р-на; мн., болото, заболоченное топкое место у с. Косовка Александрийского р-на; за-

росли леса у с. Новооандреевка Новгородковского р-на (СНГТК: 108); из влр. *κυμύρ* ‘растение роголистник трехостный *Ceratophyllum demersum*’.

Ласевата речка [Lasewata R.] — не образован ли этот гидроним посредством суф. *-еват-* от ст.-русск. названия растения *ласъ*: «Есть на земле трава, именем ласъ, собою бѣла, растеть при борахъ» (Сл. и д. II, 77. 1703 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 145)? А иначе, порча то ли *Лысовата*, то ли *Лосевата*, ср. гидронимы В. Дона *Лосевая* и Н. Дона *Лысова*, *Лысовская* [Отин 2011: 419, 530; 2012: 56, 98, 723].

Лебедин, *Лебежъя* — в верховьях Ингула и Ингульца во второй половине VI в. столицей части гуннов стал некий город *Либидинов* (τῆν Λιβιδιῶν πόλιν) [Simokatta I: 8.6], который упоминается и позднее в венгерской традиции: *Λεβεδία*, *Λεβεδίας*, *Λαβαδίας* — область Хазарии, по которой текли реки *Χιδμάς* / *Χιλμάς* / *Χουμάς* (Ингул Великий?), *Χιγγούλ* / *Χιγγουλούς* / *Χιγγυλοῦς* / *Χιγγιλοῦς* / *Χιγγιλοῦς* (исток Ингула Малого или Ингульца, видимо, Жёлтые воды), и где обитали угры — *Οὔγροι κατοίκησαν* [DAI: 38, 168]; этимология на основе вост.-слав. *лебедь* сомнительна, на основе греч. *либада* ‘луг’ более привлекательна, так как приводит к знач. ‘город заливных лугов’, что весьма органично для Новосербии, см. *Левада*, *Ливада*.

Левáда, *Ливáда* — местность в окрестностях пгт Ново-Архангельск (1), местность «широкая низина» у пгт Павлыш Онуфриевского р-на (2а) и у с. Камышеватое Новоукраинского р-на (2б), местность «луг» у пгт Новая Прага Александрийского р-на (3), местность «луг выпасной, пастбище» у с. Липняжка Добровеличковского р-на (4а), местность у с. Сухой Ташлык Ольшанского р-на (4б), местность «заливной луг» у с. Первомайского Маловысковского р-на (4в), местность «низинная местность, долина» у с. Солгупово (5а) и с. Соломея Гайворонского р-на (5б), местность у с. Калмазово Ольшанского р-на (6а), у с. Шляхово Новоархангельского р-на (6б), у сёл Кропивницкое (6в), Семена-

стое Новоукраинского р-на (6г), местность «мокрая низина» у с. Омельгород Александрийского р-на (7), местность «низина около речки» у с. Подорожное Светловодского р-на (8а), у с. Измаиловка Александрийского р-на (8б), у с. Березовка Устиновского р-на (8в), местность «низкое песчаное место» у с. Серебряное Светловодского р-на (9), местность «земельный надел для выращивания огородных культур» у с. Полтавка Компанейского р-на (10), местность «небольшой лес» у с. Ново-Егоровка Ново-Украинского р-на (11) (СНГТК: 109–110); из ст.-русск. *левада* ‘низкое заливное место, луг’ (А. Ворон. приказн. избы, оп. 3, № 403, 1. XVII в.) и *ливада* ‘луг’ (Прол. июл. 31) (СлРЯ XI–XVII 8: 184), влр. диал. *лива́да*, *лева́да* в знач. ‘долина; выгон; луг, огороженный или окруженный рвом’ (южн.-влр., донск.), в свою очередь заимствованного из греч. *λιβάδιον* ‘луг, орошенная равнина’.

Левадь, *Лива́дь* — местность, по которой протекает речка у пгт Новая Прага Александрийского р-на (СНГТК: 110); из влр. диал. заимствования (греч. *λιβάδιον* ‘луг, орошенная равнина’).

Ле́жень — отдельный камень близ с. Федиевка Бобринецк. р-на, у с. Подорожное Светловодского р-на (СНГТК: 110); из ст.-русск. *лежень* ‘лежащий брус, бревно, употребляемые в виде основания под различные сооружения’ (1643, 1691 гг.) (СлРЯ XI–XVII 8: 198).

Лесок — небольшой лес между сёлами Калиновка, Клинца, Первозвановка Кировоградского р-на (СНГТК: 110); ст.-русск. уменьш. форма *льсокъ* от *льсъ* (1496 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 213).

Липня́к — небольшой липовый лес у с. Солгутово Гайворонского р-на и у с. Добрянка Ольшанского р-на (СНГТК: 110); из ст.-русск. *липнякъ* ‘липовая роща, липовый лес’ (Алф., 219. XVII в.) (СлРЯ XI–XVII 8: 237).

Лиховка, *Лиховка* слобода [*Lichowka*] — как свидетельствуют письменные источники, около 1740 г. здесь возникло одно из заднепровских поселений — слобода *Омельникъ*

(см.), получившая своё название от протекавшей поблизости реки *Омельникъ* (см.). В начале 1750 г. сюда переехало несколько семей с Полтавщины — из *Омельника* и *Кобеляк*. Слобода разрасталась, со временем её назвали *Лиховкой*. Лиховка входила в Кодацкую паланку. С ликвидацией Запорожской Сечи слобода была объявлена государственной и вошла в состав Елизаветинской провинции Новороссийской губернии вначале как 4-я рота Елисаветградского пикинерного полка, позднее — под названием 6-й роты. Около 1772 г. она упоминается как 12-я рота того же полка. Скорее всего, проприальный топоним — слобода *Лихова*, ср. гидроним В. Дона *Лиховатка* [Отин 2011: 212; 529].

Лоб — вершина горы, холма, возвышенности у пгт Новоархангельск, у с. Марьяновка Бобринецкого р-на (СНГТК: 113); из ст.-русск. *лобъ* ‘мыс, крутой берег’ (Отказн. кн. южновеликорус., 77. 1634 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 262).

Ловниской или *Ловінской* фортъ [F. Lowinfkoi] — выше слияния речки Корабельной и Ю. Буга, где в 1650–1770-е гг. сходились границы Новороссии, Польши и очаковских татар, вассальных Турции; если перед нами не порча ст.-русск. *ловечьскии*, *ловецкии* ‘относящийся к ловцам, рыбной ловле’, *корабль ловечьскъ*, *ловечьскии корабль* (Жит. Вас. Амас. 15. Мин. чет. апр., 643 XVI в.) (СлРЯ XI–XVII 8: 265), то, с одной стороны, топоним сильно напоминает румынскую фамилию *Lovinescu*, а с другой — влр. топоним *Ловинск* в Ханты-Мансийском АО (!). Если перед нами проприальная форма на *-ьскъ* от фамильного имени *Ловинъ*, *Ловины*, то остаётся проблема образования этой фамилии, вернее, производящей основы её: то ли гл. *ловить*, то ли диал. сущ. *ловъ* ‘олово’ (ворон., Даль), ср. ст.-русск. *ловяныи* ‘оловянный’ (с 1568 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 269). Я бы обратил внимание и на другую возможность словообразования на основе сущ. *лава* ‘отмель, повышение дна речки, которое возникло в результате наноса гравия водой’ (Фасмер 2: 444; СНГТК: 108).

Лозина — заросли вербы у с. Чемерполе Гайворонского р-на (СНГТК: 114); из ст. русск. *лозина* ‘ива’ (1629 г.) и ‘ивняк’, «*Городъ обшила вода и сильная лозина и вербье*» (Ипат. лет. 755) (СлРЯ XI–XVII 8: 276).

Лóзы, мн. ч. от *лоза* — заросли вербы у с. Гуровка Долинского р-на, у г. Александрия, у пгт Александровка (СНГТК: 114); из ст.-русск. *лоза* ‘ивовый кустарник’ «*Пришедши ста-ша на болоньи въ лозах противу Дорогожиччу*» (Ипат. лет. 515: о 1161 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 276).

Лóтка — остров на болоте у с. Асытна Новомиргородского р-на (СНГТК: 114); из ст.-русск. *лодка* (с 1228 г. Новг. 1 лет., 224) (СлРЯ XI–XVII 8: 271), влр. диал. *лóдка*.

Лохань — яма у с. Сухой Ташлык Ольшанского р-на (СНГТК: 115); из ст.-русск. *лохань*, *лахань*, *лакань*, *лекань* ‘круглый открытый сосуд’ (1512 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 288).

Лоци́на — мокрая заболоченная низина, что заросла травой, у с. Победное Устиновского р-на; заросшая травой яма у г. Кировоград, у пгт Устиновка; небольшой овраг, ярок; весь ареал (СНГТК: 115); из ст.-русск. *лоцина* (1512 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 290).

Лу́жа — весь ареал (СНГТК: 116); из ст.-русск. *лу́жа* ‘углубление со скопившейся дождевой или подпочвенной водой’, ‘озерко, стоячая вода в низменных болотистых местах; низменное мокрое место в излучине реки’ (СлРЯ XI–XVII 8: 294).

Лу́йка [Luika] — село в регименте украинцев у истока речки Роскольницы, лп Тикича; перенос гидронима *Лу́йка* (река в Ивановской и Владимирской обл. Устье реки находится в 23 км по левому берегу реки Уводь. Длина реки составляет 25 км).

Ляга — небольшой земельный участок у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на; часть поля, выделенная под определенную культуру, у сёл Добровеличковского и Ольшанского р-нов (СНГТК: 117); из ст.-русск. *ляга* ‘низкое сырое место’ (1570 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 349), влр. диал. *ляга*

‘низкое сырое место в кустарнике’ (тобольск.), ср., впрочем, лит. *lėngė* ‘лужок между двух холмов’.

Ляда — поле, подготовленное для обработки, у с. Фёдоровка Добровеличковского р-на (СНГТК: 117); из ст.-слав. *ляда* ‘поле или запущенная пашня, поросшие молодым лесом’ (1570 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 349), влр. диал. *ляда* ‘поле, поросшее молодым лесом, новь’. Вместе с др.-прусск. *lindan*, вин. п., ‘долину’ праслав. **lęda*, скорее всего, заимствовано из герм. диал. *linda* ‘пар’.

Лядо — поле, подготовленное для обработки, у г. Сетловодск (СНГТК: 117); из ст.-русск. *лядо* ‘место, расчищенное под луг или пашню’ (XV в.) (СлРЯ XI–XVII 8: 349). Вместе с др.-прусск. *lindan*, вин. п. ‘долину’ праслав. **lęda*, скорее всего, заимствовано из герм. диал. *linda* ‘земля под паром’.

Маковка — вершина горы, возвышенность у с. Павлыш Онуфриевского р-на (СНГТК: 118); из влр. *маковка* ‘маковая головка’.

Макўшка — вершина горы, возвышенность у с. Косовка Александрийского р-на, у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, у с. Новый Стародуб Петровского р-на, у с. Камышеватое Новоукраинского р-на, у с. Треповка Знаменского р-на (СНГТК: 118); из влр. *макўшка*.

Мала(я) — *Мала Виска* Маловисковского р-на, *Мала Помощна* Новоукраинского р-на (СНГТК: 10, 70, 173); из влр. *малый, -ая, -ое*, см. *Виска*.

Мандорлакџ — шанец в регименте пандуров; если перед нами не порча некоего варваризма **man-dorlaq*, не является ли этот топоним порчей диал. болгарского или сербского производного с суф. *-ак-* от основы *мандорла* ‘миндаль’?

Маяк — отдельно стоящая возвышенность у с. Помочна Добровеличковского р-на, бугор у с. Тишковка Добровеличковского р-на (СНГТК: 119); из ст.-русск. *маякџ* ‘казачий сторожевой пост с приспособлением для подачи сигналов тревоги огнём’ (Посольство Толочанова, 109. 1652 г.) (СлРЯ XI–XVII 9: 50), влр. *маяк*.

Мелководье, Мелководіє, Мелководье — отмель у с. Седновка Устиновского р-на, у г. Александрия, у г. Кировоград (СНГТК: 119); из влр. *мълководье, мелководье*.

Мелкота́ — отмель у с. Димитрова Устиновского р-на (СНГТК: 119); из ст.-русск. *мълкота* ‘мелководье, недостаточная глубина’ (Докл. в Сенате, I, 244. 1711 г.) (СлРЯ XI–XVII 9: 81).

Мель Мель — отмель у с. Злинка Маловисковского р-на, у г. Александрия (СНГТК: 1190); из ст.-русс. *мълль* ‘мелководье, мель’ (Хожд. Афан. Никит., 12. 1472 г.) (СлРЯ XI–XVII 9: 82–83), влр. *мель*.

Место Место — часть определенной территории у г. Кировоград (СНГТК: 119); из ст.-русск. *мълсто* ‘определённое ограниченное место, часть пространства, земной поверхности’ (СлРЯ XI–XVII 9: 112), влр. *место*.

Миргородъ [Myrhorod] — шанец, посад, позднее г. Новомиргород. При Елизавете Петровне (1751 г.) полковнику Хорвату, выходцу из Австрии, поручено было сформировать из сербов один гусарский полк в 4 тысячи сабель, который был поселен на правом берегу Днепра в так называемой Ново-Сербии; в 1752 г. было образовано ещё два таких же полка, а для защиты нового поселения построена крепость Святой Елисаветы. После прибытия приглашённых сербов гусар Миргород с 1752 г. стал центром управления «Новой Сербии», военно-административной единицы и гарнизона Русской Императорской армии. Для защиты от татарских набегов здесь возводятся земляные укрепления и городок, в середине которого разместился склад боевых припасов, а на бастионах установили с десяток орудий. Также здесь проживали и вышедшие из Турции черногорцы (зап. часть города до сих пор называется «Черногорией»). В 1764 г. два пандурских полка, вместе с *Миргородским гарнизоном* и сербскими гусарами, переформируются в три поселённых конных полка: Чёрный и Жёлтый гусарские и Елисаветградский пикинерный. В 1766 г. построена Ильинская цер-

ковь. В 1773 г. Миргород был исключен из шанцев и назван посадом. Название города утвердилось за Новомиргородом со времени учреждения Новомиргородского уезда Вознесенской губернии; вследствие его торгового значения, здесь жили консулы польский, императорско-римский и неаполитанский. Ныне г. Новомиргород Новомиргородского р-на Кировоградской обл. Населённый пункт получил свое название в память о другом *Миргороде* (Миргородского р-на Полтавской обл.), расположенном на р. Хорол в 103 км. к сев.-зап. от Полтавы.

Млада — молодой лес у пгт. Ольшанка Ольшанского р-на (СНГТК: 121); из болг. *млада гора*.

Млинок — с. Млинок Онуфриевского р-на (СНГТК: 11, 32); уменьш. на *-ок* от серб. *млѝн* или от ст.-русск. *млинь*, *млинь*, *млынъ* ‘мельница’, «*гдѣ млинъ бывалъ пана Есмано-ва*», «*до млыня до мелницы до версты*» (Польск. д. III, 657, 701. 1570 г.), влр. диал. *млиин* (зап., южн., Даль).

Могѝла Могѝла — возвышенность, гора, бугор, насыпная могила, курган у с. Ольшанка Ольшанского р-на (СНГТК: 122); из болг. *могѝла* или ст.-русск. *могила* ‘могильный холм, курган’ (1643 г.) (СлРЯ XI–XVII 9: 229), влр. *могѝла*.

Могилевъ [Mogiliew] — шанец в регименте гусаров; перенос ст.-русск. топонима *Могилевъ*, ср. *Могилѝв* Днестровский и *Могилѝв* Белорусский, ст.-русск. прилаг. *могилевский*, *могилевская мѣра смоленской меньше* (АМГ III, 227. 1660 г.) (СлРЯ XI–XVII 9: 229), гидроним В. Дона *Могилѝское* [Отин 2011: 156].

Можарские пустыни — «...и непроходимыми *Можарскими* пустынями...» [Лызлов 1692: л. 122]; из влр. *можарский* ‘венгерский’, производного с суф. *-ьскъ* от *можар* < *magyar*. Ср. *Можарск*, *Можарское* на р. Кума. В венгерской традиции *Dentu moger* — страна Подонье, в которой некогда обитали предки венгров [Эрдели 1984: 20–25].

Монастырской — остров на Нижнем Днепре: «Воеводы же со всем воинством Богом храними приидоша здраво на

остров, зовомый *Монастырской*» [Лызлов 1692: л.157]; из ст.-русск. *Монастырскои островъ, монастырескѡ* (Ж. Авр. Смол., 16. XVI в.), *монастырьское* (ДАИ VI, 302. 1673 г.) (СлРЯ XI–XVII 9: 258–259); ср. гидронимы В. Дона *Монастырский* и *Монастырский ключ* и Н. Дона *Монастырная, Монастырская, Монастырский, Монастырьское, Монастырской* [Отин 2011: 91, 152, 536; 2012: 205, 398, 587, 731].

Мортонош — шанец регимента гусаров Хорватских; очевидная порча венг. топонима *Mortonos*.

Мошорин — шанец регимента гусаров Хорватских; сербский топоним *Мошорин*.

Мул — ил, наносы ила у с. Ольшанска, у с. Надлак Новоархангельского р-на, у с. Канеж Новомиргородского р-на, у г. Кировоград (СНГТК: 124); из ст.-русск. *мулѡ* ‘ил, тина’ (Назиратель, 180. XVI в.) (СлРЯ XI–XVII 9: 307), южн.-влр., зап.-влр. диал. *мул* ‘ил’, ср. сербохорв. *мўль* ‘alluvio’.

Мшаник — моховое болото у с. Федеевка Бобринецкого р-на (СНГТК: 125); производное с суф. *-иѡ* от ст.-русск. *мшаныи* ‘заросший мхом’ (СлРЯ XI–XVII 9: 326), влр. *мишаник*.

Мынова [Мунова] — село с церковью в долине р. Ласевата в регименте украинцев.

Мысѡ — берег у с. Камышеватое Новоукраинского р-на и с. Нечаевка Компанейского р-на (СНГТК: 119); из ст.-русск. *мысѡ, на мысть у святого Ипатия* мыс (Симеон. лет., 175. 1435 г.) (СлРЯ XI–XVII 9: 331), влр. *мысѡ*.

Навал — куча у г. Знаменка Знаменского р-на, у с. Хмелевое Маловыковского р-на, у с. Ивановка Новоукраинского р-на (СНГТК: 125); из ст.-русск. *навалѡ* ‘в рыболовном заборе настил из жердей (сlegt), которые кладутся на перекладыны козел; для прочности на жерди наваливают ещё и камни со стороны течения’ (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 149. 1583 г.) (СлРЯ XI–XVII 10: 25), влр. *навал, навáлом*.

Наводнёние, Наводнёние — весенний разлив у с. Плётёный Ташлык Маловысковского р-на, у г. Кировоград

и в Кировоградском р-не, у пгт Ольшанка Ольшанского р-на (СНГТК: 125); из ст.-русск. *наводнение* ‘многоводье’ (1418 г.), ‘затопление суши водой’ (1421 г.) (СлРЯ XI–XVII 10: 36), влр. *наводнёние*.

Надлак, Нодлакѡ — шанец в регименте гусаров Хорватских, ныне с. *Надлак* Новоархангельского р-на (СНГТК: 11, 206); не получил внятной этимологии.

Наклон — склон горы, возвышенности, бугра у г. Кировоград, у с. Злинка Маловысьского р-на, с. Камышеватое Новоукраинского р-на (СНГТК: 126); из ст.-русск. *наклонѡ* ‘наклонный, имеющий наклон в какую-то сторону’ (1621 г.) (СлРЯ XI–XVII 10: 119), влр. *наклѡн*.

Нанѡс — наносы ила у пгт Павлыш Онуфриевского р-на и у пгт Новгородка Новгородковского р-на, заиливание после весеннего разлива рек у сёл Хмельёвое и Злинка Маловысьского р-на (СНГТК: 126); из ст.-русск. *наносѡ* ‘нанесённый водой мусор, древесные остатки, песок, ил и т. п.’ (СлРЯ XI–XVII 10: 159), влр. *нанѡс*.

Нанѡсы — наносы ила; по всей Ново-Сербии (СНГТК: 126); из ст.-русск. *наносы: и всякихъ наносовѡ отвъ полои воды* (Ворон. Петр. а., 136. 1699 г.) (СлРЯ XI–XVII 10: 159), влр. *нанѡс*.

Настѡл — дорога на болоте у пгт Компаниевка (СНГТК: 127); из влр. *настѡл*.

Начѡло — исток реки у г. Кировограда (1) и у с. Кирилловка Добровеличковского р-на (2) (СНГТК: 127–128); из ст.-русск. *начало* ‘то, от чего возникает какая-л. вещь, явление, источник’ (СлРЯ XI–XVII 10: 303), влр. *начѡло*.

Нестеровка [Nestepowka] — село на речке Корабельной выше ее впадения в Южный Буг; если перед нами не порча топонима *Нестеровка*, производного от фамильного имени *Нестеров* и имени собственного *Нестор*, то возможно образование от основы словосочетания *не степь*.

Нѡтри Нѡтри — заросли леса у пгт Новая Прага, у с. Михайловка Александрийского р-на, а также у г. Знаменка

(СНГТК: 128); из влр. диал. формы мн. ч. сущ. ж. р. *нѣтря* ‘заповедный лес, древесный питомник’ (южн.-влр., зап.-влр., Даль), *нѣтра* ‘топь’ (блр., смол., Добровольский), вероятно, усечения словосочетания *не тронь меня, недотрога* в тех же знач. (Фасмер 3: 69).

Низобье Низоб'я — мокрая заболоченная низина у г. Светловодска и у г. Кировограда (СНГТК: 131); из ст.-русск. *низовье* (1661 г.) (СлРЯ XI–XVII 11: 374), форма мн. ч. сущ. *низовья*, ср. р.

Нов- — пгт *Новгородка* (СНГТК: 11, 101); ср. др.-русск., ст.-русск. *Новгородъ, Новгородъ Стверскии, Нижнии Новгородъ* и т. п.

Ново- — с. *Ново-Андреевка* Новгородковского р-на, пгт *Ново-Архангельск*, с. *Ново-Григоровка* Первая Долинского р-на, с. *Ново-Егоровка* Новоукраинского р-на, с. *Ново-Лутковка* Добровеличковского р-на, г. *Ново-Миргород*, г. *Ново-Украинка* (СНГТК: 11, 100, 209, 117, 167, 182, 61, 165); влр. словообразование.

Новое — пгт *Новое* Кировоградского р-на (СНГТК: 11, 89).

Новый — *Новый Стародуб* Петровского р-на (СНГТК: 11, 104).

Норá — пещера у пгт Павлыш Онуфриевского р-на и у с. Михайловка Александрийского р-на (СНГТК: 131); из ст.-русск. *нора: Трофонийскихъ норъ не вѣсте ли... пещера* (СлРЯ XI–XVII 11: 422), влр. *норá*.

Обвал — крутой склон горы, холма, возвышенности у пгт Павлыш Онуфриевского р-на, у пгт. Новгородка, у г. Кировограда; подмытый обвалившийся берег у с. Подорожное Светловодского р-на; край горы у с. Чемерполе Гайворонского р-на (СНГТК: 131); из ст.-русск *обвалъ* ‘насыпь, вал городских укреплений’ (Ин. Сказ., 29. XVII в.), ‘падение оторвавшейся части чего-л.’ (СлРЯ XI–XVII 12: 13), влр. диал. *обва́л* ‘овраг’ (СРНГ 21: 355).

Обóчина — дороги повсюду в Новосербии; край горы и край низины у с. Кирово Долинского р-на (СНГТК: 132); из ст.-русск. *обочина* ‘край’, ‘опушка кафтана’ (1667 г.) (СлРЯ XI–XVII 12: 131) и влр. диал. *обóчина* в разн. знач. (новг., ворон., сарат., моск., петерб.) (СРНГ 22: 186).

Овиньянка [Owinianka] — село в регименте слободских казачков в верхове р. Берёзовки (Ингульца); влр. диал. вариант *овиньянка*, производное с суф. *-ьянка* от *овин*, соотносительное с *овинняк* ‘работник, который топит овин и присматривает за ним’ (СРНГ 22: 299), или производное с суф. *-ка* от польск. прилаг. *owiniany, *-а, -о* ‘обвиняемый’, *owinianie* ‘обвинение’ по гл. *owiniać* ‘обвинять’ (Warsz. III, 918, 919), ср. другой польск. гидроним *Долина злодзюв*.

Овраг — яр у пгт Смолино и у с. Злинка Маловыковского р-на, у сёл Кировоградского р-на (СНГТК: 133); из ст.-русск. *оврагъ* ‘овраг’, «*от яблонног отсыка во овраг, да врагом в Вѣтъ*» (АСВР II, 425. 1492–1503 гг.) (СлРЯ XI–XVII 12: 227) и влр. диал. *овраг* в разн. знач. (СРНГ 22: 189).

Огород, *Огороды* — поле, отведённое для выращивания овощей у г. Помочна Добровеличковского р-на, у с. Злинка Маловыковского р-на, у г. Кировограда (СНГТК: 133); из влр. диал. *огорбд* ‘участок земли, на котором выращивают овощи и фрукты’ (ряз.) (СРНГ 22: 345).

Одинак — отдельно стоящий камень у пгт Устиновка (СНГТК: 133); из ст.-русск. *одинакоу, одинакъ* ‘одиначный, отдельно от других находящийся’, «...*а с куста на дубокъ на одинакоу...*» (Арз. а., 160. 1598 г.) (СлРЯ XI–XVII 12: 277), ср. влр. диал. *одинак* в разн. знач. (твер., южн., зап., пск.) (СРНГ 23: 25).

Озеро — изолированный водоём повсюду в Новосербии (СНГТК: 134); из ст.-русск. *озеро*, «*по льду зимою по озеру...*» (Ав. Ж., 46. 1673 г.) (СлРЯ XI–XVII 12: 308), ср. влр. диал. *бозеро* в разн. знач. (СРНГ 23: 93).

Обóлица — опушка леса у пгт Павлиш Онуфриевского р-на, у с. Федоровка Добровеличковского р-на, у г. Кирово-

града, у пгт Александровка Александровского р-на (СНГТК: 134); из ст.-русск. *околица* ‘местность около поселения до полей’ (1587, 1598 гг.); ‘пастбище возле веления’ (1678 г.); ‘изгородь вокруг селения или посевов’ (1629 г.); ‘окружающая местность, округ’ (1371 г.); ‘окольная, непрямая дорога в стороне от жилья’ (1382 г.) (СлРЯ XI–XVII 12: 332) и влр. диал. *око́лица* ‘граница деревни; окраина деревни’ (пск., твер., влад.) (СРНГ 23: 139).

Око́п — ров с валом у с. Новолутковка Добровеличковского р-на, у сёл Цветное и Омельгород Александровского р-на, у с. Крапивницкое Новоукраинского р-на (СНГТК: 134); из ст.-русск. *окопъ* ‘ров с насыпью вокруг чего-л., окоп’ «На денной выласки, какъ стояли въ окопъ на берегу Днѣпра, раненъ маоръ» (Мат. медиц., 1021. 1678 г.) (СлРЯ XI–XVII 12: 337) и влр. диал. *око́п* ‘ограждение в виде канавы, рва, вала’ (курск., орл., калуж., ворон., арханг.) (СРНГ 23: 151).

Окраина, Окра́йна — край леса у пгт Павлиш Онуфриевского р-на (1), край низины у с. Высокие Буераки Кировоградского р-на и у с. Камышеватое Новоукраинского р-на (СНГТК: 134); из ст.-русск. *окраина* ‘окраина’; ‘пограничные области’ «...будто на его окраину наступаютъ русские люди» (Арс. Сух. Проскинитарий, 116. 1653 г.) (СлРЯ XI–XVII 12: 341) и влр. диал. *ока́йна* ‘край чего-л.’ (моск.) (СРНГ 23: 162).

Ольховатка [Olchowatka] — крепость в регименте гусаров к ю.-в. от Новомиргорода; влр. диал. производное с суф. *-к-а* от основы *ольховатый*, образованной посредством суф. *-ов-ат-* от *ольха*, ср. ст.-русск. производные от основы *ольха* (*вольха*), *ольховыи* (*вольховыи*), *ольшакъ*, *ольшиягъ*, *ольшанец*, *ольшаныи*, *ольшнягъ* (СлРЯ XI–XVII 12: 362). Ср. гидронимы Н. Дона *Ольховатка*, *Ольховата*, *Ольховатая*, *Ольховатая Яруга*, *Ольховатой*, *Ольховатский*, *Ольховатый*, *Ольховатый колодезь* [Отин 2012: 111, 118, 189, 270, 272, 404, 409, 441, 472, 736] и многочисленные ойконимы *Ольховатка* — в Белгородской обл.: село в Белгородском р-не,

село в Губкинском ГО, село в Ивнянском р-не, хутор в Корочанском р-не, село в Новооскольском р-не; Воронежская область: река в Воронежской области России, приток Чёрной Калитвы, село в Верхнемамонском районе, посёлок городского типа, административный центр *Ольховатского* района, деревня в Рамонском р-не; Калининградская область: посёлок в Гусевском городском округе; Курская область: село в Поныровском р-не, деревня в Пристенском р-не; Липецкая область: деревня в Воловском р-не; Донецкая область: река в Донецкой области, пгт в Енакиевском городском совете; Полтавская область: село в Кобелякском районе; село в Чутовском районе; Харьковская область: река в Харьковской обл., село в Балаклейском районе; село в Великобурлукском районе; село в Нововодолажском районе.

Ольшáнка (*Альшанка*) [Adszanka < Alszanka] — село в верховье Ингула, выше Юховки, ныне пгт *Ольшанка* (Вільшанка) Вільшанського р-на (СНГТК: 8), болгарская колония в XIX в.; результат порчи (описка по причине неразличения русск. букв *л* и *д*) влр. производного с суф. *-янк-а* от основы *ольха*, ср. ст.-русск. производные от основы *ольха* (*вольха*), *ольшакъ*, *ольшнягъ*, *ольшанец*, *ольшаныи*, *ольшнягъ* (СлРЯ XI–XVII 12: 362); влр. диал. *ольшáнка* ‘ольховая кора покрыта крапинками’ (СРНГ 23: 193) и многочисленные гидронимы Дона *Ольшанка*, *Олшанка* [Отин 2011: 77, 83, 100, 111, 116, 148, 189, 284, 289, 290, 303, 305, 312, 333, 356, 389, 395, 444, 539; 2012: 31, 159, 194, 209, 244, 737], польск. зоол. *olszanka* ‘рыба *phoxinus rivularis*’ (Karłowicz 3: 766).

Ольшáнка (*Адшанка*) *река* [AdSchanka < Alschanka R.] (СНГТК: 8); результат порчи текста (русск. *л* прочитано как *д*), русск. диал. образование с суф. *-ан-к-а* от основы *ольха*. См. предыдущ.

Ольшáнка — ныне с. Ольшанка / Вільшанка Новоархангельского р-на Кировоградской обл. (СНГТК: 8). См. предыдущ.

Ольши́ны — заросли ольхи у с. Гуровка Долинского р-на и у пгт Александровка Александровского р-на (СНГТК: 134); из влр. *ольши́ны*, формы мн. ч. от *ольши́на*, производного с суф. *-и́н-а* от *ольха*, диал. *ольши́на* ‘ольха’ (пск., новг., олон., твер., курск., арханг. и др.) (СРНГ 23: 193–194), см. предыдущ.

Омельгород — село Александровского р-на (СМГТ 8); из влр. диал. сложного слова с *омтьль* ‘отмель’ и *город* в составе с первичным значением ‘город у отмели’. См. *Омельник*.

Омельник — роща деревьев, зараженных омелой, у сёл Александровского р-на (1), роща с омелой на берегах или в плавнях речки у с. Добрянка Ольшанского р-на (2) (СНГТК: 134); ст.-руссск. производное с суф. *-ьн-ик-* от *омела*, ср. гидроним *Омельник* по Среднему Днепру [Трубачёв 1968: 199, 260] и др.-руссск. сущ. *омельникъ* ‘птицелов’: *омельникъ* (ἰξευτής) *трости творит* ((Гр. Наз.) Оп. II (2), 84. XIV в.) (СлРЯ XI–XVII 12: 364); ср. влр. *омельник* ‘птица большой дрозд *Turdus miscivorus*’ (СРНГ 23: 199).

Омельникъ — слобода; как свидетельствуют письменные источники, около 1740 г. возникло одно из заднепровских поселений — слобода *Омельник*, получившая своё название от протекавшей поблизости реки. В начале 1750 г. сюда переехало несколько семей из *Омельника* и Кобеяк Полтавской обл. Слобода разрасталась, со временем её называли *Лиховкой*. См. Лиховка.

Омельницкая крепость [Omielniczka] — пограничная крепость регимента пандуров на сев. берегу реки *Другый* *Омельник* между крепостью Чанат и крепостью Домачинцы, ныне с. *Омельник* Онуфриевского р-на (СНГТК: 11); русск. производное с суф. *-ьск-* от основы гидронима *Омельникъ* или *Омельникъ* (скорее от последнего, судя по опыту передавать ъ лат. диграфом *-ie-*).

Омельник — природная отмель в речке с каменистым дном, поросшим водорослями, и камень, каменная гряда, покрытая водорослями, у с. Добрянка Ольшанского р-на

(СНГТК: 134–135), см. *Омельникъ*; ст.-русск. производное с суф. *-ьн-икъ* от *омѣль или *омѣль ‘мель, отмель’, ср. др.-русск. топоним *Омѣль Глѣбовъ* на правобережье Оки (Рязанск. грамота XIV в.) и влр. диал. (*омель*), *омеля* мн. ч. ‘мелкое место в реке’ (ЯОС 7: 44), но *обмель* ж. р. ‘мель’ (СРДГ 2: 193). Производящая основа реконструируется в праслав. *obmĕľь / *obmĕľь и трактуется как обратное производное от гл. *obmĕľĕti (ЭССЯ 28: 59).

Омельникъ — река в регименте пандуров, см. Другиы Омельник; скорее всего, ст.-русск. производное с суф. *-ьн-икъ* от *омѣль или *омѣль ‘мель, отмель’, ср. др.-русск. топоним *Омѣль Глѣбовъ* на правобережье Оки (Рязанск. грамота XIV в.) и влр. диал. (*омель*), *омеля* мн. ч. ‘мелкое место в реке’ (ЯОС 7: 44), но *обмель* ж. р. ‘мель’ (СРДГ 2: 193). Производящая основа реконструируется в праслав. *obmĕľь / *obmĕľь и трактуется как обратное производное от гл. *obmĕľĕti (ЭССЯ 28: 59).

Омут — водоворот в речке у пгт Молодёжное Долинского р-на (1), яма в речке у пгт Новгородка Новгородковского р-на (2), яма в озере у с. Тишковка Новомиргородского р-на (3) (СНГТК: 135); из ст.-русск. *омутъ* ‘яма, глубокое место в реке или в озере’, «...а на рѣцѣ на Ворѣ же, омутъ Теръменевскои рыбы ловити, да и бобры ловити» (АСВР I, 47. 1423 г.) (СлРЯ XI–XVII 12: 371) и влр. диал. *бмут* ‘яма, заполненная водой’ (твер., сарат., киров.) (СРНГ 23: 206).

Опѣшка — прогалина в лесу, просека у г. Кировограда (СНГТК: 135); из влр. диал. *опѣшка* ‘конец, край поля, луга’ (калин.) (СРНГ 23: 320).

Осинник — осиновый лес у г. Гайворон Гайворонского р-на (СНГТК: 135); из ст.-русск. *осинникъ* ‘осинник’, «От ямы направо на осинникъ... от осин на яму» (Яросл. п. кн., 25. 1621 г.) (СлРЯ XI–XVII 13: 90) и влр. диал. *осинник* в разн. знач. (СРНГ 24: 8), производного с суф. *-ник* от *осина*, ср. *омельник* от *омела*.

Осіновка, Осіновка речка [Oslnawka / Osinawka R.] — река; влр. производное с суфф. -к-, от основы *осинов(ая)*, ср. диал. **осіновка** ‘вещь, сделанная из осины’ (СРНГ 24: 8); гидронимы Дона *Осиновка* [Отин 2011: 289, 319, 321, 390, 407, 412, 444, 540; 2012: 44, 48, 79, 279, 738].

Осно́ва — подножье горы, возвышенности у с. Александровка Александровского р-на (СНГТК: 135); из ст.-русск. *основа* ‘основание, фундамент чего-л.’, «...*новои же основе рвы и бутъ готовляшеся*» (Ч. Серг. Р. Аз., 88. 1654 г.) (СлРЯ XI–XVII 13: 121) и влр. диал. **осно́ва** в разн. знач. (СРНГ 24: 34).

Остров — на реке у г. Александрия (1а) и у пгт Н. Прага Александрийского р-на (1б), остров на болоте у с. Каменка Новомиргородского р-на (СНГТК: 136); из ст.-русск. *островъ* ‘участок суши, окруженный водой’ (СлРЯ XI–XVII 13: 158), и влр. диал. **о́стров** в разн. знач. (СРНГ 24: 80–81).

Острово́к — небольшой остров на реке у пгт Павлиш Онуфриевского р-на (1а), с. Андреевки Александрийского р-на (1б), у с. Каниж Новомиргородского р-на (1в), у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (1г), отмель, которая проступает на поверхность при падении уровня воды в реке в г. Кировограде (2), междуречье, простор между основным руслом речки и ее притоком или протокой у с. Андреевки Александрийского р-на (СНГТК: 136); из ст.-русск. *островокъ*, уменьш. к *островъ*, «...*Калцынымъ островкомъ малымъ одерень, и аз ему далъ противо того островка сорокъ куней*» (Гр. Новг. и Псков., 195. XVI в. ~ XV в.) (СлРЯ XI–XVII 13: 159) и влр. диал. **острово́к** ‘маленький остров’ (арханг., олон., онеж.) и ‘возвышенное место среди болота, поросшее лесом’ (олон.) (СРНГ 24: 84).

Островы́, Острови́ — группа островов на речке или на болоте у с. Кетрисановка Бобринецкого р-на (СНГТК: 136); ст.-русск. *острови* (1499 г.), форма мн. ч. сущ. *островъ* (СлРЯ XI–XVII 13: 158). См. *Остров*.

Отва́л — куча и насыпь у пгт Завалье Гайворонского р-на (СНГТК: 136); из н.-рос. *отва́л* ‘террикон шахты’, ср. влр. диал. *отва́л* ‘ссыпка угля, породы’ (перм.) (СРНГ 24: 128) и ст.-русск. *отвалъ* ‘место, где обрушилась, отвалилась часть горы, холма’ (1646 г.) (СлРЯ XI–XVII 13: 187).

Откос — склон горы у с. Камышеватое Новоукраинского р-на, у с. Гуровка Долинского р-на (СНГТК: 136); из ст.-русск. *откосъ* ‘косой срез, идущая под косым углом линия, косая поверхность чего-л.’, «...а толщина стѣны отъ откосу до пояса три сажени» (Арх. Стр. II, 885. 1634 г.) и влр. диал. *отко́с* ‘скат крыши от конька’ (СРНГ 24: 208).

Отмьль *Отми́ль* — мель в речке у пгт Смолино Маловысковского р-на (СНГТК: 137); из влр. диал. *отмель* ‘место, где стирают бельё’ (пск.) (СРНГ 24: 237), производное от ст.-русск. глаг. *отмьльти* ‘стать мелким, обмельть’ (А. Ворон. приказн. избы, оп. 3, № 506. 2 об. XVII в.) (СлРЯ XI–XVII 13: 269).

Отстойник, *Одстойник* — водоём у сёл Каменеч и Торговица Новоархангельского р-на, у г. Новоукраинка, у г. Александрия (СНГТК: 133, 137); из влр. диал. *отсто́йник* в разн. знач. (СРНГ 24: 324), производное с суф. *-ик* от основы ст.-русск. прилаг. *отстоинныи* ‘относящийся к вынужденному стоянию судна на якорѣ’, «Для морского ходу, государевыхъ снастеи, шеима отстоинная да якорь, да карбасъ» (ДАИ IV, 56. 1656 г.) (СлРЯ XI–XVII 14: 37).

Очерет, *Очерёт* — отмель на речке, поросшая тростником, у г. Кировограда (СНГТК: 137); из ст.-русск. *очеретъ* ‘название тростникового растения’, «На тихъ островахъ растутъ очеретъ велики и трави хорошие и дрѣвеса растутъ» (Козм. V, 57 об., н. XVIII в.) (СлРЯ XI–XVII 14: 96), русск. диал. *óчерет*, *очерёт* (Фасмер 3: 178) и влр. диал. *очерёт*, *óчерет* ‘тростник, камыш’ (южн., курск., ворон.) (СРНГ 25: 64), этимологию см. в (ЭССЯ 26: 137).

Очерётина — озеро, поросшее очеретом, у г. Кировограда (СНГТК: 137); из влр. диал. *очерётина* ‘один стебель

тростника' (южн., курск.) (СРНГ 25: 64), производное с суф. *-ин-а* от основы ст.-русск. *очеретъ*. См. *Очерет*.

Очерётник — поросший очеретом остров у с. Новый Стародуб Петровского р-на, у пгт Петрово, у г. Гайворон, у с. Подорожное Светловодского р-на; низина, поросшая очеретом, у пгт Добровеличковка, у с. Камбурлиевка Онуфриевского р-на (СНГТК: 137); влр. диал. производное с суф. *-ник-* от основы *очерет*, ср. прилаг. *очерётный* 'относящийся к очерету' (СРНГ 25: 64) и *омела* — *омельник*.

Павлиш — шанец регимента пандуров, ныне пгт *Павлиш* Онуфриевского р-на (СНГТК: 11, 25); сербский топоним *Павлиш*, производное от имени собственного *Павел*, *-вла*.

Пáводок — весенний разлив речки, весь ареал (СНГТК: 138); влр. *пáводок*, ср. влр. диал. *пáводка*, ж. р., 'разлив реки в половодье' (ряз.) (СРНГ 25: 111), ст.-русск. *паводы*, мн. ч., 'паводок, большое скопление воды в реке от ливней' (Кн. сбор. и расх. Дорогобуж., 203 об. 1696 г.) (СлРЯ XI–XVII 14: 113).

Пáдина — впадина, углубление, небольшая яма у с. Канеж Новомиргородского р-на, долина между двумя возвышенностями у с. Дорожинка Ольшанского р-на (СНГТК: 139); из влр. диал. *пáдина* 'глубокий овраг, ущелье'; 'широкий, но не глубокий овраг' (СРНГ 25: 130), ср. ст.-русск. *падина* 'понижение, углубление' (Моск. Кремль, 58. 1680 г.) (СлРЯ XI–XVII 14: 119).

Падíне, якобы ср. р. — низина у пгт. Ольшанка (СНГТК: 139); в данном случае из болг. *падíни*, формы мн. ч. сущ. *падíна*.

Пáзбище, *Пáзбице* — пастбище у с. Измайловка Александрийского р-на, у г. Малая Выска, у с. Войновка Александрийского р-на (СНГТК: 139); из ст.-русск. *пазбище* (1551 г.) (СлРЯ XI–XVII 14: 159).

Панчов [Panczow] — шанец регимента гусаров, ныне с. *Панчеве* Новомиргородского р-на (СНГТК: 11, 64); порча

топонима *Панчево* (серб. *Пáнчево*), перенесенного из пригорода Белграда.

Папажница или *Папезница* — шанец в регименте пандуров; производное с суф. *-н-иц-а*, как и форма м. р. *папезничкѣ*, от ст.-русск. *папажѣ* (Переясл. лет. 7), *папезѣ* 'глава римской церкви' (Чел. Авр., 56. 1670 г.), ст.-польск. *parież* 'папа римский' (СлРЯ XI–XVII 14: 147).

Пастич [*Pasticz*] — шанец в регименте пандуров; порча серб. *пастѣрче* 'пастушок'?

Пáстбище, *Пáстбище* — выпас у пгт Новогородка, у г. Александрия (СНГТК: 138, 140); из ст.-русск. *пастбище* (Псков. п. кн., 2. 1587 г.) (СлРЯ XI–XVII 14: 159), ср. влр. диал. *пáстьбá* ж. р. 'пастбище, выгон' (твер., новг., киров. и проч.) (СРНГ 25: 269–270).

Пепель, *Пепель* — выпаленное место в лесу и в поле у пгт Ольшанка (СНГТК: 143); из болг. диал. *пéпель*, *пепельтá* 'пепелище'.

Переволочная крепость — населенный пункт; ст.-русск. производное с суф. *-ьн-* от *перволока* 'пространство между реками, через которое перетаскивают суда для дальнейшего плавания или перевозят товары сухим путём' (АРГ 190, ок. 1520 г.), 'перетаскивание судов через волок' (АИ III, 25. 1614 г.) (СлРЯ XI–XVII 14: 223–224), ср. влр. диал. *переволчье*, ср. р. 'волок' (Даль, Маштаков) (СРНГ 26: 58).

Перекрёсток, *Перекрѣсток*, *Перехрѣсток* — перекрещивание протяженных объектов, дорог у г. Кировоград, у пгт Павлиш Онуфриевского р-на (СНГТК: 140); из влр. *перекрѣсток*, ср. ст.-русск. *перекрестокѣ*, *перехрестокѣ* 'перекрёсток' (Кн. п. Моск. I, 317. 1578 г.) (СлРЯ XI–XVII 14: 252), ср. влр. диал. *перекрѣсток*, м. р., 'середина деревни', 'развилка' (моск.) (СРНГ 26: 133).

Переправа — брод, мелководье у с. Аджамка Кировоградского р-на (СНГТК: 142); из ст.-русск. *переправа* 'место, где переправляются на другой берег' (Разин. Восст., 75. 1670 г.)

(СлРЯ XI–XVII 15: 280), ср. влр. диал. *перепрѣва* в др. знач. (курск.) (СРНГ 26: 196).

Пересьчьнѣ — город в земле, где жили *Угличи по Дѣнцѣру взнизѣ* [Трубачев 2003: 388], может быть, руины этого др.-русск. города находятся именно на территории Ново-Сербии, а не Запорожской Сечи. Ср. влр. диал. *пересѣчка*, ж. р., ‘перехват; сужение реки, озера’ (киров.) (СРНГ 26: 218).

Переход — переход (через реку) у с. Хмельёвое Маловисковского р-на (СНГТК: 142); из ст.-русск. *переходѣ* ‘место, где можно перейти реку’ (СлРЯ XI–XVII 15: 300) и влр. диал. *переход*, м. р., ‘мелкое место на реке, где обычно переходят на другой берег, брод’ (смол., орл., ворон., волог., Даль, Якушкин) (СРНГ 26: 262).

Петровска [Pietrowska] крепость или *Петроостровѣ* — шанец регимента гусаров, ныне *Петроострів* Новомиргородского р-на (СНГТК: 12, 67); влр. производное с суф. *-ьск-ѣ* от фамильного имени *Петров*, ср. ст.-русск. *Петровѣ*, *Петровскии*, *Петровское* (СлРЯ XI–XVII 15: 29–30) и гидронимы Н. Дона *Петровская*, *Петровский* [Отин 2012: 40, 96, 612, 741].

Печѣра, *Печѣра*, *Пещѣра*, *Пещѣра*, *Пищѣра*, *Пищѣра* — по всему региону (СНГТК: 142–143); из ст.-русск. *печера*, *печура*, *пещера*, *пещора* (СлРЯ XI–XVII 15: 38–39, 40, 42) и влр. диал. *печѣра*, *печѣра*, ж. р., ‘нора, углубление в земле, пещера; овраг’ (смол., калин., волж., симб.; курск.) (СРНГ 26: 349), *печѣра*, ж. р., ‘пещера; кротовая нора; нора в подводной части берега реки, озера’ (смол., курск.) (СРНГ 27: 9).

Питѣмник, *Питѣмник* — рассадник деревьев в Новоукраинском, Долинском, Петровском, Добровеличковском р-нах (СНГТК: 143); из влр. *питѣмник*, ср. влр. диал. *питѣмник*, м. р., ‘питомник’ (дон., сталингр., ульян., уральск.) (СРНГ 27: 54).

Пявошник, *П’явошник* — болото, заболоченное топкое место у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на; зато-

ка речки возле плотины у с. Песчаный Брод (СНГТК: 168); очевиден влр. фонетический облик слова, влр. производное с суф. *-ьник* от основы *пийэвка*, ср. влр. диал. *пийэвка*, ж. р., 'ящерица' (ряз.) (СРНГ 27: 63).

Плав — остров на речке у с. Петрово Петровского р-на (СНГТК: 150); из ст.-русск. *плавъ* 'болотистое место, где под дёрном всегда есть вода, зыбун' (Псков. п. кн., 97. 1587 г.) (СлРЯ XI–XVII 15: 66) и влр. диал. *плав*, м. р., 'место лова рыбы плавучими снастями' (дон., волж., уральск.) и др. близкие знач. (СРНГ 27: 64).

Плávни, *Плávни*, мн. ч., *Плавня*, ж. р. ед. ч. — заливной луг у с. Дереевка Онуфриевского р-на; заболоченная низменность у г. Миргорода, у с. Солдатское Петровского р-на и в др. местах (СНГТК: 150); из новорус. *плавня*, *плавни*, влр. диал. *плавни*, мн. ч., 'озеро', *плавна*, ж. р., 'пойма' (арх.), *плавня*, ж. р., 'весеннее половодье' (шуйск., иван.), 'зыбкое болотистое место, трясына' (пск.) (СРНГ 27: 70, 71).

Плес, *Плеса*, *Плесо* — тихое течение речки у с. Олшанка Новоархангельского р-на, у с. Бобринка Бобринецкого р-на, у с. Ивановоблагодатное Кировоградского р-на, у пгт Новгородка, у с. Камбурлиевка Онуфриевского р-на; спокойная, свободная от водорослей, чистая водная гладь у с. Андреевка Александрийского р-на, у с. Красное Гайворонского р-на, у с. Камбурлиевка Онуфриевского р-на; часть водоёма у с. Кальниболота Новоархангельского р-на; водная поверхность посередине болота у с. Треповка Знаменского р-на; мелкое место у с. Кетрисановка Бобринецкого р-на; место, где собирается дождевая вода после ливней, вода на полях после сильного дождя у с. Камбурлиевка Онуфриевского р-на (СНГТК: 150–151); из ст.-русск. *плесъ*, *плесо* 'прямой и широкий участок реки со спокойным течением от поворота до поворота или от переката до переката, от острова до острова' (1391 г.), 'прибрежная часть земли вдоль плеса' (1580 г.) (СлРЯ XI–XVII 15: 87) и влр. диал. *плёс*, м. р., 'небольшой залив на реке, заводь; изгиб реки, излучина; низменное ме-

сто, где скапливается вода; болото; заросшее камышом, осокой небольшое озеро; отмель' (СРНГ 27: 112–113).

Плитá — большой камень плоской формы у с. Камышеватовое Новоукраинского р-на (СНГТК: 151); из ст.-русск. *плита* 'кусок камня с плоской поверхностью' (Арс. Сух. Проскинитарий 147. 1653 г.) (СлРЯ XI–XVII 15: 94) и влр. диал. *плитá*, ж. р., 'большой камень любой формы; минеральный пласт, плитняк' (пск., новг., вят., костром.), *плиты* 'пороги' (кубан.) и др. знач. (СРНГ 27: 140).

Плоскогóрье — равнина на возвышенности у с. Березоватка, Ингульское Устиновского р-на, у пгт Компанеевка (СНГТК: 151); из влр. *плоскогóрье*.

Плотина, *Плотина* — насыпь, дамба у пгт Новгородка, с. Свердлово Бобринецкого р-на, у пгт Павлыш Онуфриевского р-на, у с. Лавровка Долинского р-на, у пгт Новоархангельск, у сёл Добровеличковского р-на, у г. Новоукраинка (СНГТК: 151); из ст.-русск. *плотина* (Арз. а., 156. 1598 г.) (СлРЯ XI–XVII 15: 102) и влр. диал. *плотина*, *плотина́*, ж. р., 'гать, переправа через реку; настил из веток' (ряз., ворон.) и в др. подобных знач. (СРНГ 27: 150).

Пляц — равнина на возвышенности у с. Торговица Новоархангельского р-на, у с. Добрянка Ольшанского р-на (СНГТК: 152); из ст.-русск. *пляц* 'мера земли', «*Да с мелницы и с перевозу пятнатцать Рублев да с мещан с морговз и с пляцовз их по окладу дватцат пят Рублев*» (Смол. а., № 11, 34. 1669 г.) (СлРЯ XI–XVII 15: 114) и влр. диал. *пляц*, м. р., 'участок земли, пашни; полоска земли, грядка; усадебный участок' (брян., смол., Прибалт.) (СРНГ 27: 177).

Побережье — берег у пгт Новая Прага Александрийского р-на; прибрежные земли во время разлива реки у с. Измайлочки (СНГТК: 152); из ст.-русск. *побережье* 'полоса земли вдоль реки, водоёма' (1508 г.) (СлРЯ XI–XVII 15: 125) и влр. диал. *пóбережье*, ср. р., 'пожня, сенокос на берегу реки; деревня, расположенная на берегу реки' (арх., холмог., олон.),

еще *пóбережь* ‘прибрежная полоса воды’ (пск.) (СРНГ 27: 193).

Побряго — берег у с. Ольшанка (СНГТК: 152); из болг. диал. *побряго(м)* ‘вдоль берега, побережье’.

Поворóт — место поворота реки; по всему ареалу (СНГТК: 153); из ст.-русск. *поворотъ* ‘место, где что-л. поворачивает, изменяет направление’ (Арс. Сух. Проскинитарий, 140. 1653 г.) (СлРЯ XI–XVII 15: 169), и влр. диал. *поворóт*, м. р., в разн. знач. (СРНГ 27: 261–262).

Подно́жье, *Падно́жье*, *Подно́жье* — подножье горы, возвышенности у с. Злинка Маловыковского р-на, у с. Новое Кировоградского р-на (СНГТК: 139, 154); из ст.-русск. *подножье*, *подножье* ‘пространство у ног, под ногами’ (СлРЯ XI–XVII 16: 12) и влр. диал. *подно́жье*, ср. р., в разн. знач. (СРНГ 28: 103).

Подóл — равнина (в общем значении) у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 155); из ст.-русск. *подолъ* ‘низкое, низменное место, особенно под горой, близ реки, низина; долина’ (1519 г.) (СлРЯ XI–XVII 16: 28) и влр. диал. *подóл*, м. р., ‘равнина, низкое место под горой; долина’ (новг., яросл., смол., курск., ворон.) (СРНГ 28: 115–116).

Подóшва — подножье горы у г. Кировограда (СНГТК: 155); влр. простореч. *подошва* в переносном употреблении, ср. влр. диал. *подóшва*, ж. р., в разн. знач. (СРНГ 28: 126).

Пожáр — выпаленное место в лесу у сёл Александрийского р-на (СНГТК: 155); из др.-русск. *пожаръ* ‘пожарище, пепелище’ (Лавр. лет., 240) (СлРЯ XI–XVII 16: 94) и влр. диал. *пожáр*, м. р., ‘пожарище; верховой пожар’ (ряз., дон.) (СРНГ 28: 288).

Пожáрище — выпаленные места в лесу, на лугу, в поле; повсеместно (СНГТК: 155); из ст.-русск. *пожарище* ‘место, где что-л. жгли, пепелище’ (1583 г.) (СлРЯ XI–XVII 16: 94) и влр. диал. *пожáрище*, ср. р., ‘выжженно жнивье; луг на месте выжженного леса; распаханый участок на месте сгоревшего леса’ (ряз., ворон.) (СРНГ 28: 288–289).

По́ле — земельный участок; огород, приусадебный земельный участок; луг; равнина; по всему региону (СНГТК: 155); из ст.-русск. *поле* ‘плоское открытое место, равнина; степь; пастбище, выпас; нива, участок обрабатываемой земли и т. д.’ (СлРЯ XI–XVII 16: 204–206) и влр. диал. *по́ле*, ср. р., в разн. знач. (СРНГ 29: 45–46).

Палиса́дник, Поліса́дник — земельный участок перед домом, где растут цветы, иногда овощи; весь ареал (СНГТК: 156); из влр. *палиса́дник*, производного от франц. заимствования *палиса́д*, ср. влр. диал. *полиса́дина, палиса́дина*, ж. р. (СРНГ 29: 74).

Полово́дье, половоди́е, половоди́я, половоди́е — весенний разлив в Кировоградском, Знаменском, Добровеличковском Светловодском р-нах (СНГТК: 139, 156); из влр. *полово́дье*, ср. ст.-русск. *половодь* (Ряж. дес., 319. XVI в.) (СлРЯ XI–XVII 16: 234), влр. диал. *полово́дье*, ср. р. ‘место, которое было затоплено водой во время весеннего разлива; (Р. Урал) и *по́ловоди́* ‘половодье’ (пск., курск., орл., вят., кубан.) (СРНГ 29: 94).

Поло́г, Поло́ги, мн. ч. — пологий берег реки, низменность у с. Солгутово Гайворонского р-на (СНГТК: 156); из ст.-русск. *пологъ* ‘низменное, равнинное место’, ‘пологий берег’, «...у Давыдовъ *пологъ*...» (Польск. д. III, 656. 1570 г.) (СлРЯ XI–XVII 16: 235) и влр. диал. *поло́г*, м. р., ‘покатый склон; низменное место, заливной луг’ (пск., твер., Даль) (СРНГ 29: 96–97).

Полони́на — долина у г. Александрия (СНГТК: 156); из ст.-русск. *полонина* ‘долина’ (XVI в.), ‘бесплодное поле, голая равнина’ (Назиратель, 331. XVI в.) (СлРЯ XI–XVII 16: 236).

Полоса́ — земельный участок у с. Песчаный Брод и у с. Помощная Добровеличковского р-на (СНГТК: 156); из ст.-русск. *полоса* ‘земельный надел, участок в виде узкой полосы’; ‘участок земли определенного размера’ (XV в., 1589, 1689 гг.) (СлРЯ XI–XVII 16: 244) и влр. диал. *полоса́*, ж. р., в разн. знач. (СРНГ 29: 115–116).

Поло́ска — земельный участок у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 156); из ст.-русск. *полоска* ‘земельный надел, участок в виде узкой полосы’; ‘участок земли определенного размера’ (Гр. Дв., 42. XV в.) (СлРЯ XI–XVII 16: 245), ср. влр. диал. *поло́ска*, ж. р., ‘просека в лесу’ (ворон.) (СРНГ 29: 117).

Поля́на — прогалина, просека у с. Андреевка Александровского р-на, у пгт Павлиш Онуфриевского р-на и др.; выпаленное место на лугу у с. Кмышеватое Новоукраинского р-на; луг в Гайворонском р-не (СНГТК: 156–157); из ст.-русск. *поляна* ‘равнина, ровное безлесное пространство’ (1499); ‘росчисть как сельскохозяйственное угодье’ (1571 г.) (СлРЯ XI–XVII 16: 289) и влр. диал. *поля́на*, ж. р., ‘пахотная земля, пашня вдали от селения; луг, участок сенокоса’ (яросл., арх., костром., олон., север., сарат.) и др. знач. (СРНГ 29: 189–190).

По́росль — молодой лес у с. Кирилловка Добровеличковского р-на, у с. Гуровка Долинского р-на, у г. Кировоград (СНГТК: 158); из ст.-русск. *поросль*, *поростль* ‘молодой лес’, ‘место, покрытое мелким лесом, кустарником’, «... в бортьях, и в лузтьх, и в поросльх, и в чащах» (Ж. Стеф. Перм. Епиф., 47. XV–XVI вв.), «Дикое поле, и поростль, и дубровы» (Арз. а., 166. 1598 г.) (СлРЯ XI–XVII 17: 126).

Пото́к — ручей у г. Александрия, у г. Кировограда, у пгт Головановск (СНГТК: 159); из ст.-русск. *потокъ* ‘струя, ручей’ (1499, 1518 гг.), ‘ложе реки, ущелье, долина’ (1496, 1594 гг.) (СлРЯ XI–XVII 18: 8) и влр. диал. *пото́к*, м. р., ‘ручей, место, откуда вытекает родник; приток реки; ложбина’ (пск., ворон., костром.) (СРНГ 30: 287–288).

Пото́п — весенний разлив у с. Марьевка Онуфриевского р-на, у с. Димитрово Устиновского р-на, у с. Богдановка Знаменского р-на, у пгт Петрово (СНГТК: 159); из ст.-русск. *потопъ* и *потопа* ‘место, затопленное водой’ (Устав ратных д. I, 92. XVII в.) (СлРЯ XI–XVII 18: 12) и влр. диал. *пото́п*, м. р., ‘болото, покрытое ржавчиной’ (смол.) (СРНГ 30: 294).

Пояна, ж., *Пояне*, ср. — поляна в лесу у пгт Ольшанка (СНГТК: 159–160: опечатка, описка?); болг. диал. парча **поляна**. См. Пуляна.

Праснійца, *Прасніца* — место добычи глины и песка у пгт Ольшанка (СНГТК: 160); из болг. диал. производного с суф. *-ниц-а* от сущ. **пръсь** (**пръст**) ‘глина (особенно строительная)’. Ср. *Глинской*.

Пригóрок — холм у с. Треповка Знаменского р-на, у с. Гуровка Долинского р-на (СНГТК: 161); из ст.-русск. *пригорокъ* (Х. Рад., 67. 1628 г.) (СлРЯ XI–XVII 19: 137) и влр. диал. **пригóрок**, м. р., ‘склон холма, горы’ (перм., краснояр.) (СРНГ 31: 175).

Притóк — реки у с. Новый Стародуб Петровского р-на (СНГТК: 161); из ст.-русск. *притокъ* ‘рыбное угодье’, «...*да притокъ подѣ тополемъ...*» (Кн. пер. Водск. пят. I, 453. 1500 г.) (СлРЯ XI–XVII 20: 55) и влр. диал. **притóк**, м. р., в разн. знач. (СРНГ 32: 18).

Провáл — подмытая обвалившаяся часть берега у с. Березовка Устиновского р-на, яр у г. Миргород, у с. Панчево Новомиргородского р-на, у с. Сугоклиевка Бобринецкого р-на, у пгт Новоархангельск, у пгт Димитрово Александрийского р-на, лощина у с. Гуровка Долинского р-на (СНГТК: 162–163); из ст.-русск. *провалъ* ‘провалившееся место’, «...*и отъ провалу та земля осьпдаетъ въ рѣку Донъ*» (Ворон. а., 300. 1697 г.) (СлРЯ XI–XVII 20: 99) и влр. диал. **провáл**, м. р., ‘лощина; вязкое топкое болотистое место; бездна, пучина; овраг; ущелье, промоина с уступами’ (ворон., пск., волог., яросл., курск.) (СРНГ 32: 90).

Провáлина — глубокий яр у с. Шляхово Новоархангельского р-на, у с. Новогригоровка Первая Долинского р-на, у с. Ленинка Устиновского р-на, у пгт Димитрово Александрийского р-на; подмытая обвалившаяся часть берега реки у с. Игнатовка Добровеличковского р-на (СНГТК: 163); из ст.-русск. *провалина* ‘провалившееся место’, «...*черезъ озеро прямо подль дву провалинъ по правои сторонѣ на го-*

ру» (Арз. а., 43. 1599 г.) (СлРЯ XI–XVII 20: 99), ср. влр. диал. **провáлице**, ср. р., ‘овраг, глубокий провал; большая яма, провал; яма на болоте; пропасть’ (калуж., волог., перм., курск.) (СРНГ 32: 91).

Прогáлина — лесная просека; повсюду в Новосербии (СНГТК: 164) — из ст.-русск. *прогалина* ‘брешь, пролом (в городской стене)’ (Ник. лет. XII, 89) (СлРЯ XI–XVII 20: 109) и влр. диал. **прогáлина**, ж. р., ‘расчищенное место в лесу; просека; дорога в лесу; дыра, пролом, щель’ (волог., костром.) (СРНГ 32: 105).

Прой, Пройо — ручей и русло речки у пгт Олышанка (СНГТК: 165); полная редукция предупредного слога в болг. **порóй, порóя, порóйт** ‘поток, ручей’.

Прóпасть — яма в речке у с. Новый Стародуб Петровского р-на; водоворот в реке у пгт Петрово; крутой отвесный берег у пгт Павлиш Онуфриевского р-на, у пгт Комышеватое Новоукраинского р-на; пропасть; повсеместно в Новосербии (СНГТК: 165–166); из ст.-русск. *пропасть* ‘глубокая расседина, яма, крутой обрыв, провал, пропасть’; ‘бездонная глубина, бездна; крутой склон горы, крутизна’ (СлРЯ XI–XVII 20: 190–191) и влр. диал. **прóпасть**, ж. р., ‘глубокая яма в земле, в реке; труднопроходимый участок’ (кур., ворон., арх., ряз.) (СРНГ 32: 203).

Просвёт, Просвёт — прогалина, просека у сёл Добровеличковского р-на, у г. Кировоград (СНГТК: 166); из ст.-русск. *просвьтъ* ‘промежуток’ (Кн. пер. Ипат. м., 1. 1595 г.) (СлРЯ XI–XVII 20: 210) и влр. диал. **просвёт**, м. р., в разн. знач. (СРНГ 32: 203).

Прóсека, Просека — прогалина у с. Костомаровка Бобринецкого р-на, у с. Злинка Маловисковского р-на, у г. Знаменка, у пгт Олышанка (СНГТК: 166); из ст.-русск. *проська*, «А отъ прудца прямо до ямъ и до просеки, а отъ ямъ направо просекою...» (Арх. Стр. I, 478. 1567 г.) (СлРЯ XI–XVII 20: 216) и влр. диал. **прóсека**, ж. р., ‘межа’ (новг., твер.) (СРНГ 32: 228).

Прото́к, Прото́ка — русло речки у с. Ингульское Устиновского р-на; ручей у с. Солдатское Петровского р-на, у с. Камышеватое Новоукраинского р-на; приток речки у с. Свердлово Бобринецкого р-на (СНГТК: 167); из ст.-русск. *протока, протокъ* ‘длина течения реки, протяженность реки’; ‘рукав реки, протока, пролив, соединяющий два водоема’ (1607, 1615, 1616, 1626, 1653, 1670 гг.) (СлРЯ XI–XVII 20: 263) и влр. диал. *прото́к*, м. р., ‘ток воды из одного водоёма в другой, течение ручья, реки; ручей’ (ряз., ворон., перм.) и *прото́ка* в разн. знач. (СРНГ 33: 8).

Прото́чина — ручей у с. Добрянка Ольшанского р-на, у г. Александрия (СНГТК: 166); из ст.-русск. *проточина*, тж. *протокъ, протока* (Ряз. п. кн. II, 742. 1640 г.) (СлРЯ XI–XVII 20: 267) и влр. диал. *прото́чина*, ж. р., ‘ток воды, течение; проточная вода; ручей, ключ, выходящий на поверхность; небольшой водоток на поверхности земли; небольшой ручей’ (ворон., перм., арх., сев.-двин., р. Урал) (СРНГ 33: 11).

Проход — место в зарослях, где можно пройти, повсеместно в регионе (СНГТК: 167); из ст.-русск. *проходъ* ‘место для прохода и проезда, путь’, «...а къ озеру проходъ написали межъ дву рѣкъ устем» (Польск. д. III, 691. 1570 г.) (СлРЯ XI–XVII 20: 277) и влр. диал. *проход*, м. р., в разн. знач. (СРНГ 33: 28–29).

Пруд — у г. Кировограда (СНГТК: 167); из ст.-русск. *прѣдъ* ‘запруда, мельничная плотина, водоём, устроенный посредством запруживания текущей воды или копаный’ (СлРЯ XI–XVII 21: 16) и влр. диал. *пруд*, м. р., ‘запруда, плотина’ (смол., яросл., арх., перм.) (СРНГ 33: 58).

Пуля́на — прогалина в лесу у пгт Ольшанка (СНГТК: 167); диал. произношение болг. *поля́на*.

Пусто́та — вываленное место на болоте у с. Мошорино Знаменского р-на; место в поле, где ничего не растет, у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, у с. Камышеватое Новоукраинского р-на (СНГТК: 168); из ст.-русск. *пу-*

стота ‘необрабатываемая земля, запустевшее место’ (СлРЯ XI–XVII 21: 55).

Пусты́ня, Пусты́ня — место в поле, где ничего не растёт, у с. Могильное Гайворонского р-на (СНГТК: 167–168); из ст.-русск. *пустыня, пустыни*, ж. р., ‘пустое безлюдное место’ (СлРЯ XI–XVII 21: 60).

Пусты́рь, Пусты́рь — луг, необработанное поле, земельный участок, поле, поросшее бурьяном; во многих местах (СНГТК: 168); из ст.-русск. *пустырь* ‘опустевший, лишенный построек участок в городе или сельской местности’ (СлРЯ XI–XVII 21: 60).

Пучина — водоворот в реке у с. Богдановка Знаменского р-на (СНГТК: 168); из ст.-русск. *пучина* ‘глубина’ и т. п. (СлРЯ XI–XVII 21: 70–71) и влр. диал. *пучина*, ж. р., ‘топкое место, болото, трясина; болото; болотистое место на лугу; заболоченная часть русла реки; яма с водой’ (пск., новг., петерб., калин., яросл., волог.) (СРНГ 33: 168).

Пу́ща — густой лес у с. Новый Стародуб Петровского р-на (СНГТК: 168); из ст.-русск. *пуща* ‘густой, труднопроходимый лес’ (1660-е гг.) (СлРЯ XI–XVII 21: 73) и влр. диал. *пу́ща*, ж. р., ‘заповедный лес, заповедник; небольшой лиственный лес, роща’ (южн., зап., Даль, орл.) (СРНГ 33: 177).

Пяса́н, П’яса́н — песчаный берег у пгт Ольшанка (СНГТК: 168); из диал. упрощения болг. *пясачен* ‘песчаный’.

Равни́на, Равни́на — у с. Злинка Маловыковского р-на, у с. Клиницы Кировоградского р-на, у пгт Ольшанка (СНГТК: 169); из ст.-русск. *равнина*, «Горы и пръгыня..., равнины и поля, дубравы и потоци...» (Сл. Кир. Тур., 70. 1522 г.) (СлРЯ XI–XVII 21: 112), ср. влр. диал. *равни́на* в др. знач. (СРНГ 33: 243).

Разли́в, Разли́в — место у речки у с. Злинка Маловыковского р-на, у пгт Ольшанка (СНГТК: 169); из ст.-русск. *разливъ*, чаще *розливъ* ‘место, где текущая вода разливается вширь, болото, лужа, широкий плес на реке’ (1648, 1684 г.) (СлРЯ XI–XVII 21: 202) и влр. диал. *разли́в* ‘широкий уча-

сток реки от одного колена до другого, плёс' (твер., влад., волог.), 'обширный, занимающий большое пространство водоём' (курск., орл.) и т. д. (СРНГ 33: 354).

Разліва, Разліва, Разлява — разлив речки у сёл Овсяники, Добрянка, Дорожинка Ольшанского р-на, у пгт Ольшанка (СНГТК: 169); из влр. диал. *разліва* 'разлив, пространство, залитое водой' (каргоп., арх.) (СРНГ 33: 354) или болг. диал. переоформление влр. *разлив* то ли как сущ. ж. р. на -а, то ли сущ. м. р. с постпозиционным артиклем (членуване).

Регімент [Regiment (Pandurow), Regm Usarow, Regim Ukraincow] — из ст.-русск. *регементъ, региментъ, ригиментъ, ригементъ, ригимонтъ* 'полк' «Нашему полковнику привести региментъ ꙗѣзъ человекъ добрыхъ и ученыхъ солдатовъ» (СГГД III, 324. 1631 г.), «Во всякоу региментъ, или полкъ, по три тысящи человекъ...», «О региментъ, сирьчь о полку салдатовъ» (Учен. ратн. строения, 4 об., 7 об. 1647 г.), 'группа полков, объединенная общим командованием (генерала)': «Еще из Русскои земли от фенриха имянем Филип Гестер вѣсти... а преж сего под синим ригиментомъ служивал» (Куранты¹, 134. 1631 г.), *региментъ, ригимонтъ малороссийского гетмана Ивана Самойловича* (1679 г.), *ригиментъ генерала Лефорта, ригиментъ генерала Автамона Михайловича* (1695 г.), «И начевали гетманского регимента подъ городом Янполя» (Шерем., 1586. XVIII в. 1699 г.), также *реиментъ* (из ст.-польск. диал. *rejment*) (1660 г.), 'власть, управление, командование', «...подъ региментомъ... генералисимуса» (Гебд., 38. 1659 г.), «Аще ли... оные (села) въ державу вашу монаршескую подъ нашъ региментъ возвращены не будутъ, тогда глубже въ страны регименту нашего захочетъ цяляхта полскаа вдиратися» (ДАИ XI, 18. 1684 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 130–131, 139). Слово заимствовано в ст.-русск. язык из ученой латыни в первой трети XVII в. *regimentum* (Dig, Amm) = *regimen, -inis* 'управление, командование, начальствование, заведо-

вание, руководство, управление’, ‘руководитель, правитель, глава государства’.

Региментъ Гусаров Хорбацких [Regm. Usarow Horbatsch] — в 1751 г. австрийскому выходцу, полковнику Хорвату (Хорбату?), поручено было сформировать из сербских выходцев один гусарский полк в 4 тысячи кавалеристов, который и был поселен на правом берегу Днепра, в Ново-Сербии, ср. гидронимы Дона *Гусар, Гусаров, Гусарева, Гусарик, Гусаркина, Гусарская балка, Гусарская Яма* [Отин 2011: 271, 277, 456; 2012: 143, 309, 343, 500, 693].

Региментъ Пандуров [Regiment Pandurow] — название произошло от наименования обитателей г. *Пандур* в графстве Батском, Венгрия. В сербском *пандур*, род. п. *пандура* ‘стражник, полицейский’. А вообще-то, *пандуры* — наименование группы клиентов, которые посещают пир в доме патрона во время римско-византийского праздника Брумалии, южн.-слав. Крачун, вост.-слав. Корочун [Шапошников 2008].

Региментъ Украинцов [Regiment Ukraincow] или поселенного пикинерского елисаветградского (*уланского*) полка украинского казачьего войска — обращает на себя внимание ст.-польск. форма *ukrainców*, образованная регулярно от основы прилаг. аналогичного ст.-русск. *украинныи*, ср. о событиях в Поочье «...овогда многих татар посылаюци на страны украинныя» [Лызлов 1692: л. 161 об.]. Территория этого регимента донныне сохраняет множество исторических топонимов (микротопонимов) и народных географических терминов вовсе не малороссийского, а великорусского происхождения (с аналогами в рязанском, арзамасском, воронежском и др. южнорусских ареалах).

Рэчка, Речка — небольшая река у с. Злинка Маловишковского р-на (СНГТК: 169); из ст.-русск. *ръч(ь)ка* ‘небольшая река’ (1628 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 151) и влр. диал. *рэчка* ‘овраг, ложбина, по которой протекает ручей’ (моск.), ‘место, где стирают бельё’ (курск.), и т. п. (СРНГ 35: 82).

Ржавец — болото у с. Ольшанка Новоархангельского р-на (СНГТК: 169); из ст.-русск. *ржавецъ* ‘ржавое болото’ (1552), ‘ручей, вытекающий из ржавого болота’, «*На ручью на Ржавиць*» (Пск. п. кн., 306. 1587 г.), ‘ржавчина, бурая плёнка, какая бывает на болотах, содержащих железную руду’ (АИ IV, 332. 1663 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 159) и влр. диал. *ржа́вѣцъ* ‘вязкое, топкое место, болото, покрытое красновато-бурым налётом, плёнкой (от содержащихся в нём железистых пород)’ (пск., арх., калуж.), ‘железистый источник, ручеёк, вытекающий из болота со ржавой водой’ (ворон., Даль), ‘овраг, по дну которого сочится железистая вода’ (ряз.), и т.д. (СРНГ 35: 93).

Ров — у с. Александро-Марьевка Петровского р-на, у с. Солдатское Петровского р-на; большая яма (природная) у с. Треповка Знаменского р-на, калькировано по всей обл. (СНГТК: 170–171, 175); из ст.-русск. *ровъ* ‘яма’, ‘ров’, ‘длинная глубокая канава, размытая водой или вырытая искусственно’ (СлРЯ XI–XVII 22: 170), и влр. диал. *ров* ‘канава с небольшой насыпью вокруг огорода или гумна, невысокий земляной вал’ (волгогр., курск.), ‘борозда между грядами’ (Карелия), *ровы* ‘ямы’ (якут.) (СРНГ 35: 111).

Ровень — равнина у с. Андреевка Александрийского р-на, иногда транслитерировано в Александровском *р-не* (СНГТК: 171, 175); из ст.-русск. *ровень*, др.-русск. *ровнь* ‘ровное место, равнина’ (Ипат. лет. 767) (СлРЯ XI–XVII 22: 171) и влр. диал. *рѡвень* ‘ровная поверхность, ровное место, равнина’ (пск., новг.), ‘уровень, граница высоты чего-л.’ (перм.) (СРНГ 35: 112).

Ровец — небольшой ров; по всей обл. (СНГТК: 175); из влр. диал. *ровѣцъ* ‘ров, овраг’ (ворон.), ‘ручей’ (курск., ворон.) (СРНГ 35: 112).

Рбвность — равнина у с. Калиновка Кировоградского р-на (СНГТК: 175); из влр. *рѡвность* в близком знач.

Ровок — небольшой поток в долине у с. Подорожное Светловодского р-на, долина водного потока у с. Злинка Маловис-

ковск. р-на (СНГТК: 175); из влр. диал. *ровѡк* ‘ров, колея, выбоина в земле’ (пск., твер., смол., зап.-брян.) (СРНГ 35: 116–117).

Рог — клин поля у с. Клиницы Кировоградского р-на (СНГТК: 175); из ст.-русск. *рогъ* ‘мыс, стрелка при слиянии речек’, ‘вообще урочище с одним природным комплексом, врезающееся в другой природный комплекс (лес в степь, степь в лес)’, в названия урочищ лесостепной полосы: *Айдаровъ рогъ*, *Ольховый рогъ*, *Семеновъ рогъ*, *Яриловъ рогъ* (1615 г.), *Уиские рога* (1694 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 176). Традиционный топоэлемент Северо-причерноморской топонимики начиная с Гипакиря и Кривого Рога до Таганрога и Миуса.

Родник, *Родник* — источник у с. Камбурлиевка Онуфриевского р-на, у г. Александрия, у с. Никольское Добровеличковского р-на, у с. Сазоновка Кировоградского р-на, у г. Александрия; подземный источник у с. Камышева-тое Новоукраинского р-на; подводный источник в пруду у с. Никольское Добровеличковского р-на (СНГТК: 176); из ст.-русск. *родникъ* ‘источник, ключ’, «*А города стоят... промеж гор и по горам, при реках или где родники*» (Посольство Толочанова, 187. 1652 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 188) и влр. диал. *родник* ‘колодец’ (новг., яросл., волог., пенз., сарат.), ‘питьевая вода’ (арх.), ‘исток реки’ (ворон.) (СРНГ 35: 139).

Рожок — клин леса, перелесок у пгт Новгородка (СНГТК: 176); из влр. диал. *рожѡк* ‘отлогий мыс’ (пск., новг., твер.) (СРНГ 35: 154–156).

Роскольница, *Роскольница* [Roskolnitsa] — шанец и село в регименте украинцов; из ст.-русск. *роскольница*, *раскольница*, соотносительного с *роскольникъ*, *раскольникъ* (Новг. IV лет., 355) (СлРЯ XI–XVII 22: 13).

Роца — небольшой лес у г. Кировограда, у пгт Александровка, у с. Новый Стародуб Петровского р-на (СНГТК: 178); из ст.-русск. *роца* ‘поросль, молодые деревья’, «*На березоваи колок, а в нем росца осиновая з березками*» (Отказн. кн. южновеликорус., 275. 1632 г.), ‘лес, не подлежащий вы-

рубке, который растят, берегут, очищают’, «*Да изо врага налево вверхъ по ямам межюю по конец сосновой роци*» (АРГ, 135. 1516–1516 гг.) (СлРЯ XI–XVII 22: 223) и влр. диал. **рбца** в разн. знач. (СРНГ 35: 210–211).

Рудá — земельный участок с глиняным грунтом (красного цвета) у с. Краснокаменка Александровского р-на, с. Камышеватое Новоукраинского р-на, болото ржавого цвета у с. Грузкое Кировоградского р-на (СНГТК: 178); из влр. диал. **рудá** ‘болотная ржавчина’ (холмогор., арханг.), ‘жёлтый оттенок, желтизна’ (орл.), ‘глина красного цвета’ (Р. Урал) (СРНГ 35: 232).

Рúсло — речное русло по всей обл., быстрое течение речки у с. Новый Стародуб Петровского р-на (СНГТК: 178); из влр. диал. **рúсло** ‘самое глубокое место реки, фарватер, основная струя и течение реки’ и т. д. (СРНГ 35: 270).

Ручáй — источник у с. Злинка Маловыковского р-на, у пгт Онуфриевка (СНГТК: 178); из ст.-русск. *ручаи* ‘то же, что ручей’, «*А межа темъ землямъ отъ реки от Синдоши ручаемъ вверхъ на осину*» (Арх. Стр. I, 266. 1548 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 263) и влр. диал. **ручáй** ‘ручей’ (яросл.) (СРНГ 35: 277).

Ручéй — поток, течение у с. Злинка Маловыковского р-на, у с. Могильное Гайворонского р-на (СНГТК: 179); из ст.-русск. *ручеи* ‘ручей’ (1640 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 263) и влр. диал. **рúчéй** в разн. знач. (СРНГ 35: 278).

Ручеёк, Ручейо́к, Ручйо́к — источник у с. Знаменка Знаменского р-на; ручеёк там же; небольшая речка, ручеёк у с. Злинка Маловыковского р-на (СНГТК: 179); влр. *ручеёк*, ср. ст.-русск. *ручеекъ* уменьш. к *ручеи* «*...ртькъ не было, толко были ручеики невелики*» (Петлин, 273. 1618 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 263) и влр. диал. **рúчеек, ручеёк** тж. (СРНГ 35: 278).

Ры́твина — отдельно выкопанная яма у г. Александрия, яма в речке у г. Александрия, канава с водой у с. Мирное Бобринецкого р-на, выбоина у пгт Новоархангельское

(СНГТК: 170); из ст.-русск. *рытвина*, *рытовина* «А тою до рошкою до рытвины, а рытвиною направо до Москвы рѣки» (Заб. Мат. I, 744. 1624 г.) (СлРЯ XI–XVII 22: 277) и влр. диал. **ры́твина** ‘овраг’ (волог.) (СРНГ 35: 319).

Ря́так — редкий лес у пгт Ольшанка (СНГТК: 179); болг. диал. форма прилаг. **ря́дък** (пример дистантной ассимиляции).

Сага́ — озеро у пгт Александровка (СНГТК: 179); из влр. диал. **сага́** ‘речной залив, ложбина’ (южн., дон. Миртов), ‘сырая низкая пойма’ (ворон.), ‘длинный песчаный мыс’ (новорос., Даль) (СРНГ 36: 16), варваризм, ср. казах. **сауа** ‘устье реки, низина’ (Радлов 4: 261).

Са́жалька — яма с водой у сёл Канеж, Тишковка, Константиновка Новомиргородского р-на, яма для разведения рыбы у г. Знаменка; пруд у с. Канеж (СНГТК: 179); из влр. диал. **са́жалька** ‘небольшой водоём, яма и т. п., в которой мочат лён, коноплю’ (зап.-брян., смол.) ‘яма с талой или родниковой водой’ (ворон.), ‘пруд’ (орл.), ‘болото’ (ворон.), ‘мелкое озеро’ (сиб.) (СРНГ 36: 38–39).

Самá горá — вершина горы, холма у с. Новый Стародуб Петровского р-на, у с. Песчаный брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 179); из ст.-русск. мест. *самъ*, *сама*, *само* (СлРЯ XI–XVII 23: 27), влр. диал. **сам**, **самá**, **самó** (СРНГ 36: 71–72).

Самá лоци́на — дно оврага у с. Песчаный брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 179) — см. предыдущ.

Самбо́ръ [Sambor], *Сóмборъ* — шанец в регименте гусаров Хорбацких; очевидное влр. аканье при усвоении сербского топонима **Сòмбор**, город в Воеводине. Речные названия млр. *Самбир*, влр. *Самбор*, хорв. **Samobor** толкуются из иллир. ***sam-bar-** ‘стечение болот’, ср. *Сибарис*.

Сантомаш — шанец в регименте пандуров; явный венгерский топоним **Szan-Thomas**, св. Фома, название по приходской церкви или монастырю.

Свал — одиночный насыпанный холм у г. Кировограда, у с. Камышеватое Новоукраинского р-на (СНГТК: 179); из влр. диал. *свал* в подобных знач. (СРНГ 36: 204–205).

Сва́лка — куча веток, хвороста, лесного мусора у г. Знаменка, у г. Кировограда (СНГТК: 179); из влр. диал. *сва́лка* в подобн. знач. (СРНГ 36: 208).

С(вятой) Елисаветы ф(ортеція) [F. S. Elizabeth] — основана в 1751 г. в верховье Ингула и названа в честь императрицы Елизаветы Петровны, в составе сложного топонима варваризм, др.-евр. женское имя *Элисавет* «почитающая бога», ср. гидроним В. Дона *Св. Варвары родник* [Отин 2011: 305, 550].

Семник — шанец в регименте гусаров Хорбацких; порча влр. диал. *сѣмник* ‘растение из семейства кувшинковых’ (СРНГ 37: 156) или серб. топонима *Семич*?

Сента — шанец в регименте гусаров Хорбацких; сербский топоним *Сента*.

Середі́на — центральная часть течения реки у г. Кировоград (СНГТК: 179); из ст.-русск. *середина* ‘центральная часть чего-л.’ (СЛРЯ XI–XVII 24: 86) и влр. диал. *серѣді́на* в разн. знач. (СРНГ 37: 201–201).

Синюха река, *Синие воды* — «И прошед грады Черкасы и Канев прииде на урочище, реченное *Синья Вода*, идеже река *Бог* в море впадает...» [Лызлов 1692: л. 26], западный предел Ново-Сербии, граница России и Польши в середине XVIII в. *Синюха* образована слиянием Тикич (Гнилой и Горный) и Большая Высь, лп Ю. Буга, 111 км. 25.12.1362 произошла битва у *Синих Вод* между великим князем литовским Ольгердом и тремя нойонами татарского хана Мурада, в результате которой Подолье отошло к Великому княжеству литовскому. Из русск. диал. *синюха* в разн. знач. (СРНГ 37: 338–339), распространенная словообразовательная модель гидронимов Новосербии, ср. Жёлтые воды, Зелёные воды. Вероятная мотивация — цвет воды в реке, обусловленный минеральными породами русла, ср. гидронимы

Н. Дона *Синиха, Сѣниха, Синее озеро, Синий Колодезь, Синий Колодец, Синяя, Синяя Плотва* [Отин 2012: 30, 120, 236, 281, 331, 754].

Сиря́к, Сиря́к — одиноко стоящий камень у г. Миргорода (СНГТК: 179); из влр. диал. *сиря́к* ‘сирота’ (орл., Даль) (СРНГ 37: 351), ср. болг. *сирáк* ‘сирота’.

Скала́ — открытые каменные выступы горы, крутая гора, скалистый крутой берег, скала-останец, большие камни; по всей обл. (СНГТК: 179–180); из ст.-русск. *скала* ‘скала; осколок’ (СлРЯ XI–XVII 24: 173) и влр. диал. *скала́* ‘обрывистый высокий край оврага’, ‘камень в воде’ (ворон.) (СРНГ 37: 373).

Ска́лы, Ска́ли — группа скал, отдельных камней на берегу реки у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 180); форма мн. ч. сущ. *скала*. См. Скала.

Скат — склон горы, холма, возвышенности у пгт Новая Прага Александрийского р-на (СНГТК: 180); из влр. диал. фольк. *скат, скат-гора* (СРНГ 37: 393) и ст.-русск. *скатъ* ‘наклонная поверхность, пологий спуск’ (1549, 1678) (СлРЯ XI–XVII 24: 180).

Скважина — место добычи воды; весь ареал (СНГТК: 180); из ст.-русск. *скважина* ‘расщелина, углубление в почве’ (Арс. Сух. Проскинитарий, 160. 1653 г.) (СлРЯ XI–XVII 24: 182).

Склон — горы, холма, возвышенности (СНГТК: 181–182); из влр. *склон*.

Слан Камен [Slan Kamen], Сланкамень — шанец в регименте пандуров; скорее всего, серб. словосочетание *слáн кáмѐн* ‘солёный камень’, ср. серб. топоним *Слано*.

Сметь, Сметь — куча лесного мусора у пгт Ольшанка (СНГТК: 182); из болг. диал. *смет’* ‘мусор’.

Солёная, Солюна — участок земли с солёным грунтом, солончак (СНГТК: 182–183); из ст.-русск. *солёныи, соленои* ‘содержащий соль’ (СлРЯ XI–XVII 26: 127).

Солонец — участок земли с солёным грунтом; повсюду (СНГТК: 183); ср. гидронимы Дона *Солонець* [Отин 2011: 127, 140, 149, 165, 552; 2012: 312, 345, 756].

Солоница [Silonitza] — село; из ст.-русск. *солоница* (СлРЯ XI–XVII 26: 136), произв. ж. р. с суф. *-иц-а* от прилаг. *солонна(я)*, ср. гидронимы Дона *Солонець* [Отин 2011: 127, 140, 149, 165, 552; 2012: 312, 345, 756].

Сосенки — сосновый лес у с. Подорожное Светловского р-на, у с. Каменистое Новоархангельского р-на (СНГТК: 183); форма мн. ч. ст.-русск. *сосенка*, «...на три сосенки...» (АЮБ II, 344. 1513 г.) (СлРЯ XI–XVII 26: 190).

Сосна́ — сосновый лес у пгт Новоархангельск, у г. Новомиргород (СНГТК: 183); из ст.-русск. *сосна* ‘хвойное дерево сосна’; собир. ‘сосновый лес, бор’ (Мат. ист. Кольск., 98. 1658 г.) (СлРЯ XI–XVII 26: 196) и влр. диал. *сосна́* (СРНГ 40: 51–52).

Сосновка — сосновый лес у г. Новомиргород (СНГТК: 183); из влр. диал. *сосно́вка* ‘сосновый лес’ (яросл.) (СРНГ 40: 53), производное с суф. *-ка* от основы ст.-русск. прилаг. *сосновыи, съсновыи* (1567 г.) (СлРЯ XI–XVII 26: 196–197).

Сосны — сосновый лес у г. Александрия, у г. Кировограда (СНГТК: 183); из влр. *сосны*, мн. ч. от *сосна*. См. Сосна.

Сосняк — сосновый лес у сёл Гайворонского, Александрийского и Новоархангельского р-нов (СНГТК: 183); из ст.-русск. *соснякъ* ‘сосновый лес’ (Баг. мат., 137. 1686 г.) (СлРЯ XI–XVII 26: 197), ср. влр. диал. *сосня́к* ‘сосновый лес, сосняк’ (пск., новг., твер. и др.) (СРНГ 40: 55).

Сосонка — небольшой сосновый лес у с. Дереевка Онуфриевского р-на (СНГТК: 183); из влр. диал. *сосо́нка* ‘сосна, сосенка’ (смол., кур., новг., арханг.) (СРНГ 40: 56).

Спад — склон горы, холма, возвышенности у с. Сугоклеевка Бобринецкого р-на (СНГТК: 184); из влр. диал. *спад* ‘склон горы, возвышенности, спуск’ (арханг.) (СРНГ 40: 104).

Спуск — склон горы, холма, возвышенности; водоспуск (СНГТК: 184); из влр. *спуск*.

Став — пруд у г. Гайворон, у пгт Павлиш Оуфриевско-го р-на, у пгт Новгородка (СНГТК: 184); из ст.-русск. *ставъ* ‘пруд, небольшое озеро’, «А по рѣкѣ Мерлу... мельничные платины и по тѣмъ платинамъ мельницы и для рыбныхъ ловель ставы» (Баг. Мат., 141. 1686 г.) (СлРЯ XI–XVII 27: 195) и влр. диал. *став* ‘запруда на реке’ (дон., курск.), ‘мельничная плотина, запруда с отверстиями для спуска воды и деревянными затворами’ (брян., смол., калуж.), ‘пруд, искусственный водоём’ (курск., орл., тул., калуж., курск., дон., рост., кубан., краснодар., новорос., ставроп., южн., зап., русск. на Буковине, вост.-казах.) (СРНГ 41: 14), ср. польск. *staw*.

Ставідло — заливной луг у с. *Ставидла*, Хайновка Александровского р-на: место, где прежде был пруд у с. Хайновка Александровского р-на (СНГТК: 184); определённо из ст.-польск. *stawidło* тж.

Ставіско, *Ставісько* — пруд у с. Долиновка Гайворонского р-на (СНГТК: 184); определённо из ст.-польск. *stawisko*.

Ставѡк — отдельный водоем непроточной воды в углублении; повсюду; окруженное гатью место в реке; повсюду; садок для разведения рыбы у с. Красное Гайворонского р-на (СНГТК: 185); из влр. диал. *ставѡк* ‘запруда на реке, ручье и т. п.’ (южн., новорос., зап., смол., брян., калуж.), ‘участок болота, окошко с прозрачной водой’ (ворон.), ‘торфяное болото’ (ворон.) (СРНГ 41: 26); уменьш. с суф. -к от *став*. См. Став.

Стан — поле, подготовленное для обработки, у с. Владимир-Ильинка Бобринецкого р-на, с. Камышевское Новоукраинского р-на, у г. Александрия (СНГТК: 185); из ст.-русск. *станъ* ‘временное жилище с соответствующим оборудованием для сезонных промысловых работ’ (1445, 1504, 1624, 1629, 1668 гг.) (СлРЯ XI–XVII 27: 195) и влр. диал. *стан* ‘небольшая постройка для временного проживания на

месте работы или отдыха в пути' (волог., арханг., перм., урал.), 'полевой стан' (волог., сиб., кемер.) (СРНГ 41: 44).

Стáрица, Стáриця — старое русло реки; весь ареал, старое озеро у г. Новомиргорода (СНГТК: 185); из ст.-русск. *старица* 'старое русло реки' (АЮБ II, 295. 1622 г.), «*Да въ Тфферскои земль даю ему город Старицу с волостми*» (Дух. и дог. гр., 361. 1504 г.) (СлРЯ XI–XVII 27: 213) и влр. диал. *старíца* 'старое русло реки, озеро на месте прежнего русла' (Слов. Акад. 1822, арханг., ряз., смол., пенз., вят., сиб.), *стáрица* 'старое русло реки, не соединяющееся с новым руслом' (костром.), 'болото' (новг.) (СРНГ 41: 76).

Старнiк — старый лес у пгт Компаниевка (СНГТК: 185); ср. влр. диал. *старнiк* 'прошлогодня трава' (дон., Даль) (СРНГ 41: 78).

Стародуб — старый дубовый лес у с. Емиловка Головановского р-на (СНГТК: 186); скорее всего, переосмысление топонима, первоначально обозначавшего нечто другое, ср. влр. диал. *стародуб* 'название нескольких видов растений, в том числе лекарственных' (курск., урал., сиб., амур., хабар.) (СРНГ 41: 80).

Стежiна — узкая дорожка, протоптанная пешеходами или животными, у пгт Смолиное Маловысковского р-на, у с. Камышеватое Новоукраинского р-на (СНГТК: 186); из влр. диал. *стежiна* 'дорожка, тропинка, стежка' (пск.) (СРНГ 41: 116).

Стёжка, Стъбжка — узкая дорожка, протоптанная людьми или животными; весь ареал; узкий участок земли у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 186, 189); из ст.-русск. *стежка* 'тропинка, дорожка', «...и по малымъ стежкамъ...» (Псков. а., 143. 1656 г.) (СлРЯ XI–XVII 28: 42) и влр. диал. *стёжка* 'межа между грядками', 'борозда между рядами растущего картофеля' (пск., твер., оренб.) (СРНГ 41: 117).

Стénка, Стénка — склон горы, холма, возвышенности у с. Суботицы Знаменского р-на, у г. Кировограда (СНГТК:

186); из ст.-русск. *стѣнка* (СлРЯ XI–XVII 28: 48) и влр. диал. *стѣнка* ‘склон холма, оврага, берега и т. п.’ (ворон.) (СРНГ 41: 131).

Степ — поле; весь ареал, необработанное поле у пгт Добровеличковка, обработанное поле у с. Камышеватое Новоукраинского р-на, равнина в общ. знач. у с. Гуровка Долинского р-на, у сёл Новоукраинского р-на (СНГТК: 186); из влр. диал. *стен*, м. р., ‘степь’ (зап., брян., орл., калуж., дон., ставроп., урал.), ‘луг, пастбище’ (южн., вост., орл., рост.), ‘поле, полевой стан’ (кубан.) (СРНГ 41: 137–138).

Стерня — поле после сбора какой-л. злаковой культуры, выгоревшее место в поле у пгт Новгородка, у пгт Устиновка (СНГТК: 186); ср. влр. диал. *стёрня* ‘трава, выросшая на скошенном поле’ (дон.), ‘стебель растения’ (прионеж.) (СРНГ 41: 152).

Сто́йбище — место водопоя скота (СНГТК: 187); из влр. *сто́йбище* ‘место летней пастьбы’ (Коми АССР) (СРНГ 41: 183).

Сток — водосток у с. Дмитрово Устиновского р-на; место, где вода вытекает из пруда, у с. Алексеевка Кировоградского р-на; место, где собирается дождевая вода, у с. Дмитрово Устиновского р-на и у с. Камышеватое Новоукраинского р-на; место, где вода уходит в землю, у пгт Завалье Гайворонского р-на (СНГТК: 187–188); из ст.-русск. *стокъ* ‘канава, низменное место, по которому стекает с высоких мест вода’ (1632 г.); ‘жёлоб, водосток’ (1643 г., 1649 г.) (СлРЯ XI–XVII 28: 75) и влр. диал. *сток* ‘место, куда стекает вода’ (Даль) (СРНГ 41: 192).

Сто́ка — водоспуск у с. Ивановка Кировоградского р-на, место, где сливаются две речки, у с. Андреевки Александрийского р-на (СНГТК: 188); из влр. диал. *сто́ка* ‘жёлоб, канава для стока жидкостей, сток’ (арханг.) (СРНГ 41: 192).

Стоя́к — место, где собирается дождевая вода после дождей, у г. Кировограда, у с. Катериновка Долинского р-на

(СНГТК: 188); из влр. диал. *стояк* ‘непроточный водоём, озеро, заросшее по краям’ (ворон.) (СРНГ 41: 256).

Стоянка — место водопоя для скота (СНГТК: 188); из влр. диал. *стоянка* ‘место в поле, лесу, у водоёма и т. п. для отдыха, дойки и т. п. пасущегося скота’ (влад.) (СРНГ 41: 259–260), уже ст.-русск. *стоянка* ‘место временной остановки, лагерь, стоянка’ (Дон. д. V, 533. 1659 г.) (СлРЯ XI–XVII 28: 109).

Стрѣжень, *Стрѣжень* — центральное быстрое течение реки у г. Новомиргорода (СНГТК: 188); из ст.-русск. *стрѣжень* ‘самая глубокая часть русла реки’; «...на рѣкъь Волгь один стрѣжень вверх по заводь Золотуху» (А. гражд. распр. I, 361. 1637 г.), *стрижень* ‘стержень, сердцевина (дерева)’ (Назиратель, 217. XVI в.) (СлРЯ XI–XVII 28: 152) и влр. диал. *стрѣжень* ‘напор, стремительное течение воды в реке, быстрина’ (влад.), ‘самая середина реки’ (беломор.), ‘главное течение в реке’ (волж., Даль), ‘наиболее глубокое и быстрое течение в реке, безопасное для судов; фарватер’ (арханг., волж., сарат.) (СРНГ 41: 304).

Стрелѣца, *Стрѣліця* — быстрое течение реки у г. Новомиргорода (СНГТК: 188); из влр. диал. *стрелѣца* ‘развилка, место слияния двух потоков, рек’ (ворон.) (СРНГ 41: 317).

Струмень, *Струминь* — поток у с. Васильевка Онуфриевского р-на, у с. Измаиловка Александрийского р-на (СНГТК: 188); ср. ст.-русск. *струмень*, *струминь* ‘струя, течение, поток’, «*Струминь — Нил, река египетская*» (Алф., 220. XVII в.) и ст.-польск. *strumień* (СлРЯ XI–XVII 28: 198). Что перед нами — сохранение адстратного полонизма или новые наименования ст.-русск. происхождения?

Струмѣк — небольшой водный поток; по всему ареалу; *Струмѣка* — небольшой водный поток у с. Балаховка Петровского р-на (СНГТК: 188); скорее всего, адаптированный полонизм *strumyk*, попавший и в новорос. диал. *струмѣк* ‘ручей, ручеёк’ (одесск.) (СРНГ 42: 46). Что перед нами —

адаптация и переоформление местного адстратного полонизма или словообразовательная инновация (уменьш. форма на *-ок*)?

Струя́ — центральное быстрое течение реки у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, у г. Кировограда, у г. Новоукраинка, у г. Александрия (СНГТК: 188–189); из ст.-русск. *струя* ‘поток; течение; волны’ (СлРЯ XI–XVII 28: 200–201) и влр. диал. *струя́* ‘наиболее глубокое, с быстрым течением место в реке, безопасное для судов; фарватер’ (волж., влад., перм.), ‘узкое место в реке с быстрым течением’ (ворон.) (СРНГ 42: 54).

Стык, Стик — место слияния двух рек у с. Гуровка Долинского р-на (СНГТК: 186); из влр. *стык*.

Сингул [Συγγούλ] — р. Ингул или Ингулец; историческая форма гидронима Ингул в DAI Константина Багрянородного не является опиской греческих переписчиков, она отражает регулярный туранский или сарматский рефлекс * z^h ingula- индоарийского гидронима *Hingula- [Χιγγυλούς, Χιγγυλούς], ср. др.-инд. сущ. hingula- ‘scarlet dye’, хороним и гидроним Hingulā [Mon.-Will.: 1289; Law 1932: 59], санскр. hiṅgulam [Roerich 1993: 173] ‘река киноварного цвета, цвета сурика’. Этот вариант гидронима вошёл в часть славянских диалектов Северного Причерноморья напрямую из яских диалектов без угорского посредства. См. Жёлтая, Зингул, Ингул, Ингулец.

Субодица [Suboditza], *Суботица* — шанец в регименте гусаров Хорбацких; порча серб. топонима Сѹботица, город в Воеводине на границе Сербии и Венгрии.

Сѹгорбок — небольшая горка, холмик у с. Калмазово Ольшанского р-на, у с. Грузкое Кировоградского р-на, у с. Омельгород Александровского р-на (СНГТК: 189); из влр. диал. *сѹгѹрбок* ‘небольшой холм, пригорок’ (влад.) (СРНГ 42: 150).

Сѹгѹб — возвышенность, холм у с. Камышеватое Новоукраинского р-на и у сёл Добровеличковского р-на (СНГТК:

189); из ст.-русск. *сугробъ* ‘наметённая ветром куча снега’ (СлРЯ XI–XVII 28: 239), влр. диал. *сугрѡб* (СРНГ 42: 153).

Сухостѡй — сухой лес у с. Алексеевка Кировоградского р-на (СНГТК: 190); из влр. *сухостѡй*.

Сѹша — остров на речке, на болоте у с. Ингульское Устиновского р-на; берег речки у сѣл Добровеличковского р-на (СНГТК: 190); из ст.-русск. *суша* ‘сухое место, где нет влаги, сырости, земля, не покрытая водой’; ‘прибрежное пространство’; ‘устойчивый отрезок вдоль или внутри болота’ (СлРЯ XI–XVII 29: 80).

Тайгá — лесные заросли, заросли кустов у г. Кировоград, у пгт Александровка (СНГТК: 191); из влр. *тайгá*, поздний варваризм.

Ташльѡк — гидроним; варваризм *ташлык* со знач. ‘каменистое место; изобилующее камнем место’, т. е. *Каменка*, см. *Каменка*.

Тень, *Тень* — склон холма, отвернутый от солнца у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на, у г. Малая Выска (СНГТК: 192); из ст.-русск. *тнь* (СлРЯ XI–XVII 29: 295).

Тернѡк, *Терникѡ*, мн. ч. — заросли кустов тёрна у с. Ивангород Александровского р-на (СНГТК: 191); из ст.-русск. *терника*, ж. р., ‘терновник или тёрн’ (Влх. словарь, 7. XVII в.) (СлРЯ XI–XVII 29: 310).

Терновка [Ternowka] — река; влр. словообразование (-ов-к-а), ср. гидронимы Дона *Терновка* [Ютин 2011: 316, 558; 2012: 192, 433, 569, 763].

Терраса, *Тераса* — прибрежный разлив у с. Новый Стародуб Петровского р-на (СНГТК: 191); из ст.-русск. *тераса* ‘земляная насыпь, земляное возвышение’ (1662 г.) (СлРЯ XI–XVII 29: 302).

Территѡрѡя, *Територѡя* — определенная часть земной поверхности у г. Знаменка (СНГТК: 191); из влр. *территѡрѡя*.

Тѣча — течение речки у с. Камянка Новомиргородского р-на (СНГТК: 192); из ст.-русск. *теча* ‘проникновение, протекание жидкости сквозь что-то’ (СлРЯ XI–XVII 29: 337).

Течение, Течениє — течение реки у пгт Ольшанка, у г. Кировограда (СНГТК: 192); из ст.-русск. *течение* (СлРЯ XI–XVII 29: 337).

Тина — болото у пгт Компанеевка Компанейского р-на, у с. Терповка Знаменского р-на (СНГТК: 192); из ст.-русск. *тина* ‘грязь’ (СлРЯ XI–XVII 29: 347–348).

Тобурище — шанец регимента пандуров, в 1625 г. у этого села случилась междуособная битва войска казацкого с войском польским; порча топонима *Таборище*, производного с суф. *-ищ-е* от серб. основы *tábor* ‘стан, лагерь’, польск. *tabor* ‘военный обоз; военный лагерь’ (?), ср. гидроним Н. Дона *Табарище* [Отин 2012: 259, 762].

Ток — течение реки у с. Новогорова Новоукраинского р-на (СНГТК: 193); из ст.-русск. *токъ* ‘поток, течение, река, ручей, ключ’ (СлРЯ XI–XVII 29: 393).

Толока — выпасной луг, пастбище; необработанное поле (СНГТК: 193); из ст.-русск. *толока* ‘потрава, вытаптывание’ (СлРЯ XI–XVII 29: 407).

Топь, Топи — прибрежные разливы у г. Новомиргород, болото, заболоченное топкое место у с. Федоровка Добровеличковского р-на, болотная яма у пгт Смолино Маловыковского р-на (СНГТК: 193, 194); из ст.-русск. *топь* ‘низкое, затопленное водой место’ (СлРЯ XI–XVII 30: 50).

Торговица — река, «3 *Торговица* на устье реки Бога, за Уманую 25 верст» [Лызлов 1692: л. 10 об.], ср. *Торговица* — крепость (1362 г.), *Торговица* — ныне село в Новоархангельском р-не, расположенное на берегу реки Синюхи (левый приток реки Ю. Буг), на противоположном берегу районный центр Новоархангельск; производное с суф. *-ищ-а* от основы *торгова(я)*, ср. гидронимы Н. Дона *Торговая*, *Торговый Рог* [Отин 2012: 497, 765] и ст.-русск. *торговище* ‘рыночная площадь’ (СлРЯ XI–XVII 30: 56).

Торф — место добычи торфа у г. Знаменка (СНГТК: 194); из влр. *торф*.

Торф'яник *Торф'яник* — торфяное болото у пгт Смолино (СНГТК: 194); из влр. *торф'яник*.

Транжсимэнт — название укреплений; по всей Новосербии; из влр. диал. *транжсимэнт*, м. р., 'военное укрепление' (дон.) (СРНГ 45: 5).

Трѣщина, *Трѣщина* — щель в земле у г. Знаменка, у г. Кировоград (СНГТК: 195); из ст.-слав. *трѣщина* (Там. кн. южн., 245. 1647 г.) (СлРЯ XI–XVII 30: 147).

Троница или *Труни́ца* [Tronicza] — шанец в регименте гусаров Хорбацких; скорее всего, влр. диал. *троні́ца* 'женщина, которая лечит растиранием' (пудож.) (СРНГ 45: 126).

Тро́па — тропинка, стѣжка, дорога на болоте (СНГТК: 195); из ст.-русск. *тропа* 'протоптанная людьми или скотом дорога' (1526, 1599, 1693 гг.) (СлРЯ XI–XVII 30: 178–179) и влр. диал. *тропа́* 'дорога' (смол.), 'не пропаханная узкая полоса между полями' (яросл.), 'тропинка, которую прокладывают животные к своему логову' (моск., тобол., нижегор.), 'узкая дорожка, проложенная в лесу скотом' (перм.) и др. (СРНГ 45: 127).

Тропи́нка, *Тропи́нка* — стѣжка, дорожка на болоте у с. Софиевка Компанейского р-на (СНГТК: 195); из влр. диал. *тропи́нка* 'граница между двумя участками земли, межа' (твер.) (СРНГ 45: 131), уменьш. производного от ст.-русск. *тропина* 'протоптанная дорога' (Сказ. Авр. Палицына, 118. 1620 г.) (СлРЯ XI–XVII 30: 179).

Тро́пка — стѣжка, дорога на болоте у с. Софиевка Компанейского р-на (СНГТК: 195); из влр. диал. *тро́пка* 'узкая, неудобная для ходьбы тропинка' (волог.) (СРНГ 45: 132).

Тросня́к — озеро у с. Красноконстантиновка Петровского р-на (СНГТК: 195); из влр. диал. *тросня́к* 'заросли камыша, растущие на болотах и озёрах' (пск.) (СРНГ 45: 134).

Труница или *Троница* [Tronicza] — шанец в регименте гусаров Хорбацких; возможно, производное с суф. *-иц-а* от основы серб. *трѹн*, редко *труна* 'соринка, пылинка, кусочек

соломинки' или, в крайнем случае, от основы млр. *труна* 'гроб', заимствования из польск. *truna, trumna* 'гроб'.

Тря́сина́ — болото, заболоченная низина, болотная яма (СНГТК: 195); из ст.-русск. *трясина* 'зыбкое болото, заросшее растительностью' (Словарь, геогр. Ворон., 317. 1687 г.) (СлРЯ XI–XVII 30: 212).

Трясови́на, Трасови́на — болото, заболоченное топкое место у с. Димитрово Устиновского р-на, у с. Канеж Новомиргородского р-на, у с. Александровка Головановского р-на, у г. Кировограда (СНГТК: 195–196); из влр. диал. *трясови́на* 'зыбкое, болотистое место, трясина' (русск. на Буковине, ворон., амур.) (СРНГ 45: 191).

Тулúке — равнина на возвышении у пгт Ольшанка (СНГТК: 196); из болг. диал. *толúке*.

Ты́рло, Тíрло — пастбище у пгт Александровка, место отдыха скота у водопоя у с. Камышеватое Новоукраинского р-на, с. Добрянка Ольшанского р-на, у сёл Бобринецкого р-на и в др. местах; вытоптанное кем-л. место у с. Добрянка Ольшанского р-на (СНГТК: 192); из болг. *тýрло* 'загон' или влр. диал. *ты́рло* 'стойло, приют для скота на дальнем пастбище' (тульск., южн.), 'место, где собирается на отдых табун лошадей или стадо крупного рогатого скота' (ворон., дон.), 'огороженный участок на пастбище, в поле, лесу, куда загоняют скот и лошадей для отдыха, водопоя, дойки и т. п.' (ворон., сарат., сталингр., волгогр., рост., дон., краснодар., кубан., курск., орл., тул., калуж., южн., оренб., пенз., брян.), 'огороженное место для скота, загон для овец, кошара, место, где кормят овец, луг, пригодный для пастбища' (ворон.) (Даль; СРНГ 45: 335–336).

Угол — лесной клин у г. Знаменка, у с. Подорожное Светловодского р-на (СНГТК: 196); из влр. диал. *угол* 'участок земли, поля, окруженный с двух или трёх сторон лесом, водой, оврагом и т. п.' (ворон.), 'поляна, клином вдающаяся в лес', 'лес у излучины реки или между озером и рекой' (ворон.) и т. п. (СРНГ 46: 225–226).

Укльон — склон горы, холма, возвышенности у пгт Павлиш Онуфриевского р-на, у с. Новоандреевка Новгородковского р-на (СНГТК: 197); из влр. *укльон*.

Упад — место впадения одной реки в другую у с. Ингульское Устиновского р-на (СНГТК: 198); из влр. диал. *упад* ‘место впадения одной реки в другую’ (алт.) (СРНГ 47: 228).

Упадина — углубление на вершине горы у с. Любомирка Александровского р-на (СНГТК: 198); из влр. диал. *упадина* ‘небольшая долина между возвышенностями, впадина, лощина’ (ворон.) (СРНГ 47: 229).

Урочище — большой лес у с. Федоровка Добровеличковского р-на, у пгт Александровка, у сёл Маловыковского и Долинского р-нов (СНГТК: 198); из влр. *урочище*.

Устун — берег у г. Светловодска, подножье холма у с. Подорожное Светловодского р-на (СНГТК: 199); из влр. *устун*.

Участок — земельный надел, поле, часть территории (СНГТК: 199); из влр. диал. *участок* ‘мера земли, десять десятин’ (Латв. ССР) (СРНГ 48: 313).

Федварь [Fedwar], *Федворъ* — Тринадцатая рота или Лесницкое, село Александрийского уезда Херсонской губернии, при речке Вершино-Севериновке, в 6 верстах к северо-востоку медная руда, основано в нач. XVII столетия; бывший шанц (13 рота) полка гусаров Хорвата с 1752 г.; перенос топонима из Австро-Венгерской империи.

Федерова [Federowa] — деревня или шанец в верховье р. Синюхи; вероятно, испорченная русск. форма *Фёдорова* (деревня?), ср. гидронимы Н. Дона *Федоров*, *Федорова*, *Федоровская* [Отин 2012: 71, 342, 385, 412, 489, 767].

Форт — названия нескольких фортификационных сооружений в Новосербии; из влр. *фортъ* ‘военное отдѣльное укрѣпленье, крѣпостца’ (Даль 4: 538), заимствовано при посредстве нем. *Fort*, мн. ч. *Forten* (изв. с 1620 г.) из франц. *fort* тж.

Фортеция, фортеца — ‘крепость’; ст.-русск. *фортеца* (с 1697 г.), н.-русск. *фортеця* (Слов. Акад. 1789–1794), к XX в. вышло из употр., заимствовано при посредстве польск. *forteca* из итал. *fortezza* ‘укрепление’.

Фóсса, Фóса — ров с проточной водой у с. Березовка Маловыковского р-на (СНГТК: 200); из лат. *fossa*.

Хвóрост — куча ветвей, листьев, лесного мусора у с. Первомайское Маловыковского р-на (СНГТК: 200); из влр. *xworost*.

Хвóйник — хвойный лес у пгт Александровка (СНГТК: 200); из влр. *xвойник*.

Хлам — куча ветвей, листьев, лесного мусора у с. Ивановка Кировоградского р-на (СНГТК: 200); из влр. *xлам*.

Ход — пещера и стёжка на болоте у г. Кировоград (СНГТК: 201); из влр. диал. *xод*.

Холм — горка, холм, возвышенность; повсюду (СНГТК: 201–202); из влр. *xолм*.

Холмы́, Холми́ — группа холмов у с. Панчево Новомиргородского р-на (СНГТК: 202); влр. форма мн. ч. суц. *xолм* (см.).

Холодóк — склон горы, холма, возвышенности, отвернутый от солнца; весь ареал; затенённая нависшим берегом часть реки у с. Подорожное Светловодского р-на (СНГТК: 202); из влр. *xолодóк, в xолоджé*.

Цибульник — река в регименте пандуров; производное с суф. *-ник* от апеллятива *цибуля* (мотивировано преобладающим видом растений в том месте), ср. ойконим *Цибуля* (см.).

Цибуля — шанец в регименте гусаров; переносное наименование шанца то ли проприальной природы (от прозвища *Цибуля*), то ли по преобладающему виду местной растительности. Первичный апеллятив — заимствование из нем. *Zwibel* ‘луковица’.

Чанатó [Czanat], Ченодó — шанец в регименте пандуров; перенос венг. топонима.

Чагарнік, Чагарникі — заросли кустов у с. Грузское Кировоградского р-на, с. Камышеватое и г. Новоукраинка, у с. Петрово Знаменского р-на, у пгт Александровка; у с. Мощеное Гайворонского р-на, у пгт Новгородка, у г. Александрия (СНГТК: 202–203); из влр. диал. *чагарнік* ‘плохо растущий кустарник на лугу’ (южн.) (Даль).

Чаща, Чащі — густой лес у с. Торговица Новоархангельского р-на; заросли кустов у с. Первозвановка Кировоградского р-на, у пгт Новгородка, у г. Кировограда (СНГТК: 203); из русск. *чаща*.

Чонградъ — шанец в регименте пандуров; явный перенос топонима из Венгерского королевства *Csongrád* [Kiss 1988: 444–445].

Шамраі, Шамраі́, мн. ч. — берег, побережье у пгт Завалье Гайворонского р-на (СНГТК: 204); производное от влр. диал. *шамра́, чамра́* ‘зыбь на воде, поднимаемая ветром’, ‘порыв ветра’ (касп., череповецк., Герасимов) (Фасмер 4: 403).

Шандóры — водоотвод, спуск воды у с. Лавровка Долинского р-на (СНГТК: 204); из венг. имени собственного *Sándor* [Kiss 1988: 444–445]?

Шáнец, род. п. *шáнца*, мн. ч. *шáнцы* — из ст.-русск. *шанец* ‘окоп, небольшое укрепление’ (Аз. пов. сп. XVII в., (о 1637 и 1641 гг.); Учен. ратн. строения 1647; РФВ 56: 162; Смирнов 325) (Фасмер 4: 404), н.-русск. *шáнцы, шáнцовъ*, мн. ч., ‘родъ укрѣпленія состоящаго изъ окопа землянаго, или изъ кирпичей устроенаго, способнаго къ сопротивленію отъ нападенія непріятельскаго, *шáнцовая голова, шанцокóпъ, шанцокóпчикъ, шанцокóпный, шанцую, шанцуюсь, обшанцовáть, подшанцовáться, пришанцовáть* (Слов. Акад. 1789–1794 6: 852–853), *шáнецъ* и *шанцъ* ‘военный окопъ, редуть, небольшое укрѣпленье’ (Даль 4: 621, без указ. места), заимствования из ст.-польск. *szaniec, szanca* ‘земляной окоп’, в свою очередь заимствованного из нем. *Schanze* ‘полевое оборони-

тельное укрепление из корзин с землёй; корзина с землёй'. Ср. серб. *шѣнац*, род. п. *шѣнца* воен. 'траншея, окоп'.

Шахта — место добычи глины, песка у г. Новоукраинка и у г. Кировоград (СНГТК: 204); из ст.-польск. *szachta* 'шахта'.

Шлюз — водоспуск у сёл Светловодского, Онуфриевского, Долинского р-нов (СНГТК: 204); из ст.-польск. *śluz* 'шлюз, запруда', так как в влр. языке времен Петра I преобладала форма *слюза*, прямое заимствование из н.-нем. *slúse* (Фасмер 4: 455).

Шлях — твердый путь у пгт Новгородка, у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 204); из ст.-польск. *szlach* 'след, колея' (Фасмер 4: 457).

Шпиль — вершина горы, холма, возвышенности у с. Солгутово Гайворонского р-на и у г. Знаменка; острая вершина горы у с. Красное Гайворонского р-на, у сёл Ольшанского р-на и во многих др. местах; крутая гора, возвышенность у с. Марьяновка Бобринецкого р-на (СНГТК: 204–205); из влр. диал. *шпиль* 'якорный ворот' (арханг., Подвысоцкий, Уст. морск. 1720 г.), заимствования из нидерл. *spijl* или н.-нем. *spill* 'ворот' (Фасмер 4: 473).

Шум — рябь на воде от быстрого течения речки у г. Гайворона; из влр. диал. *шум* 'бучало под мельницею' (влад.), *шумы* мн. ч. 'мельничное, водяное колесо' (ворон.) (Даль 4: 648–649).

Шурф — вырытая яма у с. Каменка Новомиргородского р-на (СНГТК: 205); из влр. *шурф*, заимствования из нем. горн. *Schurf* (Фасмер 4: 490).

Щёбень, *Щёбѣнь* — дорога, засыпанная мелким камнем, у пгт Новгородка (СНГТК: 205); произносительный вариант влр. *щёбень*.

Щебѣнка, *Щебѣонка*, *Шибѣонка* — дорога, засыпанная щебнем; у сёл Новоархангельского р-на, у с. Песчаный Брод Добровеличковского р-на (СНГТК: 205, 206); произносительные варианты влр. *щебѣнка*.

Щель — природная яма (СНГТК: 205–206); из влр. *щель*.

Юрка — место, где вода исчезает под землёй, у пгт Павлыш Онуфриевского р-на (СНГТК: 206); переоформление суф. -к-а влр. диал. *юр* ‘водоворот, сильное течение’, *юръ ртъки* ‘стрежень, быстрина, бой; сувой, заворот течения, вир, водоверть’ (Даль 4: 668).

Юховка [Juchowka] — село у слияния Ингула и Ольшанки (*Адшанка*, Adszanka); выглядит как обычное влр. проприальное наименование, производное от фамилии *Юхов*, ср. польск. прилаг. *juchowaty* ‘podobny do *juchy*’ (Karłowicz 2: 184).

Яз, м. р., *Язы*, мн. ч. — пруд, запруда; повсюду в обл. (СНГТК: 206); из влр. диал. (вост., сиб.) *яз*, *язъ*, *ез*, мн. *язы* ‘котцы, перебой, род плетня поперёк реки, залива, с воротами, в которые вставлена плетёная верша, морда, либо вязаный венгер, на который иногда ставится на хворостине колоколец, и рыба, попавшись, сама звонит’; *яз* обычно идёт накось, а не во всю ширину реки, покидая по руслу простор; *язовище*, *язовище* ‘удобное для яза место’ (Даль 4: 668).

Ясен, м. р. — заросли ясеня у г. Кировограда, у пгт Новгородка, у с. Камышеватоое Новоукраинского р-на (СНГТК: 209); из серб. *jāsēn* и болг. *ясен* ‘ясень’.

Сокращения источников

Бунина 1954 — *Бунина И. К.* Словарь говора ольшанских болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 5 / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Институт славяноведения, 1954. С. 9–63.

Куркина 2011 — *Куркина Л. В.* Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2011. 367 с.

Лызлов 1692 — *Лызлов А.* Скифская история / Подг. текста, коммент., аннотир. указатель имен А. П. Богданов; отв. ред. Е. В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с. (Памятники исторической мысли).

Отин 2011 — *Отин Е. С.* Гидронимия Дона: монография в 2-х т. Т. 1: Верхний и Средний Дон. Донецк: Юго-Восток, 2011. 575 с.

- Отин 2012 — *Отин Е. С.* Гидронимия Дона: монография в 2-х т. Т. 2: Нижний Дон. Донецк: Юго-Восток, 2012. 792 с.
- Перепись 1710 года — Перепись 1710 года: Азовская губерния: Переписная книга города Лебедяни и уезда новопоселенных сел и деревень переписи И. А. Дамогацкого (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1134. Л. 1–115).
- Трубачёв 1968 — *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 289 с.
- Трубачёв 2003 — *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2003. 489 с.
- Шапошников 2008 — *Шапошников А. К.* Крачун и Коляда. Истоки славянской традиции. Этимологический и культурологический аспекты // Вестник Кыргызского Национального Университета им. Жусупа Баласагына. Серия 1(6). 2008. Вып. 2 (1–5, внепл.). Социальные и гуманитарные науки. Литературоведение. Языкознание. Культурология. С. 199–208.
- Эрдели 1984 — *Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище: труды советско-болгаро-венгерской экспедиции / [Отв. ред. С. А. Плетнева]. М.: Наука, 1984. С. 20–25.
- CodCum — Codex Cumanicus. Ed. by Géza Kuun with the prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti / [Ed. by Ё. Apor]. Budapest: Kőrösi Csoma Soc., 1981. cxxxiv, 395 p., portr.
- DAI — Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik. Washington, 1967; Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Kiss 1988 — *Kiss L.* Földrajzi nevek etimológiai szótára. K.I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.
- Law 1932 — *Law B. C.* Geography of early buddhism. With a foreword by F.W. Thomas. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1932. xxi, (3), 88, (2) p., 1 folding map. 4to. Boards, 3/4 cloth.
- Mon.-Will. — *Monier-Williams M. A.* Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved with the collaboration of E. Leumann, C. Capeller and other scholars, first edition 1899. Oxford: Clarendon Press, 1964. xxxiv, [2], 1333 p.

- Roerich 1993 — *Roerich Y. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit parallels* / Ed. by Y. Parfionovich, V. Dylykova. Issue 11. Index of Sanskrit words and expressions compiled by V. Dylykova = *Перух Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь. Вып. 11: Индекс санскритских слов и выражений* / Сост. В. Дылыковой. М.: [б. и.], 1993. 174 с.
- Simokatta — *Феофилакт Симокатта. История*. М.: Арктос-Вика-пресс, 1996. 268, [4] с. (Памятники мировой истории и культуры).

Названия дождевого червя в русских народных говорах (номинативный и лингвогеографический аспекты)

Р. В. Ширшаков

В статье рассматриваются народные наименования дождевого червя в номинативном и лингвогеографическом аспектах. Анализируются данные картотек и других лексикографических источников, в необходимых случаях приводится этимологический комментарий, показаны вариантность лексем в соответствии с уровнями языка и мотивационная основа.

Ключевые слова: русская диалектология, лингвогеография, лексический атлас, дождевой червь, варианты диалектных слов, этимология, лексическая мотивация.

В русских народных говорах представлено значительное количество названий дождевого червя: *чёревь*, *червь* (ж. р.), *червяк*, *черва́к*, *чевря́к*, *чёрва*, *черви́ха*, *дождеви́к*, *дожнѝк*, *глист*, *глиста́*, *глизда́*, *глисть*, *глистѝк*, *блист*, *выползок*, *выползень*, *пóползень*, *выпощок*, *земля́к*, *земляни́к*, *земля́р*, *ковзя́к*, *ковза́к*, *ковша́к*, *кра́сик*, *мокрѝк*, *мокрѝц*, *надѝи* (мн. ч.), *надѝина*, *слизу́н*, *слизня́к*, *слизень*, *гну́с*, *гну́сина*, *гу́ж*, *гроба́к*, *щур*, *щура*, *ящур*, *вьюн*, *красный червь*, *красна чёрва*, *земляная глиста́* (КЛАРНГ; СРНГ; Даль и др.).

По данным картотеки Лексического атласа русских народных говоров, наиболее частотными являются лексемы с корнями *черв-* и *дожд-*, например, *дождеви́к* ‘дождевой или земляной червяк, употреб. для наживы удочек’ (Даль 1: 465). Они употребляются практически во всех русских гово-

рах. Второе место по частотности занимают лексемы с корнем *глист-* и образования с элементом *полз-*.

Корень *черв-* известен всем славянским языкам (укр. черв ‘червь’, др.-русск. **чървь** (м.) ‘червь’, **чървь** (ж.) ‘красная краска, ткань’, ст.-слав. **чръвь**, болг. **чървей** ‘червь’, сербохорв. **црѣв** ‘червь’, **црѣва** ‘червоточина’, словен. **čřv** ‘червь’, др.-чеш. **čřv** ‘червь, личинка червя’, чеш., словц. **červ**, польск. **czerv**, в.-луж. **červ**, н.-луж. **serw**, полаб. **ceř(ǵ) lézace** ‘улитка’ (букв. ‘лезущий червь’). Праславянская форма ***čьrvъ** восходит к индоевропейской ***čьrǵmь** (лит. **kirmis** м., ж. ‘червь’, лтш. **cirmis**, др.-инд. **kṛmīṣ** м. ‘червь, личинка’, нов.-перс. **kirm**, ирл. **cruim**, алб. **krimb**. Трудности представляет -в-. Предполагали балт. соответствие ***(s)kirvis** ввиду лит. **skirvina** ‘бежит, как муравей’, а -v- пытались объяснить влиянием ***marvis** ‘муравей’ (Фасмер 4: 335–336).

Корень *глист-* также фиксируется всеми славянскими языками (укр. **гліста**, блр. **гліст**, болг. **глист**, сербохорв. **гліста** ‘червяк’, словен. **glísta**, чеш. **hlísta**, ж., **hlíst**, м., словц. **hlísta**, польск. **glista**, в.-луж. **hlista**, н.-луж. **glista**, **glistwa** ‘аскарида’). В древнерусских памятниках письменности не встречается. В словарях в форме **глиста́** — с 1704 г. (Поликарпов 1704: 73), в форме **глист** ‘червь земленный’ — с 1731 г. (Вейсман 1731: 168). Общеславянская форма ***glista**; общеславянский корень ***gli-**, тот же, что в общеславянском ***glina**; -st- на общеславянской почве возникло из -tt- (Черных 1: 191). Родственно лит. **glītūs** ‘гладкий, скользкий’, лтш. **glīstu**, **glíst** ‘делаться гладким, слизистым’, греч. **γλιπτόν**, **γλοιόν**, алб. **ngjit** ‘клею’, лат. **glis**, **glitis** ‘humus tenax’, **glūs**, род. п. **glūtis** ‘клей’, др.-англ. **æt-clīpan** ‘приклеиваться’, д.-в.-н. **kleta**, **klette**, голл. **klit** ‘репейник’, д.-в.-н. **glitan** ‘скользить’. Индоевропейская база ***glei-t** ‘клеить’. Ср. **глизда́**, **глѣздатъ** (Фасмер 1: 413).

Слово **глиста́** в значении ‘земляной дождевой червь, на который удят рыбу’, зафиксировано Далем в саратовских и астраханских говорах (Даль 1: 365). **Глист** ‘дождевой

червь' как малоупотребительное отмечено и в Словаре говора деревни Деулино (Деулино: 112).

Словарь донских говоров Волгоградской области фиксирует лексему *глист* в значении 'дождевой червь'. *Глистоф нада накапать для насатки да пайти пагулять, сярушык паймать* (Зем.). *Зафтыря глистоф нароим и пайдём рыба-лить. Глисты в банки ни видала, идей-т паставил, най-тити ни магу. А вот, гляди, ни глистоф тваих куры дая-даютъ?* (Масл.). *Мы накапали многа глистоф* (Панф.). *Щас на глиста лавицца ня будить, щас нада на личинку. Карась на глиста бирёцца ня плоха, фчара лавили* (Масл.). В том же словаре отмечен вариант *глисть* (глисть), -я, -и, м. Дождевой червь. Ген., Пгч. (СДВГО 1: 357–358).

Слово *щур* в значении 'дождевой червь' отмечено Далем в архангельских, вологодских и пермских говорах (что подтверждается материалами картотеки ЛАРНГ и данными ОЛА) в значении 'земляной червь, дождевик, для наживки на уду' (Даль 4: 679). Считается этимологически родственным слову *щур* 'кузнечик'. По мнению Р. О. Якобсона, *щигъ* «в различных славянских языках обозначало хтонические живые существа» [Jakobson 1959: 277]. По данным ЛАРНГ, лексема *щур* образует ареал исключительно на севере. С. А. Мызников считает распространенные в пинежских говорах слова *щур*, *штур* и др. 'дождевой червь' обратными коми заимствованиями [Мызников 2008: 52–53; 2014: 91].

Лексема *гуж* в материалах ЛАРНГ зафиксирована в курских говорах. На карте ОЛА отмечены лексемы с тем же корнем (*guj-in-a*, *guj-ic-a*, *guj-av-ic-a*) на территории распространения южнославянских языков (ОЛА 1988: Карта № 36). Корень является общеславянским, см. укр. *гуж*, *гуж-ва*; блр. *гуж*; ст.-сл. *гжъ*; цслав. *гжвица*; болг. *гъж*, *гъж-ва* 'жгут', 'чалма', 'тюрбан'; сербохорв. *гужва* 'моток', 'запутанный клубок', 'веревочная петля на лодке', 'жгут', 'кольцо'; словен. *gôž* ж. 'ремень', чеш. *houž*, *houžev* (ст.-чеш.

húžěv) ‘жгут’, ‘святая гибкая лоза, употребляемая для связывания плота’; словц. *húžva*; польск. *gązew, gąźwa* ‘ремень у цепа’; праслав. **gǫžь*, **gǫžьvь*. М. Фасмер считал, что распространённое мнение о родстве **gǫžь* и **ǫza* (Ф. Миклошич, А. Брюкнер, Э. Бернекер, С. Младенов, А. Г. Преображенский) не объясняет начального *g-*, поскольку такая приставка не засвидетельствована, и, ссылаясь на Ф. Хольтхаузена и Г. Петерссона, указывал на связь *gǫžь* с древнеисландским *kengr* ‘крюк, изгиб’ и ср.-англ. *cangle* ‘ограда’. Из всех этимологий этого слова нам представляется более убедительной этимология П. Я. Черых и Н. М. Шанского, которые считают его производным от **v-ǫzati* ‘вязать’ (с начальным *v* по аналогии с о.-с. **viti*). Ср. рус. *узы, узел, союз*. Исходное *vǫžь* (с *o* носовым) > *гуж* (**zj* > *ж*: ср. рус. диал. *ужь-ще* от *уж* — сев.-вост. ‘веревка’, южн. ‘канат’ (Даль 4: 436), а также др.-рус. *ужь, уже* ‘веревка’ (Срезневский 3: 1163, 1167)) после изменения *o* носового в *y*, развития протетического *z* (*zв* > *z*) и в историческую эпоху падения редуцированного *ь* и отвердения *ж*. Ср. укр. *горобец* ‘воробей’. *Гуж* буквально — ‘то, что связано и чем связывают’. Следует отметить, что еще в 1952 г. Р. О. Якобсон объяснял начальный *z* как протетический звук [Jakobson 1952: 388]. Ср. о.-с. **gǫsēnica* (> рус. *гусеница*), где корень **ǫs* (ср. рус. *ус*) (Черных 1: 226; Шанский, Боброва).

Гнусина в значении ‘червяк’ отмечено Далем в северо-восточных и сибирских говорах (Даль 1: 371). Корень *гнус-* имеет широкое распространение в славянских языках — блр. *гнуос* ‘скупердяй, подлец’; др.-рус. (с XI в.) *гнусь* ‘мерзость’, ‘все, что внушает отвращение, омерзение’, также ‘грязь’, ‘нечистота’, ‘гадость’, *гнусьнь*, *гнусьный*, *гнусь*, **гнуস্য* ‘гнусный’, *гусити(ся)*, *гнушати(ся)*, ‘испытывать отвращение’, ‘ненавидеть’, ‘гнушаться’ (Срезневский 1: 55, 56); ст.-слав. *гнуосьнь*; болг. *гнус* ‘отвращение’; сербохорв. *гну̑с*, диал. *гъ̑ус* ‘грязь, навоз’, ‘отвращение’; словен. *gnūs*; чеш. *hňus, hnīs* ‘отвращение’; польск. *gnus* ‘лентяй’. Слово в эти-

монологическом отношении неясное (неустойчивый вокализм корня, отсутствие изменения $s > ch$ после u , мягкость n в некоторых славянских языках (Черных 1: 196)). Считается родственным др.-исл. *gnúa* ‘тереть’, *gnúja* ‘шуметь’, ‘бушевать’, греч. *χναύω* ‘скребу’, ‘царапаю’, ‘грызу’, ‘жую’, *χνόος* ‘оскребок’ (Фасмер 1: 422), восходящим к индоевропейской базе **hneu-* (Pokorný 1: 437). Старшее значение — ‘нечто растертое’ > ‘размельченное’ > ‘мелкое’, ‘маленькое’. Отсутствие изменения $s > ch$ можно связывать с диалектной назализацией вокализма в корне на общеславянской почве, мягкость n — с влиянием таких общеславянских слов, как **gnida* (Черных 1: 196).

Грoбáк в Словаре Даля дается с пометой *южн.* в значении ‘гробовой червь’ (Даль 1: 407). В других лексикографических источниках не отмечено. Поскольку при южнорусском вокализме это слово должно звучать как **грoбáк*, то оно получает сходство со словом *грoбáрь* ‘землекоп’ (СРНГ 7: 102), распространенным в южнорусских говорах (смоленских, брянских, орловских, курских и др.). Существительное *грoбáк* (как и *грoбáрь*) может быть производным от глагола *грoбáть* ‘грести’, ‘рыть’. Таким образом, слово *грoбáк* приобретает иную мотивацию — буквально ‘роющий землю’.

Земляни́к ‘дождевик, земляной червь’ (Даль 1: 172, без указания места).

Название *кoвзýк* в Словаре Даля дано с пометой *zap.* в значении ‘дождевой, земляной червь’. Также представлен вариант *кoвшáк*, *арх. кoвшáк*, *zap. кoвзáк* (скользкий) ‘дождевой червь, червяк, земляной червяк и гусеница, живущая в земле’ (Даль 2: 702). В Картотеке ЛАРНГ на данный момент не зафиксировано. Данными ОЛГ также не подтверждается.

В Словаре Даля имеется также слово *надеи*, отмеченное знаком вопроса как имя существительное мужского рода во множественном числе с вариантом женского рода *надеина* — также с вопросительным знаком (*твер.-ост.*)

‘червь, гусеница: навозная, хлебная и пр. земляной червь, для наживы на удочку’ (Даль 2: 409). Материалы ЛАРНГ также фиксируют эту лексему в тверских говорах, на карте ОЛА представлены словообразовательные варианты *na-děj-ь, na-děj-in-a* на той же территории (ОЛА 1988: Карта № 36).

В Областном словаре вятских говоров зафиксировано слово *красик*, м. Дождевой червь. *После дождя много красиков повылазило*. Ктл. *Красики нужны в огороде*. Ктл. (ОСВГ 5: 115). В материалах ЛАРНГ в настоящий момент сведения отсутствуют, но в ОЛА отмечена лексема *kras-ьп-ъ* на той же территории (ОЛА 1988: Карта № 36).

В Словаре русских говоров Башкирии есть наименование *красный червь* ‘дождевой червь’. *Посль дожджа фся дорога красным червём покрыта* (Уф: Яр). *Красныи черви после дожджа, кому надо рыбацит’, дзк накопайут* (Караид: Б) (СРГБ).

Материалы картотеки ЛАРНГ и карты № 36 Дождевой червь L 95 ‘дождевой червь’ /*Lumbricus terrestris*/ Общеславянского лексического атласа (ОЛА) во многом подтверждают друг друга. По данным ОЛА, наиболее распространенными являются лексемы с корнями *ьгrv-*, *glist-*, *dъzd-* (ОЛА 1988: Карта № 36).

Среди наименований дождевого червя в русских говорах встречаются следующие варианты диалектных слов.

Фонематические варианты: *глиста — глизда, глист — глисть — блист, червь — черевь, червяк — червак — чевряк, щур — ящур, ковзак — ковзяк*.

Словообразовательные варианты: *червь — червяк — черва — червиха, дождевик — дожник, выползок — выползень — поползень, земляк — земляник — земляр, слизун — слизняк — слизень, глист — глистяк, гнус — гнусина, мокряк — мокрец*.

Грамматические варианты. Различия в категории рода и типе склонения: *червь* (ж. р.) — *червяк — черва, чер-*

ви́ха; гли́ст — глιστά, гну́с — гнусина́, щу́р — щура́, красный червь́ — красна́ черва́.

В вариантах *червь́* (ж. р.) — *червя́к — черва́, черви́ха* и *гну́с — гнусина́* наблюдается комбинация словообразовательного и грамматического дифференциальных признаков. Оппозиция *гли́ст — глιστάк* имеет фонетико-словообразовательные различия.

Как видим, среди вариантов диалектных наименований дождевого червя преобладают словообразовательные, второе место по частотности занимают фонематические.

Рассмотрим, какие мотивационные признаки легли в основу наименований дождевого червя.

- по внешнему виду (цвету, форме и под.): *кра́сик, мокр-ря́к, мокре́ц, гли́ст, гуж, ковзя́к, слизу́н, слизня́к, сли́зень, вью́н;*
- по функции: *наде́и* (мн. ч.), *наде́ина, гроба́к;*
- по времени и условиям появления на поверхности земли: *дождеви́к, дожни́к;*
- по способу появления: *вы́ползок, вы́ползень, по́ползень, вы́поцок;*
- по месту обитания: *земля́к, земляни́к, земля́р.*

Представленное в наименованиях дождевого червя многообразие корневых морфем, восходящих к восточнославянскому (древнерусскому), общеславянскому и даже индоевропейскому праязыкам, а также фонетическая, словообразовательная, грамматическая вариантность свидетельствуют о богатстве диалектной лексики русского языка. В говорах, как и вообще в устной речи, происходили в прошлом и продолжают сейчас процессы словотворчества в соответствии с принципами мотивированности и внутренними системными законами.

Литература

Мызников С. А. О некоторых финно-угорских заимствованиях в пинежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 9: межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 46–54.

Мызников С. А. Многослойность лексики финно-угорского происхождения в пинежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 13: межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 87–95.

Jakobson R. New Slavic Etymological Dictionaries // Word. 1952. Vol. 8. № 4. P. 387–394.

Jakobson R. Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary (R–Ja) // International Journal of Slavistic Linguistics and Poetics. 1959. № 1 (2). P. 265–278.

Список сокращений

- АБГ — Бернштейн С. Б., Зеленина Э. И., Чешко Е. В. Атлас болгарских говоров в СССР: в 2-х ч. М., 1958.
- Авдеева 2008 — Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2-х т. Воронеж, 2008.
- Акчим. сл. — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6-ти вып. / под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984–2011.
- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.; Новосибирск, 2000.
- Анненков 1878 — Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лекаров, фармацевтов, врачей (...). Новое издание. СПб., 1878.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–18. М., 1980–2017.
- АРНГЦВ — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.
- Афанасьева-Медведева — Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожиллов Байкальской Сибири. Т. 1. СПб., 2007.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–23. М.; СПб., 2004–2014.
- Богораз 1901 — Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сб. ОРЯС. Т. 68. № 4. СПб., 1901 (Словарь: С. 19–163).

- Борисова 2005 — Борисова О. Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.
- Браславец, Шатунова — Словарь русского камчатского наречия / Сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова. Хабаровск, 1977.
- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Редкол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М., 2003.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. (и другие стереотипные издания).
- Вейсман 1731 — Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатю издаан. СПб., 1731.
- Вейсман 1991 — Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
- Войтенко 1991 — Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.
- Ганцовская 2015 — Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.
- Герасимов 1910 — Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.
- Грінченко — Грінченко Б. Д. Словарь української мови: у 4-х т. Київ, 1907–1909.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Коментаріі. Мн., 1963.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1863–1866 (1-е изд. и другие фототипические издания).
- Даль, 3-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене: в 4-х т. СПб., 1903–1909.
- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 1. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.

- ДАРЯ 1989 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 2. Морфология. Комментарии к картам / Под ред. С. В. Бромлей. М., 1989.
- ДАРЯ 1997 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. 3. Ч. 1. Лексика / Ред. О. Н. Мораховская. Мн., 1997.
- Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовета. М., 1969.
- Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.
- Дружинина — Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: в 4-х т. / Сост. М. Ф. Дружинина; науч. ред. Н. Г. Самсонов. Якутск, 1997–2007.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: в 6-ти т. Київ: Наукова думка, 1982–2012.
- Зиброва, Барабина — Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009.
- Зотов 2010 — Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока / Под ред. А. И. Соколянского. Магадан, 2010.
- Иванова 1968 — Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1968.
- ИИСРНГ — Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / Сост. Ф. П. Сороколетов, Р. В. Одеков; ред. Ф. Гледни. СПб., 2000.
- ИЭСРГА — Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / Под ред. Л. И. Шелеповой. Вып. 1–7. Барнаул, 2007–2013.
- КГарн — Картотека топонимов Боровичского уезда Новгородской губернии, составленная К. В. Гарновским. Кафедра математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета.

- ККОС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома, 2006.
- КЛАРНГ — Картотека Лексического атласа русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.
- Клыков 1968 — Клыков А. А. Краткий словарь рыбацких слов. М., 1968.
- Комягина 1994 — Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.
- Коновалова 2000 — Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
- Копылова 1984 — Копылова Э. В. Ловецкое слово: Словарь рыбаков Волго-Каспия. Волгоград, 1984.
- КПОС — Картотека Псковского областного словаря. Псковский государственный педагогический университет и Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.
- КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета.
- КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.
- КСРГСПК — Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края. Кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- КЭСКЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. (2-е изд. Сыктывкар, 1999).
- КЭСРЯ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова. М., 1971. (2-е изд. М., 1975).

- ЛАРНГ. Проект 1994 — Лексический атлас русских народных говоров. Проект / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.
- Лаучюте 1982 — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982.
- Линдберг, Герд — Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран. Л., 1972.
- Магрицька 2003 — Магрицька І. В. Словник весільної лексики українських східнослов'янських говірок (Луганська область). Луганськ, 2003.
- МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1960. (2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984).
- Мельниченко 1961 — Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Т. 1. Ярославль, 1961.
- Меркурьев 1979 — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Моисеев 2010 — Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.
- Мокиенко, Никитина — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.
- Мурзаев 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мызников 2010 — Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.
- НОС — Новгородский областной словарь: в 13-ти вып. / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000.
- НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; [авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова]. СПб., 2010.
- Ожегов — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949 (и др.).
- Ожегов, Шведова — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992 (и др.).
- ОЛА 1988 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988. 188 с.

- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 2006.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–10. Киров, 1996–2016.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Поликарпов 1704 — Поликарпов Ф. Лексикон трехязычной, сиречь речений славенских, эллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
- Поликарпов 1913 — Поликарпов Ф. И. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь. Воронеж, 1913. 83 с.
- Полякова 2007 — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глушкина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова и др. Вып. 1–26. Л./СПб., 1967–2016.
- Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 3-х т. М.; Л., 1910–1949.
- Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.
- Прохоров 1973 — Прохоров В. А. Вся воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973.
- ПСДЯЛ — Полный словарь диалектной языковой личности: в 4-х т. / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2006–2012.
- Радлов — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. СПб., 1899–1911.
- РГК — Русский говор Кубани: словарь / Под ред. Е. П. Шейниной, Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 12.11.1992. № 47266.

- РСР — Рыболовный словарь Прикамья / Сост. М. А. Бакланов [и др.]; науч. ред. И. А. Подюков. СПб., 2013.
- СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12-ти вып. / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.
- СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.
- Селигер — Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–6 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.; Тверь, 2003–2014.
- Следы — Следы: Словарь языка семьи Захаровых (город Макарьев Костромской области) / Сост., предисл. и заключ. Л. А. Громовой. М., 2016.
- Слов. Акад. 1789–1794 — Словарь Академии Российской: в 6-ти ч. СПб., 1789–1794.
- Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Вып. 1–30. М., 1975–2015.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова, А. А. Алексеев. Вып. 1–21. Л./СПб., 1984–2015.
- СНГТК — Громко Т. В., Лучик В. В., Поляруш Т. І. Словник народних географічних термінів Кіровоградщини / Відп. ред. В. В. Лучик. Київ–Кіровоград, 1999.
- СОГ — Словарь орловских говоров / Под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–15. Орёл, 1992–2008.
- СПГ — Словарь пермских говоров: в 2-х т. / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

- СПИЭС — Самый полный иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2008.
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии: в 4-х т. / Под ред. З. П. Здобновой. Уфа, 1997–2005. (переизд. Уфа, 2008).
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2004.
- СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СРГП — Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. (2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2007).
- СРГРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / Под ред. Р. В. Семенковой. Вып. 1–8. Саранск, 1978–2006.
- СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И. И. Русинова. Вып. 1. Пермь, 2011.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7-ти т. / Гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Свердловск, 1964–1988.
- СРГСУД — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х вып. / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010–2012.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров. Т. 1–3. Ростов н/Д., 1975–1976.
- СРДГ (1991) — Словарь русских донских говоров. Т. 1 / Под ред. В. С. Овчинниковой. Ростов н/Д., 1991.
- Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. СПб., 1893–1912. (переизд. М., 1958).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–50. М.; Л./СПб., 1965–2017.
- СРС — Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева, Р. Д. Куруч, Е. И. Мечкина и др.; под ред. Р. Д. Куруч. М., 1985.

- ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11-ти вып. / Под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.
- СХЭС — Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / Гл. ред. В. К. Месяц. М., 1989.
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- ТС — Тураўскі слоўнік: у 5 т. / Склад.: А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск, 1982–1987.
- ТСГТО — Тематический словарь говоров Тверской области: в 5-ти вып. / Гл. ред. Т. В. Кириллова. Тверь, 2003–2006.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973. (и другие стереотипные издания).
- Халюков 2008 — Халюков Ю. В. Словарь лексики орловских рыбаков / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Орел, 2008.
- Чайкина 1988 — Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. Архангельск; Вологда, 1988.
- Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1993. (и другие стереотипные издания).
- Чикачев 2005 — Чикачев А. Г. Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск: Наука, 2005.
- Шанский, Боброва — Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- Шапошников 2010 — Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 2010.
- Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Сост. Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

- ШЭС — Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века (Шацкий этнодиалектный словарь). Рязань, 2001.
- Элиасов 1980 — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Т. 1–13. Мн., 1978–2010.
- ЭСРЯШ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Вып. 1–8. М., 1963–1982.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–39. М., 1974–2014.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10-ти т. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- ЯОСД — Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / Под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль, 2015.
- Karłowicz — Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. I–VI. Kraków, 1900–1911. (wyd. fotooffsetowe. Warszawa, 1952.)
- Lehtisalo 1956 — Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XIII).
- MDA — Makedonski dijalekten atlas: prolegomena. Skopje, 2009.
- Pokorny — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern—München, 1959.
- SLA 1.1 — Slovenski lingvistični atlas 1. Človek (telo, bolezni, družina). 1. Atlas. Ljubljana, 2011.
- SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.
- Wichman, Uotila — Wichman Y., Uotila T. E. Syrjänischer Wortschatz. Helsinki, 1942. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. VII).

Указатель диалектной лексики

В указателе представлены только те слова, которые в текстах статей приведены в начальной форме, т. е. существительные в им. п., глаголы в инфинитиве и т. д. Словосочетания приводятся по алфавиту первого компонента.

Авдотьи-малиновки,
98	аляпушка, 298	Арбу́зная ме́рка, 56
агиасма, 247	аляпушки, 298	армяк, 446
ад, 242, 249	амбар, 446, 451	Арра, 162
адамиха, 247	амбарушка, 446, 451	артос, 246
адамова голова, 244,
248	амвон, 247	архирей, 247
адамова кость, 249	амишка, 247	аршин, 551
адамовы веки, 246	Аммукан, 162	арьян, 114
адить, 246–248	Аммуканчик, 162	аскет, 247
ажина, 62, 70, 117	амуни́ция, 268, 270	Аспожка, 245
азербайджан, 126	ангел, 251	Аспосов день, 244
азербайджаны, 123	ангельская слеза,
248	ахан, 388
Акка, 162	андели, 249	ахидный, 248
Аксинья полухлеб-
ница, 250	андельский, 248	ахинеть, 248
Акулина гречушни-
ца, 250	анна, 393	Ахман, 53
алала́, 251	аннушка, 393	Ахта, 163
алалакаты́, 248	антидор, 247	ахча, 390
алалуи́ть, 244	антониева пицца, 248	аша́ть, 53
алалу́я, 251	анто́нов ого́нь, 113	ашира, 258, 260
ало́й, 117	анчу́рка, 393	аштраха́нка, 117
алякиш, 296	анчу́тка, 109	баба, 393
алякушек, 295, 296,
300	аню́тка, 393	баба́й, 109, 390
алякушка, 298	аню́ткины гла́зки, 82	ба́бка, 109, 113, 202,
399
алякушки, 296	аонина, 62	бабува́ть, 113
алялюшки, 246, 247	Апана, 163	бабу́ся, 109
	апога́ре, 95	Бадаран, 161
	апосто́л, 246	баз, 116
	а́рбуз, 124	базо́к, 116
	а́рбузи́ха, 122	

- байдаковать, 110
байрам, 390
байстри́ок, 109
байстри́очка, 109
баклажа́н, 117
бакша́, 117
балаболка, 86
балабо́н, 114
балабушки, 114
балага́н, 116
балака́ть, 110
баласловлять, 432
балбера, 388
балга́н, 116
балга́нчик, 116
балери́на, 109
ба́лка, 524, 526, 527
Балтарык, 161
ба́нька, 197
ба́ня, 197
бар, 551
барáк, 524, 527
бараньи яйца, 82
бараус, 398, 399
барахли́на, 271, 272
барахло́, 113, 271, 272
барахну́лки, 271, 272
барбо́с, 401
баргамо́та, 117
барыня, 82, 85, 126
Бастрык, 162
бати́г, 114
бато́г, 128
батожки́, 117
Бахи, 163
ба́хорь, 109
бача́жник, 203
ба́чить, 110
башка, 389
баярка, 85
бедáрка, 114
бедвэдище, 324
безбожие, 248
безбожить, 248
безво́дье, 551
безздорóвный, 110
бэ́змен, 124
безъягодица, 93
безъягодница, 93
бекирь, 398, 399
бекме́с, 114
белебе́йка, 271
белёк, 521, 522
белене́нок, 521, 522
белёнок, 521, 522
белёныш, 522
беленята, 521, 522
бэ́лиха, 519
белица, 518, 520
бэ́лишка, 520
белка, 516–520, 522
белоголов, 85
белоносик, 62
белосли́ва, 118
белочка, 520
белуха, 520
белушка, 520
белчуга, 520
белый воронец, 62
белье, 94
бельча, 521, 522
бельчак, 521
бельчата, 521, 522
бельча́тка, 522
бельчатки, 521
бельчельняшка, 521, 522
бельченёнок, 521
бельчения, 521, 522
бельчентя, 521
бельчий, 522
бельчик, 521, 522
бельчиха, 519
бельчона, 520
бельчонка, 521, 522
бельчонки, 521, 522
бельчонок, 521, 522
беляк, 521
белянка, 518
белята, 521, 522
Бердегес, 161
Бердя́к, 56
береговик, 203
береговина, 196, 203
бережина, 203
бережник, 196, 203
бережнйг, 196
берёза, 245
берёзовик, 399
берёзовка, 551
берества́, 196
берество́, 196
берестя́ники, 119
берестя́нка, 119
берестя́нки, 119
берея, 93
беска́н, 406
беска́ч, 406
бескозоб, 398, 404, 407–410
бескозба, 403, 407
бескозбец, 407
бескозбишка, 408
бескозо́м, 407
бескозу́б, 408, 409
беспокойствие, 43
бессребреник, 245
бешы́ха, 113
бздика, 85

- бздника, 85
бздúшка, 197
бздюка, 85
бздюх, 197
бздюха, 85, 197
бзника, 85
бирка, 90
бирю́к, 323, 326, 332
бирю́чина, 323
бирючины́е кавуны, 82
биток, 90
бито́н, 125
бить, 507
би́ться, 122
битюрь, 399
благоверный, 246
благовестить, 246
благой, 248
благословле́нник, 216
благостить, 244, 245
благотворить, 246
блаженный, 244, 245
блажить, 245
блазнить, 245
блескúн, 117, 333
блист, 633, 638
блiца, 199
блыкаться, 89
бобок, 85
бобровичка, 95
бобырь, 398, 399
Бог, 242, 247
бога́, 246
богарадить, 248
бога́то, 126
богопротивница, 247
богохульник, 244
Бодорон, 161
боду́чий, 126
боды́лка, 124
божеволиться, 245
боженье, 247
божественный, 248
божий огонь, 248, 250
божить, 246
божница, 245
божья милость, 249
Бознат, 251
бойный, 88
бойцовой, 414
боле́знь, 113, 289
боле́сть, 113
болотная ягода, 66, 67, 73
болотник, 203
болотница, 66, 67, 74
болотный пескарь, 405
болотня́к, 203
болóхмотье, 271
болтух, 117
болты́х, 117
болты́ш, 117
больша́к, 552
бомбить, 511
бонби́ть, 125
бор, 89, 199
Бордогон, 161
боре́ть, 172
борисдень, 248
борка́н, 322
борки́, 35
борова, 86
боровинка, 86
боровой перец, 82
борода́, 109
борода козья, 150
борона́, 220
богаты́, 418
боченька, 94
боянка, 85
бояра́к, 552
бояра́ки, 552
боя́ре, 111, 433, 434
боярка, 85
бральщик, 93
бранье, 89
бра́тка, 109
брать, 89, 246
бревенник, 199
бревенчатый лес, 199
бревешник, 199
брезвя́нник, 199
бреху́ха, 109
бро́вка, 553
брод, 553
бро́ды, 278
бронжеловник, 95
бронец белый, 83
бронец черный, 83
бросить, 89
броснуть, 89
бружмель, 83
бружница, 82
брунец, 85
брунь, 82
брусалка, 82
брусена, 69, 85
брусéна, 69, 82, 85
брусеника, 69
брусéнка, 82, 85
брусеня, 69
брусинцы, 69
бруслинина, 83
бруснелочка, 91
брусне́нка, 72

- бруснига, 82
 бруснижка, 82
 бруснижник, 82–84
 брусника, 72, 74
 бруснина, 82
 бруснить, 89
 брусниться, 89
 брусница, 74, 82, 85
 брусничина, 85
 брусничинина, 62, 85
 брусничка, 66
 бруснуть, 89
 брусня, 69
 брусняг, 69, 70, 82, 83
 брусняк, 69, 83
 бруснянка, 64
 брусовня, 85
 брусyliна, 83
 брушника, 66, 72
 брушница, 65, 74, 82
 брушничка, 82
 брыжи, 33
 бры́ла, 553
 брыль, 553
 брылья, 553
 бры́нда, 131
 брында́к, 131
 бры́ндать, 131
 бры́ндик, 131
 брюква, 62, 85
 брюнец, 85
 брюсенка, 69, 82
 брюснига, 67
 брюсница, 82
 буба, 85
 бубка, 85, 98, 118
 буга́й, 117, 123
 буго́р, 553
 бугустал, 62
 буера́к, 524–527
 бу́зевок, 123, 124
 бу́зелок, 123
 бу́зивок, 117
 бу́зилок, 117
 бузинник, 83, 95
 бузо́к, 118
 бук, 114
 буко́нка, 233
 булыга, 554
 булы́жник, 554
 бумажное, 278, 280
 буне́ть, 117
 бураво́к, 116
 бурак, 90, 118, 446
 бурелы́й, 118
 Буркот, 162
 бурку́н, 119
 бурлы́щик, 109
 Бурундук, 163
 буря́к, 118
 бу́серы, 35
 бу́сочки, 35
 бут, 509
 Бутул, 163
 бухтул, 258, 260
 бучи́на, 118
 бу́чить, 110
 бык, 123, 126
 быки́, 122
 быльца, 122
 Бысах, 163
 бы́стрица, 554
 быть, 246
 бычки́, 122
 бюри́чина, 323
 вавила, 262
 вавилоны, 246
 ваганы́, 122
 ва́да, 554
 вадно́сталь, 120
 Ва́женка, 375
 Ва́женца, 376
 ва́жить, 110
 вал, 554, 555
 вале́жник, 554
 валёк, 398, 399
 валенцы, 446
 Валтузя, 262
 валу́н, 554, 555
 Валух, 262
 ва́лух, 117, 123
 вальковáть, 110
 валякуш, 296
 валять, 508
 вандыш, 399
 ва́нька-бздун, 197
 варени́ца, 114
 варенуха, 95
 варить, 512
 Васильев вечер, 249
 ва́ська-топись пёчка, 197
 Ватола, 262
 вато́ла, 278
 ваты́нка, 118
 вахлаки, 68
 вача, 91
 вашка, 518
 вводить, 244, 249
 вдавливать, 507
 ведме́дь, 323
 веко, 90
 векоу́ха, 54
 векошья малина, 66, 67, 73
 ве́кша, 54, 517–520, 522
 векшата, 521

- векшенята, 521
 векшонок, 521
 векшуха, 520
 вéлек, 114
 великий, 555
 великомученик, 246
 величать, 432
 венéчное, 280
 венóк, 33, 433
 венчáльная лóпоть, 280
 вénчанное, 280
 венчать, 245, 246
 вéпрь, 305
 вера, 244, 247
 вёрба, 199, 245
 вербохлэст, 244, 248
 вёрбушка, 555
 вербы, 193
 веретéница, 399
 верещáть, 207, 210
 вероваться, 246
 верстáк, 115
 верстáть, 115
 вертáться, 110
 вертéц, 524–527
 вертужóк, 237
 вертúшка, 116, 123
 вертушóк, 237
 верх, 555
 верховíна, 555
 верхúшка, 556
 вершí, 556
 вершíна, 556
 вёршник, 235
 вершóк, 114
 весёлка, 115
 веснúха, 200
 веснúшка, 200
 веснянка, 82, 200
 всяёлóк, 333
 ветинáр, 109
 вётка, 118
 ветки, 193
 ветрюгáн, 119
 вéчер, 111
 вечёрка, 111
 вечерóк, 111
 вечёрошник, 114
 вечéрять, 110
 вешнига, 91
 вéшник, 234
 вешница, 91, 200
 вéшница, 91
 вéшня, 200
 вéща, 318
 взгóрок, 556
 вз(за)бивать, 507
 взéсть, 110
 взять, 248
 вико́на, 105, 115
 виктория, 66, 67, 72
 викторя, 66, 67, 72
 вíлка, 115
 вíлки, 115
 Вилóк, 56
 вин, 107
 виноградье, 99
 вир, 557
 виска, 548, 557
 вискí, 109
 вискозóб, 410
 висожáры, 119
 вись, 548
 вихотóк, 115
 вíхоть, 115
 вишенье, 62, 83
 вишина, 85
 вишнёвник, 82, 83
 вишнига, 86
 вишник, 83
 влачítься, 323
 вода, 244, 247
 водоворóт, 557
 водоворóть, 557
 водопад, 557
 водопадь, 557
 водопелый, 87
 водопóй, 554, 558
 водотéчь, 558
 водотóк, 558
 водотóка, 558
 водотóки, 558
 вожа, 93
 Воздвиженье, 245
 Вознесенье, 245
 возновиться, 246, 248
 вóлна, 113
 воловóдиться, 110
 вóлос, 113
 волоснíк, 30–33
 вóлчий табáк, 197
 волчняк, 82
 волчóк, 126
 вóльный лес, 202
 вольха, 199, 200
 вольшнíях, 558
 вонá, 107
 вопить, 432
 вопшина, 175
 воробьятник, 83
 ворóнка, 558
 ворóньи яйца, 197
 вóспа, 105
 Востракí, 54
 Вострýк, 54
 Восход, 249
 Восход к Господу, 248

- воярдань, 246
 впадина, 558
 вползелена, 88
 враг, 524–526, 528–531, 535, 537
 вражек, 524, 526
 вражина, 524, 526, 527
 вратить, 323
 временные, 126
 встречать, 248
 всузель, 86, 88
 вторичная одежда, 113
 вүти, 117
 Вшестье, 245
 вшиворот, 120
 вьбои, 559
 вьбой, 558, 559
 Вьбросить, 127
 вьварка, 115
 вывести, 246
 вьводить, 41
 вьвюрка, 519
 вьглядеть, 110
 вьгождать, 125
 вьгон, 559
 выдалбливать, 508
 выделявать, 508
 вьдрать, 111
 вьйти, 318
 вьйтить, 318
 вькинуть, 127
 выкрутасы, 559
 выкуп, 425
 выливать, 113
 вьлюдник, 277, 278
 вьлюдное, 277, 278
 вьлюдье, 277, 278
 вымачивать, 511
 выносистый лес, 202
 вьносок, 51, 271, 272
 выпиливаться, 508
 вьползень, 633, 638, 639
 вьползок, 633, 638, 639
 вьпощок, 633, 639
 вьпроводить, 125
 выравнивать, 507
 вырубаться, 508
 вьрубок, 559
 вырывать, 511
 вьряды, 277
 вьсекчи, 318
 вьсечь, 318
 вьскарник, 202
 вьскарь, 202
 вьскорник, 202
 вьскорь, 202
 высокарник, 202
 высокарь, 202
 высокорник, 202
 вьсокорь, 202
 высота, 559
 высотник, 202
 вьспар, 202
 вьспарь, 202
 вытяжной лес, 202
 вьходки, 126
 вьшептывать, 113
 вьшник, 118
 вьюн, 633, 639
 вьюрók, 237
 вязавица, 70
 вязовица, 69, 70
 Вяльша, 263
 габла, 421
 Габоль, 421
 габук, 420, 421
 Габучина, 421
 гаевун, 90
 гай, 199, 559
 гайтаны, 35
 галах, 258, 260
 Галсанный, 164
 галька, 560
 гамбалить, 122
 Гамно, 51
 гарбуз, 122
 гарбузине, 560
 гарбузная каша, 114
 гарбузовка, 118
 Гарец, 53
 гарлыга, 115
 гарцевый, 53
 гарь, 560
 Гатила, 262
 гатный, 560
 гать, 560, 561
 гила, 113
 гильцö, 111
 Гирвас, 376
 гитара, 127
 гич, 399
 гладить, 508
 глáдух, 309
 гладь, 561
 глáдöчий, 110, 310
 глажевешка, 84
 глажевина, 69
 глажевник, 69, 82, 84
 глажевница, 96
 глажевняг, 84
 глажи, 85
 глажина, 72
 глажинина, 72, 85
 глажинница, 96
 глазки, 69, 85

- глазовье, 69
 глазё, 69, 72, 85
 глѣвкий, 296, 300
 глѣд, 122
 глѣздать, 634
 глѣвак, 297, 300
 глиздѣ, 633, 634, 638
 глинишѣ, 561
 глиное, 199
 глист, 633–635, 638, 639
 глистѣ, 633, 634, 638, 639
 глисть, 633, 635, 638
 глистѣк, 633, 638, 639
 глубенига, 67, 69, 72
 глубеника, 67, 86
 глубеница, 67
 глубеннижник, 83
 глубнига, 67, 69
 глубника, 66, 67, 69, 71
 глубяника, 72
 глубяница, 69
 глубянка, 72
 глухѣрь, 117
 глухѣя стенѣ, 116
 глухой ѱгол, 116
 глыба, 561
 глыбѣкий, 124
 глывкѣй, 114
 глыжевьѣ, 69
 глыжевьѣ, 85
 глыжи, 72
 глыжина, 85
 гля, 42
 глядельщики, 433
 гнездѣ, 128
 гнижника, 71
 гнилое, 199
 гнус, 633, 638, 639
 Гнусина, 636
 гнѣсина, 633, 638, 639
 говеть, 245, 246
 гоголь, 393
 Гогѣна, 417
 голзак, 400
 гѣлка, 123
 голобоб, 71, 85
 голодовѣть, 110
 голодѣвка, 126
 голошѣка, 196
 голсаный, 164
 голубѣ, 200
 голубель, 71, 85, 86, 200
 голубѣнка, 69, 71
 голубень, 69, 71, 85, 86
 голубига, 71, 85, 86, 200
 голубика, 71, 74, 200
 голубина, 71, 85
 голубинка, 71
 голубиха, 71, 74, 85
 голубица, 71, 200
 голубичник, 71
 голубишник, 71
 голѣбка, 200
 голублянка, 71
 голубника, 67, 71
 голубница, 71
 голубянка, 67, 71
 гольшѣнка, 122
 гѣнкий лес, 202
 гонобель, 69
 гонобоб, 71, 85
 гонобобелина, 85
 гонобобель, 68, 71, 200
 гонобобельник, 82
 гонобобер, 64, 68, 71
 гоноболина, 85
 гонобобль, 68, 71
 гонобобльник, 69
 горѣль, 172
 гореть, 244
 горѣ-огѣнь, 118
 горлатень, 94
 горловѣстый, 110
 Горлодѣристый, 417
 горлодѣристый пѣ-
 тух, 414
 горобѣц, 117
 горобѣха, 117
 городѣц, 499
 городѣна, 499
 городѣца, 499
 городѣще, 499
 городѣк, 499
 горѣжа, 116
 горшочки, 68
 горькуша, 83, 86
 горюн, 83
 горячая сваха, 433
 горячий стол, 430, 432
 госпожинка, 244
 готовник, 90
 грабѣк, 637
 грабѣрка, 123
 грабѣрь, 637
 грабѣть, 637
 грабилка, 90
 грак, 117
 грамѣнт, 35
 грамѣнты, 33
 грана, 82

- гра́нка, 232
 грать, 110
 гребень, 90, 220
 грех, 247
 грéческий орéх, 118
 грешный, 248
 грешок, 247
 гриб, 199
 грива, 84, 562
 гроба́к, 633, 637, 639
 грома́дить, 110
 громить, 509
 Громоту́х, 417
 громотух, 414
 гру́бка, 115
 гру́дка, 114
 грудковóй са́хар, 114
 гру́зко, 562
 грусна, 84
 груснеть, 92
 груша́ник, 132
 gryжовина, 85
 грýцики, 118
 гýба, 199
 губина, 69, 84, 86, 87
 гуж, 633, 635, 636, 639
 гужевáть, 110, 123
 Гузнó, 56
 гузно, 56
 гузюм, 95
 гýлая, 117
 гулень, 400
 гулобика, 74
 гума́жнина, 278, 280
 гумажьё, 278, 280
 гуманить, 110
 гуноболя, 87
 гýня, 268, 271, 276
 гуртóм, 120
 гуса́к, 117, 521
 гúска, 117, 122
 густáрник, 203
 густóй, 126
 гýзь, 313
 гыч, 400
 гýчик, 400
 гычь, 398, 400
 давать, 246
 давидски, 248
 давить, 507, 508
 дамно́, 125
 дары, 426, 432
 да́ча, 563
 дбать, 110
 двенадесятой, 249
 двоéшки, 109
 двойню́шки, 109
 двор, 450
 двори́на, 502
 двори́ще, 502
 двоюрóдный, 124
 двужильный, 109
 Двухродна сестрени-
 ца, 163
 Двухродный братан,
 163
 де́бря, 563
 девичник, 432
 девятина, 249
 де́дов табáк, 197
 де́душкин табáк, 197
 деды́, 109
 дель, 53
 Дельщик, 53
 дялянка, 84
 деревий, 118
 деревина, 278, 279
 дерево, 418
 деревянное пиво, 95
 деревяшка, 82
 дерезá, 563
 дерн, 563
 дёрн, 563
 Дескозóб, 408
 дескозоб, 410
 десь, 120
 дзы́га, 109
 дзы́ту-дзы́ту, 312
 диалекто́лик, 323
 дивень, 220
 диверь, 109
 дикая желтая ряби-
 на, 99
 дикая клубника, 68
 дикая малина, 99
 дикое лыко, 82
 диптих, 247
 дира́нда, 323
 длиннобуды́лый, 110
 Дми́тра, 248
 добро́ва, 564
 добытно́й, 110, 123
 догодить, 110
 додельник, 109
 додельница, 109
 додон, 262
 доёнка, 115
 дождевик, 197, 633,
 638, 639
 дождёвик, 197
 дождевички́, 119
 дождёвые яйца, 197
 дожни́к, 633, 638,
 639
 дозоривать, 87
 до́йки, 117
 до́ктор, 117, 202
 дол, 524, 527

- долбачий, 414
 долбёжник, 507
 долбить, 507, 508
 долгий виноград, 83
 Долгúшка, 53
 долить, 87
 дом, 446–448, 450
 домик, 447
 домовина, 502
 домовище, 502
 домовой, 333
 до́се, 120
 дошлый, 88
 драть, 509
 дра́ться, 122
 дра́чка, 123
 древнiк, 198
 древнiяк, 198
 дристуха, 69
 дробная кисть, 87
 дробына, 115
 дрóвеник, 198
 дровеннiк, 198
 дровнiк, 116, 198
 дровнiяк, 198
 дровяник, 116, 198
 дровяннiк, 198
 дровяной лес, 198
 дровяный лес, 198
 дрот, 115
 другак, 95
 дружина, 112
 дрúжка, 112, 433, 434
 дружкó, 112
 дружковáть, 112
 дружный, 433
 дрýгалка, 128
 Дрючкóвый, 53
 дрючкóвый лес, 53
 дрючок, 53
 Дрянин, 262
 дубкi, 118
 дубной котел, 387
 дубрава, 196, 199
 дубрóва, 199, 564
 дúже, 120
 дúля, 122
 дуплё, 90
 дурава, 69, 200
 дурака, 69, 85
 дураха, 69, 200
 дурман, 83
 дурника, 71, 200
 дурнiца, 200
 Духов день, 245, 249
 духóвка, 235
 духовое, 227
 духовой виноград, 83
 душа, 247
 душевный, 248
 душенька, 247
 дымáрь, 197
 дымка, 197
 дымовiк, 197
 дымовúха, 197
 дымовúшка, 197
 дымóк, 197
 дырá, 529
 дю́же, 120
 дю́жево, 120
 дю́жка, 307
 дю́шка, 307
 дядько, 109
 евангелие, 246
 ёгарь, 401
 егла, 317
 ежевика, 71, 74
 ежевица, 74
 еженица, 63, 66, 67
 ежина, 66, 67
 ежиха, 67, 69, 74
 ежуница, 63, 66, 67
 ез, 630
 елевые ягоды, 99
 ёлочные ягоды, 99
 елха, 199, 200
 ендова, 153–155
 ендовина, 155
 ендовище, 153, 155, 156
 епитимья, 246
 ёска, 406, 408
 Ескозóб, 408
 ескозоб, 401, 410
 ескозóбец, 408
 ескозóбик, 408
 ескозóбчик, 408
 жакáн, 304
 жáлиться, 110
 жáлкий, 110
 жара, 71, 126
 жарав, 69
 жаравá, 71, 82
 жаравига, 71
 жаравика, 67, 70, 71, 82
 жаравина, 71, 82
 жаравинина, 85
 жарависьный, 99
 жаравиха, 71
 жаравица, 71, 82
 жаравлика, 71, 82
 жаравника, 71
 жаравиха, 69
 жари[ы]нка, 132

- Жарик, 132
 жарить, 512
 жаровика, 66, 70
 жаровиха, 64, 72, 82
 жаровлиха, 91
 жаровница, 66, 67
 жать, 507, 508
 жеваника, 69, 72
 жевика, 70, 71
 жевичина, 85
 жегу́ка, 122
 жегуча́ник, 114, 132
 жегу́чка, 122
 жело́, 115
 же́лоб, 565
 желобо́к, 565
 желомудина, 82
 же́лтый, 566
 же́лтый арбу́з, 122
 желудёвый вино-
 град, 83
 жемиринье, 94
 жених, 433
 жениха́ться, 110
 жеравика, 70
 жеравинина, 85
 жердево́й лес, 202
 жерде́ник, 202
 жерди́нник, 202
 жердн́ик, 202
 жердн́як, 202
 жердо́вник, 202
 жердя́ник, 202
 жердяно́й лес, 202
 жерёлки, 35
 жерело́, 566
 жере́лочки, 35
 жерло́, 566
 жеровика, 70
 жеровиха, 67
 жечь, 511
 живика, 70, 71
 живые помощи, 248
 жид, 117
 жидкий лес, 202
 жизня, 125
 жильник, 202
 жирик, 398–400
 жирный виноград,
 83
 жисть, 125
 житный хлеб, 114
 жито́, 118, 418
 жить, 244, 246
 жмурки, 88
 жнитвина, 418
 жо́лоб, 565
 жувика, 69
 жуковина, 85
 жура, 68
 журавига, 200
 журавика, 67, 75,
 200
 журавинина, 85
 журавининка, 62
 журавиха, 72, 75, 82
 журавишник, 66
 журавлика, 75
 журавлиные ягоды,
 99
 журавлиха, 75
 жури́ться, 110
 жу́хало, 115
 зааминить, 246, 247
 забелока, 90
 забза, 95
 забивать, 507
 заборный тротуа́р,
 116
 заброчная хата, 116
 (за)бродить, 513
 забробы, 119
 забубе́нный, 110
 забува́ть, 107
 завёртка, 237
 заве́сть, 106
 завидува́ть, 107
 за́вистливый, 124
 за́водь, 566
 завчу́ха, 123
 загвения, 248, 249
 загляда́ть, 107
 заговенье, 249
 заго́н, 566
 загуде́ть, 318
 загуди́ть, 318
 задрыпанка, 109
 задурно́, 120
 зажариваться, 511
 (за)жарить, 512
 зажа́тый, 110
 заигра́ть, 126
 за́ймище, 203
 зака́лец, 300
 зака́льчик, 300
 заква́ска, 122
 заквашивать, 511
 заква́шувать, 107
 заклёклый, 295
 заклёкнуть, 294
 заку́тка, 116
 залепня, 88
 залепуга, 88
 зали́чка, 234
 заложиться, 237
 заме́сто, 125
 заморо́зка, 200
 Замухры́шка, 229
 занеха́нный, 110

- занóза, 126
 запéчник, 330
 запéшник, 326, 330
 запивать, 432, 434
 запíрка, 237
 Заплани́ть, 51
 заповедание, 91
 заповедный, 566
 заповедовать, 91
 запой, 425, 426, 432
 запоты́лина, 52
 запрúда, 567
 зáрастель, 203
 зарезать, 508
 зарни́ца, 119
 зáросли, 567
 заславлять, 244
 заслúхаться, 322
 зáсов, 124
 застебну́ться, 123
 застой, 567
 застрéшник, 326, 330, 331
 затвóрка, 233
 зáтирка, 114
 затóка, 567
 затóн, 567
 заусай, 398, 400
 захлобúчиться, 237
 зашерстянка, 279
 заши́шкаться, 311
 заюзжáть, 312
 зáячья карто́шка, 197
 звáние, 125
 звáнье, 109
 звёстка, 124
 зевáло, 54, 55
 зёвало, 55
 зелёбка, 88
 зеленец, 86, 88
 зеленика, 88
 зелёнка, 567
 зеленуха, 86, 88
 зеленушка, 86, 88
 зелёные гуся́та, 111
 зелёный виноград, 83
 зелень, 88
 зелепка, 88
 зелепуга, 88
 зелепужечка, 88
 зелепука, 88
 зелепупок, 88
 зелепух, 88
 зелепуха, 88
 зелёпуха, 88
 зелепушечка, 88
 зелепушка, 88
 зелиночка, 88
 зем, 116
 земеница, 69
 земленига, 72
 земля, 116
 земля́к, 633, 638, 639
 земляна, 69
 земляна́я глиста́, 633
 земляная земляни-
 ка, 66, 67, 73
 земляная малина, 67, 73
 земляная малинка, 66, 67, 74
 земляная мурошка, 68
 землянижина, 85, 86
 землянижник, 62
 земляни́к, 633, 637–639
 земляника, 71, 74
 землянина, 66
 земляница, 67, 74
 земляничник, 62
 землянишка, 69
 землянишница, 66, 67
 землянка, 72
 земляночка, 67, 70
 земля́р, 633, 638, 639
 земной поклон, 244, 248
 зéркало, 568
 зерно, 85, 244
 зётка, 306, 312
 зётка-зётка, 312
 зймница, 200, 446
 зимóвка, 200
 зимóвки, 118
 златóй, 323
 злить, 322
 зозúля, 117
 зóла, 124
 Золи́ть, 226
 зон, 113
 зорить, 87
 зрелец, 88
 зрелка, 88
 зубáрь, 311
 зубриловка, 69
 зы́бка, 55
 зык, 117
 зюм, 95
 зю́та, 306, 312
 зю́та-зю́та, 312
 зю́тка, 306, 312
 зю́тка-зю́тка, 312
 зюто́к, 312
 зюточка, 312

- Зязюлястый, 417
 играть, 128
 иде́, 120
 идти, 507
 идт́ить, 106
 иженика, 63
 изба, 446–448, 450
 избно́й лес, 199
 избня́к, 199
 избушка, 446, 447, 450
 избя́ник, 199
 избя́нник, 199
 избяно́й лес, 199
 изви́лина, 568
 извор, 568
 изгребь, 279
 изгребина, 278–280
 излук, 569
 измаден, 69, 70
 измоден, 67, 68, 70
 измодеть, 68
 изно́сок, 271, 272
 изюма, 95
 изюменец, 95
 изюмная ягода, 98
 икона, 244, 246
 ил, 569
 ильинка, 247, 248
 имёнье, 280
 инозёмец, 52, 53
 инок, 246
 иорданка, 248
 ира́нда, 323
 Ёрвас, 376
 искать, 248
 искозоб, 408, 410
 искозоба, 408
 искозобик, 408
 искозобчик, 408
 исто́к, 570
 истрáтиться, 312
 исть, 124
 иудино лобзанье, 248
 ищевул, 93
 каба́к, 122
 Ка́боло, 421
 кавзя́к, 637
 Кавраляне, 163
 каву́н, 118
 кавуни́ха, 122
 кавуни́ца, 122
 кавша́к, 637
 кагане́ц, 115
 ка́жный, 125
 казанская, 248, 249, 251
 каза́ть, 110
 каза́чина, 52
 казачи́я, 52
 казачка, 86
 казе́нка, 235
 казначейка, 433, 434
 кала́, 118
 калач, 219, 220
 кала́чик, 123
 Калга́н, 56
 калдоббина, 570
 калева, 85
 каливка, 85
 калина, 95
 калиник, 98
 калинина, 82, 85
 калиница, 82, 85
 калинка, 95, 99
 калинник, 95, 96, 99
 калинница, 95
 калинуха, 95
 кали́чка, 109
 калколлы, 433
 кало́ш, 125
 кало́жа, 119
 каменик, 69
 каменица, 63
 каменка, 66, 67
 ка́менный, 122, 126
 Канайты, 163
 капу́н, 112
 каплун, 414
 Каравай, 215
 карава́й, 112, 215, 216, 219, 433, 434
 карава́йчики, 219
 кара́гач, 118, 119
 карага́чник, 119
 карас, 95
 карма́шка, 35
 картопля́ник, 132
 картофля́ник, 114, 132
 картоши́на, 114
 карус, 95
 кастру́ля, 125
 каталаж, 163
 каталажка, 163
 ката́лень, 227
 ката́лка, 115, 118, 227
 катоб́ршить, 110
 катуль, 90
 кау́н, 118
 каца́п, 109
 качемаз, 162
 кашеми́ровые шаля, 28
 ка́шка, 126
 кашкалдак, 388
 каья́нье, 246

- каята, 244
 каяться, 245, 246,
 248
 кваситься, 98
 квасóлька, 118
 квасóля, 118
 квóчка, 117, 119, 123,
 129
 кéндюх, 122, 123
 Кéнтí, 162
 кеп, 322
 киётка, 248
 кизék, 122, 124
 кизеки, 507, 509, 511
 кизя́к, 117, 122, 124,
 507
 кикун, 414
 кíла, 113
 килбúк, 400
 Кинчи, 162
 кирилка, 95
 киселék, 88
 киска́рь, 406
 кисленица, 82
 кислица, 69, 118
 кисличник, 83
 кислушка, 433
 кисмиш, 83
 Кíснуть, 225
 кистистый, 86
 кистмиш, 83
 кистяника, 72
 китища, 86
 китка, 86
 кíчка, 30, 33
 кíшки, 124
 кишмень, 95
 кла́йбище, 122, 124
 клев, 446, 450
 клевач, 414
 клеун, 414
 Клейковíна, 297
 клейковина, 300
 клék, 294, 295
 клékлый, 294, 295,
 300
 клékлый хлеб, 295
 клékнуть, 294
 клékнуть, 294
 клепó, 271, 275
 клеть, 446, 450, 451
 клин, 237
 клинóк, 573
 клобук, 246
 клубенига, 71
 клубеника, 70, 71, 75
 клубеница, 71
 клубеника, 66, 67,
 72, 75
 клубнига, 71
 клубника, 71, 72
 клубница, 71
 клубничина, 62, 85
 клубничка, 66
 клубничник, 71
 клубянка, 71
 клюка, 68
 клюква, 67, 74
 клюквенник, 82, 84,
 85
 клюквенной, 92
 клюквичник, 84
 клюквичный, 92
 клюквишник, 84
 клюквишный, 92
 клюквочник, 69, 82,
 84, 85
 клюквошник, 69, 84,
 85
 клюкла, 82
 клюкма, 82
 клюковка, 66
 клюковь, 82
 кля́квый, 296, 300
 кля́киш, 295, 296,
 300
 кля́клый, 296, 300
 клякуша, 296
 клякуши, 296
 клякушки, 296
 кляп, 237
 кляхта, 296
 кнур, 122
 княгиня, 433, 434
 княжанка, 72
 княжевица, 69
 княженига, 66
 княженица, 82
 княжка, 67
 княжна ягода, 66,
 67, 74
 княжника, 70, 71
 князék, 92
 князь, 433, 434
 ко́бель, 400
 ко́бл, 400
 коблик, 399, 400
 ко́бль, 400
 кобылика, 82
 кобы́лка, 326, 331
 кобы́льи титьки, 82
 кова́ль, 109
 ковза́к, 633, 637, 638
 ковзя́к, 633, 638, 639
 ковчег, 247
 ковша́к, 633, 637
 Ко́гут, 420
 когут, 414
 ко́дра, 115
 кожанка, 446

- кожанки, 418
 кожанцы, 446
 кожух, 85
 козел, 150
 козелец, 150
 козелья ягода, 68, 74
 козлик, 27, 29
 козлики, 28
 Козликовая шаль, 29
 козликовые шалья, 28
 козлотород, 150
 козлотородник, 150
 козловки, 28
 козлятник, 118
 козѳб, 409–411
 козѳба, 409–411
 козѳбан, 409, 410
 козѳн, 404, 409
 козуля, 117
 козья титька, 83
 Кокарь, 264
 кокодей, 414
 кокот, 414, 420
 кокотун, 414
 кокошник, 30, 32, 33
 колба, 400, 529
 колбень, 400
 колбик, 122
 колбуника, 69
 колбѳ, 400
 Колгота, 264
 колготѳться, 129
 колготня, 129
 колдба, 570
 колдобѳй, 570
 колдѳвка, 109
 колдувать, 107
 колидѳр, 125
 коловорѳт, 574
 колѳдезь, 124
 колокол, 247
 колоколушник, 98
 колотня, 129
 колотун, 119
 колоть, 509
 колѳться, 122
 колтобань, 574
 колун, 115
 колупай, 56
 колхозница, 118
 команичина, 85
 команичник, 83
 команичный лес, 84
 комашки, 117
 комкать, 508
 комѳвка, 118
 комоника, 82
 конда, 279
 кондѳр, 124
 кондѳвина, 278, 279
 конѳк, 326, 331, 400
 коник, 331
 конобѳб, 71, 85
 конобѳбель, 68, 85
 конобѳбельник, 82
 конобѳй, 68, 71, 85
 конобѳйный, 93
 конопѳйки, 118
 конѳпи, 118
 конѳпли, 118
 конопѳчка, 90
 конѳтѳц, 202
 концѳрвный, 125
 коньк, 331
 конь, 401
 конькѳй, 122
 коньяка, 117
 копа, 80, 93
 копанка, 116
 копать, 508
 Копник, 133
 Копѳшун, 262
 копѳшѳчка, 115
 копчик, 117
 кора, 85, 126
 корабѳльная рѳща, 199
 корабѳльный лес, 199
 коренной, 248
 корешок, 84
 кориночка, 95
 корѳбка, 235
 корѳвичий, 126
 корѳвяк, 122
 корѳмысло, 124
 корчага, 446
 корчик, 115
 корчувать, 107
 косевая дверь, 236
 косить, 508
 коскозѳб, 409
 косогран, 414
 костѳра, 69
 костр, 400
 костяга, 69
 костянига, 74
 костянижник, 82–84
 костяника, 72, 83
 костянка, 72
 косынка, 27
 косьѳ, 115
 косяк, 233
 котрять, 89
 котух, 116
 котушѳк, 116
 коч, 414
 кѳчан, 126
 кѳчевашка, 529

- кочедок, 414
 кочемаз, 162
 кочень, 414
 кóчет, 117, 414, 419
 Кочети́ная, 55
 кочетишка, 414
 кочеток, 414
 кочи, 276
 кочка, 276
 кочубьё, 271, 276
 кошенёнок, 117
 кошóнок, 117
 крапивá, 122
 крапíвник, 129, 130
 крапивяник, 130, 132
 крапыванки, 130
 крáсик, 633, 638, 639
 красильная суббота, 249
 крáсна чёрва, 633, 639
 крáсная бáрыня, 117
 Красная Горка, 249
 красная ягода, 74
 краснёхочко, 92
 красно, 92
 краснопéрик, 400, 403
 красный червь, 633, 638, 639
 крем, 33
 кресáло, 115
 крест, 232, 244, 247
 Крест Ивана Великого, 248, 249
 крест с Иисусом, 248
 крестины, 245
 крестить, 245, 246
 крёстник, 124
 крестопоклонная, 248
 крестьбины, 248
 крещенская вода, 248
 Крещенье, 245
 кринка, 446
 крича́ть, 207, 210
 кровáвик, 202
 кровепу́ск, 202
 кровехлёб, 202
 кровопóй, 202
 кроли́ха, 117, 122
 кроль, 117, 122
 кропить, 245
 кропух, 414
 кро́йное, 219
 круг царя Соломона, 246, 248
 кру́глая крýша, 116
 кру́глик, 217, 218
 круглики, 217
 кружок, 84
 крумéль, 403
 круплянига, 69
 крупляника, 69, 72
 крупнижная трава, 82
 крупя́ник, 202
 крути́к, 524, 526, 527
 крутныця, 519
 крушинятник, 99
 крушить, 509
 крыж, 246, 249
 крыжовник, 69
 крýлос, 125
 крýмпа, 400
 крыни́ца, 577
 крынка, 446
 крыши́ть, 124
 кститься, 248
 кúбырь, 119
 кувёт, 124
 кувшин, 95
 кугá, 118
 Кугут, 420
 куженечка, 94
 кузнéц, 333
 кузнéчик, 326, 332
 кузьмодемьяна, 248
 куйбор, 90
 кукурéкать, 124
 Кукурíк, 417
 кукурúзник, 116
 кукурузья́нка, 118
 кула́га, 114
 кула́чить, 110
 кулебяка, 215
 кулига, 84
 кулубница, 69
 куманичник, 83
 купина, 247
 кур, 414, 420
 куравица, 69
 куран, 414
 курвáч, 109
 кургáн, 122
 курéнь, 123
 курмелёк, 400
 курмéль, 402, 403
 курна́г, 524, 526
 Курна́к, 420
 курнак, 414
 кúрник, 116, 215, 218, 219
 куртинка, 84
 курча́та, 117
 курия, 414
 Куря́тник, 420
 куст, 429, 433, 434

- кустáрщина, 203
 Кутафья, 262
 кутенёночек, 117
 кутёнок, 117
 кутя́, 105
 кухва́йка, 113
 кучер, 433
 куши́н, 115, 125
 кычь, 400
 кышмыш, 95
 Кянчи, 162

 ладан, 246
 ла́дик, 114
 ладить, 133
 ла́комка, 35
 ла́конка, 35
 лампада, 246
 ландух, 199, 200
 ландуш, 199
 ла́ндыш, 200
 лантух, 199
 лануш, 199
 лапа́с, 116
 лапушка, 69
 лата, 275
 латанёшка, 271, 275
 латань, 275
 ла́тка, 116, 126
 ла́точка, 126
 Лауты, 163
 лафе́т, 234
 левáда, 203, 580
 левашник, 95
 регистра́ция, 125
 легкий бронец, 83
 легостай, 258, 260
 легча́ть, 305
 ледáчий, 110
 ледуница, 82

 лежа́к, 235
 лёжанка, 118
 лежать, 249
 ле́жень, 112, 220, 398, 400
 леженька, 261
 Лекозо́б, 409
 Лелю́ха, 297
 лелюха, 298, 300
 Лелю́шка, 297
 лелюшка, 298, 300
 ле́люшки, 298
 леля́киш, 298
 лённое, 278
 лепень, 268, 271, 275
 лепест, 268
 лес, 199
 лесенки, 245
 лесíвая, 200
 лесíна лега́вая, 202
 лесíнная, 200
 лесíстая, 200
 лесная клубника, 66, 67, 74
 лесник, 93
 лесни́стая, 200
 лесничать, 89
 лесной херувим, 244
 лесовато, 197
 лесо́вая, 200
 летний пост, 244
 летошник, 308, 309
 Лётошный, 309
 лех, 320
 лёха́, 320
 лечеб́ник, 202
 ле́щи-рябиновики, 98
 ле́щи-черемховики, 98

 лжепророк, 246
 ливáда, 580
 лизоблю́дка, 310
 лино́ль, 115
 липяг, 437
 липяк, 437
 лисапéд, 115
 листовняк, 69, 70
 лито́вка, 115
 ли́тра, 125
 литургия, 244
 лихоимствие, 246
 лобода́, 118
 лоботес, 258, 260
 лог, 524–526
 лода́рь, 109
 лода́к, 582
 лоды́рька, 109
 ложо́к, 529
 ломáть, 126
 лóпость, 268
 лопот, 268
 лопотёшка, 268
 лопотíна, 268
 лопотня́, 268, 271
 лопоть, 268
 лопу́шник, 202
 лопушо́к, 202
 лопь, 268
 лоскуть, 271, 273
 лоскутьё, 271, 273
 лоску́тья, 268, 270
 лосман, 258, 260
 лох, 400
 лохмоти́нка, 113
 лохмоти́шки, 113
 лохмоты́, 113
 лохмотья́, 113, 271
 лохму́тки, 271
 лошаде́нок, 117

- лошок, 400
 лошóнок, 117
 лоцáна, 524
 лубянига, 66, 67, 73
 лубянига-ягода, 66, 67, 73
 луговая малина, 66, 67, 74
 луковíнье, 118
 лукошко, 42
 лулаки, 88
 лычá, 118
 любíтельница, 109
 люцёрка, 118
 ляга, 582
 ляд, 199
 ляда, 116, 583
 лядíна, 199
 ляка, 295, 300
 лякуш, 296
 лякушек, 295, 300
 лякушка, 295, 300
 лякушки, 296
 Ляпушка, 298
 ляпушка, 298, 300
 мазаковáтый, 298, 300
 мазíка, 298, 300
 мазíковый, 298, 300
 мазнjá, 298, 300
 мазíюкать, 299
 мáйка, 118
 макíторка, 115
 макíтра, 115
 Малая Пречистая, 244
 малёк, 398, 400
 малина, 67, 74
 малинина, 62, 66, 67
 малинистый, 92, 99
 малиниться, 98
 малинка, 98
 малинки, 66
 малинник, 95, 96
 малиновая голова, 98
 малиновая жизнь, 98
 малиночка, 69, 99
 малинуха, 99
 малинуша, 69, 70
 малинушка, 99
 малиня, 69
 Малкан, 162
 малове́р, 246
 мальýй рябинник, 99
 мальчóй, 398, 400
 маля́ва, 401
 мамальга, 114
 мамáша, 109
 мамáшка, 109
 мануфакту́ра, 278, 280
 ману́шечка, 109
 манчекун, 400
 Маняло, 163
 маранóсиц, 251
 мараус, 399, 400
 марига, 398, 400
 мариха, 398, 400, 404
 марíшка, 404
 марля́на, 400
 марлянка, 398, 400
 мартышка, 393
 ма́слена, 112
 маслянка, 88
 матаня, 433
 Матепа, 262
 матерíнка, 118
 ма́терь, 109
 ма́тичка, 109
 ма́тка, 116
 матрёшка, 113
 Мату́й, 374
 матушка, 433
 махлаки, 70
 махóтка, 115
 махóточка, 115
 махры, 28, 113
 мацóня, 122
 ма́чтовик, 199
 ма́чтовина, 199
 ма́чтовник, 199
 ма́чтовый лес, 199
 ма́чуха, 124
 ме́д, 126
 медведко, 82, 95
 медвежаник, 69, 70
 медве́жий табáк, 197
 медвежья ягода, 74
 медянка, 62, 117
 межанка, 69
 мезюля, 95
 мезянка, 62
 Мену́рей, 374
 мерзля́жка, 200
 ме́ртвая ло́поть, 280
 месить, 507
 мескан, 398, 406
 меска́нчик, 406
 Мескозóб, 408
 мескозоб, 399, 404, 409, 410
 мескозóбик, 408
 мескозóбка, 408
 мескозóк, 404, 408
 мескозуб, 398, 404, 408
 мескосоп, 400, 408

- метёлка, 118
 мизёр, 401
 мизуль, 95
 мизюль, 95
 мизюля, 95
 мизюра, 95
 минея, 247
 миропомазание, 248
 мисканчик, 406
 мискозоб, 408
 митра, 247
 Митрев день, 248
 младёнская, 113
 младёнский, 113
 младёничик, 113
 млин, 585
 могёлки, 122, 126
 módник, 30, 33
 Мбйка, 225
 мок, 125
 мокрѣц, 633, 638, 639
 мокрѣца, 118
 мокрѣша, 118
 мокрѣяк, 633, 638, 639
 мокрѣятник, 203
 молебствовать, 248, 249
 мóленко, 216
 мóленник, 216
 мóлено, 216
 молить, 245
 молиться, 246
 мóлодежь, 124
 молóдик, 119
 молодничка, 109
 молодые, 433
 молокáй, 198
 молокáйник, 198
 молокáльник, 198
 молокán, 198
 молокánник, 198
 молочáй, 198
 молочáйник, 198
 молочáльник, 198
 молочán, 198
 молочánник, 198
 молóчник, 196
 монастырѣще, 503
 монах, 246
 морда, 53
 мордовáть, 110
 мордовушки, 433
 морѣшка, 404
 морквá, 118
 морóженка, 200
 морозка, 69, 72
 мороха, 64, 68
 мороша, 66, 67
 морошка, 72, 74
 морсало, 95
 морскáя мышь, 117
 москвѣчка, 113
 мотóрный, 110
 мохлаки, 69, 70
 мочáлка, 123, 126
 мочáть, 125
 мочигло, 317, 322
 мочѣло, 322
 мощи, 245
 мудóхаться, 122
 мўжевый, 110
 мул, 586
 мулáтка, 399, 400
 мулѣтка, 399, 401
 мундѣр, 114
 мунтблѣть, 122
 мученик, 245
 мучкор, 401
 мшаг, 168
 мшáга, 168
 мшанѣина, 170
 мшáнка, 170
 мшáнник, 170
 мшáный, 170
 мшáра, 171
 мшáрина, 171
 мшѣвина, 170
 мшеный, 169
 мшѣрина, 171
 мшѣина, 170
 мыжѣчь, 119
 мыжѣчка, 119
 мбнтус, 130
 мысля, 289
 мыть, 225
 мбѣться, 126, 225
 мышѣная бáня, 197
 мягкозоб, 409
 мѣкушка, 126
 мяскозоб, 409, 410
 мять, 507, 508
 Набело, 164
 наберуха, 93
 набирáть, 126
 набирка, 90
 набируха, 93
 набить, 89
 наборный, 93
 наборыш, 91
 набрáть, 110
 навѣршник, 235
 навѣса, 237
 нáволка, 126
 Нагитня, 161
 Нагичком, 161
 Нагишкой, 161
 Нагишню, 161
 нагўтка, 118
 надбáть, 110

- надёи, 633, 637, 639
надёина, 633, 637,
639
назем, 418
назолить, 226
найти, 122, 126
накидка, 119
накладать, 107
Накрывная шаль, 29
накрывные шаля, 28
наливная ягодка, 98
налóбник, 28, 30
(на)ломать, 509
налыгач, 115
(на)молоть, 509
намыста, 35
нарожник, 161
нарóстник, 122
наручни, 96
наряда, 277
наряженные, 433
наряжонки, 430, 433
наскоблить, 508
Насурно, 164
натихомóлку, 120
Нáчисто, 226
начисто, 227
нашатýривка, 113
нашмактать, 92
нашмахтать, 92
нашмурýгать, 111
Неблóй, 374
небýльное окнó, 233
невéста, 118, 433
невéста в капроне,
118
негóда, 123
негóжий, 110
недалéчко, 120
неделя обновления,
244, 248
недовóльствоваться,
111
недошлýй, 88
немóжно, 120
Нёнба, 162
необеримая, 92
необеримýй, 92
необоримо, 92
неплóй, 374
непорóсная, 307
непридáнный, 110
непридень, 259, 260
нераздобытнóй, 123
Нескозóб, 408
нескозоб, 404, 408,
410
несозрелýй, 88
нестроевóй лес, 202
нётра, 588
нётря, 588
нехáй, 120
нехолява, 229
нехотя, 124
нива, 84, 199
низкий зоб, 404
низкозóб, 403, 404
низянка, 69
нимб, 246
нискозоб, 404, 409
нискозобой, 409
нóнча, 120
нóсик, 29
нóсовка, 27
нóсовки, 28
нóсовые шаля, 28
Носоская шаль, 29
Нóсовские шаля, 28
нóчвы, 122
ношёбное, 268
нузюм, 95
нутрéc, 305
нюся, 393
няня, 109, 126
обáбок, 119, 199
обвáл, 588
обваруха, 94
обголашивать, 111
обеспечáть, 107
облицóвка, 234
облóга, 54
облóжка, 234
обломаться, 513
облыгала, 259, 260
обмель, 593
обмотки, 275
обмóтья, 271, 275
обмундировáние,
268, 270
обнаковénный, 125
обнóски, 271, 272
обнóсочки, 272
ободрать, 510
обожение, 245
обой, 259, 260
оболóк, 268
оболóчка, 268
обор, 91
оборка, 91
оборудовать, 510
обóчина, 589
обрезáнки, 113
обрусеть, 87
обрýв, 529
обрывать, 509
обряжать, 432
обталкивать, 509
обтесывать, 508

- обтяжка, 235
 обузовать, 91
 объягодиться, 94
 обыскувать, 107
 овёршник, 235
 овин, 446, 451
 овиньяк, 589
 овиньянка, 589
 овраг, 528–531, 535,
 537, 589
 овражин, 524
 овражина, 524
 овражье, 524
 óгник, 113
 огонь, 247
 огорód, 589
 огородные ягоды, 86
 огудина, 118
 одеваньё, 268
 одёвка, 446
 одёжа, 268
 одежина, 268
 одёжка, 268
 одёнок, 55
 оденье, 268
 одинак, 589
 односторонка, 88
 ожин, 63, 69
 ожина, 63, 70
 óзеро, 589
 озорь, 91
 окаянный, 246
 оклёвок, 87
 оклúнок, 115
 околачивать, 89
 окóлица, 590
 околотень, 259, 260
 околотник, 259, 260
 окóнник, 233
 окóнница, 232
- окóп, 590
 окрайна, 590
 окрóп, 124
 окстить, 248
 óлия, 114
 óльга, 118
 ольха, 199, 200
 ольховатый, 590
 ольшánка, 591
 ольшина, 592
 Оля, 393
 омель, 593
 омельник, 548, 592,
 593
 омея, 593
 омовение, 244
 омофор, 247
 óмут, 593
 омшáг, 168
 омшáга, 168
 омшáжина, 168
 омшáра, 203
 омшарёнка, 84
 ондата, 162
 онучи, 245
 опаль, 89
 опенок, 192
 ополóнник, 115
 опорки, 446
 опупочек, 88
 опúшка, 593
 опша, 175
 опшáнник, 169
 опшенík, 169
 ору́жия, 125
 орясина, 261
 óсенок, 309
 осíнник, 593
 осíновка, 594
 оскабливать, 508
- осклёток, 309
 оскозоб, 409, 410
 оскозобина, 409, 410
 ослёток, 309
 осляток, 309
 осно́ва, 594
 острить, 508
 óстров, 594
 островок, 594
 остывать, 511
 осы́ка, 118
 отбой, 91
 отбор, 91
 отбúчить, 111
 отвáл, 595
 отваривать, 93
 отвесье, 432
 отдалече, 120
 отдарье, 432
 отдевать, 508
 отдыхнúть, 124
 откидáть, 111, 126
 откóс, 595
 откúдова, 120
 отломать, 510
 отмачивать, 511
 отмель, 595
 отмывать, 508
 отмывка, 226
 отмывочное, 226
 отрeпи, 279
 отрeпное, 278–280
 отрeпья, 271, 275
 отрóпник, 202
 отрывать, 509
 отряд, 89
 отскоблить, 508
 отстаиваться, 512
 отстирывать, 508
 отстóйник, 595

- оттачивать, 508
оттирать, 508
отфуговать, 507
отходная свеча, 248, 250
отчимáха, 122
очерёт, 595, 596
очерётина, 595
очерётный, 596
оческозубчик, 401
очищать, 508
ошошóлки, 271
- паберега, 196, 203
пáводка, 596
падалица, 118
пади́на, 596
па́дсвинок, 308
падубница, 69
паземка, 69
паземника, 69
пазобник, 69
пазывника, 69
пакалки, 113
палешить, 89
палиса́дина, 602
па́лубник, 199
панычи́, 118
папа́нька, 109
папа́ша, 109
папа́шка, 109
папушник, 299
парасу́к, 304
парасу́к, 304
пареница, 95
па́рочка, 113, 122
парсе́нок, 304
партиризи́ровать, 111
парусóвки, 113
- парша, 399, 401
паршак, 399, 401
паршень, 163
паршик, 401
Паска, 246, 247
па́ска, 114, 123
пастилка, 95
пасту́шка, 117
пастьба́, 597
Пасха, 244, 246
пасхальное яйцо, 249
пасьбунка, 69
па́халки, 113
Па́хотный кнут, 52
пахтать, 508
пацо́к, 117
Пéвел, 419
Пéвень, 419
певень, 414, 419
певу́н, 330, 414, 418
пезга́рь, 403, 404
Пе́ка, 420
пелю́ска, 114
Пéндрук, 374
Пенду́й, 374
Пенду́к, 374
пéндюк, 374
пендюкúй, 374
пéрвитка, 117, 123
перебивáть, 111
переволóчье, 597
перегóн, 114
передробить, 509
перезабра́ть, 125
перейма́, 529
перекиснуть, 513
перекрёсток, 597
перекрыва́ть, 125
перекстить, 249
перекститься, 248
- Перелáды, 133
перемолоть, 509
перенима́ть, 111
перепахтать, 508
переплы́сть, 106
перепра́ва, 598
перепускать, 93
перéрез, 115
пересéчка, 598
пересня́ть, 126
перетóп, 202
перетопить, 511
перехóд, 598
пернатая, 383
пернатка, 383
песа́к, 403
песа́н, 406
пéсельница, 109
пéсенница, 109
песк, 399, 404
пескан, 398, 403–405
песканьё́, 405
пескарёнок, 403, 405
пескарёшки, 405
песка́рь, 397–399, 402–406
пескарь песочный, 405
пескарь-пескозоб, 405
пескарь-синец, 405
пескарь-черныш, 405
пескаш, 398, 405
песка́шка, 405
пески́ж, 402
пескиш, 403, 405
пески́ша, 405
пескозёб, 407

- пескозоб, 399, 402–404, 406, 407, 409, 410
 пескозобец, 403, 407
 пескозобик, 399, 402, 407
 пескозобишек, 407
 пескозобчик, 399, 402, 407
 пескозот, 404
 пескозуб, 402, 404, 407
 пескозубчик, 402, 407
 пескосоп, 402
 пескуль, 405
 пескун, 398, 402–405
 пескунок, 403, 405
 пескунчик, 402
 пескуль, 405
 пескуша, 403, 405
 пескушок, 403, 405
 пескыш, 402, 405
 песбчник, 403
 пест, 402, 406
 пестер, 446
 пестик, 406
 пёстрая ягода, 68, 74
 пестуш, 402, 406
 пестушка, 406
 пестыш, 406
 пестье, 406
 песук, 398, 399, 402, 403, 406
 песун, 402, 403
 песучок, 402, 403, 406
 песушок, 403
 песхарь, 405
 песчаник, 401, 402, 405
 песьюк, 402, 403, 406
 песюк, 399, 403
 пет(в)ель, 414
 Пётко, 417
 Петун, 417
 петун, 414
 Петухан, 416
 петухан, 414
 Петушейло, 416
 Пётгышка, 416
 петь, 207, 210
 Пёун, 418
 пеун, 414, 418
 печёра, 598
 печерыца, 199
 печерычки, 119
 печыща, 502
 печыще, 502
 пёчки, 197
 печкур, 401
 печора, 598
 печура, 598
 пешы, 120
 пёшки, 120
 пешня, 388
 Пеюн, 419
 пивень, 419
 пивин, 419
 пйжандать, 210
 пикарь, 401, 404
 пикуль, 85
 пикун, 401
 пикунчик, 401
 пилить, 509
 пирог, 126, 219
 писган, 406
 пискал, 405
 пискан, 402, 405
 пискарь, 397, 402, 403, 406
 пискач, 405
 пискйж, 405
 пискозоб, 403, 404, 407, 409
 пискозобчик, 403
 пискозоп, 402
 пискун, 330, 402, 403, 405
 пискунок, 402, 405
 пискунчик, 402, 405
 пискушок, 402, 405
 писук, 399, 402
 питиньё, 246, 247
 питовник, 598
 пичуга, 383
 пичужка, 383
 пичужки, 219
 пищать, 207, 210
 пищуля, 405
 пиявка, 599
 плав, 599
 плавна, 599
 плавни, 599
 плавно, 599
 плакальщица, 433
 плакунец, 83
 пламенный виноград, 83
 план, 126
 платок, 27, 235
 платочек, 27
 платья, 125
 плёмя, 307
 плена, 92
 плес, 388
 плёс, 599
 плетушка, 446
 плечистик, 83

- плещь, 402
 плитá, 600
 плíты, 600
 плодови́тки, 83
 плотíна, 600
 плóтно, 233
 площад́ка, 83, 94, 126
 площадь, 94
 плю́шка, 113
 пляц, 600
 по́бережь, 601
 по́бережье, 600
 побирать, 89
 побирка, 92
 побирушка, 90
 поблюда́й, 277, 278
 поблюда́ть, 278
 по-божественному, 249
 побор, 92
 побранка, 92
 поводи́рка, 93
 повой́ник, 30, 31, 33
 поволок, 84
 поволо́ка, 84
 поворо́т, 601
 поврат́ся, 89
 поврежда́ть, 507
 повый́ти, 125
 повы́полоть, 125
 повыру́бить, 511
 повы́учиться, 125
 поганка, 192, 399, 401
 погóда, 123
 погон, 88
 погони́стый лес, 202
 погорди́ться, 111
 погребать, 246
 погружа́ть, 245, 246, 248
 погры́зть, 507
 погукáть, 111
 под достóчку, 116
 под желе́зом, 116
 под цин́ком, 116
 подбелю́вать, 107, 112
 подбирать, 89
 подва́лье, 529
 подвене́чная лóпоть, 280
 подводно́й коридо́р, 116
 подво́рье, 116
 подго́н, 233, 235
 подгорта́ть, 111
 подде́вка, 446
 поддожде́вик, 197
 поддоро́жник, 201
 поделя́ться, 111
 поде́нок, 233
 подзеле́нок, 86
 подзо́рник, 115
 подлэ́сок, 202
 подлй́пок, 233
 подло́жка, 233
 подно́жье, 601
 подокóнье, 234
 подóл, 601
 подо́плёка, 446
 подорва́ться, 125
 подоро́жник, 201
 подоро́жни́ца, 202
 подоси́н, 119
 подошва́, 124, 601
 подплáтник, 27, 28
 подпоя́хать, 322
 подра́ть, 111
 подреза́ть, 305
 подса́да, 88
 подсви́нок, 310
 подсне́жица, 200
 подсне́жка, 200
 подснежная я́года, 74, 82
 подсне́жник, 200
 подснежни́ца, 66, 67, 69, 70, 200
 подста́ршая дру́жка, 112
 подуси́к, 401
 поду́шка, 232, 234, 529
 подша́льник, 113
 подши́в, 235
 подъём, 233
 подъяго́дник, 69, 70
 поезд, 432
 пожа́литься, 110
 пожа́р, 601
 пожа́рище, 601
 пожить, 87
 позабра́ть, 125
 позебника, 69
 поэю́мки, 69
 пойма́ть, 122
 пойти́ть, 106
 по́клад, 117
 поклон, 245
 покойни́чья лопь, 280
 покула́чить, 110, 125
 полдру́жка, 433
 по́ле, 602
 полеви́чник, 72
 полеви́ница, 71
 полени́ка, 71
 полететь, 513

- полиро́ванный, 126
 полиса́дина, 602
 половинная ягода,
 88
 половичник, 72
 половница, 71
 по́ловодь, 602
 половодье, 602
 поло́г, 602
 поло́йник, 54
 поло́нник, 123
 полопать, 512
 полоса́, 602
 поло́ска, 603
 полоста́стый бура́к,
 118
 полотно́, 234
 полоть, 508
 по-лошади́ные, 120
 полсви́нок, 308
 полсви́ночек, 308
 полуница, 69
 полу́чшеть, 113
 Полушалка, 30
 полуша́лка, 27, 30
 Полушалок, 30
 полуша́лок, 27, 30
 по́льн, 201
 по́льнь, 201
 по́льзовать, 107
 поля́на, 603
 поляника, 71
 помень́ший, 110
 помина́льник, 248
 поминать, 246
 по́минки, 124
 по-мордо́вски, 29
 Помоча́не, 53
 помочь, 54, 125
 помы́куша, 261
 Понёвница, 54
 понеде́льничек, 112
 по-неме́цкому, 120
 понитина, 279
 поотмы́ть, 508
 поповни́ть, 42
 попоку́пить, 125
 по́ползень, 633, 638,
 639
 пополома́ть, 125
 пополо́паться, 125
 попоприсоеди́ться,
 126
 попосоли́ть, 126
 попохова́ться, 111
 попоходи́ть, 126
 по́правка, 124
 попу́тник, 202
 попу́тчик, 202
 порато, 418
 поре́зник, 202
 порисёнок, 304
 порка́н, 322
 поро́да, 109
 поро́жки, 116, 123
 поро́з, 304
 поросёнок, 304
 поро́сная, 307
 порося́, 304
 порохови́к, 197
 порохови́ца, 197
 пороховни́к, 197
 пороховни́ца, 197
 порсе́нок, 304
 портна́я, 122
 портяни́на, 278–280
 портяно́е, 278–280
 порушка, 95
 порха́вка, 197
 порха́лка, 197
 поро́шни, 113, 123
 порысе́нок, 304
 посарма, 248
 посерди́ться, 111
 поси́льнеть, 92
 поскладáть, 107
 последу́шек, 109
 последы́шек, 109
 посмокта́ть, 89
 пост, 245
 по-старину́шке, 120
 постова́ть, 244
 постолы́, 113
 посуду́на, 124
 пото́к, 524, 526, 603
 потоло́к, 116
 потоп, 603
 потра́титься, 312
 потрясáть, 94
 похова́ть, 111
 похристоси́ться, 248
 похрука́ть, 94
 почи́н, 307
 почи́нать, 307
 появ, 88
 появочек, 88
 поясной поклон, 248
 пра́вельник, 228
 пра́вник, 228
 пра́йник, 228
 прале́шек, 228
 пра́лик, 228
 пра́льник, 227, 228
 пра́льня, 228
 пра́нник, 228
 прасёнок, 304
 прати, 227
 прелы́й, 312
 прены́й, 310

- преподабномученик, 246
 преснушки, 433
 прессовать, 508
 Престол, 245
 прибрежник, 196
 привезть, 106
 при(ы)вести, 122
 пригарка, 114
 приглядаться, 107
 пригóрок, 604
 пригрозить, 248
 пригулять, 111
 придано, 428, 433
 придатный, 110
 придорожник, 202
 приземлять, 244
 приинчивый, 110
 прилепать, 87
 при(ы)ношенный, 126
 приобщаться, 249
 припутник, 202
 природа, 126
 присбирать, 89
 присебриться, 111
 прискрýнок, 115
 притвóра, 232
 притóк, 604
 притулье, 446, 449
 притуляться, 449
 приубожиться, 245, 248
 Прихехéшка, 54
 прихожулька, 54
 причítовать, 111
 пробивать, 508
 пробиваться, 513
 провáл, 604
 провáлище, 605
 прóводы, 112
 прогáл, 196
 прогáлина, 196, 605
 проглаживать, 508
 прогóнистый лес, 202
 прогрешиться, 246
 прогуляться, 111
 прозелень, 88
 прозúbка, 311
 прозúка, 311
 пролог, 247
 промылить, 508
 прóпасть, 529, 605
 прорезínки, 113
 прорезывать, 508
 просвёт, 605
 просvirка, 246, 247
 просеивать, 508
 прóсéка, 605
 проскомидия, 246
 проскомица, 246, 247
 прослуживать, 248
 просфора, 246
 протóк, 606
 протóка, 606
 протóчина, 606
 проход, 606
 прошелушивать, 508
 прошелушиться, 512
 пруд, 606
 прутовая кислица, 87
 прывести, 111
 прымáк, 123
 прысéнок, 304
 прысы, 304
 прыстíбрьться, 111
 прычепурýться, 111
 прышкандыбáть, 123
 прышкандылáть, 123
 прыáльник, 228
 прыáник, 228
 прыáха, 115
 псалтырь, 246
 пскозóб, 409
 пта, 383
 птаечка, 383
 птах, 383
 птаха, 383
 птáшка, 383
 птох, 383
 птошка, 383
 птух, 383
 птуха, 383
 птушка, 383
 птушонок, 383
 птюха, 383
 птяха, 383
 пузанок, 388
 пукать, 94
 пукаться, 94
 пúлка, 322
 пупýрь, 199
 путёво, 120
 пúтик, 202
 пúтник, 202
 путь, 283–292
 пухляк, 83
 пухляковский виноград, 83
 пухóвик, 197
 пúховка, 197
 пучíна, 607
 пúца, 607
 пшáник, 169
 пшíвый, 174

- пш́инка, 170
 пылев́ик, 197
 пы́льник, 197
 пындыкóвый, 110
 пыр́яться, 122
 пысалтирь, 246, 247
 пы́халка, 197
 пы́шка, 130
 пьяная ягода, 74
 пьянига, 69
 пьяни́ка, 200
 пьяни́ца, 200
 пьянишник, 82
 пьянки, 85
 пýла, 232
 пýльца, 232
 пяска, 82
 пятиоконка, 446, 447
 пяточка, 85
 Пýтун, 417
 равни́на, 607
 равноапостольный, 246
 ра́дый, 110
 раевáть, 111
 разбахну́ть, 236
 разбивать, 510
 разбирать, 509
 разбить, 510
 разбыша́ка, 122, 124
 развидн́яться, 119
 разглядáть, 107
 разгóнник, 216
 разгóнщик, 216
 раздрабливать, 509
 Разлемзя, 263
 разли́в, 607
 разли́ва, 608
 разлог, 84
 размазн́я, 298–300
 разматерéть, 133
 разноч́инец, 53
 разобрать, 510
 разорить, 249
 разошуриться, 87
 разрушать, 509
 разрушить, 510
 разузнáться, 111
 разынки, 95
 рака́, 114, 123
 ра́мка, 232
 ра́мник, 235
 ра́нка, 232
 ра́нник, 202
 расколебéнить, 236
 раскроить, 509
 распирка, 87
 расп́иться, 111
 расплющивать, 507
 расповедывание, 91
 распогáживаться, 119
 Распуская шаль, 30
 распускн́ие шал́я, 28
 рассу́зывать, 107
 Рассовалка, 261
 рассол, 85, 96
 рассу́бниться, 123
 рассыпáться, 513
 Раस्ताщи́ха, 261
 раствóрка, 232
 раствóрчастый, 236
 растрéпа, 118
 расхлебéнить, 236
 расхлеб́ивать, 236
 расхлеб́инить, 236
 расхлóbучить, 236
 расхлóbысн́уть, 236
 расхлыбéнить, 236
 расчесывать, 507
 ратан, 399
 ратанчик, 399
 рахкач, 88
 Рахля, 263
 рахманый, 93
 рахмотье, 274
 рвантý, 114
 рва́ный лес, 202
 рваньё, 89
 рвать, 509
 ребрóm, 120
 резать, 509
 резни́к, 109
 резу́ха, 118
 рема, 84
 ремежкё, 271, 273
 ремезьё, 271, 273
 ремешки, 271
 ремзы, 271, 274
 рем́иза, 271, 274
 ремќи, 271, 274
 ремóжное, 271, 274
 ремо́ха, 274
 ремошóлья, 271, 274
 рему́га, 271, 274
 рему́ха, 274
 рему́шки, 271
 ренсевый платок, 27
 ре́па, 118
 ре́панка, 118
 репья́х, 118
 репьяшóк, 118
 рехмотьё, 271, 274
 рехмóшки, 271, 274
 рехмутка, 271, 274
 речка, 609
 ржа́вéc, 610
 рýза, 271
 ризы, 276

- ров, 524, 526, 527, 610
 рóвень, 610
 ровéц, 610
 рóвина, 524, 527
 ровóк, 611
 ровы, 610
 рогáч, 115
 рогожка, 84
 род Адамля, 250
 родíны, 307
 родíть, 126
 родиха, 92
 роднiк, 611
 рóдный, 110, 124
 родокi, 109
 Рожествó, 125
 рожеествовáть, 112
 рожóк, 611
 розовая малина, 66, 67, 74
 рокацци, 62
 рóмненко, 125
 рослый, 42
 росповідь, 91
 рофкаль, 88
 рохкач, 88
 рохкачи, 88
 рохлицы, 88
 рохловатый, 88
 рохлый, 88
 рохлячи, 88
 рóща, 199, 612
 руб, 273
 рубéж, 529
 рубéль, 115, 227
 рубéц, 271, 273
 рубить, 509
 рудá, 612
 румбiнки, 113
- рúслó, 612
 ручáй, 612
 рúчеек, 612
 ручеёк, 612
 рúчэй, 612
 рученька, 90
 ручка, 82, 90
 рушнiк, 115
 рýбник, 215
 рыжуха, 520
 рýмба, 115, 116
 рýтвина, 524–526, 613
 Рýхлый, 299
 рыхлый, 300
 рыхлый пáпушник, 299
 рыштáк, 115
 рыштачóк, 115
 рюхать, 312
 рябика, 82
 рябинина, 82
 ряднó, 115
 рядóвки, 119
 рýжа, 280
 ряжечка, 90
 рямошóлки, 271, 274
 рямúха, 271, 274
 рямúшка, 274
 рямушки, 274
 рямьё, 271, 274
 рýса, 82, 277
 рýсная, 86
 рýсное место, 92
 рýсной, 86, 92
 рýсный, 86, 87, 92, 123
 рýсь, 92
- рятовáть, 111
 сагá, 613
 сад, 429, 433, 434
 саж, 116
 сáжáлка, 613
 сажóк, 116
 сайга, 83
 сайка, 83
 Сáкля, 51
 сам, 613
 самá, 613
 самаца, 520
 самó, 613
 самородка, 94
 самоткáный станóк, 115
 сáмочка, 383
 самый клéк, 295
 сапóжки, 126
 сарáйная крýпа, 116
 сарапулька, 90
 сарбалина, 71
 Сардон, 164
 Сардонка, 164
 Сардоношна хачира, 164
 сáхар, 125
 сацицýлка, 113
 сбивать, 508
 сбитая кисть, 87
 сбиться, 249
 благовестить, 248
 сблажеть, 245
 сблажить, 245
 Сборник, 34
 сборыш, 91
 сбру́я, 268
 сбуйливый, 93

- свадебник, 216
свадѣбник, 216
свадебное, 216, 280
свадебный поезд,
425
свадьбишный, 126
сва́йба, 113, 124
свал, 614
свалинка, 89
сва́лка, 614
сватовство, 432
сваты, 433
сватья, 433
сваха, 433
сва́шка, 113
свашкува́ть, 113
свекро́вья, 109, 289
свекру́ха, 109
свекры́, 109
свереста́ть, 209
сверещ, 333
сверка́чить, 210
сверку́н, 333
сверлить, 508
сверч, 326, 328, 329
сверча́к, 333
сверча́ть, 209, 210
све́рчень, 333
све́рчик, 333
сверчи́ть, 209, 211
сверчок, 326, 328,
332
сверчо́кать, 210
сверчу́к, 333
сверщ, 328, 329
сверюсте́ть, 209
Светлая, 248
свеча, 244, 247
свечки, 248
свин, 305, 308
свинёнок, 308
свинёночек, 308
свиня́чая карто́шка,
118
сви́репа, 118
свиристе́ть, 207–210
свирища́ть, 207, 209,
210
сви́рча́ть, 209
сви́ста́ть, 209
сви́ста́шки, 118
сви́сте́ть, 207–210
свитахво́р, 105
свищ, 329
свозоб, 409, 410
сво́ячина, 109
свыня́, 105
Святая, 245, 248, 249
свя́тая вода, 248
свя́тик, 244
свя́той, 248
свято́й уголо́к, 116
сглажива́ть, 508
сглазно́й, 110
сговор, 425, 426, 432
сго́нистый лес, 202
сгру́женная матуш-
ка, 92
сдве́рка, 232
сдор, 114
сдо́ровое са́ло, 114
се́лице, 501
семижи́льник, 202
се́мник, 614
семья, 95
сенни́к, 116
сенница, 446, 452
серафимы, 246
сердита́я неделя, 249
се́рдца, 125
се́редина, 614
серни́ки, 115
се́рый, 402
Сетка, 34
се́тка, 30
сеточка, 34
сечь, 509
сжигать, 511
сзглазна́я беши́ха,
113
сибирёк, 83
сибирка, 62, 83, 113,
446
си́дало, 116
сикун, 83
си́льно, 120
си́льный, 86, 123
синакса́рь, 247
си́ненькие, 118
синец, 401, 402
синие ягоды, 74, 85,
86
си́ний, 402
синюха, 69
синя́вки, 119
синяга, 84
сиря́к, 615
си́тец, 278, 280
скаже́нный, 124
скала́, 615
ска́лка, 227
скат, 615
скат-гора, 615
скачо́к, 332
сква́шивать, 511
ски́бка, 118
складáть, 107
скля́нка, 232
скоборика, 71
скобу́шка, 237

- скозѳб, 409, 410
 скозѳбец, 409
 скозѳбчик, 409
 скозѳбщик, 409
 скѳзѳбѳ, 409
 скозѳпец, 409
 сколѳтина, 114
 скорбящая, 248
 скоровное, 248
 скохоб, 409, 410
 скрадывать, 89
 скрипѳть, 210
 скрипѳн, 333
 скрѳвня, 233
 скубать, 89
 скубнуть, 89
 скубѳть, 111
 скундыжник, 259, 260
 скутурѳнный, 87
 слабѳсѳая, 123
 слабѳсѳая корѳва, 117
 слѳдѳсть, 126
 слѳглый, 299, 300
 слѳгчѳть, 305
 слѳгчѳть, 305
 слѳжаться, 299
 слѳжник, 202
 слѳжнѳк, 202
 слѳпить, 87
 слѳзѳнь, 633, 638, 639
 слѳзнѳк, 633, 638, 639
 слѳзѳн, 633, 638, 639
 служить, 245
 слѳхѳть, 125
 слухѳнный, 110
 слыгѳть, 111
 слякушки, 296
 смага, 85
 смажить, 94
 смак, 85
 смерзнуться, 512
 смѳртна одѳжа, 280
 смѳртная лѳпоть, 280
 смѳртная сряда, 280
 смѳртное, 280
 смерть, 249
 сметѳна, 114
 смирна, 247
 смомнить, 91
 смонуть, 89
 сморчѳк, 333
 смунить, 90
 смутители, 248
 сналивный, 88
 снаряд, 277, 280
 снаряда, 277
 снасѳловать, 125
 снежанка, 72
 снежница, 200
 снѳмщик, 125
 снимать, 507
 снобориха, 71
 снулый, 388
 собѳка, 125
 собаки, 95
 собѳчий язѳк, 202
 собѳчье бесиво, 82
 собѳчья малина, 68
 собиральщик, 93
 собираушка, 90
 совершиться, 87
 сѳвесть, 126
 совѳтник, 216
 сѳгра, 203
 согрешить, 246
 сокрасеть, 87
 солдохрѳстье, 248
 соловѳйка, 380
 соловейчик, 380
 соловѳюшка, 380
 солѳвица, 382–384
 солѳвка, 382–384
 солѳвушек, 380
 солѳвушка, 380, 382–384
 солѳвчик, 380
 соловчѳха, 382–384
 соловчѳха, 381, 383, 384
 соловчѳха, 382–384
 соловчѳха, 382–384
 солоница, 446
 сом, 401
 сонник, 124
 сорбалина, 71, 82
 сорѳка, 33
 сороковины, 249
 сорокозѳбка, 119
 сорокопритѳчная, 68
 сорѳка, 30, 33
 (со)скоблить, 507
 соскоблить, 507
 соскрести, 508
 соснѳ, 616
 соснѳвка, 616
 соснѳг, 616
 соснѳнка, 616
 соснѳчик, 308
 сѳус, 114
 сѳхра, 203
 сѳяшницы, 113
 спад, 616
 Спажин день, 245
 спѳвать, 111
 спидница, 113

- спóдница, 113
спóлниться, 125
споркой, 86
спор-сбор, 432
споры́ш, 202
спра́ва, 278
справля́ть, 125
срезать, 509
сродник, 433
сродны, 433
сродство, 426, 433
срывать, 509
сряд, 278
сря́да, 278
ссучённая пряжа, 28
ссучивать, 508
став, 617
ставешок, 90
ста́вница, 233
ставо́к, 617
Ста́вчик, 229
ста́линский шоко-
лад, 114
стан, 617
станыча́нский, 126
ста́рец, 109
ста́рица, 399, 401,
618
старни́к, 618
староду́б, 618
старшая дру́жка,
112
стежи́на, 618
сте́жка, 618
стекаться, 87
сте́нка, 619
степ, 619
степняк, 70
сте́рня, 619
стойби́ще, 619
сток, 619
сто́ка, 619
столбец, 401
столбо́вка, 119
сто́лбчик, 399, 401
столбя́нка, 116
столовик, 215, 216
стопа, 85
сторожками, 87
сторожки, 85
стоя́к, 620
стоя́н, 116
стоя́нка, 620
страмить, 42
стращё́нная пряжа,
28
стреже́нь, 620
стрека́ч, 333
стрекота́ть, 207–210
стрекоту́н, 326, 329
стрекоча́ть, 210
стрекочить, 210
стреку́нчик, 333
стрели́ца, 620
стречо́к, 329
строгать, 507
стро́гий, 117, 126
строеви́к, 198
строёнка, 198
строительный лес,
198
строкота́ть, 209
струб, 95
стругать, 507
стругнуть, 507
стручить, 90
струя́, 621
стрюкане́ц, 333
стрюка́ть, 209
стрюма́ть, 111
сту́ла, 115
сту́лка, 115
стучать, 507
су́ба, 322
субойный, 92
сугорбо́к, 621
сугро́б, 622
суд, 244
суда́, 125
судибоги, 244
Су́дник, 52
судновка, 90
судовой лес, 199
судолёс, 199
суды́, 242
Судьбы́, 242
суе́титься, 129
суе́тня, 129
сузелень, 86, 88
су́зик, 202
сукманина, 279
сукно, 279
суконники, 278, 279
суконное, 278, 279
сукрасе́нь, 86, 88
сукрасна, 86, 88
сулой, 85
сунду́к, 330, 331, 333
сунило, 96
Сурно, 164
сурчо́к, 333
сурьёзный, 124
сусочь, 85
сухая ви́ска, 548, 557
сухолицы́й, 87
сухопу́тник, 202
сухо́ты, 113
су́чье ви́мя, 113
сушенки, 87
сушить, 511

- Сухмэнь, 52
 сходцы, 123
 схотэть, 125
 сцикун, 83
 сшибать, 511
 съестной, 310
 сым, 89
 сыпучка, 83
 сыр, 114
 сырбалина, 71
 сыр-каравай, 215
 сырмалина, 71
 сыроватый, 88
 сыровизна, 87
 сырой, 87
 сыромятка, 96
 сырь, 299, 300

 табак, 197
 табарэтка, 115
 табачник, 197
 табличка, 234
 табунчик, 126
 такелажка, 163
 талица, 529
 талье, 88
 танцовать, 107
 Тарагай, 164
 таракан-чирвун, 333
 тарангачка, 115
 тарапан, 94
 тарактэть, 210
 тарактущка, 131
 тарельчатые весы, 115
 тасля, 83
 татарский пролог, 248
 твердящий, 88
 Телай, 262

 Телелюй, 263
 Телепега, 263
 Телепень, 263
 тенигис, 164
 тепэрича, 120
 тёпло, 124
 теплущка, 116
 тёплый двор, 450
 тёрен, 119, 509
 тереть, 507
 терновка, 119
 тесать, 507
 телянка, 95
 Тёх-митёх, 56
 ти, 467
 тикать, 111
 тилёк, 333
 тилихвон, 105
 Тихонская Божья
 Мать, 249
 толкачики, 68
 толкущка, 115
 Толон, 164
 толочь, 508, 509
 толстёха, 309
 толстёха, 309
 толстущка, 119
 толстюк, 109
 тонколес, 202
 тонколесье, 202
 тонкомёр, 202
 тонкоствольный лес, 202
 тонкостой, 202
 тонкотё, 202
 топляк, 203
 топняк, 203
 топталь, 94
 топтать, 507
 топтотёл, 202

 топтун, 202
 топгунец, 202
 топчило, 94
 топчуня, 306
 торгувать, 107
 Тбрды-ёрды, 56
 торновщик, 93
 точить, 507
 травянка, 333
 транжимент, 624
 тракторист, 105
 требухень-брюхень, 271
 треног, 94
 треплó, 271, 273
 трескотать, 209
 трескотун, 333
 трескун, 326, 329, 333
 трескунóк, 333
 трескунчик, 326, 329, 333
 трескуч, 333
 треугольник, 126
 трещать, 207–210
 трещок, 333
 Троица, 245, 249
 тронница, 624
 тронька, 88
 тропá, 624
 тропинка, 624
 тропинник, 202
 трóпка, 624
 тропняк, 202
 тросняг, 624
 трóшечки, 120
 трóшки, 120
 Трудник, 264
 трудной, 124
 трус, 122

- тру́ска, 122
 трушля́к, 115
 трюка́н, 333
 тряпье́, 271, 273
 трясови́на, 625
 тряхотьё́, 271
 тугоси́ся, 117, 123
 тугособа́я, 123
 тугособа́я ко́рова, 117
 тугуно́к, 401
 тунне́ль, 125
 турча́ть, 209, 211
 турче́лка, 333
 турчо́к, 333
 ту́точки, 120
 ту́тошний, 110
 тцú-тцú-тцú, 312
 тыква́ч, 122
 ты́рло, 625
 тюи́ть-тюи́ть, 312
 тюктя́, 85
 тюря́, 96
 Тюря́к, 263
 тютина́, 84
 Тюхня́, 263
 тю́шка-тю́шка, 312
 тяпа́, 96
 тяпушка́, 96

 убирать́, 89
 убогие блины́, 249
 убойно́, 93
 убойное место́, 84
 ува́л, 33, 434
 ува́ль, 33, 433, 434
 уварива́ться, 512
 уве́жливый, 110, 124
 увеша́нье, 93
 увзю́м, 95

 угловка́, 91
 угол, 244, 245, 625
 угбо́р, 524, 527
 угбо́рка, 119
 ударя́ть, 507
 уж, 636
 ужи́ще, 636
 ужодбо́л, 529
 узва́р, 114
 узва́рчик, 114
 узё-узё́, 312
 узоло́к, 124
 уклёкнуть, 294
 Улук, 263
 улюкты́, 162
 умереть, 249
 умо́рыш, 310
 уничтожа́ть, 510
 упа́д, 626
 упа́дина, 626
 упасть, 244, 246
 управля́ться, 111
 уса́ч, 402
 усватать, 432
 усвататься́, 432
 успенская просви́рка, 248, 250
 ута́к, 117, 521
 утапты́вать, 507
 утопиться́, 511
 утрамбовыва́ть, 507
 утренева́ти, 248
 утренева́ть, 245
 ўтрешник, 114
 утюжи́ть, 508
 ухондо́каться, 111
 уча́сток, 626
 учкúр, 114

 фасоля́ник, 132

 фа́тка, 119
 Фефе́ла, 262
 фо́ртка, 116
 фо́рточка, 116
 Фролов день, 249
 фрúкта́, 119
 фу́к, 308

 хабольник, 259, 260
 хавро́ша, 307
 хайтарка́, 374
 халапо́нина, 271
 хандруча́ть, 312
 Ха́птарга, 374
 Хапта́рка, 374
 ха́птарка, 374
 ха́пторга, 374
 Ха́пторка, 374
 ха́птурка, 374
 харови́на, 268, 271
 харя́к, 304, 305
 ха́та, 116, 446, 448, 450
 хва́кт, 439
 хвами́лия, 105
 хванарь, 438
 хвартук, 438
 хва́та, 105
 хва́тка, 119
 хвёлый, 310
 хво́лый, 310
 хвонт, 439
 хво́я, 200
 херувимский лада́н, 248, 250
 херувимы́, 246
 хибарка́, 446, 449
 Хи́рбос, 376
 Хи́рвас, 376
 хлам, 268, 271, 273

- хламёшко, 271, 273
 хламовіна, 271, 273
 хлеб, 244
 хлев, 446, 450
 хлевушок, 446, 450
 хлопúшка, 197
 хлын, 259, 260
 хлынец, 259, 260
 хлыстень, 259, 260
 хлюст, 402
 хма́ра, 119
 хма́рно, 119
 хма́рыться, 119
 хмель, 125
 ход, 115, 627
 ходить, 248
 хозя́ин, 126
 холзак, 401
 холо́дный борщ, 114
 холостить, 509
 холст, 278, 280
 холстяну́шка, 278
 холщóвина, 278, 280
 холщóвинка, 278
 холщóвица, 278
 холщóвое, 278, 280
 хор, 375
 Хо́ра, 375
 хора, 375
 Хо́раха́пт, 375
 Хо́рка, 375
 хоровина, 271
 хоромина, 448, 450
 хоромы, 446, 448
 хоругвь, 246
 хостяно́е, 278
 хохлатушки, 276
 хо́хол, 276, 402
 хохолье, 271
 хохольё, 276
- храм, 247
 храмина, 247
 храмоздательная
 грамота, 249
 храндуча́ть, 312
 хранцуз, 438
 хресцы, 248
 христарадничать,
 244, 248
 христовник, 247, 248
 христовское яйцо,
 248
 христовщина, 248
 христопродавец,
 244, 248
 христосанье, 244,
 245, 248
 христосаться, 244,
 248
 христосики, 246, 247
 хронт, 105
 хрундуча́ть, 312
 хрындуча́ть, 312
 хрюка́ло, 306
 хрюка́ч, 306, 308
 хрюля, 306, 308
 хрю́ндик, 308
 хрюно́к, 308
 хрюська, 308
 хрюта, 306
 хрючка, 306
 хрюша, 306
 хрюшка, 306
 хряк, 122, 305
 хрячо́к, 305
 хрящо́к, 308
 хто, 105
 худóба, 117, 310
 худорба́, 109
- худудúд, 117
 ца́кнуть, 111
 цверкúнь, 333
 цверчо́к, 333
 цвет, 429, 433, 434
 цвири́кать, 207
 цви́ркать, 209, 211
 цвиркотáть, 209, 211
 цвиркúн, 330
 цвирча́ть, 209, 211
 цебор, 115
 целепега, 259, 261
 цепа́ва, 237
 це́почка, 237
 цепь, 237
 церквушка, 247
 церковь, 247
 циркúль, 333
 циркúн, 326, 330
 циркúнчик, 333
 циркúнь, 330
 цоб-цобé, 117
 цыга́ночка, 119
 цыга́нский табáк,
 197
 чабарь, 259, 261
 чага́рник, 628
 ча́кан, 119
 чамра, 388, 628
 чапан, 446
 чапары́жник, 203
 чарóхи, 123
 чару́ши, 123
 чаша, 247
 ча́шка, 124
 ча́ща, 199, 200
 чаша́ра, 199, 200
 чвёрсты́й, 125

- чеба́к, 404
 че́боты, 114
 чебре́чик, 119
 чевря́к, 633, 638
 чеймода́н, 124
 чемерге́с, 123
 чепе́ц, 30
 чепля́ть, 125
 че́пчик, 30
 че́рва, 633, 638, 639
 черва́к, 633, 638
 черви́ха, 633, 638,
 639
 червь, 633, 638, 639
 червя́к, 633, 638, 639
 че́ревь, 633, 638
 череда́, 117
 черёмный, 72
 черему́ха, 200
 чере́пной, 122
 черепо́к, 115
 черепу́шка, 115
 черепья́ный, 122
 черменига, 66, 72
 че́рмный, 72
 че́рная ба́рыня, 117,
 122
 черная малина, 68
 черненига, 72
 черне́нка, 72
 чернига, 74
 черника, 74
 черница, 74
 черничка, 66
 чернишник, 66, 67,
 74
 черно́пуз, 119
 че́рный пол, 116
 черныш, 401
 че́рт, 333
- чесать, 507
 четверть, 434
 че́хлик, 30, 31
 чехля́к, 30, 31
 че́хольник, 30, 31
 чивка́ть, 207–209,
 211
 чивку́н, 333
 чивя́ки, 114
 чика́ть, 209
 чикота́ть, 209, 210
 чику́н, 333
 чикуха́, 115
 чилюка́н, 333
 чимчикова́ть, 111
 чина́рик, 119
 чи́ргать, 210
 чири́кать, 210
 чи́ркать, 207, 209–
 211
 чиркота́ть, 209
 чирку́н, 326, 330
 чиро́к, 333
 чи́стик, 115
 чи́стить, 111
 чубя́ра, 109
 чувáл, 116
 чувырка́ть, 209
 чувя́ки, 390
 чудо, 247
 чужесильник, 260
 чужеспинник, 260
 чуйка, 446
 чуку́н, 333
 чу́лки, 124
 чурку́н, 333
 чурюка́н, 330
 чурю́кать, 207, 209,
 211
 чуто́к, 120
- чухма́рик, 311
 чу́шка, 307
 чуя́ки, 114
- шабала, 271
 шабудьё, 271
 шабу́р, 271, 276
 шабура, 271, 276
 шабу́рина, 272, 276
 шабурьё, 272
 шавкуны́, 117
 ша́вочки, 117
 ша́йка, 110
 шалабо́лина, 272
 шалаган, 260
 шалалай, 260
 шалашо́лка, 272, 275
 шалашо́лье, 272, 275
 шалберник, 260
 шальы́га, 524
 шаль, 28, 29
 шаля́, 28
 шамра, 388, 628
 шамши́ка, 122
 Шамшура, 34
 шамщу́ра, 30, 33
 шанберник, 260
 шаны́га, 260
 шар, 126
 шара, 269
 шараба(о)ра, 269
 шара́бора, 268, 269,
 272
 шáткий, 311
 шва́чка, 122
 шво́рка, 116
 шелёванный дом,
 117
 шелковье́, 278, 280
 шелудивы́й, 310

- шелушка, 119
 шемела, 260
 шептáть, 113
 шерстяно́е, 278–280
 шибка, 117
 Шипшина, 51
 широколи́ст, 202
 широколо́бка, 399, 401
 ши́ц, 312
 ши́шка, 113
 ши́шки, 219, 268–270
 ши́шки-ма́рышки, 269, 272
 шкандыба́ть, 111
 шкорбо́тья, 114
 шко́рка, 114
 шкура, 271
 шкурить, 507
 шку́рочка, 126
 шла́нга, 125
 шлык, 28, 30, 32
 шлы́чка, 30, 114
 шма́тьё, 270, 272
 шмоня, 261
 шмота́нина, 272
 шмоти́на, 272
 шмотки, 270
 шмотовьё, 268, 270
 шмотьё, 268, 270, 272
 шму́тки, 268, 270
 шолошб́лок, 272, 276
 шором-бором, 269, 272
 Шостое, 249
 шоферова́ть, 111
 шохра, 203
 шпак, 117
 шпа́нка, 119
 шпиль, 629
 шпору́ш, 119
 штур, 635
 шубняк, 446
 шубянки, 418
 шум, 629
 шумы, 629
 шундры-мундры, 269
 ща́вель, 200
 щего́лка, 237
 щедрова́ть, 113
 щедрожо́пый, 110
 щекóлка, 237
 щекота́ть, 210
 щелочи́ть, 226
 щельга, 524
 щери́ца, 119
 щётка, 116
 щолоб, 548, 549
 щур, 633, 635, 638, 639
 шура, 633, 639
 Эта, 162
 юр, 630
 юха́, 114
 юшка, 114, 124
 явангильчик, 246, 247
 ягода, 67, 68
 ягодиночка, 98
 яго́дка, 98
 яго́дка изюмо́чка, 98
 яго́дная сторо́на, 84
 яз, 630
 язови́ще, 630
 язы, 630
 яйчи́к, 110, 119
 яйцо, 245
 ялдаши́, 123
 яма, 388, 529
 яндова, 153, 154
 яр, 524, 526, 527
 ярдань, 246
 ярка, 433, 434
 ярлы́га, 115
 яру́га, 524, 526
 яры́га, 524
 ясен, 125
 яскозо́б, 408, 410
 яскозу́б, 408, 410
 ящур, 633, 638

Научное издание
Лексический атлас русских народных говоров
(Материалы и исследования)
2017

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Подписано в печать 29.12.2017. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 42.875
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23

